

Эпоха Реформации

Презервед Смит

The Age of the Reformation

Preserved Smith

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга Эпохи Реформации

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эпоха Реформации

Автор: Презервед Смит

Дата выхода: 20 июля 2006 [Электронная книга №18879]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Элом Хейнсом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ" ***

Электронный текст подготовлен Элом Хейнсом

Примечание переписчика:

В оригинальной книге подразделы различных ее глав обозначались символом "section". В этом электронном тексте этот символ был заменен словом "РАЗДЕЛ". Там, где два из этих символов были вместе, они были заменены словом "РАЗДЕЛЫ".

Сноски были перенесены в конец раздела, в котором они появляются, а не в конец главы, содержащей этот раздел.

В оригинальной книге было много пометок на полях слева и справа. Некоторые из этих дополнительных сносок находились в начале абзаца, некоторые были размещены в другом месте рядом с абзацем в связи с тем, на что ссылалась дополнительная сноска внутри абзаца. В этом электронном тексте дополнительные примечания, которые появились в начале абзаца в оригинальной книге, помещены перед ссылочным абзацем. Все остальные примечания заключены в квадратные скобки и помещены в абзац рядом с тем местом, где они были в оригинальной книге.

Некоторые даты в этой книге сопровождаются маленьким символом кинжала или меча, обозначающим год смерти человека.

Поскольку этого символа не существует в наборе символов ASCII, я заменил его на "d".

Номера страниц в этой книге обозначены цифрами, заключенными в фигурные скобки, например {99}. Они расположены там, где в оригинальной книге происходили разрывы страниц. Это было сделано только в основных главах книги (I-XIV), а не во вступительной части. Что

касается Библиографии и Указателя, то номера страниц указаны только в начале каждого из этих двух разделов.

ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ

Автор: Презервед СМИТ, доктор философии .

Нью - Йорк

Генри Холт и компания

Американский исторический сериал

Главный редактор

Чарльз Х. Хаскинс

профессор истории Гарвардского университета

Авторское право, 1920

Генри Холт и Компания

VITA CARIORI FILIOLAE PRISCILLAE SACRUM

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поводом для написания еще одной истории Реформации является необходимость соотнести это движение с экономическими и интеллектуальными революциями шестнадцатого века. Любовный труд, необходимый для выполнения этой задачи, занимал большую часть моего досуга в течение последних шести лет и был моим спутником в превратностях горя и радости. Большая часть удовольствия, полученного от выполнения этой задачи, была получена от общения с друзьями, которые щедро предоставили в мое распоряжение свое время и мысли. Прежде всего, профессор Чарльз Х. Хаскинс из Гарварда, внимательно прочитав всю рукопись и корректуру, таким образом, предоставил мне неограниченную пользу от своих глубоких знаний и зрелых и здравых суждений. После него книга больше всего обязана моему доброму другу, преподобному профессору Уильяму Уокеру Рокуэллу из Семинарии Юнион, который добавил ко многим другим оказанным мне услугам тщательный пересмотр глав I-VIII, главы XIV и части главы IX. Преподобный доктор Питер Гилдей из Вашингтонского католического университета, хотя и неизвестный мне лично, согласился с присущей ему любезностью и вежливостью прочитать главы VI и VIII и часть главы I. Я благодарен профессору Н. С. Б. Грасу из Университета Миннесоты за прочтение той части книги, которая непосредственно касается экономики (глава XI и часть главы X); и профессору Фредерику А. Сондерсу из Гарварда за аналогичную услугу по техническому пересмотру раздела о науке в главе XII. Признавая с искренней благодарностью бесценные услуги этих выдающихся ученых, было бы справедливо снять с них всякую ответственность за любые опрометчивые заявления, которые, возможно, ускользнули от их внимания, а также за любые выводы, с которыми они могли не согласиться.

За информацию о рукописях и редких книгах в Европе я благодарю моих добрых друзей: мистера П. С. Аллена, библиотекаря Мертон-колледжа в Оксфорде, столь успешного редактора

"Посланий Эразма"; и профессора Каррингтона Ланкастера из Университета Джона Хопкинса. Нескольким библиотекам я многим обязан за использование книг. Мой друг, профессор Роберт С. Флетчер, библиотекарь Амхерстского колледжа, часто присылал мне тома из этого превосходного книжного магазина. Моя сестра, профессор Уинифред Смит из колледжа Вассар, добавила ко многим личным заслугам вот это: в течение четырех лет, проведенных мной в Покипси, я имел возможность пользоваться библиотекой Вассара. Я благодарю мисс Эми Рид за ее добрые услуги, а также за доброту библиотекаря. Мой отец, преподобный доктор Генри Сэрвилд Смит, профессор и библиотекарь Теологической семинарии Юнион, часто присылал мне редкие книги из этой библиотеки; и я не могу упомянуть об этом, наименьшем из его одолжений, не добавив, что я многим обязан ему как вдохновением для подражания, так и средствами для продолжения научной карьеры. Я также признателен библиотекам Колумбии и Корнелла за использование книг. Но эту работу вообще было бы нелегко выполнить без средств, предлагаемых Гарвардской библиотекой. Когда я приехал в Кембридж, чтобы насладиться богатствами этого хранилища, я обнаружил, что великий университет не менее гостеприимен к незнакомцу, переступившему порог его ворот, чем он плодovit великими сыновьями. После того, как я уже был по уши в долгу перед библиотекарем, мистером У. К. Лейном, и многими профессорами, короткий период работы в Гарварде в качестве преподавателя истории заставил меня почувствовать, что я больше не чужой, но что я могу считать себя, в некотором роде, одним из его граждан и приемных сыновей, по крайней мере, выпускником *dimidiatus*.

Этой книгой я обязан моей жене больше, чем она, возможно, осознает. С момента нашего брака она не только стремилась дать мне свободу для моей работы, но и давала чрезвычайно ценные литературные советы, основанные на ее собственном опыте писателя и критика, и она внимательно прочитала корректуры.

СОХРАНИВШИЙСЯ СМИТ.

Кембридж,
Массачусетс,
16 мая 1920 года.

Содержание

Страница

ГЛАВА I. СТАРОЕ И НОВОЕ 3

1. Мир. Экономические изменения в позднее средневековье. Подъем буржуазии. Национализм. Индивидуализм. Изобретения. Книгопечатание. Исследования. Университеты.
2. Церковь. Папство. Констанцкий и Базельский соборы. Savonarola.
3. Причины Реформации. Коррупция церкви - не главная причина. Состояние церкви. Индульгенции. Рост нового типа мирского благочестия. Столкновение нового духа со старыми идеалами.
4. Мистики. *Немецкая теология*. Таулер. *Подражание Христу*.

5. Дореформаторы. Вальденсы. Оккам. Виклиф. Гус.

6. Национализация церквей. Англиканская церковь. Галликанская церковь. Немецкая церковь. Гравamina.

7. Гуманисты. Valla. Pico della Mirandola. Лефевр д'Этапль. Колет. Reuchlin. *Epistolae Obscurorum Virorum*. Hutten. Эразмус.

ГЛАВА II. ГЕРМАНИЯ 62

1. Лидер. Ранняя жизнь Лютера. Оправдание только верой. *Девяносто пять тезисов*. Лейпцигские дебаты. Революционные брошюры 1520 года.

2. Революция. Положение Германии. Максимилиан I. Карл V. Булла *Exsurge Domine*, сожженная Лютером. Лютер в Вормсе и в Вартбурге. Беспорядки радикалов. Восстание рыцарей. Попытки реформ на Нюрнбергском сейме 1522-4. Восстание крестьян: экономические причины, пропаганда, ход войны, подавление.

3. Образование протестантской партии. Дезертирство радикалов: анабаптисты. Дезертирство интеллектуалов: Эразм. Сакраментальный раскол: Цвингли. Рост лютеранской партии среди высшего и среднего классов. Церковное устройство Лютера. Присоединение многих вольных городов, Эрнестинской Саксонии, Гессена, Пруссии. Баланс сил. Сдача Шпилей в 1529 году; Протест.

4. Рост протестантизма до смерти Лютера. Аугсбургский сейм 1530 года: исповедь. Присоединение к протестантизму. Религиозные переговоры. Последние годы жизни Лютера, его смерть и характер.

5. Религиозная война и религиозный мир. Шмалькальдская война. Промежуточный период. Аугсбургский мир 1555 года. Католическая реакция и протестантские расколы.

6. Обратите внимание на Скандинавию, Польшу и Венгрию.

ГЛАВА III. ШВЕЙЦАРИЯ 146

1. Цвингли. Швейцарская конфедерация. Подготовка к Реформации. Ранняя жизнь Цвингли. Реформация в Цюрихе. Поражение Каппеля.

2. Кальвин. Фарель. Ранняя жизнь Кальвина. *Институты христианской религии*. Реформация в Женеве. Теократия. Либертинцы. Сервет. Характер и влияние Кальвина.

ГЛАВА IV. ФРАНЦИЯ 182

1. Возрождение и Реформация. Состояние Франции. Франциск I. Война с Карлом. Христианское Возрождение. Лютеранство. Отступничество гуманистов.

2. Кальвинистская партия. Генрих II. Экспансия Франции. Рост и преследование кальвинизма.

3. Религиозные войны. Екатерина Медичи. Резня в Васси. Восстание гугенотов. Резня Святого Варфоломея. Лига. Генрих IV. Нантский эдикт. Неудача протестантизма в завоевании Франции.

ГЛАВА V. НИДЕРЛАНДЫ 234

1. Лютеранская реформа. Бургундское государство. Истоки Реформации. Преследования. Анабаптисты.
2. Восстание кальвинистов. Национальные чувства против Испании. Финансовые трудности Филиппа II. Эгмонт и Вильгельм Оранский. Новые епископства. Компромисс. "Нищие". Террор Альвы. Реквизенс. Осада Лейдена. Восстание Севера. Раздел Нидерландов. Фарнезе. Голландская республика.

ГЛАВА VI. АНГЛИЯ 277

1. Генрих VIII и Национальная церковь. Характер Генриха VIII. Внешняя политика. Вулси. Раннее лютеранство. Новый Завет Тиндейла. Трактаты. Антиклерикальные настроения. Развод Екатерины Арагонской. Подчинение духовенства. Парламент Реформации 1520-30. Закон о сдерживании апелляций. Закон о престолонаследии. Акт превосходства. Кранмер. Казнь Мора. Томас Кромвель. Роспуск монастырей. Союз Англии и Уэльса. Союз со Шмалькальдской лигой. Символы веры. Паломничество благодати. Реакция католиков. Война. Банкротство.
2. Реформация при Эдуарде VI. Регентство в Сомерсете. Отмена законов о государственной измене и ереси. Быстрый рост протестантского мнения. Книга общей молитвы. Социальные беспорядки. Заговор Нортумберленда и Саффолка.
3. Католическая реакция при Марии. Провозглашение королевы Джейн. Восшествие на престол и политика Марии. Отмена реформаторских актов. Возрождение законов о государственной измене. Протестантские мученики.
4. Елизаветинское поселение 1558-88. Политика Елизаветы. Соответствующее количество католиков и протестантов. Обращение масс. *Тридцать девять статей*. Англиканская церковь. Подковерная война с Испанией. Восстание северных графов. Казнь Марии Стюарт. Армада. Пуритане.
5. Ирландия.

ГЛАВА VII. ШОТЛАНДИЯ 350

Отсталое положение Шотландии. Отношения с Англией. Кардинал Битон. Джон Нокс. Битва при Пинки. Нокс в Шотландии. Общая группа. Иконоборчество. Эдинбургский мирный договор. Религиозная революция. Исповедание веры. Преступления и низложение королевы Марии. Результаты Реформации.

ГЛАВА VIII. КОНТРРЕФОРМАЦИЯ 371

1. Италия. Языческий ренессанс; христианский ренессанс. Спорадическое лютеранство.
2. Папство 1521-90. Разграбление Рима. Реформы.
3. Тридентский собор. Первый период (1545-7). Второй период (1551-2). Третий период (1562-3). Результаты.

4. Общество Иисуса. Новые монашеские ордена. Лойола. *Духовные упражнения*. Быстрый рост и успехи иезуитов. Их окончательный провал.

5. Инквизиция и Индекс. Средневековая инквизиция. Испанская инквизиция. Римская инквизиция. Цензура прессы. *Указатель запрещенных книг*.

ГЛАВА IX. ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЫ 425

1. Испания. Объединение Испании при Фердинанде и Изабелле. Карл V. Восстания коммун и Эрмандада. Конституция Испании. Испанская империя. Филипп II. Война с морисками. Армада.

2. Исследования. Колумб. Завоевание Мексики и Перу. Кругосветное плавание. Португальские исследования на Востоке. Бразилия. Упадок Португалии. Россия. Турки.

ГЛАВА X. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ 451

1. Численность населения.

2. Богатство и цены. Рост благосостояния в наше время. Цены и заработная плата в шестнадцатом веке. Ценность денег. Динамика цен.

3. Социальные институты. Монархия, государственный совет, парламент. Государственные финансы. Поддержание порядка. Законы о роскоши и "голубые законы". Армия. Военно-морской флот.

4. Частная жизнь и манеры. Знать; профессии; духовенство. Город, дом, одежда, еда, питье. Спорт. Манеры. Мораль. Положение женщин. Здравоохранение.

ГЛАВА XI. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 515

1. Усиление власти денег. Подъем капитализма. Банковское дело. Добыча полезных ископаемых. Торговля. Мануфактура. Сельское хозяйство.

2. Усиление власти денег. Господство буржуазии над дворянством, духовенством и пролетариатом. Классовые войны. Регулирование труда. Пауперизм.

ГЛАВА XII. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ МЫСЛИ 563

1. Библейские и классические исследования. Библии на греческом и иврите. Переводы. Классика. Просторечия.

2. История. История гуманизма и история церкви.

3. Политическая теория. Государство как власть: Макиавелли. Конституционная свобода: Эразм, Лютер, Кальвин, Хотман, Морней, Бодин, Бьюкенен. Радикалы: *утопия*.

4. Естественные науки. Индуктивный метод. Математика. Зоология. Анатомия. Физика. География. Астрономия; Коперник. Реформа календаря.

5. Философия. Католические и протестантские мыслители. Скептики. Влияние теории Коперника: Бруно.

ГЛАВА XIII. ВЕЯНИЕ ВРЕМЕНИ 641

1. Терпимость и нетерпимость. Влияние Возрождения и Реформации.
2. Колдовство. Причины мании. Протестует против этого.
3. Образование. Школы. Эффект реформации. Университеты.
4. Искусство. Выраженные идеалы. Покраска. Архитектура. Музыка. Влияние реформации и контрреформации.
5. Чтение. Количество книг. Типичные темы. Величие шестнадцатого века.

ГЛАВА XIV. РЕФОРМАЦИЯ ИНТЕРПРЕТИРОВАЛА 699

1. Религиозные и политические интерпретации. Бернет, Боссюэ, Слэйдан, Сарпи.
2. Рационалистическая критика. Монтескье, Вольтер, Робертсон, Юм, Гиббон, Гете, Лессинг.
3. Либерально-романтическая оценка. Гейне, Мишле, Фруд, Гегель, Ранке, Бакль.
4. Экономическая и эволюционная интерпретации. Маркс, Лампрехт, Бергер, Вебер, Ницше, Трольч, Сантаяна, Харнак, Бирд, Янссен, Пастор, Эктон.
5. Итоговая оценка.

БИБЛИОГРАФИЯ 751

ИНДЕКС 819

{3}

ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ

ГЛАВА I

СТАРОЕ И НОВОЕ

РАЗДЕЛ 1. МИР.

Хотя в каком-то смысле каждая эпоха является переходной и каждое поколение видит, как мир перестраивается, иногда происходят перемены настолько поразительные и глубокие, что это кажется началом нового сезона великого для мира года. Зимние снега тают неделями, дуют холодные ветры и проливаются прохладные дожди, и мы не видим никаких изменений до тех пор, пока, почти в течение нескольких дней, листья и цветы не распускают свою зелень, и не наступает весна.

Такое изменение в окружении и привычках человека, какое мир редко видел, произошло в поколении, достигшем ранней зрелости в 1500 году. [Примечание: 1483-1546] За одну жизнь — для удобства давайте возьмем жизнь Лютера в качестве нашей меры — люди открыли, не в метафоре, а на самом деле, новое небо и новую землю. В те дни массы людей начали читать множество книг, приумноженных новым искусством книгопечатания. В те дни бессмертные

художники пронизывали мир насквозь несравненным сиянием цвета и смысла. В те дни Васко да Гама, Колумб и Магеллан открыли водные пути к новым землям за семью морями. В те дни Коперник установил важную истину о том, что земля была всего лишь крошечной планетой, вращающейся вокруг несравненно большего солнца. В те дни был в значительной степени завершен экономический переход от средневекового позолоты к современному производству с помощью капитала и заработной платы. В те дни богатство скапливалось в сундуках торговцев, и жизни отдельного человека, нации и третьего сословия была дана новая власть. В те дни монархия Римской церкви была сломлена, и большая часть ее владений отделилась, чтобы сформировать новые организации, управляемые другими силами и движимые другим духом.

[Примечание: Предшествующие события Реформации]

Другие поколения были свидетелями одной революции за раз, в шестнадцатом веке произошло три: расцвет капитализма, конец эпохи Возрождения и начало Реформации. Все три, взаимодействуя, модифицируя друг друга, конфликтуя, как это иногда бывало, в равной степени были последствиями в разных областях предшествующих изменений в обстоятельствах жизни человека. Вся жизнь - это приспособление к окружающей среде; и таким образом, из каждого изменения условий, в которых живет человек, обычно вызванного открытием им новых ресурсов или доселе неизвестных законов природы, должны вытекать изменения в его образе жизни. Каждая революция - это всего лишь приспособление к новой ситуации, интеллектуальной или материальной, или и той, и другой.

[Примечание: Экономическое]

Несомненно, экономические и психологические факторы одинаково повлияли на возникновение трех революций. Наиболее общей экономической силой был переход от "натуральной экономики" к "денежной экономике", т.е. от общества, в котором платежи производились главным образом путем обмена товарами и услугами, к обществу, в котором деньги были одновременно средством обмена и стандартом стоимости. В средние века производство было в основном кооперативным; земля принадлежала деревне и была распределена между каждым земледельцем для обработки почвы или между всеми совместно для выпаса скота. Производство и торговля были организованы гильдией — обществом равных, с одинаковым характером труда и одинаковым вознаграждением для каждого, и без каких-либо различий, кроме различий по старшинству — подмастерье, рабочий, мастер-рабочий. Но {5} в позднее Средневековье и более быстрыми темпами к их концу эта система рухнула из-за необходимости увеличения капитала в производстве и возможности обеспечить его за счет увеличения богатства и банковской техники, которые сделали возможными инвестиции, быстрый оборот капитала и корпоративное партнерство. Увеличение богатства и изменившийся способ его производства были в значительной степени причиной трех событий, которые, в свою очередь, стали причинами революции: подъема буржуазии, национализма и индивидуализма.

[Примечание: буржуазия]

Точно так же, как дворяне изнемогали в междоусобицах и видели, как их замки разносятся вдребезги из пушек, точно так же, как духовенство изнемогало в безделье и подвергалось насмешкам гуманистов, возник новый класс, жаждущий и способный встать у руля цивилизации, - богатые горожане и торговцы. *Какими бы нуворишамии* они ни были, у них была непревзойденная тяга к удовольствиям и показухе, любовь к миру и нетерпение к кроткой и

непритязательной церкви с ее идеалами бедности и целомудрия. В своих роскошных домах, где царил досуг, они приютили искусство, которое делало жизнь богаче, и философию, или религию, которая давала им чистую совесть в работе, которую они любили. И эпоха Возрождения, и Реформация были обитателями городов и торговых центров.

[Примечание: Национальные государства]

Отчасти подъем третьего сословия, но отчасти и культурные факторы, такие как совершенствование современных языков, сделали национальное государство одним из характерных продуктов современности. Коммерция нуждается в порядке и сильном правительстве; люди, которые платили волынщикам, задавали тон; полиция и профессиональные военные сделали государство, когда-то столь измученное феодальными войнами, мирным домом и наводящим ужас за границей. Если следствием этого было увеличение королевской власти, то короли были среди тех, кому навязывали величие, а не добивались его сами. {6} Они были всего лишь символами новой, гордо сознательной нации и полицейскими комиссарами крупных банкиров и торговцев.

[Примечание: Индивидуализм]

Реакция нарождающегося капитализма на индивида была не менее заметной, чем на государство и общество, хотя это было не единственной причиной нового чувства личной ценности. Точно так же, как проблемы науки и искусства стали наиболее привлекательными, экономические силы создали человека, обладающего достаточным досугом и ресурсами для их решения. В средние века люди были менее предприимчивыми и менее застенчивыми. Они думали не столько о себе как об отдельных личностях, сколько о своей принадлежности к группам. Народы были разделены на четко выраженные сословия, или классы; промышленность была кооперативной; даже великое искусство соборов было скорее золотым ремеслом, чем выражением единого гения; даже образование было совместной собственностью университетов, а не частным накоплением одинокого ученого. Но с каждым расширением эго, будь то за счет приобретения богатства, образования или гордости за великие подвиги, возрастало самосознание и уверенность в себе, и это было сущностью индивидуализма, который так часто отмечали как один из контрастов между новым временем и средневековьем. Ребенок, дикарь и в значительной степени недисциплинированный ум во все периоды жизни и истории осознает только объект; тренированный и неторопливый интеллект обнаруживает, буквально путем "размышления", субъективное. Тогда он больше не довольствуется тем, чтобы быть чем-то меньшим, чем он сам, или быть потерянным в чем-то большем.

Как раз в тот момент, когда люди снова начали преувеличивать свои собственные силы, произошла серия открытий, которые полностью изменили мир, в котором они жили. Некоторые, казалось бы, тривиальные технические изобретения вносят столь значительные изменения в человеческие мысли и привычки, что иногда {7} кажется, что гонка подобна ребенку, который сел в локомотив и наполовину случайно завел его, но не смог ни направить, ни остановить. Цивилизация родилась с великими изобретениями огня, орудий труда, одомашниванием животных, письменностью и навигацией - все это, вместе с важными астрономическими открытиями, было сделано до начала письменной истории. На этом капитале человечество торговало в течение нескольких тысячелетий, поскольку ни классические времена, ни Темные века мало что добавили к практическим наукам. Но, начиная с тринадцатого века, открытие

следовало за открытием, каждое из которых по своим последствиям было более важным, чем предыдущее. Возможно, одним из первых шагов было восстановление утраченных позиций путем реставрации классики. Готическое искусство и народная литература свидетельствуют об интеллектуальной активности того времени, но они не создали новых элементов жизни, которые были созданы изобретателями.

Какие перемены в частной жизни произошли с появлением дымоходов и стеклянных окон, поскольку стекло, хотя и было известно с древних времен, обычно не применялось для закрывания отверстий, которые, как следует из этимологии английского слова, пропускали ветер! К пятнадцатому веку способность линз увеличивать и преломлять была использована в качестве зеркал, затем в качестве очков, за которыми два столетия спустя последовали телескопы и микроскопы. Теперь полезные химические вещества впервые стали применяться в различных производственных процессах, таких как лужение железа. Компас, с его странной способностью указывать на север, вел моряка по неизведанным морям. Безвестный изобретатель пороха произвел революцию в военном искусстве больше, чем все знаменитые завоеватели, а в государственном устройстве - больше, чем любой из прославленных законодателей древности. Столь же безвестный изобретатель механических часов — значительного усовершенствования старых песочниц, стаканов для воды и свечей — сделал возможными новую точность и регулярность повседневной жизни, несказанную экономию времени и усилий.

[Примечание: Печать]

Но все остальные изобретения уступают изобретению книгопечатания, славе Джона Гутенберга из Майнца, одного из тех бедных и в свое время безвестных гениев, которые добиваются осуществления великой идеи, принося в жертву самих себя. Спрос на книги рос в течение длительного времени, и прилагались все усилия, чтобы воспроизвести их как можно быстрее и дешевле руками опытных переписчиков, но применение этого метода дало незначительный результат. Появление бумаги вместо более старого пергамента стало одним из необходимых условий для увеличения количества дешевых томов. В начале пятнадцатого века искусство резчика по дереву и гравера продвинулось достаточно далеко, чтобы позволить печатать некоторые книги таким способом, *то есть* с резных блоков. Обычно это делалось или поначалу делалось только с книгами, в которых небольшое количество текста сопровождалось большим количеством иллюстраций. Сохранилось, например, шесть изданий *Biblia Pauperum*, оттиснутых этим методом. Впоследствии он был применен, главным образом в Голландии, к нескольким другим книгам, на которые был большой спрос, например, к латинской грамматике Доната и путеводителю по Риму, известному как *Mirabilia Urbis Romae*. Но в лучшем случае этот метод был крайне неудовлетворительным; блоки быстро изнашивались, текст был размытым и трудночитаемым, первоначальные затраты были большими.

Таким образом, существенной особенностью изобретения Гутенберга была не печать, как следует из названия, а типографика, или использование шрифта. Сначала печатник вырезал букву из твердого металла, это называлось пуансоном; с его помощью он отштамповал форму, известную как матрица {9}, в которой ему удалось получить большое количество абсолютно идентичных типов металла, обычно свинца.

Они, помещенные рядом в футляр, впервые позволили напечатать по разумной цене большое количество копий одного и того же текста, и, когда это было сделано, шрифты можно было разобрать и использовать для другой работы.

Самым ранним сохранившимся образцом печати — не считая нескольких недатированных писем—снихождений -является фрагмент о страшном суде, завершенный в Майнце до 1447 года. В 1450 году Гутенберг заключил партнерство с богатым ювелиром Джоном Фустом, и в течение следующих пяти лет их типография выпустила знаменитую Библию с 42 строками на странице и Донатус (латинскую грамматику) из 32 строк. Печатник Библии с 36 строками на странице, которая является следующим старейшим сохранившимся памятником, по-видимому, был помощником Гутенберга, который основал независимую типографию в 1454 году. Разборчивые, аккуратные, сравнительно дешевые, эти книги раз и навсегда продемонстрировали успех нового искусства, хотя в отношении инициалов с подсветкой они все еще зависели от руки переписчика.

[Примечание: Книги и чтение]

В те дни, когда еще не было патентов, новое изобретение распространялось с поразительной быстротой, достигнув Италии в 1465 году, Парижа в 1470 году, Лондона в 1480 году, Стокгольма в 1482 году, Константинополя в 1487 году, Лиссабона в 1490 году и Мадрида в 1499 году. Лишь несколько отсталых стран Европы остались без типографии. К 1500 году известны имена более тысячи типографов и названия примерно 30 000 печатных произведений. Если предположить, что тиражи были небольшими, в среднем 300 экземпляров, то к 1500 году в Европе насчитывалось бы около 9 000 000 книг, по сравнению с несколькими десятками тысяч рукописей, которые в последнее время хранили все драгоценные знания времени. Через несколько лет цены на книги упали до одной восьмой от того, что были раньше. "Нежный читатель" начал свою карьеру.

{10} Важность книгопечатания трудно переоценить. В мировой истории мало подобных событий. Это высвободило весь гигантский размах современной демократии и научного духа. Завеса в храме религии и знания была разорвана надвое, и тайна священника и служащего открылась взорам людей. Читающая публика стала верховным судом, в котором с этого времени должны рассматриваться все дела. Конфликт мнений и партий, привилегий и свобод, науки и мракобесия был перенесен из тайных комнат небольшого, привилегированного, профессионального и жреческого кружка на арену читающей публики.

[Примечание: Исследование]

Удивительно, но факт, что в течение пятидесяти лет после этого подвига человечество достигло еще одного подобного ему в совершенно иной сфере. Ужас моря был присущ древнему миру; чтобы отправиться в океан, требовалось сердце из дуба и тройной бронзы, и его уничтожение было одним из благословений новой земли, обещанных Апокалипсисом. На протяжении веков Европа оставалась закрытой от моря, пока отважные португальские мореплаватели, продвигаясь все дальше и дальше на юг вдоль побережья Африки, наконец, не обогнули мыс Доброй Надежды - подвиг, впервые совершенный Бартоломью Диасом в 1486 году, хотя Васко да Гама достиг Индии этим способом только в 1498 году.

Все еще непокоренной оставалась бурная и ужасная Атлантика,

"Там, за крайней морской стеной,
и между отдаленными морскими воротами,
плещутся сточные воды, и терпят крушение высокие корабли,
и ждет глубокая смерть".

Но ковчег Европы нашел своего голубя — как означает имя Колумб, — который летал над бурными западными волнами и приносил ей вести о незнакомых странах. Эффект этих открытий, огромный и все более важный с материальной точки зрения, впервые был ощутим в расширении воображения. Камюэнс написал эпос о Да Гаме, Мор поместил свою Утопию в Америку, а Монтень размышлял о любопытных обычаях краснокожих. Ариосто писал о чудесах нового света в своей поэме, и Лютер иногда упоминал о них в своих проповедях.

[Примечание: Университеты]

Если книгопечатание открыло широкую дорогу к народному образованию, нельзя было пренебрегать и другими, более формальными средствами достижения той же цели. Одним из величайших нововведений средневековья был университет. Эти постоянные корпорации, занимавшиеся развитием образования и наставлением молодежи, впервые возникли в начале XII века в Салерно, Болонье и Париже. Как ответвления от них или в подражание им, множество подобных учреждений возникло в каждой стране Западной Европы. Последняя половина пятнадцатого века была особенно богата такими фондами. В Германии с 1450 по 1517 год было открыто не менее девяти новых академий: Грайфсвальд 1456, Фрайбург в Брайсгау 1460, Базель 1460, Ингольштадт 1472, Тревес 1473, Майнц 1477, Тюбинген 1477, Виттенберг 1502 и Франкфурт на Одере 1506. Хотя эти учреждения, как правило, основывались на папской хартии и сохраняли сильный церковный колорит, они находились под руководством гражданского правительства.

В тот же период во Франции открыли свои двери три новых университета: Валанс, 1459, Нант, 1460, Бурж, 1464. Все они были переданы под общее руководство местных епископов. Великий Парижский университет постепенно менял свой характер. Из самого космополитичного и интернационального учреждения он быстро становился сильно националистическим и был главным центром галликанизма эпохи Эрастаiana. Его {12} огромный вес, брошенный против Реформации, несомненно, был главной причиной провала этого движения во Франции.

В это время в Испании было открыто семь новых университетов: Барселона 1450, Сарагоса 1474, Пальма 1483, Сигуэн 1489, Алькала 1499, Валенсия 1500 и Севилья 1504. Италия и Англия по-прежнему довольствовались академиями, которые у них уже были, но многие из небольших стран теперь открыли местные университеты. Таким образом, Прессбург был основан в Венгрии в 1465 году, Упсала в Швеции в 1477 году, Копенгаген в 1478 году, Глазго в 1450 году и Абердин в 1494 году. Количество студентов в каждом фонде колебалось, но общее количество неуклонно увеличивалось.

Естественно, расширение сферы высшего образования привело к увеличению количества и совершенству учебных заведений. Особенно примечательна работа Братьев общей жизни, которые посвятили себя почти исключительно обучению мальчиков. Некоторые из их школ, такие как Девентер, приобрели репутацию, подобную сегодняшней Итону или Регби.

Распространение образования было не только заметным само по себе, но и имело более непосредственный результат в предоставлении убежища новым движениям до тех пор, пока

они не стали достаточно сильными, чтобы обходиться без такой поддержки. Знаменательно, что все реформации Виклифа, Гуса и Лютера начались в университетах.

[Побочное примечание: Рост интеллекта]

Когда начинается прилив, волны производят на человека большее впечатление, чем наводнение под ними. За конкретными причинами того или иного развития и далеко превосходящими их лежит действие великих биологических законов, отбирающих тип для выживания, медленно, но верно преобразующих разум и тело людей. То ли из-за естественного отбора обстоятельств, то ли из-за внутреннего побуждения жизненной силы, кажется, нет сомнений в том, что средний интеллект, не ведущих мыслителей или избранных групп, {13} но европейских рас в целом, неуклонно повышался с каждым периодом, в течение которого его можно было измерить. Более того, монашеский обет целомудрия имел тенденцию стерилизовать и, таким образом, уничтожать религиозно настроенных людей. Действующая на протяжении длительного периода и затрагивающая оба пола, эта причина растущей секуляризации мира, хотя ее и не следует преувеличивать, не может быть упущена из виду.

РАЗДЕЛ 2. ЦЕРКОВЬ

В противовес "миру", "церкви". . . . Поскольку Реформация была прежде всего религиозным движением, необходимо дать некоторый отчет о церкви в позднее Средневековье. Как христианство было безукоризненно зачато в сердце галилейского плотника и родилось со словами красоты и силы, каких никогда не произносил ни один другой человек; как оно унаследовало от него еврейский монотеизм и еврейские Священные Писания; как оно было обогащено или усовершенствовано Павлом, который ассимилировал его с современными мистериями с их мифом об умирающем и воскресающем боге и о спасении посредством сакраментального обряда; как оно облачилось в белые одежды греческой философии и со множеством безделушек церемоний и обычаев, позаимствованных из ризницы фламенов; как оно создало новую религию. пантеон святых, занявший место старого политеизма; как он стал сначала капелланом, а затем наследником Римской империи, построив свою церковь на непоколебимой скале Вечного города, утвердив, подобно ей, владычество без границ пространства и времени; как он покорил и укротил варваров; — все это выходит за рамки описания настоящей работы. Но о его дальнейшей судьбе необходимо дать краткий отчет.

[Примечание на стороне: Иннокентий III, 1198-1216]

К 1200 году папы, выйдя победителями из своей долгой борьбы с германскими императорами, успешно заявили о своих притязаниях на {14} сюзеренитет над всей Западной Европой. Иннокентий III захватил феодальные владения и диктовал королям свои условия. Папа, утверждая, что духовная власть настолько же превосходит гражданскую, насколько солнце ярче луны, действовал как наместник Бога на земле. Но это неоспоримое превосходство недолго оставалось неоспоримым. Всего через столетие после Иннокентия III Бонифаций VIII [Примечание: Бонифаций VIII 1294-1303] потерпел поражение в ссоре с королем Франции Филиппом IV, а его преемник, француз Климент V, перенес столицу папской области в Авиньон, фактически подчинил верховных понтификов французскому правительству и таким образом ослабил их влияние в остальной Европе. За этим "Вавилонским пленением" [Прим. автора: Вавилонский плен 1309-76] последовало еще большее несчастье для понтификата, Великая схизма, [Прим. автора: Великая схизма 1378-1417] поскольку попытка вернуть папство обратно в

Рим привела к избранию двух пап, которые вместе со своими преемниками соответственно правили и взаимно предавали друг друга анафеме из двух соперничающих городов. Трудность принятия решения о том, кто был истинным преемником Петра, была настолько велика, что не только европейские королевства разделились в своей верности, но и среди сторонников любой линии можно было найти докторов церкви и канонизированных святых. Не может быть никаких сомнений в том, что уважение к понтификату сильно пострадало из-за раскола, который в некоторых отношениях был прямой подготовкой к еще большему разделению, вызванному протестантским сецессионом.

[Примечание: Соборы —Пиза, 1409, Констанция, 1414-18]

Попытка положить конец расколу на Пизанском соборе привела лишь к избранию третьего папы. Ситуация была окончательно урегулирована Констанцским собором, который низложил двух пап и добился добровольного отречения третьего. Синод еще больше укрепил церковь, казнив еретиков Гуса и Иеронима Пражских и приняв декреты, призванные передать управление церковью в руки представительных собраний. Оно утверждало, что оно {15} имеет власть непосредственно от Христа, что оно является высшим в вопросах веры и дисциплины в той мере, в какой они затрагивают раскол, и что папа не может распустить его без его собственного согласия. Декретом *Frequentes* предусматривалось регулярное созывание советов через короткие промежутки времени. Помимо этого, другие попытки реформировать нравы духовенства оказались безуспешными, поскольку после долгих обсуждений ничего важного сделано не было.

В течение следующего столетия политика пап определялась желанием утвердить свое превосходство над соборами. Базельский Синод [Прим. автора: Базель 1431-43] подтвердил все претензии Констанция и принял ряд законов, направленных на умаление папской власти и лишение понтифика большей части его доходов, полученных нечестным путем, - аннат, сборов за инвеституру и некоторых других налогов. Какое-то время она была успешной, поскольку находилась под защитой правительств Франции и Германии, поскольку, хотя и была распущена папой Евгением IV в 1433 году, она отказалась подчиниться его приказу и в конце концов вымогала у него буллу, подтверждающую соборные претензии на верховенство.

Однако в конце концов папы восторжествовали. Булла *Execrabilis* [Прим. автора: 1458] осудила как возмутительное злоупотребление обращение к будущему собору, и *пастор Вечный* [Прим. автора: 1516] в резких выражениях подтвердил верховенство папы римского, отменив все указы Констанца и Базеля об обратном, а также другие папские буллы.

[Примечание: Секуляризация папства]

В Рим папы прибыли, чтобы занять положение князей одного из итальянских государств, и были избраны, подобно венецианским дожам, небольшой олигархией. В течение семидесяти лет семьи Борджиа, Пикколомини, Ровере и Медичи были представлены более чем одним понтификом, а большинство остальных были близки по крови или браку к одному из этих великих родов. Кардиналы назначались из сыновей или племянников понтифика, а многочисленные другие должности, находившиеся под их патронажем, за исключением тех случаев, когда они продавались, распределялись между личными или политическими друзьями.

Как и другие итальянские князья, папы в пятнадцатом веке стали выдающимися покровителями искусств и литературы. Золотой век гуманистов в Риме начался при Николае V [Прим. автора: Николай V 1447-55], который нанял некоторых из них для выполнения переводов с греческого. Для полной секуляризации церковных государств характерно, что ряд литераторов, отправленных им на пенсию, были скептиками и насмешниками. Валла, который высмеивал папство, монашеские ордена и нападал на Библию и христианскую этику, был назначен пребендой; Савонарола, самый ревностный христианин своего времени, был казнен.

[Примечание: 1453]

Падение Константинополя придало определенный европейский характер политике понтификов после этой даты, поскольку угроза со стороны турок казалась настолько неминуемой, что главы христианского мира делали все возможное, чтобы объединить народы в крестовом походе. Это было лейтмотивом государственной мудрости Каликста III [Примечание: Каликст III 1455-8] и его преемника, Пия II. [Примечание: Пий II 1458-64] До своего возведения на престол Петра этот талантливый писатель, известный в литературе как Эней Сильвий, на Базельском соборе опубликовал веский аргумент против крайних папских притязаний, от которого он впоследствии, как папа, отказался. Его рвение против турок и против его старых друзей гуманистов придавало моральный тон его понтификату, но его слабые попытки исправить злоупотребления были тщетны.

[Примечание: Павел II 1464-71]

За бесцветным правлением Павла II последовало правление Сикста IV, [Прим. автора: Сикст IV 1471-84] человека, главной страстью которого было возвышение своей семьи. Он довел кумовство до крайности и с помощью политики судебных расправ почти уничтожил своих соперников, семью Колонна.

[Примечание на стороне: Иннокентий VIII 1484-92]

Огромные взятки, заплаченные Иннокентием VIII за его избрание, были возмещены продажей должностей и духовных благ, а также получением дани от султана, {17} в обмен на которую он отказался объявить крестовый поход. Самым важным деянием его понтификата было издание буллы против колдовства.

[Примечание: Александр VI 1492-1503]

Имя Александра VI приобрело дурную славу из-за его собственных преступлений и пороков, а также из-за его детей, Цезаря Борджиа и Лукреции. Одним из доказательств того, что общественное сознание Италии, вместо того чтобы быть ошеломленным разгулом зла в Риме, скорее возбуждалось им, является появление как раз в это время ряда проповедников покаяния. Эти люди, обычно монахи, начинали "пробуждения", отмеченные обычными явлениями внезапного обращения, истерии и крайнего аскетизма. Величайшим из них всех был доминиканец Иероним Савонарола [Прим. автора: Савонарола], который, несмотря на посредственные интеллектуальные способности, благодаря страстному рвению своих убеждений достиг положения пророка во Флоренции. Он начал проповедовать здесь в 1482 году и так взволновал свою аудиторию, что многие плакали, а некоторые окаменели от ужаса. Его авторитет был значительно повышен его предсказанием о вторжении Карла VIII во Францию в 1494 году. Ему удалось изгнать Медичи и ввести новую конституцию демократического

характера, которая, по его мнению, была непосредственно санкционирована Богом. Он нападал на мораль духовенства и народа и, помимо обновления своего собственного порядка, подавлял не только общественную безнравственность, но и все формы легкомыслия. Люди сжигали свои карты, накладные волосы, непристойные картинки и тому подобное; многие женщины покидали своих мужей и уходили в монастырь; игроков пытали, а богохульникам прокалывали языки. Была создана полиция, уполномоченная проводить обыски в домах.

Только страх папы перед Карлом VIII помешал ему иметь дело с этим опасным реформатором, который теперь начал нападать на пороки курии. Однако в 1495 году монах был вызван в Рим, и {18} отказался ехать; затем ему запретили проповедовать, и он ослушался. В Великий пост 1496 года он провозгласил обязанность сопротивляться папе, когда тот совершает ошибку. В ноябре в новом документе были предложены изменения в уставе его ордена, которые привели бы его более непосредственно под власть Рима. Савонарола ответил, что он не боится отлучения от церкви грешной церкви, которое, начатое против него 12 мая 1497 года, только сделало его еще более дерзким. Утверждая, что получил поручение непосредственно от Бога, он обратился к властям с просьбой созвать генеральный собор против папы.

На этом этапе один из его противников, францисканец Франциск да Апулия, предложил ему испытание огнем, заявив, что, хотя он ожидал, что его сожгут, он был готов пойти на риск ради веры. Вызов, отвергнутый Савонаролой, был принят его другом фра Доменико да Песетой, и хотя Александр запретил это испытание, синьория санкционировала его и назначила день. Спор о том, следует ли разрешить Доменико предать огню воинство или распятие, помешал проведению эксперимента, и толпа, разъяренная потерей обещанного зрелища, отказалась от дальнейшей поддержки дискредитированного лидера. В течение нескольких лет члены его собственного ордена, возмущенные суровостью его реформы, лелеяли обиду на него, и теперь у них появился свой шанс. Схваченный синьорией, он был подвергнут пыткам и вынужден признаться, что он не пророк, и 22 мая 1498 года вместе с двумя товарищами был приговорен к повешению. После скорейшего приведения приговора в исполнение, которое страдальцы встретили спокойно, их тела были сожжены. Все последствия карьеры Савонаролы, политические, моральные и религиозные, вскоре исчезли.

За Александром последовал Ровере, принявший имя Юлий II. [Примечание: Юлий II 1503-13] Несмотря на свой преклонный возраст, этот понтифик оказался одним из самых энергичных и способных государственных деятелей того времени и посвятил себя расширению Папской области с помощью войны и дипломатии. Он не стеснялся использовать свои духовные громы против своих политических врагов, как, например, когда отлучал от церкви венецианцев. [Примечание: 1509] Он оказался в ссоре как с императором Максимилианом, так и с королем Франции Людовиком XII, который созвал раскольнический собор в Пизе. [Примечание: 1511] При поддержке некоторых кардиналов этот орган возродил законодательство Констанца и Базеля, но приобрел дурную славу, когда Юлий мастерским политическим ходом созвал собор в Риме. [Примечание: 1512-16] Этот синод, Пятый Латеранский, длился четыре года и был посвящен крестовому походу и реформе. Все его усилия по реформированию оказались безуспешными, потому что они либо были подавлены курией в ходе обсуждения, либо, когда были приняты, оказались неэффективными со стороны распределяющей власти.

[Примечание на стороне: Лев X 1513-21]

Пока синод еще заседал, умер Юлий и был избран новый папа. Это был сын Лоренцо Великолепного, Медичи Лев X. Приняв постриг в возрасте семи лет и получив красную шляпу шесть лет спустя, он надел тиару в раннем возрасте тридцати восьми лет. Его слова, переданные венецианским послом в Риме: "Давайте наслаждаться папством, поскольку Бог дал его нам", - в точности выражают его программу. Превращать жизнь в один долгий карнавал, охотиться на дичь и быть свидетелем комедий и выходок шутов, слушать чудесные рассказы о новом свете и сладострастные стихи гуманистов и великого Ариосто, наслаждаться музыкой и вкушать самые изысканные яства и самые изысканные вина — вот ради чего он жил. Свободный и щедрый на деньги, он расточительно растратил доходы трех понтификатов. Тратя не менее 6000 дукатов в месяц на карточки и чаевые, он вскоре был вынужден занимать до предела своего кредита. Он мало предполагал, что Германия была {20} отторгнута от церкви бедным монахом. Его нерешительная политика была неспособна последовательно преследовать какие-либо общественные цели, за исключением того, что он нанимал лучших латинистов того времени для придания элегантности своим государственным документам. Его метод правления был чисто личным: платить своим друзьям и льстецам за счет общего блага. В одном из его наиболее характерных писем выражается его намерение наградить высоким постом некоего джентльмена, который угостил его обедом из миног.

РАЗДЕЛ 3. ПРИЧИНЫ РЕФОРМАЦИИ

[Примечание: коррупция церкви не является главной причиной Реформации]

В глазах ранних протестантов Реформация была возвращением к первоначальному христианству, и ее главной причиной была коррумпированность церкви. В том, что в церкви, как и везде, царил большой разврат, сомневаться не приходится, но есть несколько причин полагать, что это не могло быть важной причиной потери стольких ее сыновей. Во-первых, нет веских оснований полагать, что моральное состояние духовенства в 1500 году было хуже, чем в течение длительного времени; на самом деле, есть веские доказательства обратного, что ситуация имела тенденцию к улучшению, если не в Риме, то во многих частях христианского мира. Если бы предосудительные действия священников были достаточной причиной для отделения целых народов, Реформация наступила бы задолго до того, как это произошло на самом деле. Опять же, есть веские основания сомневаться в том, что простое злоупотребление институтом когда-либо приводило к его полному ниспровержению; пока институт считается необходимым, его скорее исправляют, чем прекращают. В-третьих, многие действия, которые кажутся нам порочными, не вызвали особого раздражения у современников, поскольку были повсеместными. Если церковь продавала должности и правосудие, то же самое делали и гражданские правительства. Если духовенство вело нечистый образ жизни, то и миряне вели такой же. Вероятно, уровень жизни церкви (за исключением особых обстоятельств) был не хуже, чем уровень гражданской жизни, а в некоторых отношениях он был скорее более приличным. Наконец, есть некоторые основания подозревать в преувеличении обвинения, предпочитаемые новаторами. Как и все реформаторы, они максимально использовали ошибки своих врагов. Подобные оскорбления свойственны каждому поколению и всем сферам жизни. Это правда, что осуждение священства исходит не только от протестантов и сатириков, но и от пап, соборов и канонизированных святых, и что оно широко распространено в средневековой литературе. Тем не менее, *априори* вероятно и в некоторой степени исторически поддается проверке, что зло было более шумным, а не более могущественным, чем добро. Но хотя коррупция в церкви не была главной причиной протестантского отделения, она давала хороший повод для нападок;

реформаторы были шокированы расхождением в практике и претензиями официальных представителей христианства, и их атака была усилена, и тем самым разрыв был облегчен. Поэтому необходимо сказать несколько слов о тех злоупотреблениях, которые тогда больше всего оскорбили общественное мнение.

[Примечание: Злоупотребления: финансовые]

Многие из них были связаны с деньгами. Совесть простого человека была уязвлена находкой в его кошельке. Богатство церкви было огромным, хотя и преувеличивалось теми современниками, которые оценивали его в треть всего недвижимого имущества Западной Европы. В дополнение к доходам со своей собственной земли церковь собирала десятину и налоги, в том числе "петровский пенс" в Англии, Скандинавии и Польше. Духовенство платило взносы в курию, в том числе *сервицию*, взимаемую с епископов, и аннаты, взимаемые с дохода за первый год с каждого назначенного на высшую церковную должность, а также с стоимости архиепископского покров. Священники отыгрывались, взимая высокую плату за свое служение. Во времена, когда христианским идеалом была "апостольская бедность", богатство духовенства часто воспринималось благочестивыми как позор.

[Примечание: Симония]

Хотя обычным методом назначения на гражданскую должность была продажа, в церкви это воспринималось как особое злоупотребление и было клеймлено именем симонии. Лев X зарабатывал не менее 500 000 дукатов [1] ежегодно от продажи более 2000 офисов, большинство из которых, будучи синекурами, со временем стали рассматриваться как ежегодные выплаты с зарплатой около 10% от покупной цены.

Правосудие также было продажным, как в церкви, так и в государстве. Помилование было возможно за все преступления, поскольку, как выразился один папский вице-камергер, "Господь желает не смерти грешника, а того, чтобы он заплатил и жил". Продавались разрешения из законов, запрещающих брак в пределах запрещенных степеней. Таким образом, обычный мужчина должен был заплатить 16 гроссов [2] за разрешение жениться на женщине, которая состояла с ним в "духовном родстве" [3]; дворянин должен был заплатить 20 гроссов за ту же привилегию, а принц или герцог 30 гроссов. Двоюродные братья могли жениться за 27 грошей; дядя и племянница - за от трех до четырех дукатов, хотя позже эта сумма была увеличена до шестидесяти дукатов, по крайней мере, для дворян. Брак в пределах первой степени родства (мать умершей жены или дочь от другого мужа) одно время продавался примерно за десять дукатов; брак во второй степени [4] был {23} разрешен за сумму от 300 до 600 гроссов. Вряд ли нужно добавлять, как это было сделано: "Хорошо запомните, что разрешения или милости такого рода не даются бедным людям". [5] Освобождения от обетов и требований церковного права, как, например, те, которые касались поста, также должны были быть получены за определенную цену.

[Примечание: Индульгенции]

Одним из богатейших источников церковных доходов была продажа индульгенций, или освобождение папы от мирских наказаний за грехи, как покаяния в этой жизни, так и мук чистилища. Практика дарования этих помилований впервые возникла как средство заверить небеса тех воинов, которые пали, сражаясь с неверными. В 1300 году Бонифаций VIII даровал полную индульгенцию всем, кто совершал паломничество на юбилей в Рим, и золотая жатва,

собранный по этому случаю, побудила его преемников прибегать к тем же средствам передачи духовной милости верующим с частыми интервалами. В четырнадцатом веке помилование было распространено на всех, кто внес определенную сумму денег на благочестивые цели, независимо от того, приезжали они в Рим или нет, и, поскольку агенты, которые были посланы для распространения этих помилований, также были наделены полномочиями исповедоваться и отпускать грехи, папские письма, естественно, рассматривались как не что иное, как входные билеты на небеса. В тринадцатом веке богословы обнаружили, что в распоряжении церкви и ее главы имеется богатая "сокровищница заслуг Христа и святых", которая может быть передана папой римским кому угодно. В пятнадцатом веке заявленная власть освобождать живых людей из чистилища была распространена на мертвых, и вскоре это стало одной из самых прибыльных отраслей "священного ремесла".

Способы получения индульгенций были разными. Иногда они предоставлялись тем, кто совершал паломничество или читал благочестивую книгу. Иногда они использовались для сбора денег на какие-то общественные работы, больницу или мост. Но все больше и больше они становились обычным средством получения доходов для курии. Насколько коммерциализированным стал бизнес по продаже благодати и снятию наказаний за грехи, показывает тот факт, что агентами папы часто были банкиры, которые организовывали продажи по чисто деловым соображениям в обмен на процент от чистой выручки плюс косвенную прибыль, получаемую теми, кто распоряжается крупными суммами. Из чистых поступлений финансисты обычно получали около десяти процентов.; равная сумма выделялась императору или другому гражданскому правителю за разрешение помилованным въезжать на его территорию, комиссионные также выплачивались местному епископу и духовенству, и, конечно, разносчики помилований получали часть прибыли, чтобы стимулировать их рвение. В среднем от тридцати до сорока пяти процентов. валовые поступления направлялись в римскую казну.

Естественно, что общественное мнение должно было относиться к индульгенциям с отвращением. Их дурной моральный эффект был слишком очевиден, чтобы им пренебрегать, усугубляясь грехом ради платы, предназначенной для удовлетворения жадности беспринципных прелатов. Были также замечены их экономические последствия - лишение страны денег, с помощью которых можно было еще больше обогатить коррумпированный итальянский город. Многие правители запрещали их продажу на своих территориях, потому что, как выразился герцог Георг Саксонский, добрый католик, еще до того, как о Лютере стало известно, "они обманули простого мирянина в его душе". Хаттен насмеялся над папой Юлием II за то, что тот продавал другим небеса, которые сам не мог завоевать. Пий II [Прим. 1458-64] был вынужден {25} признаться: "Если мы отправляем послов просить помощи у князей, над ними насмеются; если мы взимаем десятину с духовенства, апеллируют к будущему собору; если мы публикуем индульгенцию и предлагаем пожертвования в обмен на духовные услуги, нас обвиняют в жадности. Люди думают, что все делается только ради вымогательства денег. Нам никто не доверяет. У нас не больше кредита, чем у обанкротившегося торговца".

[Примечание: Безнравственность духовенства]

В литературе позднего Средневековья много говорится об аморальности духовенства. Этот класс всегда подвергался суровому осуждению из-за его высоких притязаний. Более того, обет безбрачия был слишком труден для большинства мужчин и некоторых женщин; в том, что

многие священники, монахи и монахини нарушали его, сомневаться не приходится. И все же было несколько святых священников, подобных ему, о которых Чэнсер [Примечание переписчика: Чосер?] сказал

"Тот, кто проповедовал учение Христа и двенадцать его апостолов, Он учил, но сначала сам опроверг его",

и было много других, которые сохраняли хотя бы видимость приличия. Но здесь, как всегда, плохое привлекало больше внимания, чем хорошее.

Наиболее надежные данные по этому вопросу содержатся в отчетах о посещениях церкви, как тех, которые предпринимали реформаторы, так и тех, которые время от времени предпринимали католические прелаты более раннего периода. Повсюду было доказано, что значительная часть духовенства была прискорбно невежественна и морально недостойна. Помимо жрецов, у которых были наложницы, многие были пьяницами, а некоторые содержали таверны, игорные залы и места похуже. Погрязшие в грубом невежестве и суевериях, эти слепые лидеры слепых, снискавшие широкую репутацию экзорцистов или волшебников, были неспособны понимать латинскую службу, а иногда даже повторять молитву Господню или символ веры на любом языке.

{26}

[Побочное примечание: Благочестие]

Реформация, как и большинство других революций, произошла не на самом низком уровне злоупотреблений, а в то время, когда волна уже начала течь, и течь сильно, в направлении улучшения. Едва ли где-либо можно найти более сладкую, более духовную религию, чем та, что изложена в *"Энхиридионе"* Эразма, или в *"Утопии"* Мора, или чем та, которой жили Витрие и Коле. Многие люди, которые не достигли такого представления об истинной красоте Евангелия, все же испытывали глубокое отвращение к вещам такими, какие они есть, и были вполне готовы заменить старую, механическую концепцию и практику новой и более чистой.

Доказательством этого является популярность Библии и других религиозных книг. До 1500 года вышло около сотни изданий латинской Вульгаты и ряд переводов на немецкий и французский языки. Существовало также около сотни изданий *"Подражания Христу"* на латыни и различных местных языках. Количество руководств по религиозному богослужению было настолько велико, что никакие другие не могли соперничать с ними по популярности. Для тех, кто не умел читать, были *"Библия нищих"*, книжки с картинками и минимальным количеством текста, а также проповеди популярных проповедников. Если некоторые из этих трактатов и проповедей были грубыми и суеверными, то другие были наполнены духом любви и честности. В то время как страсть к паломничествам и реликвиям, казалось, возрастала, нашлись люди с ясным видением, способные осудить сопутствующее зло. Новой чертой стало основание братств мирян, подобных братству *"Общая жизнь"*, с целью воспитания хорошего характера в мире и оказания социального служения. Число этих братств было велико, а их популярность - всеобщей.

[Примечание: Столкновение нового духа со старыми институтами]

Если бы силам, уже действующим внутри церкви, было позволено действовать, вероятно, большая часть моральных реформ, желаемых лучшими католиками, была бы {27} проведена тихо, без насильственного разрушения христианского единства, которое действительно имело место. Но факт остается фактом, что такие реформы никогда бы не удовлетворили духу времени. Мужчины были не только шокированы злоупотреблениями в церкви, но и переросли некоторые из ее идеалов. Не все ее учение, да и не большая его часть, стало для них отвратительным, поскольку часто указывалось, что реформаторы сохранили больше доктрин католицизма, чем выбросили, но в определенных отношениях они отвергли не злоупотребления, а сам принцип, по которому действовала церковь. В частности, в четырех отношениях идеалы нового века были несовместимы с идеалами римского сообщества.

[Примечание: Сакраментальная теория церкви]

Первой из них была сакраментальная теория спасения и ее следствие - священная власть. Согласно католической доктрине, благодать передается верующему посредством определенных обрядов: крещения, конфирмации, евхаристии, покаяния, соборования, священного сана и вступления в брак. Крещение является необходимой предпосылкой для наслаждения другими, ибо без него немытая душа, будь то язычник или дитя родителей-христиан, отправилась бы в вечный огонь; но "самое превосходное из таинств" - это евхаристия, в которой священник таинственным образом приносит Христа в жертву Отцу, а его тело и кровь съедаются и выпиваются верующими. Без этих обрядов не было спасения, и они действовали автоматически (*ex opere operato*) на души верующих, которые не чинили им активных препятствий. За исключением крещения, они могли проводиться только священниками, особой кастой с "неизгладимым характером", отличающим их от мирян. Излишне упоминать об огромной силе, которую это учение дало духовенству в эпоху веры. Они были назначены вершителями вечной судьбы каждого человека, и их моральный облик имел не больше отношения к их связывающему и освобождающему приговору, чем моральный облик светского чиновника влияет на его официальные действия. Добавьте к этому, что священники не были связаны семейными узами, что через исповедь они вторгались в частную жизнь каждого, что они не подлежали гражданскому правосудию — и их положение как привилегированного ордена было прочным. Растущая уверенность в себе и просвещенность зарождающегося индивидуализма сочли это различие невыносимым.

[Примечание: Потусторонность]

Еще одним элементом средневекового католицизма, столкнувшимся с развивающимися силами нового века, была его пессимистическая и аскетическая потусторонность. Идеалом церкви было монашество; все удовольствия этого мира, вся его пышность, ученость и искусство были всего лишь ловушками, чтобы отвратить людей от спасения. Разум называли бесплодным деревом, но считалось, что вера расцветает подобно розе. Богатства избегали как опасного, брак осуждался как неизбежное зло. Пост, бичевание, безбрачие, уединение культивировались как самые верные пути на небеса. Если хороший мирянин едва мог пройти плечом через узкие ворота, то верному монаху были дарованы высочайшие милости и небесные награды. Все это жестоко повлияло на умы поколений, которые начали находить жизнь славной и счастливой, не злой, а доброй.

[Примечание: Поклонение святым]

В-третьих, поклонение святым, которое когда-то было ступенькой к высшему, теперь широко рассматривалось как камень преткновения. Хотя многие люди были далеки от научной концепции естественного права, они стали достаточно монистичными в своей философии, чтобы видеть в нынешнем агиолатрии своего рода политеизм. Эразм свободно проводил параллель между святыми и языческими божествами, и он и другие осуждали грубо материалистическую форму, которую часто принимало это поклонение. Если мы можем ему верить, беглые монахи молились о помощи в сокрытии своего греха; торговцы - о богатой добыче; игроки - об удаче; а проститутки - о щедрых покровителях. Маргарита Наваррская рассказывает как о реальном факте о человеке, который молился о помощи в соблазнении жены своего соседа, и подобных примеров извращенного благочестия не так уж много. Страсть к мощам святых привела к огромному обороту поддельных товаров. Деревянный истинный крест, по словам Эразма, оказалось достаточно, чтобы сделать корабль; были выставлены пять берцовых костей осла, на котором ехал Христос, целые бутылки с молоком Пресвятой Девы и несколько целых кусков кожи, спасенных от обрезания Иисуса.

[Примечание: Светская власть церкви]

Наконец, патриоты больше не были склонны мириться с притязаниями пап на светскую власть. Церковь фактически стала международным государством со своим монархом, своими представительными законодательными собраниями, своими законами и своим кодексом. Это не было добровольным обществом, потому что если граждане не рождались в нем, то их крестили в нем, прежде чем они могли осуществить какой-либо выбор. Оно содержало тюрьмы и выносило смертные приговоры (фактически, если не номинально); оно обращалось с другими правительствами, как одна держава с другой; оно захватывало княжества и королевства в феод. Оно поддерживалось принудительными пожертвованиями.[6]

Расширяющийся мир разорвал оковы старой церкви. Ей требовались новые духовные рамки, и эти рамки в значительной степени были созданы Реформацией. До этой революции было предпринято несколько различных попыток превзойти ограничения, налагаемые католической верой, или восстать против них; это было сделано мистиками, дореформаторами, патриотами и гуманистами.

[1] Дукат по сути стоил 2,25 доллара, или девять шиллингов, в то время, когда деньги обладали гораздо большей покупательной способностью, чем сейчас.

[2] Гроссус, английская крупа, немецкий грошен, был монетой, стоимость которой значительно различалась. Здесь можно считать, что по своей сути они стоили около 8 центов или четырех пенсов в то время, когда покупательная способность денег была во много раз выше, чем сейчас.

[3] Духовные отношения устанавливались, если мужчина и женщина были поручителями одного и того же ребенка при крещении.

[4] Предположительно о родстве, то есть о сестре жены, но ничто не указывает на то, что этот закон также не распространялся на кровное родство, и в свое время папа предложил, чтобы внебрачный сын Генриха VIII, герцог Ричмонд, женился на своей сводной сестре Марии.

[5] "Nota diligenter, quod huiusmodi gratiae et dispensationes non conceduntur pauperibus." *Taxa cancellariae apostolicae*, in E. Friedberg: *Lerbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts*, 1903, pp. 389 ff.

[6] Мейтленд: *Каноническое право в Англиканской церкви*, стр. 100.

РАЗДЕЛ 4. МИСТИКИ

Одна из самых ранних попыток выйти за пределы экономики спасения, предлагаемой церковью, была предпринята школой мистиков в четырнадцатом и пятнадцатом {30} веках. В этом, однако, не было протеста ни против догмы, ни против идеала потусторонности, поскольку в этих отношениях мистики были крайними консерваторами, более религиозными, чем сама церковь. Они были похожи на солдат, которые пренебрегали приказами своего начальства, потому что считали, что эти приказы мешают их высшему долгу - преследовать врага. С гуманистами и другими дезертирами у них не было ни доли, ни жребия; они стремились сделать церковь более духовной, а не более разумной. Они преклонились перед ее планом завоевания небес ценой земной радости и славы; они безоговорочно принимали ее руководство; они радовались ее таинствам как помощи в жизни святости. Но они опечалились, увидев, что то, что они считали всего лишь средством благодати, заменило искомую цель; они были незаметно отталкиваемы, обнаружив механическую схему спасения вместо личной, почти коммерческую списание и зачисление добрых дел вместо жизни, полной спонтанного и преданного служения. Чувствуя, как мало кто когда-либо чувствовал, что целью и сердцем религии является единение души с Богом, они были потрясены, увидев вмешательство посредников между ним и его творением, обнаружив, что вместо того, чтобы жаждать его, люди пытались заключить наилучшую сделку, какую только могли, ради своего собственного вечного счастья. Ничего не отвергая в церкви, они пытались преобразить все. Принимая священника и причастие как вспомогательные средства божественной жизни, они отказывались рассматривать их как необходимых посредников.

[Примечание на стороне: Экхарт, 1260-1327]

Первым из великих немецких мистиков был мастер Экхарт, доминиканец, живший в Эрфурте, Богемии, Париже и Кельне. Инквизиторы этого последнего места вызвали его в свой суд по обвинению в ереси, но пока шел процесс, он умер. Он был христианским пантеистом, учившим, что Бог - единственное истинное существо и что человек способен достичь {31} абсолюта. Из всех мистиков он был самым умозрительным и философским. И Генри Сузо, и Джон Таулер были его учениками. [Примечание: Сусо, 1300-66] Экстатическое благочестие Сусо было ультрасредневекового типа, романтическим, поэтичным и нацеленным на достижение личного спасения старыми средствами жестокого самоистязания и постоянной практики добрых дел. Таулер, доминиканец из Страсбурга, принадлежал к обществу, известному как "Друзья Бога". [Примечание: Таулер, с. 1300-61] Из всех своих современников в религии он был самым социальным и практичным. Его жизнь была жизнью евангелиста, проповедующего мирянам на их родном языке евангелие чистой жизни и прямого общения с Богом через Библию и молитву. Как и многие другие популярные проповедники, он придавал большое значение обращению, повороту (*Кер*) от плохой жизни к хорошей. Считается, что простая вера лучше знания или обычных дел церковного благочестия. Таулер почитал самым святым человеком, которого он когда-либо видел, того, кто никогда не слышал пяти проповедей в своей жизни. Всякий честный труд называется Божьим служением, прядение и изготовление обуви - дарами Святого Духа. Чистая религия заключается в том, чтобы "утонуть в Боге", "опьяниться Богом", "расплавиться в огне его любви". Выходя за рамки общепринятого представления среднестатистического христианина о том, что единственной целью религии является его собственное спасение,

Таулер научил его, что любовь к Богу выше этого. Он рассказывает о женщине, готовой быть проклятой во славу Божию: "и если бы такого человека утащили на дно ада, в аду было бы царство Божье и вечное блаженство".

Одним из прекрасных цветов немецкого мистицизма является книга, написанная анонимно - "сказанная Всемогущим, Вечным Богом через мудрого, понимающего, по-настоящему справедливого человека, его Друга, священника Тевтонского ордена во Франкфурте". *Немецкое богословие*, [Примечание: *Немецкое богословие*], как его назвал Лютер, учит в своей чистейшей форме полному доверию Богу, простой пассивности в его руках, полному {32} самоотречению и самоотречению до тех пор, пока без вмешательства какой-либо внешней силы и в равной степени без ее собственных усилий душа не обретет единство с женихом. Проповедуется имманентность Бога; подчеркивается беспомощное и греховное состояние человека; и примирение этих двух факторов можно найти только в безоговорочном подчинении воли человека Богу. "Отвергни свою собственную волю, и ада не будет".

Проповеди Таулера, впервые опубликованные в 1498 году, оказали огромное влияние на Лютера. Позже они были подхвачены иезуитом Канисиусом, который стремился с их помощью очистить свою церковь. [Примечание: 1543] "*Немецкая теология*" была впервые опубликована Лютером в 1516 году с утверждением, что "спасите Библию и св. Что касается работ Августина, то он никогда не встречал книги, из которой так много узнал бы о природе "Бога, Христа, человека и всего сущего". Но другие богословы, как протестантские, так и католические, с ним не согласились. Кальвин обнаружил тайный и смертельный яд в пантеизме автора, и в 1621 году католическая церковь включила его работу в Индекс.

В Нидерландах также возникла школа мистиков, более поздняя по расцвету, чем немецкая, и более значительная по своему прямому влиянию. Самым ранним из них был Джон Рейсбрук, человек видений и экстазов. [Примечание: Рейсбрук, 1293-1381] Он стремился превратить свою жизнь в долгое созерцание света и любви Божьей. Двое молодых людей, Джерард Гроот и Флоренс Радевин, распространили его Евангелие, основав братство Братьев общей жизни. [Прим. автора: Groote, 1340-84] [Прим. автора: Radewyn, 1350-1400] Хотя орден никогда не был санкционирован церковью, они учили безбрачию и бедности и посвятили себя служению своим собратьям, главным образом в качестве учителей мальчиков.

Растущий прилив религиозности в пятнадцатом веке породил самое влиятельное из произведений всех мистиков - "*Подражание Христу*" Фомы Кемпийского. [Примечание: Томас Кемпийский, ок. 1380-1471] Написанный в жалобной минорной тональности {33} смирения и пессимизма, он с большим количеством бесхитростного красноречия излагает идеал приближения своей личной жизни к жизни Христа. Смирение, самоограничение, аскетизм, терпение, уединение, любовь к Иисусу, молитва и усердное использование таинственной благодати евхаристии - вот средства, рекомендуемые для формирования характера совершенного христианина. Несомненно, именно потому, что все это было настолько совершенным выражением средневекового идеала, оно получило такую широкую и мгновенную благосклонность. Здесь нет ни сомнений в догме, ни каких-либо спекуляций на позициях церкви; все это постулируется с детской простотой. Более того, идеал церкви по спасению личности и средства, предполагаемые для достижения этой цели, приняты кемпийцами. Он молчаливо предполагает, что подражателем Христу будет монах, бедный и

соблюдающий целибат. Все его усилия были направлены на то, чтобы пробудить энтузиазм по отношению к лишениям и вкус к духовному, и именно потому, что в своей серьезности и целеустремленности он в значительной степени преуспел, его книгу охотно схватили тысячи людей, которые желали и нуждались в таком стимулировании и помощи. Голландский каноник был не способен подняться до высот Таулера и франкфуртского священника, которые видели в любви к Богу благо само по себе, превосходящее счастье собственной души. Он просто хотел спастись и изо всех сил старался любить Бога для этой цели. Но это тщательное самосовершенствование сделало его религию эгоцентрической; даже по сравнению с исповеданиями протестантов и иезуитов она была личной и асоциальной.

Несмотря на глубокие различия между мистиками и реформаторами, можно видеть, что по крайней мере в одном отношении эти два движения были схожи. Обоими двигало в точности одно и то же желание уйти от механического и формального в церковной схеме спасения. Таулер и Лютер {34} оба осуждали добрые дела и искали оправдания только в вере. Как бы важно это ни было, можно понять, почему мистикам не удалось вызвать настоящий бунт со стороны церкви, и несомненно, что по сути своей они были гораздо больше, чем реформаторы, даже типично католические. [Примечание: Мистицизм] Это правда, что мистицизм в основе своей всегда един, ни национальный, ни конфессиональный. Но католицизм предлагал настолько благоприятное поле для этого развития, что мистицизм можно рассматривать как расцвет католического благочестия *par excellence*. Вряд ли какое-либо другое выражение благочестия как индивидуальной, жизненно важной вещи было возможно в средневековом христианском мире. В мистицизме четырнадцатого и пятнадцатого веков нет ни одной идеи, которую нельзя было бы прочесть гораздо раньше у Августина и Бернарда, даже у Фомы Аквинского и Скотта. Это никогда не могло быть ничем иным, кроме как спорадическим явлением, потому что оно было настолько глубоко индивидуальным. Хотя оно удовлетворяло духовные потребности многих, оно никогда не могло слиться с другими силами того времени, ни социальными, ни интеллектуальными. Как философия или вероучение она привела не столько к солипсизму, сколько к полному отречению от разума. Более того, это было слегка болезненно, можно было принять головокружение от истощенных нервов и эмоций за момент видения и единения с Богом. Насколько правдивее, чем он предполагал, говорил Рейсбрук, когда говорил, что душа, обращенная внутрь, может видеть божественный свет, точно так же, как глазное яблоко, достаточно надавив, может видеть вспышки огня в уме!

РАЗДЕЛ 5. ДОРЕФОРМАТОРЫ

Люди, которые в более поздние эпохи считали своими предками протестантизм, более древний, чем Аугсбургское исповедание, относили его истоки не к мистикам и не к гуманистам, а к смелым лидерам, заклейменным церковью как еретики. Хотя с самых ранних времен христианский мир никогда не испытывал недостатка в умах, достаточно независимых {35}, чтобы не подчиняться авторитетам, и в характерах, достаточно сильных, чтобы попытаться искоренить то, что они считали прогнившим в церковной доктрине и практике, первыми еретиками, которых действительно можно рассматривать как предвестников Реформации, были две секты, жившие на Юге Франции, альбигойцы и вальденсы. [Примечание: альбигойцы] Первые, с которыми мы впервые встретились в одиннадцатом веке, заимствовали часть своих доктрин из восточного манихейства, часть - из примитивного гностицизма. Последние были последователями Питера Уолдо, богатого лионского купца, который около 1170 года продал свои товары и ходил среди бедных, проповедуя Евангелие. [Примечание: Waldenses] Несмотря

на совершенно разное происхождение, обе секты были обязаны своим успехом у людей своим нападкам на порочную жизнь духовенства, использованию ими народного Нового Завета, их отрицанию части системы таинств и их собственной серьезной и аскетической морали. История их жестокого подавления по наущению папы Иннокентия III [Примечание: 1209-29] во время альбигойского крестового похода является одним из самых темных пятен на страницах истории. Немногие из них сохранились в горах Савойи и Пьемонта, время от времени подвергаясь нападениям кровожадных понтификов. Повинуясь призыву Иннокентия VIII, король Франции Карл VIII вырезал многих из них. [Примечание: 1437 год]

Однако духовными предками Лютера были не столько французские еретики, сколько два англичанина, Оккам и Уиклиф. [Примечание: Оккам, 1349 г. н.э.] Уильям Оккам, францисканец, преподававший в Оксфорде, был самым влиятельным схоластическим критиком существующей церкви. Не тронутый классическим духом гуманистов, он сказал все, что можно было сказать против церкви с ее собственной средневековой точки зрения. Он проповедовал детерминизм; он утверждал, что высшим авторитетом является Священное Писание; он показал, что такие фундаментальные догмы, как существование Бога, Троица и Боговоплощение, не могут быть выведены логикой из данных предпосылок; он [36] предложил модификацию доктрины пресуществления в интересах разума, близко подходя по своим идеям к "единосущию" Лютера. Определяя церковь как собрание верующих, он подрывал ее государственную власть. Это, по сути, именно то, что он хотел сделать, поскольку он опередил почти всех своих современников, предложив передать судебные полномочия духовенства гражданскому правительству. По его мнению, не только гражданский правитель должен быть полностью независим от папы римского, но даже такие вопросы, как регулирование брака, должны быть оставлены на усмотрение общего права.

[Примечание на стороне: Уиклиф, 1324-84]

Гораздо более сильное впечатление на свою эпоху произвел Джон Уиклиф, самый значительный из реформаторов до Лютера. Он тоже был оксфордским профессором, схоластом и патриотом, но им двигало более глубокое религиозное чувство, чем Оккамом. В 1361 году он был магистром Баллиол-колледжа, где в течение многих лет читал лекции по богословию. В то же время он поочередно руководил различными бенефициями, последним из которых было пасторство Латтерурта в Лестершире, с 1374 года до своей смерти. Он стал реформатором несколько поздно в жизни из-за изучения Библии и плохого состояния английской церкви. [Примечание: 1374] На мирном конгрессе в Брюгге в качестве уполномоченного по переговорам с папскими посланцами об облегчении вопиющих злоупотреблений он разочаровался в своей надежде на помощь с этой стороны. Затем он обратился к гражданскому правительству, призывая его вернуть узурпированную власть церкви. Этот план, изложенный в объемистых трудах, на лекциях в Оксфорде и в популярных проповедях в Лондоне, вскоре привел его к трибуналу Уильяма Кортни, епископа Лондонского, и, если бы он не был защищен могущественным принцем Джоном Ланкастерским, ему, возможно, пришлось бы туго. Пять булл, выдвинутых против него Григорием XI из Рима, только утвердили его в правильности выбранного курса, поскольку он [37] обжаловал их в парламенте. Испытанный в Ламбете, он был лишен права проповедовать или преподавать, и поэтому на всю оставшуюся жизнь удалился в Латтерворт. [Примечание: 1378] Он продолжил свои литературные труды, результатом которых стало огромное количество брошюр.

Изучая его труды, мы поражаемся тому факту, что его программа была гораздо более религиозной и практической, чем рациональной и умозрительной. За исключением пресуществления, он не стеснялся ни одной из тайн католицизма. Также заметно, что социальная реформа оставила его равнодушным. Когда рабочие восстали под руководством Уота Тайлера, Уиклиф встал на их сторону, поскольку он также предложил, чтобы конфискованное церковное имущество было передано скорее высшим классам, чем бедным. Истинных принципов реформ Уиклифа было всего два: упразднить светскую власть церкви и очистить ее от безнравственных служителей. Именно по этой причине он противопоставил авторитет Священного Писания авторитету традиции; именно по этой причине он сомневался в действительности таинств, совершаемых священниками, живущими в смертном грехе; именно по этой причине он отрицал необходимость исповеди перед носом; именно по этой причине он предпочел бы мирскую власть духовной. Большая часть его сочинений, как на латыни, так и на английском, представляет собой жестокие, безмерные оскорбления духовенства, особенно прелатов и папы римского. Главу христианского мира снова и снова называют Антихристом; говорят, что у епископов, священников и монахов уста полны лжи, а руки в крови; что они сбивают женщин с пути истинного; что они живут в праздности, роскоши, симонии и обмане; и что они пожирают английскую церковь. Рекомендуются женитьба духовенства. Индульгенции называются проклятым грабежом.

В борьбе с врагами истинного благочестия Уиклиф полагался на два средства. Первой была Библия, которую он с помощью друзей перевел на английский язык из Вульгаты. Ни один из позднейших реформаторов не был более склонен передавать Священные Писания мирянам, и никто не приписывал им более высокой степени вдохновения. В качестве второй меры Уиклиф обучал "бедных священников" быть странствующими евангелистами, распространяющими за границей весть о спасении среди населения. На какое-то время они добились значительного успеха, несмотря на то, что жестокие преследования, которым они подвергались, вынудили всех личных последователей Уиклифа отречься. [Примечание: 1401] Принятие закона *Об Эретико Комбурендо*, однако, не было напрасным, поскольку в пятнадцатом веке нашлось немало простых людей, обладающих достаточной решимостью умереть за свою веру. Вполне вероятно, что, как писал Катберт Танстолл, епископ Лондона в 1523 году, Лолларды, как их называли, были первыми, кто приветствовал лютеранство в Британии.

Но если в Англии семя дало лишь умеренный урожай, то в Богемии оно дало стократный рост. Труды Уиклифа, привезенные чешскими студентами из Оксфорда в Прагу, были жадно изучены некоторыми преподавателями этого университета, величайшим из которых был Ян Гус. [Примечание: Huss, 1369-1415] Получив там степень бакалавра в 1393 году, он преподавал с 1398 года и стал главой университета (ректором) в 1402 году. Почти все содержание его лекций, как и его сочинений, было заимствовано у Уиклифа, у которого он скопировал не только его основные идеи, но и длинные отрывки дословно и без особого подтверждения. Профессора и студенты его собственной расы поддерживали его, но немцы в университете обиделись, и завязалась долгая борьба, кульминацией которой стало объединение немцев в 1409 году с целью основания нового университета в Лейпциге. Спор, начавшийся из-за философского вопроса, - Уиклиф и Гус были реалистами, а немцы номиналистами, — принял более серьезный оборот, когда дело дошло до определения церкви {39} и соответствующих сфер гражданской и церковной власти. Определив церковь как орган предопределения и начав кампанию против индульгенций, Гус вскоре попал под запрет своего начальства. После сожжения булл Иоанна XXIII Гус покинул Прагу. Вызванный на Констанцкий собор, он отправился туда под надежной

охраной императора Сигизмунда и был немедленно брошен в зловонную темницу.
[Примечание: 1411, 1412]

[Примечание: 1414]

Совет приступил к рассмотрению мнения Уиклифа, осудив 260 его ошибок и приказав выкопать и сжечь его кости, что и было сделано двенадцать лет спустя. Затем были приложены все усилия, чтобы заставить Гуса отказаться от списка положений, составленного советом и приписываемого ему. Некоторые из этих обвинений были абсурдными, например, то, что его обвинили в том, что он называл себя четвертым лицом Троицы. Другие мнения, такие как отрицание пресуществления, он декларировал, и, несомненно, справедливо, которых он никогда не придерживался. Много говорилось о его словах о том, что он надеется, что его душа будет с душой Уиклифа после смерти, и император был встревожен его доводом о том, что ни священник, ни король, живущие в смертном грехе, не имеют права исполнять свои обязанности. Поэтому он был приговорен к сожжению на костре.

Его смерть была совершенной. Его последние письма полны спокойной решимости, любви к друзьям и прощения к врагам. Доставленный в собор, где заседал собор 6 июля 1415 года, он получил последний шанс отречься и спасти свою жизнь. Отказавшись, он был лишен облачения и надел ему на голову бумажную корону с нарисованными на ней тремя демонами и словами: "Мы предаем твою душу дьяволу"; затем его вывели на общественную площадь и сожгли заживо. Сигизмунд, которому угрожал собор, не предпринял никаких усилий, чтобы выкупить свою охранную грамоту, и в сентябре преподобные отцы издали указ, согласно которому никакая охранная грамота еретика и {40} никакие обещания, наносящие ущерб католической вере, не могут считаться обязательными. Среди многочисленного стечения богословов ни один голос не поднялся против этого вероломного убийства.

Самый выдающийся последователь Гуса, Иероним Пражский, после отречения вернулся на свое прежнее место и был сожжен в Констанце 30 мая 1416 года. Булла 1418 года предписывала аналогичное наказание всем еретикам, которые поддерживали позиции Виклифа, Гуса или Иеронима Пражского.

Еще в сентябре богемский сейм выступил с громким протестом против обращения со своим хозяином. Более радикальная партия, известная как табориты, отвергала пресуществление, поклонение святым, молитвы за умерших, индульгенции, исповедь через ушную раковину и клятвы. Они разрешили женщинам проповедовать, потребовали использования местного языка в богослужении и раздачи чаши мирянам. Против них был начат крестовый поход, но они знали, как защитить себя. Базельский совет [Прим. автора: 1431-6] был вынужден вступить с ними в переговоры, которые завершились компромиссом, разрешающим раздавать чашу мирянам и некоторыми другими реформами. Последующие попытки сократить их число оказались тщетными. При короле Подебраде ультраквисты сохранили свои права.

Однако некоторые гуситы продолжали существовать как отдельная организация, называя себя богемскими братьями. Впервые встреченные в 1457 году, они и по сей день остаются моравцами. Они подвергались постоянным преследованиям. В 1505 году католический чиновник Джеймс Лилиенстайн составил интересный список их ошибок. Похоже, что их основным принципом было верховенство Священного Писания, без глоссария, традиции или толкования Отцами церкви. Они отвергали главенство папы и все церемонии, авторитет которых

нельзя было найти в Библии, и они отрицали эффективность месс по умершим и действительность индульгенций.

{41} Не без оснований Уиклифа и Гуса называли "Реформаторами до Реформации". Сам Лютер, не зная англичанина, признавал свой глубокий долг богеме. Он выполнил всю их программу и даже больше. Его доктрину об оправдании только верой с ее радикальным преобразованием системы sacramентов нельзя найти у этих его предшественников, и это было различие огромной важности.

РАЗДЕЛ 6. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦЕРКВЕЙ

Рост национальных настроений, о котором говорилось выше, неизбежно отразился на религиозных институтах Европы. Действительно, именно здесь конфликт между международным, церковным государством и светскими правительствами стал наиболее острым. И короли, и народ хотели контролировать свои собственные духовные дела, а также свою мирскую жизнь.

[Примечание: Английская церковь]

Англия продвинулась дальше всех на пути к национальной церкви. В течение трех столетий она отстаивала права своего правительства решать как духовные, так и мирские вопросы. Статут Мортмейна [Примечание: 1279] запрещал отчуждение земли из-под юрисдикции гражданской власти путем передачи ее религиозным лицам. Таким образом, было остановлено освобождение земли от обязанности платить налоги и феодальные повинности. Папы с горечью восприняли посягательство гражданской власти как в Англии, так и во Франции. Бонифаций VIII пытался остановить наводнение буллой *Clericis laicos* [Прим. автора: 1296], запрещающей налогообложение духовенства любым светским правительством, и буллой *Unam Sanctam* [Прим. автора: 1302], утверждающей вселенскую монархию римского понтифика в самых решительных выражениях. Но эти непомерные требования не возымели действия. Статут провизоров [Прим. автора: 1351 и 1390] запрещал назначение английских бенефициев папой, а Статут преуниверситета [Прим. автора: 1353 и 1393] лишал {42} английских подданных права подавать апелляции в суды своей страны в Рим. Успех движения Уиклифа был во многом обусловлен его патриотизмом. Хотя в пятнадцатом веке признаков вражды с папой было меньше, нет никаких сомнений в том, что национальные чувства сохранялись.

[Примечание: Галликанская церковь]

Франция проявила дух свободы едва ли менее свирепый, чем Англия. Именно французский король Филипп Красивый так жестоко унизил Бонифация VIII, что тот умер от огорчения. В течение почти всего четырнадцатого века резиденция папы, подвластного Франции, в Авиньоне предотвращала любые трудности, но как только Констанцский собор вернул главу объединенной церкви Риму, старый конфликт вспыхнул снова. [Прим. автора: 1438] Крайние требования галликанской церкви были закреплены в законе, известном как Прагматическая санкция Буржа, согласно которому папе римскому практически не оставалось никаких прав на назначение, юрисдикцию или сбор доходов во Франции. Было недвусмысленно заявлено о верховенстве собора над папой римским, равно как и о праве гражданского магистрата распоряжаться церковными делами в своих владениях. Когда понтифики отказались признать эту почти раскольническую позицию Франции, Прагматическая санкция была дополнительно усилена законом, приговаривающим к смертной казни любого человека, который привезет в

страну буллу, вызывающую отвращение к ней. Энергичные усилия папства были направлены на то, чтобы добиться отмены этого документа, и в 1461 году Пий II убедил Людовика XI отозвать его в обмен на политические уступки в Неаполе. Эта акция, против которой выступили Университет и парламент Парижа, оказалась настолько непопулярной, что два года спустя галликанские свободы были восстановлены в полном объеме.

Благодаря компромиссу, известному как Болонский конкордат, была установлена гармония между интересами курии и французского правительства. [Примечание: 1516] {43} Уступки королю были настолько тяжелыми, что Льву X было трудно заставить своих кардиналов согласиться на них. Почти вся власть по назначению, юрисдикции и налогообложению была передана в руки короля, были приняты некоторые положения против предоставления льгот безнравственным священникам и против легкомысленного наложения церковных наказаний. Чего добился папа, так это отказа от сделанного в Бурже утверждения о верховенстве генерального совета. Конкордат был встречен бурей протеста во Франции. Сорбонна отказалась признать это и сразу же обратилась с апелляцией в генеральный совет. Король, однако, приказал арестовать непокорных членов совета и издал указ об отмене Прагматической санкции в 1518 году.

В Италии и Германии рост национального государства [Прим. автора: Италия] тормозился тем фактом, что одно из них было резиденцией папы римского, другое - императора, и каждое из них претендовало на вселенскую власть. Более того, эти две державы постоянно враждовали. Длительная борьба за инвеституру, кульминацией которой стал триумф Григория VII при Каноссе [Прим. автора: 1077] и закончившаяся Вормским конкордатом [Прим. автора: 1122], не смогла окончательно урегулировать отношения этих двоих. В то время как Аквинат и Каноническое право утверждали превосходство папы римского, не было недостатка в сторонниках императорского превосходства. Аргумент Уильяма Оккама, доказывающий, что император может свергнуть папу-еретика, был подхвачен Марсильо Падуанским, чей "*Защитник мира*" [Примечание к стороне: ок. 1324] входит в число самых талантливых политических памфлетов. Чтобы ослабить власть папы, которого он называл "великим драконом и старым змеем", он довел гражданское правительство до полного превосходства в церковных делах. Он заявил, что единственным авторитетом в вопросах веры является Библия с необходимым толкованием, данным ей генеральным советом, состоящим как из духовенства, так и из мирян; что император имеет право созывать и {44} руководить этим советом и наказывать всех священников, прелатов и верховного понтифика; что Каноническое право не имеет силы; что никакое светское наказание за ересь не может быть применено, кроме как государством, и никакое духовное наказание не может быть действительным без согласия государства.

[Примечание: Германия]

С таким оружием в руках императоры могли бы занять еще более твердую позицию, чем короли Англии и Франции, если бы не отсутствие единства в их владениях. Германия была разделена на большое количество практически независимых государств. Именно в них, а не в империи в целом, был сделан шаг к созданию национальной церкви, такой, какая была реализована после того, как Лютер разорвал римское рабство. Когда австрийский герцог Рудольф IV в четырнадцатом веке заявил, что намерен стать папой римским, архиепископом, архидьяконом и деканом в своей собственной стране, когда герцоги Баварии, Саксонии и Клеве выступили с

подобными похвальбами, они лишь облекли в строгую форму программу, которую частично реализовали. Князья постепенно приобрели право покровительства церковным благотворительным организациям, и они не разрешали публиковать никакие буллы, продавать индульгенции без их разрешения. Вольные города действовали во многом таким же образом. Власть германских государств над своей собственной духовностью не была новшеством виттенбергской ереси.

При всем внутреннем разделении Германии существовало определенное национальное самосознание, обусловленное общим языком. Ни в чем народ не был так единодушен, как в своей несогласии с правлением Итальянской курии. [Примечание: 1382] В свое время монастыри Кельна подписали соглашение о противодействии Григорию XI в предлагаемом взимании десятины, заявив, что "в результате поборов, которыми Папский двор обременяет духовенство, Апостольский престол впал в неуважение, и католическая вера в этих краях, похоже, находится под серьезной угрозой". Опять же, {45} Рыцарь Тевтонского ордена в Пруссии [Прим. автора: 1430] писал: "При римском дворе безраздельно правит жадность, и день за днем он находит новые способы и хитрости для вымогательства денег из Германии под предлогом церковных сборов. Отсюда возникает много криков, жалоб и горящих сердец. . . . На многие вопросы о папстве будут даны ответы, иначе в конечном итоге от послушания придется полностью отказаться, чтобы спастись от этих возмутительных требований итальянцев".

Помощь, ожидаемая от Базельского совета, не принесла результатов, и злоупотребления только усугубились благодаря соглашению между Фридрихом III и Николаем V, известному как Венский конкордат. [Примечание: 1448] Этот договор никоим образом не был сопоставим с английским и французским законодательством, а был всего лишь разделом добычи между двумя верховными правителями за счет народа. Полномочия по назначению на высшие церковные должности были разделены, аннаты утверждены, и в целом был установлен значительный рост авторитета курии.

Протесты начались сразу же в форме "Гравамины", или списков жалоб, составленных в каждом сейме в виде петиции и частично воплощенных в законы. В 1452 году Духовные избиратели потребовали, чтобы император продолжил реформу на основе Констанцских указов. В 1457 году духовенство отказалось от уплаты налогов за крестовый поход. В 1461 году князья подали апелляцию против продажи индульгенций. Гравамина этого года была очень ожесточенной, жалуясь на практику ростовщичества священников, на помпезность кардиналов и на привычку папы давать обещания о предпочтении определенным кафедрам, а затем объявлять места вакантными под предлогом того, что он "мысленно зарезервировал" их в пользу кого-то другого. Римское духовенство было названо в этом обвинительном акте "публичными прелюбодеяниями, содержателями наложниц, негодьями, сводниками и грешниками в различных других отношениях". Радикальные предложения реформ были отвергнуты папой римским.

[Примечание: Гравамина]

Гравамина продолжалась. Те, кто жил в 1479 году, обжаловали нищенствующие ордена и назначение иностранцев. Они требовали созыва нового собора и реформы на основе базельских декретов; они протестовали против судебных апелляций в Рим, против аннат и против налога на крестовый поход. Было заявлено, что папские назначенцы скорее годятся на роль погонщиков мулов, чем пастырей душ. Эти слова нашли отклик в народе. Мощное перо

Григория Геймбургского, которого иногда называют "лютером-мирянином", побудило его соотечественников к патриотическому выступлению против итальянской узурпации.

Сейм 1502 года постановил не выпускать деньги, вырученные от индульгенций, из Германии, а использовать их против турок. Еще один длинный список жалоб, связанных с тиранией и вымогательством Рима, был представлен в 1510 году. Акты аугсбургского сейма летом 1518 года являются красноречивым свидетельством состояния народных настроений, когда Лютер только начинал свою карьеру. На этот сейм Лев X направил в качестве специального легата кардинала Каэтана с просьбой о выделении субсидии на крестовый поход против турок. Было предложено ввести десятипроцентную пошлину. будет взиматься с доходов духовенства и один из пяти процентов. с богатых мирян. В этом было отказано из-за недовольства нации против курии, и отказ был выражен в крайне жестокой форме. Было заявлено, что настоящим врагом христианства был не турок, а "адский пес" в Риме. Индульгенции были заклеены как кровопускание.

Когда таково было общественное мнение, ясно, что Лютер всего лишь поднес спичку к куче горячего материала. Все националистическое движение пошло на пользу протестантизму. Государственные церкви Северной Европы являются всего лишь логическим развитием предыдущих сепаратистских тенденций.

РАЗДЕЛ 7. ГУМАНИСТЫ

Но интеллектуальная подготовка к великому восстанию была не менее тщательной, чем религиозная и политическая. Возрождение интереса к классической древности, удачно известное как Ренессанс, принесло с собой глубокую критику всех средневековых стандартов и, прежде всего, средневековой религии. Ренессанс находится в том же отношении к Реформации, в каком так называемое "Просвещение" находится к Французской революции. Гуманисты пятнадцатого века были "философами" восемнадцатого.

Новый дух родился в Италии. Если мы вернемся к Данте [Прим. автора: Данте, 1265-1321], мы обнаружим, наряду со многими современными элементами, такими как использование народного языка, совершенно средневековую концепцию вселенной. Его бессмертная поэма в одном отношении является всего лишь комментарием к *Сумме теологии* Фомы Аквинского; все это о другом мире. Младшие современники великого флорентийца [Прим. автора: Петрарка, 1304-1374] начали проявлять беспокойство по мере того, как до них дошел смысл нового духа. Петрарка сетовал, что литературная культура считалась несовместимой с верой. Боккаччо был таким же дитя этого мира, как Данте - пророком следующего. [Примечание: Боккаччо, 1313-1375] Слишком простодушный, чтобы сознательно критиковать доктрину, он инстинктивно выступал против церковных профессий. Посвятив себя прославлению удовольствий и пышности жизни, он получал особое удовольствие от того, что осыпал насмешками церковнослужителей, представляя их как квинтэссенцию всей нечистоты и лицемерия. Первая история в его знаменитом "Декамероне" повествует о негодяе, который становится известным как святой, вызывается в качестве такового и творит чудеса после смерти. {48} Вторая история рассказывает о еврее, который был обращен в христианство порочностью Рима, поскольку он рассудил, что ни один культ, не поддерживаемый богом, не сможет пережить такой отчаянной развращенности, какую он там увидел. Третья история, "О трех кольцах", указывает на мораль, согласно которой никто не может быть уверен, какая религия является истинной. Четвертое повествование, как и многие другие, посвящено чувственности монахов. В другом месте автор

описывает самые абсурдные реликвии и рассказывает, как священник обманул женщину, представившись ангелом Гавриилом. Тенденция такого произведения, естественно, была противоположной назидательной. Безбожие слишком спонтанно, чтобы его можно было назвать философским сомнением; это просто нечестие.

[Прим. автора: Валла, 1406-56]

Но такое чувство не могло долго довольствоваться насмешками. Знамя чистого рационализма, или, скорее, сознательного классического скептицизма, было поднято кружком энтузиастов. Самым блестящим из них и одним из самых проникательных критиков, которых когда-либо создавала Европа, был Лоренцо Валла, уроженец Неаполя, в течение нескольких лет являвшийся обладателем бенефиса в Риме. Меткость и характер его оружия были таковы, что многое из того, что он продвигал, выдержало испытание временем.

[Примечание: Пожертвование Константина]

Притязания папы на светское господство в западном мире основывались в значительной степени на поддельном документе, известном как Дарение Константина. В нем император представлен удаляющимся из Рима, чтобы оставить его папе, которому в обмен на излечение от проказы он отдает весь Запад. Некритичная эпоха беспрекословно принимала эту подделку в течение пяти или шести столетий. Николас Кузанский и Реджинальд Пикок ставили ее под сомнение, но Валла опроверг это. Он показал, что ни один историк не говорил об этом; что не было времени, когда это могло произойти; что этому противоречат другие современные акты; что варварский стиль содержит выражения греческого, еврейского и немецкого происхождения; что свидетельство нумизматики говорит против этого; и что автор ничего не знал о древностях Рима, в совет которого он ввел сатрапов. Работа Валлы была проделана настолько тщательно, что документ, воплощенный вместе с его выводами в Каноническом праве, с тех пор так и не нашел авторитетного защитника. Со временем критика произвела огромный эффект. Ульрих фон Хаттен опубликовал ее в 1517 году, и в том же году был сделан английский перевод. В 1537 году Лютер перевел его на немецкий.

[Примечание: Валла нападает на папу Римского]

И если законность правления папы была такой незначительной, то каков был его практический эффект? По словам Валлы, это было "варварское, властное, тираническое господство священников". "Какое вам дело, - обращается он к понтифику, - если наша республика будет сокрушена? Вы сокрушили ее. Если наши храмы были разграблены? Вы разграбили их. Были ли осквернены наши девственницы и матроны? Это сделали вы. Если город залит кровью граждан? Вы виновны во всем этом".

[Примечание: Примечания к Новому Завету]

Критический гений Валлы затем атаковал идола школяров Аристотеля и полубога гуманистов Цицерона. Более важными были его *Примечания к Новому Завету*, впервые опубликованные Эразмом в 1505 году. В то время Вульгата считалась, по определению Трента, подлинной или официальной формой Священного Писания. Взяв в руки три латинские и три греческие рукописи, Валла без труда показал, что они отличаются друг от друга и что в некоторых случаях латынь вообще не имеет авторитета в греческом. Он указал на ряд неправильных переводов, некоторые из них в отрывках, жизненно влияющих на веру. Короче говоря, он не оставил

никаких подтверждений какой-либо теории словесного вдохновения. Далее он поставил под сомнение, и успешно, авторство Символа веры, приписываемого {50} апостолам, подлинность писаний Дионисия Ареопагита и письма Христа царю Авгару, сохраненного и приписываемого Евсевию.

[Примечание: Атака на христианскую этику]

Его атака на христианскую этику была еще более фундаментальной. В своем *Диалоге о свободе воли* он изобретательно попытался примирить свободу воли, отрицаемую Августином, с предвидением Бога, которое он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы оспаривать. В своей работе о *монашеской жизни* он отрицал всякую ценность аскетизма. Другие насмехались над монахами за то, что они не соответствовали своей профессии; он утверждал, что сам идеал ошибочен. Но именно трактат *Об удовольствии* заходит дальше всего. По форме это диалог об этике; один собеседник придерживается эпикурейских, второй - стоических, а третий - христианских стандартов. Симпатии автора явно на стороне защитника гедонизма, который утверждает, что удовольствие является высшим благом в жизни, или, скорее, единственным благом, что проститутка лучше монахини, поскольку одна делает мужчин счастливыми, другая привержена болезненному и постыдному безбрачию; что закон против супружеской неверности является своего рода святотатством; что женщины должны быть обычными и ходить обнаженными; и что иррационально умирать за свою страну или за любой другой идеал Примечательно, что представитель христианской точки зрения молчаливо принимает предположение о том, что это счастье - высшее благо, только он переносит это счастье в следующую жизнь.

Идеи Валлы получили широкое распространение в течение полувека после его смерти. Мазуччо предавался самым непристойным насмешкам над католическими обрядами. Поджио написал книгу против лицемеров, нападающих на монахов, и сборник шуток, в основном за счет верующих. Макиавелли напал на папство с большой яростью, приписывая ему разложение итальянской морали, политическую разобщенность и слабость Италии и выступая за ее уничтожение. [Примечание: Макиавелли, 1469-1530] На место христианства, о котором обычно говорят как о взорвавшемся суеверии, опасном для государства, он поставил патриотические культы древности.

Зная характер пап, нет ничего странного в том, что языческие выражения украшают писания их придворных. Поджио был папским секретарем, как и Бембо, кардинал, который отказывался читать послания Павла из страха испортить свое латиноамериканство. В своем изысканном поиске классических эквивалентов грубым фразам Евангелия он упомянул в папском обращении Христа как "Минерву, вышедшую из головы Юпитера", а Святого Духа - как "дыхание небесного зефира". В том же духе была выдержана проповедь Ингирами, услышанная Эразмом в Риме в Страстную пятницу 1509 года. Изложенный в чистейших цицероновских выражениях, сравнивающий Спасителя с Гуртием, Кекропсом, Аристидом, Эпаминондасом и Ифигенией, он был в основном посвящен экстравагантному панегирику правящему понтифику Юлию II.

Но не все итальянские гуманисты были язычниками. Во Флоренции, частично под влиянием возрождения греческого языка, частично под влиянием Савонаролы, возникла группа серьезных молодых людей, которые стремились оживить христианство, привнеся в него доктрины Платона. Лидеры этой неоплатонической академии, Пико делла Мирандола [Примечание: Пико делла Мирандола, 1462-94] и Марсильо Фичино, стремились показать, что

учения афинянина и галилеянина были одним и тем же. Подходя к Библии простым литературным способом, указанным классическим изучением, Пико действительно заново открыл для себя некоторые учения Нового Завета, в то время как при обращении к Ветхому он был вынужден принять остроумную, но необоснованную аллегорическую интерпретацию. "Философия ищет истину, - писал он, - теология находит ее, религия обладает ею". Его необычайное личное влияние распространилось на {52} земли за Альпами, хотя и не привело к восстановлению итальянской веры.

[Прим. автора: Faber Stapulensis, ок. 1455-1536]

Лидер французского христианского возрождения Джеймс Лефевр д'Этабль был одним из его учеников. Путешествуя по Италии в 1492 году, после посещения Падуи, Венеции и Рима, он приехал во Флоренцию, познакомился с Пико и получил от него перевод "Метафизики" Аристотеля, сделанный кардиналом Виссарионом. Вернувшись в Париж, он преподавал в колледже кардинала Лемуана математику, музыку и философию. Он не разделял неприязни к Аристотелю, проявляемой большинством гуманистов, поскольку проницательно подозревал, что то, что было оскорбительного в "Стагирите", было скорее заслугой его переводчиков-схоластов и комментаторов, чем его самого. Поэтому он потрудился восстановить подлинный текст, по которому написал ряд трактатов. С той же целью он обратился к первым Отцам Церкви и к писателю по имени Дионисий Ареопагит. Но он не нашел себя, пока не нашел Библию. В 1509 году он опубликовал "*Квинтуплексную псалтирь*", первый трактат о Псалмах, в котором преобладали филологические и личные интересы. До сих пор изучалась не столько Библия, сколько комментарии к ней, сухая пустыня безводных и бесполезных тонкостей. Лефевр пытался просто понять, о чем говорится в тексте, и по мере того, как он становился более человечным, для него это становилось более божественным. Его предисловие - настоящий крик радости по поводу его великого открытия. Он действительно интерпретировал все в двойном смысле, буквальном и духовном, и делал акцент скорее на последнем, но это не мешало ему по-настоящему попытаться прочитать слова так, как они были написаны. Три года спустя он опубликовал таким же образом Послания святого Павла с комментариями. Хотя он говорил об апостоле как о простом инструменте Бога, он все же сделал больше для раскрытия его личности, чем любой из предыдущих {53} комментаторов. Будучи наполовину мистиком, Лефевр открыл в Павле доктрину оправдания только верой. В Первом Послании к Коринфянам viii он писал: "Почти кощунственно говорить о достоинстве дел, особенно по отношению к Богу Мнение, что мы можем быть оправданы делами, является ошибкой, за которую евреи особенно осуждаются Наша единственная надежда - на Божью благодать". Работы Лефевра открыли новый мир для теологов того времени. Друг Эразма Беат Ренанус писал, что богатство *Пятичастной Псалтири* сделало его бедным. Томас Мор сказал, что английские студенты многим ему обязаны. Лютер использовал две работы француза в качестве текстов для своих первых лекций. Из них он черпал очень много; несомненно, именно Лефевр первым предложил ему формулу его знаменитого "*sola fide*".

Религиозный ренессанс в Англии возглавил ученик Пико делла Мирандола, Джон Колет, [Прим. автора: Колет, умер в 1519 году] человек удивительно чистой жизни и настоятель собора Святого Павла. Он написал, хотя и не публиковал, несколько комментариев к посланиям Павла и к Моисееву рассказу о сотворении мира. Хотя он не знал греческого и не был легким или элегантным писателем на латыни, он был связан с гуманистами своим желанием вернуться к истинным истокам христианства и поиском исторического смысла своих текстов. Хотя в

некоторых отношениях он находился под влиянием фантастических представлений Ареопагита, в других его интерпретация была рациональной, свободной и недогматичной. Он оказал значительное влияние на Эразма и на нескольких избранных людей того времени.

Гуманизм Германии сосредоточился в университетах. В конце пятнадцатого века новые курсы латинской классики, греческого и иврита начали дополнять средневековую учебную программу по логике и философии. В каждой академии возник кружок "поэтов", как они себя называли, часто с {54} распущенными нравами и безразличных к религии, но ревностных защитников культуры. Эти кружки не ограничивались исключительно учебными заведениями. Во многих городах были свои литературные общества, одним из самых известных было Нюрнбергское. Конрада Муттиануса Руфуса потянуло в Готу [Прим. автора: Муттиан, 1471-1526], где у него было каноническое братство, группа учеников, которым он передал неоплатонизм, усвоенный им в Италии. Пренебрегая Откровением, он учил, что все религии по сути одинаковы. "Я уважаю решения философов больше, чем решения священников", - писал он.

[Прим. автора: Рейхлин, 1455-1522]

То, что Лефевр и Коле сделали для Нового Завета, Джон Рейхлин сделал для Ветхого. После учебы во Франции и Италии, где он познакомился с Пико делла Мирандолой, он поселился в Штутгарте и посвятил свою жизнь изучению иврита. Его *"De Rudimentis Hebraicis"*, [Примечание: 1506] грамматика и словарь этого языка, оказали большую услугу науке. В позднем еврейском труде *"Каббала"* он верил, что открыл источник мистической мудрости. Экстравагантность его интерпретаций отрывков из Священных Писаний, основанная на этом, не только сделала большую часть его работы бесполезной, но и доставила ему массу неприятностей. Обращенный еврей Джон Пфефферкорн предложил в серии брошюр запретить евреям заниматься ростовщичеством, заставить слушать проповеди и предать сожжению все свои книги на иврите, за исключением Ветхого Завета. Когда к Рейхлину обратились за помощью в этом благочестивом проекте, в нем было отказано в памятном письме от 6 октября 1510 года, указывающем на огромную ценность большого количества литературы на иврите. Доминиканцы Кельна, возглавляемые своим инквизитором Джеймсом Хохстратеном, сделали это основанием для обвинения в ереси. Дело было обжаловано в Риме, и судебный процесс, длившийся шесть лет, вызвал интерес всей Европы. В Германии это с большим жаром обсуждалось во множестве памфлетов {55}, все монахи и мракобесы принимали сторону инквизиторов, а все гуманисты, за исключением одного, Ортуина Грациуса из Кельна, выступавшего на стороне ученого. Последний получил множество теплых выражений восхищения и поддержки от ведущих писателей того времени и опубликовал их в двух томах, первый из которых вышел в 1514 году под названием *Письма выдающихся людей*. Именно это подсказало гуманисту Кротусу Бубеанусу название его анонимно опубликованной сатиры *"Письма безвестных людей"*. По форме это серия посланий монахов и межевых священников Ортуину Грациусу. [Примечание: *Эпистолы-обскуры Вирорума*]

В письмах на самой варварской латыни они выражают свое восхищение его нападками на Рейхлина и дело учености, сплетничают об их попойках и похождениях в кабаках, разоблачают их невежество и легковерие и задают абсурдные вопросы, например, является ли смертным грехом приветствовать еврея, следует ли считать червяков, съеденных с фасолью и сыром, мясом или рыбой, дозволено или нет в Великий пост, и на какой стадии развития цыпленок в яйце становится мясом и поэтому запрещен по пятницам. Сатира, какой бы грубой она ни была,

не вызвала аплодисментов более утонченных духом людей, но вызвала взрыв смеха у студентов и стала немаловажным фактором усиления презрения к церкви. За первой книгой этих *Писем*, опубликованной в 1515 году, двумя годами позже последовала вторая, еще более едкая, чем первая. Это приложение, также опубликованное без указания имени автора, принадлежит перу Ульриха фон Хаттена.

[Прим. автора: Хаттен, 1488-1523]

Этот блестящий и страстный писатель посвятил большую часть своей жизни войне с Римом. Его мотив был не религиозным, а патриотическим. Он страстно желал видеть свою страну сильной и объединенной, свободной от унижительного гнета ультрамонтанского ига. Он опубликовал книгу Валлы *"Пожертвование Константину"* и написал эпиграммы на пап. Его диалог *"Лихорадка первая"* представляет собой {56} язвительную атаку на священников. Его *"Вадискус, или Римская троица"* [Прим. автора: 1520] осуждает пороки курии, где продаются три вещи: Христос, места и женщины. Когда он впервые услышал о деле Лютера, он назвал это ссорой монахов и только надеялся, что все они уничтожат друг друга. Но к 1519 году он увидел в Реформаторе самого могущественного союзника в борьбе с общим врагом и, соответственно, взялся за его дело с обычным рвением. Его письма в это время дышат огнем и резней против католиков, если с Лютером что-нибудь случится. В 1523 году он поддержал своего друга Франциска фон Зикингена в попытке силой оружия отстоять права патриотического и евангелического рыцарского ордена. Когда это было побеждено, Хаттен, страдая от ужасной болезни, уехал в Швейцарию, где и умер одиноким и сломленным изгнанником. Его эпитафией будет его собственное возвышенное стихотворение:

Я храбро сражался в своей битве,
И мне не о чем сожалеть,
Ибо, хотя я проиграл битву,
Мир знает, что я был честен!

[Примечание: Эразм, 1466-1536]

Самым космополитичным, а также величайшим из всех христианских гуманистов был Дезидерий Эразм Роттердамский. Несмотря на то, что он был незаконнорожденным ребенком, он получил хорошее образование и основательно изучил классику в знаменитой школе Девентера. В возрасте двадцати лет его убедили, несколько против его воли, вступить в орден августинских каноников в Стейне. Под покровительством епископа Камбре он получил возможность продолжить учебу в Париже. [Примечание: 1499-1509] В течение следующих десяти лет он странствовал по Англии, различным местам Северной Франции, Фландрии и Италии, знакомясь со многими интеллектуальными лидерами того времени. С 1509 по 14 год он находился в Англии, часть времени читая лекции в Кембридже. Затем он провел около 57 лет в Лувене, семь лет в Базеле и шесть лет во Фрайбурге в Брайсгау, вернувшись в Базель в последний год своей жизни.

Пока ему не перевалило за тридцать, основным интересом Эразма была классическая литература. Под влиянием Коле и французского францисканца Джона Витриера он обратил свое внимание на либерализацию религии. Его первая религиозная работа, *"Справочник христианского рыцаря"*, прекрасно излагает его программу духовного, в противоположность

формальному христианству. [Примечание: *Enchiridion Militis Christiani*, 1503] Все сводится к различию между внутренним и внешним человеком, нравственным и чувственным. Истинное служение Христу - это чистота сердца и любовь, а не обращение к святым, пост и индульгенции.

В "*Восхвалении глупости*" Эразм мягко порицает человеческие слабости. [Примечание: 1511] Никогда не было более доброй сатиры, свободной от дикого презрения Кротуса и Хаттена и от назидательной брани Себастьяна Бранта, чей *Корабль дураков* [Примечание: 1494] был одним из образцов автора. Глупость становится вполне приятной, источником не только некоторых неправильных вещей, но и множества безобидных удовольствий. Обнажается ошеломляющая глупость каждого класса: людей удовольствия, деловых людей, женщин и мужей, писателей и педантов. Глупость нынешних суеверий, хотя и не подчеркивается чрезмерно, выставляется на посмеище. Есть те, кто превратил святых в языческих богов; есть те, кто измерил чистилище годами и днями и обманывает себя индульгенциями против этого; есть теологи, которые проводят все свое время, обсуждая такие абсурдные вещи, как то, мог ли Бог искупать людей в образе женщины, дьявола, осла, тыквы или камня, другие, которые объясняют тайну Троицы.

Следуя своему плану восстановления более простого христианства, Эразм справедливо полагал, что возвращение от бесплодных тонкостей схоластов к {58} примитивным источникам было необходимым. Он хотел свести христианство к моральной, гуманитарной, недогматичной философии жизни. Его отношение к догме состояло в том, чтобы признавать ее и игнорировать. Научное просвещение он приветствовал больше, чем католики или реформаторы, уверенный, что если Нагорная проповедь выживет, христианству нечего бояться. Точно так же, хотя он и не нападал на культ и ритуалы церкви, он никогда не придавал этому особого значения. "Если какие-то догмы непонятны, а какие-то обряды суеверны, - казалось, говорил он, - то какое это имеет значение? Давайте подчеркнем этическое и духовное содержание послания Христа, ибо, если мы ищем Его царства, все остальное необходимое приложится нам ". Его любимым названием для своей религии была "философия Христа", и именно таким образом он убедительно излагает это в примечании к своему греческому Завещанию к Матфею xi, 30:

Воистину, иго Христа было бы сладким, а его бремя легким, если бы мелкие человеческие институты ничего не добавляли к тому, что он сам наложил. Он не заповедал нам ничего, кроме любви друг к другу, и нет ничего более горького, что милосердие не смягчило бы и не подсластило бы ее. Все, что соответствует природе, переносится легко, и ничто так не согласуется с природой человека, как философия Христа, почти единственная цель которой - вернуть падшей природе ее невинность и целостность. ... Как чиста, как проста вера, которую передал нам Христос! Как близко к ней вероучение, переданное нам апостолами или мужами-апостолами. Церковь, разделенная и измученная спорами и ересью, добавила к ней много вещей, из которых некоторые можно опустить без ущерба для веры. . . . Существует множество мнений, из которых может возникнуть нечестие, как, например, все те философские доктрины о причине природы и различия лиц Божества. ... Сами таинства были учреждены для спасения людей, но мы злоупотребляем ими ради наживы, ради суетной славы или для угнетения смиренных... Какие у нас правила, какие суеверия относительно облачений! О скольких судят об их христианстве по таким мелочам, которые сами по себе безразличны, которые меняются в зависимости от моды и о которых Христос никогда не говорил! ... Сколько установлено постов! И нас не просто приглашают поститься, но и обязывают это сделать под страхом вечных мук. ... Что мы скажем об обетах ... Об авторитете папы римского, злоупотреблении отпущениями грехов, диспенсациями, смягчением наказаний, судебными тяжбами, в которых есть много

такого, на что по-настоящему хороший человек не может смотреть без стога? Сами священники предпочитают изучать Аристотеля, чем заниматься своим служением. Евангелие почти не упоминается с кафедры. Проповеди монополизированы уполномоченными по выдаче индульгенций; часто учение Христа откладывается в сторону и подавляется ради их выгоды. ... Если бы люди были довольны тем, что Христос правит по законам Евангелия, и что они больше не стремились бы укреплять свою темную тиранию человеческими указами!

[Примечание: Разговорные речи]

В "*Знакомых беседах*", впервые опубликованных в 1518 году и часто дополнявшихся в последующих изданиях, Эразм наиболее резко изложил свои религиозные идеи. Какими бы огромными ни были продажи и влияние других его главных трудов, они, вероятно, были меньше, чем у этого труда, задуманного в первую очередь как учебник в латинском стиле. Первые беседы - это, действительно, не более чем упражнения для школьников, но более поздние - это короткие рассказы, написанные с непревзойденным искусством. Эразм - почти единственный человек, которому после падения Рима удалось написать по-настоящему изысканную латынь. Но его высшим даром было сухое остроумие, тонкая способность выставлять объект, по-видимому, с помощью простого изложения фактов, на острейшее осмеяние. Так, в "*Коллоквиумах*" он описывает свое паломничество к святилищу святого Фомы в Кентербери, окровавленные кости и платок, покрытый кровью святого, предложенный для поцелуя, — и все это без единого неодобрительного слова, но в такой манере, что читатель, дочитав до конца, задастся вопросом, как вообще могло существовать нечто столь глупое. Таким образом, он снова лишает богослужения Марию и всех {60} глупых и неправильных проектов, которым ее просят способствовать. В беседе под названием *Кораблекрушение* люди молятся Морской Звезде точно так же, как они делали это в языческие времена, только имеется в виду Мария, а не Венера. Они предлагают святым горы восковых свечей, чтобы сохранить их, хотя один человек шепотом признается своему соседу, что если он когда-нибудь доберется до земли, то не заплатит ни пенни за выполнение своего обета. Опять же, в *Беседе по Новому Завету* молодого человека спрашивают, что он сделал для Христа. Он отвечает:

Некий францисканец продолжает поносить Новый Завет Эразма в своих проповедях. Так вот, однажды я пришел к нему наедине, схватил его за волосы левой рукой и наказал правой. Я так сильно ударил его, что все его лицо превратилось в желе. Что вы на это скажете? Разве это не утверждение Евангелия? И затем, в качестве отпущения его грехов, я взял эту книгу [Новый Завет Эразма, фолиант в медном переплете] и трижды сильно ударил его по голове во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

"Это, - отвечает его друг, - было истинно евангельским поступком: защищать евангелие евангелием. Но на самом деле тебе пора превращаться из грубого зверя в человека".

Так получилось, что человек, который был одновременно добрейшим христианином, ведущим ученым и острейшим остроумцем своего времени, высказал свое мнение, ни на что не нападая. Там, где Лютер побеждал, он подрывал. [Примечание: Методы аргументации] Даже когда он выступал против какого-либо мнения, он называл свою полемику "Беседой", ибо в этом истинное значение слова "Обличительная речь". Выбирая мягкую лексику, смягченные формы, двойные отрицания, он изысканно смягчал свою латынь. Сомневался ли он в чем-нибудь? Вряд ли, "у него была тень сомнения" (*субдубито*). Считал ли он, что хорошо пишет? Вовсе нет, но он признался, что создал "нечто более похожее на латынь, чем в среднем" (*пауло латинуус*).

Понравилось ли ему что-нибудь? Если так, то он лишь признал — за исключением тех случаев, когда обращался к своим покровителям, - "что был не совсем против этого". Но внезапно от этих легких, как перышко, прикосновений, как у Генри Джеймса, исходит внезапный удар, превративший его перо в кинжал. С тех пор некоторые из его эпиграмм на Реформацию цитировались практически во всех историях на эту тему и будут цитироваться так же часто снова.

[Примечание: Его остроумие]

Но не несколько безупречных фраз сделали его тем, кем он был, а привычное остроумие, которое никогда не подводило в любой ситуации, лишая ее вульгарного притворства. Когда каноник Страсбургского собора показывал ему здание капитула и хвастался правилом, согласно которому никто не должен быть допущен к пребендии, у кого на гербе нет шестнадцати четвертей, гуманист опустил глаза и скромно заметил, едва заметно улыбнувшись, что для него действительно большая честь состоять в религиозном обществе, настолько благородном, что даже Иисус не смог бы соответствовать его требованиям. Этот человек был ошеломлен, он почти заподозрил что-то личное, но он никогда не забывал столь деликатно преподанного спасительного урока.

Эразм был мирным человеком; он боялся "беспорядков", которые, если мы доверяем письму от 9 сентября 1517 года — хотя он иногда ретушировал свои письма перед их публикацией, — он предвидел. "Я боюсь, что в этой части мира, - писал он, - надвигается великая революция". Она уже стучалась в дверь!

{62}

ГЛАВА II

ГЕРМАНИЯ

РАЗДЕЛ 1. ЛИДЕР

В наши дни излишне указывать на то, что ни одно великое историческое движение не вызвано личностью, какой бы могущественной она ни была, отдельного человека. Люди, стоящие у руля в кризисных ситуациях, - это те, кто всего лишь выражает в себе то, что чувствуют массы их последователей. Потребность в руководстве настолько настоятельна, что, если под рукой нет действительно великого человека, люди изобретут его, наделяя лучших из маленьких людей престижем власти и воплощая в его лице дело, к которому они стремятся. Но по-настоящему сильная личность в какой-то степени направляет ход событий, которыми она увлекается. Таким человеком был Лютер. [Примечание: Лютер, 1483-1546] Мало кто когда-либо так представлял эпоху и доминировал над ней, как он. Его сердце было самым пылким, его воля - самой сильной, его мозг - одним из самых емких для своего времени; прежде всего, он обладал даром популярной речи, чтобы внедрять свои идеи в сознание своих соотечественников. Если мы можем позаимствовать цифру из химии, он считал общественное мнение раствором, перенасыщенным бунтом; все, что требовалось, чтобы вызвать его, - это бросить в него камешек, но вместо камешка он добавил самый мощный из возможных реагентов.

В тот октябрьский день, когда Колумб открыл новый свет, Мартин, мальчик почти девяти лет, сидел за своей партой в школе в Мансфельде. Хотя он был и прилежен, и быстр, он обнаружил, что потрепанный латинский букварь, сам написанный абстрактной латынью, очень труден, и

был выпорот четырнадцать раз за одно утро жестокими учителями за ошибку в склонении. Вернувшись домой, он застал свою мать согнувшейся под тяжестью хвороста, который она собрала в лесу. И она, и его отец были суровы с детьми, пороли их за незначительные провинности до крови. Тем не менее, как признавал сам сын, они имели в виду от всей души. Если бы не самопожертвование и решимость, проявленные отцом, рабочим на недавно открытых шахтах, который благодаря собственному трудолюбию добился скромного достатка, карьера сына была бы невозможна.

Не только телесные лишения сделали жизнь мальчика несчастной, но и духовные ужасы. Демоны таились в грозах, а ведьмы преследовали его добрую мать и угрожали заставить ее детей плакать до смерти. Бог и Христос были задуманы как суровые и разгневанные судьи, готовые низвергнуть грешников в ад. "Они нарисовали Христа", — говорит Лютер, и такие изображения до сих пор можно увидеть в старых церквях, — "сидящего на радуге со своей Матерью и Иоанном Крестителем по обе стороны как заступников против его страшного гнева".

В тринадцать лет его отправили в Магдебург в благотворительную школу, а на следующий год - в Айзенах, где он проучился три года. Он помогал ему зарабатывать на жизнь признанным в то время способом попрошайничества, и его приютила благочестивая матрона Урсула Котта. В 1501 году он поступил в старый и знаменитый университет Эрфурта. [Примечание: Эрфурт] Учебная программа здесь состояла из логики, диалектики, грамматики и риторики, за которыми следовали арифметика, этика и метафизика. Были некоторые естественные науки, изучавшиеся не экспериментальным методом, а исключительно по книгам Аристотеля и его средневековых комментаторов, а также несколько курсов литературы, как по латинским классикам, так и по их более поздним подражателям. Входя в число лучших ученых [64], Лютер получил степени бакалавра в 1502 году и магистра искусств в 1505 году и немедленно приступил к изучению юриспруденции. В то время как его усердие и хорошее поведение заслужили золотые слова от его наставников, он общался со своими товарищами как мужчина с мужчинами. Он был щедрым, даже расточительным, музыкантом и "философом"; в диспутах его товарищи и учителя делали его "почетным судьей". "Мне сопутствует удача и крепкое здоровье, - писал он другу 5 сентября 1501 года. - Я устроился в колледже настолько приятно, насколько это возможно".

Внезапной перемене, произошедшей в его жизни в возрасте двадцати одного года, не было предложено адекватного объяснения. Каким бы благочестивым и серьезным он ни был, его мысли, по-видимому, не обращались к монашеской жизни в детстве, и старые легенды о внезапной смерти друга не имеют под собой веских оснований. Когда он возвращался в Эрфурт из поездки домой, его застигла ужасающая гроза, в которой его возбужденное воображение увидело божественное предупреждение оставить "мир". В испуге он поклялся святой Анне стать монахом и, хотя сразу же пожалел о своем опрометчивом обещании, 17 июля 1505 года выполнил его, поступив в августинский монастырь в Эрфурте. После года послушничества он принял нерушимые обеты бедности, целомудрия и послушания. В 1507 году он был рукоположен в сан священника. Зимой 1510-1510 годов он был послан в Рим по делам ордена и там увидел многое из великолепия, а также коррупцию столицы христианского мира. Начав в 1508 году преподавать Аристотеля в недавно основанном Виттенбергском университете, год спустя он вернулся в Эрфурт, но снова был вызван в Виттенберг для чтения лекций по Библии, должность, которую он занимал всю свою жизнь. [Примечание: 1511]

В течение первых десяти лет пребывания в монастыре он пережил глубокое переживание. Он начал с ужасной и мучительной мысли, что обречен на ад. {65} "Что я могу сделать, - продолжал спрашивать он, - чтобы завоевать милостивого Бога?" Ответ, данный ему его учителями, состоял в том, что человек должен осуществить свое собственное спасение, не полностью, но в значительной степени, своими собственными усилиями. Таинства церкви даровали получателю благодать и жизнь, и, помимо этого, он мог заслужить прощение аскетизмом и лишениями монашеской жизни. Лютер воспринял все это и отчаянно стремился постом, молитвой и бичеванием подготовить себя к искуплению. Но хотя он и завоевал репутацию святого, он не мог освободиться от желаний плоти. Он был беспомощен; он ничего не мог сделать. Затем он прочитал у Августина, что добродетель без благодати - всего лишь притворный порок; что Бог проклинает и спасает совершенно безотносительно к труду человека. Он прочитал у Таулера и других мистиков, что единственное истинное спасение - это единение с Богом, и что если человек готов быть проклятым во славу Божью, он найдет рай даже в аду. Он прочитал в "Лефевр д'Этапл", что человек спасается не добрыми делами, а верой, как разбойник на кресте.

В мае 1515 года он начал читать лекцию о Посланиях Павла к Римлянам и размышлял над стихом (i, 17) "Праведный верою своею жив будет". [Примечание: Оправдание только верой] Внезапно, с такой силой, что он поверил в это откровение Святого Духа, его осенила мысль, что в то время как человек бессилен творить добро или быть им, Бог может свободно сделать его таким. Чистая пассивность в руках Бога, простое подчинение его воле было единственным путем спасения; человек освящался не делами, а верой в Искупителя. Эта мысль, хотя и отнюдь не новая в христианстве, в том применении, которое он ей дал, была зародышем религиозной революции. В нем содержалось полное отрицание средневековой церковной системы спасения через таинство и добрые дела монастыря. В наши дни эта мысль кажется нам далекой; вопрос, вызвавший ее к жизни, устарел. Но для шестнадцатого века это было так же практично, как сейчас социальная реформа; церковь была повсюду со своими притязаниями властвовать над повседневной жизнью людей и над их душами. Весь прогресс был обусловлен отказом от ее притязаний, и, вероятно, ничто не могло бы сделать это так основательно, как эта идея об оправдании только верой.

Эта мысль сразу сделала Лютера реформатором. Он начал очищать свой орден от фарисейства, а университет - от отбросов Аристотеля. Вскоре его призвали протестовать против одного из самых навязчивых "добрых дел", рекомендованных церковью, - покупки индульгенций. Альберт Гогенцоллернский был избран благодаря политическому влиянию и в раннем возрасте на архиепископские престолы Магдебурга и Майнца, что принесло с собой электорат и главенство Германии. За подтверждение от папы римского неканонического занятия этих должностей Альберт заплатил огромную сумму, эквивалентную сегодня нескольким сотням тысяч долларов. Майнц уже был по уши в долгах, и молодой архиепископ не знал, куда обратиться за деньгами. Чтобы помочь ему и собрать деньги для Рима, Лев X объявил индульгенцию. Чтобы получить как можно большую прибыль, Альберт нанял в качестве своего главного агента недобросовестного доминиканца по имени Джон Тецель. [Примечание: Тетцель] Этот человек объехал всю страну, провозглашая, что, как только деньги звякнули в сундуке, душа какого-то умершего родственника вылетела из чистилища, и что, купив папское помилование, покупатель получил полное отпущение грехов и милость Божью.

Продавцам индульгенций был запрещен въезд в Саксонию, но они подходили к ней совсем близко, и многие жители Виттенберга вышли, чтобы купить рай по выгодной цене. Лютеру стало тошно при виде того, что он считал обманом бедных людей, которых учили полагаться на эти жалкие бумажки вместо настоящей, живой веры. Соответственно, он поставил под сомнение их ценность {67} в Девяноста пяти тезисах, или главах для схоластических дебатов, которые он прибил к дверям Замковой церкви 31 октября 1517 года. [Примечание: Девяносто пять тезисов, 1517] Он указал, что доктрина церкви очень неопределенна, особенно в отношении освобождения душ из чистилища; что раскаяние - единственные врата к Божьему прощению; что дела милосердия лучше, чем покупка индульгенций, и что действия продавцов индульгенций чрезвычайно скандальны и могут разжигать ересь среди простых людей. При всем этом он прямо не отрицал всей ценности индульгенций, но свел их к минимуму.

Тезисы были напечатаны Лютером и разосланы друзьям в другие города. Их сразу же перевели на немецкий, и вся нация восторженно зааплодировала. Все были возмущены вымогательством жадных священнослужителей и их лицемерием. Все приветствовали атаку на "священную торговлю", как называли ее сторонники. Тецель был окружен толпой, и ему пришлось в спешке отступить. Помилования больше не продавались. Власти сразу забили тревогу. Лев X приказал генералу августинцев заставить своего самонадеянного брата отречься. [Примечание: 3 февраля 1518 г.] Соответственно, этот вопрос был поднят на общем собрании Ордена, состоявшемся в Гейдельберге в мае. Лютер присутствовал, его попросили взять свои слова обратно, и он отказался. Напротив, он опубликовал Проповедь о снисхождении и Благодати и защиту тезисов, в которых изложил свои доводы более убедительно, чем раньше.

Теперь вся Германия была в смятении. Сейм, собравшийся в Аугсбурге летом 1518 года, был крайне враждебен папе римскому и его легату кардиналу Каэтану. По просьбе этого богослова, написавшего ответ на Тезисы, и доминиканцев, оскорбленных в лице Тецеля, Лютер был вызван в Рим для суда. 5 августа [68] император Максимилиан пообещал папе свою помощь, и, чтобы ускорить дело, последний заменил вызов в Рим на вызов к Каэтану в Аугсбург, одновременно проинструктировав легата схватить еретика, если он не отречется. На этом этапе Лютер не был оставлен в беде его собственным сувереном, Фредериком Мудрым, курфюрстом Саксонии, через которого была получена императорская охранная грамота. Вооруженный этим, виттенбергский профессор предстал перед Каэтаном в Аугсбурге, его попросили отказаться от двух своих заявлений об индульгенциях, и он отказался. [Примечание: 12-14 октября 1518 г.] Несколько дней спустя Лютер составил обращение "от плохо информированного папы к папе, чтобы тот был лучше информирован", а в следующем месяце снова обратился от папы к будущему вселенскому собору. Тем временем Лев X в булле *Cum postquam* авторитетно определил доктрину индульгенций в смысле, противоречащем позиции Лютера.

Следующим шагом наместника Христа было послать в Германию специального агента, саксонца Карла фон Мильтица, с инструкциями либо убедить еретика отречься, либо курфюрста выдать его. Ни в одной из этих попыток он не добился успеха. [Примечание: январь 1519 г.] Во время беседы с Лютером максимум, что он мог сделать, - это добиться общего заявления о том, что обвиняемый подчинится решению Святого Престола, и обещания хранить молчание до тех пор, пока его оппоненты будут делать то же самое.

Такой компромисс, несомненно, был бы бесплодным, ибо поборники церкви не могли оставить еретика в покое ни на минуту. Всему этому делу была придана более широкая огласка, чем это

было до сих пор, и в то же время Лютер был выдвинут на более высокое положение, чем он до сих пор занимал, благодаря нападкам теолога из Ингольштадта Джона Экка. Когда он выступил против Тезисов на том основании, что они серьезно подрывают авторитет римского престола, Лютер возразил:

{69} Утверждение о том, что Римская церковь превосходит все другие церкви, подтверждается только слабыми и тщетными папскими указами последних четырехсот лет и противоречит общепризнанной истории предыдущих одиннадцати столетий, Библии и постановлению святейшего из всех соборов, Никейского.

[Примечание: Лейпцигские дебаты, 1519 г.]

Дебаты по этому и другим предложениям между Эком, с одной стороны, и Лютером и его коллегой Карлштадтом, с другой, состоялись в Лейпциге в дни с 27 июня по 16 июля 1519 года. Кульминация спора о власти пап и соборов наступила, когда Экк, искусно маневрируя, чтобы показать, что мнения Лютера совпадают с мнениями Гуса, вынудил своего оппонента сделать смелое заявление о том, что "среди мнений Яна Гуса и богемцев многие, безусловно, являются наиболее христианскими и евангельскими и не могут быть осуждены вселенской церковью". Эти слова вызвали трепет среди зрителей и во всем христианском мире. Эк смог только ответить: "Если ты веришь, что генеральный совет, созданный законным образом, может ошибаться, то ты для меня язычник и мытарь". Примирение действительно было уже невозможно. Когда Лютер протестовал против злоупотребления индульгенциями, он делал это как верный сын церкви. Теперь, наконец, он был вынужден поднять знамя восстания, по крайней мере, против Рима, признанного главы церкви. Он начал с того, что обратился от продавца индульгенций к папе, затем от папы к вселенскому собору; теперь он заявил, что великий собор допустил ошибку и что он не подчинится его решению. Между религией авторитета и правом на личное суждение был очевидный, хотя и едва ли признаваемый им самим, спор.

Его оппозиция папству развивалась с необычайной быстротой. Его изучение канонического права заставило его уже в марте 1519 года заклеить папу римского либо как антихриста, либо как апостола Антихриста. Он [70] аплодировал Меланхтону, блестящему молодому человеку, призванному преподавать в Виттенберге в 1518 году, за отрицание пресуществления. Он заявил, что чашу никогда не следовало утаивать от мирян, и что месса, рассматриваемая как доброе дело и жертвоприношение, была мерзостью. Его глаза открылись на беззакония Рима после разоблачения Валлой "Пожертвования Константина", опубликованного Ульрихом фон Хаттенем в 1519 году. Прочитав это, он написал:

Святые небеса! какая тьма и порочность царит в Риме! Вы удивляетесь суду Божьему за то, что такая недостоверная, грубая, наглая ложь не только жила, но и преобладала на протяжении многих веков, что она была включена в Каноническое право и (что не может не вызывать ужаса) что они стали символами веры.

Как и немецкие войска, Лютер лучше всех умел переходить в наступление. Эти первые годы, когда он стоял практически в одиночестве и атаковал одно оскорбление за другим, были лучшими за всю его карьеру. Позже, когда он взялся за реконструкцию церкви, он изменил или изъясил многое из того, что выдвинул вначале, и вновь ввел значительную часть средневековой религиозности, на которую он когда-то так успешно и яростно нападал. В 1520 году он достиг

самого высокого уровня развития, которого когда-либо достигал. Именно тогда он с поразительной плодотворностью выпустил серию брошюр, не имевших себе равных ни в одном другом месте, как по острой силе их нападок на существующие институты, так и по популярной силе их языка.

[Примечание: *К христианскому дворянству*, 1520]

Его самое большое обращение к соотечественникам было сделано в его *Обращении к христианскому дворянству немецкой нации по поводу улучшения христианского сословия*. Этим он утверждает право гражданской власти реформировать духовную и призывает правительство воспользоваться этим правом. Священники, говорит он, защищают себя от любого внешнего вмешательства тремя "стенами", из которых первая - утверждение о том, что церковь выше государства, на случай, если на них надавит гражданская власть; вторая - утверждение, если их поправить Библией, что никто не может истолковать ее, кроме папы; третья - если им угрожают всеобщим собором, утверждение, что никто не может созвать такой собор, кроме папы. Лютер разрушает эти стены словами огромной важности. Во-первых, он отрицает какое-либо различие между духовным и мирским сословиями. Каждый крещеный христианин, утверждает он, является священником, и этим высказыванием он нанес смертельный удар по великой иерархии привилегий и теократической тирании, созданной средневековьем. Вторая стена все еще более хрупкая, чем первая, говорит автор, поскольку любой может видеть, что, несмотря на заявления священников о том, что они являются знатоками Библии, они за всю свою жизнь не выучили ни одного ее слова. Третья стена рушится сама собой, ибо Библия ясно повелевает каждому наказывать и исправлять любого беззаконника, независимо от его положения.

[Примечание: Меры по реформированию]

После этого вступления Лютер предлагает меры реформы, столь же радикальные и всеобъемлющие. Первые двенадцать статей посвящены папе римскому, аннатам, назначению иностранцев в немецкие бенефиции, обжалованию дел в Риме, утвержденной власти папства над епископами, императором и другими правителями. Все эти злоупотребления, а также юбилеи и паломничества в Рим должны быть просто запрещены гражданским правительством. Следующие три статьи касаются жреческого безбрачия, рекомендуют разрешить священникам вступать в брак и призывают к упразднению многих монастырей. Далее настоятельно рекомендуется упразднить фонды для проведения месс и поддержки праздных священников, отменить различные досадные положения Канонического права и запретить попрошайничество под любым предлогом. Двадцать четвертая статья посвящена богемскому расколу, в ней говорится, что Гус был сожжен ошибочно {72}, и содержится призыв к объединению с гуситами, которые отрицают пресуществление и требуют чаши для мирян. Далее писатель берется за реформу образования в интересах более библейской религии. Наконец, он призывает принять законы о роскоши, заткнуть рот крупным монополистам и ростовщикам уздой и больше не допускать публичных домов.

Из всех произведений писателя это, вероятно, оказало наибольшее и наиболее непосредственное влияние. Некоторые, действительно, были оскорблены жестокостью языка, защищаемого Лютером на примере Библии, и необходимостью побуждать людей к тем

чудовищам, на которые он нападал. Но большинство приветствовало его как "трубный глас", призывающий нацию к оружию. За несколько дней было продано четыре тысячи экземпляров, и в течение месяца потребовалось второе издание. Высказывая идеи, которые были давними, хотя и смутно актуальными, он убедил почти всех в необходимости реформации. В соответствии со своими симпатиями люди заявляли, что дьявол или Святой Дух говорил через Лютера.

[Примечание: Вавилонский плен, 1520]

Хотя и менее популярная как по форме, так и по тематике, *тема Вавилонского пленения Церкви* была не менее важна, чем *Обращение к немецкой знати*. Это был смертельный удар по сакраментальной системе церкви. Оценивая ее, мы должны снова призвать на помощь наше историческое воображение. В шестнадцатом веке догмы не только казались, но и были вопросами первостепенной важности. Именно своей системой таинств, своим притязанием дать верующему вечную жизнь и спасение посредством своих обрядов церковь наложила свое иго на людей. До тех пор, пока эта вера оставалась нетронутой, прогресс в мысли, в свободе совести, в реформировании оставался трудным. И здесь, как это часто бывает, наиболее эффективными аргументами были не те, которые кажутся нам логически наиболее сильными. Лютер не апеллировал к разуму как таковому. Он {73} апеллировал к Библии, признанной всеми христианами авторитетом, и показал, насколько далеко практика церкви отошла от ее стандартов. [Примечание: Таинства] Во-первых, он сократил количество таинств, отказав в этом названии браку, орденам, соборованию и конфирмации. Нападая на ордена, он разрушал священнический идеал и авторитет. Сводя брак к гражданскому договору, он сделал большой шаг к секуляризации жизни. Покаяние он считал таинством в определенном смысле, хотя и не в строгом, и он показал, что церковь изменила его первоначальное значение с "покаяния" [1] на сакраментальное покаяние, в котором не требовалось никакой веры, а просто автоматический акт. Крещение и евхаристию он считал единственно истинными таинствами и серьезно критиковал распространенное учение о последнем. Он отрицал, что месса - это жертва или "доброе дело", угодное Богу и, следовательно, приносящее пользу душе как живого, так и умершего. Он отрицал, что хлеб и вино пресуществились в тело и кровь Иисуса, хотя и утверждал, что тело и кровь действительно присутствуют вместе с элементами. Он потребовал, чтобы чашу раздали мирянам.

Все направление мысли Лютера в то время состояло в том, чтобы выступить против католической теории механического распространения благодати и спасения (так называемого *opus operatum*) посредством таинств и заменить ее индивидуальной концепцией религии, в которой необходима только вера. Насколько далеко он продвинул эту идею, видно из его *Проповеди о Новом Завете, то есть о Святой мессе*, [2] опубликованной в том же году, что и только что проанализированные брошюры. В этом он делает суть таинства прощения, а средством этого прощения - слово Божье, постигаемое верой, а не фактическое участие в священном хлебе и вине. Если бы он всегда был верен этой концепции, то вообще не оставил бы места ни таинству, ни священнику. Но в последующие годы он стал более консервативным, пока под несколько иными именами не были снова утверждены почти старые средневековые представления о церкви и религии, и, как позже выразился Мильтон, "Новый пресвитер был всего лишь старым священником с большой буквы".

[1] В переводе с латыни *penitentia* означает и покаяние, и покаяние.

[2] Ср. от Матфея, xxvi, 28.

РАЗДЕЛ 2. РЕВОЛЮЦИЯ

[Примечание: Германия]

Хотя к концу XV века немцы достигли высокой степени национального самосознания, им, в отличие от французов и англичан, не удалось сформировать соответствующее политическое единство. Священная Римская империя Германской нации, хотя и продолжала заявлять обширные претензии римского мирового государства, на самом деле была всего лишь свободной конфедерацией многих и очень разнообразных территорий. На карте, нарисованной в масштабе 1: 6 000 000, в пределах Империи можно насчитать почти сотню отдельных политических образований, и было много других, слишком маленьких, чтобы их можно было увидеть. Правители семи из этих территорий избирали императора; это были три духовных князя, архиепископы Майнца, Трева и Кельна, три немецких светских князя, курфюрсты Рейнского Пфальца, Саксонии и Бранденбурга, а также король Богемии, который, за исключением целей имперского выбора, не считался членом германского общества. Помимо них, существовало несколько могущественных герцогств, таких как Австрия и Бавария, и множество более мелких епископств и графств. Также было много вольных городов, таких как Аугсбург и Нюрнберг, небольших аристократических республик. Наконец, существовала большая группа "вольных рыцарей" или баронов, чьи крошечные владения часто составляли не более замка и нескольких акров земли, но у которых не было феодального превосходства, кроме императора. Единство империи выражалось не только в личности императора, но и в Сейме, который собирался в разных местах с частыми интервалами. Его авторитет, хотя в целом и возрастал, был невелик.

Без имперской системы налогообложения, профессиональной армии и централизованного управления реальная власть императора уменьшилась. Каким бы оно ни было, он получил его из того факта, что его всегда избирали от одного из великих домов. С 1438 года императорскую должность занимали Габсбурги, эрцгерцоги Австрии. С 1495 года существовал также имперский верховный арбитражный суд. [Примечание: 1495] Первый имперский налог был взимал в 1422 году для оснащения войск против гуситов. В пятнадцатом веке также были заложены зачатки центральной администрации в виде деления королевства на десять "кругов" и набора небольшого числа солдат. И все же во времена Реформации Империя была немногим лучше государства, находящегося в состоянии распада из-за центробежных сил феодализма.

Империя настолько мало была самостоятельной единицей, что политика самих ее правителей не была имперской. Государственная мудрость Максимилиана была чем-то меньшим, чем национальная; это была мудрость его эрцгерцогства Австрийского. Политика его преемника, с другой стороны, определялась чем-то большим, чем Германия, учетом интересов Испании и Бургундии, которыми он также правил. Максимилиан всячески старался возвеличить свою личную власть, а не власть немецкой нации. [Примечание: Максимилиан I, 1493-1519] Вормсский сейм 1495 года пытался переделать конституцию. Он провозглашал вечный общественный порядок при условии, что те, кто его нарушил, должны быть объявлены вне закона, и возлагал обязанность соблюдать запрет на всех территориях в радиусе девяти миль от нарушителя. Он также принял законопроект о налогообложении, получивший название "общий пенни", который сочетал в себе черты подушного налога, подоходного налога и налога на имущество. Собрать его было очень трудно; сам Максимилиан, как территориальный принц,

пытался уклониться от уплаты налога вместо того, чтобы подать своим подданным хороший пример в его уплате. Вероятно, он получал от этого не более 50 000-100 000 гульденов в год. Сейм также возродил Верховный суд и предоставил ему постоянный дом во Франкфурте-на-Майне. Слабые попытки продолжить это начинание реформы предпринимались в последующих сеймах, но они потерпели неудачу из-за непреодолимой зависти князей и из-за того, что партия национального единства потеряла симпатии простого народа, только у него одного они могли искать поддержки.

Внешняя политика Максимилиана, хотя и авантюрная и нестабильная, была несколько более успешной. Его единственным принципом было хвататься за любую возможность, которая, казалось, открывалась. Так, в свое время он всерьез предлагал избрать себя папой римским. Его брак с Марией, дочерью Карла Смелого, добавил к владениям его дома Бургундию — земли, включающие в себя территорию нынешних Бельгии, Люксембурга, большей части Голландии и значительной части северо-восточной Франции. После смерти Марии в 1482 году Максимилиану было трудно добиться признания себя регентом ее земель для их сына Филиппа Красивого. Часть владений он также потерял в войне с Францией. Однако это было более чем компенсировано блестящей партией, которую он сделал Филиппу, добившись для него руки Безумной Джоанны, дочери и наследницы Фердинанда и Изабеллы Испанских. В этом браке родилось двое сыновей, Карл и Фердинанд. Смерти Изабеллы (1504), Филиппа (1506) и Фердинанда Арагонского (1516) сделали Карла в возрасте шестнадцати лет правителем Бургундии и Испании с их огромными зависимостями в Италии и Америке. [Примечание: Карл V, 1500-1558] С этого времени политика Максимилиана была сосредоточена на стремлении {77} обеспечить наследование императорского престола его старшим внуком.

Когда Максимилиан умер 12 января 1519 года, на выборах было несколько кандидатов. Эта должность настолько мало считалась национальной, что в списки были включены короли Франции и Англии, и первый, Франциск I, фактически в свое время заручился обещанием получить голоса большинства выборщиков. Папа Лев дал четкие обязательства Карлу и Франциску поддерживать их притязания и в то же время поручил своему легату добиваться выбора немецкого принца, либо Фредерика Саксонского, если он взамен откажется от Лютера, либо Иоахима Бранденбургского. Но ни разу выборы не вызвали серьезных сомнений. Выборщики последовали единственно возможному курсу, выбрав Чарльза 28 июня. Однако они воспользовались соперничеством богатого короля Франции, вымогая у Карла огромные взятки и уступки. Банкирский дом Фуггера предоставил необходимые средства, и, кроме того, агенты избранного императора были вынуждены подписать "капитуляцию", предусматривающую всевозможные уступки принцам. Одно из них, выдвинутое Фредериком Саксонским в интересах Лютера, заключалось в том, что ни один предмет не должен быть объявлен вне закона без того, чтобы его не выслушали.

Урегулирование вопроса о выборах императора позволило папе вновь обратить свое внимание на подавление быстро растущей ереси. После Лейпцигских дебатов Кельнский и Лувенский университеты осудили позицию Лютера. Экк отправился в Рим в марте 1520 года и убедил курию, которая уже планировала издать буллу, осуждающую еретика, в опасности промедления. После долгих обсуждений булла *Exsurge Domine* была ратифицирована коллегией кардиналов и обнародована Львом 15 июня. [Примечание: Булла против Лютера, 1520 г.] В ней сорок одно высказывание Лютера, касающееся таинств покаяния и евхаристии, индульгенций и {78} власти папы римского, свободы воли и чистилища, а также нескольких других вопросов,

было предано анафеме как еретическое, скандальное, ложное или оскорбительное для благочестивых ушей. Его книги были осуждены и подлежали сожжению, и, если он не отречется в течение шестидесяти дней после опубликования буллы в Германии, его должны были считать еретиком и поступить соответствующим образом. На Эка была возложена обязанность опубликовать это разоблачение в Германии, и он выполнил задачу в последние дни сентября.

Таким образом, срок, отведенный Лютеру для отречения, истек двумя месяцами позже. Вместо этого он опубликовал несколько ответов на "отвратительную буллу антихриста", а 10 декабря публично и торжественно сжег ее вместе со всем каноническим правом. Это ему стало ненавистно, отчасти как содержащее "поддельные декреты", отчасти как санкцию на обширный механизм церковного использования и злоупотреблений, противоречащий его более личному богословию. Драматический акт, вызвавший трепет по всей Европе, символизировал исчезновение некоторых средневековых наслоений на первобытное христианство. Папе ничего не оставалось, как отлучить еретика от церкви, как это было сделано в булле *Decet Pontificem Romanum*, составленной в Риме в январе [Прим.: 1521] и опубликованной в Вормсе 6 мая.

Тем временем Чарльз приехал в Германию. Более года после своего избрания он оставался в Испании, где его положение было очень ненадежным из-за восстания против его бургундских офицеров. Прибыв в Нидерланды летом 1520 года, Карл был встречен специальными нунциями папы римского Караччоло и Алеандром. После того как он был коронован императором в Экс-ла-Шапель, он открыл свою первую диету в Вормсе. [Примечание: 23 октября 1520 г., 27 января 1521 г., "Диета червей"]

Перед этим августейшим собранием стояли три вопроса высочайшей важности. Первый касался династической политики Габсбургов. {79} За хроническую войну с Францией была проголосована армия в 24 000 человек и налог в 128 000 гульденов. Расположение Вюртемберга вызвало некоторые проблемы. Герцог Ульрих был свергнут за восстание в 1518 году, а его земли были отняты у него Швабской лигой и проданы императору в 1520 году. Вместе с австрийскими землями, которые Карл тайно передал своему младшему брату Фердинанду, эта территория составила ядро власти Габсбургов в Германии.

Затем сейм рассмотрел вопрос о конституционной реформе. Чтобы иметь постоянный административный орган, необходимый во время длительных отлучек императора, был учрежден Императорский регентский совет, которому было предоставлено место в Нюрнберге. [Примечание: Регентский совет] Император назначил президента и четырех из двадцати двух других членов; каждый из шести немецких выборщиков выдвинул по одному члену; шестеро были выбраны кругами, на которые была разделена Империя, и шестеро были избраны другими сословиями. Полномочия совета были ограничены временем, когда император находился в отъезде.

Третьим вопросом, рассмотренным сеймом, был религиозный. Как обычно, они составили длинный список претензий к папе римскому, под которым подписались многие добрые католики в ассамблее. Затем они стали думать, что делать с Лютером. Сам Карл, который не говорил ни на одном языке, кроме французского, и не испытывал ни малейшей симпатии к мятежникам от какой бы то ни было духовной или светской власти, предпочел бы немедленно объявить виттенбергского профессора вне закона, но он был связан своим обещанием Фредерику Саксонскому. Из шести курфюрстов, заседавших отдельно от других сословий,

Фредерик решительно поддерживал Лютера, курфюрст Палатинский был благосклонно настроен по отношению к нему, а архиепископ Майнцский представлял политику посредничества. Остальные три выборщика были против. Среди {80} младших князей значительное меньшинство было за Лютера, тогда как среди представителей вольных городов и рыцарей, вероятно, большинство составляли его последователи. Простые люди, хотя и не были представлены, аплодировали Лютеру, и их крики не могли остаться без внимания даже аристократических членов сейма. [Примечание: 13 февраля] Дебаты открыл Алеандр речью, в которой подробно остановился на сакраментальных ошибках еретика и сходстве его движения с движением ненавистных богемцев. После бурного заседания сословия решили вызвать отважного саксонца к себе, и, соответственно, ему была выслана рекомендация вместе с охранной грамотой.

Хотя повиновение призыву таило в себе некоторую опасность, путешествие Лютера в Вормс было триумфальным. Представ перед Сеймом ближе к вечеру 17 апреля, его спросили, принадлежит ли ему определенное количество книг, названия которых были прочитаны, и отречется ли он от содержащейся в них ереси. Форма вопросов застала его врасплох, поскольку он ожидал, что ему предъявят конкретные обвинения и позволят отстаивать свои позиции. Соответственно, он попросил время, и ему был предоставлен еще один день. [Примечание: 18 апреля 1521 г.] При своем втором появлении он произнес великолепную речь, признав, что книги принадлежат ему, и завершив ее словами:

Если только я не буду осужден Священным Писанием или здравым смыслом (ибо я не доверяю ни папам, ни соборам, поскольку они часто ошибались и противоречили самим себе) ... Я не могу и не буду ни от чего отречься, поскольку поступать против совести небезопасно и неправильно. Боже, помоги мне. Аминь.

Там он стоял, бросая вызов миру, потому что не мог поступить иначе. . . . Он покинул зал героем своей нации.

Все еще надеясь убедить его в ошибке, католические богословы провели с ним длительные, но безрезультатные беседы перед его отъездом из Вормса 26 апреля {81}. Симпатии людей к нему были продемонстрированы размещением в Worms плакатов с угрозами в адрес его врагов. Чарльз был искренне потрясен и немедленно составил заявление о том, что он рискнет жизнью и землями ради поддержания католической веры своих отцов. Указ был составлен Алеандром по образцу того, который был обнародован в сентябре в Нидерландах. [Примечание: Лютер запрещен] Вормсский эдикт наложил на Лютера запрет Империи, предписывал выдать его правительству по истечении срока действия охранной грамоты и запрещал всем давать ему приют или читать его труды. Хотя указ был датирован 8 мая, чтобы синхронизировать его с договором между Карлом и Львом, сейм принял его только 26 мая. В это время многие члены партии разъехались по домам, а оставшимся закон был навязан, вопреки желанию большинства, интригами и имперским давлением.

После отъезда из Вормса Лютер был взят своим принцем Фредериком Мудрым и помещен для охраны в Вартбург, прекрасный старый замок недалеко от Эйзенаха. [Примечание: Вартбург] Здесь он скрывался почти год, выполняя часть своей самой важной работы. Здесь он написал свой трактат *О монашеских обетах*, объявив их неправильными и недействительными и призвав всех священников, монахинь и монахов покинуть монастырь и жениться. Освободив таким образом тысячи мужчин и женщин от жизни, зачастую непродуктивной и бесплодной, Лютер

осуществил одну из величайших своих практических реформ. В Вартбурге Лютер также начал свой перевод Библии. Новый Завет появился в сентябре 1522 года, за ним последовал Ветхий Завет в четырех частях, последняя из которых была опубликована в 1532 году.

[Побочное примечание: Радикалы]

Пока Лютер находился на пенсии в Вартбурге, его коллеги Карлштадт и Меланхтон, а также монах-августинец Габриэль Цвиллинг присоединились к движению в Виттенберге и провели реформы более радикальные {82}, чем реформы их лидера. Пожертвования масс были конфискованы и использованы для оказания помощи бедным на новых и лучших принципах. Проституция была подавлена. Был введен новый порядок богослужения, в котором были опущены слова, подразумевающие, что месса была жертвоприношением, и мирянам было дано причастие в обоих видах. Священников убеждали вступать в брак, а монахов чуть ли не силой заставляли покидать монастырь. Элемент насилия толпы рано проявился как в Виттенберге, так и в других местах. Восстание против духовенства в Эрфурте произошло в июне 1521 года, а к концу года беспорядки произошли в Виттенберге.

Даже сейчас, на заре революции, появились зачатки этих сект, более радикальных, чем лютеранская, широко известных как анабаптисты. Небольшой промышленный городок Цвиккау долгое время был рассадником вальденсианской ереси. Под руководством Томаса Мюнцера местные ткачи сформировали религиозное общество, движимое желанием обновить как церковь, так и государство самыми готовыми и грубыми средствами. Подавление движения в Цвиккау правительством привело лишь к изгнанию или побегу некоторых лидеров.

[Примечание: 27 декабря 1521 г.] Трое из них добрались до Виттенберга, где провозгласили себя пророками, вдохновленными Богом, и провели возрождение, отмеченное значительной, хотя и безобидной экстравагантностью.

[Прим. автора: 20 января 1522 г.]

Поскольку радикалы в Виттенберге встревожили всю Северную Германию, Имперский регентский совет издал указ, запрещающий все нововведения и предписывающий курфюрсту Саксонии остановить их. Примечательно, что Лютер в этом чувствовал себя точно так же, как и католики. В начале марта он вернулся в Виттенберг с явной целью остановить реформы, которые для него уже зашли слишком далеко {83}. Его личное влияние было настолько велико, что он не испытывал при этом никаких затруднений. Не только пророки из Цвиккау, но и Карлштадт, и Цвиллинг были дискредитированы. Почти все их меры были отменены, в том числе и те, которые касались богослужения, которое снова было восстановлено почти до католической формы. Только в 1525 году была проведена простая служба причастия и снова было введено использование немецкого языка.

[Примечание на стороне: Восстание рыцарей, 1522-3]

Вскоре стало очевидно, что все ордена и все части Германии находятся в состоянии брожения. Следующим проявлением революционного духа стало восстание рыцарей. Этот класс, находящийся сейчас в состоянии морального и экономического упадка, давно утратил всякую полезность, которую когда-либо имел. Расцвет городов, возвышение князей и переход от феодального общества к коммерции - все это работало в ущерб мелкой знати и мелкопоместному дворянству. Едва ли не единственным оставшимся у них средством к существованию была вольная охота, и к ней они прибегали без зазрения совести. Завидуя

богатым городам, завидуя великим князьям и гордясь тем, что они получили власть непосредственно от императора, рыцари стремились к новой Германии, более централизованной, более национальной и, конечно же, под их особым руководством. В лютеранском движении они думали, что видят свою возможность; в Ульрихе фон Хаттене они нашли свою трубу, во Франциске фон Зиккингене - свой меч. Сам рыцарь, но обладавший имуществом, равным имуществу многих принцев, прирожденный воин, но знавший, как пользоваться новым оружием, золотом и пушками, Зикинген в течение многих лет, прежде чем услышал о Лютере, продолжал увеличивать свою власть путем хищнических междоусобиц. У него было так мало чести, что, хотя его и назначили высшим военным командованием в кампании против Франции, он пытался добиться личной выгоды путем измены, настраивая императора против короля Франциска, на чью сторону он долгое время почти открыто переходил. {84} В 1520 году он попал под влияние Гуттена, который убеждал его поддерживать дело "евангелия" как дело свободы Германии. К августу 1522 года он убедился, что настало время действовать, и издал манифест, в котором провозглашалось, что феодальные налоги стали невыносимыми, и создавалось впечатление, что он действовал как союзник Лютера, хотя последний ничего не знал о его намерениях и искренне не одобрил бы его методы.

Первый поход Зикингена был против Трева. "Нехристианская пушка" архиепископа вынудила его удалиться из этого города. 10 октября Регентский совет объявил его вне закона. Лига, сформированная Тревом, Пфальцем и Гессеном, нанесла ему поражение и захватила его замок в Ландштуле в мае 1523 года. Смертельно раненный, он скончался 7 мая.

Столь же невредимый и не получивший помощи от таких инцидентов, как восстание рыцарей, основной поток религиозной революции устремился вперед. Лев X умер 1 декабря 1521 года, и на его место был избран Адриан Утрехтский, человек совсем другого характера. [Примечание: Адриан VI, 1522-33] Хотя он уже занял решительную позицию против Лютера, он был глубоко полон решимости искоренить коррупцию в церкви. На сейм, созванный в Нюрнберге [Примечание: Нюрнбергский сейм, 1522], во второй половине 1522 года он направил в качестве легата Чиерегато послание с кратким требованием подавления раскола. Это чудовищно, сказал он, что один младший брат сбил целую нацию с пути, пройденного столькими мучениками и учеными врачами. "Как вы думаете, - спросил он, - будут ли люди больше уважать гражданское правительство, если их научат презирать каноны и указы духовной власти?" В то же время Адриан написал Кьерегато:

Скажите, что мы откровенно признаем, что Бог допускает это преследование его церкви из—за грехов людей, особенно священников и прелатов. . . . Мы {85}

знаем, что на этом Святом Престоле вот уже несколько лет было много мерзостей, злоупотреблений в духовных вопросах, излишеств в заповеданном, короче говоря, что все стало извращенным. . . . Мы все свернули со своих путей, и долгое время не было никого, кто поступал правильно, - нет, ни одного.

Это признание скорее укрепило реформистскую партию, чем что-либо иное, заставив ее требования казаться обоснованными; и все, что сделал сейм для урегулирования религиозного вопроса, заключалось в требовании созвать собор с участием мирян в одном из немецких городов. Длинный список претензий к церкви был снова составлен и представлен императору.

Тот же сейм занялся другими делами. И необходимость реформ, и бессилие Регентского совета были продемонстрированы делом Зикингена. Был принят закон против монополий, ограничивающий капитал любой отдельно взятой компании пятьюдесятью тысячами гульденов. Чтобы обеспечить деньгами центральное правительство, была введена таможенная пошлина в размере 4%. Была введена адвалорная пошлина. Обе эти меры оказали давление на города, которые, соответственно, направили посольство к Карлу. Им удалось убедить его отменить оба закона.

[Примечание: Нюрнбергский сейм 1524 г.]

Следующий сейм, собравшийся в Нюрнберге в начале 1524 года, естественно, воздержался от принятия более бесполезных законов, на которые император мог наложить вето, но, с другой стороны, он занял более твердую позицию, чем когда-либо, по религиозному вопросу. Вормсский эдикт все еще номинально оставался в силе и по сути попирался. Лютер был на свободе, а его последователи набирали силу. В ответ на требование правительства о строгом выполнении Эдикта сейм принял резолюцию о том, что он должен соблюдаться каждым штатом настолько, насколько его правитель сочтет это возможным. Отчаявшись в проведении вселенского собора, сословия потребовали, чтобы до конца года в Шпайере был созван {86} немецкий национальный синод, уполномоченный принять решение о том, что должно быть сделано на данный момент.

Нет никаких сомнений в том, что к этому времени общественное мнение Северной Германии, по крайней мере, было насквозь лютеранским. Фердинанд почти не преувеличивал, когда писал своему брату, что во всей империи едва ли найдется один человек из тысячи, не зараженный новыми доктринами. [Примечание: 1523] Место, которое сейчас занимают газеты и еженедельные обзоры, было занято огромным количеством брошюр, большинство из которых сохранилось. [Примечание: Популярные брошюры] Фотографии, сделанные в годы, последовавшие за "Диетой из червей", свидетельствуют о первом энтузиазме людей по отношению к "евангелию". Большая часть выпущенных постов посвящена лидеру и его доктринам. Сравнение его с Гуссом было любимым. По крайней мере, один памфлетист провел параллель между его судом в Вормсе и судом Христа перед Пилатом. Все умы людей были склонны к теологии. Доктрины, которые сейчас кажутся немного причудливыми и банальными, каждый автор отстаивал с новым пылом. Оспаривались уничтожение изображений, вопрос о реальном присутствии в таинстве, оправдание верой и свобода воли. Больше всего хвалили Библию в новом переводе, и священники, как и прежде, оставались излюбленным объектом сарказма.

Среди очень многих авторов этих трактатов видное место занимал нюрнбергский драматург Ганс Сакс. В 1523 году он опубликовал свое стихотворение "Виттенбергский соловей, чей голос звучит на великолепной заре над холмами и долами". Эта птица, конечно же, Лютер, а свирепый лев, покушавшийся на его жизнь, - Лео. [Примечание: Ганс Сакс] В следующем году Ганс Сакс опубликовал не менее трех брошюр в поддержку реформы. Это были: 1. Диспут между каноником и Сапожником, защищавшими Слово Божье и христианское сословие {87}. 2. Беседа

о лицемерных деяниях духовенства и их клятвах, которыми они надеются спастись, в ущерб Крови Христа. 3. Диалог против римской алчности. Умножьте эти брошюры, содержание которых обозначено их названиями, на сотню, и мы получим некоторое представление о тех пустяках, на которых люди доросли до протестантизма. Конечно, на другой стороне было много брошюр, но здесь, как и в тысяче других случаев, важным оказалось проветрить дело. До тех пор, пока дискуссия велась в каналах, выбранных реформаторами, даже интерес, возбуждаемый их противниками, в конечном счете играл им на руку.

[Примечание: Крестьянская война, 1524-5]

Осуждение властей вместе с проповедью о превосходстве смиреннейшего христианина и братстве людей внесло значительный вклад в великое восстание низших классов, известное как Крестьянская война, в 1524-1575 годах. Оно не было, как следует из названия, ограничено сельскими жителями, поскольку, вероятно, к нему присоединилась такая же большая часть городского населения, как и земледельцев. И в нем не было ничего совершенно нового. Призыв к справедливости был давним, и каждый отдельный элемент восстания, включая ненависть к духовенству и требование церковной реформы, можно найти и в предыдущих восстаниях. Таким образом, восстание крестьян под предводительством Ганса Бема, обычно называемого Вольтшиком из Никласхаузена, в 1476 году было вызвано религиозным призывом. Лидер утверждал, что получил особые откровения от Девы Марии о том, что крепостное право должно быть отменено и царство Божье наступит путем выравнивания всех социальных рангов; и он творил чудеса, подтверждающие его божественное призвание. Также произошло два восстания, тесно связанных между собой: первое в 1513 году, получившее свое название "Бундшух" от крестьянского завязанного башмака, эмблемы класса, и {88} второе, в 1514 году, получившее название "Бедный Конрад" по прозвищу крестьянина. Если память о подавлении всех этих восстаний могла ослабить надежды бедных, то, с другой стороны, успешное становление швейцарской демократии было для них постоянным примером и ободрением.

[Примечание: Причины]

Самой фундаментальной причиной всех этих восстаний был, конечно, призыв угнетенных к справедливости. Это вечно, как и одно из основных направлений, на которые обычно делится общество, - противостояние бедных и богатых. Поэтому не очень важно выяснять, улучшалось или ухудшалось положение третьего сословия в первой четверти шестнадцатого века. В любом случае, необходимо было сбросить с себя огромный груз несправедливости и тирании. Но вопрос не лишен интереса сам по себе. Поскольку на этот вопрос существуют диаметрально противоположные ответы, как в свидетельствах современников, так и по мнению современных ученых, на него, возможно, невозможно ответить. В некоторых районах и в некоторых отношениях участь бедных становилась немного легче; в других землях и разными способами она становилась все тяжелее. То было время всеобщего процветания, в котором крестьянин часто участвовал. Новые методы ведения сельского хозяйства, мануфактуры и торговли приносили пользу тому, кто знал, как ими воспользоваться. О том, что некоторые так и поступали, можно судить по утверждению Себастьяна Бранта о том, что крестьяне одеваются как дворяне, в атлас и золотые цепи. С другой стороны, растущие цены тяжело сказались бы на тех рабочих, которые зависят от фиксированной заработной платы, хотя и облегчили бы бремя фиксированной арендной платы. Всеми народами, за исключением торговцев, не нравилось повышение стоимости жизни, и они принимали законы против этого в меру своих

возможностей. Жалобы на монополию были обычным делом, и сеймы иногда принимали законы против них. На внешнюю торговлю смотрели с подозрением, поскольку она истощала запасы серебра и золота в стране. Опять же, хотя крестьяне извлекали выгоду из растущей стабильности правительства, они были недовольны введением нового римского права с его акцентом на правах собственности и государства. Бремя, непосредственно налагаемое правительствами территорий, вероятно, возрастало. Если поборы с землевладельцев не увеличивались, то это было просто потому, что они всегда были максимальными. Богатый джентльмен никогда не терялся в поисках закона и прецедента для выжимания из своих крепостных и арендаторов всего, что они могли заплатить. [Примечание: классы крестьян] Крестьяне делились на три класса: крепостные, арендаторы, которые платили постоянную арендную плату, и наемные рабочие. Первые, возможно, больше, чем другие, теперь пришли к решимости отстаивать свои права. Для них Крестьянская война была неизбежным разрывом с долгим экономическим прошлым, теперь невыносимым и безнадежным. Есть некоторые свидетельства того, что число крепостных увеличивалось. Этот процесс, угрожая свободе других, объединил всех в решимости остановить постепенное порабощение своего класса, считаться с теми, кто от этого выигрывал.

Насколько мало теперь было в идеалах последнего и самого ужасного крестьянского восстания, можно увидеть, изучив программы реформ, выдвигавшиеся время от времени в течение предыдущего столетия. В манифестах 1525 года нет ничего такого, чего нельзя было бы найти в брошюрах пятнадцатого века. Жалобы те же, и надежда на полностью обновленное и коммунизированное общество та же. Одним из наиболее влиятельных из этих социалистических памфлетов была так называемая *Реформация императора Сигизмунда*, написанная аугсбургским священником около 1438 года, впервые напечатанная в 1476 году и переиздававшаяся несколько раз до конца столетия. Его название свидетельствует о мессианской вере народа в то, что один из их {90} великих старых императоров когда-нибудь вернется и вернет мир в состояние справедливости и счастья. Настоящий трактат проповедовал, что "послушание умерло, а справедливость больна"; он критиковал крепостничество как порочное, осуждал церковный закон и требовал свободы, данной Христом.

Та же доктрина, адаптированная к потребностям времени, проповедуется в "*Реформации императора Фредерика III*", анонимно опубликованной в 1523 году. Хотя он более радикален, чем Лютер, он отражает некоторые из его идей. Однако в еще большей степени он воплощает реформы, предложенные в Нюрнберге в 1523 году. Вероятно, оно было написано Джорджем Рюкснером по прозвищу Иерусалим, имперским вестником, известным в этих кругах. Он выступал за отмену всех налогов и десятины, отмену всех имперских гражданских законов, реформу духовенства, конфискацию церковной собственности и ограничение размера капитала, разрешенного любому торговцу, до 10 000 гульденов.

Хотя в течение последнего десятилетия, предшествовавшего великому восстанию, не было ничего нового ни в способах угнетения, ни в требованиях третьего сословия, кажется, что в литературе, адресованной низшим классам, появилась новая атмосфера или тон. В то время как, с одной стороны, бедняки по-прежнему подвергались насмешкам и оскорблениям, как это было всегда, со стороны глупых и бессердечных обладателей унаследованного богатства и положения, с другой стороны, теперь им также начали льстить и за ними ухаживали. Крестьянин стал в обширной памфлетной литературе того времени идеальной фигурой, типом простого,

честного, богобоязненного человека. [Примечание: идеализированный крестьянин] Дворяне, такие как герцог Ульрих Вюртембергский, привыкли, чтобы их называли популярными прозвищами. Карлштадт и другие ученые люди провозгласили, что крестьянин лучше знает Слово Божье и путь спасения, чем образованный человек. Многие радикальные проповедники, особенно анабаптист {91} Мюнцер, доводили идею человеческого братства до уровня коммунизма. Было несколько проповедников-мирян, самым известным из которых был врач Ганс Маурер, взявший прозвище "Карстанс". Это имя, "человек с мотыгой", вскоре стало одним из крылатых словечек того времени и вошло в народную речь как синоним простого и благочестивого труженика. Хаттен подхватил это и призвал людей схватить цепи и вилы и бить духовенство и папу римского так, как они били бы дьявола. [Примечание: 1521] Другие проповедовали ненависть к евреям, к богатым, к юристам. Прежде всего, они апеллировали к Библии как к божественному закону и требовали религиозной реформы как условия, предшествующего основательному обновлению общества. Хотя сам Лютер с самого начала выступал против всех форм насилия, его громкий голос прозвучал в знак протеста против несправедливости знати. "Люди больше не могут и не захотят терпеть вашу тиранию, - сказал он им в 1523 году. - Бог этого не потерпит; мир уже не тот, каким он был когда-то, когда вы гнали людей и охотились на них, как на диких зверей".

Восстание началось в Штюлингене, недалеко от швейцарской границы, в июне 1524 года и со значительной скоростью распространялось на север, пока большая часть Германии не оказалась в агонии революции. Повстанцы смогли продвинуться вперед, потому что большая часть регулярных войск была отозвана на турецкий фронт или в Италию для участия в битве императора против Франции. В Южной Германии в течение первых шести месяцев собрания крестьян и горожан проходили в высшей степени мирно. Они хотели только провести переговоры со своими хозяевами и добиться проведения некоторых практических реформ. Но когда восстание перекинулось на Франконию и Саксонию, была разработана гораздо более радикальная социалистическая программа, и повстанцы показали себя более готовыми отстаивать свои требования с оружием в руках. На 1524 год не было выдвинуто никакого общего манифеста, но между повстанцами и их бывшими хозяевами велись переговоры. В том или ином округе были представлены списки весьма специфических жалоб и требований возмещения ущерба. В некоторых случаях лорды соглашались ответить на эти петиции просто для того, чтобы выиграть время, в других - искренне. Они отрицали то или иное обвинение и обещали положить конец той или иной форме угнетения. Ни одна из сторон не была готова к гражданской войне. В целом это было больше похоже на современную забастовку, чем на что-либо другое.

В первые месяцы 1525 года было составлено несколько программ более общего характера, чем те, что были составлены ранее, и все же ни в коем случае не радикальных. Самая известная из них называлась "*Двенадцать статей*", была напечатана и широко распространена в феврале. [Примечание: *Двенадцать статей*] Точное место, где они возникли, неизвестно. Авторство сильно оспаривалось, и это неизбежно, поскольку они не были работой одного мозга, а представляли собой такое же сложное произведение, как Конституция Соединенных Штатов. Материал в них взят из уст целого народа. Гораздо больше, чем в других популярных произведениях, чувствуется, что они являются подлинным выражением общественного мнения большого класса. Вероятно, их автором был Себастьян Лотцер, кожевник, который в течение многих лет проповедовал апостольский коммунизм. Не исключено, что к ним приложил руку анабаптист Бальтазар Хюбмайер. Их требования умеренны и сегодня считались бы вопросами самоочевидной справедливости. Первая статья отстаивает право каждой общины выбирать

своего пастора. Вторая протестует против незначительной десятины с овощей, выплачиваемой духовенству, хотя прямо признает законность десятины с зерна. Третья статья требует свободы для крепостных, четвертая и пятая требуют права охотиться и рубить дрова в лесах. Шестая, седьмая и восьмая статьи {93} протестуют против чрезмерного принудительного труда, незаконных платежей и непомерной арендной платы. Девятая статья осуждает новое (римское) право и требует восстановления старого (немецкого) права. В десятой статье выражается возмущение бедных по поводу огораживания богатыми общин и других свободных земель. Одиннадцатый требует отмены налога на наследство, по которому вдова крестьянина была обязана уступить своему господину лучшую голову скота или другое ценное имущество. В заключительной статье выражается готовность повстанцев подчинить все свои требования Слову Божьему. И здесь, и в преамбуле постулируется полная ассимиляция божественного и человеческого закона, и обвинение в том, что лютеранское Евангелие вызвало подстрекательство к мятежу, оправдано.

[Примечание: Другие манифесты]

Хотя *двенадцать статей* были приняты большим количеством крестьянских групп, чем любая другая программа, все же примерно в то же время было составлено несколько других манифестов. Так, в *Пятидесяти девяти статьях* о штюлингенских крестьянах те же требования выдвигаются с гораздо большими подробностями. Утверждается законное право на судебное разбирательство в соответствии с надлежащей правовой процедурой, и осуждаются возмутительные выплаты, причитающиеся лорду, когда его крестьянин женится на женщине из другого сословия. Но и здесь, и в других местах, основные требования были теми же: свобода от крепостничества, от жестокого налогообложения и принудительного труда, а также неограниченные права на охоту и рубку леса. Повсюду звучат одни и те же утверждения о том, что права народа санкционированы законом Божьим, и обычно крестьяне предполагают, что они действуют в соответствии с новым "евангелием" Лютера. Швабы прямо представили свои требования на рассмотрение комиссии из четырех человек, состоящей из представителя императора Фридриха Саксонского, Лютера и либо Меланхтона, либо Бугенхагена.

{94} Когда восстание достигло центральной части Германии, оно сразу стало более социалистическим и более кровавым. [Прим. автора: Мюнцер] Зловещее красноречие Томаса Мюнцера было применено в Мюльхаузене, чтобы побудить людей безжалостно поражать безбожников мечом. Уже в сентябре 1524 года он проповедовал: "Вперед! вперед! вперед! Настало время, когда нечестивые пугливы, как гончие. ... Не обращайтесь внимания на вопли безбожников ... Продолжайте, пока горит огонь. Пусть ваши мечи не остынут от крови. Бейте, бах, бах по наковальне Нимрода; разружьте его башню до основания!" Другие лидеры подхватили послание и призвали к искоренению тиранов, включая как духовенство, так и лордов. Коммунизм требовался, как и в апостольскую эпоху; собственность осуждалась как порочная. Одной из предложенных мер было регулирование цен, а другой - выделение правительством страны средств университету.

Пропаганда дел вплотную следовала за пропагандой слов. Весной 1525 года в центральной Германии сорок шесть монастырей и замков были сожжены дотла, в то время как насилие и грабежи царили безраздельно со всей свирепостью, характерной для классовой борьбы. В Пасхальное воскресенье, 16 апреля, одна из наиболее вооруженных крестьянских банд под командованием одного из самых жестоких лидеров, Яклеина Рорбаха, напала на Вайнсберг.

Граф и его небольшой гарнизон из восемнадцати рыцарей сдались и были перебиты повстанцами, которые осыпали графиню и ее дочерей насмешками и оскорблениями. Многие города присоединились к крестьянам, и на короткое время казалось, что восстание может увенчаться успехом.

[Примечание: Подавление восстания]

Но на самом деле повстанцы были плохо экипированы, необучены, без сотрудничества или руководства. Как только войска, выигравшие битву при Павии в Италии, были отправлены обратно в Германию, все движение рухнуло. [Примечание: 24 февраля 1525 г.] Швабская лига нанесла решающие поражения повстанцам при Лейпхайме 4 апреля и при Вурцах десять дней спустя. В мае последовали другие удары. В центре Германии саксонский электорат лежал навзничь. Фредерик Мудрый умер в разгар беспорядков [Прим. автора: 5 мая 1525 г.] после того, как выразил свое мнение, что на то была Божья воля, чтобы правил простой человек, и что было бы неправильно сопротивляться божественному указу. Его молодой сосед Филипп, ландграф Гессенский, действовал энергично. Договорившись со своими подданными путем переговоров, он собрал войска и встретился с бандой повстанцев во Франкенхаузене. Он хотел договориться и с ними, но фанатизм Мюнцера, обещавшего введенным в заблуждение людям сверхъестественную помощь, заставил их отвергнуть все условия. В очень древнем немецком стиле они соорудили баррикаду из повозок и спокойно ожидали нападения солдат.

[Примечание: 15 мая] Недисциплинированные и плохо вооруженные, они сломались почти при первом выстреле и в панике бежали, более половины из них погибли на поле боя. Мюнцер был схвачен и, после того как его под пытками заставили подписать признание в своих злодеяниях, был казнен. После этого у крестьянского движения не осталось сил. Лорды, одержав верх, подавили восстание с большой жестокостью. Оценки количества убитых крестьян настолько разнятся, что сделать полную уверенность невозможно. Всего погибло, возможно, сто тысяч человек. Солдаты намного превосходили повстанцев в жестоких расправах. Рабочие снова впали в еще более жалкое положение, чем прежде; угнетение распространялось по стране с меньшим упреком, чем когда-либо.

РАЗДЕЛ 3. ОБРАЗОВАНИЕ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ПАРТИИ

[Примечание: Отступничество от Лютера]

В шестнадцатом веке политика была теологической. Группы, на которые разделялись мужчины, носили религиозные лозунги и назывались церквями, но они также были политическими партиями. Годы, последовавшие за Диетой {96} Вормса, ознаменовались кристаллизацией новой группы, которая сначала была либеральной и реформаторской, а позже, по мере роста стабильности, консервативной. В Вормсе почти все либеральные силы Германии поддерживали Лютера: интеллектуалы, простые люди с их желанием социального улучшения и те, к кому в первую очередь обращался религиозный вопрос. Но эта поддержка, оказываемая общественным мнением, была расплывчатой; в последующие годы она стала одновременно и более определенной, и более ограниченной. В то самое время, когда город за городом и штат за штатом открыто восставали против папы, пока реформаторы не завоевали большой электорат в имперских сеймах и место конституционного признания, шел другой процесс, в результате которого один за другим определенные элементы, поначалу склонные поддерживать Лютера, отпадали от него. В эти годы он яростно отмежевался от крайних радикалов и таким образом потерял поддержку пролетариата. Во-вторых, растущая определенность и узость его

догматизма и его неспособность проявить гостеприимство к науке и философии оттолкнули ряд интеллектуалов. В-третьих, великий раскол ослабил протестантскую церковь. Но эти потери были уравновешены двумя прибавками. Первой была растущая дисциплина и согласованность новых церквей; второй - постепенное, но быстрое завоевание ими поддержки среднего и правящего классов во многих немецких государствах.

[Примечание: Радикалы]

Борьба Лютера с радикализмом началась через год после его выступления в Вормсе. Он всегда был последовательным противником насилия толпы, даже когда мог бы извлечь из этого выгоду. В Вормсе он не одобрил планы Хаттена обнажить меч против румын. Когда со своей "сторожевой башни" он впервые увидел беспорядки в Виттенберге, он написал, что, несмотря на великую провокацию, устроенную простому человеку духовенством, все же беспорядки были делом рук дьявола. {97} Вернувшись домой, он проповедовал, что единственное оружие, которое должен использовать христианин, - это Слово. "Если бы я захотел, - сказал он тогда, - я мог бы довести Германию до гражданской войны. Да, в Worms я мог бы начать игру, которая была бы небезопасна для императора, но это была бы игра в дурака. Поэтому я ничего не сделал, а только позволил Слову действовать." Изгнанные из Виттенберга, пророки Цвикау, которым помогал Томас Мюнцер, продолжали свою агитацию в других местах. Пока их пропаганда была мирной, Лютер был склонен терпеть это. "Пусть они учат тому, чему им нравится, - сказал он, - будь то евангелие или ложь". Но когда они начали проповедовать кампанию огня и меча, в июле 1524 года Лютер написал своему курфюрсту, умоляя его "решительно противодействовать их буйству и разглагольствованиям, чтобы Царство Божье могло продвигаться только словом, как подобает христианам, и чтобы у толпы [Herr Omnes, буквально мистер Каждый] были отобраны все поводы для мятежа, более чем достаточно склонной к этому".

Когда восстание наконец вспыхнуло, народ смотрел на Лютера снизу вверх и обращался к нему как к своему защитнику. В апреле 1525 года он составил *Призыв к миру по двенадцати статьям швабских крестьян*, [Прим. автора: Призыв к миру], в котором он щедро, но беспристрастно распределил вину за нынешние условия между обеими сторонами, аристократами и крестьянами. Первым он сказал, что их тирания вместе с тиранией духовенства навлекла это наказание на них самих, и что Бог намеревался покарать их. Крестьянам он сказал, что никакая тирания не может служить оправданием для восстания. Из их статей он одобрил только две: ту, что требовала права выбирать своих пасторов, и ту, что осуждала гериотский или смертный долг. Их второе требование, об отмене части десятины, он охарактеризовал как грабеж, а третье, о свободе крепостного, как неоправданное, потому что это превращало христианскую свободу {98} в чисто внешнюю вещь, и потому что Павел сказал, что раб не должен стремиться к свободе (I Кор. vii, 20 f). Остальные статьи были переданы экспертам-юристам.

Едва эта брошюра вышла из печати, как Лютер услышал о жестоких деяниях Рорбаха и его товарищей. Опасаясь, что в результате триумфа повстанцев, по которым до сих пор не было нанесено ни одного эффективного удара, наступит полная анархия, он написал трактат *Против вороватых, кровожадных орд крестьян*. [Примечание: крестьяне осудили] В этом письме он осудил их с предельной яростью в выражениях и призвал правительство наказать их без жалости. Каждый должен избегать крестьян, как он избегал бы дьявола, и должен

объединиться, чтобы убивать их, как бешеных собак. "Если вы погибнете в битве с ними, - сказал он солдатам, - у вас никогда не будет более благословенного конца, ибо вы умрете, послушные Слову Божьему в Послании к Римлянам 13 и служа любви, чтобы освободить своего ближнего из оков ада и дьявола". Чуть позже он писал: "Лучше, чтобы все крестьяне были убиты, чем чтобы погибли князья и магистраты, потому что крестьяне взяли меч без божественной власти. Единственным возможным следствием их сатанинского злодейства было бы дьявольское опустошение царства Божьего". И еще: "С мятежником нельзя спорить разумно, но нужно ответить ему кулаком так, чтобы у него потекла кровь из носа". Меланхтон полностью согласился со своим другом. "В Экклезиастике xxxiii справедливо написано, - сказал он, - что как у осла должен быть корм, поклада и кнут, так и у слуги должны быть хлеб, работа и наказание. Эти внешние, телесные подневольные условия необходимы, но этот институт [крепостного права], безусловно, угоден Богу".

Такое отношение неизбежно приводило к отчуждению низших классов. С этого времени многие из них обращались за помощью не к {99} лютеранам, а к более радикальным сектам, называемым анабаптистами. Состояние Империи в то время было очень похоже на состояние многих современных стран, где мы находим две крупные партии высшего и среднего класса, консервативную (католическую) и либеральную (протестантскую) против радикальной или социалистической (анабаптистской).

[Примечание: анабаптисты]

Самым важным в экстремистах была не их привычка отрицать законность крещения младенцев и перекрещивать своих новообращенных, от чего они и получили свое название. Что действительно определяло их точку зрения и программу, так это то, что они представляли бедные, необразованные, лишенные наследства классы. Партия крайних мер всегда в основном состоит из пролетариата, потому что именно самые бедные наиболее остро ощущают необходимость перемен, и потому что у них обычно недостаточно образования, чтобы судить о осуществимости планов, многие из них являются шарлатанскими средствами, преподносимыми как панацея от всех их бед. Полный разрыв с прошлым и существующим порядком их не пугает, а только обещает.

В радикальную партию почти всегда входят люди с самыми разными взглядами. Таким образом, шестнадцатый век объединил в категорию анабаптистов людей не только с расходящимися, но и с диаметрально противоположными взглядами на самые жизненно важные вопросы. Их единственной общей связью было то, что все они в равной степени отвергали авторитетную, традиционную и аристократическую организацию обеих крупных церквей и притязания гражданского общества. Легко видеть, что у них не было исторической перспективы и что они пытались реализовать идеалы первобытного христианства, как они его понимали, не принимая во внимание огромные изменения в культуре и других условиях, и все же невозможно не испытывать глубокой симпатии к людям, большинство требований которых были справедливыми, и которые скрепили свою веру вечным мученичеством. {100} [Примечание: Распространение радикализма] Несмотря на тяжелый удар по реформе, нанесенный подавлением крестьянского восстания, радикальные доктрины продолжали распространяться среди народа. Поскольку бедные находили, что их духовные потребности лучше всего удовлетворяются в конvente инакомыслия, официальное лютеранство стало устоявшейся

церковью, преимущественно партией аристократии и среднего класса, имеющей корыстные интересы и привилегии.

Иногда говорят, что происхождение и рост анабаптистов произошли благодаря немецкому переводу Библии. Это неправда, и все же нет никаких сомнений в том, что публикация немецкой версии в 1522 году и в последующие годы стимулировала рост многих сект. Библия - такая большая книга, и она допускает так много различных толкований, что нет ничего странного в том, что сотни различных схем спасения были выведены из нее теми, кто пришел к ней с разными предубеждениями. В то время как многие анабаптисты были совершенными квиетистами, проповедуя долг непротивления и греховность ношения оружия даже в целях самообороны, другие находили в Священном Писании подтверждение совершенно противоположным взглядам и провозглашали, что безбожники должны быть истреблены, как это было с хананеями. В этических вопросах некоторые секты придерживались строжайшего кодекса морали, в то время как другие отличались распущенностью. Для одних брак был запрещен; другие хотели получить все, что могли, и выступали за полигамию. Религиозные собрания были похожи на "пробуждения", часто самого истеричного толка. Утверждая, что они были мистически соединены с Богом или получали прямые откровения от него, они отвергали церемонии и таинства исторического христианства, а иногда заменяли их практиками самого абсурдного или сомнительного характера. Когда Мельхиор Ринк проповедовал, его последователи были, как собаки, мычали, как скот, ржали, как лошади, и ревели, как ослы — некоторые из них, без сомнения, были очень {101} естественными. В некоторых крайних случаях собрания заканчивались развратом, в то время как мы знаем людей, которые совершали убийства в уверенности, что на это их направило особое откровение Бога. Так, в Сент-Галле один брат перерезал горло другому, в то время как один из святых под воздействием духа затоптал свою жену до смерти. Но несправедливо судить обо всем движении по этим эксцессам.

Новые сектанты, конечно, подверглись гонениям. В 1529 году император и сейм в Спайерсе издали против них постановление следующего содержания: "Всею полнотою нашей императорской власти и мудрости мы предписываем, декретируем, обязываем, заявляем и желаем, чтобы все анабаптисты, мужчины и женщины, достигшие возраста понимания, были казнены и лишены своей естественной жизни огнем, мечом и тому подобным, в зависимости от возможности и без предварительного расследования духовных судей". Лютеране объединились с католиками при принятии этого эдикта и проявили не меньшую готовность к его исполнению. Еще в 1525 году анабаптисты подверглись преследованиям в Цюрихе, где возникла одна из их первых общин. Некоторые лидеры были утоплены, другие изгнаны и, таким образом, распространили свои догматы в других местах. Католические князья истребляли их огнем и мечом. В лютеранской Саксонии было казнено не менее тринадцати бедных нонконформистов, а многие другие были заключены в тюрьму на длительные сроки или сосланы.

И все же радикальные секты продолжали расти. Неустрашимое рвение Мельхиора Хоффмана бросало вызов всему ради распространения их идей. На некоторое время он нашел убежище в Страсбурге, но вскоре этот город стал слишком ортодоксальным, чтобы удерживать его. Затем он повернулся к Голландии, где посеянное семя упало в благодатную почву. Два голландца, пекарь Джон Маттис из Харлема и портной Джон Бикельсен из Лейдена, отправились в епископальный город Мюнстер в Вестфалии [Прим. автора: Мюнстер] недалеко от голландской

границы и быстро обратили массу людей к их собственной вере в пришествие царства Божьего на земле. Восстание изгнало правительство епископа и установило демократию в феврале 1534 года. После смерти Маттиса 5 апреля восстание народа против диктаторской власти Беклессена было подавлено этим фанатиком, который после этого короновал себя королем под титулом Иоанна Лейденского. Был введен товарный коммунизм, а также полигамия. Теперь город был осажден своим сюзереном, епископом Мюнстера, и после ужасных страданий, причиненных населению, был взят штурмом 25 июня 1535 года. Оставшиеся в живых лидеры были преданы смерти с помощью пыток.

Само поражение было не столь катастрофичным для дела анабаптистов, как действия лидеров, находившихся у власти. Как выразился реформатор Буллингер: "Бог открыл глаза правительствам восстанием в Мюнстере, и после этого никто не стал бы доверять даже тем анабаптистам, которые утверждали, что невиновны". Отсутствие единства и организованности говорило против них самих. Тем не менее секта продолжала тлеть в низших классах, постоянно подвергаясь огню мученичества, пока к концу столетия не достигла некоторой сплоченности и респектабельности. Более поздние баптисты, независимые и квакеры унаследовали какую-то часть его духовного наследия. Для светского историка его главный интерес представляют социальные учения, которые последовательно пропагандируют терпимость и часто различные формы анархии и социализма.

[Примечание: Отступничество гуманистов]

После бегства трудящихся масс самой тяжелой потерей евангелической партии в эти годы была потеря большого числа интеллектуалов, которые, приветствовав Лютера как освободителя от церковного рабства, стали видеть в нем другого папу, не менее {103} тиранического, чем римский. Еврейский ученый Рейхлин и философ Мутиан не испытывали особой симпатии к каким-либо догматическим тонкостям. Юриста Засиуса оттолкнули поспешность и опрометчивость Лютера. Так называемые "безбожные художники" из Нюрнберга Георг Пенц и братья Ганс и Бартоломею Бехамы, отвергнув в значительной степени христианскую доктрину, естественно, не были склонны присоединяться к новой церкви, даже когда они покинули старую.

Но значительное число гуманистов, в том числе величайших, после того, как они приветствовали Реформацию в ее первую, самую либеральную и полную надежд молодость, сознательно отвернулись от нее и связали свою судьбу с Римским сообществом. Причина заключалась в том, что, хотя старая вера была матерью многих злоупотреблений, суеверий и догматизмов, вызывавших отвращение у гуманистов, на этой ранней стадии раскола она также имела в своем окружении большое количество зрелых, культивируемых, довольно терпимых мнений. Борющиеся новаторы, с другой стороны, хотя и избавились от многого устаревшего и оскорбительного, были вынуждены, отчасти из-за своего положения, отчасти из-за характера своих лидеров, проявлять грубую самоуверенность, безрассудную концентрацию на спорных моментах, несовместимую с обаятельной мудростью или с судебной справедливостью. Вопрос о том, какой выбор сделали бы гуманисты, если бы увидели Индекс и Лойолу, остается проблематичным; но пока еще оставалась надежда перестроить Рим по своему вкусу, Виттенберг был им мало нужен.

Я признаю, что в течение нескольких лет я был очень благосклонно настроен к начинанию Лютера [писал Кротус Рубеанус в

1531 году] [Прим. автора: Рубеанус], но когда я увидел, что ничто не осталось неиспорченным ... я подумал, что дьявол может принести великое зло под видом чего-то хорошего, используя Священное Писание в качестве своего щита. Поэтому я решил остаться в церкви, в которой я был крещен, воспитан и обучен.

Даже если бы в ней можно было найти какую-то ошибку, все же со временем она {104}

могла бы быть доказана, во всяком случае, раньше, чем в новой церкви, которая за несколько лет была раздираема столькими сектами.

Вилибальд Пиркхаймер, греческий ученый и историк из Нюрнберга, поначалу так тепло приветствовал Лютера, что на него был наложен запрет буллой *Exsurge Domine*. Однако к 1529 году он пришел к выводу, что тот дерзок, либо безумен, либо одержим дьяволом.

Я не отрицаю [он писал], что поначалу все деяния Лютера не казались напрасными, поскольку ни один хороший человек не мог быть доволен всеми теми ошибками и обманом, которые постепенно накапливались в христианстве. Так же и с другими, я надеялся, что какое-то средство может быть применено к такому великому злу, но я был жестоко обманут. Ибо прежде чем были искоренены прежние ошибки, вкрались гораздо более невыносимые, по сравнению с которыми остальные казались детской забавой.

[Примечание: Обращение к Erasmus]

К Эразму, мудрому, справедливому, все люди обращались как к арбитру мнений. С самого начала Лютер рассчитывал на его поддержку, и не без оснований, поскольку гуманист хорошо отзывался о Тезисах и комментариях Виттенбергера. 28 марта 1519 года Лютер адресовал ему письмо как "нашей славе и надежде", признавая свой долг и умоляя о поддержке. Эразм ответил дружелюбно, в то же время отправив послание, призывающее курфюрста Фредерика защищать своего невинного подданного.

Ничего так сильно не боясь, как насильственной катастрофы, гуманист в течение следующих двух лет трудился над поиском мирного решения угрожающей проблемы. Видя, что две главные ошибки Лютера заключались в том, что он "посягнул на корону папы и животы монахов", Эразм настаивал на том, чтобы люди, стоящие у власти, разрешили спорные вопросы беспристрастному суду и обязали обе стороны замолчать. В то же время он умолял Лютера не предпринимать ничего насильственного и настаивал на том, чтобы его врагам не было позволено прибегать к крайним мерам против него. Но после публикации памфлетов 1520 года и буллы, осуждающей еретика, эта позиция стала несостоятельной. Эразм настолько скомпрометировал себя в глазах инквизиторов, что бежал из Лувена осенью 1521 года и поселился в Базеле. Обе партии настоятельно призывали его выступить на той или иной стороне, и Ульрих фон Гуттен, горячий лютеранин, открыто насмехался над ним за трусость, из-за которой он этого не сделал. Отчужденный этим, а также догматизмом и нетерпимостью трудов Лютера, Эразм окончательно определил свою позицию *вобличительной речи о свободе воли*. [Примечание: 1524] Поскольку теория Лютера о рабстве воли была всего лишь обратной стороной его доктрины об оправдании только верой — ибо там, где все делает Божья благодать, ничего не остается для человеческих усилий, — Эразм атаковал самый центр евангельской догматической системы. Этот вопрос, глубокий психологический и метафизический, витал в

воздухе: Валла написал по нему работу, опубликованную в 1518 году, а Помпонацци также написал работу по нему в 1520 году, которая, однако, была опубликована гораздо позже. Примечательно, что Эразмус выбрал этот пункт, а не одну из практических реформ, пропагандируемых в Виттенберге, к которым он относился с большой симпатией. Лютер ответил в книге о *рабстве воли*, подтвердив свою позицию более решительно, чем когда-либо.

[Примечание: 1525] Насколько богословским, а не философским, было его мнение, видно из того факта, что, хотя он признавал, что человек волен выбирать, какую из двух безразличных альтернатив ему следует выбрать, он отрицал, что любой из этих вариантов может привести к спасению или реальной праведности в глазах Бога. Он без колебаний сказал, что Бог спасал и проклинал души независимо от их заслуг. Эразм снова ответил на этот вопрос в большом труде "*Hyperaspistes*" ("*Тяжеловооруженный солдат*"), который вышел {106} в двух частях.

[Примечание: 1526-7] В этом он предлагает общую критику лютеранского движения. Его лидер, по его словам, догматик, который никогда не отступает от крайностей, логически вытекающих из его посылок, какими бы отвратительными они ни были для сердца человека. Но сам по себе он гуманист, находящий истину как в разуме, так и в Библии и питающий отвращение к парадоксам.

На этом спору не позволили утихнуть. Легковооруженный ученый выпустил в ряды реформаторов немало колючих стрел остроумного сарказма. "Там, где царит лютеранство, - писал он Пиркхаймеру, - здравый смысл погибает". "С отвращением, - признался он Бэру, - я вижу, что дело христианства приближается к состоянию, которого я бы очень не хотел, чтобы оно достигло ... Пока мы ссоримся из-за добычи, победа ускользнет у нас из рук. Это старая история о том, как частные интересы разрушают содружество". Эразм впервые высказал мнение, которого с тех пор часто придерживались, что Европа переживает постепенное возрождение как христианского благочестия, так и здоровой учености, когда яростная атака Лютера погрузила мир в суматоху, в которой и то, и другое было упущено из виду. 30 марта 1527 года он написал Мальдонато:

Я привел к тому, что здравая ученость, которая среди итальянцев и особенно среди римлян не имела ничего, кроме чистого язычества, начала благородно прославлять Христа, которым мы должны гордиться как единственным источником мудрости и счастья, если мы истинные христиане . . . Я всегда избегал образа догматика, за исключением некоторых *некрологов*, которые казались мне способствующими правильному изучению и выступающими против нелепых суждений людей.

В том же письме он рассказывает, как упорно боролся с мракобесами, и добавляет: "Пока мы вели довольно равную битву с этими чудовищами, вот {107} внезапно восстал Лютер и бросил яблоко раздора в мир".

Короче говоря, Эразм покинул реформаторов не потому, что они были слишком либеральными, а потому, что они были слишком консервативны, и потому, что он не одобрял насильственные методы. Его мягкий темперамент, не лишенный налета робости, заставлял его ненавидеть суматоху и доверять голосу убеждения. Не сумев заручиться поддержкой гуманистов, протестантизм сильно проиграл и особенно отказался от своего шанса стать партией прогресса. Сам Лютер был не только разочарован неприязнью Эразма, но и искренне возмущен его рационализмом. Человек, у которого могло возникнуть хоть малейшее сомнение относительно доктрины, был для него "арианином, атеистом и скептиком". Он зашел так далеко,

что сказал, что главной целью великого голландского ученого при публикации греческого Нового Завета было вызвать у читателей сомнения относительно текста, и что главной целью его *Бесед* было высмеять всякое благочестие. Эразм, чьи заслуги в области литературы были самыми выдающимися и чей идеал христианства был самым прекрасным, слишком сильно пострадал из-за того, что о нем судили по его отношению к Реформации. Великий католик [1] назвал его "славой священства и позором", выдающийся протестантский ученый [2] - "Иоанном Крестителем и Иудой в одном лице".

[Побочное примечание: Сакраментальный раскол]

Битва с гуманистами была синхронна началу ожесточенной междоусобицы, которая разорвала молодую евангелическую церковь на две части. Хотя спор между Лютером и его главным соперником Ульрихом Цвингли на самом деле был вызван большим различием взглядов по многим предметам, он, подобно горящему стеклу, сфокусировал свои лучи на одном пункте - доктрине о реальном присутствии тела и крови Христа в евхаристии. Объяснением этой тайны, разработанным в Средние века и принятым Латеранским собором 1215 года, была теория, называемая "пресуществлением", согласно которой субстанция хлеба превращается в субстанцию тела, а субстанция вина - в субстанцию крови, без изменения "случайностей" внешнего вида и вкуса. Некоторые из более поздних докторов церкви, Дюран и Оккам, выступили против этой теории, хотя и предложили близкую к ней теорию, называемую "единосутием", согласно которой тело и кровь присутствуют вместе с хлебом и вином. Уиклиф и другие, среди которых был итальянский философ Пико делла Мирандола, предложили теорию, которой сейчас придерживается большинство протестантских церквей, согласно которой хлеб и вино являются простыми символами тела и крови.

На заре Реформации этот вопрос был выдвинут на первый план голландским теологом Хоэном, у которого символическая интерпретация была перенята сначала Карлштадтом, а затем швейцарскими реформаторами Цвингли и Эколампадием. Сам Лютер колебался. Он атаковал жертвоприношение мессы, в котором он видел "доброе дело", противоречащее вере, и большое практическое злоупотребление, как в жертвенных мессах для душ, но в конце концов он решил по вопросу о реальном присутствии, что слова "это мое тело" были "слишком сильны для него" и означали именно то, что они сказали.

После предварительной стычки с Карлштадтом, приведшей к изгнанию последнего из Саксонии, между Виттенбергом и швейцарскими реформаторами разгорелась долгая и ожесточенная война перьев. Как только битва вступила в силу, она, несомненно, была ожесточенной из-за застенчивости каждой стороны. Лютер всегда предполагал, что у него монополия на истину, и что те, кто предлагает другие взгляды, нарушают, так сказать, его авторские права. "Цвингли, Карлштадт и Эколампадий никогда бы не узнали Евангелие Христа должным образом, - высказал он мнение [109], - если бы Лютер не написал о нем первым". Вскоре он сравнил их с Авессаломом, восставшим против своего отца Давида, и с Иудой, предавшим своего Учителя. Цвингли, со своей стороны, был почти в равной степени уверен, что он открыл истину независимо от Лютера, и, выражая одобрение его работе, отказался называть его по имени. Его выпад был лишь чуть менее язвительным, чем у его оппонента.

Суть спора была далека от прямого соответствия между разумом и традицией, как это иногда представлялось. Обе стороны исходили из непогрешимости Священного Писания и апеллировали в первую очередь к одним и тем же библейским аргументам. Лютеру не

составило труда доказать, что слова "hoc est corpus meum" означают, что хлеб - это тело, и он заявил, что это должно быть так, даже если это противоречит нашим чувствам. Цвингли без труда доказал, что это само по себе невозможно, и поэтому пришел к выводу, что библейские слова должны быть объяснены как фигура речи. В долгом и ученом споре ни одна из сторон не убедила другую, но каждая пришла в такое раздражение, что поверила в одержимость другой дьяволом. Весной 1529 года лютеране присоединились к католикам на сейме в Шпайерсе, отказавшись от терпимости к цвинглианцам. Разделение протестантов, конечно, ослабило их. Их ведущий государственный деятель Филипп, ландграф Гессенский, видя это, сделал все возможное, чтобы примирить лидеров. В течение нескольких лет он пытался заставить их провести конференцию, но тщетно. Наконец, ему удалось собрать в своем замке в Марбурге на реке Лан Лютера, Меланхтона, Цвингли, Эколампадия и большое количество других богословов. [Примечание: Марбургский коллоквиум 1-3 октября 1529 г.] Дискуссия здесь только сильнее подчеркнула непримиримость двух "духов". Вскоре после этого, когда встал вопрос о политическом союзе, саксонские теологи составили меморандум, в котором говорилось, что {110} они предпочли бы заключить соглашение с язычниками, чем с "сакраментариями". [Примечание: 1530] Такая же позиция сохранялась на сейме Аугсбурга, где лютеране тщательно избегали любых проявлений дружбы с цвинглианцами, чтобы те не скомпрометировали свое положение с католиками. Цвингли и его друзья были едва ли менее непримиримы.

[Примечание: 11 октября 1531 г.]

Когда Цвингли погиб в битве с католическими кантонами и когда несколько недель спустя Эколампадий скончался от лихорадки, Лютер громко провозгласил, что это был суд Божий и триумф его собственной партии. Хотя надежды примирить швейцарцев не было, южногерманские цвинглианцы, возглавляемые страсбургскими реформаторами Буцером и Капито, поспешили прийти к взаимопониманию с Виттенбергом, без которого их положение было бы крайне опасным. Буцер утверждал, что представляет срединную доктрину, подобную той, которую позже утверждал Кальвин. Поскольку промежуточная позиция невозможна, доктрина непонятна, являясь, по сути, не чем иным, как выражением в сильных выражениях двух взаимоисключающих положений. Однако после долгих унижений богословам удалось удовлетворить Лютера, с которым они подписали Виттенбергское соглашение 29 мая 1536 года. Швейцарцы по-прежнему оставались без бледнолицых, и ненависть Лютера к ним с годами росла. Незадолго до своей смерти он написал, что засвидетельствует перед Божьим судом свое отвращение к сакраментариям. Он становился все более и более консервативным, возвращая в таинство некоторые средневековые суеверия, которые он когда-то изгнал. Он снова стал называть это подношением и жертвой и снова возвел его в церкви для поклонения верующих. Он колебался в этом вопросе, потому что, по его словам, сомневался, что было бы большим его долгом "насолить" папистам или сакраментариям. В конце концов он остановился на последнем: "и если потребуется, - продолжал он, - я прикажу возвысить воинство три, семь или десять раз, ибо я не позволю дьяволу учить меня чему-либо в моей церкви".

[Примечание: Рост лютеранства в средних и высших классах]

Несмотря на только что описанные ожесточенные споры, лютеранство процветало среди людей, которые не были ни крестьянами, ни интеллектуалами, ни швейцарцами. Призыв был обращен к высшему и среднему классам, достаточно образованным, чтобы отбросить часть средневековья Римской церкви, а также побуждаемым национализмом и экономическими

интересами отвернуться от тирании папы римского. Город за городом и штат за штатом вставляли под знамена Лютера. Он продолжал обращаться к ним через прессу. Как популярный памфлетист, он, должно быть, считается одним из самых способных. Его недостатки, грубость и необузданное буйство языка не оттолкнули большинство его современников. Даже его латинские произведения, слишком резко описанные Хэлламом как "мычащие на плохой латыни", были хорошо адаптированы к духу эпохи. Но ничего подобного его немецким произведениям никто раньше не видел. По ясности и богатству языка, по прямоте и энергии, по сатире, аргументации и оскорблениям, по юмору и меткости иллюстраций и аллюзий многочисленные трактаты политического и теологического характера, вышедшие из-под его пера, превзошли все, что было написано до сих пор, и пришлось прямо к сердцам его соотечественников. И он выиграл свою битву почти в одиночку, ибо Меланхтон, хотя и был образован и элегантен, не обладал талантом пользоваться популярностью, и никто из других его помощников не мог похвастаться даже второсортными способностями.

[Примечание: немецкая Библия, 1522-32]

Среди его многочисленных публикаций лишь несколько можно выделить для особого упоминания. Продолжение немецкой Библии, несомненно, очень помогло его делу. Во многих вещах он мог апеллировать к римской традиции, и сам факт, что он утверждал, что делает это, в то время как его оппоненты по своей позиции, казалось, уклонялись от этого испытания, утвердил протестантские притязания на евангелизм в глазах людей. Затем последовали его гимны, многие популярные, некоторые хорошие и один действительно замечательный. [Прим. автора: Гимны, 1528] *Эйн фесте Бург* Гейне удачно назвал "Марсельезой Реформации". Более длинный и Короткий катехизисы [Прим. автора: Катехизисы, 1529] настолько хорошо знакомили простых людей с евангельским учением, что католики были вынуждены подражать своему врагу, хотя и с опозданием, впервые составив собственные катехизисы.

Ниспровергнув большую часть доктрины и дисциплины старой церкви, Лютер с замечательной энергией и большим успехом взялся за создание ей замены. В этом проявилось сочетание консервативного и в то же время глубоко народного духа движения. В богослужении латынь была заменена народным языком. Новый акцент был сделан на проповеди, чтении Библии и пении гимнов. Месса больше не была непонятной, а была актом богослужения, в котором все могли разумно участвовать; мирянам раздавались и хлеб, и вино, и те слова канона, которые подразумевали пресуществление и жертвоприношение, были опущены. Брак был низведен из ранга таинства в ранг гражданского договора. Крещение сохранялось в старой форме, вплоть до изгнания злого духа. Исповедь через аурикуляр была разрешена, но на ней не настаивали.

[Примечание: Церковное управление]

Проблемы церковного управления и организации были насущными. Теоретически были возможны две альтернативы: конгрегационализм или государственные церкви. После некоторых колебаний экстравагантность Мюнцера и ему подобных убедила Лютера в том, что последнее было единственно возможным путем. Правительствам различных немецких земель и городов теперь была предоставлена верховная власть в церковных вопросах. Они завладели имуществом, принадлежавшим старой церкви, и {113} управляли им в основном в религиозных, образовательных или благотворительных целях. Была введена система посещения церкви, с

помощью которой центральная власть передала компетенцию каждому министру. Полномочия по назначению и смещению были возложены на правительство. Титул и должность епископа в большинстве случаев были изменены на "суперинтенданта", хотя в некоторых немецких епархиях и в целом в Швеции имя епископ было сохранено.

[Примечание: Присоединение к лютеранству]

Насколько по-настоящему популярным было лютеранское движение, видно из того факта, что вольные города Нюрнберг, Аугсбург, Страсбург, Ульм, Любек, Гамбург и многие другие первыми восстали против Рима. В других штатах правительство прокладывало путь. Избирательная Саксония медленно эволюционировала в полный протестантизм. Хотя курфюрст Фредерик сочувствовал почти всему, что продвигал его великий подданный, он был слишком осторожен, чтобы вмешиваться в корыстные интересы церковной собственности и пожертвований. После его смерти [Примечание: 5 мая 1525 г.] титул унаследовал его брат Джон, который открыто выступал за все реформы, проводимые в Виттенберге. Соседнее государство Гессен было завоевано около 1524 года, [Примечание: 1424-5] хотя официальный указ, провозглашающий евангелическую доктрину, был издан только в 1526 году. Очень важным приобретением стала Пруссия. [Примечание: 1525] До сих пор ею управлял Тевтонский орден, военное общество, подобное рыцарям-тамплиерам. Альберт Бранденбургский стал великим магистром в 1511 году [Примечание: Альберт Бранденбургский, 1490-1568] и четырнадцать лет спустя увидел возможность усилить свою личную власть, отказавшись от своих духовных уз. Соответственно, он объявил Тевтонский орден упраздненным, а себя временным герцогом Пруссии, вскоре после этого женившись на дочери короля Дании. Он поклялся в верности королю Польши.

Рост лютеранства, которому имперское правительство не препятствовало, стал возможен благодаря {114} поглощению энергии императора в его соперничестве с Францией и Турцией и децентрализации империи. [Примечание: Лиги] Лиги между группами германских государств были довольно распространены в прошлом, и новый стимул к их формированию был придан общими религиозными интересами. Первой лигой такого рода была лига Ратисбона [Прим. автора: 1524] между Баварией и другими южногерманскими княжествами; ее целью было выполнение Вормсского эдикта. За этим последовала аналогичная лига в Северной Германии между католическими государствами, известная как Лига Дессау, [Примечание: 1525] и протестантской конфедерацией, известной как Лига Торгау.

[Примечание на полях: Диета в Спайрсе, 1526]

Сейм, состоявшийся в Спайерсе летом 1526 года, засвидетельствовал силу новой партии, поскольку на нем обе стороны относились к себе на равных. Было предложено много реформ, и некоторые из них были проведены вопреки препятствиям со стороны Фердинанда, брата и наместника императора. Важным вопросом было приведение в исполнение Вормсского эдикта, и по этому поводу сейм принял закон, известный как Перерыв, предусматривающий, что каждое государство должно действовать в вопросах веры так, как оно может отвечать перед Богом и императором. Фактически это позволяло правительству каждого немецкого государства выбирать между двумя конфессиями, предвосхищая тем самым принцип Религиозного мира в Аугсбурге 1555 года.

Отношения двух сторон были настолько деликатными, что казалось, неминуема всеобщая религиозная война. В 1528 году это было почти ускорено неким Отто фон Паком, который

заверил ландграфа Гессена, что он нашел соглашение между католическими князьями об истреблении лютеран и экспроприации их защитников, курфюрста Саксонии и самого Филиппа Гессенского. Это было ложью, но ландграф вооружился и напал на епископов Вюрцбурга и Бамберга, названных Паком участниками договора, и вынудил их выплатить контрибуцию.

{115}

[Примечание сбоку: Углубление между шпильями]

Сейм, собравшийся в Спайерсе в начале 1529 года, стремился как можно более радикально покончить с расколом. Перерыв, принятый католическим большинством 7 апреля, был крайне неблагоприятен для реформаторов, поскольку они отменили перерыв в последнем сейме в их пользу. Католическим штатам было приказано исполнить Вормсский эдикт о преследовании, хотя лютеранским штатам было запрещено отменять служение (католической) мессы, а также допускать любые дальнейшие нововведения в своих собственных доктринах или практиках до созыва генерального совета. Принцам было запрещено укрывать подданных другого государства. Евангелические члены сейма, сильно огорченные этим ударом по их вере, опубликовали протест [Примечание к статье: Протест, 19 апреля] на том основании, что Перерыв в 1526 году носил характер договора и не мог быть отменен без согласия обеих сторон. Поскольку правительство Германии было федеральным, это был вопрос о "правах штатов", подобный тому, который возник во время нашей собственной гражданской войны, но в случае с Германией решить его было еще сложнее, потому что не было писаной Конституции, определяющей полномочия национального правительства и штатов. Естественно, можно было бы предположить, что сейм имел право отменять свои собственные акты, но евангелические сословия выдвинули еще один аргумент в своем обращении к императору, [Примечание: 25 апреля] утверждая, что Перерыв в 1526 году был принят единогласно и может быть отменен только единогласным голосованием. Протест и апелляцию подписали курфюрст Саксонии, ландграф Гессенский, несколько более мелких государств и четырнадцать вольных городов. Из-за Протеста они сразу же стали известны как "протестующие сословия", и впоследствии название протестантское было присвоено всем тем, кто покинул римскую общину.

[1] Александр Поуп.

[2] Walther Koehler.

{116}

РАЗДЕЛ 4. РОСТ ПРОТЕСТАНТИЗМА ДО СМЕРТИ ЛЮТЕРА

После того, как некоторые государства объявили, что они не будут связаны волей большинства, естественно, возник вопрос о том, насколько далеко они будут отстаивать эту позицию с оружием в руках. [Примечание: 6 марта 1530 г.] Запрошенный и данный Лютером совет о том, что любое восстание или насильственное сопротивление официальным властям было неправильным. Пассивное сопротивление, простой отказ подчиниться приказу преследовать или действовать, иным образом противоречащему закону Божьему, он считал правильным, но не принимал во внимание любые другие меры, даже те, которые принимались в целях самообороны. Все немцы, сказал он, являются подданными императора, и князья не должны защищать Лютера от него, но оставить свои земли открытыми для того, чтобы его офицеры могли делать все, что им заблагорассудится. От этой позиции Лютер отказался год спустя, когда

юристы указали ему, что власть императора не была деспотической, а была ограничена законом.

Протест и Апелляция 1529 года, наконец, побудили Карла, каким бы медлительным он ни был, осознать огромную опасность для себя, которая таилась в протестантском расколе. Дав отпор туркам и заключив мир с Францией и папой римским, он, наконец, смог серьезно заняться религиозной проблемой. Твердо намереваясь уладить проблему раз и навсегда, он приехал в Германию и открыл сейм в Аугсбурге [Прим. автора: 20 июня 1530 г.], на который были приглашены не только представители различных государств, но и ряд ведущих богословов, как католических, так и лютеранских, все, кроме самого Лютера, объявленного вне закона Вормским эдиктом.

Первым предпринятым действием было попросить лютеран изложить свою позицию, и это было сделано в знаменитом "Аугсбургском исповедании", [Примечание: 25 июня] зачитанном перед сеймом саксонским канцлером Бруком. Он был составлен {117} Меланхтоном языком, максимально приближенным к языку старой церкви. Действительно, он взялся доказать, что в лютеранской доктрине "нет ничего противного Писанию, католической церкви или римской церкви". Даже в форме Исповеди, опубликованной в 1531 году, заметна эта католицизирующая тенденция, но в оригинале, ныне утраченном, она, вероятно, была сильнее. Причиной этого не была, как обычно утверждалось, "мягкость" Меланхтона и его желание примирить все стороны, поскольку он проявил себя более жестоким по отношению к цвинглианцам и анабаптистам, чем Лютер. Это было связано с тем фактом, что Меланхтон в глубине души был наполовину католиком, настолько, что Контарини и другие считали вполне возможным, что он может перейти к ним. В данном случае он привел свою доктрину в соответствие с римскими догматами до такой степени, что (в утраченном оригинале, как мы можем судить по Опровержению) даже пресуществление было в некотором роде принято. Первая часть Исповедания - это символ веры: вторая часть посвящена определенным злоупотреблениям или реформам, а именно: требованию чаши для мирян, браку священников, мессе как *opus operatum* или как совершаемой частным образом, посту и традициям, монашеским обетам и власти папы.

Но уступки не удовлетворили католиков. Эк и другие подготовили опровержение, которое было зачитано перед Сеймом 3 августа. Переговоры продолжались, и от Меланхтона были вырваны еще новые уступки, уступки настолько опасного характера, что его собратья-протестанты осудили его как врага веры и обратились к Лютеру с жалобой против него. Меланхтон согласился назвать мессу жертвоприношением, если это слово можно квалифицировать термином "памятный", а также пообещал, что епископы должны быть восстановлены в их древней юрисдикции, мера, оправдываемая им как удар по мятежным сектантам, но также и наиболее {118} опасная для лютеран. С другой стороны, Эк пошел на некоторые уступки, в основном словесные, в отношении доктрины оправдания и других моментов.

То, что при таком духе взаимного примирения соглашение не удалось достичь, только доказывало, насколько непримиримыми были цели двух сторон. [Примечание: 22 сентября] Сейм проголосовал за то, чтобы Признание было опровергнуто и чтобы протестанты были обязаны отречься. Император пообещал использовать свое влияние на папу, чтобы созвать генеральный собор для решения сомнительных вопросов, но если лютеране не вернутся в папскую церковь к 15 апреля 1531 года, им пригрозили принуждением.

[Примечание: Лига Шмалькальдена]

Чтобы справиться с этой опасной ситуацией, протестантские государства заключили более тесный союз в Шмалькальдене в феврале 1531 года. Эта лига постоянно росла за счет приема новых членов, но некоторые попытки объединиться со швейцарцами оказались безуспешными.

5 января 1531 года Фердинанд был избран римским королем — титул, который принимал наследник империи, — шестью выборщиками против голосования Саксонии. Три месяца спустя, когда срок, предоставленный лютеранам, истек, католики ничего не смогли сделать, и переговоры продолжились. [Примечание: 23 июля 1532 г.] Результатом стал Нюрнбергский мир, перемирие до созыва генерального совета. Это была важная победа для лютеран, которым, таким образом, было предоставлено время для роста.

Были описаны бурлящие волнения, нашедшие выражение в восстании рыцарей, крестьян и анабаптистов в Мюнстере. В это время следует упомянуть еще одно либеральное движение, которое также потерпело неудачу. Оно было настолько мало связано с религией, насколько вообще что-либо могло быть в ту теологическую эпоху. [Примечание: Любек, 1533-35] Город Любек под руководством своего бургомистра Георга Вулленвевера пытался освободиться от влияния Дании и в то же время получить более популярное правительство. {119} В 1536 году он был завоеван Кристианом III из Дании, и старая аристократическая конституция была восстановлена. Еще не пришло время народу отстаивать свои права в Северной Германии.

[Прим. автора: май 1534 г.]

Росту протестантизма иногда способствовала сила оружия. Таким образом, Филипп Гессенский восстановил на престоле ныне протестантского герцога Ульриха Вюртембергского, который был изгнан за свою тиранию Швабской лигой пятнадцать лет назад. Этот триумф был тем более заметным, что экспроприированным правителем был Фердинанд, король римлян. Если в таких случаях ведущую роль брало на себя правительство, то в других правительство, несомненно, заставляло людей оставаться католиками, даже когда общественное мнение было решительно протестантским. Так было в Альбертинской Саксонии, [1] правитель которой герцог Георг, хотя и был уважаемым человеком во многих отношениях, рассматривался Лютером как орудие сатаны, потому что он преследовал своих протестантских подданных. Когда он умер, его брат, [Прим. автора: апрель 1539 г.] протестант Генрих Благодетельный, преуспел и провел Реформу под всеобщее одобрение. Два года спустя за этим герцогом последовал его сын, разносторонне развитый, но вероломный Морис. В 1539 году Шмалькальдская лига получила еще большее приобретение в результате обращения Бранденбурга и его курфюрста Иоахима II.

[Прим. автора: Филипп Гессенский, 1504-67]

Вскоре после этого мир был шокирован двоеженством Филиппа Гессенского. Этот принц был совершенно избалован своим приходом к власти в возрасте пятнадцати лет. Хотя он жил в вопиющей безнравственности, его религия, которая вскоре после того, как он встретил Лютера в Вормсе, стала евангелической, была достаточно реальной, чтобы сделать его грехи бременем для совести. Сильно привлеченный {120} учением некоторых анабаптистов и Карлштадта о том, что многоженство является законным, и утверждением Лютера в *"Вавилонском пленении"*, что это предпочтительнее развода, [Прим. автора: 1526] он умолял разрешить ему взять больше жен, но сначала получил отказ. Его совесть обострилась после приступа сифилиса в 1539 году, и в то время он попросил разрешения взять вторую жену и получил его 10 декабря от Лютера, Меланхтона и Буцера. Его тайный брак с Маргарет фон дер Зааль [Прим. автора: 4 марта 1540 г.]

состоялся в присутствии Меланхтона, Буцера и других богословов. Лютер посоветовал ему держать это дело в секрете и, если необходимо, даже "сказать хорошую убедительную ложь ради блага христианской церкви". Конечно, он не смог скрыть свой поступок, и его поведение, как и поведение его духовных наставников, стало справедливым упреком делу. Поскольку от этого не было потеряно никаких материальных выгод, Филипп мог бы перевернуть эпитафию Франциска I и сказать, что "ничего не было потеряно, кроме чести". Ни Германия, ни Гессен, ни протестантская церковь напрямую не пострадали от его поступка. [Примечание: 1541]

Действительно, это косвенно привело к еще одному территориальному приобретению. Враг Филиппа, герцог Генрих Брауншвейгский, хотя и не менее аморальный, атаковал его в памфлете. Лютер ответил на это в трактате с предельной жестокостью, названном *Джек Сосиска*. За ответом Генриха последовала война между ним и шмалькальдскими князьями, в результате которой он был изгнан из своих владений и введена Реформация.

[Примечание: 1541]

Быстро последовали дальнейшие завоевания. Католический епископ Наумбурга был изгнан Иоанном Фредериком Саксонским, и вместо него был учрежден лютеранский епископ. Примерно в то же время великий духовный князь Герман фон Вид, архиепископ-курфюрст Кельна, стал протестантом и пригласил Меланхтона и Буцера реформировать свои территории. Одним из последних завоеваний перед Шмалькальдской войной был Рейнский Пфальц под властью {121} его курфюрста Фредерика III. [Примечание: 1545] Его войска сражались тогда на стороне протестантов, хотя позже он выступил против этой церкви.

Возможность для лютеран появилась благодаря сражениям императора с другими врагами. В 1535 году Карл предпринял успешную экспедицию против Туниса. Война с Францией продолжалась до Ниццкого перемирия, рассчитанного на десять лет и подписанного между двумя державами в 1538 году. В 1544 году война вспыхнула снова, и удача снова была на стороне Карла. Он вторгся во Францию почти до ворот Парижа, но не стал использовать свое преимущество и 18 сентября подписал Крепийский мир, отказавшись от всех своих завоеваний.

Не имея возможности повернуть оружие против еретиков, Карл продолжал вести с ними переговоры. Давление, которое он оказывал на папу римского, в конце концов привело к созыву Павлом III собора в Мантуе в следующем году. [Примечание: 2 июня 1536 г.] Протестантам было предложено прислать делегатов на этот собор, и князья этой веры провели съезд в Шмалькальдене, чтобы принять решение о своем курсе. [Примечание: февраль 1537 г.] До сих пор лютеране называли себя частью Римско-католической церкви и всегда апеллировали к будущему вселенскому или национальному синоду. Теперь они сочли эту позицию несостоятельной и вернули папскую цитату нераспечатанной. Вместо этого требования реформы, известные как Статьи Шмалькальда, были составлены Лютером. Четырьмя основными требованиями были (1) признание доктрины оправдания только верой, (2) отмена мессы как доброго дела или *opus operatum*, (3) отчуждение фондов для частных месс, (4) устранение претензий папы римского на главенство во вселенской церкви. На самом деле заседание совета было отложено.

[Примечание: 19 апреля 1539 г.]

Не сумев достичь окончательного решения этим методом, Карл снова был вынужден вступить в переговоры. {122} Франкфуртский мирный договор предусматривал перемирие

продолжительностью от шести до пятнадцати месяцев в зависимости от обстоятельств. За этим последовала серия религиозных конференций с целью найти какие-то средства примирения двух конфессий. [Примечание: Религиозные беседы] Одними из первых из них были собрания в Вормсе и Хагенау. Кампеджио и Экк были католическими лидерами, Меланхтон - представителем лютеран. [Примечание: 1540-1] В комиссии с каждой стороны было по одиннадцать членов, но их совместные усилия потерпели крах из-за плана ограничения папской власти и доктрины первородного греха. Когда весной 1541 года открылся Ратисбонский сейм, была проведена еще одна конференция, на которой обе партии стали ближе друг к другу, чем когда-либо со времен Аугсбурга. Была составлена Ратисбонская книга, в которой подчеркивались точки соприкосновения и замалчивались различия. Контарини пошел на широкие уступки, позже осужденные католиками, в доктрине оправдания. Обсуждение природы церкви, власти папы римского, обращения к святым, мессы и священнического безбрачия, казалось, должно было привести к некоторому *modus vivendi*. Что окончательно разрушило надежды на объединение, так это обсуждение пресуществления и обожание хозяина. Поскольку Контарини не нашел в заявлениях Аугсбургского исповедания непреодолимого препятствия для понимания, он был поражен тем вниманием, которое теперь придается им протестантами.

[Примечание: 1542]

Неудивительно, что при таких результатах Сейм Шпайерса должен был избегать религиозных вопросов и посвятить себя более светским делам, среди которых выделение императору солдат для борьбы с турками. Об этом сейме Буцер писал: "Сословия действуют под гневом Божиим. Религия низведена до соглашения между городами. ... Причина нашего зла в том, что немногие искренне ищут Господа, но {123} большинство борется против него, как среди тех, кто отверг папское иго, так и среди тех, кто все еще несет его". На сейме в Шпайерсе два года спустя император пообещал протестантам в обмен на помощь против Франции признание до тех пор, пока не будет созван Немецкий национальный совет. За эту уступку он получил резкий упрек от папы. [Примечание: 1545] Вормсский сейм удовлетворился выражением своей общей надежды на "христианскую реформацию".

[Примечание: 1545]

В последние годы жизни полемика Лютера никогда не ослабевала. Его последняя книга, *Против римского папства, основанного дьяволом*, превзошла Цицерона, гуманистов и всех, кто когда-либо был известен, по злобности своих нападок на "самого адского отца, святого Павла, или Павла III" и его "адскую римскую церковь". "Хотелось бы проклясть их, - писал он, - чтобы в них ударили гром и молния, их сжег адский огонь, их поразили чума, сифилис, эпилепсия, цинга, проказа, карбункулы и все болезни" — и так далее, страница за страницей. Конечно, такая несдержанность в значительной степени сводила на нет ее собственные цели. Швейцарский реформатор Буллингер назвал это "удивительно жестоким", а книгу, лучше которой он "никогда не читал ничего более дикого или опрометчивого". Наше суждение об этом должно быть смягчено соображением, что в последние годы жизни Лютер страдал нервным расстройством и другими болезненными заболеваниями, отчасти из-за переутомления и недостатка физических упражнений, отчасти из-за большого количества выпитого алкоголя, хотя он никогда не впадал в состояние алкогольного опьянения.

Тем не менее, последние двадцать лет его жизни были самыми счастливыми. Его жена Кэтрин фон Бора, бывшая монахиня, и дети принесли ему много счастья. Хотя свадьба дала его врагам множество поводов для того, чтобы поносить его как отступника [Прим. автора: 13 июня 1525 г.], и хотя она вызвала у Эразма насмешливую шутку о том, что то, что начиналось как трагедия, закончилось комедией, она {124} увенчала его карьеру, символизируя возвращение от средневекового аскетизма к современной радости жизни. Живя в прекрасном старом монастыре, с расточительностью принимая у себя многих бедных родственников, знаменитых незнакомцев и студентов, несмотря на неустанный труд и немалые телесные страдания, он раскрылся всей своей натурой, смягчаясь в тепле счастливого домашнего очага. Его распорядок дня нам хорошо известен благодаря восхищенному усердию его учеников, которые записывали целые тома его *застольных бесед*.

[Примечание: Смерть и характер Лютера]

18 февраля 1546 года он умер. Судя по проделанной им работе и впечатлению, которое его личность произвела как на современников, так и на потомков, в истории мало таких людей, как он. Каким бы догматичным, суеверным, нетерпимым, властолюбивым и жестоким он ни был, он все же обладал непостижимой прерогативой гения преобразовывать то, к чему прикасался, в новые ценности. Его современники терпели его оскорбления из-за его серьезности; они преклонялись перед "почти позорным рабством", которое, по словам Меланхтона, он навязал своим последователям, потому что они знали, что он ведет их к победе в великом и достойном деле. Тем не менее, сейчас многие люди не замечают его ограниченности и фанатизма из-за его гениальности и храбрости.

Его величайшим качеством была искренность. Каким бы священником и общественным деятелем он ни был, во всем его существе не было ни капли лицемерия или ханжества. Притворство было для него невыносимым, мерзость запустения стояла там, где ей не следовало быть. Не обращая внимания на последствия, опасность, свою популярность и свою жизнь, он выпалил всю правду, какой он ее видел, "несмотря на всех кардиналов, пап, королей и императоров, вместе со всеми дьяволами и преисподней". Является ли его идеал нашим или нет, его смелость в отваге и сила в труде во имя этого должны вызывать наше уважение.

Своим успехом, помимо серьезности, он был обязан {125} чудесному языковому дару, который сделал его языком, а также острием копья для своего народа. [Примечание: Его красноречие] В любви к природе, в удивлении, в способности выразить какую-то тайную истину фразой или метафорой он был поэтом. Он смотрел на звезды и размышлял о "добром мастере", который их сотворил, о фиалках, "за которые ни Великий турок, ни император не могли заплатить", о ежегодном росте кукурузы и вина, "столь же великих чудес, как манна небесная в пустыне", о "благочестивых, благородных птицах", готовых ускользнуть из сетей птицелова или соблюдающих диету "в зале, покрытом небесным сводом, покрытом ковром из травы и со стенами до краев земли". Или он написал своему сыну очаровательную сказку о прекрасном саде, где хорошие дети едят яблоки, груши, вишни и сливы, и где они катаются на хорошеньких пони с золотыми поводьями и серебряными седлами, и танцуют весь день, и играют со свистульками, дудочками и маленькими арбалетами.

Характер Лютера сочетал в себе черты, которые обычно не встречаются в одной и той же натуре. Он был одновременно мечтательным мистиком и практичным дельцом; он видел видения и знал, как воплотить их в реальность; он был опьяненным Богом пророком,

хладнокровным вычислителем и усердным работником, добивающимся результатов. Его вера была столь же простой и страстной, сколь его догматические различия часто были софистическими и сухими. Он мог атаковать своих врагов с яростью берсеркера и мог быть нежен с ребенком, на что способна только женщина. Его гимны возносятся к небесам, а грубые шутки вязнут в грязи. Он был тронут глубокой меланхолией, и в то же время у него был здоровый, жизнерадостный смех. Его слова теперь являются жестокими инвективами и снова расцветают самыми изысканными цветами души — поэзией, музыкой, идиллическим юмором, нежностью. Он был утонченным и простым, суеверным и мудрым, ограниченным в своих культурных пристрастиях, но очень великим в том, чего достиг.

[1] Саксония была разделена в 1485 году на две части: электорат, включающий Виттенберг, Веймар и Эйзенах, и герцогство, включающее Лейпциг и Дрезден. Первая была названа в честь своей первой правительницы Эрнестины, вторая - Альбертиной.

{126}

РАЗДЕЛ 5. РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА И РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР

[Примечание: Шмалькальдская война, 1546-7]

Едва Лютер был похоронен, как в Германии разразилась первая всеобщая религиозная война. До этого было несколько небольших войн подобного характера, таких как войны Гессена против Бамберга и Вюрцбурга, а также против Вюртемберга и против Брауншвейга. Но конфликты были успешно "локализованы". Теперь, наконец, предстояло генеральное сражение, как предвестие Тридцатилетней войны следующего столетия.

Иногда высказывались сомнения в том, была ли Шмалькальдская война вообще религиозным конфликтом. Император утверждал, что его единственной целью было привести непокорных подданных к повиновению. Несколько протестантских князей были его союзниками, и территории, которые он завоевал, побольшей части не были вынуждены отказаться от своей веры. Тем не менее, несомненно, что основной причиной напряжения была разница в вероисповедании. Параллель можно найти в нашей собственной гражданской войне, в которой Линкольн искренне утверждал, что сражался только за сохранение союза, и все же несомненно, что рабство послужило основной причиной обращения к оружию.

Недавно было показано, что император планировал нападение на своих протестантских подданных еще, по крайней мере, в 1541 году. Все переговоры, последовавшие за тем временем, были просто маскировкой его приготовлений. Ибо он неустанно трудился, чтобы создать условия, при которых для него было бы безопасно пуститься в это опасное предприятие. Хотя он был скучным человеком, он обладал двумя качествами - осторожностью и настойчивостью, которые сослужили ему лучшую службу, чем более яркие таланты других государственных деятелей. Если при его огромных ресурсах он никогда не делал ничего блестящего, то тем более не рисковал, как игрок, потерпеть неудачу.

{127} Наконец, весной 1546 года наступил подходящий момент. Два года ранее он разгромил Францию с помощью протестантов и в качестве одного из условий мира поставил перед ней, что она не должна заводить союзников внутри Империи. В ноябре того же года он заключил союз с Павлом III, получив 200 000 дукатов в поддержку своих усилий по искоренению ереси.

Другие соображения побудили его немедленно атаковать. Отделение Кельна и Пфальца от католической общины дало протестантам большинство в Коллегии выборщиков. Еще более решающим было то, что Карл смог в это время, играя на зависти и амбициях государств, заручиться важными союзниками внутри империи, включая некоторых представителей протестантской веры. Во-первых, католическая Бавария забыла о своей ненависти к Австрии настолько, что объединилась против еретиков. Затем два великих протестантских принца, Морис Альбертинский Саксонский и Иоанн фон Кюстрин — брат Иоахима II, курфюрста Бранденбургского, — отказались от своих единоверцев и предложили поддержку императору в обмен на обещания расширения.

[Примечание: январь 1546 г.]

Заключительная религиозная конференция, состоявшаяся в Ратисбоне, более ясно, чем когда-либо, продемонстрировала безнадежность примирения. В то время как была принята полулютеранская доктрина оправдания, протестанты подготовили два длинных мемуара, отвергающих авторитет собора, недавно созванного в Тренте. А затем, летом, разразилась война. В этот момент силы Шмалькальдской лиги превосходили силы ее врагов. Если бы не плохое руководство и отсутствие единства в командовании, они, вероятно, победили бы.

В конце августа и начале сентября протестантские войска обстреляли имперскую армию в Ингольштадте, но не смогли продолжить решающую атаку {128}, как настаивал генерал Шертлин из Аугсбурга. Отчасти причиной этой неудачи была нехватка снаряжения. Когда император продвинулся вперед, курфюрст Саксонии и ландграф Гессенский удалились каждый в свою страну. Еще одной тщетной попыткой Лиги был рейд в Тироль, возможно, вызванный желанием нанести удар по Тридентскому совету, но, безусловно, не подкрепленный разумной военной политикой. Результатом этих нерешительных советов было то, что Карлу без особых проблем удалось усмирить южногерманских повстанцев - Аугсбург, Ульм, Нюрнберг и Вюртемберг. Курфюрст Палатинский поспешил примириться, временно отказавшись от своей религии. [Примечание: февраль 1547 г.] Контрреформация была также произведена в Кельне. Аугсбург купил помилование императора материальными уступками.

[Примечание: октябрь 1546 г.]

Тем временем герцог Морис Альбертино-Саксонский, заключив сделку с императором, напал на своего троюродного брата курфюрста. Хотя Морис не был обязан отречься от своей веры, его поступок, естественно, был расценен как явное предательство, и с тех пор он был известен под прозвищем "Иуда". Морис завоевал большую часть земель своего двоюродного брата, за исключением фортов Виттенберг и Гота. Испанская армия Карла под командованием Альвы теперь повернула на север, форсировала Эльбу и разгромила войска Джона Фредерика в битве при Мюльберге, близ Торгау, 24 апреля 1547 года. Джон Фредерик был взят в плен раненым и несколько лет содержался в дюрансе. Виттенберг капитулировал 19 мая, а всего месяц спустя Филипп Гессенский сдался в Галле. Его также несколько лет держали в плену. Мир был заключен при посредничестве Бранденбурга. Избирательный голос Саксонии был отдан Морису, а вместе с ним и лучшей части земель Иоанна Фредерика, включая Виттенберг. Никакой смены религии не требовалось. Конечным результатом войны было {129} усиление имперской власти, но очень незначительное сдерживание экспансии протестантизма.

И все же именно ради этой цели Карл больше всего ценил свой авторитет. Немедленно, действуя независимо от папы, он предпринял еще одну попытку восстановить конфессиональное единство Германии. Сейм Аугсбурга [Примечание: 1547-8] принял под давлением с его стороны указ, названный Временным, поскольку он должен был действовать только до принятия окончательных решений генерального совета. Хотя он предназначался для применения только к протестантским государствам — у католиков вместо этого была *формула reformationis*— Промежуточный период [Примечание: Промежуточный период, 30 июня 1548 г.], составленный католическими богословами, был, естественно, католическим по духу. Была восстановлена епископальная конституция, а также канон мессы, учение о семи таинствах и поклонение святым. В некоторых доктринальных пунктах была изучена неопределенность. Единственными уступками, сделанными Реформации, были временное признание брака духовенства и раздача чаши мирянам. Требовались различные другие детали практической реформы. Временный период был крайне непопулярен обеими сторонами. Папа возражал против этого, а немецкие католики, особенно в Баварии, решительно выступали против этого. Южногерманские протестантские государства приняли его только под давлением. Морис Саксонский принял его в измененной форме, известной как Лейпцигский переходный период, в декабре 1548 года. Помощь, оказанная ему Меланктоном, вызвала яростную атаку на богослова со стороны его собратьев-лютеран. В обеспечении Временного порядка Морис извлек свою выгоду, поскольку, когда Магдебург получил прозвище "кафедра Господа нашего Бога", отказавшись принять его, Морису было поручено исполнение императорского запрета, и он захватил город 9 ноября 1551 года.

Германия теперь оказалась в замешательстве, каждое государство было само за себя. Император столкнулся со своими собственными {130} трудностями, пытаясь сделать своего сына Филиппа преемником своего брата Фердинанда. Два его бывших союзника-протестанта, Морис и Иоанн фон Кюстрин, заключили союз с Францией и другими северогерманскими князьями и вынудили императора заключить Пассаускую конвенцию. [Примечание: 1552] Это вновь гарантировало религиозную свободу лютеран до следующего сейма и вынудило освободить Иоанна Фредерика и Филиппа Гессенских. Карл не принял безоговорочно условия этого соглашения, но побудил Альберта, маркграфа Бранденбург-Кульмбахского, напасть на князей конфедерации с тыла. После того, как Альберт опустошил часть Северной Германии, он потерпел поражение от Мориса в битве при Зиверсхаузене. [Примечание: 9 июля 1553 г.] Смертельно раненный, блестящий, но совершенно беспринципный победитель скончался в возрасте тридцати двух лет вскоре после битвы. Поскольку конфликт к этому времени перерос в дуэль между ним и Карлом, император теперь, наконец, смог добиться на аугсбургском сейме урегулирования религиозного вопроса.

[Примечание: Религиозный мир в Аугсбурге, 25 сентября 1555 г.]

Принципы Религиозного мира были следующими:

(1) Перемирие между государствами, признающими Аугсбургское исповедание, и католическими государствами до тех пор, пока объединение не станет возможным. Все другие исповедания должны были быть запрещены — положение, направленное главным образом против кальвинистов.

(2) Князьям и правительствам Вольных городов должно было быть разрешено выбирать между римской и лютеранской верой, но их подданные должны были либо принять эту веру —

согласно максиме, известной как *cujus regio ejus religio*— либо эмигрировать. Однако в имперских Вольных городах было специально предусмотрено терпимое отношение к католическим меньшинствам.

(3) "Церковная оговорка", или принцип, согласно которому, когда католический духовный князь становится протестантом, он должен быть низложен и назначен преемник {131}, чтобы его территория могла оставаться под властью церкви. В связи с этим Фердинанд в частном порядке пообещал обеспечить терпимость к протестантским подданным на земле такого князя. Все претензии католических прелатов на духовную юрисдикцию в лютеранских землях должны были прекратиться. Все имущество церкви, конфискованное до 1552 года, должно было оставаться в руках грабителей, и все конфискованное с этой даты подлежало восстановлению.

Аугсбургский мир, как и Миссурийский компромисс, лишь отсрочил гражданскую войну и радикальное решение насущной проблемы. Но поскольку мы не можем справедливо осуждать государственных деятелей 1820 года за то, что они не настаивали на эмансипации, к которой общественное мнение еще не было готово, было бы неисторически и неразумно обвинять Аугсбургский сейм в том, что он не предоставил полной терпимости, которая, как мы теперь видим, должна была наступить и была идеально правильной вещью. Человечество воспитывается медленно и на множестве тяжелых опытов. Европа так долго находилась под властью авторитетной церковной цивилизации, что возможность полной терпимости вряд ли приходила в голову кому-либо, кроме нескольких эксцентриков. И мы не должны преуменьшать то, чего на самом деле достиг Аугсбургский мирный договор. Это правда, что выбор религии был юридически ограничен двумя альтернативами, но это было больше, чем допускалось раньше. [Примечание: фактические результаты] Верно, что свобода даже такого выбора была полной только для правителей территорий или Вольных городов; частные граждане могли воспользоваться тем же выбором, только покинув свои дома. Трудности, связанные с этим, были несколько смягчены соображением, что в любом случае нонконформисту не пришлось бы далеко ходить, прежде чем найти немецкую общину, придерживающуюся католических или лютеранских взглядов, которые он предпочитал. Наконец, следует помнить, что, если Аугсбургский мирный договор разделил всю нацию на два взаимно враждебных лагеря, он, по крайней мере, удерживал их от войны более чем на {132} полвека. И это не было простой случайностью, поскольку временами напряжение было очень сильным. Когда имперский рыцарь Грумбах нарушил мир, разграбив город Вюрцбург, [Примечание: 1563-7] он был объявлен вне закона, схвачен и казнен. Его покровитель, герцог Иоанн Фредерик Саксонский, также был схвачен и содержался в заключении в Австрии до своей смерти.

Несмотря на такую демонстрацию централизованной власти, вполне вероятно, что Аугсбургский мир скорее увеличил, чем уменьшил авторитет территориальных государств за счет имперского правительства. Карл V, измученный долгой и безуспешной борьбой с ересью, передав Нидерланды своему сыну Филиппу в 1555 году, отрекся от короны империи своему брату Фердинанду в 1556 году. [Примечание: Фердинанд, 1556-64] Он умер два года спустя в монастыре разочарованным человеком, выразив желание, чтобы он сжег Лютера в Вормсе. Энергия Фердинанда была в значительной степени поглощена турецкой войной. Его сын, Максимилиан II, [Примечание: Максимилиан II, 1564-76] был благосклонно настроен к протестантизму.

[Примечание: католическая реакция]

Однако еще до смерти Максимилиана уже началась реакция в пользу католицизма. Последние важные достижения лютеранства в Германии были достигнуты сразу после заключения Аугсбургского мира. Нет ничего более примечательного, чем тот факт, что практически все завоевания протестантизма в Европе были совершены в течение первой половины века его существования. После этого в течение нескольких лет она проигрывала и с тех пор оставалась, с географической точки зрения, стационарной в Европе. Невозможно получить точную статистику приобретений и потерь ни той, ни другой конфессии. Оценка венецианского посла о том, что в 1558 году только десятая часть Германской империи была католической, безусловно, неверна. В 1570 году, на пике протестантского прилива, вероятно, 70 процентов. большинство немцев, включая австрийцев, были протестантами. В 1910 году немцы {133} Германской империи и Австрии были разделены следующим образом: протестанты 37 675 000; католики 29 700 000. Протестанты составляли около 56%, и эта доля, вероятно, была примерно такой же, как в 1600 году.

[Примечание: Лютеранские расколы]

Исторически сложилось так, что окончательное прекращение протестантского потопа было связано с возрождением энергии в Католической церкви, а также с внутренней слабостью и расколом протестантов. Даже внутри лютеранской общины вспыхивали ожесточенные конфликты. Соратники Лютера сражались за его духовное наследие, как полководцы Александра сражались за его империю. Центром этих бурь был Меланхтон, пока смерть не освободила его от "гнева богословов". [Примечание: 19 апреля 1560 г.] Всегда наполовину католик, наполовину эразмианец в душе, своей поддержкой Временного правительства и суровой критикой своих бывших друзей Лютера и Джона Фредерика он навлек на себя ожесточенную вражду тех, кто называет себя "гнесио-лютеранами", или "Подлинными лютеранами". Меланхтон отменил совместное пение гимнов и опубликовал свои истинные взгляды на предопределение и таинство, до сих пор скрывавшиеся. Он подвергся нападкам со стороны историка Флация и многих других. Спор был подхвачен еще другими и зашел так далеко, что за незначительную ересь пастор Функ был казнен своими собратьями-лютеранами в Пруссии в 1566 году. "Филиппизм", как его называли, сначала рос, но окончательно рухнул, когда в 1580 году была составлена Формула согласия, подписанная более чем 8000 священнослужителями. Этот документ для лютеранской церкви является тем же, чем декреты Трента были для католиков. "Высокая" доктрина реального присутствия была четко сформулирована, и все софизмы, выдвинутые в ее поддержку, канонизированы. К священным хлебу и вину относились с таким суеверным почтением, что лютеранский священник, случайно проливший последнее, был наказан отрезанием пальцев. Меланхтон был против таких "пережитков {134} папизма", которые он справедливо назвал "артолатрией" или "поклонением хлебу".

Но гражданские войны внутри лютеранской общины были менее ожесточенными, чем ненависть к кальвинистам. К 1550 году их взаимное отвращение достигло такой степени, что Кальвин назвал лютеран "служителями сатаны" и "явными врагами Бога", пытающимися ввести "прелюбодейные обряды" и исказить чистое богослужение. Ссора снова вспыхнула на Коллоквиуме в Вормсе. Меланхтон и другие осудили Цвингли, тем самым, по мнению Кальвина, "перечеркнув всю их славу". Тем не менее, сам Кальвин сказал в 1539 году, что мнение Цвингли было ложным и пагубным. Так трудно найти путь ортодоксии! В 1557 году лидер цвинглианцев М. Шенк написал Томасу Блауреру, что скорее следует смириться с ошибкой папистов, чем с

ошибкой саксонцев. Тем не менее кальвинизм продолжал расти в Германии за счет лютеранства. Особенно после принятия Формулы Согласия "филипписты" в большом количестве перешли к кальвинистам.

[Примечание: Влияние на нацию]

Самое худшее в этих тревожных спорах заключалось в том, что они, казалось, поглощали всю энергию нации. Ни один период в современной истории Германии не является менее продуктивным, чем эпоха, последовавшая непосредственно за триумфом Реформации. Движение, начавшееся так либерально и обнадеживающе, стало, по крайней мере временно, более узким и фанатичным, чем католицизм. Казалось, Эразм был совершенно прав, когда говорил, что там, где царит лютеранство, погибает культура. Об этих людях было сказано — и эпиграмма неплохая, — что они создали интеллектуальную пустыню и назвали это религиозным покоем.

И все же нам следует проявлять осторожность в отношении исторических допущений *post hoc propter hoc*. То, что в протестантизме не было ничего {135} обязательно пагубного, показано примерами Англии и Польши, где за Реформой последовала самая блестящая литературная эпоха в анналах этих народов. [Примечание: литература 16 века] Вторая половина шестнадцатого века была также великим периодом литературы Испании и Португалии, которые оставались католическими, в то время как Италия, столь же католическая, заметно пришла в упадок в художественном творчестве и отчасти в литературе. Причины смены периодов продуктивности и сравнительного бесплодия у различных народов отчасти непостижимы. В данном случае, по-видимому, когда наблюдается ослабление интеллектуальной активности, это не было связано с каким-либо особым качеством протестантизма, а скорее было вызвано накалом споров.

РАЗДЕЛ 7. ПРИМЕЧАНИЕ По СКАНДИНАВИИ, ПОЛЬШЕ И ВЕНГРИИ

[Примечание переписчика: приведенный выше номер раздела указан в оригинальной книге, но это случай неправильной нумерации, и на самом деле это шестой раздел главы.]

Можно кратко остановиться на нескольких небольших странах, граничащих с Империей, которые не находятся ни полностью в центральном потоке европейской культуры, ни полностью за ее пределами. Все они были затронуты протестантской революцией, тевтонские народы - постоянно, остальные - временно.

Скандинавия приобрела большое значение в Средние века как родина множества эмигрантов, готов и вандалов, наводнивших Римскую империю. Более поздние волны из Дании и прилегающей части Германии затопили Англию сначала во время англосаксонского завоевания, а затем и датчан. Норманны тоже изначально были выходцами из Скандинавии. Но хотя сыны Севера завоевали и колонизировали большую часть Юга, сама Скандинавия оставалась маленьким народом, не имевшим ни политического, ни интеллектуального значения. Три королевства Дании, Норвегии и Швеции стали единым целым в 1397 году; и, послевременного отделения Швеции от двух других, они снова были объединены. Пятнадцатый век стал свидетелем {136} значительного усиления власти прелатов и более крупной знати за счет *бендеров*, которые из класса свободных и благородных мелких собственников выродились не только в крестьян, но часто и в крепостных. [Примечание: 1513] Когда Кристиан II вззошел на престол, это было в качестве папского защитника. Его попытка укрепить свою власть в Швеции

путем массового убийства магнатов под предлогом того, что они были враждебны папе римскому, [Примечание: 8-11 ноября 1520 г.] акт, названный "Стокгольмской кровавой баней", возбудил народ против него в войне за независимость.

[Примечание: Дания]

Кристиан также считал Данию неподчиняющейся. Это правда, что он издал несколько справедливых законов, защищающих людей и способствующих их процветанию, но их поддержки было недостаточно, чтобы уравновесить ненависть великих лордов, духовную и светскую. Он быстро разглядел в Реформации оружие против прелатов и обратился за помощью к Виттенбергу еще в 1519 году. Его попытки на протяжении 1520 года уговорить самого Лютера посетить Данию потерпели неудачу, но в начале 1521 года ему удалось привлечь Карлштадта для кратковременного визита. Однако это усилие стоило ему трона, поскольку 13 апреля 1523 года он был изгнан и скитался по Европе в изгнании до самой своей смерти. [Примечание: 1559]

Герцог Шлезвиг-Гольштейнский, которому была предложена корона, правил десять лет как Фредерик I. Хотя его коронационная клятва обязывала его ничего не предпринимать против церкви, он был королем всего три года, прежде чем открыто выступил за Реформацию. В этом, опять же, мы должны видеть прежде всего политику, а не убеждение. Однако его поддержали простые люди, которые испытывали отвращение к индульгенциям, продаваемым Арчимбольди [Прим. автора: 1516-19], и к постоянной коррупции высшего духовенства. Города, как и в Германии, были самыми сильными центрами движения. Сейм 1527 года постановил, что лютеране должны быть признаны на равных условиях с католиками, что должны быть разрешены браки священников {137} и обычного духовенства. В 1530 году было принято лютеранское исповедание.

Кристиан III, правивший до 1559 года, сделал последний шаг, хотя и ценой гражданской войны. Его победа позволила ему арестовать всех епископов 20 августа 1536 года и заставить их отказаться от своих прав и собственности в пользу короны. Только один, епископ Роскилле Розенноу, отказался и, следовательно, находился в плену до самой своей смерти. Сейм 1536 года отменил католицизм, конфисковал все церковное имущество и распределил его между королем и мирской знатью. Бугенхаген был вызван из Виттенберга, чтобы организовать церковь по лютеранскому образцу. [Примечание: 1537-9] Непосредственно в последующие годы католики были лишены своих гражданских прав. Политические выгоды Реформации достались в первую очередь королю и во вторую очередь третьему сословию.

[Примечание: Норвегия]

Норвегия была вассалом Дании с 1380 по 1814 год. Никогда еще ее зависимость не была такой полной, как в шестнадцатом веке. Фредерик I ввел Реформацию королевским указом еще в 1528 году, а Кристиан III полностью передал северное королевство под опеку Дании [Примечание: 1536] как в духовных, так и в мирских вопросах. Принятие Реформации здесь, как и в Исландии, казалось, было делом массового безразличия.

[Примечание: Швеция]

После того, как Швеция отстояла свою независимость путем изгнания Кристиана II, на трон взошел Густав Васа, способный правитель. [Примечание: Густавус Васа, 1523-60] Он тоже видел в Реформации главным образом возможность конфисковать церковное имущество. Путь

действительно был подготовлен популярным реформатором Олаусом Петри, но король воспользовался этим движением как предлогом для того, чтобы сосредоточить в своих руках духовную власть. Сейм Вестераса [Прим. автора: 1527] принял необходимые законы, в то же время изгнав главного лидера романистской партии Джона Брака, {138} епископа Линкопинга. Реформация была полностью лютеранской и крайне консервативной. Не только анабаптисты, но даже кальвинисты не смогли оказать никакого влияния на скандинавские народы. Во многих отношениях Реформация в Швеции была параллельна реформации в Англии. Обе страны сохранили епископальную организацию, основанную на "апостольской преемственности". Олаус Магни, епископ Вестераса, был рукоположен в Риме в 1524 году и, в свою очередь, посвятил первого евангелического архиепископа Лоуренса Петри [Прим. автора: Петри 1499-1573], который учился в Виттенберге, а позже перевел Библию на шведский [прим. автора: 1541] и защитил свой народ от нашествия кальвинизма. Король, все более и более безоговорочно становившийся главой церкви, как в Англии, без колебаний наказывал даже видных реформаторов, когда они выступали против него. Правление преемника Густава, Эрика XIV, [Прим. автора: Эрик XIV, 1560-8] было бесхарактерным, если не считать притока гугенотов, усиливших протестантов. Король Иоанн III [Примечание: Иоанн III, 1569-92] предпринял последнюю, хотя и тщетную, попытку воссоединиться с Римской церковью. Поскольку Финляндия в то время находилась в зависимости от Швеции, Реформация шла практически тем же курсом, что и в самой Швеции.

[Примечание: Польша]

Польша представляет собой полную противоположность Швеции. Если в первой правительство заботилось почти обо всем, то во второй оно не заботилось практически ни о чем. Театр польской истории - это обширная равнина, простирающаяся от Карпат до Дуэ и от Балтики почти до Черного и Азовского морей. Этот регион, не имевший естественных границ с нескольких сторон, был населен представителями самых разных рас: поляками на западе, литовцами на востоке, русинами на юге и многими немцами в городах. Союз Польского и Литовского государств был пока еще чисто личным делом монарха. С четырнадцатого века корона Польши была выборной, но великокняжеская корона Литвы была {139} наследственной в знаменитом доме Ягайло, и преимущества унии побуждали польскую знать регулярно избирать наследника восточных владений своим королем. Хотя теоретически власть короля была абсолютной, на практике она была ограничена властью дворян и джентри, и это ограничение получило конституционную санкцию в законе *Nihil novi*, [Примечание: 1505] запрещающем монарху принимать законы без согласия депутатов магнатов и мелкой знати.

Внешняя политика Сигизмунда I [Прим. автора: Сигизмунд I, 1506-1548] определялась близостью могущественных и в целом враждебных соседей. Было бы бесполезно в этом месте подробно рассказывать о его частых войнах с Московией и татарскими ордами в Крыму, а также о его дипломатической борьбе с турками, Империей, Венгрией и Швецией. В целом ему удалось не только удержаться на ногах, но и приумножить свою власть. Именно он окончательно разрешил щекотливый вопрос об отношениях его короны с Тевтонским орденом, который с 1466 года удерживал Пруссию в качестве феода, хотя и постоянно бунтовал и доставлял хлопоты. Избрание Альберта Бранденбургского великим магистром ордена грозило более серьезными неприятностями, [Примечание: 1511] но удовлетворительное решение проблемы было найдено, когда Альберт принял лютеранскую веру и секуляризировал Пруссию как наследственное герцогство, одновременно поклявшись в верности Сигизмунду как своему

сюзерену. [Примечание: 1525] Много лет спустя сын Сигизмунда завоевал и аннексировал еще одно владение Тевтонского ордена дальше на север, а именно Ливонию. [Примечание: 1561] Результатом этого стала война со Швецией, но она была урегулирована уступкой Эстонии скандинавской державе.

Внутренне энергичный Ягайло укрепил как военные, так и финансовые ресурсы своего народа. Чтобы противостоять постоянным набегам татар, он учредил казаков, грубую кавалерию, сформированную из охотников, рыболовов и скотоводов Украины, совершенно аналогичную ковбоям американского Дикого Запада. Из военной организации они превратились в государство и нацию, которые занимали особое положение в Польше, а затем в России. Налогово-бюджетная политика Сигизмунда, восстановившая контроль над монетным двором и передавшая казну в руки способных банкиров, эффективно обеспечивала экономическую жизнь правительства.

[Примечание: Реформация]

Польша в целом была столь же открыта для вторжения иностранных идей, как и для нападений врагов; особая восприимчивость к чужой культуре, частично обусловленная языковыми достижениями многих образованных поляков, а частично независимым, почти анархическим характером, заставила эту нацию получать от других земель больше, чем отдавать. Каждая волна новых идей захлестывает низменную равнину Вислы. Таким образом, Реформация распространилась с поразительной быстротой сначала среди городов, а затем и среди крестьян этой страны. В пятнадцатом веке влияние Гуса и гуманистов по-разному сформировало каналы, способствующие распространению лютеранства. Непопулярность богатой и ленивой церкви предрасполагала политический организм к новой инфекции. В Данциге, этой "Северной Венеции", в 1518 году был лютеранский проповедник; в то время как Торнский эдикт, направленный на подавление еретиков, указывает на то, что еще в 1520 году они привлекли внимание центрального правительства. Но эта карательная мера, за которой последовали другие, только доказала, насколько мало можно остановить волну бумажных заграждений. Города Краков, Познань и Люблин, особенно восприимчивые из-за своего немецкого населения, были полностью заражены до 1522 года. Затем зараза поразила сельские районы и города Пруссии, которые были довольно основательно преобразованы до своей секуляризации.

Первым политическим эффектом Реформации было {141} стимулирование волнений низших классов. Бунты и восстания, аналогичные тем, что были во время Крестьянской войны в Германии, сильно повлияли на проповедь "евангелия". Сигизмунд мог восстановить порядок здесь и там, как он это сделал в Данциге в 1526 году путем военной оккупации, наложив на город штрафы и обезглавив шестерых ведущих новаторов, но он не мог подавить растущее движение. Ибо после восшествия на престол низших классов пришло восшествие на престол знати и джентри, которые несли реальную власть в государстве. Видя в Реформации оружие для унижения и разграбления церкви, а также ключ к более высокой духовной жизни, руководствуясь теми или иными мотивами, они встали под ее знамена и под руководством своего величайшего реформатора Джона Ласки организовали могущественную церковь.

Правление Сигизмунда II [Прим. автора: Сигизмунд II, 1548-1572] ознаменовалось социальным переворотом, в результате которого знать, наконец, твердо взяла власть в свои руки, а также разгаром Реформации. Согласно закону, известному как "Казнь", собрание знати наконец

получило контроль как над исполнительной, так и над законодательной ветвью власти. В то же время они, при сердечной помощи короля, объединили страну более тесными узами, известными как Люблинская уния. [Примечание: 1569] Хотя Литва и Пруссия боролись против присоединения к Польше, обе были вынуждены согласиться на меру, которая добавила мощи государству и открыла польской знати большие возможности для политической и экономической эксплуатации этих земель. Не только король, но и магнаты и города оказались под пятой правящей касты. Это была эволюция, противоположная эволюции большинства европейских государств, в которых корона и буржуазия подчинили себе некогда гордое положение баронства. Но даже здесь, в Польше, можно наблюдать растущее влияние торговли и власти денег, поскольку польское дворянство в значительной степени состояло из мелкого дворянства, стремящегося и способного использовать новые возможности, предоставляемые капитализмом. В других странах старая привилегия владения мечом уступила место новой привилегии владения золотом; в Польше сам меч стал золотым, по крайней мере частично; лезвие сохранило свое острое стальное лезвие, но рукоять, за которую им держали, блестела желтым.

[Примечание: протестантизм]

Несмотря на то, что протестанты не были ограничены законами, у них вскоре развилась слабость, которая в конечном итоге оказалась фатальной для их дела, - неорганизованность и разделение на множество взаимно враждебных сект. [Примечание: 1537] Анабаптисты, конечно, прибыли, проповедовали, приобрели приверженцев и были подавлены. [Примечание: 1548] Затем последовал большой приток чешских братьев, изгнанных из своей собственной страны и мигрировавших в страну свободы, где они вскоре объединились с лютеранами. [Примечание: 1558] Кальвинисты с большим успехом распространяли семена своей веры. Наконец, унитарии во главе с Лелио Созини нашли пристанище в Польше и обратили в свою веру многих, став, наконец, настолько могущественными, что основали новый город Ракау, откуда был издан знаменитый Раковский катехизис. Одно время казалось, что они вот-вот овладеют государством, но прочный союз протестантов-тринитарцев в Сандомире [Прим. автора: 1570] сдерживал их до тех пор, пока все они вместе не были сметены возрождающейся волной католицизма. Было выпущено несколько версий Библии - лютеранской, социнианской и католической.

Евангелисты были настолько могущественны, что на сейме 1555 года они проводили богослужения перед лицом короля-католика и приняли закон, отменяющий юрисдикцию церковных судов. Эта мера, конечно, предоставила свободу всем новым сектам, как тем, которые тогда контролировали Сейм, так и еще не сформировавшимся антитринитариям. Тем не менее было выражено сильное желание создать национальную протестантскую церковь, и если бы Сигизмунд обладал преимуществами Генриха VIII, как и матримониальными трудностями, он мог бы {143} основать такую организацию. Но он так и не осмелился сделать этот шаг, опасаясь враждебности соседей-католиков. Достаточно примечательно, что первенство в католическом деле взяла на себя греко-католическая Московия, [Примечание к статье: 1562] чей царь Иван представлял свою войну против Польши как крестовый поход против новых иконоборцев. Не имея возможности действовать силой, Сигизмунд использовал те средства борьбы с протестантизмом, которые были у него под рукой. Его самым действенным оружием был орден иезуитов, которым было предложено прийти и основать школы. Более того, превосходство их колледжей в чужих странах побудило многих представителей знати посылать

к ним своих сыновей для получения образования, и таким образом были заложены семена контрреформации.

Смерть Сигизмунда, не оставившего наследника, на какое-то время оставила Польшу без хозяина. Во время междуцарствия сейм принял Варшавское соглашение, по которому абсолютная религиозная свобода предоставлялась всем сектам — "религиозным диссидентам" — без исключения. [Примечание: 28 января 1573 г.] Но каким бы либеральным ни был закон, на практике он был искажен сохраняемым за каждым хозяином правом наказывать своих крепостных как по религиозным, так и по светским причинам. Таким образом, низшие классы маршировали от протестантской колонны к католической и обратно, больше не осмеливаясь бунтовать или выражать какой-либо выбор в этом вопросе.

Избрание Генриха Валуа, [Примечание: Генрих, 11 мая 1573 г.] младшего сына Екатерины Медичи, было обусловлено принятием ряда статей, включая сохранение свободы вероисповедания. Принц согласился, с некоторыми оговорками, и был коронован 21 февраля 1574 года. Четыре месяца спустя он услышал о смерти своего брата, Карла IX, сделав его королем Франции. Не осмелившись попросить отпуск, он сбежал из Польши 18 июня, тем самым отказавшись от трона, который был немедленно объявлен вакантным.

Новые выборы представляли большие трудности и {144} едва не привели к гражданской войне. В то время как Сенат высказался за Габсбурга Максимилиана II, сейм выбрал Стефана Батория, принца Трансильвании. [Примечание: Стивен Батори, 1576-86] Только неожиданная смерть Максимилиана предотвратила вооруженное столкновение между ними. Баторий, теперь находящийся во владении, добился своего признания всеми сторонами и привел страну, которую он усыновил, к периоду весьма успешной дипломатии и победоносной войны против Московии. Его религиозная политика была направлена на умиротворение и незаметную поддержку иезуитских фондов в Вильне, Познани, Кракове и Эйге. Но сполна плоды их пропаганды, приведшие к полному обращению Польши в католицизм, были пожаты только во время правления его преемника, Сигизмунда III, шведского вазы. [Примечание: Сигизмунд III, 1586-1632]

[Примечание: Богемия]

Богемия, славянское королевство, исторически и династически давно связанное с Империей, как родина Гуса, тепло приветствовала Реформацию, братья обратились сначала к Лютеру, а затем к Кальвину. После того, как различные попытки подавить и изгнать их не увенчались большим успехом, Договор 1567 года предоставил веротерпимость трем основным церквям. Как и в Польше, иезуиты вернули себе всю землю в следующем поколении, так что в 1910 году в Богемии насчитывалось 6 500 000 католиков и только 175 000 протестантов.

[Прим. автора: Венгрия, 1526 г.]

Венгрия была так сильно разбита турками в битве при Мохаче, что смогла сыграть лишь незначительную роль в развитии западной цивилизации. Как и ее более могущественная соперница, она также была отвлечена внутренними разногласиями. После смерти ее короля Людовика при Мохаче было два кандидата на трон: брат императора Фердинанд и Джон Заполя, [Примечание: Заполя, 1526-40] "войвод" или принц Трансильвании. Протестантизм имел значительное влияние на дворян, которые после крушения национальной власти разделили между собой часть церковных благ. {145} Унитариянское движение также было

сильным в течение некоторого времени, и вызванный им раскол оказался почти фатальным для Реформации, поскольку большая часть королевства была возвращена католицизму под руководством иезуитов. [Примечание: 1576-1612] В 1910 году в Венгрии насчитывалось около 8 600 000 католиков и около 3 200 000 протестантов.

[Примечание: Трансильвания]

Трансильвании, хотя и находившейся в зависимости от турок, было разрешено сохранить христианскую религию. Саксонские колонисты в этом государстве приветствовали Реформацию, официально признав Аугсбургское исповедание на синоде 1572 года. Здесь также наибольшей силы достигли унитарии, набранные частично из изгнанных из Польши. Они черпали свое вдохновение не только у Созини, но и из множества источников, поскольку это учение появилось одновременно среди некоторых анабаптистских и спиритуалистических сект. Веротерпимость была предоставлена им на тех же условиях, что и другим христианам. Название "унитарный" впервые появляется в постановлении сейма Трансильвании от 1600 года. Значительная часть сторонников этого направления все еще остается в стране, вместе с рядом лютеран, кальвинистов и католиков, но подавляющее большинство людей принадлежат к двум греко-католическим церквям.

{146}

ГЛАВА III

Швейцария

РАЗДЕЛ 1. ЦВИНГЛИ

[Примечание: Швейцарская Конфедерация]

Среди покрытых снегом Альп и лазурных озер Швейцарии выросла раса немцев, которая, хотя номинально все еще оставалась частью Империи, в рассматриваемый период давно пошла по своему собственному пути развития. Политически Конфедерация возникла в результате народного восстания против Австрийского дома. Федеральный союз трех лесных кантонов Ури, Швиц и Унтервальден, впервые заключенный в 1291 году и ставший постоянным в 1315 году, был укреплен принятием Люцерна (1332), Цуга (1352), Гларуса (1351) и имперских городов Цюриха (1351) и Берна (1353). С принятием Фрайбурга и Золотурна (1481), Базеля (1501), Шаффхаузена (1501) и Аппенцелля (1513) Конфедерация достигла числа тринадцати кантонов, в составе которых она оставалась много лет. К этому времени она была признана практически независимым государством, за которым ухаживали великие державы Европы. В союзе с этой Германской конфедерацией были два романскоязычных государства аналогичного характера - Конфедерации Вале и Гривон.

Швейцарцы были тогда единственным свободным народом Европы. Республиканское правление, осуществляемое народными магистратами, преобладало во всех кантонах. Свобода была не совсем демократической, поскольку кантоны управляли несколькими подвластными провинциями, а в городах власть принадлежала несколько аристократическому электорату; тем не менее в Европе не было государства, приближающегося по самоуправлению к швейцарскому. Хотя они, как правило, считались лучшими солдатами того времени, их военная доблесть не принесла им пользы, поскольку стойкие крестьяне уступили просьбам окружающих их великих держав поступить на иностранную наемническую службу. Влиятельные люди,

особенно священники, получали пенсии от папы римского, Франции или других князей в обмен на свои труды по набору персонала. Система была плохой для обеих сторон. Швейцарская политика была испорчена, и страна лишилась своих сильнейших людей; в то время как князья, нанимавшие наемников, часто обнаруживали, что такие солдаты были не только самыми грозными для их врагов, но и самыми неприятными для них самих, всегда на грани мятежа ради большего жалования и грабежей. Швейцарцы начали осознавать порочность этой системы и в 1503 году запретили взимание пенсий, хотя этот закон по большей части оставался мертвой буквой. [Примечание: 13-14 сентября 1515 г.] Репутации горцев был нанесен удар в результате их поражения от французов при Мариньяно, за которым последовал договор с Францией, призванный этой державой сделать Швейцарию постоянной зависимостью в обмен на крупную ежегодную субсидию, выплачиваемую каждому из тринадцати кантонов, а также Граубюндену и Вале. Страна страдала от раздоров. Сельские или "Лесные" кантоны ревниво относились к городам, и последние, особенно Берн, сильнейший, проводили эгоистичную политику индивидуального расширения за счет своих союзников.

Как и везде, города были центрами культуры и общественных движений. Базель был знаменит своим университетом и большой типографией Фробена. Здесь Альберт Дюрер останавливался на некоторое время в годы своих скитаний. Здесь Себастьян Брант учился и написал свою знаменитую сатиру. Сюда приехал великий Эразм, чтобы опубликовать свой Новый Завет.

Но Реформация в Швейцарии была лишь в [Прим. автора: 1521-9] {148} части порождением гуманизма. Национализм сыграл свою роль в восстании в Риме, воспоминания о соборах сохранились в Констанце и Базеле, а стремление к более чистой религии дало о себе знать среди наиболее убежденных. В Швейцарии была по крайней мере одна великая святыня - Айнзидельн; к ее Пресвятой Деве ежегодно приходило множество паломников в надежде на полное снисхождение, недвусмысленно обещающее прощение как вины, так и наказания за грех. Берн был ареной одного из самых громких скандалов, разыгранных современной церковью. [Примечание: скандал с Джетцером] Страстно оспариваемый богословский вопрос того времени заключался в том, была ли Дева непорочно зачата. Доминиканцы отрицали это, а францисканцы утверждали. Некоторые доминиканцы из Бернского мужского монастыря считали, что лучший способ уладить это дело - получить прямое откровение. В своих мошеннических целях они вступили в сговор с Джоном Джетцером, братом-мирянином, признанным в 1506 году, который умер после 1520 года. То ли как инструмент в руках других, то ли как самозванец, Джетцер произвел серию фальшивых видений, выведя Девственницу на сцену и заставив ее рассказать подробности своего зачатия, достаточно грубые, чтобы показать, что оно произошло обычным, а не безупречным образом. [Примечание: 1509] Когда власти наконец раскрыли мошенничество, четверо причастных к нему доминиканцев были сожжены на костре.

Но смутные силы недовольства, возможно, никогда бы не выкристаллизировались в определенное движение, если бы не лидерство Ульриха Цвингли. [Примечание: Цвингли] Он родился 1 января 1484 года в Тоггенбурге, среди высоких гор, с самого начала вдохнув атмосферу свободы и красоты. Бродя по диким перевалам, он заметил, как сурки выставили часового, чтобы предупредить их об опасности, и как белка пересекла ручей по щепке. Когда он вернулся в дом своего отца, местного судьи, живущего в стесненных обстоятельствах, он услышал {149} волнующие рассказы о швейцарской свободе и швейцарской доблести, которые посеяли в его душе глубокую любовь к родной земле. Религия, которую он изучал, была доброй

католической, и элемент народных суеверий в ней был гораздо менее странным и ужасным, чем в Северной Германии. Он вспомнил одну маленькую сказку, рассказанную ему бабушкой, о том, как Господь Бог и Питер спали вместе в одной постели и каждое утро просыпались оттого, что приходила экономка и дергала за волосы мужчину, стоявшего снаружи.

Образование началось рано под руководством дяди, приходского священника. В десять лет Ульриха отправили учиться в Базель. Здесь он хорошо прогрессировал, став главным стипендиатом, и здесь у него развилась любовь к музыке и значительное мастерство в ней. Позже он пошел в школу в Берне, где привлек внимание нескольких монахов, которые пытались направить его в свой монастырь, но его отец, по-видимому, сорвал эту попытку. Осенью 1498 года он поступил в Венский университет. По какой-то неизвестной причине вскоре после этого его отстранили от занятий, но весной 1500 года он был вновь принят. Два года спустя он отправился в Базель, где завершил учебу, получив степень магистра. [Примечание: 1506] Находясь здесь, он некоторое время преподавал в школе. Теология, по-видимому, мало интересовала его; его страстью были гуманитарные науки, а его кумиром был Эразм. Только в 1513 году он начал изучать греческий.

Если в двадцать два года, еще не достигнув канонического возраста, Цвингли принял сан и стал приходским священником в Гларусе, то это произошло не столько из-за какого-либо глубокого религиозного интереса, сколько потому, что он находил в священническом призвании наилучшую возможность развить свой вкус к литературе. Финансовую помощь ему оказывала папская пенсия в размере пятидесяти гульденов в год. Его первой опубликованной работой была басня. [Примечание: 1510] Лев, леопард и лиса (император Франции и Венеции) пытаются прогнать быка {150} (Швейцария) с его пастбища, но пастух (папа римский) им мешает. Те же тенденции — папские, патриотические и политические — показаны в его второй книге, [Прим. автора: 1512] рассказе об отношениях между швейцарцами и французами, и в "*Лабиринте*", [Прим. автора: 1516] аллегорической поэме. Различные народы снова предстают в образе животных, но герой, Тесей, - патриот, ведомый нитью разума Ариадны, в то время как он побеждает чудовищ греха, стыда и порока. Естественный интерес Цвингли к политике подпитывался его опытом работы в качестве полевого капеллана швейцарских войск в битвах при Новаре [Прим. автора: 1513] и Мариньяно. [Примечание: 1515]

Был ли он уже реформатором? Не в более позднем смысле этого слова, но он был учеником Эразма. Капито писал Буллингеру в 1536 году: "Пока Лютер находился в отшельничестве и еще не вышел на свет, мы с Цвингли совещались, как свергнуть папу. Ибо тогда наше суждение созревало под влиянием общества Эразма и чтения хороших авторов". Хотя Капито переоценил оппозицию молодого швейцарца папству, он был прав в других отношениях. Энтузиазм Цвингли по отношению к князю гуманистов, совершенно очевидный в его заметках о святом Павле, побудил его посетить пожилого ученого в Базеле весной 1516 года. Их переписка началась в одно и то же время. Разве не примечательно, что в *Лабиринте* нитью Ариадны является не религия, а разум? Его религиозным идеалом, как показывают его заметки о святом Павле, в то время был эразмианский идеал этичной, недогматичной веры. Он интерпретировал Апостола по Нагорной проповеди и Платону. Он по-прежнему был добрым католиком, не помышляя о том, чтобы порвать с церковью.

[Примечание: октябрь 1516-декабрь 1518]

Из Гларуса Цвингли был вызван в Айнзидельн, где пробыл два года. Здесь он увидел суеверные нелепости, высмеиваемые Эразмом. Здесь же {151} он впервые столкнулся с индульгенциями, продававшимися по всей Швейцарии Бернардом Самсоном, миланским францисканцем. Цвингли не нападал на них со страстным рвением Лютера, но высмеивал их как "комедию". Его положение не оттолкнуло его от папских властей, [Примечание: 1 сентября 1516 г.] поскольку он подал прошение и получил назначение папским послушником. Насколько несерьезной была его жизнь в то время, видно из того факта, что он открыто признавался, что жил нечестиво, и даже шутил по этому поводу.

Несмотря на его грешки, какими он, очевидно, их считал, на его способности и независимость характера возлагались большие надежды. Когда в Цюрихе требовался священник, [Примечание: 1 января 1519 г.] Цвингли подал заявление на эту должность, и после напряженной агитации ему удалось ее получить.

Вскоре после этого в жизни Цвингли наступил поворотный момент, превративший довольно мирского молодого человека в ревностного апостола. Этому способствовали две причины. Первой была чума. Цвингли заболел в сентябре и много месяцев оставался в критическом состоянии. Как это часто бывает, страдания и страх смерти сделали притязания потустороннего мира для него настолько ужасающе реальными, что впервые он воззвал к Богу из глубины души и посвятил свою жизнь служению своему Спасителю.

[Примечание: 1519]

Вторым влиянием, которое определило и углубило жизнь Цвингли, было влияние Лютера. Впервые он упоминает о нем в 1519 году, и с тех пор часто. Все его работы и последующие поступки демонстрируют впечатление виттенбергского профессора. Хотя сам Цвингли твердо утверждал, что проповедовал Евангелие до того, как услышал о Лютере, и что всю свою доктрину он почерпнул непосредственно из Библии, он обманывал себя, как это делают многие люди, переоценивая собственную оригинальность. Он действительно мог сказать, что сформулировал некоторые {152} из своих идей в зависимости от Эразма еще до того, как услышал о саксе; и впоследствии он все еще сохранял способность к личному суждению. Он никогда не следовал рабски ни за кем и в некоторых отношениях был более радикальным, чем Лютер; тем не менее верно, что он был в большом долгу перед великим немцем.

Достаточно примечательно, что первый настоящий конфликт вспыхнул в Цюрихе в начале 1520 года. Цвингли проповедовал против поста и монашества и выдвинул тезис о том, что только Евангелие должно быть правилом веры и практики. Ему удалось провести практическую реформу кафедрального капитула, но он был вынужден пойти на компромисс в отношении поста. Вскоре после этого Цюрих отказался от послушания епископу. Лесные кантоны, и без того ревниво относившиеся к процветанию городов, попытались вмешаться, но Цвингли предупредил их не призывать к войне, поскольку это было нехристианским поступком. Оппозиция только подстегнула его реформаторское рвение к дальнейшим усилиям.

Весной 1522 года Цвингли заключил с Анной Рейнхард Мейер союз, который он держал в секрете в течение двух лет, когда обвенчался с ней в церкви. В самом браке, хотя он ни в коем случае не был несчастлив, было что-то, чего не доставало тонким чувствам и совершенной любви.

[Примечание: Реформация в Цюрихе]

По мере продвижения реформы ощущалась необходимость разъяснений. Это было достигнуто с помощью излюбленного метода того времени - диспута. Католики тщетно пытались предотвратить это, и оно действительно состоялось в январе 1523 года по 67 тезисам, составленным Цвингли. Здесь, как это часто бывает, оказалось, что битва была наполовину выиграна, когда новаторы были услышаны. Сами они объясняли это превосходством своего дела; но, не умаляя этого, следует сказать, что, как показала психология рекламы, любой тезис, представленный с достаточной силой, чтобы привлечь внимание публики, {153} несомненно, завоеует определенное количество приверженцев. [Примечание: 27 октября 1523 г.] Городской совет Цюриха распорядился отменить изображения и мессу. Противодействие кафедрального капитула значительно задержало реализацию этой программы. В декабре Собор был вынужден отказаться от дальнейшего обсуждения. Только в среду, 12 апреля 1525 года, в Цюрихе в последний раз была отслужена месса. Его место было немедленно занято, на следующий день, в Чистый четверг, простой службой причастия. В то же время последний из монастырей был подавлен или приведен в состояние, гарантирующее их окончательное исчезновение. Другие реформы включали отмену процессий, конфирмации и чрезвычайного соборования. С элементарной осторожностью большому количеству простых душ это было сделано незадолго до времени, отведенного для последнего празднования. Из церквей выносили органы и регулярно читали лекции по Библии.

Встревоженные этими нововведениями, пять первоначальных кантонов — Унтервальден, Ури, Швиц, Люцерн и Цуг - в 1524 году сформировали лигу для подавления "гуситской, лютеранской и цвинглианской ересей". Какое-то время это выглядело как война. Цвингли и его советники разработали удивительно тщательный план кампании, включающий метод привлечения союзников, множество военных деталей и достаточное количество средств для молитвы о победе. Война, однако, была предотвращена при посредничестве Берна как друга Цюриха, и была гарантирована полная религиозная автономия каждого кантона.

Швейцарской реформации пришлось пройти тот же путь отделения от гуманистов и радикалов, а также от раскола, что и немецкому движению. Хотя Эразм был немного ближе к швейцарцам, чем к саксонским реформаторам, он был отчужден возмутительными насмешками некоторых из них и столь же необоснованными попытками других показать, что он согласен с ними {154}. "Они ложно называют себя евангелистами, - высказал он мнение, - потому что ищут только двух вещей: жалованья и жены".

Затем произошел разрыв с Лютером, история которого уже была рассказана. Разделение не было вызвано ни завистью, ни единственной доктриной — доктриной реального присутствия, — за которую номинально боролись. В действительности между двумя типами мышления существовала большая разница. Сакс был одновременно мистиком и схоластом; для него религия была всем во всем, а догма - значительной частью религии. Цвингли подошел к проблеме спасения с менее личной, безусловно, с менее мучительной и с более правовой, либеральной, эмпирической точки зрения. Он был сторонником свободы и ценности совместных действий в государстве. Он толковал Библию с помощью разума; Лютер подчинил свой разум изучению Библии в ее очевидном значении.

[Примечание на стороне: анабаптисты, 1522]

Затем настала очередь анабаптистов — большевиков шестнадцатого века. Их первые лидеры появились в Цюрихе и некоторое время были закадычными друзьями Цвингли. Но разделение путей было неизбежно, поскольку гуманист не мог испытывать симпатии к некультурной и невежественной группе — такими они были, несмотря на то, что несколько лидеров были выпускниками университетов, — а государственный деятель не мог признать в своих категориях цели, которые были сектантскими по отношению к государственной церкви и демократическими по отношению к существующей аристократии.

[Примечание: 1523]

Его первая работа против них показывает, как он разрывался между желанием сделать Библию своим единственным руководством и необходимостью идти на компромисс с господствующим государством. Поскольку он не мог осудить своих оппонентов на каких-либо последовательных основаниях, он был вынужден выдвинуть против них два обвинения, которые были ложными, хотя, вероятно, сам он считал их правдивыми. Поскольку в некоторых деталях они были аскетами, он заклеил их как монахов; за их социальную программу он назвал их крамольными.

Подавление крестьянского восстания имело в Швейцарии, как и везде, эффект, заставивший бедных и угнетенных пасть духом и оттолкнувший их от дела официальных протестантских церквей. В Цюрихе состоялся диспут с лидерами анабаптистов; [Примечание: 6-8 ноября 1525 г.] они были объявлены опровергнутыми, и совет издал приказ крестить всех некрещеных детей в течение недели. Лидеры были арестованы и преданы суду; Цвингли дал показания о том, что они выступали за коммунизм, который он считал неправильным, поскольку библейское предписание не воровать подразумевало право частной собственности. Анабаптисты отрицали, что они коммунисты, но лидеры были обязаны поддерживать мир, некоторые были оштрафованы, а другие изгнаны. Поскольку меры преследования почти всегда становятся все более суровыми, незадолго до того, как в отношении сектантов была осуждена и фактически применена смертная казнь. В полемике против новой секты, озаглавленной *In Catabaptistarum Strophas Elenchus*, [Прим. автора: июль 1527 г.] единственным аргументом Цвингли является критика некоторых несоответствий в библицизме анабаптистов; его последний призыв - к силе. Его борьба с ними была тяжелее, чем его битва с Римом. Похоже, реформатор никого так не боится, как того, кто доводит собственные принципы реформатора до того, что их создатель не одобряет. Цвингли видел в бесстрашных фанатиках людей, готовых действовать в политических и социальных вопросах так же, как он действовал в церковных делах; он боялся анархии или, по крайней мере, подрыва того государственного устройства, которое он предпочитал, и, подобно всем другим людям своего времени, он клеймил ересь как мятеж и наказывал ее как преступление.

[Примечание: Теократия]

К этому времени Цюрих превратился в теократию того же тиранического типа, что и та, которую позже прославила Женева. {156} Цвингли занял позицию ветхозаветного пророка, подчинившего государство церкви. Сначала он согласился с анабаптистами в разделении (теоретически) церкви и государства. Но вскоре он пришел к убеждению, что, хотя истинные христиане, возможно, и не нуждаются в правительстве, необходимо контролировать нечестивых, и для этой цели он предпочитал аристократическое государственное устройство. Все вопросы морали были строго регламентированы, были приняты суровые законы против

таверн и азартных игр. Жителей заставляли посещать церковь. После подавления католиков и радикалов, как и позже в Женеве, развились две партии: евангелистов и индифферентистов, политика последних заключалась в большей свободе или распушенности в дисциплине и в общем предпочтении политических целей религиозным.

[Примечание на стороне: Базель, ноябрь 1522 г.]

Реформация теперь распространилась и на другие города Немецкой Швейцарии. Эколампадий, прибывший в Базель как носитель евангельских идей, добился такого успеха, что вскоре епископ был лишен власти, [Прим. прим. 1524] были проведены два диспута с католиками, [Прим. прим. 1525] и монастыри упразднены. [Примечание: 1527] Эколампадий, посоветовавшись с Цвингли о наилучших средствах подавления католического богослужения, заклеил мессу как акт худший, чем воровство, блудодеяние, прелюбодеяние, государственная измена и убийство, созвал заседание городского совета и попросил их издать указ об отмене католического богослужения. [Примечание: 27 октября 1527 г.] Хотя они ответили, что каждый человек должен быть свободен исповедовать ту религию, которая ему нравится, в Страстную пятницу 1528 года протестанты убрали изображения из церкви Эколампадия и роптали, потому что их врагов все еще терпели. Свобода совести была обеспечена только довольно равным составом членов городского совета. 23 декабря 1528 года двести горожан собрались и представили петицию, составленную Эколампадием, о подавлении {157} массовых беспорядков. 6 января 1529 года под давлением послов Берна и Цюриха городской совет Базеля постановил, что все пасторы должны проповедовать только Слово Божье, и попросил их собраться для наставления по этому вопросу. Компромисс никого не устроил, и 8 февраля вспыхнула давно подготовленная революция. Под предлогом того, что католики не подчинились последнему указу, толпа протестантов окружила ратушу, установила пушки и вынудила совет изгнать двенадцать членов-католиков, тем временем уничтожив церковные изображения и статуи. "Это было действительно зрелище, настолько печальное для суеверных, - писал Эколампадий Капитону, - что им пришлось пролить кровь. . . . Мы бушевали против идолов, и масса людей умерла от горя".

Нечто похожее произошло в Берне, Санкт-Галле, Шаффхаузене и Гларусе. Излюбленным инструментом для возбуждения общественного интереса и поддержки были диспуты. Подобное мероприятие проходило в Бадене в мае и июне 1526 г. Цвингли отказался принимать в нем участие, и католики заявили о победе. Это, однако, принесло им скорее вред, чем пользу, поскольку общественность почувствовала, что карты раскрыты. Аналогичные дебаты в Берне в 1528 году полностью подчинили этот город Реформации. Синод швейцарских евангелических церквей был сформирован в 1527 году. Это способствовало единообразию. Публикация Библии в переводе Лео Джада и других авторов с предисловиями Цвингли оказала помощь делу евангелизации. [Примечание: 1530] Этот перевод был единственным, который вообще успешно конкурировал с переводом Лютера.

Растущая мощь протестантских кантонов побуждала их проводить реформу силой во всех местах, где за нее выступало большинство. Далеко идущие планы Цвингли включали союз с Гессеном и Франциском I, которому он посвятил свои {158} две наиболее важные богословские работы: "*Истинная и ложная религия*" и "*Изложение христианской веры*". [Примечание: апрель 1529 г.] Католические кантоны в ответ заключили союз с Австрией. Война казалась неизбежной, и Цвингли так горячо поддерживал ее, что пригрозил отставкой, если Цюрих не объявит войну.

Соответственно, это было сделано 8 июня. Тридцать тысяч протестантских солдат выступили маршем против католических кантонов, которые без ожидаемой помощи со стороны Австрии смогли выставить в бой только девять тысяч человек. Видя, что их безнадежно превосходят численностью, католики благоразумно заключили мир, не рискуя ввязываться в битву. [Примечание: Первый мир Каппеля] Условия этого первого Каппелевского мира вынудили католиков отказаться от союза с Австрией и позволить большинству граждан в каждом кантоне самим решать, какой религии они будут следовать. Терпимость к протестантам была предусмотрена в католических кантонах, хотя в евангелических кантонах отрицалась терпимость к старой религии.

Этот мир ознаменовал вершину могущества Цвингли. Он продолжал вести переговоры на равных с Лютером и послал миссионеров в Женеvu, чтобы привлечь их на свою сторону и в пользу Конфедерации. Католические кантоны, уязвленные за живое, снова обратились за помощью к Австрии и собрали другую, более совершенную армию. [Примечание: Поражение Цвингли] Цвингли услышал об этом и выступил за быстрый удар, чтобы предотвратить это — "наступательную оборону". Берн отказался присоединиться к Цюриху в этой агрессии, но согласился оказать давление на католиков [Примечание: май 1531 г.], объявив блокаду их границ. Лесные кантоны подготовили армию, но Берн, чья совершенно эгоистичная политика была более пагубной для евангелического дела, чем враждебность лиги, по-прежнему отказывался вступать в войну. Поэтому Цюриху пришлось встретить его в одиночку. Армия всего из двух тысяч цюрихцев выступила маршем в сопровождении Цвингли в качестве полевого капеллана. Восемь тысяч католических войск атаковали, наголову разгромили их и {159} многих убили на поле боя. [Примечание: 11 октября 1531 г.] Цвингли, который, хотя и не участвовал в боевых действиях, был вооружен, был ранен и оставлен на поле боя. Позже враги узнали его, убили, а его тело сожгли как тело еретика.

Поражение стало катастрофой для протестантской Швейцарии не столько из-за условий мира, которые были умеренными, сколько из-за потери престижа и, прежде всего, великого лидера. Однако его дух продолжал вдохновлять своих последователей и жил в Реформатской церкви. Действительно, было сказано, хотя и с преувеличением, что Кальвин дал свое имя толькоцеркви, основанной Цвингли, точно так же, как Америк дал свое имя континенту, открытому Колумбом. Во многих отношениях Цвингли был самым либеральным из реформаторов. В своей последней работе он выразил веру в то, что на небесах будут спасены не только христиане и достойные люди Ветхого Завета, но и "Геракл, Тесей, Сократ, Аристид, Антигон, Нума, Камилл, Катон и Сципион". ... Одним словом, никогда не существовало и не будет существовать святого разума, верной души, от самого основания мира до его завершения, которого вы не увидите там с Богом". Тем не менее, Цвингли был гонителем и был связан многими догматическими установками своего времени. Но в его религии было меньше чуда и больше разума, чем в религии любого другого основателя церкви шестнадцатого века. Он был государственным деятелем и больше доверял народу, чем его современники, но все же он был готов пожертвовать своей страной ради своей веры.

В течение короткого времени после гибели стольких выдающихся граждан Цюриха в битве при Каппеле Цюрих пребывал в бессилии и отчаянии. Соседи также не слишком утешали ее и не оказывали ей помощи. Эколампаций умер всего через несколько недель после своего друга, в то время как {160} Лютер и Эразм пели гимны триумфа над поверженными их соперниками. Даже Кальвин считал это судом Божиим. Постепенно, своими силами, Цюрих вернула себе мир

и определенное влияние. [Примечание: Буллингер, 1504-75] Последователь Цвингли, Генри Буллингер, сын священника, был замечательным человеком. Он не только основал свой собственный город, но и его активная переписка с протестантами всех стран во многом способствовала распространению евангельской религии. Совместно с Микониусом он составил первое швейцарское признание, [Прим.: 1536] принятое Цюрихом, Берном, Базелем, Шаффхаузен, Санкт-Галлом, Мюльхаузен и Билем; [Прим.: 1549] а позже он заключил соглашение с Кальвином, известное как Тигуринский консенсус. В этом цвинглианская и кальвинистская доктрины евхаристии были максимально согласованы. Но в то время как первое уменьшалось, второе увеличивалось, и Женева заняла место Цюриха как метрополии реформатской веры.

РАЗДЕЛ 2. КАЛЬВИН

15 Января 1527 года Томас фон Хофен написал Цвингли из Женевы, что сделает все возможное, чтобы возвеличить Евангелие в этом городе, но знает, что это будет напрасно, поскольку против него работают семьсот священников. Это письмо дает представление о методах, с помощью которых евангелизировались новые территории, о кругах, откуда пришли новые влияния, и о силах, с которыми им приходилось бороться.

Среди первых миссионеров "евангелия" во франкоязычных странах одним из самых энергичных был Уильям Фарел. [Примечание: Фарель, 1489-1565] Он учился в Париже у Лефевра д'Этапля и был обращен в лютеранство еще в 1521 году. Сначала он отправился в Базель, где познакомился с Эразмом. Далекий от того, чтобы проявить уважение к пожилому и более известному человеку, он презрительно сказал ему в лицо, что жена Фробена знает теологию больше, чем он сам. Негодование Эразма проявилось в прозвище Фаллик, которое он закрепил за своим антагонистом. Из Базеля Фарель отправился в Монбельяр и Эгль, проповедуя бесстрашно, но так яростно, что его друг Эколампаций предупредил его, чтобы он помнил, что лучше учить, чем проклинать. [Примечание: 1528] После участия в диспуте в Берне он проповедовал западную Швейцарию. О его методах можно узнать из его работы в Валанжине 15 августа 1530 года. Он присутствовал на мессе, но посреди нее подошел к священнику, силой вырвал у него из рук подаяние и сказал людям: "Это не тот Бог, которому вы поклоняетесь: он выше на небесах, даже в величии Отца". В 1532 году он отправился в Женеву. Несмотря на то, что здесь, как и часто в других местах, он чудом избежал линчевания, он произвел большое впечатление. Его рыжие волосы и вспыльчивый характер, очевидно, нашли свое применение.

[Примечание: Кальвин, 1509-64]

Реформатором Французской Швейцарии, однако, суждено было стать не Фарелю, а Джону Кальвину. Родился в Нойоне, Пикардия, его мать рано умерла, и отец, который не заботился о детях, отправил его на воспитание в дом друга-аристократа. В этой среде он приобрел утонченные манеры и надменность, которыми был известен. Когда Джону было шесть лет, его отец, Джерард, назначил его в благотворительный фонд точно так же, как в наши дни он мог бы назначить ему стипендию. В возрасте двенадцати лет влияние Жерара обеспечило его сыну еще одно из этих церковных средств к существованию, а два года спустя оно было обменено на более прибыльное, что позволило мальчику уехать в Париж. Здесь в течение нескольких лет, в колледже Монтегю, Кальвин изучал схоластическую философию и теологию под руководством Ноэля Беды, средневекового логика и схоласта по темпераменту. В университете Кальвин получил от своих товарищей прозвище "винительный падеж" из-за своего придирчивого {162}

характера и склонности к придиркам. По желанию отца Джон сменил теологию на юриспруденцию. Некоторое время он учился в университетах Орлеана и Буржа. В Орлеане он попал под влияние двух протестантов, Оливетана и немца Мельхиора Вольмара. После смерти своего отца в 1531 году он начал посвящать себя гуманитарным наукам. Его первая работа, комментарий к "*О Клеменции*" Сенеки, свидетельствует о его широкой начитанности, превосходном латинском стиле и этических интересах.

Очевидно, именно благодаря гуманистам Эразму и Лефевру он пришел к изучению Библии и трудов Лютера. Вероятно, осенью 1533 года он пережил "обращение", подобное тому, которое стоит во главе многих религиозных карьер. Внезапный луч света, по его словам, снизошел на него в это время от Бога, подвергнув его испытанию и показав ему, в какой глубокой пропасти заблуждений и грязи он жил. После этого он со слезами отказался от своей прежней жизни.

Весной 1534 года Кальвин отказался от синекуры, которую он занимал, и ближе к концу года покинул Францию из-за усиливающихся преследований, поскольку он уже навлек на себя подозрения. После различных странствий он добрался до Базеля, где опубликовал первое издание своих *Институтов христианской религии*. [Примечание: *Институты христианской религии*, 1536] Оно было посвящено, как и две работы Цвингли, Франциску I с решительным призывом к новой вере. Тем не менее, он был осужден и публично сожжен во Франции в 1542 году. Первоначально написанная на латыни, она была переведена автором на французский в 1541 году и время от времени переиздавалась все большими тиражами, последний из которых, вышедший в 1559 году, был в пять раз объемнее первого впечатления. Мысль тоже, хотя и не претерпела фундаментальных изменений, была перестроена и развита. Только в редакции 1541 года {163} предопределение стало совершенно ясным. Первое издание, как и катехизис Лютера, включало в себя по порядку Десятисловие, Символ веры, Молитву Господню и Таинства. К этому был добавлен раздел о христианской свободе, власти церкви и гражданском правлении. В последнем издании расположение статей полностью соответствовало порядку статей Апостольского символа веры, все остальное рассматривалось в его связи с верой.

[Примечание: Система теологии]

В *Институтах* Кальвину удалось обобщить всю протестантскую христианскую доктрину и практику. Это произведение огромного труда и мысли. Его жесткая логика, всеобъемлющность, и ясность обеспечили ему такое же место в протестантских церквях, какое *Сумма* Фомы Аквинского занимает в римском богословии. Это похоже на *Сумму* другими способами, прежде всего в том, что это попытка вывести абсолютный, неизменяемый стандарт догмы из предпосылок, которые считаются непогрешимыми. Те, кто нашел в Кальвине великую свежесть, новую жизнь и новый реализм, могут сделать это только по сравнению со старшими схоластами. Кальвин просто пошел по их пути, привнес в их философию все те коннотации, которые были необходимы за три столетия прогресса. Это не отрицает того, что его работа была хорошо написана и что она удовлетворяла насущную потребность того времени. Кальвин с большой осторожностью культивировал стиль, как французский, так и латинский, поскольку видел его огромную полезность для пропаганды. Он особенно следил за краткостью и считал, что довел ее до крайности, хотя французское издание *Институтов* занимает более восьмисот страниц размером в октаво. Однако все относительно, и по сравнению со многими другими теологами Кальвин действительно лаконичен и читабелен.

Ни в одной из работ Кальвина нет ни одной оригинальной мысли. Я не имею в виду "оригинальный" в каком-либо узком смысле, поскольку тому, кто ищет источники, кажется, что {164} буквально нет ничего нового под солнцем. Но в Кальвине нет ничего такого, в отношении чего нельзя было бы найти достаточный авторитет у его предшественников. Признавая Библию своим единственным стандартом, он интерпретировал ее в соответствии с новыми протестантскими учителями. Прежде всего, он зависел от Лютера, причем в такой степени, которую невозможно преувеличить. Особенно из *Катехизисов*, *"Оковы воли"* и *"Вавилонского пленения Церкви"* Кальвин извлек все свои основные доктрины вплоть до деталей. Он также кое-что позаимствовал у Буцера, Эразма и Швенкфельда, а также у трех писателей, которые в определенном смысле были его образцами. *Общие места теологии* Меланхтона, *"Истинная и ложная религия"* Цвингли и *Краткое наставление Фареля в христианской вере* - все это в качестве эксперимента сделало то, что он сейчас сделал окончательно.

[Примечание: Теоцентрический персонаж]

Центром философии Кальвина был Бог как Всемогущая Воля. Его воля была источником всех вещей, всех поступков, всех стандартов добра и зла и всего счастья. Единственной целью вселенной и единственным намерением ее Создателя было прославление Божества. Главной целью человека было "прославлять Бога и наслаждаться им вечно". Бог совершил это самовозвышение во всем, но главным образом через людей, свою самую благородную работу, и он совершил это различными способами, спасая одних и осуждая других. И его поступок был чисто произвольным; он предвидел и предопределял судьбу каждого человека с самого начала; он проклинал и спасал независимо от предвиденных заслуг. "Вечный указ Бога" сам Кальвин называл "ужасающим". [1] Внешним признаком избрания благодатью он считал нравственное поведение, и в этом отношении он требовал самого высокого от себя и от своих последователей. Избранные, думал он, были уверены в спасении. Высшей добродетелью была вера, дело скорее сердца, чем разума. Божественность Христа, сказал он, была постигнута христианским опытом, а не спекуляциями. Разум был ошибочен; предоставленный самому себе, человеческий дух "не мог сделать ничего, кроме как потеряться в бесконечных заблуждениях, запутаться в трудностях и блуждать ощупью в непроницаемой тьме". Но Бог дал нам свое Слово, непогрешимое и непогрешимо, нечто такое, что "исходило из самых его уст". "Мы можем искать Бога только в его Слове, - сказал он, - и не думать о нем иначе, чем в соответствии с его Словом".

Кальвин неизбежно стремился использовать Библию как строгий моральный закон, который должен соблюдаться в точности. Его этика была изощренной казуистикой, методом нахождения надлежащего правила, регулирующего конкретный поступок. Он проповедовал новый законничество; [Прим. автора: законничество] он взял Священное Писание, как фарисеи взяли Закон, и высказывания Лютера, как они взяли Пророков, и превратил их все в жесткие, незыблемые законы. Таким образом, он сокрушил славную автономию этических принципов своего предшественника. Именно Кант, который отрицал все специфические убеждения Лютера, но который развил его идею индивидуальной совести, был истинным наследником его духа, а не Кальвин, который сокрушал дух, разрабатывая каждую черточку буквы. Точно таким же образом Кальвин уничтожил доктрину Лютера о священстве всех верующих. Для Кальвина церковь была сакраментальной, аристократической организацией с авторитетным служением. Немец восстал против идеи церкви как таковой; француз просто спросил, что такое истинная церковь. Поэтому он напомнил о некоторых сакраментальных чудесах крещения и евхаристии.

В последнем он оставался таким же средневековым, как и Лютер, никогда не выходя за рамки вопроса о способе присутствия тела и крови Христа в хлебе и вине. Его попытка рационализировать доктрину Аугсбурга, особенно применительно к цвинглианцам, привела к катастрофическим результатам. Были возможны только две позиции {166}: что тело и кровь присутствовали или что их не было. Пытаясь найти некую золотую середину, Кальвин поддерживал противоречие в терминах: элементы были знаками и в то же время были реальностью; тело действительно было там, когда хлеб ел верующий, но на самом деле его не было, когда тот же хлеб ел неверующий. Присутствие было реальным, и все же участие могло произойти только по вере. Отвергая некоторые объяснения Лютера, Кальвин, несомненно, был ближе к его позиции, чем позиция Цвингли, которую он охарактеризовал как "профанную".

Поскольку сейчас лишь немногие образованные и мыслящие люди принимают выводы *Институтов*, естественно недооценивать власть, которой они пользовались в свое время. Эта книга была самым эффективным оружием протестантизма. Отчасти это было из-за стиля, но еще больше из-за безупречной логики. [Примечание: Его логика] Успех аргументации обычно зависит гораздо меньше от истинности посылок, чем от обоснованности рассуждений. И предпосылки, выбранные Кальвином, не только казались естественными большому числу образованных европейцев того времени, но и были таковы, что их истинность или ложность было очень трудно убедительно продемонстрировать. Система Кальвина была свергнута не прямой атакой, а ударом с фланга, что в науке, как и на войне, является наиболее эффективным способом. Приведу лишь один пример из многих, которые можно было бы привести: что современная критика сделала с доктриной Кальвина о непогрешимости Священного Писания? Но эта наука была еще почти неизвестна: библейская экзегеза существовала в изобилии, но литературной и исторической она была лишь в незначительной степени; она была почти исключительно филологической и догматической.

Доктрина Кальвина о произвольном распределении спасения и проклятия независимо от заслуг часто вызывала скорее моральное, чем интеллектуальное отвращение. Действительно, его истинным последователям, таким как Джонатан Эдвардс, это кажется "восхитительной доктриной, чрезвычайно яркой, приятной и сладостной". [Примечание: Вечное проклятие] Но многие люди согласны с Гиббоном в том, что это делает Бога жестоким и капризным тираном, а с Уильямом Джеймсом - в том, что это совершенно иррационально и подло. Даже в то время те, кто говорил, что воля человека имеет не больше отношения к его судьбе, чем палка в руке человека может выбирать, куда нанести удар, или как оседланное животное может выбирать своего всадника, вызывали ожесточенное сопротивление. Эразм утверждал, что проклятие, данное за неизбежные преступления, сделало бы Бога несправедливым, а Томас Мор обвинил Лютера в том, что он назвал Бога причиной зла и сказал: "Бог обрекает такое огромное количество людей на невыносимые муки только ради собственного удовольствия и за свои собственные поступки, совершенные в них только им самим". Английский еретик Коул из Фавершема сказал, что доктрина предопределения больше подходит дьяволам, чем христианам. "Бог Кальвина, - воскликнул Жером Больсек, - лицемер, лжец, вероломный, несправедливый, подстрекатель и покровитель преступлений и хуже самого дьявола".

Но в доктрине избрания была и другая сторона. Было определенное моральное величие в полной отдаче себя Богу и в искренности, с которой он был готов пожертвовать всем ради его воли. И если мы судим о дереве по его плодам, то в лучшем случае оно породило сильную и добрую расу. Самыми благородными примерами являются не теологи Кальвин и Нокс, не только

опьяненные Богом, но и одурманенные им, и уж тем более не политики вроде Генриха Наваррского и Вильгельма Оранского, а рядовые гугеноты Франции, пуритане Англии, "отборное и просеянное зерно, которым Бог засеял пустыню" Америки. Эти люди вели себя не зная с какой возвышенной серьезностью и с несравненным презрением ко всем смертельным опасностям и ко всему земному величию. Считая себя избранными сосудами и орудиями благодати, они не могли ни {168} соблазниться плотскими удовольствиями, ни благоговеть перед человеческой мощью. Наученные тому, что они были королями по избранию Бога и священниками по наложению его рук, они презирали ничтожных и порочных монархов этой земли. Фактически, они оставались теми, кем всегда себя ощущали, - элитой, "немногими избранными".

Закончив свой великий труд, Кальвин снова отправился в странствия. Некоторое время он находился при дворе симпатизирующей ему Рене де Франс, герцогини Феррарской. Когда здесь начались гонения, он снова бежал на север и случайно попал в Женеву. [Прим. автора: Женева] Здесь Фарель вел неравную борьбу со старой церковью. Нуждаясь в помощи Кальвина, он пошел к нему и умолял о помощи, призывая Бога проклясть его, если он не останется. "Пораженный ужасом", как признавался сам Кальвин, он согласился сделать это.

Прекрасно расположенная на берегу голубых вод озера Леман, откуда открывается прекрасный вид на Монблан, Женева в то время была городом с населением 16 000 человек, центром торговли, удовольствий и благочестия. Граждане имели определенные свободы, но находились под властью епископа. Поскольку этот персонаж обычно избирался из дома герцога Савойского, Женева стала немногим лучше, чем зависимостью этого государства. Первые годы шестнадцатого века были беспокойными. Епископ Иоанн одно время был вынужден отречься от своей власти, но позже попытался восстановить ее. Архиепископ Вены, митрополит Женевы, затем отлучил город от церкви и пригласил герцога Карла III Савойского наказать его. Горожане восстали под руководством Бонивара, отреклись от власти папы римского, изгнали епископа и разогнали религиозные дома. Чтобы защититься от мести герцога, был заключен союз с Берном и Фрейбургом.

2 октября 1532 года Уильям Фарел прибыл из Берна. В Женеве, как и везде, беспорядки последовали за его проповедью, но она имела такой успех, что к январю 1534 года он провел диспут, в результате которого город стал евангелическим. Совет исследовал святыни [Прим. автора: 1535] и обнаружил механизм для производства поддельных чудес; временно отменил мессу; [Прим. автора: 21 мая 1536 г.] и вскоре после этого официально отрекся от папской религии.

В этот момент прибыл Кальвин и сразу же начал проповедовать и организовывать. Вскоре он вызвал противодействие со стороны горожан, которых раздражала его строгость и, возможно, они завидовали иностранцу. [Примечание: Кальвин изгнан, февраль 1538 г.] Выборы в совет прошли против него, и вскоре после этого оппозиция достигла апогея. Городской совет решил перенять метод совершения евхаристии, используемый в Риме. По какой-то мелкой причине Кальвин и Фарел отказались повиноваться, и когда за столом Лорда вспыхнул бунт, совет изгнал их из города.

Кальвин отправился в Страсбург, где познакомился с Буцером и переиздал его "*Институты*". Здесь он женился на Иделет де Буре, вдове анабаптиста, [Прим. автора: август 1540 г.] которая никогда не отличалась крепким здоровьем и умерла, вероятно, от чахотки, 29 марта 1549 года.

Супружеской жизни Кэлвина не хватало нежности и радости. История о том, что он выбрал себе жену, потому что думал, что из-за недостатка красоты она не отвлечет его мысли от Бога, не вполне обоснована, но она иллюстрирует его отношение к ней. Один или несколько детей, рожденных от этого союза, умирали в младенчестве.

Кальвин присутствовал на Коллоквиуме в Ратисбоне [Прим. автора: 1541], в результате которого он был глубоко разочарован. Тем временем он не утратил интереса к Женеве. Когда кардинал Садолето написал на самой изысканной латыни обращение к городу с призывом вернуться в римское сообщество, Кальвин откликнулся на него. [Примечание: 1 сентября 1539 г.]

Оппозиционная ему партия дискредитировала себя, отказавшись от прав города на Берн, и поэтому была свергнута. Затруднения, возникшие перед советом, были {170} не в их силах разрешить, и они сочли своим долгом отозвать Кальвина [Прим. автора: Calvin returns, 1541], который вернулся, чтобы остаться до конца своей жизни.

[Примечание: Теократия]

Его положение было настолько сильным, что он смог превратить Женеву в город по своему вкусу. Форма правления, которую он установил, была строгой теократией. Духовенство города собралось в орган, известный как Конгрегация, "почтенное общество", которое обсуждало и готовило законодательство для рассмотрения Консistorией. В этом более крупном органе, помимо духовенства, миряне были представлены двенадцатью старейшинами, избранными советом, а не народом в целом. Таким образом, государство и церковь были полностью отождествлены в рамках высокоаристократического государственного устройства.

"Обязанность Консistorии состоит в том, чтобы следить за жизнью каждого". Так вкратце было выражено делегирование комитету такой полноты полномочий над частной жизнью граждан, какая когда-либо предоставлялась комитету. Целью церковных постановлений было создание общества святых. Библия была принята как норма; все ее положения соблюдались, за исключением таких еврейских церемоний, которые считались отмененными Новым Заветом. Город был разделен на кварталы, и некоторые старейшины посещали каждый дом по крайней мере раз в год и подробно рассказывали обо всей жизни, поступках, речах и мнениях обитателей. Дома горожан были сделаны из стекла, и бдительное око Консistorии, которому служило множество шпионов, все время следило за ними. В некотором смысле этот шпионаж заменил католическую исповедь. Шутки, жеста было достаточно, чтобы человек попал под подозрение. Старейшины заседали как обычный суд, слушая жалобы и допрашивая свидетелей. Это правда, что они могли налагать только духовные наказания, такие как общественное порицание, епитимья, отлучение от церкви или принуждение виновного просить прощения в церкви на коленях. Но когда {171} Консистория считала это необходимым, она могла прибегнуть к помощи гражданских судов, и решение редко вызывало сомнения. Среди тяжких преступлений были прелюбодеяние, богохульство, колдовство и ересь. Наказания за все преступления были поразительно и все более суровыми. За 1542-6 годы в этом маленьком городке с населением 16 000 человек было проведено не менее пятидесяти восьми казней и семидесяти шести изгнаний.

Оценивая женевскую теократию, важно помнить, что повсюду в шестнадцатом веке наказания были более суровыми, чем сейчас, а регулирование частной жизни - более тщательным.[2] Тем не менее, хотя параллели почти всему, что делалось в Женеве, можно найти и в других местах,

верно, что Кальвин усилил средневековый дух в этом отношении и довел его до самого крайнего предела, который только может вынести человеческая природа.

Прежде всего, он заставил граждан выполнять свои религиозные обязанности. Он положил начало процессу, с помощью которого позже пуритане отождествили еврейскую субботу и День Господень. Лютер считал предписание отдыхать на седьмой день частью еврейского церемониала, отмененного новым устроением, и что после посещения церкви христианин может посвятить этот день той работе или удовольствию, которые он считает уместными. Кальвин, однако, запретил всякую работу и повелел посещать проповеди, которых набожным предлагалось в изобилии. В дополнение к воскресным службам, как и в католической церкви, проводились утренние молитвы каждый рабочий день и повторные службы три дня в неделю. Были запрещены все церемонии с примесью папизма. [Примечание: 1555] Празднование Рождества было запрещено под страхом штрафа и тюремного заключения.

"Поскольку я вижу, что мы не можем запретить мужчинам все развлечения, - вздохнул Кэлвин, - я ограничиваюсь теми, которые действительно плохи". Этот класс был достаточно многочисленным. Театр осуждался с кафедры, особенно когда была введена новая итальянская привычка отдавать женские роли актрисам, а не мальчикам. По словам коллеги Кэлвина Копы, "женщины, которые поднимаются на сцену, чтобы разыгрывать комедии, полны необузданной наглости, без чести, не имеющие другой цели, кроме как выставить напоказ свои тела, одежду и украшения, чтобы возбудить нечистые желания зрителей Все это, - добавил он, - очень противоречит скромности женщин, которые должны быть пристыженными и застенчивыми". Соответственно, посещение спектаклей было запрещено.

[Примечание: Надзор за поведением]

Среди других запрещенных развлечений были танцы, особенно неприятные, поскольку в то время танцы сопровождались поцелуями и объятиями. С игрой в карты, руганью тоже имели дело, как, впрочем, и везде. Среди странных дел, которые рассматривались в Консistorии, были: попытка самоубийства, обладание *Золотой легендой* (сборником житий святых, который Беза назвал "отвратительным мусором"), оплата месс, обручение дочери с католиком, пост в Страстную пятницу, пение непристойных песен и пьянство. Женщину отчитали за то, что она выпила слишком много вина, хотя оно и не опьяняло. Некоторым мужьям был вынесен мягкий выговор, но не за избиение своих жен, что было терпимо по мнению современников, а за то, что они натирали рот солью и уксусом. Роскошь в одежде была пресечена; все вопросы цвета и качества регулировались законом, и даже то, как женщины делали прически. В 1546 году постоянные дворы были переданы под прямой контроль правительства и строго ограничены функциями приема — или, скорее, пансиона и ночлега — незнакомцев и граждан, временно нуждающихся в них. Среди многочисленных правил, применяемых в них, в качестве типичных можно выделить следующие:

[Примечание: Правила для гостиниц]

Если кто-либо хулит имя Божье или говорит: "Клянусь {173} телом, кровью, зверьми" или чем-либо подобным, или кто отдает себя дьяволу или использует подобные отвратительные проклятия, он должен быть наказан. . . .

Если кто-либо оскорбляет кого-либо другого, хозяин обязан передать его в руки правосудия.

Если есть какие-либо лица, которые считают своим делом посещать указанные гостиницы и потреблять там свои товары и припасы, хозяин не должен их принимать.

Пункт хозяин обязан сообщать правительству о любых дерзких или развратных действиях, совершенных гостями.

Пункт хозяин не должен позволять никому, какого бы качества он ни был, пить или есть что-либо в своем доме, не испросив сначала благословения, а затем произнеся молитву.

Пункт хозяин обязан хранить в общественном месте французскую Библию, в которой любой желающий может читать, и он не должен препятствовать свободному и честному разговору о Слове Божьем в назидание, но должен поддерживать его, насколько это возможно.

Пункт: хозяин не должен допускать никакой распущенности, такой как танцы, игра в кости или карты, и не должен принимать никого, кого подозревают в распутстве или хулиганстве.

Пункт он должен разрешать людям играть только в честные игры, без ругани или богохульства и не тратя больше времени, чем отведено на еду.

Пункт: он не должен допускать непристойных песен или слов, и если кто-либо желает петь Псалмы или духовные песни, он должен заставить их делать это прилично, а не распутно.

Пункт: никому не разрешается вставать после девяти часов вечера, кроме шпионов.

Конечно, такие вопросы, как брак, строго регламентировались. Когда семидесятилетний мужчина женился на двадцатипятилетней девушке, Кальвин сказал, что долг пастора - осудить их. Реформатор часто выбирал женщин, которые, по его мнению, подходили для его знакомых, которые хотели взять его в жены. Он также составил список имен при крещении, которые считал нежелательными, включая имена "идолов", — *то есть* святых, почитаемых близ Женевы, — имена королей и должностных лиц, которых назначает только Бог {174}, такие как Ангел или Баптист, имена, принадлежащие Богу, такие как Иисус и Эммануил, глупые имена, такие как Туссен и Ноэль, двойные имена и плохо звучащие фамилии. Кэлвин также высказался о лучших печах и нанял слуг для своих друзей. На самом деле, никогда ни до, ни после не было такого занятого человека на высоком посту. Неудивительно, что горожане часто страдали под гнетом.

Если мы спросим, чего на самом деле достигло это тщательное регулирование, сопровождавшееся чрезвычайной строгостью в обеспечении соблюдения нравственности, будут даны различные ответы. Когда итальянский реформатор Бернардино Оккино посетил Женеву в 1542 году, он засвидетельствовал, что проклятия, нецеломудрие и святотатство были неизвестны; что не было ни судебных процессов, ни симонии, ни убийств, ни партийного духа, но что преобладала всеобщая благожелательность. Снова в 1556 году Джон Нокс сказал, что Женева была "самой совершенной школой Христа, которая когда-либо была на земле со времен апостолов. В других местах, - продолжал он, - я исповедую, что Христос был истинно проповедан, но нравы и религия так искренне изменились, что я еще ни в одном другом месте не видел такого изменения". Но если мы обратимся от этих личных впечатлений к изучению актов Консistorии, у нас сложится совсем иное впечатление. [Примечание: Женевские нравы] Архивы Женевы свидетельствуют о большем количестве случаев порока после Реформации, чем до. Постоянно возрастающая суровость наказаний, введенных против порока и

легкомыслия, по-видимому, доказывает, что правительство было бессильно подавить их. Среди осужденных за супружескую измену были две родственницы Кальвина, жена его брата и его падчерица Джудит. Тот успех, которого удалось добиться в превращении Женевы в город святых, был обусловлен тем фактом, что постепенно она стала очень избранным населением. Худшие из неисправимых вскоре были либо казнены, либо изгнаны, а их места заняли многочисленные притоки {175} людей сурового склада ума, привлеченных сюда как убежище от преследований в других местах, так и желанием посидеть у ног великого Реформатора. В период с 1549 по 1555 год не менее 1297 незнакомцев получили гражданство. Практически все они были иммигрантами, приехавшими в маленький городок по соображениям совести.

[Преследование]

Православие насаждалось так же жестко, как и мораль. Церковная конституция, принятая в 1542 году, ввела пуританский тип богослужения. Проповедь занимала самое важное место в церкви, дополняясь чтением Библии и обучением катехизису. Были приняты законы, обязывающие соблюдать конформизм под страхом потери имущества и жизни. Те, кто прямо не отказался от мессы, были наказаны. Маленькая тринадцатилетняя девочка была приговорена к публичному избиению розгами за то, что сказала, что хочет быть католичкой. Кальвин отождествлял свои собственные желания и достоинство с заповедями и честью Бога. Однажды он запретил гражданину Филиберу Бертелье подходить к столу лорда. Бертелье запротестовал, и совет поддержал его. "Если Бог позволит сатане сокрушить мое служение такой тиранией, - визжал Кальвин, - со мной все кончено". Малейшее проявление свободы со стороны другого человека пресекалось как преступление. Себастьян Кастеллио, искренний христианин и протестант, но более либеральный, чем Кальвин, попал под подозрение из-за того, что назвал "Песнь песней" непристойной и потому, что он создал новую французскую версию Библии взамен официально одобренной Оливетанской. Он был изгнан в 1544 году. Два года спустя Питер Амо сделал несколько очень незначительных личных замечаний в адрес Кэлвина, за что был вынужден публично упасть на колени и просить прощения.

Но противодействие только усилилось. Партию, выступавшую против Кальвина, он назвал распутниками — тогда это слово означало что-то вроде "вольнодумец" и постепенно приобретало {176} дурной моральный оттенок, который оно имеет сейчас, точно так же, как раньше слово "негодяй". [Примечание: январь 1547 г.] Один из этих людей, Джеймс Кру, вывесил на кафедре церкви Святого Петра в Женеве предупреждение Кальвину в не очень вежливых выражениях покинуть город. Он был немедленно арестован, и в поисках его сообщников был проведен обыск по домам. Этот метод не выявил ничего, кроме того, что Грюэ написал в одном из трактатов Кальвина слова "весь мусор", и судьи предавали его казни дважды в день, утром и вечером, в течение целого месяца. Страшные пытки не смогли заставить Грюэ изобличить кого-либо еще, и, соответственно, его судили за ересь. Его обвинили в "пренебрежительном отношении к таким авторам, как Моисей, который Духом Божиим написал божественный закон, заявив, что у Моисея было не больше власти, чем у любого другого человека Он также сказал, что все законы, человеческие и божественные, были созданы по желанию человека". Поэтому он был приговорен к смертной казни за богохульство и обезглавлен 26 июля 1547 года, "взывая к Богу как к своему Господу". После его смерти была найдена и осуждена одна из его книг. Чтобы оправдать этот курс, Кальвин утверждал, что Грюэ сказал, что Иисус Христос был ни на что не годным, лжецом и лживым соблазнителем, и что он (Грюэ) отрицал существование Бога и бессмертие. Евангельская свобода дошла теперь до того,

что ее поборники сначала лишили человека жизни, а затем и репутации просто за то, что он написал пасквиль!

Естественно, такая тирания вызвала реакцию. Разъяренные Развратники прозвали Кальвина Каином и спасли от его рук следующего личного врага, Ами Перрин, которую он привлек к суду за государственную измену. [Примечание: 16 октября 1551 г.] Еще более горькой дозой для теократа была доза, введенная Джеромом Больсеком, который имел наглость проповедовать против доктрины предопределения. Кэлвин и Фарел тут же опровергли его слова и арестовали. Берн, Базель и Цюрих вмешались и, когда их попросили {177} высказать свое мнение по спорной доктрине, высказались нерешительно. Кальвину было тяжело вынести торжество своих врагов по поводу этого упрека, и он приготовился совершить самый прискорбный поступок в своей карьере.

[Примечание на стороне: Сервет, 1531]

Испанский врач Майкл Сервет опубликовал в Германии работу об *ошибках, касающихся Троицы*. Его теория была теорией не современного рационалиста, а того, чьей отправной точкой был авторитет Библии, и, следовательно, его унитаризм носил явно теологический характер, напоминая аналогичные доктрины ранней церкви. Покинув Германию, он отправился во Вьенну, [Прим. автора: 1553] во Францию, и получил хорошую практику под вымышленным именем. Позже он опубликовал работу под названием, возможно, в подражание "*Institutio*" Кальвина, "*Восстановление христианства*", в которой излагал свои идеи о Троице, которую он сравнивал с трехглавым чудовищем Цербером, но признавал божественность Христа. Он также отрицал доктрину первородного греха и утверждал, что крещение должно быть только для взрослых. Ему плохо посоветовали отправить эту книгу Реформатору, с которым у него была некоторая переписка. С ведома Кальвина и, вероятно, по его наущению, хотя позже он выступил с двусмысленным опровержением, Уильям Три из Женевы донес на Сервета католической инквизиции во Вене и переслал материалы, присланные еретиком, Кальвину. 17 Июня 1553 года католический инквизитор, прямо заявив, что действовал на основании этого материала, приговорил Сервета к сожжению на медленном огне, но он сбежал и уехал в Женеву.

Здесь он был узнан и арестован. Кальвин сразу же выступил его обвинителем в ереси. Выдвинутые против него обвинения были в основном связаны с его отрицанием Троицы и крещения младенцев, а также с его нападками на личность и учение Кальвина. В качестве примера того, насколько библиопоклонство могло подавить искренность, можно упомянуть, что одним из {178} обвинений против него было то, что он утверждал, что Палестина - бедная земля. Было сочтено, что это противоречит утверждению Священного Писания о том, что это была земля, текущая молоком и медом. Протоколы судебного разбирательства вызывают боль при чтении. Оно проводилось с обеих сторон с неподобающим насилием. Среди других выражений, использованных государственным обвинителем Кальвином, были следующие: он считал защиту Сервета не более чем ослиным ревом и что подсудимый был похож на мерзкую дворняжку, вытирающую морду. Сервет ответил тем же тоном, его дух не был сломлен оскорблениями и заключением в ужасную темницу, где он страдал от голода, холода, паразитов и болезней. Он был признан виновным в ереси и приговорен к сожжению на медленном огне. Кэлвин сказал, что он пытался изменить способ казни, но ни в протоколе судебного заседания, ни где-либо еще нет ни малейших доказательств того, что он это сделал. Возможно, если он и обратился с просьбой, то чисто формальной, как и аналогичные прошения о пощаде, подаваемые римскими

инквизиторами. Во всяком случае, хотя предполагаемые попытки Кэлвина проявить милосердие оказались бесплодными, он навел свою жертву в тюрьме, чтобы прочитать ей самодовольную и оскорбительную лекцию. Фарел также поносил его по пути к костру, на котором он погиб 26 октября 1553 года, восклицая: "Боже, сохрани мою душу! О Иисус, Сын вечного Бога, смилуйся надо мной!" Фарел призвал прохожих засвидетельствовать, что эти слова показали, что умирающий человек все еще находится во власти сатаны.

Этот акт преследования, один из самых болезненных в истории христианства, был встречен взрывом аплодисментов почти со всех сторон. Меланхтон, который уже несколько лет не общался с Кальвином, примирился с ним тем, что он назвал "сигнальным актом благочестия". Другие ведущие протестанты поздравили Кальвина, который систематически продолжал преследования. Другой его жертвой был Мэтью {179} Грибальди, которого он передал в руки правительства Берна с опровержением его ошибок. [Прим. автора: 1564.] Если бы он не умер от чумы в тюрьме, его, вероятно, постигла бы та же участь, что и Сервета.

[Примечание: Полная теократия, 1555]

Укрепленный своей победой над ересью, Кальвин теперь имел шанс уничтожить своих противников. 15 мая 1555 года он обвинил некоторых из них в государственной измене и предоставил доказательства, широко используя дыбу. Когда партия развратников была полностью разбита, Кальвин с этого времени правил железным жезлом. Новая Женева была настолько запугана и подбодострастна, что городской совет не осмелился установить новый вид отопительного оборудования, не спросив разрешения теократа. Но под поверхностью тлеяла глубокая злоба. "Наш несравненный богослов Кальвин, - писал Амброз Блаурер Буллингеру, - испытывает такую ненависть к тем, кого он затемняет своим светом, что они считают его худшим из еретиков". Среди прочего, его обвинили в взимании дани со своих последователей с помощью своего рода шантажа, угрожая публично осудить их, если они не пожертвуют деньги на это дело.

[Примечание: Международный кальвинизм]

В то же время его международная власть и репутация возросли. Женева стала столицей протестантизма, из которой были выданы мандаты всем странам Западной Европы. Англичане и французы, голландцы и итальянцы толпами стекались в "эту самую совершенную школу Христа со времен апостолов", чтобы изучать законы нового типа христианства. Ибо реформация Кальвина была более тщательной и логичной, чем у Лютера. Немец считал дозволенным все, что не было запрещено, и позволял старым обычаям оставаться в силе постольку, поскольку они не противоречили предписаниям Библии. Но Кальвин верил, что запрещено все, кроме того, что прямо разрешено, и, следовательно, отменил как суеверные насты все элементы средневекового культа, которые не могли найти подтверждения в Библии. Изображения, облачения, органы, колокола, свечи, ритуалы были убраны из некрашеного молитвенного дома, чтобы освободить место для простого служения, состоящего из чтения Библии, молитвы, гимна и проповеди. Управление церковью было оставлено Кальвином в тесной связи с государством, но он, очевидно, перевернул лютеранскую концепцию, сделав гражданскую власть подчиненной духовной, а не церковь государству.

В то время как лютеранство привлекало немцев и скандинавов, кальвинизм стал международной формой протестантизма. Даже в Германии Кальвин совершал завоевания за

счет Лютера, но за пределами Германии, во Франции, Нидерландах, Британии, он формировал реформатскую мысль по своему собственному образу и подобию. Трудно привести статистику, поскольку невозможно сказать, насколько каждая конкретная церковь, например англиканская, была обязана Кальвину, насколько - Лютеру, а насколько - другим лидерам, а также потому, что даже в шестнадцатом веке была сильная реакция против чистого кальвинизма. Но можно с уверенностью сказать, что ясная, холодная логика *институтов*, хороший французский и латынь бесчисленных других трактатов и писем, а также политическая мысль, которая легко сочеталась с растущими приливами демократии и индустриализма, сделали Кальвина лидером протестантизма за пределами тевтонских стран севера. Его организаторский дар и усилия, которые он прилагал для подготовки служителей и апостолов, способствовали этому успеху.

[Примечание: Смерть Кальвина, 27 мая 1564 г.]

27 мая 1564 года Кальвин умер, измученный родами и слабым здоровьем, в возрасте пятидесяти пяти лет. Обладая холодным сердцем и горячим нравом, он обладал ясным умом, железной волей и подлинной нравственной серьезностью, проистекающей из убежденности в том, что он был избранным сосудом Христа. Постоянно мучимый различными болезненными болезнями, он заставлял себя демонической силой своей воли выполнять работу, которая была бы непосильной для сильнейшего. {181} То, как он управлял своим бедным, страдающим телом, символизирует то, как он обращался с больным миром. Для него болезни его собственного тела или политического организма были злом, которое следовало преодолеть любой ценой боли, пота и крови прямым усилием воли. Как он никогда не поддавался лихорадке и слабости в себе, так и он боролся с пороком и легкомыслием, которые ненавидел, искореняя их безжалостным применением силы, охотясь за ними с помощью шпионов, растягивая их на дыбе и раскалывая на колесе. Но более мягкий, более понятный метод позволил бы добиться большего, даже для его собственной цели.

[Примечание на стороне: Беза, 1519-1605]

Его преемник в Женеве Теодор Беза был человеком по душе ему самому, но, поскольку он был намного слабее, городской совет постепенно освободился от духовной тирании. К концу столетия пасторы были унижены, и вопросы дня касались гораздо меньше догматических тонкостей, которые они любили, чем этических, таких как право на ростовщичество, надлежащее наказание за прелюбодеяние, право вести войну и наилучшая форма правления.

[1] "Decretum Dei aeternum horribile."

[2] См. Ниже. Глава X, раздел 3.

{182}

ГЛАВА IV

ФРАНЦИЯ

РАЗДЕЛ 1. ВОЗРОЖДЕНИЕ И РЕФОРМАЦИЯ

[Примечание: Франция]

Хотя в начале XVI века французы, возможно, достигли не большей степени национального самосознания, чем немцы, они продвинулись гораздо дальше в строительстве национального государства. Значение этой эволюции, одной из сильнейших тенденций современной истории, состоит в том, что она приводит внешнее политическое состояние людей в соответствие с их внутренними желаниями. Когда однажды нация осознает себя таковой, она не может быть счастлива до тех пор, пока ее государство не объединится в однородное государство, хотя верно и обратное: национальное чувство иногда является результатом, а не причиной политического объединения. С ростом общего языка и общих идеалов, а также с совершенствованием методов общения стремление людей к единству становилось все сильнее и сильнее, пока оно, наконец, не преодолело центробежные силы феодализма и партикуляризма. Они были настолько сильны в Германии, что только очень несовершенная федерация могла быть сформирована посредством национального правительства, но во Франции, хотя они все еще были далеки от отмирания, внешнее давление и рост королевской власти превратили различные провинции в нацию, такую, какая существует сегодня. Самая независимая из старых провинций, Бретань, теперь была присоединена к короне браком ее герцогини Анны с Людовиком XII. [Примечание: Людовик XII, 1498-1515]

{183}

Анна ==*Людовик XII* Карл, граф==Луиза

Герцогиня | 1498-1515 Ангулемской | Савойской

Бретани | |

| |

| |

/ |

+-----+-----+ |

|2 1| |

Рене==Геркулес II, Клод==(1)*Франциск I* Маргарита==(1)Шарль,

Герцог де |1515-47 герцог де

Феррара | (2)==Элеонора Алансонская

| сестра ==(2)Генриха II,

| императора | короля

| Карла V | Наварры

| |

Генрих II==Екатерина де' |

1547-59 | Медичи ум. в 1589 Жанна ==Антоний

| д'Альбре| из

| Бурбонов

| | Герцог

| | Вандомский

+---+---+---+---+---+ |

| | | | | |

Франциск II, | *Генрих III* | Елизавета (1) Маргарита==*Генрих IV*,

1559-60 | 1574-89 | ==(3) Филипп II (2) Мария де 1589-1610

== Мария, королева | | Король Испании Медичи

Шотландский | |

| |

Карл IX Франциск, герцог
1560-74 Алансонский и
Анжу, ум. в 1584

[Примечание переписчика: "d." здесь использовано вместо символа "кинжал" (Unicode U+2020), который обозначает год смерти человека.]

Географически Франция четыреста лет назад была почти такой же, как и сегодня, за исключением того, что восточная граница проходила несколько дальше на запад. Затем линия проходила к западу от трех епископств - Вердена, Меца и Туля, к западу от Франш-Конте, чуть восточнее Лиона и снова к западу от Савойи и Ниццы.

В политическом отношении Франция тогда входила в группу полупопулярных, полуавтократических монархий. Права народа отстаивались Генеральными штатами, которые собирались время от времени, обычно с гораздо более длительными интервалами, чем германские сеймы или английские парламенты, а также парламентами различных провинций. Эти последние были скорее высшими судами, чем законодательными собраниями, но их право регистрировать новые законы давало им значительный объем полномочий. Парижский парламент был самым заметным и, возможно, самым могущественным.

[Примечание: Конкордат 1516 г.]

Власть монарха, опирающаяся в первую очередь на поддержку класса буржуазии, была значительно усилена Конкордатом 1516 года, который сделал монарха почти верховным главой галликанской церкви. В течение двух столетий корона боролась за то, чтобы достичь этого положения. Именно потому, что национальной церкви была предоставлена столь большая степень автономии, французы сочли удовлетворительным не доводить дело до крайности - отделения от римского сообщества. Именно потому, что король уже добился значительного контроля над своим собственным духовенством, он считал ненужным или нецелесообразным идти на поводу у лютеранских принцев и Генриха VIII. В этом важном отношении Болонский конкордат занял место Реформации.

[Примечание на стороне: Франциск I, 1515-47]

Франциск I был популярен и поначалу не лишен привлекательности. Крепкий, любящий показуху, амбициозный, достаточно умный, чтобы увлекаться литературой и искусством, он считал себя рыцарем и храбрецом. Но он впустую потратил свою жизнь и разрушил здоровье в погоне за удовольствиями. Его лицо, дошедшее до нас на современных картинах, неприятно. Он был, как с необычной откровенностью выразился один {185} современный наблюдатель, дьяволом даже в той степени, в какой выглядел значительно.

Хотя искусству и литературе Франциск уделял определенное внимание, обычно он из простой праздности позволял другим руководить государственными делами. До смерти своей матери, Луизы Савойской, [Прим. автора: 1531] им управляла она. После этого коннетабль Анна де Монморанси была его главным министром. Проводимая политика была унаследованной и в определенной степени необходимой в данных условиях. Во внутренних делах король или его советники стремились усилить власть короны за счет знати. Последним из великих вассалов, достаточно сильным, чтобы отстаивать квази-независимость короля, был Карл Бурбонский.

[Примечание: 1523-4] Он был арестован и предстал перед судом парижского парламента, который последовательно поддерживал корону. Бежав из Франции, он поступил на службу к Карлу V [Примечание: 1526], и его восстановление было включено в Мадридский мирный договор. Его смерть при разграблении Рима закрыла инцидент в пользу короля. [Прим. автора: май 1527 г.]

Внешняя политика Франции представляла собой постоянную борьбу, то дипломатическую, то вооруженную, с Карлом V. Основные оставшиеся державы Европы, Англия, Турция и папа римский, оказывали давление то на одну, то на другую сторону двух главных противников. Полем большинства сражений была Италия. Франциск начал свое правление с вторжения в эту страну и разгрома швейцарцев при Мариньяно, завоевав таким образом Милан. [Примечание: 14-15 сентября 1515 г.] Кампании в Италии и Южной Франции завершились катастрофическим поражением французов при Павии. [Примечание: 24 февраля 1525 г.] Фрэнсис сражался лично и был взят в плен. "Из всего, что у меня осталось, у меня нет ничего, кроме чести и жизни", - писал он своей матери.

Франциск надеялся, что его освободят после выплаты выкупа в соответствии с лучшими образцами рыцарства. Однако, когда в мае его перевезли в Мадрид, он обнаружил, что его похититель намеревался добиться последнего фартинга дипломатической уступки. Недовольство во Франции, скука и болезнь короля, в конце концов, вынудили его подписать крайне невыгодный договор, [Прим. автора: 14 января 1526 г.] отказывающийся от земель Бургундии, Неаполя и Милана и уступающий земли Генриху VIII. Король присягнул этому документу, поклялся в своей рыцарской чести и в качестве дополнительной гарантии женился на Элеоноре, сестре Карла, и оставил двух своих сыновей в качестве заложников.

Однако, даже когда он подписывал его, у него не было намерения выполнять положения договора, которые, как он втайне протестовал, были вырваны у него силой. Депутаты Бургундии отказались признать право Франции оттолкнуть их. Генрих VIII сразу же заключил союз против "тирании и гордыни" императора. Карл был так огорчен, что вызвал Франциска на дуэль. Это представление оперы-буфф завершилось тем, что каждый монарх дал другому "в горло ложь".

Хотя Франции удалось заключить с новыми союзниками, папой римским и Венецией, Лигу Коньяка [Прим. автора: май 1526 г.] и хотя Германия в то время была смущена турецким вторжением, последовавшая война обернулась благоприятно для императора. Господство Карла было настолько заметным, что в 1529 году снова пришлось заключить мир в его пользу. Камбрский мирный договор, как его называли, снова был Мадридским мирным договором, за исключением того, что Бургундия оставалась за Францией. Однако она отказалась от Лилля, Дуэ и других территорий на севере и отказалась от своего сюзеренитета над Миланом и Неаполем. Франциск согласился заплатить выкуп в размере двух миллионов крон за своих сыновей. Хотя он был поставлен в отчаянное положение, чтобы собрать деньги, взимая 40-процентный налог. подоходный налог с духовенства и 10-процентный. подоходный налог с дворян он, наконец, выплатил и вернул своих детей в 1530 году.

К этому времени Франция была настолько истощена как деньгами, так и людьми, что политика мира была единственно возможной в течение нескольких лет. Монморанси, главный министр короля, продолжал с помощью активной дипломатии сеять смуту в глазах Карла. Подавляя лютеран у себя дома, он поощрял шмалькальдских князей за границей, дойдя до того, что пригласил Меланхтона во Францию в 1535 году. С английским министром Кромвелем он пришел

к соглашению, несмотря на протестантские тенденции его политики. Союз был также заключен с султаном Сулейманом тайно в 1534 году и открыто провозглашен в 1536 году. Чтобы подготовиться к военным столкновениям, которым суждено было возобновиться при первой возможности, указом 1534 года была проведена реорганизация и усилена армия.

Гораздо более важной для жизни Франции, чем ее непрекращающиеся и безрезультатные ссоры с Испанией, была трансформация, произошедшая в ее духе. Иногда говорят, что если французские короли больше ничего не привезли из своих походов в Италию, то они вернули эпоху Возрождения. [Примечание: Реформация] В этом есть доля правды, поскольку есть некоторые следы итальянского влияния до правления Франциска I. Но французский дух вряд ли нуждался в этом внешнем стимуле. Это было пробуждение самого себя. Ученые, подобные Уильяму Буде и Этьену, мыслители, подобные Доле и Рабле, поэты, подобные Маро, были естественным продуктом французской почвы. Повсюду, как к северу от Альп, так и к югу, наблюдался спонтанный расцвет интеллектуальной деятельности.

Реформацию часто противопоставляют Ренессансу. В определенных отношениях, когда можно найти общий фактор, это может быть сделано с пользой. Но важно отметить, насколько разными по сути были эти два движения. С таким же успехом можно сравнить дарвинизм и социализм в наше время. Первый представлял собой новый взгляд на вещи, свежий интеллектуальный старт без определенной программы или организации. Другой был в первую очередь тезисом: набором принципов, целью которых были конкретные действия. Реформация началась во Франции как школа мысли, но вскоре она переросла в политическую партию и новую церковь и, наконец, превратилась в государство в государстве.

[Примечание: Христианский Ренессанс]

Хотя небезопасно датировать французскую реформацию до того, как почувствовалось влияние Лютера, можно увидеть коренную реформу, которая естественным образом подготовила для нее путь. Его предвестником был Лефевр д'Этабль. Этот "маленький Лютер" хотел очистить церковь, отложить в сторону ее "добрые дела" в пользу веры и донести Библию до людей. Он начал переводить его в 1521 году, опубликовав Евангелия в июне 1523 года, а Послания, Деяния и Апокалипсис - в октябре и ноябре. Работа была не так хороша, как у Лютера или Тиндейла. Она была основана главным образом на Вульгате, хотя и не без ссылки на греческий текст. Лефевр гордился своей буквальностью, заметив, бросив косо взгляд на *пересказы* Эразма, что опасно пытаться быть более элегантным, чем Священное Писание. Он также гордился тем, что писал для простых людей, и был безмерно доволен благосклонным приемом, который люди оказали его работе. Чтобы достучаться до сердец бедных и смиренных, он провел реформу проповедничества, поручив своим друзьям очистить свои проповеди от наиболее грубых элементов суеверия и схоластического богословия. Вместо этого они должны были проповедовать Христа просто с целью тронуть сердце, а не ослепить разум.

Единомышленники, собравшиеся вокруг Лефевра, сформировали новую школу мысли. Это было движение возрождения внутри церкви; его лидеры, желая сохранить все старые формы и верования, стремились вдохнуть в них новый дух. В какой-то степени они были сознательной реакцией против интеллектуализма Эразма {189} и эпохи Возрождения. С другой стороны, они были далеки от желания следовать за Лютером, когда он появился, в его расколе.

Среди самых известных из этих мистических реформаторов были Уильям Брикonne, епископ Мо, и его ученица Маргарет д'Ангулем, сестра Франциска I. Хотя Маргарет была очень талантливой женщиной, она была слабой и внушаемой. Она обожала своего распутного брата и всегда, из-за своих браков, сначала с Карлом, герцогом Алансонским [Прим. автора: 1509], а затем с Генрихом д'Альбре, королем Наварры [Прим. автора: 1527], оказывалась в положении просительницы его поддержки. Она вела усердную переписку с Брикonne как со своим духовным наставником, привлеченная сначала им, а затем Лютером, главным образом, как представляется, желанием испытать новизну их доктрин. Она написала *"Зеркало грешной души"* в лучшем стиле покаянного благочестия. [Примечание: 1531] Его центральная идея - любовь к Богу и "добродушному" Иисусу. Она знала латынь и итальянский, изучала греческий и иврит и регулярно читала Библию, призывая своих друзей делать то же самое. Она кокетничала с лютеранами, некоторых из которых защищала во Франции, а с другими переписывалась в Германии. Ее сильно подозревали в том, что она лютеранка, хотя и тайная. Капитон посвятил ей комментарий к Осии; Кальвин очень надеялся привлечь ее к открытой профессии, но был разочарован. Ее дом, сказал он, который мог бы стать семьей Иисуса Христа, вместо этого приютил слуг дьявола. На протяжении всей жизни она соблюдала привычные католические обряды и с большим уважением писала папе Павлу III. Но в основе своей ее религиозный идеализм был вне какой-либо конфессии.

Эта мистически набожная женщина написала в более позднем возрасте *"Гептамерон"*, книгу рассказов, опубликованную посмертно. Созданный по образцу *"Декамерона"*, он почти полностью состоит {190} из непристойных историй, рассказанных без осуждения и со вкусом. Если уста говорят от полноты сердца, то она была такой же чувственницей в мыслях, как и ее брат на деле. Очевидные противоречия в ней можно объяснить только теорией о том, что она была одной из тех впечатлительных натур, которые, подобно хамелеону, всегда принимают оттенок окружающей среды.

Но хотя труды Лефевра и Брикonne, которые сами подавали своим священнослужителям пример простой библейской проповеди, завоевали много последователей не только в Мо, но и в других городах, они никогда бы не вызвали религиозного восстания, подобного тому, что произошло в Германии. Реформация была импортирована во Францию; "Ключ от ереси, - как сказал Джон Буше в 1531 году, - был сделан из прекрасного железа Германии". Сначала почти все интеллектуалы приветствовали Лютера как союзника. Лефевр прислал ему приветствие в 1519 году, и в том же году Бюйд хорошо отзывался о нем. Его книги в то время были одобрены даже некоторыми докторами Сорбонны. Но потребовалось десятилетие путаницы и отрицания, чтобы прояснить ситуацию в достаточной степени, чтобы французы осознали точное значение лютеранского движения, которое полностью изменило ранее существовавшую политику Лефевра. Главным пострадавшим от роста лютеранства поначалу была не католическая церковь, а партия католических реформ. Раскол постиг французских евангелистов еще до того, как он серьезно затронул церковь. Некоторые из них последовали новому свету, а другие были вынуждены вернуться к реакционной позиции.

[Примечание: книги Лютера.]

Первыми посланцами Лютера во Франции были его книги. Фробен немедленно и в больших количествах вывез в Париж том, содержащий почти все, что он опубликовал до октября 1518 года. В 1520 году тамошний студент написал, что ни одна книга не была раскуплена быстрее.

Сначала французам были понятны только латинские тексты, но есть основания полагать, что были сделаны очень ранние переводы на местный язык, хотя ничего из этого периода не сохранилось. Говорили, что книги, которые продолжали поступать из Франкфурта, Страсбурга и Базеля, возбуждали население против теологов, поскольку люди судили о них по недавно опубликованному французскому Новому Завету. Епископ жаловался, что простые люди были соблазнены живостью стиля еретика. [Прим. автора: 1523]

Сорбонне не потребовалось много времени, чтобы определить свою позицию как враждебную. Университет, который в последнее время защищал галликанские свободы и направил обращение папы римского к будущему собору, был одним из судей, выбранных участниками лейпцигских дебатов. Полные записи выступлений, сделанные нотариусами, были соответственно отправлены в Париж герцогом Георгом Саксонским с запросом мнения. После кратких дебатов было напечатано осуждение Лютера университетом. [Примечание: 15 апреля 1521 г.]

Правительство также не заставило себя долго ждать, чтобы занять определенную позицию. То, что оно должно быть враждебным, было предreshено заранее. Франциск ненавидел лютеранство, потому что считал, что оно больше стремится к свержению королевств и монархий, чем к назиданию душ. Он сказал Алеандру, папскому нунцию, что считает Лютера негодяем, а его доктрину пагубной. [Примечание: март 1521 г.]

[Примечание: апрель 1523 г.]

Парламент Парижа энергично поддержал короля. Королевский указ предусматривал, что ни одна книга не должна быть напечатана без одобрения университета. Затем король приказал искоренить ошибки Мартина Лютера Саксонского и, начав с сожжения книг, продолжил, как это обычно бывает, по наблюдениям Эразма, сжиганием людей. Первым, кто пострадал, был Джон Вальер. В то же время Брикonne был вызван в Париж, [Прим. автора: 1523] получил резкий выговор за снисхождение к еретикам и был оштрафован на двести ливров, {192} вследствие чего он издал два декрета против ереси, обвинив ее в попытке ниспровергнуть иерархию и отменить жреческое безбрачие. [Примечание: 1524] Когда доктрины Лефевра были осуждены, он подчинился; те из его учеников, кто не смог этого сделать, были запрещены. Но после 1524 года усилия правительства стали более напряженными. Франциск в это время искал помощи у папы римского против императора, и, более того, он был в ужасе от начала крестьянской войны в Германии. Убежденный в опасности дальнейшего распространения новой секты, он приказал архиепископам и епископам своего королевства "действовать против тех, кто придерживается, публикует и следует ересям, ошибкам и доктринам Мартина Лютера". [Примечание: 1525] Лефевр и некоторые из его друзей бежали в Страсбург. Последовали аресты и казни тех, кого иногда называли "еретиками из Мо", а иногда и лютеранами.

Богословы не перекладывали всю тяжесть борьбы на правительство. В прессе появилось множество антилютеранских трактатов. Нападкам подвергся не только ересиарх, но и Эразмус и Лефевр. Их переводы Библии были осуждены как богохульство против Иеронима и Святого Духа, а также как подрыв основ христианской религии. Сакраментальные догмы Лютера и его отказ от монашеских обетов были опровергнуты.

Тем не менее реформаторское движение продолжалось. На этом этапе оно было городским, главными центрами были Париж, Мо и Лион. Среди приверженцев новой веры было много торговцев и ремесленников. Хотя никто из высших чинов открыто ее не исповедовал, теология под руководством Маргарет стала модным предметом. Были созданы сообщества для тайного чтения Библии не только среди среднего класса, но и при дворе. Короткие трактаты продолжали оставаться лучшими {193} методами пропаганды, и многие из них были переводами. Луи де Беркен из Артуа, [Прим. автора: Berquin, 1490-1529] непрофессионал, оказался самым грозным поборником новых мнений. Хотя он мало что делал, кроме перевода чужих работ, он делал это гениально. Его версия *Руководства христианского рыцаря* Эразма была выполнена превосходно, и его версия "Тессерадекаса" Лютера не уступала ей. Судимый и осужденный в 1523 году, он был спасен королем по приказу Маргарет. [Примечание к статье: 1526] Суровость во время пленения короля сменилась кратковременной терпимостью. Арестованный Беркен был освобожден, а Лефевр отозван из ссылки. Но передышка была короткой. Два года спустя Беркен был снова арестован, предан суду, осужден и быстро казнен, чтобы предотвратить отсрочку приговора 17 апреля 1529 года. Но триумф консерваторов был скорее кажущимся, чем реальным. Лютеранство продолжало набирать обороты тихо, но верно.

В то время как Реформация набирала силу и численность, она также становилась более определенной и последовательной. До 1530 года было почти невозможно сказать, где начиналось лютеранство и где оно заканчивалось. Существовало многочисленное, но расплывчатое и хаотичное общественное мнение протеста против существующего порядка. Но после 1530 года можно выделить несколько партий, три из которых сначала числились сторонниками Реформации, теперь более или менее определенно отделились от нее. Первой из них была партия Мо, лидеры которой подчинились правительству и пошли своим собственным изолированным путем. Затем была партия эразмианских реформ, в основном интеллектуальная, но глубоко христианская. Ее лидер Уильям Бюд, как и Эразм, считал, что возможно объединить классическую культуру Возрождения с очищенным католицизмом. Привязанный к церкви и в равной степени испытывающий отвращение к некоторым догмам и очевидным социальным последствиям Реформации, Бюд, который хорошо отзывался о Лютере в 1519 году, отрекся от него в 1521 году.

[Примечание: Гуманисты]

Наконец, существовала партия "либертинов", или вольнодумцев, представителей чистого Ренессанса. Революционеры по-своему, сознательно восставшие против старой культуры Средневековья, хотя и готовые пропагандировать новую религию и играть с ней, даже использовать ее как союзника против общих врагов, интересы этих людей в корне слишком отличались от интересов реформаторов, чтобы позволить им долго стоять на одной платформе. Там был Клеман Маро, очаровательный, но довольно бесцельный поэт, протеже Маргариты и украшение легкомысленного двора. Хотя его поэтический перевод Псалмов стал протестантской книгой, его поэзия часто бывает не только чувственной. Хотя на некоторое время он отлучился от двора, он вновь вступил в него в 1536 году, в то же время "отрекшись от своих ошибок".

[Прим. автора: Рабле]

К той же группе принадлежал Франсис Рабле, чей "*Пантагрюэль*" появился в 1532 году. Хотя он написал Эразму, сказав, что всем, чем он был, обязан ему, на самом деле он воспринял только

иронию и насмешливый дух гуманиста без его глубокого подспудного благочестия. Он стал универсальным скептиком и насмешником над всеми вещами. "Дух голуа", который лучше всех других воспринимал абсурдность и непоследовательность вещей, нашел в нем свое воплощение. Он высмеивал и "папскихманьяков", и "папофобов", продавцов индульгенций и инквизиторов, декреталии, "написанные ангелом", и Великий Раскол, священников и королей, сомневающих философов и Священное Писание. Павел III назвал его "бродягой своего времени". Кальвин сначала причислил его к тем, кто "наслаждался Евангелием", но когда он яростно возразил, что считает Кальвина "демоническим самозванцем", женеvский богослов обрушился на него с яростной бранью в своем {195} *Трактате о преступлениях*. Теперь Рабле называли "Лукианином, который по своей дьявольской глупости осквернил Евангелие, этот святой залог вечной жизни". Уильям Фарель имел в виду недавнее принятие Рабле от двора произведений Медона и Сен-Кристофа де Жамбета, когда писал Кальвину 25 мая 1553 года: "Я боюсь, что алчность, этот корень зла, погасила всякую веру и благочестие в поэтах Маргариты. Иуда, продавший Христа и взявший биретту, вместо Христа получил этого сурового хозяина сатану". [1]

[Примечание: католическая реформа]

Стимул, вызванный различными нападками на церковь, как протестантскую, так и неверующую, быстро проявился в обильном духе реформ, возникшем в католической пастве. Духовенство и епископ приготовились встретить врага; в некоторых случаях они пытались замять скандалы и изменить свою жизнь; они усовершенствовали свое богословие и уделяли больше внимания Библии и образованию.

Но "лютеранская зараза" продолжала сильно распространяться. В 1525 году его находили только в Париже, Мо, Лионе, Гренобле, Бурже, Туре и Алансоне. Пятнадцать лет спустя, хотя она по-прежнему ограничивалась в основном городами, ее центры появились во всех частях Франции, за исключением Бретани. Преследования в Париже лишь вынудили еретиков скрываться или вынудили их распространять свои взгляды по всей стране. Движение охватило север и восток. Пропаганда была делом рук не одного класса, а всех, за исключением высшей знати. Это было еще не социальное или классовое дело, а чисто интеллектуальное и религиозное. Невозможно {196} оценить численность новой секты. В 1534 году Алеандр сказал, что только в Париже насчитывалось тридцать тысяч лютеран. Напротив, Рене дю Белле сказал, что в 1533 году их было меньше, чем за десять предыдущих лет. [Примечание: Протестантский прогресс] Правда в том, что протестанты были еще слабы и объединились скорее в знак протеста против установленного порядка, чем как определенная и сплоченная партия. Таким образом, наиболее популярными и успешными лозунгами новаторов были обличение священников как антихристов и отступников, а также порицание образов и масс как идолопоклонства. Другими лозунгами реформаторов были "Библия" и "оправдание верой". Движение было без руководителя и без организации. Пока Кальвин не изложил их, основное вдохновение исходило от Лютера, но Цвингли и другие немецкие и швейцарские реформаторы были влиятельны. Все больше и больше Лефевр и его школа отходили на второй план.

Какое-то время казалось, что потребность в руководстве должен был удовлетворить Уильям Фарель. Его ученость, красноречие и рвение, а также совершенная безопасность действий, которую он обрел в Швейцарии, были необходимыми качествами. Потребность в Библии сначала была удовлетворена версией Лефевра, напечатанной в 1532 году. Но католический дух

этого произведения, основанного на Вульгате, был неприятен евангелистам. Фарель попросил Оливетана, превосходного филолога, составить новую версию, которая была завершена к февралю 1535 года. Кальвин написал к ней предисловие. Он был посвящен "бедной маленькой церкви Божьей". В доктрине он был полностью евангелическим, заменив старые "eveques" и "pretres" на "surveillants" и "anciens" и опустив некоторые апокрифы.

Воодушевленные собственным ростом, протестанты стали смелее нападать на католиков. Ситуация все больше и больше склонялась к насилию; {197} ни одна из сторон, даже более слабая, не думала о терпимости по отношению к обеим. В ночь с 17 на 18 октября несколько плакатов, написанных Энтони де Маркуром, были расклеены в Париже, Орлеане, Руане, Туре и Блуа, а также на дверях королевских покоев в Амбюазе. Они осудили жертвоприношение во время мессы как ужасное и невыносимое надругательство, изобретенное адской теологией и прямо противоречащее истинной Вечере нашего Господа. Правительство было встревожено и предприняло решительные шаги. Процессии были учреждены для того, чтобы умиловать Бога за это святотатство. В течение месяца было арестовано двести человек, двадцать из которых были отправлены на эшафот, а остальные сосланы после конфискации их имущества.

Но правительство не могло позволить себе непрерывно проводить жесткую политику. Протестанты нашли свой шанс в остроте внешней ситуации. В 1535 году Франциск был вынужден из-за растущей угрозы габсбургов заключить союз не только с неверными, но и со Шмалькальдской лигой. Он без колебаний поддержал бы за границей ересь, которую подавлял у себя дома, но обнаружил, что немецкие князья не примут его дружбы ни на каких условиях, кроме терпимости к французским протестантам. Соответственно, 16 июля 1535 года Франциск был вынужден опубликовать эдикт, предписывающий прекратить преследования и освободить тех, кто находился в тюрьме, ради сохранения совести.

Но передышка длилась недолго. В апреле 1538 года были предприняты новые меры. Маро отказался от своих ошибок, а Рабле, хотя и не изменил принципиально свою доктрину, значительно смягчил во втором издании своего *Пантагрюэля* [Прим. автора: 1542] оскорбительные насмешки, которыми он осыпал Сорбонну. Но к этому времени началась новая эра. Смерть Эразма и Лефевра в 1536 году стала *переворотом* в партии христианского Возрождения, а публикация "*Институтов*" Кальвина в том же году, наконец, дала французским протестантам столь необходимого лидера и стандарт.

[1] *Гарвардское богословское обозрение*, 1919, стр. 209. Маргарет умерла несколько лет назад, но Рабле называли ее поэтом, потому что он пользовался ее покровительством и написал ей стихотворение в 1545 году. *Произведения Рабле*, изд. А. Лефранк, 1912, i, стр. xxiii, sxxxix. Ср. также письмо Кальвина королеве Наваррской, 28 апреля 1545 г. *Опера*, xii, стр. 65 ф.

РАЗДЕЛ 2. КАЛЬВИНИСТСКАЯ ПАРТИЯ. 1536-1559

[Примечание: Ниццкое перемирие, 1538 г.]

Ниццкое перемирие, предусматривавшее прекращение военных действий между Францией и Габсбургами на десять лет, было встречено во Франции с большой радостью. В Париже это отмечали кострами, и люди всячески заявляли о своем стремлении к миру. Короля мало заботили желания его верноподданных, когда на карту было поставлено его собственное достоинство, реальное или воображаемое. Война с Карлом, поразившая Европу подобно перемежающейся лихорадке, снова вспыхнула в 1542 году. Снова Франция была агрессором, и

снова она потерпела поражение. Император лично вторгся в Шампань, прибыв в 1544 году в пункт в пятидесяти милях от Парижа. Поскольку не было армии, способной противостоять ему, казалось, что он двинется победителем на столицу своего врага. Но он пожертвовал преимуществом, которое имел над Францией, ради желания, гораздо более близкого его сердцу, - желания сокрушить своих непокорных протестантских подданных. Уже планируя войну со Шмалькальденской лигой, он хотел только обеспечить свою собственную безопасность от нападения своего великого соперника. [Примечание: Крепийский мирный договор, 1544 г.] Договор, заключенный в Крепи, был умеренным по своим условиям и оставил все в основном таким, каким оно было.

[Примечание на стороне: Генрих II, 1547-59]

31 марта 1547 года Франциск I умер, и ему наследовал его сын Генрих II, человек крупного, крепкого телосложения, страстно любивший все виды физических упражнений, особенно охоту и рыцарские турниры. У него не было ни разносторонности своего отца, ни его непостоянства, ни его художественных интересов. На его политику повлияла цель изменить волю отца и опозорить фаворитов отца.

[Примечание: 1533]

Пока его старший брат был еще жив, Генрих женился на Екатерине Медичи, дочери Лоренцо {199} II де Медичи, короля Флоренции. Четырнадцатилетней девочке в чужой стране было неуютно, тем более что после того, как ее муж стал дофином, стало казаться, что ее положение не равно его. Неспособность завести детей в течение первых десяти лет брака сделала ее положение не только неприятным, но и шатким, но рождение первого сына сделало ее неприступной. В быстрой последовательности она родила десять детей, семеро из которых пережили детство. Хотя во время правления своего мужа она не имела большого влияния на государственные дела, она обрела уверенность в себе и, наконец, начала говорить и действовать как королева.

[Примечание: Диана из Пуатье]

В возрасте семнадцати лет Генрих влюбился в тридцатилетнюю женщину, Диану де Пуатье, его преданность которой не ослабевала до самой смерти, когда ей исполнилось шестьдесят. Несмотря на свою абсолютную власть над своим возлюбленным, она мало вмешивалась в государственные дела.

[Примечание: адмирал Колиньи, 1519-1572]

Направление французской политики в это время в значительной степени находилось в руках двух могущественных семей. Первой была семья Колиньи. Из трех братьев самым способным был Гаспар, адмирал Франции, верный друг Генриха, а также государственный деятель и воин. Еще более могущественной была семья Гизов, дети Клода, герцога де Гиза, который умер в 1527 году. [Примечание: Франциск де Гиз] Старший сын, Франциск, герцог де Гиз, был великим солдатом. Его брат Карл, кардинал Лотарингии, занял высокое место в государственных советах, а его сестра Мария, выйдя замуж за Якова V Шотландского, добавила престижа семье. Огромной властью, которой обладал этот дом, он был во многом обязан положению их поместий, часть из которых была феодальными владениями французского короля, а часть

подчинялась Империи. В зависимости от их удобства они могли действовать либо как французы, либо как иностранные дворяне.

[Примечание: Расширение]

При Генрихе Франция переживала период такого расцвета, какого у нее не было уже много лет. {200} Постоянные неудачи Франциска наконец превратились в существенные успехи. Во многом это было связано с гражданской войной в Германии и слабостью английских правителей Эдуарда VI и Марии. Отчасти это было связано с неумной энергией французских буржуа и джентльменов, отчасти с гением Франциска де Гиза. Сотрудничество Франции и Турции, скорее совпадение интересов, чем формальный союз, политика, в равной степени осуждаемая современниками и восхваляемая историками, продолжалось. Но достигнутые успехи были прежде всего обусловлены окончательным отказом от надежды на итальянские завоевания и обращением французского оружия в регионы, более подходящие для присоединения к ее правительству.

Карлу была объявлена война, и французы захватили Три епископства, в то время имперские феодалы, - Мец, Верден и Туль. Большая немецкая армия под командованием Альвы осадила Мец, но не смогла преодолеть блестящую оборону Франциска де Гиза. Измученная отраженными атаками и болезнями имперская армия таяла. Когда осада была наконец снята, Гиз отличился не только своей военной доблестью, но и гуманностью, с которой он заботился о раненых и больном враге.

Шесть лет спустя Гиз добавил новые лавры к своей славе и новым владениям Франции, завоевав Кале и Гвинес, последние английские владения на территории Франции. Потеря Кале, который удерживался Англией со времен Столетней войны, была особенно тяжелым ударом для островитян. Эти победы были частично уравновешены поражениями французских армий при Сен-Кантене на Сомме [Прим. автора: 1557] и Эгмонта при Гравелине. [Примечание: 1558] Когда в Като-Камбрези был подписан мир, [Примечание: Мир в Като-Камбрези, 1559] Франция отказалась от всех своих завоеваний на юге, но сохранила Три епископства и Кале, которые стали ее постоянными владениями.

[Примечание: кальвинизм]

{201} В то время как Франция таким образом расширяла свои границы, внутренняя революция быстро назревала. Последние годы правления Франциска и Генриха II ознаменовались стремительным ростом протестантизма. То, что начиналось как секта, теперь превратилось, в результате эволюции, аналогичной той, что произошла в Германии, в мощную политическую партию. Такова общая судьба новых идей - поначалу сталкиваться с противодействием, вызванным привычкой и инстинктивной реакцией почти всех умов на "болезненность новой идеи". Но если дело соответствует духу и потребностям эпохи, оно приобретает все больше и больше сторонников, медленно, если предоставлено самому себе, быстро, если ему предоставлены хорошая организация и адекватные средства представления своих требований. Тщательное продвижение идеи абсолютно необходимо для того, чтобы завоевать ее сторонников. Так вот, до 1536 года протестанты получили значительную известность как благодаря своим собственным трудам, так и благодаря нападкам их врагов. Но только после того, как Кальвин поселился в Женеве и начал много писать по-французски, дело было представлено в форме, способной заинтересовать среднего француза. Кэлвин не только

наилучшим образом извинился за свое дело, но и снабдил его определенной организацией и последовательной программой. Он снабдил новую религию догматами, литургией и моральными идеями, а также создал церковные, политические и социальные институты в гармонии с ней. Прирожденный лидер, он дополнял свою работу личными обращениями. Его обширная переписка с французскими протестантами свидетельствует не только о большом рвении, но и о бесконечных усилиях и значительном такте в донесении до сознания уроков, содержащихся в его печатных трактатах.

Хотя привлекательность догматической системы Кальвина была больше для эпохи, интересовавшейся подобными вещами и приученной считать их чрезвычайно важными, чем мы, вероятно, предполагаем в настоящее время, это не было единственной или даже главной привлекательностью кальвинизма для интеллигентных людей. Как и {202} любая новая и подлинная реформа, кальвинизм имел то преимущество, что вызывал энтузиазм небольшой, но активной группы либералов. Религиозное рвение, а также моральная серьезность того времени, естественно, привлекли протестантов. Поскольку секта подвергалась преследованиям, никто не присоединялся к ней, кроме как из соображений совести. Против лени или развращенности прелатов, слишком гордых или слишком безразличных, чтобы обосновывать свою веру, новаторы противопоставляли неутомимую энергию вовремя и не вовремя; против придворных скандалов и безнравственности духовенства они подняли знамя новой и суровой морали; на огонь мученичества они ответили огнем горячей веры.

Миссионеры кальвинистов были в значительной степени набраны из обращенных представителей духовенства, как светского, так и обычного, а также из тех, кто сделал профессию учителя. Для целей пропаганды это были именно те классы, которые по образованию и привычке были наиболее приспособлены для возбуждения и наставления людей. Трактаты множились, и, несмотря на порицания Сорбонны, они быстро распространялись. Театр также превратился в средство пропаганды, причем эффективное.

Пикардия продолжала оставаться оплотом протестантов на протяжении всего этого периода, хотя они также были сильны в Мо и на всем северо-востоке, в Орлеане, в Нормандии и в Дофине. Большой прогресс был достигнут также на юге, который позже стал самым протестантским из всех регионов Франции.

[Примечание: католические меры]

Католики продолжали полагаться на силу. Существовала контрпропаганда, исходившая из Парижского университета, но она была слабой. У иезуитов в правление Генриха II был один колледж в Париже и два в Оверни; в остальном вряд ли предпринимались какие-либо интеллектуальные усилия, чтобы одолеть реформаторов. Действительно, у католиков вряд ли было достаточно боеприпасов для такого боя. {203} Помимо великих независимых, державшихся в стороне от всех религиозных противоречий, более умная и предприимчивая часть образованного класса перешла на сторону врага.

Но правительство сделало все возможное, чтобы восполнить недостаток аргументации применением властных полномочий. Были изданы новые суровые эдикты против "ересей и ложных доктрин Лютера, его приверженцев и сообщников". Сорбонна запретила чтение и продажу шестидесяти пяти книг по названию, включая труды Лютера, Меланхтона, Кальвина, Доле и Маро, а также все переводы Библии, выпущенные издательством Estienne.

В прежние века на юге Франции было много сект, утверждавших, что протестантизм старше Аугсбургского. Подобно чешским братьям, они горячо приветствовали кальвинистов как союзников и быстро были зачислены в новую церковь. Пораженный пробуждением духа реформ, парламент Экса, действуя в подражание Симону де Монфору, [Прим. автора: 1540] приказал разрушить два города, Мериндол и Кабриер, за их ересь. Приговор был слишком суровым, чтобы французское правительство могло привести его в исполнение немедленно; поэтому он был отложен по приказу короля, но в конце концов был приведен в исполнение, по крайней мере частично. [Примечание: 1545] Произошла ужасная резня, в результате которой погибло восемьсот или более вальденсов. Крик ужаса поднялся в Германии, Швейцарии и даже во Франции, от которого сам король в ужасе отшатнулся.

Всего через несколько дней после своего восшествия на престол Генрих издал эдикт против богохульства, за которым последовал ряд законов против ереси. Был создан новый суд для борьбы с еретиками. [Примечание: 8 октября 1547 г.] Из-за своей привычки отправлять своих жертв на костер он вскоре стал известен как *Chambre Ardente*. Его полномочия были настолько обширны, что духовенство протестовало против них как против {204} нарушения их прав. За первые два года своего существования оно вынесло пятьсот приговоров, — и каких приговоров! Даже в тот жестокий век наказания были ужасающими. Сожжение заживо было самым обычным делом. Если еретик отрекался на эшафоте, его душили до того, как разжигали костер; если он отказывался отречься, ему отрезали язык. [Примечание: июнь 1551 г.] Тех, кого просто подозревали, бросали в темницы, из которых многие так и не вышли живыми. Для получения признания обычно использовались пытки. Для тех, кто отказался от приговора, были назначены более мягкие, но все же суровые наказания: тюремное заключение и различные виды епитимий. Эдиктом Шатобриана был составлен кодекс из сорока шести статей против ереси, и магистрат был уполномочен устанавливать наблюдение за подозреваемыми лицами.

Перед лицом этого яростного преследования поведение кальвинистов было удивительно прекрасным. Они проявили большую ловкость в уклонении от закона всеми средствами, кроме отречения, и большую проницательность в использовании тех скудных юридических средств защиты, которые были в их распоряжении. С другой стороны, они несли наказание с поразительным постоянством и мужеством, очень немногие потерпели неудачу в час испытания, и большинство встретило смерть в состоянии экзальтации. Большое количество людей нашло убежище в других странах. Во время правления Генриха II тысяча четыреста человек бежали в Женеву, не говоря уже о многих, кто осел в Нидерландах, Англии и Германии.

[Примечание: рост протестантизма]

Кальвинисты, далекие от пассивности, перешли в наступление, не только написав и проповедуя, но и атаковав изображения святых. Многие из них были сломаны или обезображены. Один студент Парижского университета разбил изображения Богородицы и святого Себастьяна, а также витраж изображением распятия и расклеил плакаты с нападками на культ святых. За это его трижды пригвоздили к позорному столбу, а затем заперли в маленьком отверстии, замурованном со всех сторон {205}, за исключением отверстия, через которое ему передавали пищу, пока он не умер.

Не устроясь преследований, новаторы продолжали стремительно расти в численности и силе. Церковь в Париже, хотя и собиралась тайно, была хорошо организована. Жители города собирались вместе на несколько собраний в частных домах. К 1559 году по всей Франции

насчитывалось сорок полностью организованных церквей (*eglises dressees*) и не менее 2150 собраний или миссионерских церквей (*eglises plantees*). Оценки численности сомнительны, но есть веские основания утверждать, что в начале правления Генриха протестанты составляли одну шестую часть населения. Как и все восторженные меньшинства, они обладали властью, несоизмеримой с их численностью. Вероятно, что их численность постоянно увеличивалась, если бы не враждебность правительства, они были бы равны католикам. Во всяком случае, они горели желанием испытать свои силы. Новым и важным фактом было то, что они больше не состояли полностью из среднего класса. Высшие правительственные чиновники и знатные люди начали пополнять их ряды. В 1546 году епископ Нима открыто защищал их, поскольку сам подозревался, вероятно, справедливо, в кальвинизме. В 1548 году генерал-лейтенант был среди тех, кто был привлечен к ответственности за ересь. Антоний Бурбонский, потомок Людовика IX, сын знаменитого Карла, коннетабля Франции, и муж Жанны д'Альбре, королевы Наварры, которая была дочерью Маргариты д'Ангюлем, стал протестантом. [Примечание: 1555] Примерно в то же время великий адмирал Колиньи обратился в христианство, хотя прошло несколько лет, прежде чем он открыто исповедал свою веру. Его брат, д'Андело, также придерживался кальвинизма, но позже король и его жена убедили его вернуться в лоно католицизма.

Протестанты стали настолько сильны, что {206} французское правительство было вынуждено против своей воли терпеть их фактически, если не в принципе, и признать их как партию в государстве с квазиконституционным положением. Синод, состоявшийся в Париже в мае 1559 года, стал свидетельством того, что первый этап в эволюции французского протестантизма завершен. Это собрание разработало символ веры под названием *Confessio Gallicana*, излагающий в сорока статьях самую чистую доктрину Женевы. Помимо подтверждения веры в общепринятые догматы христианства, это исповедание утверждало догматы предопределения, оправдания только верой и отличительную кальвинистскую доктрину евхаристии. Было осуждено поклонение святым и определена необходимость церкви. Для этой церкви была создана организация и дисциплина по образцу женевской. Страна была разделена на округа, церкви внутри которых должны были посылать в центральную консисторию представителей как духовенства, так и мирян, причем число последних должно было быть по крайней мере равным числу первых. Над церковью всей нации должен был существовать национальный синод, или "Коллоквиум", в который каждая консистория должна была посылать одного священнослужителя и одного или двух пресвитеров-мирян.

Встревоженный ростом протестантов, Генрих II как раз готовился после заключения Като-Камбрезийского мирного договора сразиться с ними более серьезно, чем когда-либо, когда скончался от раны, случайно полученной на турнире. [Примечание: 10 июля 1559 г.] Его смерть, воспетая Кальвином как милосердный промысел Провидения, удобно знаменует конец одной эпохи и начало другой. Предыдущие сорок лет Франция была поглощена борьбой с огромной империей Габсбургов. Следующие сорок лет она была полностью занята религиозными войнами. Внешне она играла слабую роль из-за гражданских беспорядков и презренного правительства. Действительно, все ее интересы, как внешние, так и внутренние, были с этого {207} времени забыты в накали страстей, вызванных фанатизмом. Дата кончины Генриха также знаменует изменение в эволюции французского правительства. До сих пор, на протяжении нескольких столетий, тенденция была направлена от феодализма к абсолютной монархии. Идеал "*une foi, une loi, un roi*" был почти достигнут. Но теперь это было проверено двумя способами. Знатные люди нашли в кальвинизме возможность отстаивать свои

привилегии против короля. Средний класс в городах, особенно в тех регионах, где секционализм все еще был силен, нашел ту же возможность, но использовал ее в интересах республиканизма. Возник яростный дух сопротивления не только прелатам, но и монарху. Существовало даже значительное количество демократических настроений. Бедное духовенство, обратившееся в кальвинизм, было особенно свободно в осуждении неравенства старого режима, который сделал из высшего духовенства великих лордов и оставил более скромных министров умирать с голоду. Дело в том, что послание кальвинизма было по сути демократичным в том смысле, что проповедовалось превосходство всех христиан и их совершенное равенство перед Богом. [Примечание: Проповедовалось равенство] Интерес к религии и способность обсуждать ее не ограничивались привилегированной иерархией, но разделялись самыми скромными. В непристойной пьесе, написанной в 1564 году, говорится:[1]

If faut que Jeanne [a servant] entre les pots
Parle de reformation;
La nouvelle religion
A tant fait que les chambrieres,
Les serviteurs et les tripières
En disputent publiquement.

Но хотя веселый придворный и светский человек насмехался над религией рыночных женщин и судомоек, у него не было особых причин насмехаться, когда он встречался с протестантами {208} в дебатах в ратуше своего города или на поле битвы.

Наконец, 1559 год очень хорошо отмечает этап в развитии французского протестантизма. Примерно до 1536 года это было просто неорганизованное мнение, скорее философия, чем целостный организм. Со дня публикации *Институтов* и до Синода 1559 года новая церковь стала организованной, самосознательной и определенно преследующей политические цели. Но после 1559 года это стало больше, чем партией; это стало *империумом в империи*. Во Франции больше не было одного правительства и одной верноподданной, а было две, и эти две страны находились в состоянии войны.

[Примечание: Гугеноты]

Как раз в это время название гугенотов стало применяться к протестантам, которых до сих пор называли "лютеранами", "еретиками из Мо" и, реже, "кальвинистами". Происхождение слова, впервые употребленного в Туре в 1560 году, остается неопределенным. Возможно, оно происходит от "le roi Huguet" или "Hugon", ночного призрака; тогда это был бы намек на призрачный способ, которым еретики подкрадывались ночью к своим собраниям. Гугенот также встречается в качестве фамилии в Бельфоре еще в 1425 году. Возможно, оно происходит от термина "Хаусгеноссен", используемого в Эльзасе для обозначения тех металлистов, которые не были приняты в гильдию, а работали дома, отсюда и презрительное название, подобное современному "парша". Оно также может происходить от названия Швейцарской конфедерации "Эйдгеноссен", и, возможно, это происхождение является наиболее вероятным, хотя и не может считаться бесспорным. Каким бы ни было происхождение названия, изображение гугенота нам знакомо. Из всех прекрасных типов французской мужественности гугенот - один из самых прекрасных. Галльская веселость смягчается серьезностью; бесстрашие укрепляется новыми моральными устоями, подобными стали. За исключением нескольких

знатных вельмож, которые присоединились к партии без серьезных убеждений, высокий уровень гугенотской морали был признан даже их врагами. В век распутства "религиозные люди", как они себя называли, шли по пути праведности и трезвости.

[1] Реми Белло: *Воссоединение*, акт 4, сцена 2.

{209}

Карл, герцог Бурбонский,
Коннетабль Франции, ум. в 1527 г.

|
|
+-----+---+-----+

|||
 Антоний, герцог Вандомский Шарль, кардинал Людовик, принц
==Жанна д'Альбре, королева Бурбонов Конде
| Наварры, ум. в 1562 г.
|
|
Генрих IV
1589-1610
==(1) Маргарита Французская
==(2)Мария Медичи

Клод, герцог де Гиз, ум. в 1527 г.

|
|
+-----+---+-----+

|||
||
Франциск, герцог де Гиз Карл, кардинал Марии==Яков V
ум. в 1563 году Лотарингский | Шотландский
||
| Мария, королева
| Шотландцев
|
+-----+-----+

|||
 Генрих, герцог де Гиз Шарль, герцог Людовик, кардинал
ум. в 1588 г. Майенн Гиз, ум. в 1588 г.

[Примечание переписчика: "d." здесь использовано вместо символа "кинжал" (Unicode U+2020), который обозначает год смерти человека.]

{210}

РАЗДЕЛ 3. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ. 1559-1598

[Примечание на стороне: Франциск II, 1559-60]

За Генрихом II последовательно последовали трое его сыновей, каждый из которых в разной степени был слабаком. Первым из них был Франциск II, хрупкий пятнадцатилетний юноша, страдавший аденоидами. Будучи ребенком, он уже больше года был женат на Марии Стюарт, дочери Якова V Шотландского и племяннице Франциска де Гиза и кардинала Лотарингии. Поскольку она была единственной страстью угрюмого и слабого короля, который, будучи совершеннолетним, мог сам выбирать себе министров, правительство королевства попало в сильные руки "лживого лотарингского отродья". Боясь и ненавидя этих людей больше всего на свете, гугеноты обратились за защитой к бурбонам, но король Наварры был слишком слаб характером, чтобы оказать им большую помощь. Найдя в прессе свое лучшее оружие, протестанты выпустили поток памфлетов, в которых кардинала Лотарингского называли "тигром Франции".

Более определенным планом избавления страны от ненавистной тирании был так называемый Амбуазский заговор. Годфри де Барри, сьер де ла Реноди, пообещал нескольким сотням протестантов отправиться всем скопом, чтобы представить петицию королю в Блуа. Насколько далеко зашли их намерения, неизвестно, и, возможно, они сами не были определенно сформулированы. Венецианский посол говорил в депеше того времени о заговоре с целью убийства кардинала, а также короля, если он не согласится с их советами, и сказал, что заговорщики опирались в оправдание своего курса на {211} заявление Кальвина о том, что законно убивать тех, кто препятствует проповеди Евангелия. Услышав о заговоре, Гиз и его брат были готовы. Они перевели двор из Блуа в Амбуаз, этим ходом расстроив планы просителей, а также поместив короля в более защищенный замок. Солдаты, собранные по этому случаю, встретили гугенотов, когда они всем отрядом продвигались к Амбуазу, [Прим. автора: Беспорядки в Амбуазе, март 1560 г.] застрелили Ла Реноди и некоторых других на месте и арестовали оставшиеся тысячу двести человек, которые были оставлены для последующего суда и казни. Подозрение, павшее на принца Конде, брата короля Наваррского, приобрело некоторую окраску благодаря его откровенному признанию в сочувствии заговорщикам. Хотя гизы из всех сил использовали свое преимущество, запрещая все будущие собрания еретиков, в душной атмосфере сдерживаемых страстей смутно ощущалось, что суматоха Амбуаза является предвестником ужасающей бури.

Ранняя смерть болезненного короля оставила трон его брату Карлу IX, девятилетнему мальчику. [Примечание: Карл IX, 1560-74] Поскольку он был несовершеннолетним, регентство перешло к его матери, Екатерине Медичи, которая в течение почти тридцати лет была реальной правительницей Франции. [Примечание: Политика Екатерины Медичи] Несмотря на то, что Брантом называет "неуместным обогащением", она была активна телом и разумом. Ее обширная переписка частично раскрывает секреты ее власти: большой такт и бесконечные усилия поддерживать связь с как можно большим количеством людей и как можно большим количеством деталей бизнеса. Ее недостаток красоты восполнялся изящными манерами и элегантным вкусом в искусстве. Как знаток и неутомимый коллекционер, она удовлетворяла свою любовь ко всему великолепному не только прекрасными дворцами и великолепной одеждой, но и наличием магазина картин, статуй, гобеленов, мебели, фарфора, серебра, книг и рукописей.

Будучи "политиком" до мозга костей, Екатерина не испытывала ни сочувствия, ни терпения к фанатикам, которые {212} ставили свою религию выше мира и процветания. Окруженная мужчинами, свирепыми, как львы, она проявила немалое мастерство и бесстрашие укротителя, удерживая их на некоторое время на расстоянии друг от друга. Вскоре после того, как Карл вззошел на престол, она была почти втянута во внутреннюю и внешнюю войну из-за предложения Филиппа II Испанского помочь ее католическим подданным в борьбе с гугенотами без ее разрешения. Она знала, что если бы это было сделано именно так, поскольку нацарапала на своем особом французском: "Мой сын женился на жиме лантье обейсансе" [1], и она была полна решимости "что касается человека, который не скрывает своего желания, то я хочу, чтобы он сделал тебе королевскую подвеску". [2] Сквозь выпученные глаза она ясно видела, где лежит путь, по которому она должна следовать. "Я полна решимости, - писала она, - стремиться всеми возможными средствами сохранить власть короля, моего сына, во всем и в то же время сохранять народ в мире, единстве и согласии, не давая ему повода расшевелиться или что-либо изменить". По сути, это была та же политика, что и у Генриха IV. То, что она потерпела неудачу там, где преуспел он, объясняется не только разницей в способностях. В 1560 году ни одна из сторон не была готова уступить или терпеть другую без испытания силы, в то время как поколение спустя многие члены обеих партий устали от войны.

[Примечание: 13 декабря 1560 г.]

Как раз в тот момент, когда Франциск умирал, Генеральные Штаты собрались в Орлеане. Этот орган был разделен на три палаты, или сословия, - духовенство, дворянство и палату общин. Последнее было выбрано настолько демократическим путем, что голосовали даже крестьяне. Голосовали ли они в 1484 году, неизвестно, но несомненно, что они сделали это в 1560 году, и то, что позволить им голосовать было в интересах короны, подтверждается увеличением {213} числа королевских чиновников среди депутатов третьего сословия. Крестьяне по-прежнему считали короля своим естественным защитником от гнета знати.

Поместья были открыты министром Екатерины Майклом де Лопиталем. Полностью сочувствуя ее политике примирения, он обратился к Сословиям следующим образом: [Примечание: 24 февраля 1561 г.] "Давайте оставим эти дьявольские слова, названия партий, фракций и мятежей: лютеране, гугеноты, паписты; давайте не будем менять названия христиан". Соответственно, был принят эдикт, предоставляющий гугенотам амнистию, номинально с целью позволить им вернуться в католическую церковь, но практически толковавшийся без ссылки на это условие.

Но правительству было легче издавать указы, чем сдерживать фанатиков обеих партий. Протестанты продолжали крушить статуи, католики - нападать толпами на протестантов. Париж стал, по словам Безы, "самым кровавым городом в мире". Под совместным воздействием легальной терпимости и преследований толпой численность и могущество гугенотов значительно возросли. Их естественный лидер, король Наварры, действительно подвел их, поскольку он несколько раз менял свою веру, его настоящим культом, как заметил Кальвин, был культ Венеры. Однако его жена, Жанна д'Альбре, стала яркой кальвинисткой.

На этом этапе правительство предложило средство примирения, которое было опробовано Карлом V в Германии и там потерпело неудачу. Ведущие богословы обеих конфессий были вызваны на совещание в Пуасси. [Примечание: Коллоквиум в Пуасси, август 1561 г.] Большинству приглашенных немецких богословов политика помешала приехать, но

присутствовали известные итальянские протестанты Петр Мученик Вермилли и Теодор Беза из Женевы. Дебаты касались обычных спорных вопросов и, конечно, носили нерешительный характер {214}, хотя гугеноты без колебаний провозгласили свою собственную победу.

[Прим. автора: январь 1562 г.]

Едва был издан новый эдикт о терпимости, как ужасное преступление ускорило гражданскую войну. Несколько вооруженных слуг герцога де Гиза, наткнувшись на собрание гугенотов в Васси в Шампани, [Примечание: Резня в Васси, 1 марта 1562 г.] напали на них и убили триста человек. Дикий крик ярости вырвался у всех кальвинистов; по всей стране вспыхнули беспорядки. В Тулузе, например, уличные бои продолжались четыре дня, и погибло четыреста человек. Это был один из худших лет в истории Франции. Повсюду царило настоящее царство террора, и, хотя урожай был уничтожен, по всей стране свирепствовал голод. Банды грабителей и насильников, прикрывающиеся именами христианских партий, но дикари в душе, подвергают весь народ выкупу и разграблению. Действительно, Религиозные войны были подобны аду; язык может описать их лучше, чем воображение может их представить. Вся милая и приятная земля Франции, от бургундии до испанской границы, была овдовевшей и опустошенной, ее гордость была унижена собственными сыновьями, а ее Золотые Лилии втоптаны в кровавую грязь. Для пополнения братоубийственного оружия были привлечены иностранные войска. Протестанты во главе с Конде и Колиньи собрали армию и начали переговоры с Англией. Католики, однако, одержали верх в сражениях. Они захватили Руан, защищаемый английскими войсками, и под прикрытием разгромили гугенотов под командованием Колиньи при Дре. [Примечание: 19 декабря 1562 г.]

[Прим. автора: 18 февраля 1563 г.]

Два месяца спустя Франциск де Гиз был убит протестантом близ Орлеана. Колиньи обвинили в подстрекательстве к преступлению, которое он отрицал, хотя и признался, что был рад этому. [Примечание: Амбуазский Эдикт от 19 марта 1563 г.] Однако непосредственным виновником смерти герцога был не столько гугенот, {215} сколько Екатерина Медичи. Продолжая проводить на практике свою политику терпимости, она издала указ, предоставляющий свободу совести всем и свободу вероисповедания с определенными ограничениями. Знати было разрешено проводить собрания для богослужения в соответствии с реформатской традицией в своих собственных домах, и одной деревне в каждом бейливики было разрешено иметь протестантскую часовню.

Насколько последовательно светской была политика Екатерины, стало очевидно в это время, когда она отказалась публиковать постановления Тридентского собора, опасаясь, что они могут ущемить свободы галликанской церкви. В этом она пользовалась полной поддержкой большинства французских католиков. Она продолжала бороться за религиозный мир. Один из ее методов был характерен для нее и для того времени. Она выбрала "летучий эскадрон" из двадцати четырех красивых фрейлин высокого ранга и низких принципов, чтобы те помогли ей соблазнить непокорных дворян с обеих сторон. Во многих случаях ей это удавалось. Конде, влюбленный в одну — или, возможно, в нескольких — из этих сирен, забыл обо всем остальном: о своей жене, своей партии, своей религии. Его смерть в 1569 году передала руководство гугенотами в более устойчивые и крепкие руки Колиньи.

Но такие средства борьбы с глубоко опасным кризисом были, конечно, лишь самыми жалкими паллиативами. Католические фанатики не допустили бы никаких заигрываний с еретиками. В 1567 году они были достаточно сильны, чтобы навлечь позор на Лопиталья, а в следующем году добиться королевского эдикта, безоговорочно запрещающего отправление реформированного культа. Гугеноты снова восстали и в 1569 году потерпели два серьезных поражения [Прим. автора: гугеноты потерпели поражение] при Жарнаке и Монконтуре. Католики ликовали, полностью веря, как говорит Салли, что наконец протестантам придется подчиниться. Но нет ничего более примечательного, чем кажущееся незначительным влияние военного успеха или неудачи на силу и численность двух конфессий. "Мы побеждали наших врагов снова и снова, - в ярости восклицал солдат-католик Монлюк. - мы побеждали силой оружия, но они одерживали победу с помощью своих дьявольских писаний".

Однако гугеноты не полагались полностью на перо. Их оплот находился уже не на севере, а на юге и западе. Причину этого можно отчасти искать в подготовке почвы для их посева средневековыми ересями, но еще больше в сильном партикуляристском духе этого региона. Древние провинции Пуату и Гиенна, Гасконь и Лангедок почти так же осознавали свою южную и провансальскую культуру, как и свое французское гражданство. Сила централизаторских тенденций проявлялась к северу от Луары; на юге местные привилегии ценились больше и на них больше настаивали. В то время как протестантизм преследовался правительством в Париже, его часто защищали города юга. [Примечание: Ла-Рошель] Наиболее примечательной из них была Ла-Рошель на атлантическом побережье недалеко от Бордо. Хотя Реформация пришла с опозданием, ее обращение было основательным и длительным. Чтобы защитить новую религию, он успешно отстоял свою муниципальную свободу почти на грани независимости. Подобно голландским морским попрошайкам, его вооруженные каперы грабили торговлю католических держав - способ ведения войны, от которого город получал огромную добычу.

Гугеноты пытались, но безуспешно, заполучить иностранных союзников. Ни Англия, ни Германия не прислали им никакой помощи. [Примечание: Битва при Монсе, 17 июля 1572 г.] Их политика поддержки восстания Нидерландов против Испании обернулась катастрофой для них самих, когда французы под командованием Колиньи потерпели поражение при Монсе от войск Филиппа.

Католики теперь считали, что настало время нанести решающий удар. Под влиянием иезуитов они {217} в течение короткого времени вели наступательную и эффективную пропаганду. Были созданы Лиги для борьбы с организациями гугенотов, вооруженными "Братствами Святого Духа", как их называли. Главным препятствием на их пути, казалось, была небольшая группа могущественных дворян во главе с Колиньи. Екатерина и Гизы решили устранить это препятствие ножом убийцы. Шарль, который лично был в хороших отношениях с Колиньи, колебался, но он был слишком слабым юношей, чтобы долго продержаться. Кажется, есть веские основания полагать, что все, что задумали вдовствующая королева и ее советники, - это убийство нескольких лидеров и что они не предвидели одну из самых масштабных резнь в истории.

Ее первая попытка убить Колиньи [Примечание: 22 августа 1572 г.] вызвала гнев лидеров гугенотов и сделала их еще более опасными, чем раньше. Таким образом, накануне дня Святого Варфоломея был осуществлен более продуманный и всеобъемлющий план. [Примечание:

Резня Святого Варфоломея, с 24 августа по 3 октября] Ранним вечером 23 августа Генрих де Гиз, сын герцога Франциска и злейший личный враг Колиньи, отправился вооруженными людьми в дом адмирала и убил его. Оттуда они направились в дома других видных гугенотов, чтобы убить их таким же образом. Весть об охоте на человека распространилась по городу с мгновенной быстротой, толпа поднялась и перебила всех гугенотов, которых смогла найти, а также нескольких иностранцев, в основном немцев и фламандцев. Де Ту говорит, что до полудня 24 августа в Париже было убито две тысячи человек. Последовало всеобщее разграбление.

Король не решался брать на себя ответственность за столь серьезные беспорядки. В его письмах от 24 августа различным губернаторам провинций и послам говорилось только о ссоре между Гизом и Колиньи и заявлялось, что он желает сохранить порядок. Но с этими самыми письмами он разослал гонцов во все концы со словесным приказом убить всех ведущих протестантов. 27 августа он снова написал об этом как о "великом и прискорбном мятеже", вызванном желанием Гиза отомстить Колиньи за своего отца. Король сказал, что ярость населения была такова, что он не смог принести желаемое средство, и он снова отдал распоряжения о сохранении порядка. Но в то же время он заявил, что Гизы действовали по его приказу, чтобы наказать тех, кто устроил заговор против него и против старой религии. Фактически, он быстро выдал серию противоречивых отчетов и приказов, а тем временем с 25 августа по 3 октября почти во всех провинциях произошла ужасная серия массовых убийств. [Примечание: Другие массовые убийства] Двести гугенотов погибли в Мо, от 500 до 1000 - в Орлеане, гораздо большее число - в Лионе. Трудно оценить общее количество жертв. Салли, которому чудом удалось спастись, говорит, что было убито 70 000 человек. Хотман, другой современник, говорит о 50 000. Зная, насколько цифры склонны преувеличиваться даже здравомыслящими людьми, мы должны предположить, что это число слишком велико. С другой стороны, самая низкая оценка, данная современными католическими исследователями, 5000, безусловно, слишком мала. Вероятно, от 10 000 до 20 000 правильно. Те, кто пал, были цветком партии.

Какова бы ни была точная степень вины французских правителей, которая в любом случае была очень серьезной, они не прилагали никаких усилий, чтобы скрыть свое ликование по поводу события, которое, наконец, как они верили, стерло их врагов в порошок. В ликующем тоне Екатерина писала своему зятю Филиппу Испанскому, что Бог дал ее сыну, королю Франции, средство "уничтожить тех его подданных, которые были непокорны Богу и ему самому". Филипп прислал свои сердечные поздравления и услышал, как поют Te Deum. Папа отчеканил медаль {219} с изображением ангела-мстителя и надписью "Ugonotorum strages" и распорядился о ежегодном богослужении, которое, собственно, праздновалось долгое время. Но, с другой стороны, крик ужаса раздался из Германии и Англии. Елизавета приняла французского посла, одетого в траур, и заявила ему, что "дело было слишком кровавым".

Хотя о триумфе католиков громко кричали, он был не таким полным, как они надеялись. На мгновение показалось, что гугеноты испугались, но нет ничего более примечательного, чем стойкость народа. Отречений было крайне мало. Реформатские пасторы, воспитанные на Ветхом Завете, видели в постигшем их несчастье не что иное, как средство доказать свою верность. В главных городах юга сразу же были предприняты приготовления к сопротивлению. [Примечание: Осада Ла-Рошели] Ла-Рошель, осажденная королевскими войсками, проявила героизм, достойный этого дела. Пока мужчины отражали яростные атаки врага, женщины возводили стены, которые рухнули под мощным огнем артиллерии. Группа граждан,

требовавших капитуляции, была сурово подавлена, и город держался до тех пор, пока не пришла помощь из необорудованного квартала. Брат короля, Генрих, герцог Анжуйский, был избран натрон Польши при условии, что он предоставит свободу совести польским протестантам. Поэтому, чтобы казаться последовательным, французское правительство на время прекратило преследование гугенотов. Осада Ла-Рошели была снята, и был заключен договор, разрешающий свободу вероисповедания в этом городе, в Ниме и Монтобана, а также в домах некоторых знатных людей.

Менее чем через два года после ужасающей резни протестанты снова были сильны и активны. Из их бесстрашных рядов раздался победный клич. Больше, чем когда-либо прежде, они стали республиканцами в принципе. {220} Их памфлетисты, среди которых был Хотман, яростно нападали на правительство Екатерины и отстаивали свои права.

Чарльз страдал чахоткой. Характерные для его болезни кровоизлияния напоминали ему о потоках крови, которые он вызвал в своей стране. Сломленный телом и преследуемый суеверными страхами, несчастный умер 30 мая 1574 года. [Примечание: Генрих III, 1547-89] Ему наследовал его брат Генрих III, недавно избранный королем Польши, человек с хорошими манерами, интересующийся культурой и учебой, прирожденный оратор, не лишенный интеллекта. Любимчик и избалованный ребенок своей матери, воспитанный среди девушек "летучего эскадрона", он постоянно пребывал в состоянии нервного и чувственного возбуждения, которое делало его жадным до возбуждения, но в то же время неспособным его выносить. Гроза заставляла его прятаться в подвале и плакать. Временами его охватывал страх смерти и ада, а временами случались кризисы религиозного рвения. Но его жизнь была сплошным развратом, он постоянно искал новые формы удовольствия странными способами. Он бродил по ночным улицам в сопровождении веселых молодых хулиганов в поисках приключений. У него была страсть к некоторым красивым молодым людям, которых обычно называли "дорогушами", и он держал их при себе в женской одежде.

Его правление означало новую передачу власти его матери, которая боготворила его и которой он охотно оставил нелегкое государственное дело. К этому времени она была люто ненавидима гугенотами, которые высказали ей свои комплименты в брошюре, озаглавленной *"Замечательная беседа о жизни, деяниях и разврате Екатерины Медичи"*, возможно, частично написанной ученым Генри Этьеном. Ее обвиняли не только в преступлениях, в которых она действительно была виновна, таких как резня Святого Варфоломея, но и в убийстве {221} дофина Франциска, старшего брата своего мужа, и других людей, умерших естественной смертью, а также в систематическом растлении своих детей, чтобы удержать бразды правления в своих руках.

Напуганный ненавистью, которой пользовалась его мать, Генрих III счел разумным полностью отречься от церкви Святого Варфоломея и уступить гугенотам свободу вероисповедания везде, кроме Парижа и любого места, где в данный момент мог находиться двор.

Положение короля было настолько тяжелым, что этой попыткой примирить своих врагов он только оттолкнул своих друзей. Фанатичные католики, обнаружив, что корона бессильна, начали принимать энергичные меры, чтобы помочь себе. В 1576 году они сформировали Лигу, чтобы обеспечить выгоду от объединения. [Примечание: Лига] Генрих герцог де Гиз составил декларацию, которая легла в основу учредительного акта Лиги. В нем предлагалось "установить закон Божий во всей его полноте, восстановить и поддерживать богослужение в соответствии с

формой и порядком святой, Католической и апостольской церкви", а также "восстановить провинциям и поместьям этого королевства права, привилегии, привилегии и древние вольности, какими они были во времена короля Хлодвиг, первого христианского короля". Этот последний пункт весьма важен, поскольку показывает, как католики теперь переняли тактику гугенотов, апеллируя к провинциальным привилегиям центрального правительства. Это точно такой же вопрос, как и проблема федерализма в сравнении с правами штатов в американской истории; партия, находящаяся у власти, делает упор на национальную власть, в то время как более мелкие подразделения служат убежищем для меньшинства.

Электорат Лиги быстро увеличивался. Декларация Гиза была распространена по всей стране, что-то вроде чудовищной петиции, и те, кто хотел, обязались поддержать ее. Сила этого объединения католиков среди знати и народа вскоре сделала его настолько грозным, что Генрих III изменил свою прежнюю политику, признал Лигу и объявил себя ее главой.

[Примечание: Генеральные штаты Блуа]

Выборы в Генеральные штаты, проведенные в Блуа в 1576 году, оказались в высшей степени благоприятными для Лиги. Главной причиной их ошеломляющего успеха стало воздержание протестантов от голосования. В континентальной Европе всегда было и сейчас является обычным явлением, когда меньшинства отказывались голосовать, идея состоит в том, что этот отказ сам по себе является протестом, более эффективным, чем было бы голосование определенного меньшинства. Американцу это кажется странным, поскольку неоднократно доказывалось, что сильное меньшинство может многое сделать для формирования законодательства. Но гугеноты рассуждали иначе, и поэтому во всем собрании присутствовал только один протестант, депутат второго, или благородного, сословия. Привилегированные сословия немедленно высказались за укрепление религиозного единства, но в Третьем сословии разгорелись жаркие дебаты. Джон Бодин, известный публицист, хотя и был католиком, настойчиво призывал к терпимости. Принятый в конце концов закон требовал возврата к старой религии, но добавил оговорку, что принимаемые меры должны быть "мягкими, миролюбивыми и без войны". Это было настолько невозможно на практике, что правительство было снова вынуждено издать указ, предоставляющий свободу совести и ограничивающий свободу вероисповедания. [Прим. автора: 1577]

Под гнетом разрушительных гражданских войн народ становился все более и более беспокойным. Король был крайне непопулярен. Возможно, люди могли бы закрыть глаза даже на такие надругательства над порядочностью, которые были совершены королем, если бы их критические способности не обострились из-за растущей нищеты их положения. Войны разорили и их, и правительство, а отчаянные попытки последнего собрать деньги только увеличили бедность масс. Каждое сословие, каждую провинцию призывали внести как можно больше пожертвований, и большинство из них отвечали смиренным и лояльным тоном, но твердо, умоляя об освобождении от разорительных поборов. Продажа должностей, органов юстиции, органов сбора налогов, администрации, армии, общественного достояния была лишь менее обременительной, чем продажа монополий и инспекций рынков и портов. Единственным процветающим классом, по-видимому, были правительственные агенты и подрядчики. Фактически, впервые в истории Франции народ испытывал глубокое недовольство, и некоторые из них были настроены полуреспубликански.

[Примечание: 1584]

У короля не было сыновей, и когда умер его единственный оставшийся брат, возник новый элемент разногласий и замешательства, связанный с тем, что наследник престола, Генрих Наваррский, был протестантом. Жестокие нападки на него были опубликованы в прессе с брошюрами. Лига возродилась в более сильной форме, чем раньше. Ее глава Гиз выбрал кандидатом на престол дядю Генриха Наваррского, Карла, кардинала Бурбонского, глупого и жестокого шестидесятичетырехлетнего человека. Король поспешил заключить соглашение с Лигой и приказал всем протестантам покинуть страну в течение шести месяцев. В этот момент папа вмешался, чтобы укрепить свое дело, издав "Буллу о лишении" [Прим. автора: 1585], объявляющую Генриха Наваррского неспособным, как еретика, унаследовать трон. Наварр сразу же осудил буллу как противоречащую французскому законодательству и недействительную, и его поддержали как парламент Парижа, так и некоторые способные памфлетисты. Хотман опубликовал свою атаку на "тщетную и слепую гневливость" понтифика.

[Примечание: Битва при Кутра, 20 октября 1587 г.]

Обращение к оружию было неизбежно. В битве при Кутра гугеноты во главе с Генрихом Наваррским одержали свою первую победу. Хотя это увеличило власть {224} Наварры и его популярность среди последователей, большинство людей сплотилось вокруг Лиги. В "войне трех Генрихов", как ее называли, королю больше следовало опасаться Генриха Гиза, чем гугенота. Запертый в Тюильри монарх находился в столь невыносимых условиях, что в конце концов был вынужден обрести свободу бегством 12 мая 1588 года. Выборы в Генеральные штаты дали Лиге огромное большинство голосов. В недобрый для себя час король снова прибегнул к столь часто используемому оружию - убийству. По его приказу был убит Гиз. "Теперь я король", - написал он со вздохом облегчения. Но он ошибся. Лига, более враждебная, чем когда-либо, поклявшаяся отомстить за смерть своего капитана, теперь была откровенно революционной.

Он продолжал осуществлять свою власть под руководством Комитета шестнадцати. Эти джентльмены провели чистку в все еще роялистском парламенте Парижа. Враждебность Лиги вынудила короля заключить союз с Генрихом Наваррским. Это интересно, поскольку показывает, насколько полностью поменялись позиции двух ведущих партий. Трон, некогда сильнейший союзник церкви, теперь поддерживался главным образом гугенотами, которые ранее были в восстании. Действительно, к этому времени "религиозные войны" стали в очень значительной степени династическими и социальными.

1 августа 1589 года король был убит доминиканским фанатиком.

Его смерти незадолго до этого предшествовала смерть Екатерины Медичи.

[Примечание на стороне: Генрих IV, 1589-1610]

Генрих IV был мужчиной тридцати пяти лет, среднего роста, но очень выносливым и храбрым. Он был одним из самых умных французских королей, энергичным как умом, так и телом. Мало кто мог устоять перед его деликатными комплиментами и обещаниями, которые он умел расточать. Очарование его личности сохранилось до сих пор. В популярной до сих пор песне его называют "доблестным королем, который знал, как сражаться, заниматься любовью и пить". Его также помнят за его пожелание, чтобы у каждого крестьянина была курица в горшочке. Его высшим желанием было увидеть Францию, истекающую кровью и разоренную гражданской войной, снова объединенной, сильной и счастливой. Он последовательно подчинял религию

политическим целям. Почти только ему одному принадлежит окончательное утверждение терпимости, на самом деле не как естественного права, а как политического средства.

Трудности, с которыми ему приходилось бороться, были огромны. Католики, возглавляемые герцогом Майеннским, братом Гиза, согласились признать его на шесть месяцев, чтобы у него была возможность примириться с церковью. Но Майенн, желавший быть избранным королем Генеральными штатами, вскоре начал военные действия. За стычкой при Арке между войсками Генриха и Майенна, закончившейся в пользу первого, последовала битва при Иври.

[Примечание: Битва при Иври, 14 марта 1590 г.] Генрих с двумя тысячами всадников и восьмью тысячами пехотинцев против восьми тысяч всадников и двенадцати тысяч пехотинцев Лиги обратился к своим солдатам с волнующей речью: "С нами Бог. Узрите его врагов и наших; узрите своего короля. Атакуйте! Если ваши знамена подведут вас, берите мое белое перо; вы найдете его на пути к победе и чести". Сначала военная удача была против гугенотов, но личное мужество короля, который с "ужасным белым плюмажем" на шлеме повел свою кавалерию в атаку, вырвало победу у врага.

[Примечание: Осада Парижа]

Из Иври Генрих двинулся к Парижу, штаб-квартире Лиги. С тринадцатью тысячами солдат он осадил этот город с населением 220 000 человек и пятидесятитысячным гарнизоном. Со своей обычной самоотверженной преданностью жители Парижа выстояли против ужасов голода. Духовенство возбудило фанатизм населения, обещая рай тем, кто умрет; женщины протестовали, заявляя, что они съедят {226} своих детей, прежде чем сдадутся. Имея провизии на один месяц, Париж продержался четыре. Ели собак, кошек, крыс и траву; кости животных и даже мертвых людей перемалывали и использовали в муку; шкуры животных съедали. Тринадцать тысяч человек умерли от голода и двадцать тысяч - от лихорадки, вызванной нехваткой продовольствия. Но даже это чудо фанатизма в конечном итоге не спасло бы столицу, если бы не своевременное вторжение во Францию с севера герцога Пармского, который присоединился к Майенну на Марне. Генрих снял осаду, чтобы противостоять новой угрозе, но кампания 1591 года оказалась безрезультатной для обеих сторон.

[Примечание: Анархия]

Казалось, что Франция находится в состоянии анархии под действием многих и разнообразных сил. Папа Григорий XIV пытался повлиять на католиков, чтобы они объединились против Генриха, но был встречен протестами парламентов во имя Галликанских свобод. "Политики" были готовы поддержать любое сильное *де-факто* правительство, но не смогли его найти. Города ненавидели дворян, а республиканцев возмущала "вежливая война", которую, как говорили, обе стороны вели против другой, щадя дворян друг друга и истребляя простых людей.

[Примечание: 1593]

В этот момент Лига созвала Генеральные штаты в Париже. Так много провинций отказались посылать депутатов, что из обычных 505 было только 128 членов. Серийная публикация нескольких авторов под названием "*Сатира Мениппеи*" высмеивала претенциозность национального собрания. Были предложены различные решения тупиковой ситуации. Филипп II Испанский предложил поддержать Майенна в качестве генерал-лейтенанта Франции, если Лига сделает его дочь, наследницу по линии ее матери, Елизаветы Валуа, королевой. Получив отказ, Филипп предложил молодому герцогу де Гизу жениться на его дочери {227} и стать

королем. Но это предложение также не получило большой поддержки. Враги Генриха IV признавали его законные права и ревниво относились к иностранному вмешательству; единственное, что мешало им признать его, была его ересь.

[Примечание: обращение Генри]

Генри, обнаружив, что, по-видимому, нет другого выхода из невыносимой ситуации, в конце концов решил, хотя и с большой неохотой, сменить религию. 25 июля 1593 года он отрекся от протестантской веры, преклонив колени перед архиепископом Буржа, и был принят в лоноримской церкви. То, что его обращение было полностью вызвано верой в то, что "Париж стоил мессы", конечно, очевидно. Более того, он откровенно признался, что по-прежнему сомневался в некоторых статьях, таких как чистилище, поклонение святым и власть папы римского. И следует помнить, что его мотивы не были чисто эгоистичными. Альтернативой, казалось, была бессрочная гражданская война со всеми ее ужасами, и Генрих сознательно, но с сожалением принес свои конфессиональные убеждения на алтарь своей страны.

Этот шаг не сразу увенчался успехом. Гугеноты, естественно, пришли в ярость. Католики сомневались в искренности короля. В Париже проповедники Лиги высмеивали обращение с кафедры. "Пес мой, - усмехнулся один из них, - разве ты не был на мессе в прошлое воскресенье? Иди сюда, и позволь нам предложить тебе корону". Но "политики" сплотились вокруг трона, и Лига быстро распалась. *Сатира "Мениппея"*, поддерживающая интересы Генриха, многое сделала для того, чтобы склонить общественное мнение в его пользу.

Еще большее впечатление произвела его коронация в Шартре в 1594 году. Когда последовала капитуляция Парижа, король въехал в свою столицу, чтобы принять почести Сорбонны и парижского парламента. Суеверные люди убедились в искренности Генри, когда он прикоснулся к нескольким золотушным людям, и, как говорили, они исцелились. {228} Исцеление "королевского зла" было одним из древнейших атрибутов королевской власти, и невозможно было представить, что оно достанется самозванцу.

Генрих проявил мудрейшую государственную мудрость в укреплении своей власти. Он скупал тех, кто все еще сопротивлялся ему, по их собственной цене, отмечая, что чего бы это ни стоило, это будет дешевле, чем сражаться с ними. Он проявил мудрое милосердие в обращении со своими врагами, сослав всего около 130 человек. Затем последовало отпущение грехов папой Климентом VIII, который, протолкнув всю возможную сделку, наконец даровал ее 17 сентября 1595 года.

Но даже сейчас не вся опасность миновала. Разгневанный тем, что Франция вырвалась из его когтей, Филипп Испанский объявил войну, и он все еще мог рассчитывать на поддержку Майенна и последних остатков Лиги. Дерзкий поступок Генриха при Фонтен-Франсез 5 июня 1595 года, где с тремя сотнями всадников он разгромил тысячу двести испанцев, настолько обескуражил его врагов, что Майен поспешил подчиниться, и в 1598 году с Испанией был подписан мир. Финансы королевства, естественно, пребывавшие в хаотичном состоянии, были приведены к порядку и платежеспособности дворянином-гугенотом, герцогом Сюлли, самым способным министром Генриха.

Правовой статус протестантов еще предстояло урегулировать. Отречение Генриха от престола не изменило его, и король был полон решимости любой ценой избежать новой гражданской войны. [Примечание: Нантский эдикт, 13 апреля 1598 г.] Поэтому он опубликовал Нантский

эдикт, объявленный бессрочным и безотзывным. Согласно ему, свобода совести была предоставлена всем, "не подвергаясь допросу, досаде или приставаниям" и не будучи "вынужденным делать что-либо, противоречащее их религии". Свобода вероисповедания была признана во всех местах, где она практиковалась в течение последних двух лет; т.е. в двух местах в каждом бейливики, за исключением крупных городов, где службы должны были проводиться вне стен, и {229} в домах знати. Протестантское богослужение было запрещено в Париже и на пять лье (двенадцать с половиной миль) за пределами городских стен. Протестанты обладали всеми другими законными правами католиков и имели право занимать любые должности. Чтобы обеспечить им эти права, был учрежден отдельный суд - подразделение Парижского парламента, получившее название Эдиктной палаты и состоявшее из десяти католических и шести протестантских судей. Но еще более веская гарантия была дана в их признании как отдельно организованного государства внутри государства. Король согласился оставить в их руках двести городов, некоторые из которых, как Монпелье, Монтбан и Ла-Рошель, были крепостями, в которых они держали гарнизоны и платили губернаторам. Поскольку они могли собрать 25 000 солдат в то время, когда национальная армия в мирное время насчитывала всего 10 000 человек, их позиция казалась абсолютно неприступной. Эдикт был настолько благоприятен для гугенотов, что вызвал ожесточенное сопротивление католического духовенства и парижского парламента. Только личная настойчивость короля в конце концов привела к успеху.

[Примечание: Причины провала французского протестантизма]

Протестантизм был сильнее во Франции в шестнадцатом веке, чем когда-либо впоследствии. За восемьдесят семь лет, пока действовал Нантский эдикт, он сильно утратил свои позиции, и когда этот эдикт был отменен любящим королем и преследования возобновились, гугеноты были не в состоянии сопротивляться. [Примечание: 1685] Из общего числа избирателей, составляющих максимум, возможно, пятую или шестую часть всего населения, протестанты сейчас опустились до менее чем двух процентов. (650 000 из 39 000 000). История подъема и упадка гугенотского движения - это печальный отчет о преследованиях и героизме. Насколько велико было число мучеников, никогда нельзя точно узнать. Помимо Варфоломеевского, было несколько менее масштабных массовых убийств, изношенных войной целого поколения и {230} непрекращающимся давлением закона, уносившего сотни жертв в год.

[Примечание: Враждебность правительства]

Можно выделить три основные причины, по которым Реформация не смогла сделать ничего большего, чем вести войну вничью во Франции. Первым и наименее важным из них была устойчивая враждебность правительства. Эта враждебность была обеспечена взаимовыгодным союзом между троном и церковью, заключенным в Болонском конкордате 1516 года. Но то, что оппозиция правительства, какой бы тяжелой она ни была, не была и не могла быть решающей силой в разгроме протестантизма, доказывается, на мой взгляд, тем фактом, что даже когда у гугенотов был король по их собственным убеждениям, они не смогли добиться власти. Если бы их вера заручилась поддержкой не только значительного меньшинства, но и фактического большинства народа, они, несомненно, смогли бы в это время обеспечить себе власть и превратить Францию в протестантское государство.

[Примечание: протестантизм пришел слишком поздно]

Второй причиной окончательного провала Реформации было запоздание, с которым она пришла во Францию. Она стала по-настоящему популярной только через несколько лет после 1536 года, когда труды Кальвина постепенно получили огласку. Это было на двадцать лет позже, чем Реформация насильственно пришла в Германию, и за эти двадцать лет она совершила свои величайшие завоевания к северу от Рейна. Что касается причин, так же как и людей, то верно, что в их делах есть прилив, который, будучи взят во время наводнения, ведет к удаче, но который, будучи упущен, приводит к поражению. У каждого поколения свои интересы; для каждой эпохи идеалы непосредственно предшествующей становятся устаревшими. Писания всех эпох представляют собой полемику с писаниями их отцов; у каждой догмы есть свое время, и после каждой волны энтузиазма [Примечание переводчика: энтузиазма?] наступает реакция. Таким образом, Реформация {231} упустила, хотя и едва не упустила, благоприятный момент для завоевания Франции. Во время правления Франциска об этом было сказано достаточно, чтобы люди устали от этого, но недостаточно, чтобы заставить их принять это. К тому времени, когда Кальвин стал широко известен, католики пробудились и взяли в руки многое из оружия своих противников - свежее изложение веры, новый энтузиазм, реформированные этические стандарты. Тридентский собор, иезуиты, другие новые ордена были лишь симптомами еще более широко распространенного католического возрождения, которое пришло во Францию как раз вовремя, чтобы лишить протестантов многих из их притязаний на народную благосклонность.

[Примечание: Победенный эпохой Возрождения]

Но, вероятно, самым тяжелым грузом на чаше весов против Реформации было Возрождение — гораздо более сильное во Франции, чем в Германии. Первое шло с севера, в то время как другое доносилось из Италии. Они встретились не как враждебные армии, а скорее — если использовать скромный коммерческий пример — как два конкурирующих торговца. Товары, которые они предлагали, не были одинаковыми, даже схожими, но привлекательность каждого из них была такой, что немногие умы могли быть беззаветными приверженцами того и другого. Новые знания и красоты итальянского искусства и литературы подорвали интерес как раз тех интеллигентных классов, чья поддержка была необходима для завершения триумфа Реформации. Какими бы ужасными ни были потери гугенотов от огня и меча, какими бы значительными ни были дезертирства из их рядов тех, кто нашел в реформированной католической церкви духовное прибежище, еще большими были потери протестантского дела из-за неспособности заручиться поддержкой таких умов, как Доле и Рабле, Ронсар и Монтень, и тысяч людей, находившихся под их влиянием. И изучение только этих людей покажет, как действовало итальянское влияние и как оно усиливалось в своем соперничестве с религиозными интересами. {232} В то время как Маро нашел что-то, что заинтересовало его в новых доктринах, Ронсар их люто ненавидел. Страстно преданный, как и он сам, и остальная Плеяда, чувственным красотам итальянской поэзии, он не обладал ни пониманием, ни терпением к догматическим тонкостям. В гугенотах он не видел ничего, кроме безумных фанатиков и опасных подстрекателей к восстанию. В своих *Рассуждениях о пороках того Времени* он возложил все беды Франции на плечи новаторов. И мощно его великие тексты отвлекли умы публики от созерцания божественного к наслаждению земной красотой.

Такое же усиление контраста между двумя духами прослеживается при сравнении Монтень с Рабле. Это правда, что Рабле высмеивал всякую позитивную религию, но, тем не менее, она очаровывала его. Его богословские познания замечательны. Но Монтень игнорировал религию, насколько это было возможно. [Примечание: отчужденность Монтень] С самой ранней юности питаемый великими писателями-классиками, он не интересовался ничем, кроме "царства человеческого". Он предпочел остаться в старой вере, потому что этот курс доставлял ему меньше всего хлопот. Он не испытывал симпатии к протестантам, но и не ненавидел их, как Ронсар. Во время религиозных войн он поддерживал дружеские отношения с лидерами обеих партий. И он не мог поверить, что вероучение было настоящей причиной гражданской войны. "Отберите у католической армии, - сказал он, - всех, кто движим чистым рвением к церкви или к королю и стране, и у вас не останется достаточно людей, чтобы сформировать одну роту". Странно, что за порочными страстями и своекорыстием поборников каждой партии он не мог разглядеть яростное пламя народного героизма и фанатизма; но то, что он и тысячи подобных ему людей не могли этого сделать и не могли проникнуть, даже воображением, в причины {233}, которые всего лишь полвека назад подожгли мир, во многом объясняет, почему религиозный вопрос утратил свою остроту и почему протестантизм потерпел крах во Франции.

[1] "Король, мой сын, никогда не добьется полного повиновения".

[2] "Чтобы никто не смог помешать нам в дружбе, в которой я желаю, чтобы эти два королевства оставались при моей жизни".

{234}

ГЛАВА V

НИДЕРЛАНДЫ

РАЗДЕЛ 1. ЛЮТЕРАНСКАЯ РЕФОРМА

[Примечание: Нидерланды]

Нидерланды всегда были излюбленной темой для размышлений тех философов, которые во многом определяют национальный характер из географических условий. Земля, которую нужно было отвоевывать у моря тяжелым трудом, страна, расположенная на двух великих торговых путях Европы, в устьях Рейна и Шельды, пограничье между немецкой и латинской культурой, естественным образом сформировала храбрых, упрямых, практичных и умных людей, которым суждено сыграть в истории роль, казалось бы, выходящую за рамки их возможностей.

Народ Нидерландов стал, по сути, государством еще до того, как стал нацией. Бургундские герцоги четырнадцатого и пятнадцатого веков добавляли к своим феодальным владениям графства, герцогства и епископства вокруг ядра своих первых владений, пока не создали компактное и могущественное королевство. [Примечание: Филипп Добрый, 1419-67] Филипп Добрый, герцог Бургундии и лорд, под различными титулами, большей части Нидерландов, заслужил титул *Conditor Belgii* своими успешными войнами с Францией и своей государственной политикой централизации. Чтобы способствовать единству, он создал Генеральные штаты— позаимствовав их название и функции у Франции, в которых на торжественных мероприятиях были представлены все семнадцать провинций [1] Нидерландов. Постоянно усиливая свою власть в различных местностях, оно оставалось в подчинении князя, который обладал единственным правом законодательной инициативы. Сначала он собирался

то в одном городе, то в другом, но после 1530 года всегда собирался в Брюсселе и всегда официально использовал французский язык.

[Примечание на стороне: Карл Смелый, 1467-77]

Карл Смелый завершил дело Филиппа, но в то же время поставил под угрозу его жизнь, поскольку он был втянут в смертельную борьбу с королем Франции Людовиком XI и, погибнув в битве, оставил свои владения своей дочери Марии. [Прим. автора: Максимилиан, 1477-93] Ее муж, император Максимилиан, и ее сын Филипп Красивый, [Прим. автора: Филипп Красивый, 1493-1506] добавили к ее владениям те обширные владения, которые сделали ее внука Карла величайшим властелином Европы. Родившийся в Генте, выросший в Нидерландах и говоривший только на валлонском французском, Карл всегда считался своими подданными таким, каков он есть. Он почти завершил объединение Бургундского государства, отвоевав Турне у Франции (1521) и аннексировав независимые провинции Фрисландия (1523), Овериссель и Утрехт (1528), Гронинген (1536) и Гельдерс (1543). Льеж по-прежнему оставался отдельным образованием под властью своих князей-епископов. Но даже при Карле, несмотря на общее чувство лояльности к дому Габсбургов, каждая провинция больше осознавала свою индивидуальность, чем народ в целом проявлял общий патриотизм. Некоторые провинции находились в составе империи, другие были вассалами Франции, несколько были независимыми. Голландский считался диалектом немецкого. Самый выдающийся нидерландец того времени Эразм, рассуждая о своей расе, даже не рассматривает возможность существования нации, состоящей из голландцев и фламандцев. Единственная альтернатива, которая представляется ему, - это француз или немец, и, родившись в Роттердаме, он принимает решение в пользу последнего.

{236}

[Примечание: Классы]

Бургундские князья находили свою главную поддержку во дворянстве, в многочисленном классе чиновников и в муниципальной аристократии. Знать, превратившаяся из феодальной касты в придворную клику, хотя и сохранила, как сателлиты монарха, большое богатство и власть, относительно уступила позиции растущим притязаниям городов и торгового класса. Духовенство тоже теряло свою былую независимость, подчиняясь правительству, которое регулировало их десятину и запрещало торговлю индульгенциями. В 1515 году Карл добился от Льва X, а затем в 1530 году от Климента VII права выдвижения кандидатур на вакантные бенефиции. Он смог сделать епископов своими орудиями и значительно ограничить свободу, юрисдикцию и финансовые привилегии духовенства, потому что духовное сословие потеряло расположение народа и не получало от него поддержки.

По мере того как два привилегированных класса передавали свою власть монарху, третье сословие вступало в свои права. Однако только после войны за независимость она смогла противостоять сочетанию бюрократии и плутократии, которые объединились с центральным правительством против местных прав городов и обычных привилегий гильдий. Почти везде принцу удавалось, при молчаливой поддержке более богатых бюргеров, заменять офицеров, избранных гильдией, своими собственными уполномоченными. [Примечание: Восстание в Генте] Но эта узурпация, наряду с целым рядом экономических проблем, в которых простолюдины были склонны, совершенно ошибочно, обвинять правительство, вызвала

всеобщее недовольство и в одном случае открытое восстание. Гильдии Гента, гордого и древнего города, страдающего от посягательств капитализма и упадка фламандской суконной промышленности, долгое время отстаивали среди своих прав право каждой гильдии отказываться платить один из налогов, любой по ее выбору, взимаемых правительством. [Примечание: 1539] Попытка {237} правительства подавить эту привилегию вызвала восстание, которое приняло характерно современную форму всеобщей забастовки. Регентша Нидерландов Мария поначалу уступила требованиям гильдии, поскольку у нее не было удобных средств принуждения. Карл в то время находился в Испании, но поспешил на север, получив разрешение на свободный проезд через Францию от короля, который чувствовал, что заинтересован в помощи своему брату-монарху в усмирении мятежных подданных. В начале 1540 года Карл вступил в Гент во главе достаточной армии. Вскоре он учинил кровавую расправу над "скандалистами", как называли забастовщиков, унизил городское правительство, лишил его всех местных привилегий, подавил все независимые корпорации, отстоял королевскую прерогативу назначать олдерменов и воздвиг крепость, чтобы внушать страх горожанам. Таким образом, единственная открытая попытка сопротивления власти Карла V, не считая одного или двух незначительных анабаптистских бунтов, была подавлена.

В вопросах внешней политики народ Нидерландов, естественно, желал руководствоваться своими собственными интересами, а не более широкими интересами других владений императора. Обладая огромным богатством — в средние десятилетия шестнадцатого века Антверпен был одновременно первым портом и первым денежным рынком Европы - и лелея чувство, что Карл был уроженцем их страны, они некоторое время тешили себя мыслью, что их интересы были центром, вокруг которого тяготели желания и нужды Империи и Испании. Действительно, равновесие этих двух великих государств и регентство Маргариты Австрийской, [Примечание: Маргарита Австрийская, регентша, 1522-31] Габсбург, решивший отдать Нидерландам должное, на какое-то время позволили им, по крайней мере, видимость исполнения их желаний. Но когда сестра Карла, Мария Венгерская, сменила Маргариту на посту регента, она была слишком всецело {238} зависима от своего брата, а он был слишком полон решимости руководствоваться более широкими интересами, чем интересы Бургундии, чтобы придавать Нидерландам более чем незначительное значение в более масштабных планах. Самое большее, что она могла сделать, - это объединить, централизовать и дополнить провинции, а также получить те коммерческие преимущества, которые могли обеспечить договоры. Таким образом, она выкупила Люксембург у маркграфа Баденского, которому Максимилиан заложил его. Таким образом, она также заключила новые торговые договоры с Англией и унифицировала чеканку монет. Но со всеми этими достижениями, явно выгодными для народа, которым она управляла, ее усилия по усилению власти короны и необходимость подчинения своей политики политике Германии и Испании, которую она испытывала, сделали ее крайне непопулярной.

Отношения Нидерландов с Империей были деликатным и важным вопросом. Хотя Империя была феодальным сюзереном большинства бургундских провинций, Карл гораздо острее переживал за свои права наследственного местного князя, чем за расширение своей империи, и поэтому пытался, особенно после того, как он оставил Австрию своему брату Фердинанду, [Примечание: 7 сентября 1522 г.] скорее ослабить, чем укрепить узы. Еще в 1512 году, когда имперский сейм потребовал взимания в Нидерландах "общего пенни", совет Карла помогал и подстрекал своих бургундских подданных отказываться платить его. В 1530 году Нидерланды, несмотря на настоятельные жалобы сейма, полностью освободились от имперской юрисдикции

в отправлении правосудия. Дело стало еще сложнее, когда Утрехт, Фрисландия, Гронинген и Гельдерс, ранее принадлежавшие Вестфальскому округу империи, были аннексированы Карлом как бургундским принцем. Вероятно, он не смог бы оправдать эти акты власти, если бы его победа при Мюльберге [Примечание 1547 г.] не освободила его от {239} ограничений имперской конституции. На следующем сейме в Аугсбурге было принято соглашение [Прим. автора: Конвенция от 26 июня 1548 г.], предусматривающее, что отныне Нидерланды должны образовывать отдельный округ, "бургундский круг" Империи, и что их принц, как таковой, должен быть представлен в сейме и в Имперском Верховном суде. Налоги были распределены таким образом, что в мирное время Нидерланды должны были вносить в имперскую казну столько же, сколько делали два выборщика, а во время войны - столько же, сколько три. Этот договор номинально присоединил к империи два новых графства, Фландрию и Артуа, и предоставил всем Нидерландам преимущество имперской защиты. Но, несмотря на оперативную ратификацию Генеральными Штатами, конвенция осталась практически мертвой буквой и оставила Нидерланды практически автономными. Пока им никто не мешал, Нидерланды полностью забыли о своем союзе, и когда позже, под давлением испанского владычества, они вспомнили об этом и попытались извлечь из этого выгоду, они обнаружили, что Империя не желает его возрождать.

[Примечание: Реформация]

Общие причины религиозной революции в Нидерландах были теми же, что и в других странах. Почва была подготовлена мистиками более ранних эпох, развращением духовенства и ненавистью к нему, а затем Возрождением. Центральное положение страны сделало ее особенно открытой для всех течений европейской мысли. Книгопечатание было рано введено в Германии и в эти годы развивалось так быстро [Примечание: 1525-55], что было построено не менее пятидесятиновых издательств. Как Антверпен был самым космополитичным из городов, так и Эразм был самым близким гражданином мира в ту эпоху. Великий гуманист, так много сделавший для подготовки Реформации, провел на своей родине как раз те первые годы ее появления, когда он больше всего благоволил к Лютеру.

{240} Группой, принявшей доктрины виттенбергского профессора, были августинцы, многие из которых были в тесных отношениях с саксонскими монастырями. Один из них, Джеймс Пробст, был настоятелем Виттенберга, где он хорошо узнал Лютера [Примечание: 1515], и когда он стал настоятелем монастыря в Антверпене, он начал зажигательную пропаганду в пользу реформы. [Примечание: 1518] Другой августинец, Генрих Зутфенский, сделал свой монастырь в Дордрехте центром лютеранского движения. Хоэн в Гааге, Хинне Роде в Утрехте, Джерард Листер в Зволле, Мельхиор Мирич в Генте вскоре вступили в переписку с Лютером и стали миссионерами его веры. Некоторые из его книг, которые распространялись среди ученых на латыни, были переведены на голландский язык еще в 1520 году.

Немецкая торговая колония в Антверпене была еще одним каналом проникновения лютеранского евангелия. [Примечание: 1520-1] Многие путешественники, среди которых был Альберт Дюрер, принесли с собой вести о восстании и посеяли его семена в почву Фландрии и Голландии. Достаточно странно, что колония португальских евреев, маррано, как их называли, стали если не новообращенными, то, по крайней мере, активными агентами в распространении лютеранских произведений.

[Примечание: Ответы католиков]

Сторонники папы римского немедленно начали энергичную контрпропаганду. Это было направлено как против Эразма, так и против Лютера и состояло в основном, по сообщениям первого, в самых яростных оскорблениях. Николай Эгмонтский, "человек с белой пеленой, но черным сердцем", бушевал с кафедры против новых еретиков. Другой мужчина перемежал проповедь о милосердии упреками в адрес тех, кого он называл "гусями, ослами, стадами и антихристами". [Прим. автора: 1533] Один доминиканец сказал, что хотел бы вцепиться зубами в горло Лютера, потому что он не побоялся бы пойти на вечерю Господню с этой кровью во рту. {241} Именно в Антверпене, немного позже, были впервые придуманы или, по крайней мере, впервые напечатаны столь знаменитые эпиграммы о том, что Эразм был отцом Лютера, что Эразм снес яйца, а Лютер высидел цыплят, и что Лютер, Цвингли, Эколампадий и Эразм были четырьмя солдатами, распявшими Христа.

Основная литературная оппозиция новым доктринам исходила от Лувенского университета. Работы Лютера были осуждены Кельном, и этот приговор был утвержден Лувеном. [Примечание: 30 августа 1519 г.] Ряд ведущих профессоров написали против него, [Примечание: 7 ноября] среди них бывший профессор Адриан Утрехтский, недавно возведенный в сан епископа Тортозы и кардинала, который вскоре станет папой.

Консерваторы, однако, мало что могли сделать, кроме как ругаться до прибытия Карла V в июне 1520 года и папского нунция Алеандра в сентябре. Последний немедленно встретился с Карлом в Антверпене и обнаружил, что тот уже полон решимости сопротивляться ереси. Действуя в соответствии с изданным в то время эдиктом, хотя и не опубликованным до 22 марта следующего года, Алеандр занимался тем, что ходил по разным городам и сжигал лютеранские труды, проповедуя против ереси. [Примечание: октябрь 1520 г.] Он столкнулся с гораздо большим сопротивлением, чем можно было бы предположить, и сожжение книг, как сказал Эразм, удалило их только из книжных магазинов, а не из сердец людей. По его словам, нунций даже обнаружил в это раннее время еретиков, отрицавших реальное присутствие в евхаристии: очевидно, независимых духов, таких как Хозн, которые предвосхитили доктрину, позже подхваченную Карлштадтом и Цвингли.

Действие Вормсского эдикта было подтверждено для бургундских провинций. Эдикт был публично зачитан в Антверпене [Примечание: 13 июля 1521 г.], в то время как четыреста книг Лютера были сожжены, триста конфискованы в магазинах и сто принесены народом. {242} Если сначала были наняты духовные лица, то теперь гражданские магистраты начали действовать против новаторов. Вначале внимание уделялось муниципальным привилегиям, но вскоре ими стали пренебрегать, а сопротивление под любым предлогом рассматривалось как мятеж и государственная измена. Первыми арестованными были приор Антверпена Пробст [Прим. автора: 1522], который отрекся, но позже сбежал и впал в рецидив, и двое других близких друзей Эразма.

[Примечание: Инквизиция]

Карл хотел ввести испанскую инквизицию, но все его советники были против этого. Однако под другим названием он был в точности воспроизведен, когда Фрэнсис ван дер Хульст был назначен государством главным инквизитором [Прим. автора: 23 апреля 1522 г.] и утвержден буллой Адриана VI. [Примечание: 1 июня 1523 г.] Первоначальные инквизиторские полномочия епископов сохранились, и в 1524 году был назначен верховный трибунал из трех судей.

[Примечание: Мученики, 1 июля 1523 г.]

Первые мученики, Генри Вос и Джон Эш из Брюсселя, по словам Эразма, своей смертью сделали многих лютеранами. Лютер написал гимн на эту тему и опубликовал открытое письмо к христианам Нидерландов. [Примечание: 1524] Цензура прессы была установлена в Голландии напрасно, поскольку все указывает на быстрое распространение лютеранства. Интерес населения к этой теме, казалось, был велик. Каждый намек на церковную коррупцию в речах или пьесах встречался аплодисментами. В Антверпене были арестованы тридцать восемь рабочих за то, что они собрались для чтения и обсуждения Евангелия. [Примечание: 1525] Произошли вспышки иконоборчества, в ходе которых были осквернены распятия. В том же году итальянец из Антверпена написал, что, хотя открыто лютеранствуют немногие, многие являются таковыми тайно, и что видные горожане заверили его, что, если восставшие крестьяне Германии приблизятся к Антверпену, двадцать тысяч вооруженных людей поднимутся в городе, чтобы помочь им. [Примечание: 31 июля] Когда в Шельде утонул лютеранин, {243} этот акт спровоцировал беспорядки. В 1527 году английский посол написал Вулси из Нидерландов, что два человека из трех "придерживались мнения Лютера" и что, пока в этом городе печатался английский Новый Завет, неоднократные попытки с его стороны побудить магистратов вмешаться ни к чему не привели. Протестантские работы также продолжали выходить из-под прессов. Вскоре Библия была переведена на голландский, и в течение восьми лет потребовалось четыре издания всей Библии и двадцать пять изданий Нового Завета, хотя полное Собрание Священных Писаний никогда раньше не печаталось на голландском.

[Прим. автора: 14 октября 1529 г.]

Встревоженное распространением ереси, приписываемой слишком большой мягкости, правительство издало указ, положивший начало царству террора. Смертная казнь была назначена не только всем еретикам, но и всем, кто, не будучи теологами, обсуждал символы веры или изображал Бога, Марию или святых карикатурно, а также всем, кто не смог осудить известных им еретиков. В то время как правительствона мгновение польстило себе мыслью, что ересь была искоренена, в лучшем случае ее загнали под землю. Одним из последствий преследований стала изоляция Нидерландов от Империи в культурном и, в некоторой степени, коммерческом плане.

Но ересь оказалась настоящей гидрой. Из одной головы вышло множество дочерей - анабаптисток, с которыми иметь дело труднее, чем с их матерью. Ибо, в то время как лютеранство, по сути, выступало за пассивное послушание и процветало только как государственная церковь, анабаптизм был откровенно революционным и часто социалистическим. Мельхиор Гофман, самый яркий из их первых лидеров, пылкий и необразованный фанатик, гонимый с места на место, скитался из Швеции и Дании в Италию и Испанию [Прим. автора: 1530-1533], проповедуя хилиастические и коммунистические идеи. Всего три года он часто бывал в Нидерландах, но именно там добился своих самых больших успехов. {244} Обращаясь, как всегда делали анабаптисты, к низшим классам, он обратил тысячи и десятки тысяч самых бедных — попрошайек, рабочих и моряков, — которые страстно приняли учение, обещавшее конец королей и правительств и наступление "правления праведников". Мария Венгерская была недалеко от истины, когда писала, что они планировали разграбить все церкви, дворян и богатых купцов, короче говоря, всех, у кого было имущество, и из награбленного раздать каждому человеку в соответствии с его потребностями. [Примечание:

7 октября 1531 г.] Новый и более суровый эдикт означал бы всеобщую резню, если бы он строго соблюдался, но в ситуацию вмешался еще один элемент. Городская буржуазия, которая ранее сопротивлялась правительству, теперь поддерживала его в одном конкретном случае - преследовании анабаптистов. Когда в Амстердаме [Прим. автора: 1534] сектанты восстали и почти овладели городом, мужчинам была назначена смерть в огне, женщинам - в воде. Из Антверпена они были изгнаны общим эдиктом, специально направленным против них, дополненным массовыми убийствами в северных провинциях. [Примечание: 24 июня 1535 г.] После кризиса в Мюнстере, хотя анабаптисты продолжали быть пугалом для правящих классов, их пропаганда утратила свой опасно революционный характер. Менно Симонс из Фрисландии, после своего обращения в 1536 году, стал лидером движения и преуспел в объединении пораженных людей в большое и безвредное сообщество. Однако анабаптисты принесли больше мучеников, чем любая другая секта.

Лютеранство также продолжало распространяться. Эдикт 1540 года признает это, но предусматривает новые и более суровые наказания против тех, кто даже заступался за еретиков. Дело в том, что инквизиция, направленная против лютеран, была крайне непопулярна, и ей оказывали сопротивление в различных провинциях на техническом основании местных привилегий. Протестантам удавалось оставаться незамеченными среди общего намерения потворствовать им, и хотя они обычно не уклонялись от мученичества, они не стремились к нему. Инквизиторы были вынуждены арестовывать своих жертв глубокой ночью, совершая набеги на их дома и вытаскивая их из постели, чтобы избежать народных волнений. [Примечание: 1543] Когда Энцинас печатал свою испанскую Библию в Антверпене, печатник сказал ему, что в этом городе Священные Писания были опубликованы почти на всех европейских языках, что, несомненно, является преувеличением, но значительным. Арестованный и заключенный в тюрьму в Брюсселе по этой причине, Энзинас, находясь под принуждением, получил свидания от четырехсот жителей этого города, которые были протестантами. Чтобы контролировать книжную торговлю, от каждого книготорговца была взята клятва [Примечание: 1546] не иметь дела с еретическими произведениями, и был издан первый "Указатель запрещенных книг", составленный Лувенским университетом. Также была предпринята попытка цензуры пьес. За этим последовал указ 1550 года, требующий от каждого въезжающего в Нидерланды лица свидетельства о католической вере. Поскольку Брабант и Антверпен отказались от закона, который разрушил бы их торговлю, он фактически остался мертвой буквой.

Репрессивная политика Чарльза в целом провалилась, отчасти из-за космополитической культуры Нидерландов и их коммерческого положения, делающего их открытыми для импорта идей как товаров со всей Европы. Отчасти это было связано с местной завистью и привилегиями отдельных провинций, а отчасти с силой некоторых дворян и городов. Преследование, действительно, носило явно классовый характер, поскольку император хорошо знал протестантскую знать, к которой он не приставал, в то время как бедняки редко не страдали. И все же Карл кое-чего добился. Даже протестанты были лояльны, как ни странно, лично ему. Число мучеников в его правление оценивается едва ли в тысячу, {246} но следует помнить, что на каждого преданного смерти приходилось несколько человек, наказанных другими способами. И основная масса людей все еще была католиками, даже на Севере. Примечательно, что самой популярной писательницей того периода, а также первой, кто использовал голландский язык с точностью и изяществом, была Анна Бийнс, монахиня-мирянка, яростно настроенная против лютеранства. [Примечание: Анна Бийнс, 1494-1575]

[1] Брабант, Лимбург, Люксембург, Гельдерс, Фландрия, Артуа, Эно, Голландия, Зеландия, Малин, Намюр, Лилль, Турне, Фрисландия, Утрехт, Овериссель и Гронинген.

РАЗДЕЛ 2. ВОССТАНИЕ КАЛЬВИНИСТОВ

Когда Карл V, устав от самого тяжелого скипетра, которым когда-либо владел какой-либо европейский монарх от Карла Великого до Наполеона, искал упокоения для своей души в монашеской келье, он оставил свои огромные владения разделенными между своим братом Фердинандом и сыном Филиппом. К первой отошли Австрия и Империя, ко второй - бургундские провинции и Испания с ее обширными зависимостями в Новом Свете.

[Примечание: Испания и Нидерланды]

Результатом этого стало превращение Нидерландов практически в сателлита Испании. До сих пор, отчасти потому, что их интересы в значительной степени совпадали с интересами Империи, отчасти потому, что, уравнивая Германию с Испанией, они могли добиться своих собственных прав, они достигли процветания и приобрели значительную часть национального могущества. Действительно, с их богатством, центральным положением и растущей силой по мере присоединения провинции за провинцией, а также с их сознанием того, что их правитель был уроженцем Фландрии, их гордость была скорее удовлетворена, чем задета осознанием того, что он владел гораздо большими владениями. [Прим. автора: Отречение Карла] Но когда Карл, обильно плача и требуя прощения у своих подданных, сошел с трона, поддерживаемый молодым принцем Оранским, [Прим. автора: 25 октября 1555 г.] и когда его сын Филипп II ответил своему отцу по-испански, даже у присутствующих возникло неприятное ощущение, что ситуация изменилась к худшему и что Нидерланды переходят от бургундца к испанскому правителю. С {247} этого времени интересы и настроения двух стран все более и более резко расходились, и, поскольку меньшее было принесено в жертву большему, конфликт стал неизбежным. Восстание, последовавшее в течение десяти лет после того, как Филипп навсегда покинул Нидерланды, чтобы обосноваться в Испании [Примечание: 1559], было прежде всего националистическим восстанием. В отличие от партикуляристского восстания 1477 года, оно продемонстрировало огромный рост за прошедшее столетие национального самосознания в Семнадцати провинциях.

[Примечание: Религиозный вопрос]

Но хотя катастрофа была, по-видимому, неизбежна по политическим причинам, она была сильно осложнена и усилена религиозным вопросом. Филипп был полон решимости, как он сам сказал, либо вернуть Нидерланды в лоно Рима, либо "так опустошить их землю, чтобы ни местные жители не могли там жить, ни кто-либо после этого не захотел бы этого места для жилья". И все же средства, которые он использовал, были даже для достижения его цели наихудшими из возможных: постоянное колебание между робкой снисходительностью и дикой жестокостью. Хотя он настаивал на том, чтобы его министры не предпринимали ни малейшего шага без его санкции, он никогда не мог решить, что делать, слишком долго ждал принятия решения, а затем с фатальной глупостью принял неправильное.

[Примечание: кальвинизм]

В то же время люди попадали под влияние новой и для правительства более опасной формы протестантизма. В то время как лютеране выступали за пассивное повиновение, а анабаптисты -

за революционный коммунизм, кальвинисты апеллировали к независимым средним классам и давали им не только энтузиазм претерпеть мученическую смерть, но и то, чего не хватало другим, — волю и силу сопротивляться тирании силой. Политика Кальвина, разработанная в Женеве, заключалась в подчинении государства церкви. Его реформы были тщательными и осознанными социальными и политическими. Кальвинизм во всех странах пробудил {248} республиканские страсти и вызвал восстание против власть имущих. Эта особенность была более заметна в Нидерландах [Примечание: 1545] в том смысле, что их первыми миссионерами были французские изгнанники, которые орошали восприимчивую почву Нидерландов доктринами, подрывающими как церковь, так и государство. Сношения с Англией, частично через эмиграцию из этой страны во времена правления Марии, частично через приход и уход фламандцев и валлонов, также открыли двери для протестантской доктрины.

Сначала миссионеры приходили тайно, проповедуя нескольким специально приглашенным в каком-нибудь частном доме или гостинице. Люди посещали эти собрания переодетыми и после наступления темноты. Впервые упомянутый в эдикте 1550 года, девять лет спустя кальвинисты составили *Confessio Belgica*, как знак и помощь объединению. Французские труды Кальвина можно было прочитать в южных провинциях в оригинале. Хотя уже в 1560 году некоторые дворяне были обращены в христианство, новая религия, несомненно, больше всего привлекала, как выразился современник, "тех, кто разбогател на торговле и поэтому был готов к революции". Именно среди торговцев крупных городов она пустила самые сильные корни, а из среднего класса распространилась на рабочих; на это повлиял не только пример их хозяев, но иногда и политика протестантских работодателей давать работу только единоверцам. За короткое время она завоевала очень значительный успех, хотя, возможно, и не у действительного большинства населения. Многие бедняки, до сих пор бывшие анабаптистами, стекались к нему в надежде на социальное улучшение. Многие авантюристы, у которых не было никаких мотивов, кроме как взбаламутить воду, в которой они могли бы ловить рыбу, присоединились к новой партии. Но в целом, поскольку его привлекательность была в первую очередь моральной и религиозной, его избирателями были более значительная, прогрессивная и интеллигентная часть общества.

Величайшей слабостью протестантов было их {249} разделение. Лютеране, кальвинисты и анабаптисты продолжали бороться за лидерство и искренне ненавидели друг друга. Сами кальвинисты были разделены на две партии: "Rekkelijken", или "Соглашатели", и "Preciesen", или "Стойкие". Более того, существовали различные другие оттенки мнений, не вполне характерные для новых церквей. Чистые эразмианцы при Кассандре выступали за терпимость. Более заметным было движение Дирка Волкертсона Курнхеерта [Примечание: Курнхеерт, 1522-90], амстердамского купца, который, помимо того, что советовал своим последователям скрывать свои взгляды, а не добиваться мученической смерти, отвергал кальвинистскую догму о предопределении и пытался сделать акцент в религии на духе Иисуса, а не на догме или ритуале.

Хотя подводное течение медленно, но верно уносило Нидерланды прочь от Испании, на данный момент их новому монарху, которому тогда было двадцать восемь лет, казалось, что все ветры и волны политики были в его пользу. Он был в мире с Францией; ему нечего было бояться Германии; его брак с Марией Английской сделал эту страну, которая всегда была лучшим торговцем с Нидерландами, союзником. Его первыми шагами были освобождение Марии

Венгерской от регентства и передача его Эммануилу Филиберту, издание нового эдикта против ереси и разрешение иезуитам въезжать в Нидерланды. [Примечание: 1556]

Главные трудности были финансовыми. Доходность налогов в правление Карла увеличилась с 1 500 000 гульденов[1] до 7 000 000 гульденов. В дополнение к этому, огромные займы исчерпали кредит правительства. Королевские владения были заложены. Поскольку плавающий долг провинций быстро рос, правительство нуждалось в субсидии для содержания армии. Единственным способом исправить ситуацию был созыв Генеральных штатов. [Примечание: март 1556 г.] Когда они встретились, то пожаловались, что с них взимаются более высокие налоги, чем с Испании, и потребовали вывода испанских войск, сил, уже настолько непопулярных, что Вильгельм Оранский отказался принять ими командование. Излагая свои несколько жалоб, только одна провинция, Голландия, упомянула религиозный вопрос и потребовала ограничить полномочия инквизиторов. Чтобы получить средства, Филипп был вынужден пообещать, против своей воли, вывести солдат. Это было сделано только под давлением 10 января 1561 года.

[Примечание: 1559]

Филипп покинул Нидерланды, заявляя о своем намерении вернуться, но в глубине души надеясь и решив никогда этого не делать. Его отъезд облегчил неизбежный разрыв, но борьба уже началась. Желая оставить регентом особу королевской крови, Филипп назначил Маргариту Пармскую, внебрачную дочь Карла V. Родившаяся в 1522 году, она в четырнадцать лет вышла замуж за Александра Медичи, племянника Климента VII; овдовев в следующем году, она в 1538 году вышла замуж за Оттавио Фарнезе, племянника Павла III, которому в то время было всего четырнадцать лет. Получив в приданое города Парму и Пьяченцу, она стала настоящей итальянкой по чувствам.

[Примечание: Энтони Перрено, кардинал Гранвель, 1517-1586]

Для руководства ею Филипп оставил, помимо Государственного совета, специальную "консульту" или "кухонный кабинет" из трех членов, главой которого был Гранвель. Настоящей родиной этого уроженца Свободного графства Бургундия был двор. Будучи страстным слугой короны и умным и знающим дипломатом, он находился в постоянной переписке с Филиппом, рекомендуя меры через голову Маргариты. Его поступки сделали ее крайне непопулярной, а ее попытки задобрить общественное мнение только вызвали подозрения.

{251}

[Примечание на стороне: Эгмонт, 1522-68]

Три члена Государственного совета, Гранвель и двое других, были сторонниками короны; можно сказать, что еще три члена представляли народ. Одним из них был Ламорал, граф Эгмонтский, самый блестящий и популярный представитель высшей знати. Хотя он был фаворитом Карла V из-за своих доказанных способностей солдата, своей откровенности и великодушия, он не был ни трезвым, ни весомым государственным деятелем. Популярная пословица "Эгмонт за действия, а апельсин за советы" хорошо характеризует разницу между двумя ведущими членами Государственного совета. Вильгельм, принц Оранский, лишенный блестящих качеств Эгмонта, намного превосходил его проницательностью и силой характера. От своего отца, Вильгельма, графа Нассау-Дилленбургского, [Примечание: Вильгельм Молчаливый, 1533-84] он

унаследовал важные поместья в Германии недалеко от Нидерландов, а после смерти двоюродного брата в возрасте одиннадцати лет стал принцем Оранским — небольшой независимой территорией на юге Франции — и лордом Бреды и Гертруйденберга в Голландии. С доходом в 150 000 гульденов в год он был, безусловно, самым богатым человеком в Нидерландах, следующим шел Эгмонт с доходом в 62 000. Уильям был хорошо образован. Хотя он говорил на семи языках и был красноречивым оратором, его называли "Молчаливым" из-за редкой осмотрительности, который никогда не раскрывал секретов и не произносил неосторожных слов. К религии он был равнодушен, будучи сначала католиком, потом лютеранином, потом кальвинистом и всегда светским человеком. Его широкая терпимость находила свою лучшую или единственную поддержку в эразмианских тенденциях Курнхерта. Его вторая жена, Анна Саксонская, оказалась ему неверной, и он женился, пока она была еще жива, на Шарлотте Бурбонской. Этот акт, как и двоеженство Филиппа Гессенского, был одобрен протестантскими богословами. Стоявшие за ними Эгмонт и Оранж пользовались сердечной поддержкой патриотически настроенной местной знати. {252} Подрастающее поколение аристократии видело только плохую сторону правления Карла; они не разделяли его прежних побед, но были свидетелями его неудачи в завоевании Франции или протестантизма.

[Примечание: Новые епископства]

Чтобы более эффективно справляться с религиозной ситуацией, Гранвель хотел привести церковно-территориальные разделения в соответствие с политическими. До сих пор Нидерланды частично находились под властью архиепископа Кельнского, частично - архиепископа Реймского. Но поскольку оба они были иностранцами, Гранвель подал заявку и добился принятия буллы, учреждающей четырнадцать новых епископств и три архиепископства, [Примечание: 12 марта 1559 г.] Камбре, Утрехт и Малин, из которых последнее имело главенство. Его целью, несомненно, в значительной степени было содействие искоренению ереси, но это было также важно как еще один пример национализации церкви, тенденции настолько сильной, что ни католические, ни протестантские страны не избежали ее. В этом случае все назначения должны были производиться королем с согласия папы римского. Народ возмущали автократические черты плана, который в противном случае он мог бы одобрить; по всем провинциям был поднят крик о том, что их свобода ущемляется и что этот план дает новое орудие ненавистной инквизиции.

[Прим. автора: февраль 1561 г.]

Гранвеля, которого возненавидели больше, чем когда-либо, когда он получил кардинальскую шапку, окрестили "красным дьяволом", "архистратигом", "красным драконом", "испанской свиньей", "папским навозом". В июле Эгмонт и Оранж направили Филиппу заявления об уходе из Государственного совета, заявив, что они больше не могут разделять ответственность за политику Гранвеля, тем более что все делалось за их спинами. Филипп, однако, не спешил тревожиться. На данный момент его внимание было занято ростом гугенотской партии во Франции, и его усилия были сосредоточены на помощи французским католикам в борьбе с ними. Но Нидерланды были {253} настойчивы. Выражая пожелания народа, провинция Брабант со столицей Брюссель, митрополией Малин и университетом Лувен взяли на себя такую же решительную инициативу, как Парижский парламент во Франции. Поместья Брабанта потребовали, чтобы Оранж был назначен их губернатором. Дворяне начали вспоминать, что по закону они были частью империи. Брак Оранского 26 августа 1561 года с лютеранкой Анной

Саксонской был лишь одним из признаков *сближения*. Хотя принц продолжал исповедовать католицизм, он принимал у себя многих лютеран и, насколько это было возможно, подчеркивал свое положение вассала империи. Филипп действительно считал, что вся беда произошла из-за уязвленного тщеславия горстки дворян.

Но Гранвель видел глубже. [Примечание: 1561] Когда Поместья Брабанта прекратили выплату основного налога, или "Беды", [2] и когда жители Брюсселя приняли в качестве праздничной формы костюм, заимствованный из карнавала, черный плащ, покрытый красными головами дураков, кардинал, чья красная шляпа была карикатурно изображена таким образом, заявил, что целью была не что иное, как республика. Это было правдой, хотя, по крайней мере, в ожидании знати, республика должна была иметь явно аристократический характер. Но Гранвель не мог предложить никакой политики, кроме репрессий. Чтобы помешать осужденным еретикам проповедовать и петь на эшафоте, им затыкали рты кляпами. Какая бесполезная мера! Кальвинисты уже не переодетые, а вооруженные — новый и значительный факт — толпились на своих собраниях. Эмиграция продолжалась в больших масштабах. К 1556 году было подсчитано, что тридцать тысяч протестантов из Нидерландов обосновались в Лондоне или его окрестностях. Елизавета поощряла их переезд, назначив им местом убежища Норвич. {254} [Примечание: 1563] Она также начала облагать налогом импорт из Нидерландов, на что Филипп ответил запретом на весь английский импорт.

[Примечание: Восстание]

До сих пор сопротивление правительству было в основном пассивным и конституционным. Но 1565 годом можно датировать начало восстания, которое не прекращалось до тех пор, пока не освободило северные провинции навсегда от испанской тирании. Возвышение Голландской республики — одна из самых вдохновляющих страниц в истории. Внешне это имеет много общего с американской войной за независимость. В обоих случаях присутствовал отсутствующий король, национальный герой, местная зависть нескольких провинций, экономические проблемы, растущее национальное самосознание и даже религиозный вопрос, хотя в Америке этого стало очень мало. Но разница заключалась в жестокости тирании и интенсивности борьбы. Эти две картины похожи на один и тот же пейзаж, каким его могли бы нарисовать Миллет и Тернер: одна приличная и знакомая, другая зловещая и жутковатая. С истинно англосаксонской сдержанностью американская война велась как игра или выборы, с гуманностью и вниманием к правилам; но в Голландии и Бельгии разыгралось самое ужасное в мире; по всей стране, смешиваясь с запахом свечей, которые несли процессии, и благовоний, сжигаемых в честь резни, витали душистые миазмы человеческой крови и слез. С одной стороны сверкал свирепый меч Альвы и безжалостное пламя инквизитора Таппера; с другой стороны, за своими дамбами и стенами, выстроились люди, решившие завоевать ту свободу, которая одна может придать жизни размах и благородство.

[Примечание: Интеллектуалы]

И в рукопашной схватке больше всего пострадали те, кто упал бы в обморок, будь они сторонними наблюдателями, гуманисты. Преследуемые обеими сторонами, интеллектуалы, которые когда-то отказались от Реформы, теперь снова обратились к ней как к меньшему из двух зол. Они были бы рады заключить соглашение с любой церковью, которая оставила бы их на свободе, но они обнаружили, что плети Кальвина легче скорпионов Филиппа. Даже те, кто, подобно Ван Гельмонту, хотел защитить церковь и согласовать тридентские декреты с

философией, обнаружили, что их труды навлекли на них подозрение и что церковь требовала не гармонии мышления, а отречения от нее.

Можно сказать, что первым актом восстания было секретное соглашение, известное как Компромисс, [Прим. автора: Компромисс, 1565], первоначально заключенное двадцатью дворянами в Брюсселе, к которому вскоре присоединились триста других дворян в других местах. Подписанный ими документ осуждал эдикты как превосходящие величайшее зарегистрированное варварство тиранов и угрожающие полному разрушению страны. Чтобы противостоять им, подписавшие обещали друг другу взаимную поддержку. В этом, как и в последующих событиях, кальвинистское меньшинство взяло на себя инициативу, но его поддерживали сильные католические силы. Среди последних был принц Оранский, который еще не был протестантом. Его обращение действительно мало что изменило в его программе; и до, и после него он хотел терпимости или примирения в соответствии с планом компромисса Кассандра. Ему бы очень хотелось, чтобы Аугсбургский мир, который теперь является публичным правом Империи, распространился на Нидерланды, но это было трудно даже отстаивать, потому что Аугсбургский мир предоставлял свободу только лютеранскому исповеданию, тогда как большинство протестантов в Нидерландах теперь были кальвинистами. По той же причине мало кто мог ожидать помощи от немецких князей, поскольку взаимная вражда, которая была проклятием протестантских церквей, мешала им вести общее дело против одного и того же врага.

Поскольку гугенотов — ибо так их стали называть в Брабанте, а также во Франции, — было еще слишком мало {256}, чтобы взбунтоваться, единственным выходом было еще раз обратиться к правительству. Петиция с просьбой смягчить эдикты была представлена Маргарет в 1566 году. Один из ее советников посоветовал ей не бояться "этих нищих". Возникший из презрения к врагам, как и многие названия партий, эпитет "Нищие" (Gueux) в настоящее время стал гордым обозначением дворян, подписавших Компромисс, а позже и всех повстанцев.

Воодушевленные очевидным отсутствием у регента власти принудить их, кальвинистские проповедники с каждым днем становились все смелее. В очередной раз их религия продемонстрировала свою замечательную организаторскую силу. Не испытывая недостатка в средствах, полученных от группы богатых торговцев, проповедники Реформации вскоре смогли создать механизм пропаганды и партийных действий, который сослужил им хорошую службу в борьбе с большим числом их врагов. Особенно в критические времена дисциплина, единство и энтузиазм побеждают смертельную ненависть врагов и еще более смертоносную апатию и робость масс человечества. Это правда, что методы проповедников часто вызывали противодействие.

[Примечание: иконоборчество]

Рвение кальвинистов, разжигаемое притеснениями и поощряемое слабостью правительства, вылилось в иконоборческий бунт [Прим. автора: 11 августа 1566 г.] сначала среди безработных в Армантьере, но быстро распространилось на Антверпен, Брюссель, Гент, а затем на северные провинции, Голландию и Зеландию. Английский агент в Брюсселе писал: "Войдя в нашу церковь Пресвятой Богородицы, я выглядел как в аду, где горело более 1000 факелов, и слышался шум, когда яф хевен и эрт ушли вместе с множеством изображений и падением дорогих работ". Книги и рукописи, а также картины были уничтожены. Крик "Да здравствуют нищие" разнесся от одного конца страны до другого. {257} Но при этом не было ни грабежа, ни

разбоя. Золото в церквях осталось нетронутым. Маргарет опасалась *жакери*, но, испытывая нехватку войск, вынуждена была наблюдать, сложив руки, по крайней мере, на данный момент. Случайно как раз в это время пришел ответ Филиппа на предыдущее прошение нищих. Король пообещал упразднить испанскую инквизицию и смягчить эдикты. Свобода совести была негласно предоставлена, но правительство, как только осмелилось, сделало исключение для тех, кто совершил святотатство во время недавних беспорядков. Эти люди были объявлены вне закона.

[Примечание: Гражданская война]

Больше не опасаясь религиозной войны, кальвинисты начали ее сами. Людовик Нассауский, брат принца Уильяма, нанял немецких наемников и вторгся во Фландрию, где добился некоторых незначительных успехов. В Амстердаме великий нищий Бредероде вступил в переговоры с гугенотами и английскими друзьями. Первое сражение между нищими и правительственными войсками, [Примечание: 13 марта 1567 г.] близ Антверпена, закончилось разгромом первых.

Теперь Филипп приказал десяти тысячам испанских ветеранов во главе с Альвой выступить маршем из Италии в Нидерланды. Пробираясь через Свободные графства Бургундия и Лотарингия, они вошли в Брюссель 9 августа 1567 года. [Примечание: Альва 1508-83] Фердинанд Альварес де Толедо, герцог Альва, приобрел опыт и репутацию солдата в немецких войнах. Несмотря на сдержанность и учтивые манеры, его страстный патриотизм и фанатизм сделали его подходящим инструментом для выполнения приказов Филиппа сделать Нидерланды испанскими и католическими. Он начал с твердой руки, построив форты в Антверпене и расквартировав свои войска в Брюсселе, где их иностранные манеры и римское благочестие оскорбляли горожан. 9 сентября он арестовал графов Эгмонта и Горна, а также Оранских, главных лидеров патриотической партии. Учредив трибунал, названный Советом {258} Смуты, для рассмотрения дел о мятеже и ереси, он положил начало царству террора. Сам он проводил в этом суде по семь часов в день, рассматривая дела и подписывая смертные приговоры. Наказанию подвергались не только еретики, но и агитаторы и те, кто выступал за терпимость. Искренние католики, действительно, отмечали, что преступление в виде ереси, как правило, было простым предлогом для расправы с патриотами и всеми теми, кто неугоден правительству. [Примечание: Казни] Впервые у нас есть определенная статистика исполненных чисел. Например, 4 января 1568 года 48 человек были приговорены к смертной казни, 20 февраля - 37; 21 февраля - 71; 20 марта - 55; и так далее день за днем, неделя за неделей. 3 марта в один и тот же час по всей стране было казнено 1500 человек. Общее число казненных за шесть лет правления Алвы по разным оценкам составляло от 6000 до 18 000 человек. Меньшее число, вероятно, ближе к истине, хотя и недостаточно велико. Эмиграция в доселе неизвестных масштабах в течение следующих тридцати или сорока лет унесла 400 000 человек из Нидерландов. Тысячи других бежали в леса и стали флибустьерами. Люди в целом были повержены ниц от ужаса. Процветание страны было подорвано массовыми конфискациями товаров. Альва хвастался, что таким образом он увеличил доходы своих территорий на 500 000 дукатов в год.

Вильгельм Оранский удалился в свои поместья в Дилленбурге не для того, чтобы уступить тирану, а для того, чтобы найти *опорный пункт*, откуда можно было бы сражаться. Желая избежать всего, что могло бы вызвать раскол среди народа, он отодвинул религиозный вопрос

на задний план и жаловался только на иностранную тиранию. Он пытался заручиться симпатиями императора Максимилиана II и собрать деньги и людей. Друг Вильерса Вильерс вторгся в Бургундское государство близ Маастрихта, а Людовик Нассауский двинулся с войсками во Фрисландию. {259} [Примечание: апрель 1568 г.] К этому времени Альва увеличил свою армию на 10 000 немецких кавалеристов, и оба лидера повстанцев потерпели сокрушительное поражение.

За этим триумфом последовал акт силы и неповиновения со стороны Альвы, который иногда сравнивают с казнью Людовика XVI французскими республиканцами. До сих пор пострадавшие от его кровавого правления ни в коем случае не были людьми самого высокого ранга. Первая казнь nobles состоялась в Брюсселе 1 июня, казнь захваченного Вилье последовала 2 июня, а казнь Эгмонта и Хорна - 5 июня.

Теперь сам Оранский выступил на поле боя с 25 000 солдат - разношерстной группой французских, фламандских и валлонских гугенотов и немецких наемников. Но у него не было военного гения, чтобы противопоставить его ветеранам Альвы. Постоянно преследуемый испанцами, он держался в страхе за свои коммуникации, не осмеливался рисковать общим сражением и был унижен, увидев, как его отступление в ноябре превратилось в разгром.

[Прим. автора: 16 июля 1570 г.]

Обнаружив, что суровость не успокоила провинции, Алва издал прокламацию, которая на первый взгляд представляла собой всеобщую амнистию с помилованием всех, кто подчинился. Но он поименно исключил несколько сотен эмигрантов, все протестантское духовенство, всех, кто им помогал, всех иконоборцев, всех, кто подписал петиции о свободе вероисповедания, и всех, кто восстал. Поскольку эти исключения включали большую часть тех, кто нуждался в помиловании, эта мера оказалась иллюзорной как средство примирения. Наряду с этим были приняты другие меры, включая запрет испытываемым посещать иностранные университеты, призванные положить конец свободной торговле идеями.

[Примечание: Налогообложение]

Трудности Алвы и невзгоды несчастной страны, вверенной его нежной милости, усугублялись нехваткой денег. Несмотря на привилегию {260} устанавливать свои собственные налоги, были созваны Генеральные штаты [Прим. автора: 21 марта 1569 г.] и вынуждены принять новые налоги в размере одного процента. на все недвижимое и движимое имущество - десять процентов. на продажу всего движимого имущества и пять процентов. на продажу недвижимости. Это были испанские налоги, в любом случае непомерные, но абсолютно разорительные для коммерсантов. Последовала ужасная финансовая паника. Дома в Антверпене, которые раньше сдавались за 300 гульденов, теперь можно было купить за 50 гульденов. Импорт сократился до такой степени, что в этом порту он приносил всего 14 000 гульденов в год вместо 80 000, как раньше. Гавань была заполнена пустыми лодками; рынок ломился от всевозможных товаров, которые никто не хотел покупать.

[Примечание: Морские попрошайки]

Дело патриотов выглядело безнадежным. "Оранжевые", дискредитированные поражением, уехали в Германию. Однажды, чтобы избежать требований своих солдат о жалованье, он был вынужден бежать ночью из Страсбурга. Но в этот темный час помощь пришла с моря. Людовик

Нассауский, не в первую очередь государственный деятель, как его брат, а страстный крестоносец протестантизма, был в Ла-Рошели и там видел превосходную работу каперов. Подражая своим французским собратьям, он выдал каперские удостоверения морякам Голландии и Зеландии. К кораблям толпились новобранцы - гугеноты, люди из Льежа и рабочие из валлонских провинций, оставшиеся без работы из-за торгового кризиса. Эти люди быстро добились поразительных успехов в наживе на испанской торговле. Их многочисленные и богатые трофеи были доставлены в Англию или в Эмден и проданы. Часто они высаживались на побережье и нападали на небольшие католические силы или убивали священников. В ночь с 31 марта на 1 апреля 1572 года эти Морские попрошайки захватили маленький городок Бриэль на большом острове в устье Мааса недалеко от Гааги. За этим успехом немедленно последовали восстания в Роттердаме и Флашинге. Война велась с сочетанием {261} героизма и ужаса. Не получая пощады, Нищие ничего не давали, и, чтобы отомстить за невыразимые злодеяния, совершенные Альвой, они сами порой убивали невинных. Но их успех распространялся подобно лесному пожару. Прибрежные города "рассыпались, как бусины из розария, когда один из них уходит". Во всех них были укреплены укрепления и, при необходимости, были открыты дамбы. Подкрепление также прибыло из Англии.

[Примечание: Революция]

К этому времени восстание превратилось в настоящую революцию. Свой боевой гимн оно нашло в "Вильгельме Муслиде", а свой вашингтонский - в "Вильгельме Оранском". Поскольку все города Голландии, кроме Амстердама, были в его руках, в июне собрание провинциальных сословий — хотя и нелегальное, поскольку никто не был уполномочен их созывать — взяло на себя суверенную власть и сделало Вильгельма своим государственным деятелем. Они проголосовали за высокие налоги и вынудили богатых граждан взять займы, а также собрали деньги от продажи трофеев, взятых в море. Весь недостаток директивной и юридической власти восполнялся популярностью принца, глубоко любимого всеми классами, не только из-за его приветливости ко всем, даже к самым скромным, но еще больше из-за уверенности в его способностях. Никогда еще его разносторонность, терпение и умение управлять не блистали так ярко. В войсках, созданных патриотами, он поддерживал строгую дисциплину, что, по контрасту, делало более зловещим дикий грабеж испанцев. Он держался подальше от фанатиков и головорезов, которых было немало, привлеченных к восстанию. Его главной идеей было сохранить Нидерланды едиными и освободить их от иностранцев. Сначала полная независимость Испании не планировалась, но вскоре это стало неизбежным.

На мгновение появилась надежда на помощь со стороны политики Колиньи по развязыванию войны с Испанией, но эти надежды были разрушены поражением французских гугенотов под Монсом [Прим. автора: 17 июля 1572 г.] и резней святого {262} Варфоломея. [Примечание: 24 августа 1572 г.] Избавленный от угрозы в этом квартале и воодушевленный своей блестящей победой, Алва повернул на север с армией, численность которой теперь увеличилась до 40 000 ветеранов. Сначала он захватил Малину и передал ее своим солдатам для "самого ужасного и бесчеловечного разграбления за день", как написал современник. Затем армия двинулась маршем к Гелдерсу и взяла штурмом Зутфен, выполняя прямой приказ своего генерала "не оставить ни одного человека в живых или одно здание несгоревшим". "С Божьей помощью", как благочестиво сообщил Алва, такое же наказание было применено к Наардену. Затем он направился во все еще роялистский Амстердам, откуда приступил к захвату Харлема. Осада была долгой и тяжелой для испанцев, измученных зимней погодой и эпидемиями. Алва написал

Филиппу, что это была "самая кровопролитная война, известная за долгие годы", и умолял прислать подкрепление. [Примечание: 12 июля 1573 г.] Наконец, храбрых защитников города одолел голод, и он капитулировал. Обнаружив, что его жестокость только подтолкнула людей к самому отчаянному сопротивлению, и желая подать пример милосердия к городу, который скорее сдастся, чем будет ждать штурма, Альва удовлетворился тем, что предал смерти до последнего человека 2300 французских, английских и валлонских солдат гарнизона и пять или шесть горожан. Он также потребовал выкуп в размере 100 000 долларов [3] вместо грабежа. Не удовлетворившись этой скудной щедростью, испанские войска подняли мятеж, и только обещание разграбить еще несколько городов успокоило их. Состояние патриотов немного улучшилось после разгрома испанского флота в Зейдерзее беггарсами 12 октября 1573 года.

[Примечание: Запросы]

С некоторых пор Филипп начал подозревать, что методы Альвы были неподходящими для того, чтобы вернуть искреннюю преданность своего народа. Хотя он долго колебался, в конце концов он сместил его в конце 1573 года и {263} назначил на его место дон Луиса Рекесенса. Если бы Филипп пришел сам, он, возможно, смог бы что-то сделать, поскольку большинство исповедовало личную преданность ему, а в ту эпоху, как напоминает нам Шекспир, божественность все еще защищала короля. Но, не решившись действовать лично, Филипп выбрал фаворита, известного из-за его постоянного присутствия при своем хозяине как "королевские песочные часы", в котором он увидел рабски послушный инструмент, который, как ему казалось, ему нужен. Единственное различие между новым губернатором и старым заключалось в том, что Рекесенсу не хватало способностей Альвы; у него были узкоиспанские взгляды всех остальных, его фанатизм и абсолютизм.

Как только он прибыл в вверенные ему провинции, у него не было иного выбора, кроме как продолжать войну. Но 27 января 1574 года Оранский завоевал Мидделбург, и с этой даты испанский флаг перестал развеиваться над какой-либо частью земли Голландии или Зеландии. Однако в открытом сражении при Муке [Примечание: 14 апреля 1574 г.] испанские ветераны снова добились успеха, разгромив патриотов под командованием Людовика Нассауского, который погиб. Начало года ознаменовалось усилением Лейдена. Героизм защитников вошел в поговорку. Когда в сентябре были прорублены дамбы, чтобы впустить море, так что суда Нищих смогли отплыть на помощь городу, осада была снята. Это была первая важная военная победа патриотов, ставшая поворотным моментом восстания. С этого момента Нидерланды не могли быть полностью покорены.

Рекесенс созвал Генеральные штаты и предложил помилование всем, кто согласится подчиниться. Но народ увидел в этом только признак слабости. В ответ на действия правительства хлынул поток брошюр, призывающих к оружию. Среди памфлетистов самым способным был Филип ван Марникс, [Прим. автора: Марникс, 1538-98] кальвинист, который обратил свою силу сатиры против Испании и католической церкви. {264} Вильгельм Оранский, ныне протестант, живущий в Делфте, вдохновил все движение. Рекесенс, полагая, что если бы он убрался с дороги, восстание рухнуло бы, подобно Алве, предложил общественное вознаграждение за его убийство. То, что на самом деле не было точек соприкосновения, было доказано на совещании между двумя врагами, которое было прервано безрезультатно. В кампании 1575 года испанская армия снова добилась больших успехов, взяв Аудотер, Шунховен и другие места. Но повстанцы не сдавались.

[Примечание: 5 марта 1576 г.]

Ситуация изменилась после смерти Рекезенса. Прежде чем был назначен его преемник, события развивались стремительно. После взятия Зиерикзее 29 июня испанская армия повернула к Алсту, расквартировала солдат среди жителей и вынудила лояльный город полностью оплатить расходы на их содержание. Если даже католиков это оттолкнуло, то протестанты зашли так далеко, что проповедовали, что любой испанец может быть убит без греха. В согласованных действиях против Испании теперь ведущую роль играли владения Брабанта; собравшись в Брюсселе, они запугали Государственный совет и собрали армию численностью в 3000 человек. К этому времени Голландия и Зеландия были фактически независимыми государствами. Кальвинисты, сильные среди коренного населения, были завербованы огромным притоком иммигрантов из других провинций, пока их религия не стала доминирующей. Голландия и Зеландия проводили отдельную военную и финансовую политику. Единственные среди провинций, они были процветающими, поскольку владели богатой морской торговлей.

Рост республиканской теории шел в ногу с ходом восстания. Оранж был окружен людьми, придерживающимися свободных принципов Дюплесси-Морнея и переписывающимися с ним. Голландцы теперь открыто высказывали свою веру в то, что принцы были созданы ради своих подданных, а не подданные ради принцев. {265} Несмотря на то, что они отрицали равные права простых людей, они утверждали суверенитет представительного собрания. Государственный совет, принявший на себя полномочия вице-короля на этот период, был завален письмами с просьбой полностью сбросить испанское иго. Но, поскольку Совет все еще оставался верен Филиппу, 4 сентября его члены были арестованы в результате *государственного переворота*, спланированного в интересах Оранжа и, несомненно, с его ведома. Это было, конечно, равносильно государственной измене. Генеральные штаты теперь захватили суверенную власть. Все еще заявляя о своей лояльности к личности монарха и католической религии, они требовали фактической независимости и вывода испанских войск. Для выполнения своих требований они собрали армию и овладели несколькими фортами. Но испанские ветераны и не думали уступать. Собравшись в Антверпене, где они были осаждены солдатами Генеральных штатов, [Примечание: 4 ноября 1576 г.] они атаковали, а затем рассеяли посланные против них отряды и продолжили разграбление Антверпена, как захваченного города. В один ужасный день погибло 7000 патриотов, частично солдат, частично мирных жителей. Богатства города были разграблены. Оккупационная армия хвасталась победой в этом кровавом деле, известном нидерландцам как "испанская фурия".

Естественно, такой удар только еще крепче спаял провинции и закалил их характер для еще более ожесточенного сопротивления. Его непосредственным результатом стал договор, известный как Гентское умиротворение, между провинциями, представленными в Генеральных штатах, с одной стороны, и Голландией и Зеландией - с другой, с целью объединения и изгнания иностранцев. Религиозный вопрос остался нерешенным, за исключением того, что северные провинции согласились пока ничего не предпринимать против римской церкви. Но, как и {266} прежде, кальвинисты, теперь начертавшие на своих знаменах "За веру и отечество", были более активной и патриотической партией.

[Примечание на стороне: Дон Джон, 1547-78]

1 мая 1577 года новый генерал-губернатор Австрии дон Джон прибыл в Брюссель. Внебрачный сын Карла V, в возрасте двадцати четырех лет он прославился морской победой при Лепанто, и его имя еще больше прославилось в народных легендах из-за его бесчисленных любовных походов. Следует признать, что у него были обаятельные манеры; нельзя отрицать, что у него были способности в определенных областях; но его аристократическое высокомерие, его презрение к нации торговцев и отвращение к общению с ними делали его наихудшим кандидатом на должность губернатора. Подробные инструкции Филиппа не оставляли простора для воображения: суть их заключалась в том, чтобы обеспечить католическую религию и послушание своих подданных "насколько это возможно", говорить по-французски и не заводить любовниц из самых влиятельных семей и не отталкивать их каким-либо другим способом. После того, как была испробована сила и потерпела неудачу, следовало испытать эффект мягкости. Дон Джон должен был стать голубем мира и ангелом любви.

Но даже если бы для урегулирования проблем в Нидерландах был послан гораздо более способный человек, брешь уже нельзя было исправить. В Генеральных штатах, как и в стране в целом, по-прежнему существовали две партии, одна за Оранжевых, а другая за Филиппа, но обе были полны решимости избавиться от дьявольского налета испанской армии. Разделение двух партий было в какой-то степени секционным, но в еще большей степени тем классовым разделением, которое кажется неизбежным между консерваторами и либералами. Король по-прежнему поддерживал духовенство, большинство дворян и высшую буржуазию; рядом с Вильгельмом стояли кальвинисты, средний и низший классы и большая часть "интеллектуалов", юристов, ученых людей и тех публицистов, которые известны как "монархомахи". Многие из них все еще были католиками, которые хотели провести четкое различие между религиозным и национальным вопросом. В самый момент прибытия дона Джона Сословия приняли решение поддерживать католическую веру.

[Примечание: февраль 1577 г.]

Еще до того, как он вступил в свою столицу, дон Джон издал "Бессрочный эдикт", соглашаясь вывести испанские войска в обмен на выплату им жалованья в размере 600 000 гульденов. Он пообещал уважать привилегии провинций и освободить политических заключенных, в том числе сына Оранского. В апреле войска действительно были выведены. Небольшой эффект от этих примирительных мер стал очевиден, когда Генеральные штаты большинством в один голос проголосовали только за то, чтобы признать Дона Джона своим Владельцем штата.

[Примечание: 12 мая] У него было так мало влияния, что он чувствовал себя скорее пленником, чем губернатором; вскоре он бежал из своей столицы в крепость Намюр, откуда написал письмо, призывая своего короля немедленно отправить войска обратно и позволить ему "искупаться в крови предателей".

Уильям был настолько же доволен, насколько Джон был взбешен провалом политики примирения. В то время как большинство штатов все еще надеялись на мир, Уильям был полон решимости добиться независимости любой ценой. В августе он направил представителям требование выполнить свой долг перед народом, поскольку он не сомневался, что у них есть право свергнуть тирана. Его перспективы никогда не выглядели более радужными. Елизавета предложила помощь, и волна республиканских чувств начала подниматься все выше. По мере того, как рабочие присоединялись к партии восстания, доктрина монархомахов становилась

либеральной. Больше не удовлетворяясь демократией корпораций и каст средневековья, люди начали мечтать об индивидуалистической демократии нового времени.

Исполнительная власть, фактически оставленная Доном Джоном, теперь сосредоточилась в Комитете из восемнадцати человек, номинально занимавшемся укреплениями, но на самом деле, подобно французскому комитету общественной безопасности, верховодившему во всех вопросах. Этот орган был впервые назначен гражданами Брюсселя, но Генеральные штаты были бессильны против него. Его поддерживали вооруженные силы патриотов и личный престиж Оранжа. Его могущество росло, поскольку после капитуляции испанского гарнизона в Утрехте он был назначен статхолдером этой провинции. Когда он вошел в Брюссель 23 сентября, его встретили бурнымивозгласами населения. Противодействие ему казалось невозможным. И все же, даже на этой высшей отметке его могущества, его трудности были значительными. Каждая провинция ревностно охраняла свои права, и, как во время Американской революции, каждая провинция хотела вносить как можно меньше в общий фонд. Более того, религиозный вопрос по-прежнему оставался чрезвычайно деликатным. Разрешение Оранжа католикам совершать свои обряды в его поместьях оттолкнуло от него столько же протестантских фанатиков, сколько примирило сторонников старой религии.

[Примечание: эрцгерцог Мэтью]

Нидерланды были еще недостаточно сильны, чтобы обойтись без мощной иностранной поддержки, а общественное мнение еще не созрело для провозглашения независимой республики. Чувствуя, что необходим какой-либо государственный деятель, Генеральные штаты обратились к Филиппу с петицией об отстранении дона Джона и назначении законного принца крови. Это прошение, возможно, намеренно не могло быть исполнено приемлемым для Филиппа образом, поскольку у него не было законнорожденного брата или сына. Но принц из Дома Габсбургов предложил себя в лице эрцгерцога Матфея, сына императора Максимилиана, недавно скончавшегося. [Примечание: 12 октября 1576 г.] Хотя у него не было ни собственных способностей, ни поддержки со стороны своего брата, императора Рудольфа II, и хотя ему было всего девятнадцать лет, он предложил свои услуги Нидерландам и немедленно отправился туда. Обладая высоким государственным умом, Уильям {269} вовлек Мэтью в свою политику, поскольку видел, что опасностями, которых следует опасаться, были анархия и разобщенность. В некоторых городах, особенно в Генте, где по брюссельскому образцу был назначен еще один Комитет восемнадцати, низшие классы установили диктатуру, аналогичную диктатуре большевиков в России. В то же время требование патриотов назначить Оранжа губернатором Брабанта было неприятно значительной части лоялистского населения. Уильям сразу понял, как можно использовать Мэтью как фигуру, способную сплотить тех, кто все еще почитал дом Габсбургов и видел в монархии единственную гарантию порядка внутри страны и уважения за рубежом. Быстро арестовав герцога Эршота, могущественного дворянина, который пытался использовать имя Мэтью для создания отдельной фракции, Оранский побудил Генеральные штаты сначала объявить дона Джона врагом страны [Примечание: 7 декабря 1577 г.], а затем предложить эрцгерцогу губернаторство в Нидерландах, в то же время умоляя его, ввиду его молодости, оставить управление в руках Уильяма. После вступления Мэтью в Брюссель [Примечание: 18 января 1578 г.] Генеральные штаты присягнули на верность этой марионетке в руках их величайшего государственного деятеля.

Почти сразу же война вспыхнула снова. Обе стороны были заняты сбором войск. При Жамблу Дон Джон с 20 000 человек разгромил примерно такое же количество войск патриотов. [Примечание: 31 января] Но это не смогло прояснить ситуацию, которая, как правило, становилась все более сложной. Помощь из Англии и Франции поступала крошечными каплями, достаточными лишь для того, чтобы занять силы Филиппа в жестокой гражданской войне. Но вакансия, так сказать, на герцогском троне бургундского государства, казалось, привлекла кандидатуры соседних принцев, и появился шанс серьезно заинтересовать Францию, когда у Франциска, герцога Анжуйского, пробудилось стремление стать правителем Нидерландов. Уильям также пытался {270} использовать его. В обмен на обещание собрать 12 000 военнослужащих, Анжу получил от Генеральных штатов титул "Защитника свободы Нидерландов от тирании испанцев и их союзников". Результатом стало то, что католическое население разделилось в своей поддержке между Матфеем и Анжу, и что Оранжевые сохранили баланс влияния.

[Примечание: протестантский раскол]

Непреодолимой трудностью на пути к успеху политики этого великого человека по-прежнему была религиозная. Кальвинизм был в значительной степени перенесен в Голландию и Зеландию, а католицизм оставался религией подавляющего большинства населения в других провинциях. На первый взгляд, последний отнюдь не казался непреодолимой силой. По контрасту с пламенным рвением кальвинистов, с одной стороны, и испанцев - с другой, вера католиков-фламандцев и валлонов казалась тепловатой, скорее старым обычаем, чем живым убеждением. Большинство были шокированы фанатизмом испанцев, которые, таким образом, оказались злейшими врагами своей веры, и все же в Нидерландах они очень не желали видеть гибель старой религии. Когда низшие классы Гента взяли на себя руководство, они скорее принудили, чем обратили этот город в кальвинистскую веру. Их действия были восприняты как нарушение плана умиротворения Гента и поставили под угрозу всю политику Оранжевых, вызвав новые разногласия. Чтобы избежать этого, Уильям предложил Генеральным штатам религиозный мир на основе *статус-кво* с отказом допускать дальнейшее обращение в свою веру. [Примечание: июль 1578 г.] Но эта мера, приемлемая для католиков, вызвала глубокое возмущение кальвинистов. Было сказано, что тот, кто меняет свою религию так же часто, как свою куртку, должен предпочитать человеческое божественному, и что тот, кто терпит католиков, должен сам быть атеистом.

[Примечание: Разделение Нидерландов]

Таким образом, Нидерланды были разделены на две половины прежде всего религиозным вопросом, а не различием расы, языка или материальных интересов {271}. На какое-то время общая ненависть всего народа к иностранцу сплотила их в единое целое; но как только давление испанского ига хотя бы немного ослабло, проявилась взаимная антипатия кальвинистов и католиков. Если мы внимательно рассмотрим причины, по которым Север стал преимущественно протестантским, в то время как Юг постепенно вернулся к полностью католической вере, мы должны увидеть, что причины были частично расовыми, частично географическими и частично социальными. Географически и лингвистически Северные провинции искали свою культуру в Германии, а Южные - во Франции. Более того, легкая обороноспособность Голландии и Зеландии за их рвами сделала их естественным убежищем преследуемой секты, и, поскольку эта тенденция однажды проявила себя, естественным

образом последовала поляризация Нидерландов: протестанты были привлечены к своим друзьям на Севере, а католики также сочли необходимым или целесообразным поселиться на Юге. Более того, в южных провинциях два привилегированных класса, духовенство и дворянство, были относительно сильнее, чем на почти полностью буржуазном и коммерческом Севере. И влияние обоих было перенесено на чашу весов Римской церкви: первое - быстро и как нечто само собой разумеющееся, второе - в конечном итоге как реакция на сильно демократическую тенденцию кальвинизма. В это время в некоторых южных городах разгорелась отчаянная борьба между протестантской демократией и католической аристократией. Немногочисленные протестанты благородного происхождения в провинциях Валлонии чувствовали себя неловко в обществе своих голландских единоверцев, и те называли их "недовольными", потому что они косо смотрели на политические принципы Севера.

[Примечание: январь 1579 г.]

Сепаратистские тенденции с обеих сторон проявились, когда 5 января некоторые южные провинции подписали в {272} Аррасе лигу защиты католической религии. 29-го числа на это был дан ответ Утрехтской унией, подписанной представителями Голландии, Зеландии, Утрехта, Фрисландии, Гелдерса, Зютфена и города Гент, обязывающей указанные провинции противостоять любой иностранной тирании. Была предоставлена полная свобода вероисповедания, что имело большое значение, поскольку католическое меньшинство было и всегда оставалось многочисленным. Этим актом было создано новое государство. Оранжевый все еще продолжал добиваться объединения с Южными провинциями, но потерпел неудачу. В городах Юга разразилась ожесточенная религиозная война. В Генте церкви были разграблены заново. [Примечание: 1581] В Брюсселе и Антверпене протестантский пролетариат завоевал временное господство, и католическое богослужение было запрещено в обоих городах. Последовала всеобщая эмиграция из них. Под давлением религиозной войны, которая также была классовой войной, погибли последние остатки единства. Генеральные штаты перестали иметь право повышать налоги или приводить в исполнение указы, и в настоящее время это больше не рассматривалось.

Даже Вильгельм Оранский теперь отказался от демонстрации уважения к монарху и полностью стал поборником свободы и народа. [Примечание: 1580] Генеральные штаты признали Анжу своим князем, но в то же время разработали очень республиканскую конституцию. Представителям народа были предоставлены не только законодательные, но и исполнительные полномочия, включая руководство иностранными делами. Штаты Северных провинций официально свергли Филиппа [Прим. автора: Низложение Филиппа, 1581], который ничего не мог сделать в ответ. Уже была выпущена прокламация, предлагающая 25 000 долларов и дворянский патент любому, кто убьет Оранжа, заклеянного как "предатель и негодяй" и как "враг рода человеческого".

[Примечание: 1 октября 1578 г.]

Дону Джону, скончавшемуся без оплакиваний, наследовал Александр Фарнезе, сын бывшей регентши Маргариты {273} Пармской. [Примечание: Фарнезе, 1545-92] Хотя по темпераменту он был итальянцем, он сочетал редкую дипломатическую податливость с энергией солдата. Более того, в то время как его предшественники презирали людей, которыми они были посланы

управлять, и ненавидели работу с ними, он всем сердцем стремился добиться успеха. К этому времени взоры всей Европы были прикованы к борьбе в Нидерландах, и казалось достойным достижением совершить то, в чем потерпели неудачу столь многие знаменитые солдаты и государственные деятели. Несомненно, благодаря гению Фарнезе испанское иго снова было надето на шею южной из двух конфедераций, на которые самопроизвольно разделилось бургундское государство. Приветствуемый большим числом подписавших Аррасский мирный договор, [Прим. автора: 1579] он быстро собрал армию численностью в 31 000 человек, в основном немцев, атаковал и взял Маастрихт. Последовало отвратительное разграбление, в ходе которого было убито не менее 1700 женщин. Увидев свою ошибку, при захвате следующего города, Турне, он сдержал свою армию и позволил даже гарнизону выступить с боевыми почестями. Ни один гражданин не был казнен, хотя требовалась компенсация в 200 000 гульденов. Его милосердие помогло его делу больше, чем успехи в вооружении.

[Примечание на стороне: Завоевание Юга]

Медленно, но верно продвигалась его завоевательная кампания. Это была только осад-ная война без сражений. Брюгге был взят после длительных капиталовложений, и с ним обошлись мягко. [Примечание: 1584] Гент сдался и также был отпущен с контрибуцией, но без кровавого наказания. После упорной осады Антверпен капитулировал. [Примечание: 1585] Практически вся Южная конфедерация была приведена к повиновению королю Испании. Протестантская религия была запрещена законом, но в каждом случае, когда город был завоеван, протестантам давалось от двух до четырех лет либо на примирение, либо на эмиграцию.

{274} Но земля, которая была отвоевана, не была той землей, которая восстала. Ужасные руины, сопровождавшиеся оцепенением мысли и энергии, обрушились на некогда счастливые земли Фландрии и Брабанта. Гражданские войны настолько опустошили страну, что волки рыскали даже у ворот больших городов. *Последний удар* по торговле Антверпена был нанесен перекрытием Голландией Шельды. Торговля с Ост- и Вест-Индией была запрещена Испанией до 1640 года.

[Примечание: Свобода Севера]

Но Север, после отчаянной борьбы и долгих страданий, отстоял свою свободу. Анжу сначала попытался сделать себя их тираном; [Прим. автора: 17 января 1583 г.] его солдаты в Антверпене напали на горожан, но были отбиты после ужасных уличных боев. "Французская ярость", как ее называли, снова научила голландцев не доверять иностранным правителям, хотя смерть Анжу избавила их от страха.

[Прим. автора: июнь 1584 г.]

Но рядом был более суровый враг. Подчинив себе территорию, которая сейчас называется Бельгией, Фарнезе атаковал Реформацию и республиканцев в их последних оплотах в Голландии, Зеландии и Утрехте. Долгая война, представлявшая большой технический интерес из-за специфических военных проблем, которые предстояло решить, в конечном итоге была решена в пользу голландцев. Результат был достигнут отчасти благодаря героическому мужеству народа, отчасти благодаря тому, что их страну можно было в высшей степени защитить, и ее снова и снова спасал этот великий союзник - море.

[Примечание: 10 июля 1584 г.]

Жестоким ударом стало убийство Оранжа, последними словами которого были "Боже, сжался над этим бедным народом". Его жизнь была посвящена им без каких-либо амбиций или вульгарной гордыни; его энергия, его терпение, его широта послужили народу на благо. И после его смерти они показали себя достойными его и этого дела. Вокруг его тела собрались сословия Голландии и решили вести себя мужественно {275}, не ослабляя рвения. Они благородно оправдали себя.

[Примечание: 1586 год, Лестер]

Неудачный конец последней попытки получить иностранную помощь раз и навсегда научил Голландскую Республику полагаться только на себя. Роберт Дадли, граф Лестер, фаворит Елизаветы, был введен в должность генерал-губернатора. Его приход к независимой власти привел в ярость его королевскую любовницу, в то время как голландцы были отчуждены подозрением в том, что он принес их интересы в жертву интересам Англии, и его военными неудачами. Менее чем через два года он был вынужден вернуться домой. [Прим. автора: 1587]

[Примечание на стороне: Ольденбарневельдт, 1547-1619]

Под руководством государственного деятеля Джона ван Ольденбарневельдта, с 1586 года пенсионария Голландии, была создана Республика, основанная на верховенстве сословий. Под его точным, осмотрительным и решительным руководством были одинаково развиты внутренняя свобода и внешняя мощь. Хотя война продолжалась еще долго после 1588 года, поражение Армады в том году лишило Испанию надежды на восстановление и сделало новую нацию практически безопасной.

[Примечание: Голландская республика]

Север сильно пострадал во время войны. Частые затопления земель уничтожили урожай. Амстердам долго сопротивлялся остальной Голландии в верности королю, но он так сильно пострадал от блокады Морских попрошайек и эмиграции своих торговцев в близлежащие города, что в конце концов сдался и разделил свою судьбу со своим народом. С этого времени она взяла на себя коммерческую гегемонию, которую когда-то осуществлял Антверпен. Быстро оправившись от разрушений войны, Голландская республика стала в семнадцатом веке первой морской державой и первой денежной державой в мире. Она дала Англии короля и заткнула рот Франции уздечкой. Она основала колонии в Америке и Ост-Индии. Со своим знаменитым новым Лейденским университетом, с такими публицистами, как Гроций, богословами, такими как Янсен, художниками, такими как Ван Дайк и Рембрандт, философами, такими как Спиноза, она взяла на себя инициативу во многих областях мысли. Ее материальная и духовная мощь, ее терпимость и свобода стали предметом зависти всего мира.

[1] Гульден, также называемый "голландским фунтом", в то время сам по себе стоил 40 центов. Покупательная способность денег во много раз превышала их покупательную способность в 1920 году.

[2] Это слово, означающее "молитва", указывало, подобно английскому "benevolence" и французскому "don gratuit", что налог когда-то был предоставлен добровольно.

[3] Доллар, или Талер, по сути, стоит 75 центов.

{277}

ГЛАВА VI

Англия

РАЗДЕЛ 1. ГЕНРИХ VIII И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ. 1509-47

[Примечание на стороне: Генрих VIII, 1509-47]

"Небеса смеются, земля ликует; все полно молока, меда и нектара". Этими словами о восшествии на престол Генриха VIII объявил Эразму его ученик и наставник короля, лорд Маунтджой. Этот любитель учености думал, что новым монархом будет не только Октав, но и Октавиус, воспитывающий литераторов и лелеющий ученых. Было общее ощущение, что начинается новая эра и наступает новый день после долгой тьмы Средневековья с его кошмарами смерти чернокожих, крестьянских восстаний и, что хуже всего, гражданской войны, которая подорвала могущество Англии и почти разорвала ее изнутри на части.

Принято было считать, что молодой принц был образцом: красивый, атлетически сложенный, образованный, щедрый, мудрый и милосердный. То, что он любил спорт, был сильным и в молодости физически привлекательным, хорошо засвидетельствовано. Главными свидетельствами его образованности являются исчерпывающие свидетельства Эразма и его работа против Лютера. Но недавно было показано, что Эразм был способен выдавать за работу могущественного покровителя сочинения, которые, как он знал, были написаны латинскими секретарями; и королевский автор "*Защиты семи таинств*", который демонстрирует весьма посредственный талант, получил большую непризнанную помощь.

Если судить по его международным отношениям, государственная мудрость Генриха была неудачной. Его неискренность и вероломство часто выходили за рамки самих себя, и он часто {278} бывал обманут. Более того, он был непостоянен, не преследуя никакой достойной цели. Англия благодаря своему островному положению и почти равному разделению власти на Континенте между Францией и императором находилась в удивительно безопасном и выгодном месте. Но Генри был так далек от того, чтобы воспользоваться этим подарком судьбы, что, похоже, действовал только по своему капризу.

[Примечание: Внутренняя политика]

Во внутренней политике Генрих добился своих величайших успехов, на самом деле весьма примечательных. Несомненно, и здесь ему улыбнулась удача, поскольку его собственные цели в основном совпали с более глубокими целями его народа, поскольку его поддерживал именно тот богатый и предприимчивый класс буржуазии, который должен был называть себя народом и формировать общественное мнение на следующие три столетия. Со временем этот класс достаточно осознал бы свою собственную власть, чтобы сделать парламент верховным и потребовать расплаты даже от короны, но сначала ему нужен был престиж королевского имени, чтобы завоевать два привилегированных класса, духовенство и знать. Торговцы и богачи с готовностью становились верными последователями вождя, который щедро раздавал им богатства церкви и политические привилегии баронов. И у Генриха было только одно сильное качество, которое позволяло ему в полной мере использовать это положение; он, казалось, скорее руководил, чем руководил, и он никогда бессмысленно не бросал вызов парламенту. Жестокость его действий сравнивалась только с их скрупулезной законностью.

По поводу морали Генри должно быть меньше разногласий, чем по поводу его умственных способностей. Точные портреты Гольбейна не опровергают его. Широкоплечий мужчина с тяжелым подбородком, так твердо стоящий на своих широко расставленных ногах, обладает определенной силой воли или, скорее, безграничным эгоизмом. Франциск и Карл показали себя гонителями и были способны казнить министра-нарушителя или мятежника; но ни Чарльз, ни Франциск, ни какой-либо другой король в наше время не должны отвечать за жизни стольких дворян и министров, кардиналов и королев, чьи головы, как выразился Томас Мор, он пинал ногами, как футбольные мячи.

[Примечание: Эмпсон и Дадли казнены 25 апреля 1509 г.]

Правление началось, как и закончилось, с политического убийства. Скупой Генрих VII использовал два инструмента, Эмпсона и Дадли, которые путем тщательного расследования технических правонарушений и точной корректировки штрафов в зависимости от состояния нарушителя сделали закон непопулярным, а короля богатым. Через четыре дня после своего вступления на престол Генрих VIII издал прокламацию, в которой просил всех, кто получил увечья или утрату имущества от этих уполномоченных, обратиться с мольбой к королю. Шлюзы сдерживаемого гнева открылись, и два несчастных министра были сметены актом возмездия.

[Примечание: Война с Францией и Шотландией]

Миротлюбивая политика первых лет правления продлилась недолго. Молодой король испытывал потребность в воинской славе, в подражании Генриху пятому, в том, чтобы о нем заговорили и внесли его имя в список завоевателей, которые в обмен на то, что досаждали человечеству, были обожествлены им. Бесполезно искать какую-либо государственную цель в войне, спровоцированной с Францией и Шотландией, но в достижении цели, к которой он стремился, Генрих блестяще преуспел: французы были так быстро разбиты близ Гвинегейта [Прим. автора: 13 августа 1513 г.], что это действие вошло в историю как битва при Шпорах. Пока король все еще отсутствовал во Франции, а его королева-регентша - в Англии, его помощники нанесли шотландцам решительное поражение [Примечание: сентябрь] и убили их короля Якова IV при Флоддене. Этими кампаниями Англия не добилась ничего, кроме военной славы, поскольку вторжение во Францию было сразу же прекращено, а вторжение в Шотландию даже не предпринималось.

[Примечание: Вулси, ок. 1475-1530]

Удовлетворение национального тщеславия принесло пользу не только Генриху, но и его министру {280} Томасу Вулси. Бедный человек, как и другие орудия тюдоровского деспота, он быстро возвысился в церкви и государстве отчасти благодаря выдающимся способностям государственного деятеля, отчасти благодаря низменным искусствам. К маю 1515 года Эразм описывал его как всемогущего при короле и несущего на своих плечах основное бремя государственных дел, а пятнадцать лет спустя Лютер говорил о нем как о "полубоге Англии, или, скорее, Европы". Своим положением на родине он был обязан своей способности снискать расположение короля, взвалив на свои плечи ненависть к непопулярным действиям. [Прим. автора: май 1521 г.] Когда герцог Бекингемский был казнен за преступление, заключавшееся в том, что он был следующим по наследованию трона, во всем обвинили Вулси; многие люди думали, как выразился каламбур, приписываемый Карлу V, что "жаль, что такой благородныйсамец был убит такой собакой". Вулси потерял поддержку знати из-за гордыни,

которой доставляло удовольствие унижать ее, и простых людей из-за жадности, накопившей коррумпированное состояние. Но, хотя богатые ненавидели его за его закон об огораживании территорий, а бедные - за то, что он не добился исполнения этого закона, он мало чем пренебрегал, зная, что находится в безопасности под королевским щитом.

Чтобы сделать своего суверена за границей таким же великим, как и дома, он воспользовался хорошим балансом сил, существующим на Континенте. "Ничто так не радует его, как то, что его называют арбитром христианского мира", - писал Джустиниани, и на самом деле он почти стал таковым. Его дипломатические способности были продемонстрированы с огромной pompой летом 1520 года, когда Генрих встретился с Франциском и Карлом V и тайно пообещал каждому из них поддержать его в борьбе с соперником. Лагерь, где встретились королевские семьи Франции и Англии, близ Гвинеса, среди сцен зрелищ и рыцарства, столь блистательных, что дали ему название Золотого суконного поля, увидел союз, скрепленный клятвой, за которым последовала торжественная помолвка между Генрихом и Карлом, {281} во всех деталях противоречащая союзу с Францией. Когда между ними действительно разразилась война, Англия предпочла бросить свой вес против Франции, тем самым почти помогая Карлу взойти на трон всемирной империи и создавая себе врага, который угрожал бы ее безопасности во многих грядущих кризисах. Таким образом, в конце концов вероломная политика Вулси потерпела крах, и его личные амбиции в отношении папства также потерпели крах.

Но пока "конгресс королей", как называл его Эразм, развлекался в Гвинее и Кале, волна нового движения быстро и неуклонно поднималась, подчиняясь им не больше, чем океан повиновался Кануту. В Англии Реформация в большей степени, чем в большинстве других стран, была продуктом импорта. Ее "рассвет пришел подобно грому" из-за Северного моря.

Тезисы Лютера об индульгенциях были отправлены Эразмом своим английским друзьям Томасу Мору и Джону Колету немногим более чем через четыре месяца после их обнародования. [Примечание: 5 марта 1518 г.] К февралю 1519 года Фробен вывез в Англию несколько томов сочинений Лютера. Один из них попал в руки Генриха VIII или его сестры Марии, бывшей королевы Франции, о чем свидетельствует выбитый на нем королевский герб. Многие другие продавались книготорговцем в Оксфорде на протяжении 1520 года, и в этом году правительственный чиновник из Лондона написал своему сыну в деревню, [Примечание: 3 марта 1520 г.] "здесь есть еретики, которые придерживаются взглядов Лютера". Оба университета были заражены одновременно. В Кембридже, в частности, несколько молодых людей, многие из которых впоследствии стали выдающимися реформаторами, регулярно встречались в таверне "Белая лошадь", чтобы обсудить новые идеи. Таверна получила прозвище "Германия" [Прим. автора: 1521], а молодые энтузиасты, как следствие, "немцы". Но какими бы удивительно многочисленными ни были свидетельства распространения лютеранства в эти ранние годы, естественно, что у него пока было мало выдающихся приверженцев. Когда Эразм писал Лютеру, что у него есть доброжелатели {282} [Прим. автора: май 1519 г.] в Англии, и одни из величайших, он преувеличивал или был дезинформирован. В лучшем случае он мог думать о Джоне Колете, чья смерть в сентябре 1519 года наступила до того, как он смог принять какое-либо участие в религиозном споре.

Вскоре правительство выступило против этой ереси. Книги Лютера были изучены комитетом Кембриджского университета, [Прим. автора: 1520] осуждены и сожжены им, а вскоре после этого и правительством. В соборе Святого Павла в Лондоне [Примечание: 12 мая 1521 г.] в

присутствии многих высоких сановников и тридцатитысячной толпы зрителей книги Лютера были сожжены, а его учение "отвергнуто" в выступлениях Джона Фишера, епископа Рочестерского, и кардинала Вулси. Чуть позже было запрещено читать, ввозить или хранить такие произведения, и были приняты меры по обеспечению соблюдения этого закона. Комиссии искали упомянутые брошюры; продавцы канцелярских товаров были взяты под залог, чтобы они ими не торговали; также были допрошены немецкие торговцы Сталелитейного завода. Когда было обнаружено [Примечание: 1526], что эти иностранцы остановили "мессу тела Христова", обычно совершаемую ими в Великой церкви Всех Святых в Лондоне, их доставили в юридический суд Вулси, заставили признать его юрисдикцию и расправились с ними.

Ведущие англичане единодушно выступили против Лютера. Катберт Танстолл, математик и дипломат, а позже епископ Лондона, написал Вулси из Вормса о преданности немцев своему лидеру и отправил ему "*Вавилонское пленение*" с комментарием: "в ней много странного, близкого к мнению богемы; я молю Бога, чтобы эта книга не попала в Англию". [Примечание: 21 января 1521 г.] Сам Вулси, возможно, движимый своими амбициями в отношении тиары, трудился над подавлением ереси. Самое главное, что сэр Томас Мор был быстро и решительно отвергнут. {283} Это было нечто большее, по словам Генриха VIII, который "с помощью тонких, зловещих оскорблений неестественно добился и спровоцировал его" написать статью против еретика. Его "*Защита семи таинств*" в ответ на "*Вавилонское пленение*", хотя это чрезвычайно плохое произведение, было встречено при его появлении как шедевр. [Примечание: июль 1521 г.] Красивый экземпляр в золотом переплете, отправленный Льву X, был зачитан папе римскому и объявлен им лучшим противоядием от ереси, когда-либо созданным. В знак признания столь ценного оружия или столь доблестного защитника папа даровал читателям книги индульгенцию сроком на десять лет и десять сорокадневных периодов, а ее автору - долгожданный титул Защитника веры. Лютер ответил королю насмешками, и спор был продолжен приспешниками Генриха Мором, Фишером и другими. Уязвленный за живое, Генрих, который уже убеждал императора сокрушить еретика, теперь написал с той же целью курфюрсту и герцогам Саксонии, а также другим немецким князьям.

[Примечание: Рост лютеранства]

Но в то время как первосвященники и правители не замедлили отвергнуть новое "евангелие", простые люди услышали его с радостью. Быстрое распространение лютеранства подтверждается многими побочными эффектами исамими прокламациями, время от времени издаваемыми с целью "противостоять проклятым ересям" или уничтожить оскверненные книги. Книга Джона Хейвуда "*Четыре буквы "П": веселая интерлюдия о паломнике, помилователе, горшечнике и разносчике*", написанная около 1528 года, хотя опубликованная лишь несколько лет спустя, полна лютеранской доктрины, как и другая очень популярная в то время книга Саймона Фиша "*Мольба нищих*". В "*Колин Клоут*" Джона Скелтона, [Примечание: около 1522 г.] в резком обвинительном заключении духовенства упоминается, что

У некоторых есть привкус

О сакке Лютера,

И бренинге спарке

О варке Лютера.

{284} [Примечание: Библия Уильяма Тиндейла]

Но признание Реформации, помимо простого ропота на церковь, не могло произойти до тех пор, пока не была создана протестантская литература. В Англии, как и везде, самым влиятельным протестантским трактатом была народная Библия. Из-за неприятия доктрин Уиклифа английские версии не печатались до тех пор, пока протестантский священник Уильям Тиндейл не принял настоящего решения сделать священную книгу более знакомой пахарю, чем епископу.

Получив образование как в Оксфорде, так и в Кембридже, Тиндейл впитал доктрины сначала Эразма, затем Лютера и, наконец, Цвингли. Обратившись за помощью в своем проекте к епископу Лондона и не найдя таковой, [Прим. автора: 1524] он отплыл в Германию, где завершил перевод Нового Завета и начал печатать его в Кельне. Вынужденный уйти отсюда благодаря вмешательству Коклеуса и магистратов, он отправился в Вормс и нанял другого печатника, чтобы закончить работу. [Примечание: 1526] Из шести тысяч экземпляров первого издания многие были контрабандой вывезены в Англию, где Катберт Танстолл, епископ Лондонский, попытался скупить их все, "думая", как выразился хронист Холл, "что он держит Бога за палец ноги, тогда как на самом деле он держит дьявола за кулак". Деньги поступили в Тиндейл и были использованы для выпуска дальнейших изданий, которых за следующие десять лет вышло не менее семи.

Позиция правительства заключалась в том, что

Учитывая пагубность нынешнего времени, склонность людей к ошибочным мнениям, перевод Нового Завета должен скорее способствовать продолжению или увеличению числа ошибок среди указанных людей, чем какой-либо пользе или благу для блага их душ.

Но магистраты были не в состоянии погасить пламенное рвение Тиндейла, который продолжал переводить отрывки из Ветхого Завета и печатать их и другие трактаты в Антверпене и Кельне до своей мученической смерти в {285} Вильворде, недалеко от Брюсселя, 6 октября 1536 года. В 1913 году на месте его смерти был установлен памятник.

Под руководством Тиндейла, с одной стороны, и Мора - с другой, эфир стал мрачным из-за множества противоречивых трактатов. [Примечание в сторону: Противоречивые трактаты] Они наполовину наполнены теологической метафизикой, наполовину - самыми горькими оскорблениями. Лютер назвал Генриха VIII "проклятым и гнилым червем, сопливой, бессвязной свиньей-софистом"; Мор в ответ пожаловался на грубый язык "этого отступника, этого открытого кровосмесительного развратника, этого явного отростка дьявола и явного посланника ада". Абсурдная, но естественная тактика, оказывающая верное воздействие на людей, которая наслаждается как моралью, так и скандалом! Чтобы доказать, что вера оправдывает, протестанты указывали на распутство монахов; чтобы доказать, что месса - это жертвоприношение, их враги насмехались над тем, что "брат Мартин и Гейт называют свою монахиню предающимися разврату". Но при всех этих оскорблениях было много веских аргументов такого рода, которые апеллировали к эпохе теологической политики. В Англии, как и везде, значение Реформации заключалось в том, что это был первый вопрос первостепенной важности, который был обсужден с помощью прессы перед судом общественного мнения, достаточно просвещенного, чтобы оценить его важность, и достаточно сильного, чтобы сделать выбор и привести в исполнение свое решение.

Партия Реформации в Англии поначалу состояла из двух классов: лондонских торговцев и некоторых представителей того, что Бисмарк много лет спустя назвал "образованным пролетариатом". В 1532 году епископы смогли сказать:

В преступлении ереси, слава Богу, в наше время не пал ни один выдающийся человек. Истина заключается в том, что некоторые монахи-отступники, похотливые священники, обанкротившиеся торговцы, бродяги и развратные, праздные люди порочной натуры восприняли отвратительные и ошибочные {286}

мнения, недавно появившиеся в Германии, и они некоторых соблазнили простотой и невежеством.

[Примечание: антиклерикальные настроения]

Но хотя антиклерикальные настроения и симпатии к новым доктринам быстро росли, вполне вероятно, что никаких изменений не произошло бы в течение многих лет, если бы не развод короля. Важность этого эпизода, порожденного самым странным образом смешанными мотивами совести, политики и похоти, заключается не в том, что, как иногда говорят, он доказал готовность английского народа следовать за своим правительством в религиозных вопросах, как овцы следуют за своим пастухом. Его важность заключается просто в том, что он освободил Англию от ее древних устоев папского господства и таким образом установил один, хотя и всего лишь один, из кардинальных принципов протестантского восстания. Реформация заключалась не только в смене религии, но и в утверждении национализма, в классовом бунте и в определенных культурных революциях. Это был только первый случай, когда у правительства возникла идея ввести какие-либо санкции, но тем самым оно позволило людям позже взять дело в свои руки и добавить социальные и культурные элементы. Таким образом, реформация в Англии шла курсом, совершенно отличным от такового в Германии. В первой на первом месте стояла культурная революция, за которой быстро последовали восстание низших и триумф средних классов. Последним из всех было успешное создание национального государства. Но в Англии первым пришел национализм, затем при Эдуарде - экономическая революция и, наконец, при пуританах - трансмутация духовных ценностей.

[Примечание: Развод Екатерины Арагонской]

Поводом для разрыва с Римом стал развод Генриха с Екатериной Арагонской, которая ранее вышла замуж за его брата Артура, когда им обоим было пятнадцать, и прожила с ним в качестве его жены пять месяцев до его смерти. Поскольку брак с вдовой брата был запрещен Каноническим правом, было получено разрешение папы римского {287}, позволяющее Екатерине выйти замуж за Генриха. Сомнения короля относительно законности этого акта были вызваны смертью всех детей королевы, за исключением принцессы Марии, в которой он увидел исполнение проклятия, описанного в книге Левит хх, 21: "Если кто возьмет жену брата своего ... у них не будет детей". Как раз в это время Генрих влюбился в Анну Болейн, и это еще больше усилило его неудовлетворенность своим нынешним состоянием.

Поэтому он обратился к папе с просьбой расторгнуть брак, но несчастный Климент VII, теперь находившийся в руках императора, чувствовал, что не может этого сделать. Он извивался и

изворачивался, забавлялся предложениями о том, чтобы Генрих взял вторую жену или чтобы его незаконнорожденный сын герцог Ричмонд женился на своей сводной сестре Марии; короче говоря, он был готов разрешить все, за исключением одного ужасного преступления — развода, как тогда называлось расторжение брака. Его трудности с выяснением сути вопроса не облегчались готовностью обеих сторон совершить небольшое лжесвидетельство или подделать небольшую буллу для продвижения своего дела.

Не видя никакой помощи из Рима, Генри начал собирать мнения университетов и "странных врачей". Английский, французский и итальянский университеты приняли решение, согласно желанию короля, признать его брак недействительным; Виттенберг и Марбург высказали противоположные мнения. Многие богословы, включая Эразма, Лютера и Меланхтона, высказывали мнение, что двоеженство было бы лучшим выходом из сложившейся ситуации.

Но для того, чтобы аннулирование было законным, требовалось нечто большее, чем вердикт университетов. Отвергнутый Римом Генрих был вынужден заключить союз, хотя и временный, с реформаторскими и антиклерикальными партиями в своем королевстве. На Пасху 1529 года при дворе начали распространяться лютеранские книги, книги {288} пропагандирующие конфискацию церковной собственности и низведение церкви до состояния примитивной простоты. В беседе с Шапюи, имперским послом, Генрих подчеркнуто похвалил Лютера, которого недавно назвал "волком ада и отродьем сатаны", отметив, что, хотя он примешал ересь в свои книги, это не было достаточной причиной для порицания и отвержения многих истин, которые он выявил. Чтобы наказать Вулси за неспособность добиться желаемого от Рима, [Прим. автора: 4 ноября 1530 г.] избалованный министр был арестован за государственную измену, но умер от огорчения до того, как его успели казнить. "Если бы я служил своему Богу, - сказал он, - так же усердно, как я служил своему королю, он не выдал бы меня на седирах".

[Примечание: Парламент Реформации, 3 ноября 1529 г.]

Тем временем уже собрался парламент, которому предстояло принять за семь лет своего существования самые важные и революционные законы, какие только были внесены в свод законов. Выборы были свободными или почти свободными; избирательное право варьировалось от довольно демократического в Лондоне до крайне олигархического в некоторых районах. Несмотря на распространенное мнение, что Екатерина была обиженной женщиной и что война с Империей может разрушить ценную торговлю с Фландрией, "правительство", как сказали бы сейчас, то есть король, получило сердечную поддержку большинства членов. Единственным возможным объяснением этого, помимо признанного мастерства короля как парламентского лидера, является сила антиклерикальных настроений. Восстанию мирян против духовенства и патриотов против итальянского ига нужен был лишь пример Германии, чтобы разрушить все преграды средневековых обычаев. Значение революции заключалось в том, что это была насильственная реформа церкви со стороны государства. Желанием народа было положить конец церковным злоупотреблениям без особого отношения к доктрине; желанием короля было провозгласить себя {289} "императором и папой" в своих собственных владениях. В то время как Генри изучал программу Уиклифа, а люди читали Английский Завет, уроки, которые они извлекли из этих источников, поначалу были моральными и политическими, а не доктринальными или философскими.

[Примечание: Подчинение духовенства, декабрь 1530 г.]

Первый шаг в сокращении церкви был сделан, когда генеральный прокурор подал в суд королевской скамьи иск против всего духовенства за нарушение статута провизоров и преуниверситета, признав законную власть Уолси. Конечно, в этом не было никакой справедливости; сам король признал власть Уолси, и любой, кто отрицал это, был бы наказан. Но этого иска было достаточно для достижения целей правительства, которые заключались сначала в том, чтобы выжать деньги из духовенства, а затем заставить их объявить короля "единственным защитником и верховным главой церкви и духовенства Англии".

Кентерберийский собор неохотно принял это требование в той форме, в какой король был "их единственным защитником, единственным и верховным господином и, насколько позволяет закон Христа, даже Верховным главой". Далее Генрих предложил отменить присягу духовенства папе римскому, а его самого сделать верховным законодателем. [Примечание: 15 мая 1532 г.] Созыв принял это требование также в документе, известном как "представление духовенства".

Если таковы были действия духовного сословия, то естественно, что светские пэры и палата общин в парламенте должны были пойти гораздо дальше. [Примечание: 1532] В петиции Палаты общин, на самом деле исходившей от правительства и, вероятно, от Томаса Кромвеля, горько жаловались на тиранию ординариев в церковной юрисдикции, на чрезмерные сборы и досады, а также на необоснованные обвинения в ереси, выдвинутые против необразованных мирян. [Примечание: май 1532 г.] Злоупотребления подобного характера рассматривались в законодательных актах, ограничивающих сборы, взимаемые священниками, и регулирующих {290} множественность и отсутствие постоянного места жительства. Аннаты были отменены с условием, что король может вести переговоры с папой римским, — таким образом, правительство намеревалось оказать давление на курию. Неудивительно, что духовенство было основательно напугано. Епископ Фишер, их самый храбрый защитник, протестовал в Палате лордов: "Ради Бога, посмотрите, каким царством было королевство Богема, и когда пала церковь, пала и слава королевства. Теперь "С Общим собранием" - это не что иное, как "Долой церковь", и все это, по-моему, только из-за недостатка веры".

[Примечание: Брак с Анной Болейн]

Генри потребовалось несколько лет, чтобы подготовиться к достижению своей главной цели - разводу. В конце концов его к этому принудило известие о том, что Анна беременна; он женился на ней 25 января 1533 года, не дожидаясь окончательного решения о расторжении брака с Екатериной. Поступив таким образом, на первый взгляд могло показаться, что он последовал совету, столь свободно данному ему, чтобы успокоить свою совесть, совершив двоеженство; но, несомненно, он все время считал свой первый брак незаконным и просто ждал возможности добиться суда, который признал бы это таким образом. Вакантность архиепископства Кентерберийского позволила ему назначить на это место Томаса Кранмера, [Примечание: Кранмер] угодливого священнослужителя, который первым предложил его нынешний план. Кранмер был лютеранином, настолько преданным новой вере, что женился; он был умен, образован, прекрасно владел языком и, наконец, способен умереть за свою веру. Но то, что он показал себя уступчивым к желаниям своего хозяина, выходящим за все рамки приличия, - факт, ставший еще более очевидным благодаря твердому и благородному поведению Мора и Фишера. Его худший поступок был, возможно, по случаю его назначения в провинцию Кентербери; желая быть конфирмованным папой, он скрыл свои истинные взгляды и принес клятву повиновения Святому Престолу, предварительно подписав {291} протест о том, что он считает клятву простой формой, а не реальностью.

Первым использованием его положения было вынесение приговора о том, что Генрих и Екатерина никогда не состояли в законном браке, хотя в то же время утверждали, что это не повлияло на законность Марии, потому что ее родители считали себя женатыми. Сразу после этого было объявлено, что Анна является законной женой, и 1 июня она была коронована королевой [Прим. автора: 1533] под приглушенные проклятия населения. 7 сентября родилась принцесса Елизавета. Дело Екатерины было рассмотрено в Риме; за распоряжением Климента, запрещавшим королю вступать в повторный брак, последовал окончательный приговор в пользу Екатерины. Ее последние годы были омрачены унижениями и актами мелкой злобы. Когда она умерла, ее покойный муж с характерной непристойностью [Прим. автора: январь 1536 г.] отпраздновал радостное событие, дав бал, на котором он и Анна появились одетыми в желтое.

[Примечание: март 1534 г.]

Чувство народа проявило себя в этом случае более тонким и рыцарским, чем то, которое преобладало при дворе. Обращение с Екатериной было настолько непопулярным, что Шапюи писал, что короля очень ненавидели его подданные. [Примечание: январь 1536 г.] Решив подать пример ропщущим, правительство выбрало Элизабет Бартон, "Святую деву Кента". После того, как ее истерические видения и удачное пророчество принесли ей аудиенцию, она попала под влияние монахов и пророчествовала, что король не переживет свой брак с Анной и одного месяца, и провозгласила, что он больше не король в глазах Бога. [Примечание: 1 апреля 1534 г.] Она и ее сообщники были арестованы, арестованы без суда и казнили. Она может сойти за английскую католическую мученицу.

[Примечание: Закон об ограничении апелляций, февраль 1533 г.]

Продолжая курс на то, чтобы сделать короля абсолютным хозяином, парламент принял Закон о запрете апелляций, первый конституционный разрыв с Римом. {292} Теория правительства была изложена в преамбуле:

Принимая во внимание, что различными старыми достоверными историями и хрониками явно провозглашается и выражается, что это королевство Англии является Империей, и так было принято в мире, управляемой одним верховным главой и королем . . . которому подчиняется орган политического соглашения, состоящий из людей всех сортов и степеней, разделенных по терминам и именам духовным и временным, и должен нести, после Бога, естественное и смиренное послушание

таким образом, в какой бы то ни было юрисдикции иностранных держав было отказано.

[Примечание: 15 января 1534 г.]

Когда после перерыва парламент собрался снова, в Нижней палате оставалось заполнить сорок вакансий, и на этот раз было позаботилось о том, чтобы новые члены получили хорошее влияние. Собралось едва ли треть духовных лордов, хотя неясно, было ли их отсутствие вызвано королем или их присутствие не требовалось. Поскольку в прежних парламентах духовные пэры превосходили светских, это было важным вопросом. Еще одним признаком секуляризации правительства стало изменение характера канцлеров. Вулси был последним великим церковным министром того времени; Мор и последовавший за ним Кромвель были мирянами.

Разрыв с Римом был теперь завершен тремя законами. Во-первых, окончательная отмена аннатов означала, что отныне избрание архиепископов и епископов должно осуществляться по разрешению короля и что они должны присягнуть ему на верность перед хиротонией. Второй закон запрещал выплату пенсов Питера и всех других сборов Риму и наделял архиепископа Кентерберийского правом выдавать лицензии, ранее выданные папой римским. Третий закон, направленный на подчинение духовенства, передавал созыв под королевскую власть и запрещал все привилегии, несовместимые с этим. Новый папа Павел III нанес ответный удар, хотя и с колебаниями {293}, отлучив короля от церкви, [Примечание: 1535-8] объявив всех своих детей от Анны Болейн незаконнорожденными и освободив своих подданных от присяги на верность.

[Примечание: 1534]

Два акта укрепили короля в его деспотических притязаниях. Закон о престолонаследии, [Прим. автора: Акт о престолонаследии], известный как первое утверждение короной и парламентом права издавать законы по этому конституционному вопросу, закрепил наследование короны в вопросе Генриха и Анны и признал государственной изменой оспаривание брака. Акт о верховенстве [Прим. автора: Акт о верховенстве] провозгласил, что королевское величество "справедливо и по праву является и должно быть верховным главой Англиканской церкви", подчеркнуто опустив квалификацию, на которой настаивал Созыв, — "насколько позволяет закон Христа". Поначалу было непонятно, как далеко зашло это превосходство. Вскоре стало очевидным, что это распространялось не только на управление светскими делами церкви, но и на издание предписаний по духовным вопросам и определение догматов веры; с другой стороны, монарх никогда лично не претендовал на право служить мессе.

То, что отмена папской власти была принята так легко, является доказательством того, до какой степени национальное чувство английской церкви уже дошло. Клятва признавать верховенство короля была принесена обоим собраниям, университетам, духовенству и видным мирянам и, за редким исключением, была принята с готовностью. Несомненно, многие проглотили клятву из простой трусости; другие восприняли ее с мысленными оговорками; и все же то, что большинство подчинилось, показывает, что замена королевского деспотизма папским была приемлема для совести страны в целом. Многие верили, что они не отступают от католической веры, но в том, что другие приветствовали этот акт как шаг на пути к Реформации, сомневаться не приходится. Насколько сильным было влияние Лютера на страну, сейчас будет показано, но здесь {294} нужно привести только один пример чрезмерного стремления к чисто национальной религии. "Бог показал себя Богом Англии, или, скорее, английским Богом", - писал Хью Латимер, [Прим. автора: 1537] ведущий лютеранин; не только церковь, но и Божество стало замкнутым!

[Примечание: Фишер]

Но было несколько человек, и среди них самые великие, которые отказались стать соучастниками разрыва с римским христианским миром. Джон Фишер, епископ Рочестерский, друг Эразма и человек замечательной стойкости, долгое время приходил в ужас от тирании Генриха. Он твердо отстаивал законность брака Екатерины, а теперь отказывался видеть в монархе достойного правителя церкви. Его чувства по этим вопросам были настолько сильны, что он предложил Чарльзу вторгнуться в Англию и свергнуть короля. Это была государственная измена, хотя, вероятно, правительство, отправившее его в тауэр, не знало об этом поступке. Когда Павел III вознаградил Фишера, возведя его в сан кардинала [Прим. автора: 20 мая 1535 г.],

Генрих в ярости заявил, что отправит его голову в Рим за шляпой. [Примечание: 22 июня] Семидесятишестилетний старик был соответственно обезглавлен.

[Примечание: сэр Томас Мора казнен 6 июля]

За этой казнью последовала казнь сэра Томаса Мора, величайшего украшения своей страны. Поскольку Мора почти полностью запомнили благодаря его благородной *утопии* и его благородной смерти, трудно трезво оценивать его характер. Того, что его гений был отточен до высочайшего совершенства, что в трудный век он проявлял искреннее сочувствие к бедным, а в век рабства - смелости его убеждений, казалось бы, было достаточно, чтобы оправдать любые недостатки. Но глубокая жилка фанатизма пронизывала всю его натуру и окрашивала все его поступки, политические, церковные и личные. Мало того, что его язык был до крайности жесток, но и его поступки были столь же безжалостны, когда в нем пробуждались страсти. Назначенный канцлером после падения Вулси, он не постеснялся ударить человека, который был повержен, описав его в язвительной речи в парламенте как паршивца, отделенного заботливым пастухом от здоровой овцы. В своей ненависти к новым взглядам он не только посылал людей на смерть и пытки за то, что они придерживались их, но и оскорблял их при этом. "Какими бы еретиками они ни были, - писал он, - духовенство осуждает их. А поскольку они вполне достойны, светская власть сжигает их. И после пожара в Смитфилде их примет ад, где несчастные будут гореть вечно".

Как канцлер, он с растущим неодобрением наблюдал за курсом тирана. Он выступал против брака с Анной Болейн. На следующий день после представления духовенства он сложил с себя великую печать. Он не мог долго избегать дальнейших оскорблений своего хозяина, и его отказ принести присягу превосходства был преступлением, за которое он был осужден. Его поведение в последние дни жизни и на эшафоте было безупречным. Он проводил свое время в суровой самодисциплине; он произносил красноречивые слова прощения своим врагам, признания в любви дочери, которую нежно любил, и смелые шутки.

[Примечание на стороне: Мученики-анабаптисты, 1536 г.]

Но в то время как страсти Мора мог позавидовать любой человек, его мужество разделяли более смиренные мученики. В том же году, когда он был обезглавлен, тринадцать голландских анабаптистов были сожжены, как он бы одобрил, английским правительством. Немые, бесславные Христы, их вели, как овец на заклание, и как немых агнцев перед стригущими их. У них не было ни красноречия, ни высокого положения, чтобы заставить их слова звенеть по всей Европе и эхом отдаваться в веках; но их кроткая выносливость не должна остаться незамеченной.

На место Мора в качестве главного министра Генри назначил самого угодливого орудия, какое только смог найти, - Томаса Кромвеля. [Примечание: Томас Кромвель, 1485? -1540] С благой целью этот человек изучил "*Принца*" Макиавелли как практическое руководство по тирании. Его самой важной услугой короне был {296} следующий шаг в упразднении средневековой церкви - роспуск монастырей. [Примечание: Роспуск монастырей] Как и другие действия, направленные на Реформацию, это было, в целом, популярно и репетировалось в небольшом масштабе в нескольких предыдущих случаях английской истории. Папа и король Франции научили Эдуарда II распустить двадцать три прецептории, принадлежащие тамплиерам; в 1410 году Палата общин подала петицию о конфискации всего церковного имущества; в 1414 году иностранные

приораты в Англии попали под враждебное влияние правительства; их имущество было передано короне, и они спаслись только выплатой крупных штрафов, присоединением к английским орденам и частичной конфискацией их земель. Преобладала идея, что мортмейн не достиг своей цели и что, следовательно, церковь по праву может быть освобождена от своих несправедливо нажитых доходов. Они были сильно преувеличены, поскольку памфлетист полагал, что богатство церкви составляет половину собственности королевства. На самом деле общий доход духовенства составлял всего 320 000 фунтов стерлингов, а монастырей - всего 140 000 фунтов стерлингов. В пятнадцатом веке пожертвований было немного; фактически только восемь новых за весь период 1399-1509 годов. Колледжи, школы и больницы теперь привлекали деньги, которые раньше шли монахам.

Более того, монашеская жизнь переживала тяжелые времена. Аббатства больше не были центрами обучения и изготовления книг. Функций гостеприимства и благотворительности, которые они все еще выполняли, было недостаточно, чтобы искупить их в глазах людей за "грубый, плотский и порочный образ жизни", в котором их обычно и вполне справедливо обвиняли. Посещения, предпринятые не враждебными правительствами, а епископами в пятнадцатом веке, доказывают, как много безнравственности царило в стенах монастыря. К 1528 году они стали настолько невыносимыми, что популярный памфлетист Саймон Фиш в своем *Обращении к нищим* предложил полностью искоренить нищенствующих монахов.

[Прим. автора: 21 января 1535 г.]

Теперь Томасу Кромвелю было дано поручение, уполномочивающее его провести общее посещение всех церквей, монастырей и коллегияльных органов. Собранные свидетельства о шокирующих беспорядках, происходящих в монастырях обоих полов, в целом заслуживают доверия и хорошо обоснованы. Тем не менее эти беспорядки послужили скорее предлогом, чем реальной причиной последовавших за ними распадов. Кромвель хвастался, что сделает своего короля самым богатым в христианском мире, и это был самый короткий и популярный способ добиться этого.

[Примечание: 1536]

Соответственно, был принят закон о роспуске всех небольших религиозных домов с доходом менее 200 фунтов стерлингов в год. Права учредителей были надежно защищены, а тем заключенным, которые не нашли приюта ни в одном из более крупных учреждений, были гарантированы пенсии. В соответствии с этим законом были ликвидированы 376 домов с совокупным доходом в размере 32 000 фунтов стерлингов, не считая конфискованной посуды и драгоценностей. Пострадали две тысячи монахов или монахинь в дополнение к примерно восьми тысячам слуг. Немедленным результатом было большое количество страданий, но результат в долгосрочной перспективе был хорошим. Возможно, главное политическое значение этого и последующих ограблений церкви состояло в том, чтобы сделать Реформацию прибыльной и, следовательно, популярной среди предприимчивого класса. Ибо львиная доля добычи досталась не льву, а шакалам. Из фаворитов короля, которым он бросал добычу, была основана новая аристократия, класс, сильно заинтересованный в противодействии восстановлению папской церкви. К протестантским гражданам Лондона теперь добавилось протестантское землевладельческое дворянство.

{298} [Примечание: Союз с Уэльсом, 1536 г.]

Прежде чем "Парламент реформации" прекратил свое существование, был принят еще один акт огромной важности. Уэльс был дикой страной, плохо управляемой нерегулярными средствами. Первым актом Объединения в британской истории Уэльс был теперь включен в состав Англии, и аномалии, или различия, в его правовой и административной системе были устранены. Суровыми мерами, в ходе которых 5000 человек были отправлены на виселицу, западные горцы были приведены к порядку в 1534-40 годах; и в 1543 году их союз с Англией был завершен. Эта мера была продуманной и успешной; ей, несомненно, способствовала лояльность валлийцев к их собственной династии Тюдоров.

[Примечание: 14 апреля 1536 г.]

Когда парламент распустился после того, как за семь лет своего существования совершил величайшую перманентную революцию в истории Англии, он порвал узы с Римом и определил принципы религиозных верований; он дал королю больше власти в церкви, чем когда-либо имел папа, и возвысил его прерогативы в государстве до уровня, которого никогда не было ни до, ни впоследствии; он распустил мелкие монастыри, ограничил свободы подданных, урегулировал порядок наследования престола, породил новые измены и ереси; он разобрался с серьезными социальными проблемами, такими как огораживания и нищенство; и объединил Уэльс - Англия.

[Примечание: Казнь Анны Болейн]

И теперь женщина, ради которой, так и подмывает сказать, король все это сделал — хотя, конечно, его участие в революции не отражает реальных сил, которые ее совершили, — женщина, которую он завоевал "таким суровым миром и адом боли", должна была быть брошена во внешнюю тьму самой отвратительной трагедии в истории. Анна Болейн не была хорошей женщиной. И все же, когда ее обвинили в прелюбодеянии [Прим. автора: 19 мая 1536 г.] с четырьмя мужчинами и в кровосмешении с собственным братом, {299} хотя ее судила большая коллегия пэров, осудила и обезглавила, невозможно быть уверенным в ее вине.

[Примечание: Джейн Сеймур]

На следующий день после казни Анны, или, как говорят некоторые, 30 мая, Генрих женился на своей третьей жене, Джейн Сеймур. 12 октября 1537 года она родила ему сына Эдварда. Вынужденная мужем принять участие в крестинах, изнурительной церемонии, которая была слишком тяжела для ее сил, она заболела и вскоре умерла.

[Примечание: Лютеранские трактаты]

Тем временем в Англии быстрыми темпами росло лютеранское движение. За последние два десятилетия правления Генриха семь трактатов Лютера и некоторые из его гимнов были переведены на английский. Пять трактатов оказались достаточно популярными, чтобы их переиздали. Одной из них была *"Свобода христианина"*, переведенная на английский язык Джоном Тьюксбери, которого, погибшего за свою веру, Мор назвал "смердящим мучеником". Гимны и некоторые другие сборники были переведены на английский язык Майлзом Ковердейлом. В дополнение к этому были переведены отчет о смерти Лютера в 1546 году, "Аугсбургское исповедание" и четыре трактата Меланхтона, а также по одному трактату Цвингли, Эколампадиуса и Буллингера — последнее переиздано. Конечно, эти версии являются не полным показателем лютеранского влияния, а всего лишь барометром. Теперь в партии были

такие влиятельные проповедники, как Латимер и Ридли; Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, и Томас Кромвель, с мая 1534 года главный секретарь короля.

Приверженность последнего из названных к партии реформаторов, пожалуй, является самым значительным знаменем времени. Поскольку его единственной целью было быть на стороне победителей, и поскольку у него не было ни капли настоящего религиозного интереса, это делает еще более впечатляющим тот факт, что, полагая, что кошка вот-вот прыгнет в сторону лютеранства, он должен был попытаться встать на линию ее траектории {300}, делая все возможное для поддержки реформаторов дома и протестантского альянса за рубежом.

[Прим. автора: Ковердейл, 1488?-1569]

Одним из решающих факторов Реформации снова оказалась английская Библия, завершенная после окончания трудов Тиндейла человеком менее образованным, но столь же удачно владеющим языком, Майлзом Ковердейлом. Не отличаясь оригинальным гением, он провел свою жизнь в основном в трудах по переводу трактатов немецких реформаторов на свой родной язык. [Примечание: Английская Библия, 1535] Его первой большой работой было завершение английской Библии, которая была опубликована Кристофером Фрошауэром из Цюриха в 1535 году, на титульном листе указано, что она была переведена "с душистого и латинского" — "Душистый" был, конечно, немецкой версией Лютера. Для Нового Завета и для Ветхого Завета вплоть до конца Хроник использовалась версия Тиндейла; остальное было написано Ковердейлом. Работа была посвящена королю, и, поскольку Кромвель уже рассматривал целесообразность утверждения английской Библии, это не было чем-то нежелательным. Но поскольку правительство было еще не готово признать работу, открыто основанную на немецких протестантских версиях, [Примечание: 1537] они прибегли к переизданию Библии с именем Томаса Мэтью в качестве переводчика, хотя на самом деле она полностью состояла из работ Тиндейла и Ковердейла. [Примечание: 1538-9] Небольшая редакция этого труда была переиздана под названием "Великая Библия", [Примечание: 11 октября 1538 г.] и Кромвель издал предписание, предписывающее установить Библию самого большого размера в каждой церкви и поощрять людей к ее чтению. Их также должны были учить молитве Отче Наш и символу веры на английском языке, читать духовные проповеди и не поощрять суеверия, такие как паломничество, возжигание свечей святым, целование и облизывание реликвий.

В то же время Кромвель усердно искал *сближения* с немецкими протестантами. Идея {301} была очевидной: завоевав неприязнь Карла, Англия должна поддержать его опасных внутренних врагов, шмалькальдских принцев. В те времена богословской политики было естественно пытаться найти цемент для союза в общем исповедании. Посольство за посольством совершали паломничества в Виттенберг, где посланники вели длительные дискуссии с реформаторами [Примечание: январь 1536 г.] как о разводе, так и о вопросах веры. Они увезли с собой в Англию вместе с личным письмом Лютера Кромвелю [Примечание: апрель] второе мнение, неблагоприятное для развода, и признание, составленное из семнадцати статей. В этом, хотя в основном это было, как его называли, "повторение и толкование Аугсбургского исповедания", были сделаны значительные уступки пожеланиям англичан. Меланхтон был рисовальщиком, а Лютер - составителем статей.

Этот символ теперь лег в основу первого определения веры, составленного правительством. Какое-нибудь подобное заявление было срочно необходимо, поскольку на фоне ошеломляющих действий парламента Реформации народ едва ли понимал, во что король

ожидал, что они поверят. Поэтому король представил Собранию Книгу символов веры и церемоний, [Примечание: 11 июля, Книга статей], обычно называемую "Десять статей", составленную Фоксом на основе меморандума, полученного им в Виттенберге, в полном и часто устном согласии с ней. Этим признанием Библия, три символа веры и деяния первых четырех соборов были признаны авторитетными; были сохранены три лютеранских таинства крещения, покаяния и алтаря; было провозглашено совместное оправдание верой и добрыми делами; было разрешено использование изображений и запрещено чистилище; было решительно подтверждено реальное присутствие в таинстве. Значение статей, однако, заключается не столько в их лютеранском происхождении, сколько в их обнародовании {302} короной. Это был последний шаг в порабощении религии. "Этот король, - как заметил Лютер, - хочет быть Богом. Он основывает символы веры, чего никогда не делал даже папа римский".

[Примечание: Паломничество благодати]

Оставалось только посмотреть, что скажут люди о новом порядке. В течение нескольких месяцев после роспуска парламента Реформации и публикации Десяти статей жители севера внесли в историю чрезвычайно решительный протест. Ибо именно этим и было Паломничество Благодати — не восстанием против короля, собственности или какого-либо устоявшегося института, а великой демонстрацией против политики, козлом отпущения за которую стал Кромвель. В те дни медленного общения мнения распространялись по проторенным дорогам коммерции. Еще во времена правления Марии появились доказательства того, что протестантизм был ограничен югом, востоком и мидлендсом, грубо говоря, кругом с Лондоном в центре и радиусом в сто миль. В те ранние годы протестантское мнение, вероятно, было еще более ограниченным; Лондон был одновременно роялистским и антиримско-католическим; порты юго-восточного побережья, включая Кале, в то время английскую резиденцию во Франции, и университетские города имели сильные лютеранские и еще более сильные антиклерикальные партии.

Но в глуши севера и запада все было по-другому. Там вряд ли существовал какой-либо буржуазный класс торговцев, принявший "религию торговцев", как называли протестантизм. Возможно, более важным было простое замедление распространения идей. Старые добрые способы были достаточно хороши для людей, которые никогда не знали ничего другого. Народ был недоволен высокими налогами, а знать, которая на севере сохранила феодальные привязанности, если не саму феодальную власть, была возмущена засильем в королевских советах выскочек низкого происхождения. Более того, похоже, что духовенство {303} было сильнее на севере еще до нашествия новых доктрин. В результате подавления меньших монастырей Йоркшир, крупнейшее графство Англии, потеряло больше всего фондов - всего 53, а Линкольншир - следующий по величине (37). Раздражение по поводу самого подавления было значительно усилено среди духовенства дерзостью и тщательностью проверок, в ходе которых допрашивались не только монастыри, но и приходские священники. Сопrotивляясь королю от имени церкви, священники имели перед собой пример самого популярного английского святого, Томаса Бекета. Они были настоящими подстрекателями демонстрации, и джентльмены, а не люди, были ее лидерами.

Беспорядки начались в Линкольншире 1 октября 1536 года, и к концу месяца к движению присоединились 40 000 человек. Была составлена петиция королю с требованием сохранить церковные праздники по-прежнему, освободить церковь от уплаты первых плодов и десятины,

восстановить разрушенные дома, за исключением тех, которые король "содержал исключительно для своего удовольствия", снизить налоги и изгнать некоторых непопулярных чиновников.

Генрих прогремел ответ в своем самом высоком и властном стиле: "Как же вы тогда самонадеянны, грубые простолюдины одного графства, да к тому же одного из самых грубых и подлых во всем королевстве, и наименее опытные, чтобы придирались к своему принцу при избрании его советников прелатов!" Он немедленно отправил армию с приказом "вторгнуться в их страны, сжечь, разграбить и уничтожить их имущество, жен и детей". [Примечание: март 1537 г.] За подавлением восстания в Линкольншире последовала казнь сорока шести лидеров.

Но движение быстро распространилось на Йоркшир, где люди собрались как на мирную демонстрацию [Прим. автора: октябрь 1536 г.] и поклялись не участвовать в "этом благодатном паломничестве для содружества, за исключением {304} поддержания Божьей веры и воинствующей церкви, сохранения личности короля и очищения дворянства от крови всех вилленов и злых советчиков, восстановления церкви Христа и подавления мнений еретиков". В Йоркшире опасались, что деньги, вымогаемые из аббатств, направляются в Лондон и что действия новой государственной измены будут иметь жестокие последствия. Камберленд и Уэстморленд вскоре присоединились к восстанию, их особое недовольство вызвал экономический рост арендной платы, или, скорее, большие штрафы, взимаемые землевладельцами за продление договоров аренды. Повстанцы собрали армию численностью 35 000 человек, но их лидер Роберт Аске не пожелал сражаться, хотя ему противостояли всего 8000 королевских солдат. Он предпочел переговоры и потребовал, в дополнение к добровольному помилованию, принятия требований северян, созыва свободного парламента, восстановления папского верховенства как имеющего отношение к исцелению душ, и запрета книг Тиндейла, Гуса, Лютера и Меланхтона. Король пригласил Аске на личную беседу и пообещал удовлетворить требование о созыве парламента, если петиционеры разойдутся. Акт насилия со стороны нескольких северян был признан оправданием правительства, и Генрих, собрав свои силы, потребовал и добился "ужасной казни" в качестве возмездия.

Хотя Паломничество Благодати оказало некоторое влияние, предостерегая Генриха от участия в иностранных ересьях, политика, которую он придерживался больше всего на свете, - стремление к абсолютизму в государстве и церкви - быстро продвигалась вперед. Кульминацию роста королевской власти обычно можно увидеть в Статуте о прокламациях [Примечание: Статут о прокламациях, 1539], который, по-видимому, придавал королевским прокламациям ту же силу, что и закону, за исключением случаев, когда они касались жизни, свободы или собственности подданных или противоречили существующим законам. Вероятно, однако, целью парламента было не {305} наделение короны новыми полномочиями, а регулирование применения уже существующих прерогатив. На самом деле в последние годы правления Генриха не было выпущено ни одной прокламации, которой могло бы не быть раньше.

Но реформа церкви, проведенная правительством в области морали и обычаев, а не доктрины, продолжалась беспрепятственно. Более крупные монастыри переходили в руки короля путем добровольной капитуляции с 1536 года; новое посещение и новый Закон о роспуске [Примечание: 1539] более крупных монастырей завершили этот процесс.

[Примечание: Война с реликвиями]

Иконоборческая война теперь была начата не толпой, как в других странах, а правительством. Такие реликвии, как Кровь Хейлса, были уничтожены, а Руд Боксли, распятие, механически изготовленное таким образом, что священники заставляли его кивать и улыбаться или качать головой и хмуриться в зависимости от щедрости его почитателей, было снято, и механизм выставлен напоказ в разных местах. В Уолсингеме в Норфолке был изображен кивающий образ Пресвятой Богородицы, бутылочка с ее еще жидким молоком и костяшка пальца Святого Петра. Святилище, хотя и стоявшее в одном ряду с Лоретто и Компостеллой в народном почитании, теперь было разрушено. Затем правительство с большим рвением атаковало усыпальницу святого Томаса Бекета в Кентерберии, отомстив таким образом за унижение другого Генриха от рук церкви. Теперь мученик был объявлен мятежником, бежавшим из королевства.

[Примечание: 1536]

Разработка доктрины вкупе с переговорами со шмалькальдскими князьями быстро продолжалась. Проект союза ни к чему не привел, поскольку Иоанн Фредерик Саксонский писал, что Бог не допустит общения с Генрихом. Два посольства в Англию вступили в усердную, но бесплодную теологическую дискуссию. Сам Генри с помощью Катберта Танстолла составил длинное заявление "против {306} мнений немцев о причастии обоих видов, частных мессах и священническом браке". Реакционная тенденция англичан проявляется в *Учреждении христианина*, [Примечание: Определения веры] опубликованном с королевской власти, и еще больше в Акте о шести статьях. [Примечание: 1537] В первом случае четыре таинства, ранее отброшенные, снова "найлены". [Примечание: 1539] В последнем подтверждается пресуществование, доктрина причастия в обоих видах клеймится как ересь, брак священников объявляется недействительным, обеты целомудрия становятся постоянно обязательными, санкционируются частные мессы и исповеди в ушах. Отказ от пресуществования карался сожжением на костре и конфискацией имущества; те, кто выступал против других статей, были признаны виновными в тяжком преступлении по второму преступлению. Этот акт, официально озаглавленный "за искоренение разнообразия мнений", на самом деле был первым актом единообразия. Он был осуществлен под влиянием короля и мирян против партий, представленных Кромвелем и Кранмером. Это положило конец планам создания шмалькальдского союза. [Примечание: 10 июля 1539 г.] Лютер поблагодарил Бога за то, что они избавились от этого богохульника, который пытался вступить в их лигу, но потерпел неудачу.

Отчаянной авантюрой Кромвель теперь пытался спасти то, что осталось от его прогерманской политики. Герцог Вильгельм Клеве-Юлих-Бергский принял эразмианский компромисс между лютеранством и латинизмом, в некоторых отношениях напоминающий курс, проводимый Генрихом. Соответственно, Кромвель следующим образом повернулся в этом направлении и убедил своего хозяина заключить брак с Анной, [Прим. автора: 6 января 1540 г.] сестрой герцога. Поскольку Генрих предложил европейской публике три трагедии в трех своих предыдущих браках, теперь он в истинно греческом стиле представил в своем четвертом фарсе или "сатирической драме". Монарху нисколько не понравилась его новая жена, и он нашел способ избавиться от нее быстрее, чем это было обычно даже у него. Разделив с ней постель в течение шести месяцев {307}, он развелся с ней на том основании, что брак не был заключен. [Примечание: 28 июля 1540 г.] Бывшая королева продолжала жить как "добрая сестра короля" с пенсией и собственным заведением, но Кромвель опосредованно искупил ее неспособность угодить. Он был обвинен без суда и следствия в государственной измене и быстро казнен.

[Примечание: жены Синей Бороды]

В тот же день Генрих женился на Кэтрин Ховард, красивой девушке, выбранной католиками для исполнения той же роли, которую Анна Болейн сыграла для лютеран, и которая сделала это более точно, чем предполагали ее покровители. Как и ее предшественница, она была обезглавлена за супружескую измену 13 февраля 1542 года. 12 июля 1543 года Синяя Борода завершил свои матримониальные приключения, взяв в жены Кэтрин Парр, леди, которая, как и Сийес после Террора, должно быть, поздравила себя со своей редкой способностью выживать.

[Примечание: католическая реакция]

Поскольку католическая реакция ознаменовала последние восемь лет правления Генриха, возможно, было бы неплохо сказать несколько слов о состоянии общественного мнения в Англии в то время. Вера в то, что весь народ с застенчивой кротостью принял свою религию от своего короля, слишком проста и слишком бесчестна для национального характера, чтобы в это можно было поверить. То, что они *появились*, чтобы сделать это, действительно является доказательством того, что партии были почти разделены. Точно так же, как в наше время важные вопросы часто решаются на всеобщих выборах узким большинством голосов, так и в шестнадцатом веке общественное мнение меняло направление, частично направляемое правительством, частично влияющее на него, даже когда каналы, по которым оно это делало, неочевидны. Мы не должны воображать, что люди не проявляли никакого интереса к ходу дел. Напротив, животрепещущие проблемы того времени обсуждались в пабах и на рыночной площади с той же живостью, с какой сейчас обсуждают политику в загородном магазине Новой Англии. "Слово Божье оспаривалось, рифмовалось, распевалось и звенело в каждой харчевне", - говорится в современной государственной газете. Наедине более серьезные люди спорили с высоким духом, отраженным в диалогах Мора.

Можно отчетливо различить четыре стороны. Первыми и самыми многочисленными были строгие англикане, ортодоксы и роялисты, составлявшие большую часть любящих корону, ненавидящих священников и, тем не менее, консервативных в интеллектуальных вопросах простых людей. Во-вторых, были последователи папы римского, все еще многочисленные, особенно среди духовенства и на севере. Их лидеры были одними из самых возвышенных представителей нации, но также первыми пали жертвой королевского гнева, который, как всегда повторяли его спутники латинской пословицей, означал смерть. Такими людьми были Мор, Фишер и лондонские картезианцы, казненные в 1535 году за отказ от присяги превосходства. В-третьих, были лютеране, активное и интеллигентное меньшинство городских торговцев и ремесленников, возглавляемое людьми с заметными талантами и, как правило, высоким характером, такими как Ковердейл, Кидли и Латимер. С этими лидерами было несколько оппортунистов вроде Кранмера и несколько макиавеллистов вроде Кромвеля. Наконец, существовал очень небольшой контингент экстремистов, цвинглианцев и анабаптистов, которых все вместе считали богохульниками и социальными агитаторами. Их главными достоинствами были разнообразие их мнений и единодушие в преследовании их всеми другими партиями. Некоторые из них были людьми понятных социальных и религиозных убеждений; другие составляли "безумную окраину" реформаторского движения. Прокламация, изгоняющая их из Англии [Примечание: 1538] под страхом смертной казни, просто продолжила предыдущую практику правительства.

За падением министерства Кромвеля, если это можно так назвать по современной аналогии, последовало правительство, в котором Генрих выступал в качестве собственного премьер-министра. {309} Он оправдал свое хвастовство, что, если бы его рубашка знала его совет, он бы снял ее.[1] Двух своих великих министров он низложил за то, что они были слишком католическими, одного - за то, что он был слишком протестантским. Добившись принятия законов, позволяющих ему сжигать румын как предателей и лютеран как еретиков, он установил режим чистого англиканства, единственного подлинного англиканского католицизма, сколько бы ему ни подражали в последующие столетия, который когда-либо существовал.

[Примечание: Антипротестантские меры]

Сразу же были приняты меры по подавлению протестантов и их Библии. Одним из первых мучеников был Роберт Барнс, личный друг Лютера. Большой переполох вызвало сожжение несколько лет спустя в Смитфилде знатной дамы по имени Энн Эскью и троих мужчин. Отвращение, естественно вызванное этой жестокостью, подготовило людей к протестантскому правлению Эдуарда. Нападкам подверглась и Библия. Перевод 1539 года был рассмотрен Собранием в 1540 году и подвергнут критике за то, что он не был более близок к латыни. В 1543 году все заметки на полях были стерты, а низшим классам вообще запретили читать Библию.

Правление Генриха закончилось так же, как и началось, войной с Францией и Шотландией, но без особого успеха. Правительство было поставлено в отчаянное положение в поисках денег. Принудительный заем в размере 10% на собственность было наложено взыскание в 1542 году и отменено законом в следующем году. Был введен подоходный налог, увеличенный с четырех пенсов до двух шиллингов за фунт с товаров и с восьми пенсов до трех шиллингов с доходов от земли. Земли короны продавались или закладывались. Последним и самым катастрофическим средством было обесценивание чеканки монет, старого эквивалента современного выпуска невозвратной бумаги. В результате этого цены значительно выросли.

[1] Метафора взята из Эразма, *De lingua*, 1525, *Opera*, iv, 682, где слова приписываются Цецилию Метеллу.

{310}

РАЗДЕЛ 2. РЕФОРМАЦИЯ При ЭДУАРДЕ VI. 1547-1553

[Примечание: Вступление на престол Эдуарда VI, 28 января 1547 г.]

Настоящим испытанием популярности двойной революции Генриха, конституционной и религиозной, стало то, что Англией больше не руководила его сильная личность, а правил ребенок, которым управляло слабое и непостоянное регентство. Примечательно, что, в то время как прерогатива короны была значительно ослаблена, хотя и в значительной степени передана более сильным преемникам Эдуарда, Реформация продолжалась ускоренными темпами.

[Примечание: регент Сомерсета]

Сам Генрих, не столько для того, чтобы обеспечить дальнейшие перемены, сколько для защиты уже достигнутых, назначил реформаторов наставниками своего сына и сделал большинство членов Регентского совета протестантами. Дядя молодого короля по материнской линии, Эдвард Сеймур, граф Хартфорд, был избран советом протектором и получил титул герцога

Сомерсета. [Примечание: 1547] Мягкость была характерной чертой его правления. Он игнорировал акты Генриха об измене и ереси еще до того, как они были отменены.

[Примечание: Отмена законов о государственной измене и ереси]

Первые всеобщие выборы прошли практически без вмешательства правительства. Можно предположить, что парламент выразил волю нации, когда отменил законы Генриха о государственной измене и ереси, древний акт *О Геретико комбарендо*, Закон о шести статьях и Статут о прокламациях.

Точно установить, каково в данный момент "общественное мнение" политической группы, является одной из самых трудных задач историка.[1] Даже в наши дни несомненно, что воля большинства часто не отражается ни в актах законодательной власти, ни в газетной печати. Нельзя даже сказать, что желания большинства всегда являются общественным мнением. В выражении голоса народа, как правило, есть часть, более громкая, более могущественная из-за богатства или интеллекта и более искренняя, чем любая другая; и это меньшинство, хотя иногда и относительно небольшое, навязывает свою волю от имени народа и отождествляет свой голос с голосом Бога.

[Примечание: протестантское общественное мнение]

Поэтому, когда мы читаем свидетельства современников о том, что к середине XVI века большая часть Англии все еще оставалась католической, необходимо провести дальнейший анализ общественного мнения, чтобы объяснить явно спонтанный порыв Реформации. Некоторые из этих оценок, несомненно, являются преувеличениями, как, например, у Пейджета, который писал в 1549 году, что одиннадцать англичан из двенадцати были католиками. Но, признавая, как мы и должны, что значительное большинство все еще было настроено против протестантизма, следует помнить, что это большинство включало большинство равнодушных и вялых и почти всех тех, кто придерживался своих мнений только по той причине, что они унаследовали их, и отказывался утруждать себя размышлениями о них. Почти сплошной север и запад, сельские районы и непредставленный и безмолвный пролетариат городов, считавшийся католическим, но вряд ли считавшийся чем-то еще. Коммерческий класс городов и интеллектуальный класс, которые, хотя и были относительно малочисленны, тогда, как и сейчас, формировали общественное мнение, оцениваемое всеми обычными критериями, были преимущественно протестантами с энтузиазмом.

Если мы проанализируем выраженные пожелания Англии, то обнаружим смесь подлинной религиозной веры и мирских, а иногда и порочащих мотивов. Новая партия всегда включает в свой состав не только тех, кто любит ее принципы, но и тех, кто ненавидит ее противников. У протестантов было множество союзников - от тех, кто ненавидел Рим, до тех, кто отвергал всякую религию. Более того, у каждой успешной партии есть ряд прихлебателей ради политической наживы, а также те, кто следит за ее судьбой {312} без какой-либо цели, кроме как ловить рыбу в мутной воде.

Но каким бы ни был их электорат или относительная численность, протестанты теперь имели перед собой все. В ходе свободных религиозных дебатов, последовавших за смертью Генри, пресса изобиловала сатирой и памфлетами, в основном протестантскими. Из чужих краев стекались союзники, в то время как отечественный запас литературных боеприпасов пополнялся немецкими и швейцарскими книгами. В правление Эдуарда вышло три новых

перевода книг Лютера, пять - Меланхтона, два - Цвингли, два - Эколампация, три - Буллингера и четыре - Кальвина. Многие английские религиозные лидеры состояли в переписке с Буллинджером, многие - с Кальвином, а некоторые - с Меланхтоном. Среди видных европейских протестантов, призванных в Англию во время этого правления, были Буцер и Фагиус из Германии, Питер Мученик и Бернардино Очино из Италии, а также поляк Джон Ласки.

Очищение церквей началось незамедлительно. [Примечание: 1547] Изображения, крыши и витражи были уничтожены, в то время как здания были побелены изнутри, чтобы должным образом выразить аскетизм нового культа. Факты показывают, что эти действия, одобренные правительством, были популярны в городах, но не в сельских районах.

[Примечание: Книга общей молитвы, 1549 г.]

Затем последовала подготовка английской литургии. Первая книга общей молитвы была работой Кранмера. Многие в нем, включая некоторые из самых красивых отрывков, было переводом из римского Требника; но высокая и торжественная музыка его языка должна быть заслугой гениального переводчика. Точно так же, как Английская Библия популяризировала Реформацию, английский молитвенник укрепил и расширил влияние англиканской церкви. С доктринальной точки зрения это был компромисс между латинизмом, лютеранством и кальвинизмом. Его использование было закреплено Актом о единообразии, [Примечание 1549 г.] {313} первым и самым мягким из законодательных актов, носивших это название. Хотя он мог совершаться на греческом, латыни или иврите, а также на английском, священники, совершавшие любое другое богослужение, наказывались потерей пособий и тюремным заключением.

В это время, должно быть, произошла незарегистрированная борьба в Регентском совете между двумя религиозными партиями, за которой последовала победа новаторов. [Примечание: конец 1549 г.] Темпы Реформации сразу же ускорились; между 1550 и 1553 годами Англия отказалась от большей части того, что осталось от исконно средневекового католицизма. Во-первых, теперь был узаконен брак священников. [Примечание: Ускоренная реформация] О том, что общественное мнение пока еще не было готово к этому, свидетельствует сам закон, в котором безбрачие духовенства объявляется лучшим условием, а брак разрешен только для предотвращения порока. Народ по-прежнему относился к женам священников скорее как к наложницам, а правительство говорило о священнослужителях как о "влюбленных в своих жен и детей". Есть еще одно свидетельство весьма необычного характера, свидетельствующее о том, что этот и последующие Акты Единообразия не были тщательно соблюдены. Проверкой на ортодоксальность стало время от времени причащаться по англиканскому обряду. Сначала этого ожидали от всех, а затем этого потребовал закон; но закон был обойден, разрешив отказнику от военной службы по соображениям совести нанять замену, которая причащала бы его.

В 1552 году Молитвенник был пересмотрен в протестантском смысле. Буцер имел какое-то отношение к этому пересмотру, как и Джон Нокс. Теперь мало что осталось от мессы, ничего от частной исповеди или помазания больных. Дальнейшими шагами были реформа канонического права и публикация Сорока двух религиозных статей. Они были составлены Кранмером на основе тринадцати статей, согласованных конференцией трех английских епископов, четырех

английских врачей и двух немецких миссионеров, Бойнебурга и Микония, в {314} мае 1538 года. Кранмер надеялся придать своему заявлению иренийский характер; и на самом деле оно содержало некоторые римские и кальвинистские элементы, но в основном было лютеранским. Утверждалось оправдание верой; были сохранены только два таинства. Пресуществление было осуждено как противоречащее Священному Писанию, а частные массы - как "опасный обман". Реальное присутствие сохранялось в лютеранском смысле: хлеб считался Телом Христовым, а вино - Кровью Христа, но только небесным и духовным образом. Было сказано, что по постановлению Христа таинство не хранится, не переносится, не возносится и не почитается.

Также была проведена реформа духовенства, которая была крайне необходима. В 1551 году епископ Хупер обнаружил в своей епархии 311 священнослужителей, из которых 171 не мог повторить Десять заповедей, десять не могли произнести Молитву Господню по-английски, семеро не могли сказать, кто был ее автором, а шестьдесят два отсутствовали, в основном из-за множественного числа.

Примечательной чертой эдвардианской реформации была ее мягкость. Католических мучеников не было. Это правда, что еретики, подпадающие под категорию богохульников или отрицателей христианства, все еще могли быть преданы смертной казни по общему праву, и двое мужчин действительно были казнены за спекуляции о божественности Христа, но такие случаи были совершенно исключительными.

[Примечание: Социальные расстройства]

Социальные беспорядки того времени, достигшие апогея, казалось, угрожали Англии восстанием низших классов, подобным крестьянской войне 1525 года в Германии. События в Англии доказывают, что, как бы сильно ни стимулировала эти волнения атмосфера религиозных перемен, они не были прямым результатом нового евангелия. На западе Англии и в Оксфордшире низшие классы восстали {315} под руководством католических священников; на востоке восстание, известное как восстание Кетта, приняло анабаптистский характер. Реальные причины недовольства были одинаковыми в обоих случаях. Растущее богатство коммерческих классов увеличило пропасть между богатыми и бедными. Огораживания продолжали вызывать недовольство из-за изгнания мелких арендаторов и присвоения общинных земель. Но, безусловно, самой большой причиной трудностей для бедных было обесценивание чеканки монет. Пшеница, ячмень, овес и крупный рогатый скот выросли в цене в два-три раза по сравнению с их предыдущей стоимостью, в то время как заработная плата, удерживаемая на низком уровне законом, выросла всего на 11 процентов. Неудивительно, что положение рабочего стало невыносимым.

Требования восточного восстания с центром в Норвиче граничили с коммунизмом. Первый был направлен на предоставление избирательных прав всем рабам по той причине, что Христос сделал всех людей свободными. Были осуждены ограничения общинной и частной собственности на дичь и рыбу и озвучены дальнейшие аграрные требования. Повстанцы не совершили ни одного убийства и небольшого святотатства, но дали выход своим страстям, зарезав огромное количество овец. Все крестьянские восстания были подавлены правительством, и экономические силы продолжали действовать против расточительной сельскохозяйственной системы того времени и в пользу выращивания шерсти и мануфактуры.

[Примечание: Казнь Сомерсета, 22 января 1552 г.]

После пяти лет правления протектора Сомерсета произошла смена правительства, ознаменованная, как обычно при Генрихе VIII, казнью уходящего в отставку министра. Сомерсет пострадал от непопулярности новой религиозной политики в одних кругах и от последствий крестьянского восстания в других. Как обычно, правительство было справедливо обвинено в экономических бедствиях того времени и в кои-то веки в обесценивании чеканки монет. Более того, интригующие соперники вовлекли Протектора в ненависть больше, чем в братоубийство, поскольку этот наименее кровавый из всех английских министров того столетия казнил своего брата Томаса, барона Сеймура, опрометчивого и амбициозного человека, который, как справедливо предполагалось, планировал собственное возвышение с помощью королевского брака.

Среди лидеров Реформации, принадлежавших к классу простых авантюристов, Джон Дадли, граф Уорик, был самым способным и худшим. Поскольку Протектор обладал квазикоролевскими полномочиями, его можно было свергнуть, только используя личность молодого короля. Уорик втерся в доверие к Эдуарду и привел тринадцатилетнего ребенка в совет. Конечно, он мог говорить только то, чему его учили, но имя королевской особы имело такой страшный престиж, что никто не осмеливался ослушаться его. По его приказу Уорик был назначен герцогом Нортумберлендом, [Примечание: Нортумберленд и Саффолк] а его союзник, Генри Грей, маркиз Дорсет, был назначен герцогом Саффолком. Чуть позже эти люди, снова воспользовавшись личностью короля, судили Сомерсета и казнили.

Заговорщики недолго наслаждались своим триумфом. Пока Эдвард был жив и был несовершеннолетним, они были в безопасности, но Эдвард был чахоточным, состояние которого заметно ухудшалось. У них не было никакой надежды увековечить свою власть, кроме как изменить порядок наследования, и они пытались это сделать. Другой граф Уорик был создателем королей, почему бы не нынешний? По завещанию Генриха VIII ему наследовали, в случае смерти Эдуарда без потомства, (1) Мария, (2) Елизавета, (3) наследники его младшей сестры Марии, которая вышла замуж за Чарльза Брэндона, герцога Саффолка. От этого брака родились две дочери, старшая из которых, Фрэнсис, вышла замуж за Генри Грея, недавно ставшего герцогом Саффолкским. От этого брака родились три дочери, и старшая из них, леди Джейн Грей, была выбрана двумя герцогами в качестве наследницы престола и была замужем за сыном Нортумберленда, Гилфордом Дадли. {317} Теперь к молодому королю обратились с просьбой, исходя из его религиозных чувств, изменить порядок наследования престола таким образом, чтобы исключить не только его сестру-католичку Марию, но и его тепловатую сестру Елизавету в пользу убежденной протестантки леди Джейн. Хотя его адвокаты сказали ему, что он не может изменить порядок наследования короны, он запугал их, заставив составить "план", якобы направленный на это.

[1] См. А. Л. Лоуэлл: *Общественное мнение и народное правительство*, 1914.

РАЗДЕЛ 3. КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ ПРИ МАРИИ. 1553-58

[Примечание: Провозглашение королевой Джейн, 10 июля 1553 г.]

Когда Эдуард умер 6 июля 1553 года, Нортумберленд принял все возможные меры предосторожности, чтобы обеспечить успех своего проекта. Он собрал своих людей в Лондоне и попытался заручиться помощью Франции, чей король был бы только рад втянуть Англию в гражданскую войну. Смерть короля скрывали в течение четырех дней, пока велись

приготовления, а затем была провозглашена королева Джейн. Вызов Марии поступил на следующий день, и она (Мэри) сразу же начала собирать армию. Если бы ее личность была надежно защищена, заговор мог бы увенчаться успехом, но она избежала расставленных ловушек. Карл V хотел поддержать ее по религиозным соображениям, но боялся возбудить патриотические чувства отправкой армии и поэтому ограничил свое вмешательство дипломатическими представительствами в Нортумберленде.

[Примечание: Восшествие на престол Марии]

Не было никаких сомнений в выборе народа. Даже самые убежденные протестанты ненавидели гражданские беспорядки больше, чем католицизм, и народ в целом инстинктивно чувствовал, что если корона будет выставлена в качестве приза для недобросовестных политиков, раздорам не будет конца. Поэтому все стеклись к Марии, и почти без борьбы она одолела заговорщиков и вошла в свою столицу среди великого ликования. Нортумберленд после презренного и бесплодного отречения был казнен, как и его сын и жена его сына, королева Джейн. К ней испытывали симпатию из-за ее молодости, красоты и замечательных талантов, но не из-за ее покровителей.

Облегчение, с которым было воспринято это соглашение, дало новой королеве, по крайней мере, добрую волю нации для начала. Постепенно она ее утратила. Точно так же, как Елизавета инстинктивно поступила в пользу народа, так и Мария, казалось, почти по воле судьбы выбрала наихудший из возможных курсов. Ее внешняя политика, во-первых, была неанглийской и неудачной. [Примечание: Свадьба Марии и Филиппа, 25 июля 1554 г.] Почти сразу же Карл V предложил своего сына Филиппа в мужья Марии, и, примерно после года переговоров, свадьба состоялась. Огромная непопулярность этого шага была вызвана не столько враждебностью к Испании, хотя Испанию начали рассматривать скорее как национального врага, чем Францию, сколько страхом перед иностранным господством. Англией никогда прежде не правила королева, если не считать катастрофического правления Матильды, и было естественно предположить, что муж Марии должен обладать прерогативой, а также титулом короля. Напрасно Филипп пытался разубедить англичан в мысли, что он предъявляет какие-то независимые притязания; каким-то образом люди чувствовали, что их присоединяют к Испании, и они ненавидели это.

Религиозная цель брака - помочь в восстановлении католицизма - также не понравилась. Кардинал Поул откровенно признал эту цель, заявив, что

как Христос, будучи наследником мира, был низведен своим Отцом с царского престола, чтобы быть одновременно Супругом и Сыном Девы Марии и стать Утешителем и Спасителем человечества; так и величайший из всех князей на земле, наследник царства своего отца, покинул свои собственные обширные и счастливые владения, чтобы он тоже мог прийти сюда, в эту страну скорби, чтобы быть супругом и сыном этой девы Марии ... чтобы помочь примирению этого народа со Христом и церковью.

Для самой Марии этот брак был самым несчастливym. {319} Ей было тридцать восемь лет, она уже была измучена горем и заботами; ее жениху было всего двадцать семь. Она обожала его, но он почти ненавидел ее и делал несчастной своим пренебрежением и неверностью. Ее страстные надежды на ребенка заставили ее поверить и объявить, что он у нее будет, и ее разочарование было соответственно горьким.

Этот брак был настолько непопулярен в сочетании с религиозной политикой королевы, что привел к восстанию под руководством сэра Томаса Уайатта. Хотя это и подавлялось, это был опасный симптом, особенно потому, что Мария не воспользовалась предупреждением. Ее попытки обвинить свою сестру Елизавету в государственной измене провалились.

Если бы внешняя политика Марии была только сильной, это могло бы успокоить патриотическую гордость вездесущего джинго. Но под ее руководством Англия, казалось, упала почти до своего надира. Господство на море было утрачено, и, как следствие этого, а также военного гения герцога де Гиза, Кале, удерживавшийся более двух столетий, был завоеван французами. [Примечание: 1558] С последующей потерей Гвинеса последний английский форпост на континенте был отбит у нее.

[Примечание: Религиозная политика]

Несмотря на слова Марии о том, что "Кале" останется в ее сердце, когда она умрет, безусловно, ее глубочайшим интересом было восстановление католицизма. Помогать ей в выполнении этой задачи должен был кардинал Реджинальд Поул, в жилах которого текла королевская кровь Англии и которого папа назначил легатом в королевстве. Хотя порывом самой Марии было действовать решительно, она благоразумно последовала совету императора действовать медленно и, насколько это возможно, в законных формах. В течение месяца после своего вступления на престол она выпустила прокламацию, в которой заявила о своем намерении оставаться католичкой и надежде, что ее подданные примут ту же религию, но в то же время отказалась от намерения принуждать их и запретить раздоры и использование {320} "этих новообретенных дьявольских терминов папист, еретик или тому подобного".

Выборы в первый парламент были свободными; он принял два заслуживающих внимания акта об отмене, [Примечание: Отмена актов о реформировании]: первый восстанавливает *статус-кво* после смерти Генриха VIII, второй восстанавливает *статус-кво* 1529 года накануне парламента Реформации. Этот второй акт отменил восемнадцать статутах Генриха VIII и один Эдуарда VI, но отказался восстанавливать церковные земли. Судьба конфискованного церковного имущества была одним из величайших препятствий, если не самым большим, на пути примирения с Римом. Сначала папа настаивал на этом, и Поул был глубоко опечален тем, что вынужден отпускать грехи грешникам, которые сохранили плоды своих грехов. Но англичане, как писал испанский посол Ренар, "скорее допустят, чтобы их самих вырезали, чем отпустят" земли аббатства. Таким образом, сам Статут об отмене, который в других отношениях отвечал требованиям Марии, тщательно охранял права собственности на секуляризованные земли, делая все связанные с ними иски подлежащими рассмотрению только в судах короны.

Второй пункт, по которому парламент, действительно представляющий значительную часть общественного мнения, был непреклонен, заключался в отказе признать верховенство папы. Народу в целом было все равно, в какую догму они должны верить, но по большей части они искренне ненавидели папу римского. Поэтому они согласились принять акты об отмене только при условии, что ничего не будет сказано о королевском верховенстве. По настоянию Мэри они ответили категорическим отказом действовать, и она была вынуждена ждать, "пока парламент обсуждал статьи, которые вполне могли озадачить генеральный совет", как писал современник.

Лорды и палата общин были вполне готовы принять законы, укрепляющие корону, а затем возложить на нее ответственность {321} за дальнейшие действия. Таким образом, развод

Генриха и Екатерины Арагонской был отменен, и были возрождены законы о государственной измене. [Примечание: Возрождение законов о государственной измене] Выходя даже за рамки Генриха VIII, "молиться или желать", чтобы Бог сократил дни королевы, считалось государственной изменой. Хуже того, парламент возродил законы о ереси. Станный комментарий к природе законодательных органов заключается в том, что они так часто, как в данном случае, защищали собственность лучше, чем жизнь, и делали деньги более священными, чем совесть. Однако политику преследований и религиозной реакции в полной мере проводил не парламент, а исполнительная власть.

Вскоре страна продемонстрировала свою оппозицию. Временное замешательство, которое можно было принять за распад, было вызвано в протестантских рядах отречением Нортумберленда. Восстановление мессы было совершено упорядоченным образом в большинстве мест. Английские формулы терпеливо относились к католическому толкованию, и, несомненно, многие люди считали переход от одной литургии к другой делом незначительной важности. Более того, большинство придерживалось принципа подчинения правительству, полагая, что акт закона освобождает совесть человека от ответственности. Но даже в этом случае значительное меньшинство заявило самоотвод. Из 8800 получивших пособие священнослужителей в Англии 2000 были изгнаны за отказ подчиниться. Очень большое количество бежало на Континент, образовав колонии во Франкфурте-на-Майне и Женеве и рассеявшись в других местах. Мнение имперского посла Ренара о том, что английские протестанты полностью зависели от поддержки из-за рубежа, было вполне справедливо для этого правления, поскольку их книги продолжали печататься за границей, и было сделано еще несколько переводов иностранных реформаторов. Примечательно, что в них в основном рассматривается {322} вопрос, который в то время так часто обсуждался, могут ли протестанты невинно посещать мессу.

Другим проявлением народного настроения стали беспорядки в Лондоне. В последний день работы первого парламента собака с тонзурой в короне, веревкой на шее и надписью, означающей, что священники и епископы должны быть повешены, была выброшена через окно в приемную королевы. В другой раз была найдена кошка с тонзурой, стихарем и с облаткой во рту в насмешку над мессой. Виновных в этих безобразиях найти не удалось.

[Примечание: Пассивное сопротивление]

Более суровое, хотя и пассивное сопротивление правительству было великолепно продемонстрировано, когда кол и дыба начали делать свое дело. Мария была совершенно не готова к силе протестантских настроений в стране. Она надеялась, что несколько казней вселят ужас в сердца всех и сделают дальнейшие преследования ненужными. Но после казни первого мученика Джона Роджерса стало ясно, что люди скорее сочувствовали жертвам, чем боялись их участи. Не довольствуясь войной с живыми, Мария даже нарушила сон мертвых.[1] Тела Буцера и Фагиуса были выкопаны и сожжены. Тело жены Петра Мученика также было эксгумировано, хотя, поскольку никаких доказательств ереси найти не удалось, его бросили гнить на навозную кучу.

[Примечание: Мученики, 16 октября 1555 г.]

Самыми известными жертвами были Латимер, Ридли и Кранмер. Первые двое были сожжены заживо вместе, Латимер у костра утешал своего друга, заверяя его: "Сегодня мы зажжем в

Англии такую свечу, которая, по милости Божьей, как я надеюсь, никогда не погаснет". Для Кранмера, как для примаса, была предусмотрена специальная процедура. Были приложены все усилия, чтобы заставить его отречься. Сначала он подписал четыре представления, признающих власть папы римского в том виде, в каком она была восстановлена парламентом. {323} Затем он подписал два настоящих отречения и, наконец, составил седьмой документ, в котором отказывался от своих отречений, вновь подтверждал свою веру в протестантское учение о таинствах и осуждал папу римского. Держа свою правую руку в огне, когда его сжигали на костре, он засвидетельствовал свое горькое раскаяние за свой поступок, подписав отречение. [Примечание: 21 марта 1556 г.]

Общее число мучеников в царствование Марии было очень небольшим, если вообще было, - менее 300. Их списки точны и обстоятельны. Географическое распределение интересно тем, что оно представляет собой единственную статистическую информацию, доступную в шестнадцатом веке о распространении протестантизма. Это наглядно иллюстрирует тот факт, который так часто отмечался ранее, что оплотами новых взглядов были торговые города юга и востока. Если провести прямую линию от Уоша до Портсмута, проходящую примерно в двадцати милях к западу от Лондона, то она примерно разделит протестантскую и католическую части Англии. Из 290 известных мученических смертей 247 произошли к востоку от этой линии, то есть в Лондонском сити и графствах Эссекс, Хартфорд, Кент, Сассекс, Норфолк, Саффолк и Кембридж. Тринадцать зарегистрированы в южном центре, в Винчестере и Солсбери, одиннадцать - в западных портах Северн, Бристоль и Глостер. В Уэльсе их было три, все на побережье в Сент-Дэвидсе; один на юго-западном полуострове в Эксетере, несколько в Мидлендсе и ни одного к северу от Линкольншира и Чешира.

Когда говорят, что англичане легко меняли свою религию, следует помнить об обратном, об этом героическом сопротивлении. Правление Марии становилось все более и более ненавистным для ее народа, пока, наконец, не стало возможным, что только перспектива его скорейшего прекращения предотвратила восстание. Популярный эпитет {324} "кровавая" справедливо определяет ее место в оценке истории. Это правда, что ее преследования отходят на второй план по сравнению с массовыми убийствами жертв инквизиции в Нидерландах. Но английский народ, естественно, судил по своей собственной истории, и во всем этом такое царство террора не имело себе равных. Отличительной чертой правления Марии было бесплодие, и его достижением было создание в ответ на проводимую тогда политику свирепой и неизгладимой ненависти к Риму.

[1] Каноническое право запрещало захоронение еретиков на освященной земле, но говорят, что Карл V отказался выкапывать тело Лютера, когда брал Виттенберг.

РАЗДЕЛ 4. ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ. 1558-88.

[Примечание: Елизавета, 1558-1603]

Какими бы многочисленными и тернистыми ни были проблемы, которые требовалось решить двадцатипятилетней девушке, призванной теперь править Англией, величайший из всех вопросов - религиозный - почти решился сам собой. Чрезвычайно трудно отказаться от мудрости, которая приходит после события, и поставить себя на место людей того времени и справедливо оценить очевидную осуществимость различных альтернатив. Но трудно поверить,

что соображения, которые кажутся нам столь ошеломляющими, не привлекли внимания более вдумчивых людей того поколения.

Во-первых, хотя наследственность и воспитание предопределили дочери Анны Болейн выступить против Рима, все же она была воспитана в англиканском католицизме Генриха VIII. В возрасте одиннадцати лет она перевела "*Зеркало грешной души*" Маргариты Наваррской, произведение, выражающее дух набожности в сочетании с либерализмом в вероучении и внешним соответствием в культе. Быстрые перемены веры в Англии научили ее терпимости, а ее собственный острый интеллект и практический смысл склонили ее к безразличию. Она не стеснялась создавать у всех партий, католических, лютеранских и кальвинистских, впечатление, когда это было ей удобно, что она почти согласна с каждой из них. Обвинение {325} в том, что она была "атеисткой и сторонницей атеизма" [Примечание: 1601], означало не более того, что ее интересы были светскими. Однажды она сказала, что предпочла бы прослушать тысячу месс, чем быть виновной в миллионах преступлений, совершенных некоторыми из тех, кто подавлял мессу. Ей нравились свечи, распятия и ритуалы так же, как она чрезмерно любила выставять себя напоказ. И в политическом плане она очень рано научилась бояться республиканизма Нокса.

[Примечание: Большинство людей католики]

Консерватизм политики Елизаветы определялся также тем соображением, что, хотя более умные и прогрессивные классы были протестантами, масса народа все еще цеплялась за римскую веру и, если у них и не было другой власти, то, по крайней мере, *vis inertiae*. Точные цифры получить невозможно, но ряд указаний значителен. В 1559 году Созыв подтвердил приверженность духовенства древней вере. Морис Кленок подсчитал в 1561 году, что большинство людей приветствовало бы иностранное вмешательство в пользу Марии Стюарт и старой веры. Николас Сандерс, современный католический апологет, сказал, что простые люди того периода делились на три класса: земледельцев, пастухов и механиков. Первые два класса он считал полностью католическими; третий класс, по его словам, был заражен расколом не в целом, а только в некоторых частях, а именно среди людей оседлых занятий, таких как ткачи, сапожники и некоторые ленивые "аулички", *то есть* слуги и смиренные вассалы великих. Отдаленные части королевства, добавил он, были наименее заражены ересью, а поскольку городов было мало, по его оценкам, менее одного процента. население составляли протестанты. Хотя эти цифры являются огромным преувеличением доли католиков, некоторую поддержку им можно найти в информации, направленной в курию в 1567 году, о том, что 32 английских дворянина были католиками, 20 {326} хорошо относились к католикам и 15 протестантов. Лишь немного отличается отчет, отправленный в 1571 году, о том, что в то время 33 английских пэра были католиками, 15 сомневающимися и 16 еретиками. На самом деле, в вопросах религии мы обнаруживаем, что Палата лордов была бы католической, если бы не епископы, солидная фаланга правительственных выдвиженцев.

[Примечание: Но самый могущественный класс протестантов]

Но если массы были католиками, стратегически расположенные классы были реформированы. Первая палата общин при Елизавете доказала своими актами, что она является решительно протестантской. Распространенное предположение, что он был упакован правительством, недавно было опровергнуто. Тщательная проверка показывает, что вмешательство правительства практически не имело места. Из 390 членов 168 заседали в предыдущих

парламентах Мэри, и это была как раз нормальная доля старых членов. Следует помнить, что парламентское избирательное право приближалось к демократическому только в городах, оплотах протестантизма, и что в небольших районах и в некоторых графствах на выборах голосовал как раз тот средний класс, который был наиболее прогрессивным и в то время наиболее протестантским.

Еще одним испытанием характера страны является количество священнослужителей, отказывающихся от присяги верховенства. Из общего числа примерно в девять тысяч человек только около двухсот лишились средств к существованию из-за самоотвода, и большинство из них были назначенцами Мэри.

Такое же впечатление о протестантизме производит литература того времени. Пятьдесят шесть томов "Елизаветинского богословия", опубликованных Обществом Паркера, свидетельствуют о количестве реформационных договоров, трактатов, гимнов и писем того периода. За первые тридцать лет правления Елизаветы вышло пятнадцать новых переводов трудов Лютера, не считая ряда переизданий, двух новых переводов Меланхтона, тринадцати Буллингера и тридцати четырех Кальвина. {327} Несмотря на это явно большое иностранное влияние, английская реформация в это время восстановила национальный характер, временно утраченный во время правления Марии. Книга Джона Джуэла "*Apologia Ecclesiae Anglicanae*" [Примечание: 1562] была названа Крейтоном "первым методическим изложением позиции англиканской церкви против Римской церкви и основой всех последующих споров".

Наконец, большинство выдающихся людей того времени и большинство подрастающих молодых людей были протестантами. Английские морские капитаны, какими бы морскими волками они ни были, сочли целесообразным облачиться в овечью шкуру ревности по отношению к идолопоклоннику. Более похвальной для дела была приверженность таких людей, как сэр Уильям Сесил, впоследствии лорд Берли, человек хладнокровных суждений и достойного общения. Ковердейл, все еще активный, был возведен в сан епископа. Джон Фокс опубликовал, исключительно в интересах своей веры, самую популярную и прославленную историю того времени. Роджер Эшам, наставник Элизабет, по-прежнему смотрел на лютеранскую Германию как на "место, где учение Христа, страх Божий, наказание за грех и дисциплина честности пользовались особым уважением". Великая аллегория Эдмунда Спенсера, а также некоторые из его второстепенных стихотворений были в значительной степени вдохновлены англиканскими и кальвинистскими целями.

[Побочное примечание: Обращение масс]

Именно во время правления Елизаветы римские католики потеряли большинство, на которое они претендовали в 1558 году, и превратились в крошечное меньшинство, которым они оставались с тех пор. Время и, в некоторой степени, процесс, посредством которого это произошло, можно проследить с достаточной точностью. В 1563 году политика правительства, до тех пор колебавшаяся, стала более решительной, что указывало на то, что течение начало склоняться в пользу протестантизма. Неудача восстания Северян и папской буллы 1569-1570 годов указывали на слабость древней веры. В 1572 году тщательная оценка {328} религиозного состояния Англии была сделана современником [Примечание: оценка Карлтона], который считал, что из трех классов, на которые он разделил население, папистов, протестантов и атеистов (под которыми он, вероятно, подразумевал безразличных), первый был меньше, чем любой из двух других. Десять лет спустя (1580-85) миссия иезуитов в Англии заявила о 120 000

обращенных. Но на самом деле эти приверженцы были не новообращенными, а остатками католицизма, оставшимися верными. Если мы предположим, как это сделал выдающийся историк, что в это число входили почти все стойко верующие, поскольку население Англии и Уэльса составляло тогда около 4 000 000 человек, то доля католиков составляла всего около 3 процентов. от общего числа, процентное соотношение которого оставалось постоянным в течение следующего столетия. Но, вероятно, было значительное количество робких римских католиков, не осмеливавшихся заявить о себе иезуитской миссии. Но даже допуская это, можно с уверенностью сказать, что к 1585 году члены этой церкви превратились в очень незначительное меньшинство.

Те, кто видит в обращении английского народа результат простого давления правительства, должны объяснить два неудобных факта. Первая заключается в том, что пуритане, которые подвергались более сильным преследованиям, чем паписты, несмотря на это, сильно усилились. Второе заключается в том, что в период, когда происходило обращение масс, не было мученичеств и преследований было мало. На самом деле это изменение было лишь неизбежным завершением и следствием обращения вождей народа ранее. Массы, несомненно, не осознали полной противоположности между старой и новой верой. Посещая одни и те же церкви, если не одну и ту же церковь, используя литургию, которая, как некоторые надеялись, получит папскую санкцию, и не зная об изменениях, внесенных в перевод с латинского ритуала, необразованные люди не беспокоились {329} о трудноразрешимых вопросах догмы или даже о более очевидных вещах, таких как верховенство папы и бракосочетание духовенства. Более того, существовали сильные позитивные силы, привлекавшие их к англиканскому общению. Вскоре они полюбили английский молитвенник, и Библия стала настолько необходимой, что католики были вынуждены создать свою собственную версию. Английская замкнутость и патриотизм мощно влекли их в лоно их собственного особого сообщества.

[Примечание: политика Елизаветы]

Хотя теперь мы можем видеть, что силы, влекущие Англию к Реформации, были решающими, политика Елизаветы поначалу была осторожной. Старые службы продолжались до тех пор, пока не выступил парламент. Как в случае с Генрихом VIII, так и в случае с этой его дочерью скрупулезная законность формы отличала самые революционные действия. Елизавета была провозглашена "Королевой Англии, Франции и Ирландии, Защитницей веры и тому подобное", причем это "и тому подобное" было выбрано вместо старого титула "Верховный глава Церкви", что позволило избежать вопроса о его присвоении или упущении. Парламент, однако, очень скоро принял законы о верховенстве и единообразии, чтобы обеспечить необходимую санкцию. Первый отменил Закон о ереси Филиппа и Марии и Отменяющий статут, возродил десять актов Генриха VIII и один Эдуарда VI, но подтвердил отмену шести актов Генриха VIII. Затем парламент приступил к захвату епископальных земель. Его дух был таким же светским, как и у парламентов Генриха, только церковной собственности оставалось меньше, чем можно было захватить.

Книга общей молитвы была переработана путем включения в редакцию 1552 года нескольких отрывков из первого издания 1549 года, ранее отвергнутых как слишком католические. Три из Сорока двух религиозных статей Эдуарда были исключены, [Примечание: Тридцать девять статей 1563 года] таким образом, получилось Тридцать девять статей, которые с тех пор

являются авторитетным {330} изложением англиканской доктрины. Таким образом, в какой-то степени верно, что елизаветинское урегулирование было компромиссом. Он уделял особое внимание различным партиям и старался не обижать лютеран, цвинглианцев и даже римско-католиков. Но это был не просто компромисс, это был случай особого развития. Поскольку ее обычно сравнивают с английскими сектами несогласия, англиканскую церковь часто называют самой консервативной из реформированных организаций. Часто говорят, что она протестантская по доктрине и католическая по ритуалам и иерархии. Но по сравнению с лютеранской церковью оказывается, что она еще дальше от Рима. На самом деле англикане шестнадцатого и семнадцатого веков ненавидели лютеран как "полуапостолов".

[Примечание: Англиканская церковь]

И все же англиканская церковь была похожа на лютеранскую не только в своем консерватизме по сравнению с кальвинизмом, но и в своих политических аспектах. Оба стали сильными союзниками трона; оба обладали не только ярко выраженными национальными, но и ярко выраженными правительственными качествами. Точно так же, как Реформация преуспела в Англии, став национальной в противовес Испании и оставаясь национальной в противовес французской культуре, так и англиканская церковь естественным образом стала совершенным выражением английского характера. Умеренная, благопристойная, ненавидящая крайности спекуляций и энтузиазма, она меньше заботится о логике, чем о практическом удобстве.

Тесно переплетенными с религиозным урегулированием были вопросы о наследнике престола и внешней политике. Жизнь Елизаветы была единственным волнорезом, стоявшим между народом и католическим престолонаследием, если не сказать спорным. Ближайшей наследницей была Мария Стюарт, королева Шотландии, внучка Маргариты Тюдор, сестры Генриха VIII. Как католичка и француженка, наполовину по расе, а полностью из-за своего первого брака с Франциском II, она была бы крайне {331} неприятна правящей партии Англии. Таким образом, парламент пожелал и в конце концов убедил Елизавету выйти замуж. Ее отказ сделать это объясняется какой-то скрытой причиной, такой как ее любовь к Лестеру или осознание того, что она неспособна родить ребенка. Но хотя ни одна из этих гипотез не может быть опровергнута, ни одна из них не является необходимой для объяснения ее политики. Это правда, что рождение ребенка, который стал бы ее преемником, укрепило бы ее положение; но наличие мужа ослабило бы ее личное влияние. Она хотела не только царствовать, но и властвовать. Ее многочисленные поклонники поощрялись ровно настолько, чтобы польстить ее тщеславию и достичь ее дипломатических целей. Сначала ее шурином Филипп добивался ее руки, но был немедленно отвергнут как испанский католик. Затем был Роберт Дадли, граф Лестер, очевидно, ее любимец, несмотря на его никчемный характер, но его ранг был недостаточно высок. Затем были принцы Швеции и Дании, эрцгерцог Австрии и два сына Екатерины Медичи. Сватовство одного из последних началось, когда Элизабет было тридцать девять лет, а ему девятнадцать [Прим. автора: 1566] и продолжалось в течение десяти лет с явным энтузиазмом с обеих сторон. Парламент оказывал все возможное давление на королеву, чтобы ее флирт закончился браком, но это только разозлило Елизавету. Дважды она запрещала обсуждать этот вопрос, и, хотя впоследствии согласилась рассмотреть петицию, она была осторожна и не созывала другой парламент в течение пяти лет.

[Примечание: Финансовые показатели]

Досадные финансовые трудности были оставлены на усмотрение Элизабет. Во многом из-за обесценивания валюты королевские расходы выросли с 56 000 фунтов стерлингов в год в конце правления Генриха до 345 000 фунтов стерлингов в последний год правления Марии. Кредит правительства был в плохом состоянии, а торговля королевства пришла в упадок. [Примечание: 1560] Благодаря мудрому решению использовать {332} обесцененные монеты, выпущенные с 1543 года, были решены самые сложные проблемы.

[Примечание: Подкововерная война]

По отношению к Франции и Испании политика Елизаветы была хорошо описана ею самой как "закулисная война". Английские добровольцы при попустительстве правительства, но номинально под свою ответственность, сражались в рядах гугенотов и нидерландцев. Потоки денег хлынули из английских церквей, чтобы поддержать своих собратьев-протестантов во Франции и Голландии. Английские моряки захватывали испанские галеоны; в случае успеха королева тайно делила добычу; но если их ловили, Филипп или Альва могли повесить их как пиратов. Это условие, немыслимое сейчас, допускалось зачаточным состоянием международного права; сама идея нейтралитета была чужда тому времени. Государства всегда пытались тайными способами навредить друг другу и перехитрить друг друга. В Елизаветинской Англии антипапский и антииспанский пыл моряков сделал возможным это пиратство без поддержки правительства, если бы самих богатых призов не было достаточно, чтобы привлечь любителей приключений. Несомненно, гораздо больше энергии уходило на каперство, чем на законную торговлю.

Был официально заключен мир с Францией, признавший капитуляцию Кале сначала на ограниченный период лет. Хотя номинально с Испанией еще долгое время сохранялся мир, вскоре произошел сдвиг политики от враждебности к Франции к враждебности к Испании. Однако до тех пор, пока правительство полагалось главным образом на коммерческие интересы столицы и других крупных городов, и пока Испания контролировала Нидерланды, открытая война была почти невозможна, поскольку она была бы крайне непопулярна среди купцов как Лондона, так и Нидерландов. Однако во времена кризиса [Примечание: 1569 г.] было введено эмбарго на всю торговлю с владениями Филиппа.

Положение Елизаветы было чрезвычайно щекотливым из-за {333} того факта, что наследницей ее трона была шотландская королева Мария Стюарт, которая с 1568 года была беженкой в Англии и содержалась в своего рода почетном плену. Из-за своей религии она стала центром надежд и фактических махинаций всех английских недовольных. В этих заговорах она участвовала, насколько осмеливалась.

[Примечание: Католические державы]

Корона Елизаветы оказалась бы под угрозой, если бы католические власти или любая из них действовала незамедлительно. То, что они этого не сделали, является доказательством, отчасти из-за их взаимной зависти, отчасти из-за превосходства государственной мудрости Сесила. Хотя он был убежден, что гражданский мир может быть обеспечен только религиозным единством, в течение пяти лет он вел нерешительную игру, чтобы сдержать католиков до тех пор, пока его власть не станет достаточно сильной, чтобы сокрушить их. С помощью системы шпионажа, разрешая покидать королевство только дворянам и морякам без специального разрешения, принимая голландских беженцев-протестантов, он тайно укреплял силу своей

партии. Его план был настолько успешным, что папа колебался более одиннадцати лет, прежде чем издать буллу о лишении свободы. За это Елизавета также должна была поблагодарить католических Габсбургов; во-первых, Филиппа, который тогда надеялся жениться на ней, и, во-вторых, императора Фердинанда, который сказал, что если Елизавету отлучат от церкви, немецкие католики пострадают за это и что было много немецких протестантских принцев, которые заслуживали запрета так же сильно, как и она.

Вопросы были прояснены созывом Тридентского собора. На просьбу направить посольство на этот собор Елизавета ответила отказом по трем причинам: (1) потому что с ней не консультировались по поводу созыва собора; (2) потому что она не считала его свободным, благочестивым и христианским; (3) потому что папа стремился разжечь мятеж в ее королевствах. Собор ответил на это оскорбление отлучением ее от церкви, но это важный признак того, что ни они, ни папа до сих пор не осмелились применить духовное оружие для ее низложения, как папа попытался сделать несколько лет спустя.

[Примечание: Антикатолические законы]

Независимо от того, в ответ на эту меру или нет, парламент принял более строгие законы против католиков. Политика Сесила, унаследованная от Томаса Кромвеля, направленная на централизацию и объединение государства, встретила тройное противодействие: во-первых, со стороны папистов, которым не нравилась национализация церкви, во-вторых, со стороны владельцев средневековых привилегий, которые возражали против их поглощения центростремительной системой, и, в-третьих, со стороны старой знати, которая возмущалась заменой их в королевском совете выскочками. Все эти силы привели к серьезному кризису в 1569-70 годах. Север, как оплот как феодализма, так и католицизма, возглавил реакцию. Герцог Норфолк, главный пэр Англии, вступил в заговор с северными графами, чтобы продвинуть дело Марии, и подумывал о том, чтобы самому жениться на ней. Папа Пий V тепло похвалил их план, кульминацией которого стало восстание. [Прим. автора: Восстание, 1561] Как знать, так и простые люди были преисполнены духа крестоносцев, несли знамена с крестом и пятью ранами Христа. В то же время они выразили недовольство старомодного фермера новомодным торговцем. Их знамена с надписью "Боже, ускорь плуг" свидетельствуют об аграрном элементе, общем для столь многих восстаний. Их требованиями были восстановление католицизма, интервенция в Шотландию с целью возвращения Марии на ее трон, признание ее наследницей Англии и изгнание иностранных беженцев. Если бы им удалось заполучить Марию или если бы шотландцы присоединились к ним, вполне вероятно, что они отделились бы от юга Англии.

Но новому Паломничеству Благодати было суждено добиться не большего успеха, чем старому. Морей, регент Шотландии, силой предотвратил отправку помощи повстанцам из Северной Британии. Елизавета подготовила превосходящую армию, но в ней не было необходимости. Мятежники, видя безнадежность своего дела, рассеялись и были подвергнуты показательному наказанию, не менее восьмисот человек были казнены. Три года спустя Норфолк проложил путь предателя к эшафоту. Его смерть положила конец разорению старой знати, привилегии которой были несовместимы с новым режимом. В том же году парламентская агитация в пользу казни Марии стала свидетелем того, насколько мертвыми были средневековые титулы, заслуживающие уважения.

[Примечание: Папская булла от 25 февраля 1570 г.]

Слишком поздно, чтобы возыметь большой эффект, Пий V издал буллу *Regnans in excelsis*, в которой говорилось, что, хотя римский понтифик имеет власть над всеми нациями и королевствами разрушать или насаждать и созидать, и в то время как Елизавета, рабыня порока, узурпировала место верховного главы церкви, обрекла свое королевство на гибель и совершала нечестивые мистерии Кальвина, следовательно, она отрезана от тела Христова и лишена своего мнимого права управлять Англией, в то время как все ее подданные освобождены от своих клятв верности. верность. Булла также подтвердила незаконнорожденность Елизаветы и повторила жалобу северных графов на то, что она исключила представителей старой знати из своего совета. Обнародование буллы без необходимого предупреждения и предоставления года на покаяние противоречило каноническому праву.

Молнию отправили Алве в Нидерланды, и был найден преданный, который доставил ее в Англию. Немедленно Елизавета издала виртуозное заявление, подтверждающее, что,

ее величество желает, чтобы все ее любящие подданные поняли, что до тех пор, пока они будут открыто продолжать соблюдать ее законы и не будут умышленно и явно нарушать их открытыми действиями, ее величество не будет подвергать кого-либо из них никакой инквизиции или {336}

проверке их совести в вопросах религии, но примет их и будет умолять как своих хороших и послушных подданных.

Но чтобы предотвратить заражение ее народа политическими взглядами, выраженными в булле [Примечание: антипапские законы], и оградить от опасности дальнейшего усиления интересов Марии Стюарт, парламент 1571 года принял несколько необходимых законов. Один из них запрещал ввоз буллы в Англию; другой объявлял изменой заявление о том, что Елизавета не была или не должна была быть королевой или что она еретичка, узурпаторша или раскольник.

К счастью, первые семнадцать лет правления Елизаветы были свободны от преследований. Растущее напряжение в отношениях между Англией и папством было отмечено рядом казней католиков. По недавним католическим оценкам, общее число представителей этой веры, пострадавших при Елизавете, составило 189 человек, из которых 128 были священниками, 58 мирянами и три женщины; и к этому следует добавить 32 францисканца, умерших в тюрьме от голода. Разница в 221 жертве за сорок пять лет правления Елизаветы по сравнению с 290 жертвами за пять лет правления Марии менее важна, чем другая цель правительства. При Марии казнили за ересь; при Елизавете - главным образом за государственную измену. Это правда, что вся эпоха действовала в соответствии с максимой сэра Филипа Сидни о том, что высшей мудростью государственного деятеля является никогда не отделять религию от политики. Церковь и государство были практически одним и тем же органом, и мнения, противоречащие установившейся религии, естественным образом приводили к действиям, враждебным гражданскому порядку. Но общее различие очевидно. Сесил предавал людей смерти не потому, что ненавидел их догмы, а потому, что боялся их политики.

Ничто так ясно не доказывает цели английского правительства, как его длительная дуэль с иезуитской миссией. [Примечание: Миссия иезуитов] Несправедливо говорить, что основной

целью {337} курии было получить все привилегии лояльности для английских католиков, тайно подстрекая их восстать и убить своего суверена. Но сам факт, что иезуитам было приказано не вмешиваться в политику, и все же они не смогли избежать закона, доказывает, насколько неразрывно были переплетены политика и религия. Немедленно вызвав подозрение Берли, они были подвергнуты "кровавому допросу" и незаконным пыткам, даже несмотря на то, что правительство посчитало необходимым объяснить, что их заставляли на дыбе отвечать не на "любой вопрос их предполагаемой совести", а только на их политические взгляды. Но одно из этих мнений заключалось в том, имел ли папа право низложить королеву.

[Примечание: Характер иезуитов]

История этих лет - еще один пример того, насколько более отвратительно преследовать, чем быть преследуемым. Иезуиты, посланные в Англию, были людьми благороднейшего характера, отважными и стойко переносившими все, проявляя милосердие и любящую доброту даже к своим врагам. Но характер их врагов соответственно ухудшился. То чувство честной игры, которое является лучшим английским качеством, исчезло под напором фанатизма. Нападениям подверглись не только иезуиты, но и католические женщины и дети; один тринадцатилетний мальчик был избит и казнен как предатель. Преследование со стороны общественного мнения обеспечило то, что упустило из виду правительство. Фактически, сдерживающим фактором было правительство. Принятый в 1585 году закон об изгнании иезуитов был призван отменить более строгие меры. Имея дело с массой населения, Берли добился того, что преследование окупилось, прибегнув к штрафам в качестве основного наказания. Таким образом, за последние двадцать лет правления было собрано не менее 6 000 фунтов стерлингов в год.

Беспомощный гнев пап против "Иезавели северной" нарастал до тех пор, пока один из них, Григорий XIII, {338} не санкционировал попытку ее убийства. [Примечание: Заговоры] В 1580 году при мадридском дворе появился некто Хамфри Эли, впоследствии светский священник. Он сообщил папской нунциатуре, что некоторые английские дворяне, упомянутые поименно, решили убить Елизавету, но пожелали получить от самого папы заверения в том, что в случае, если они погибнут при попытке, они не должны были впасть в грех из-за этого поступка. Высказав свое собственное мнение о том, что булла Пия V дает всем мужчинам право поднимать оружие против королевы любым способом, нунций написал в Рим. От папского секретаря, говорившего от имени папы римского, он получил следующий ответ:

Поскольку эта преступная женщина из Англии правит двумя столь благородными областями христианского мира, является причиной такого большого вреда католической вере и виновна в потере стольких миллионов душ, нет сомнений, что любой, кто изгоняет ее из мира с надлежащим намерением служить тем самым Богу, не только не совершает греха, но даже приобретает заслуги, особенно учитывая, что приговор покойного Пия V направлен против нее. Следовательно, если эти английские дворяне действительно решили совершить столь честное дело, ваша честь может заверить их, что они не совершают греха. Также мы можем уповать на Бога, что они избежат всякой опасности. Что касается вашей собственной неправильности [причиненной нунцию как священнику заговором с целью убийства], папа посылает вам свое святое благословение.[1]

Заговор, столь же неудачный, но более известный, поскольку был раскрыт в то время, принадлежал Энтони Бабингтону. Превосходная секретная служба Берли проинформировала правительство не только о руководителях, но и о помощи, оказанной им Филиппом II и Марией,

королевой Шотландии. Парламент подал петицию о казни Марии. Хотя в ее вине не было никаких сомнений, Елизавета не решалась привести опасный пример отправки коронованной особы на плаху. {339} С обычной косвенностью она сделала все возможное, чтобы тюремщик Марии, сэр Эмиас Полетт, приговорил ее к смертной казни без ордера. Потерпев неудачу в этом, она, наконец, подписала ордер [Примечание: Мэри обезглавлена, 8 февраля 1587 г.], но когда ее совет действовал в тайной спешке, чтобы она не передумала, она пришла в ярость и, чтобы доказать свою невиновность, крупно оштрафовала и заключила в тюрьму одного из членов тайного совета, которого она выбрала козлом отпущения.

[Примечание: Война с Испанией]

Война с Испанией иногда рассматривается как неизбежное следствие религиозного противостояния главной католической и главной протестантской держав. Но, вероятно, война никогда бы не вышла за рамки каперства и заговоров с целью убийств, в которых она так долго находилась в зачаточном состоянии, если бы не Нидерланды. Краеугольным камнем английской политики было сохранение дружественности или слабости державы, контролирующей устья Рейна и Шельды. Освободительная война в Нидерландах имела двоякий эффект; во-первых, она нанесла ущерб лучшему клиенту Англии, а во-вторых, "устрашение" Испании потрясло английскую совесть. Долгое время политика самой королевы была настолько циничной и эгоистичной, насколько это вообще возможно. Она не только самодовольно наблюдала за бойней в Алве, но и строила заговоры и контрзаговоры, то предлагая помощь принцу Оранскому, то предавая его дело способом, который, возможно, был забавой для нее, но был смертью для людей, с которыми она играла. Ее цель, насколько она была последовательной, состояла в том, чтобы позволить Испании и Нидерландам истощить друг друга.

Не только гораздо благороднее, но и, как оказалось в конце концов, гораздо мудрее были действия пуританской партии, которая вкладывала деньги и рекрутов в дело своих угнетенных собратьев-кальвинистов. Но столь же большую услугу им или, во всяком случае, больший ущерб Испании оказали отважные буканьеры Хокинс и Дрейк, которые охотились за испанскими галеонами с сокровищами {340} и грабили испанские поселения в Новом Свете. Эти люди и их товарищи не только перерезали жилы мощи Испании, но и построили флот.

[Примечание: морская мощь Англии]

Окончательной морской победе Англии предшествовал длительный курс успешной дипломатии. Как агрессор Англия вынудила самую надменную державу Европы вынести затяжную серию оскорблений. Мало того, что повстанцы были поддержаны, не только испанский флот был насильно доставлен в английские гавани и там лишен денег, принадлежащих их правительству, но и беженцы были защищены, а испанские граждане преданы смерти английской королевой. Филипп и Алва не могли эффективно возмущаться и едва ли осмеливались протестовать против такого обращения, потому что чувствовали себя бессильными. Как это часто бывает, островное королевство было защищено океаном и доказанным превосходством своих моряков. После множества мелких стычек на всем пути от Бискайского залива до Тихого океана испанские моряки не испытывали ни малейшего желания испытывать силу силой.

Но во всех отношениях, за исключением морской мощи, Испания чувствовала себя неизмеримо превосходящей своего противника. Ее богатство, ее владения, недавно увеличенные за счет аннексии Португалии, были огромны; ее армия испытана в сотне сражений. Силы Англии, несомненно, недооценивались. Итальянский эксперт заявил, что армии численностью от 10 000 до 12 000 пеших и 2000 конных было бы достаточно, чтобы завоевать ее. До последнего считалось, что большая часть населения будет приветствовать захватчика, поскольку английские беженцы не уставали изображать ненависть народа к своей королеве.

Но решение долго откладывалось по двум причинам. Во-первых, Испания была полностью занята покорением Нидерландов. Во-вторых, католические державы надеялись на восшествие на престол Марии. Но после убийства Оранского в 1584 году и после казни королевы Шотландии {341} этих причин для промедления больше не существовало. Дрейк перенес морскую войну [Прим. автора: 1585] к берегам Испании и ее колониям. Последовавшее за этим банкротство Банка Севильи и уязвленная национальная гордость привели испанцев к осознанию униженности их положения. Все, что мог сделать Филипп, - это молиться о помощи и запретить ввоз английских товаров. [Примечание: апрель 1587 г.] В ответ Дрейк напал на гавань Кадиса и уничтожил двадцать четыре или более военных корабля и огромные военные запасы.

Итак, наконец было принято решение сокрушить единственную силу, которая, казалось, поддерживала Реформацию, поддержать гугенотов и голландских патриотов и безнаказанно расправиться с поборниками католицизма. Папа Сикст V, не желая рисковать, пообещал субсидию в размере 1 000 000 золотых крон, первая половина которой будет выплачена после высадки испанской армии, вторая половина - двумя месяцами позже. Кроме этого, Филипп не имел никаких обещаний помощи от какой-либо католической державы.

Огромный масштаб его приготовлений сравнивался только с их огромным отсутствием интеллекта, что с самого начала гарантировало поражение. Принятый на вооружение тип корабля представлял собой старую галеру, предназначенную для тарана и захвата противника, но совершенно непригодную для маневрирования в атлантических штормах. 130 кораблей несли 2500 орудий, но артиллерия, хотя и многочисленная, была небольшой и предназначалась скорее для использования против вражеских экипажей, чем против самих кораблей. Необходимая географическая информация для вторжения в Британию в 1588 году была получена от Цезаря *De Bello Gallico*. Главнокомандующий адмирал, герцог Медина Сидония, никогда раньше даже не командовал кораблем, и большинство высших офицеров в равной степени не обладали профессиональными знаниями, поскольку матросов презирали как низших по сравнению с солдатами. Три четверти экипажей составляли солдаты, практически бесполезные в морской войне нового типа. Слепое рвение мало восполняло недостаток дальновидности, хотя Филипп часами стоял на коленях перед хозяином дома, ходатайствуя об успехе своего предприятия. Сами названия кораблей, хотя и вполне соответствуют испанской практике, кажутся символическими для святого характера крестового похода: *Санта-Мария-де-Грасиа*, *Нойстра-Сеньора-дель-Росарио*, *Сан-Хуан-Баптиста*, *Ла-Консепсьон*.

На стороне англичан также было много фанатичной ярости, но ей сопутствовал практический смысл. Деда Айронсайдов Кромвеля уже усвоили, если еще не сформулировали, принцип: "Бойся Бога и держи порох сухим". Некоторые корабли английского военно-морского флота имели религиозные названия, но многие назывались более светскими наименованиями: *Бык*,

Тигр, Дредноут, Месть. Чтобы встретить врага, из испытанных рядов буканьеров были собраны очень грозные и самоуверенные силы, состоявшие примерно из сорока пяти кораблей самого лучшего типа. Это правда, что покровительство нанесло некоторый ущерб английской службе, но оно было незначительным по сравнению с испанской. Лорд Говард Эффингемский был произведен в адмиралы благодаря своему титулу, но вице-адмиралом был сэр Фрэнсис Дрейк, которому принадлежит главная заслуга в этой операции.

[Прим. автора: июль 1588 г.]

Битва в Ла-Манше продолжалась девять дней. Общей стратегии или тактики не существовало; англичане просто стремились изолировать и потопить корабль везде, где только могли. Их более тяжелые пушки были использованы против врага, и среди его судов были посланы брандеры. Когда шесть испанских кораблей затонули в Ла-Манше, флот повернул на север, к берегам Голландии. Во время их бегства неопределенное количество было уничтожено англичанами, и еще несколько человек стали добычей морских попрошайек Голландии. Остальные, сильно потрепанные, повернули на север, чтобы обогнуть Шотландию. Во время штормов девятнадцать кораблей потерпели крушение у берегов Шотландии и Ирландии; о тридцати пяти кораблях сами испанцы не могли сообщить никаких сведений. В течение двух месяцев Филипп пребывал в напряжении относительно судьбы своей великой армады, из которой в конце концов лишь изрешеченные остатки вернулись в родные гавани.

Важность победы над Армадой, как и большинства драматических событий, была переоценена. Современникам, по крайней мере победителям и их друзьям, это представлялось прямым Божьим судом: "Flavit Deus et dissipati sunt". Великолепная риторика Ранке и Фруда изобразила это как один из поворотных моментов мировой истории. Но на самом деле это скорее обозначило, чем создало эпоху. Если бы корабли Филиппа победили, все еще невысказано, чтобы он смог навязать свое господство Англии в большей степени, чем Нидерландам. Англия созревала, а Испания загнивала в течение полувека, прежде чем столкновение сделало этот факт очевидным для всех. Армада не положила конец войне и не нанесла смертельного удара испанской мощи, не говоря уже о католицизме. На Европейском континенте ситуация практически не изменилась.

Но в Англии эффект был значительным. Победа пробудила национальную гордость; она укрепила протестантов и левое крыло этой партии. Хотя католики проявили себя лояльными во время кризиса, сразу после этого они подверглись самым жестоким преследованиям, которые они когда-либо испытывали. Отчасти это было связано с нервным возбуждением всего населения, отчасти с приближением к власти пуритан, которые всегда были партией войны.

[Примечание: пуритане]

Даже в первые годы правления великой королевы было немало кальвинистов, которые косо смотрели на англиканское поселение как на слишком большой компромисс с католицизмом и лютеранством. Тридцать девять статей были одобрены единогласно [Примечание: 1563] против более кальвинистского исповедания. Представители низшей церкви (как их теперь называли бы) нападали на "аароновы" облачения англиканских священников, и прелатство вызывало отвращение, поскольку всего на одну степень отличалось от папства.

Пуритане не были инакомыслящими, но были частью англиканского сообщества, глубоко верившей в национальную церковь, но желавшей сделать разрыв с Римом как можно шире.

Они придирались ко всему, что было сохранено в Молитвеннике, на что не было прямого указания в Священном Писании, и многие из них начали использовать в тайных собраниях женеvскую литургию вместо английской. Их лидер, Томас Картрайт, [Прим. автора: Картрайт, 1535-1603] профессор богословия в Кембридже, пока правительство не лишило его кафедры, привез из Нидерландов идеалы пресвитерианской формы церковного устройства. По его мнению, в англиканской церкви сохранилось много "папистских злоупотреблений", среди которых соблюдение дней святых, коленопреклонение при причастии, "детские и суеверные игрушки", связанные со службой крещения, слова, использованные мужчиной на брачной службе: "телом моим я поклоняюсь тебе", которыми муж "сделал идола из своей жены", использование таких титулов, как архиепископ, архидьякон, лорд епископ.

Именно из-за их чрезмерно щепетильной совести в этих вопросах его враг дал кальвинисту название "пуританин", поначалу насмешливое, аналогичное "Катарам" в средние века. Но прилив резко изменился в пуританскую сторону. Снова и снова Палата общин пыталась инициировать законодательство, чтобы облегчить совесть более строгой партии, но их усилия были заблокированы короной. С этого времени англиканская церковь заключила союз с престолом, который никогда не нарушался. Как Джуэл была вынуждена в начале правления Елизаветы [Прим. автора: 1562] защищать англиканскую церковь от Рима, так и Ричард Хукер в своем знаменитом {345} *Церковном государстве* [Прим. автора: 1594] теперь был вынужден защищать ее от крайних протестантов. В тот самый год, когда была написана эта тонко выдержанная работа, один иезуит сообщил, что пуритане были самой сильной организацией в королевстве и, в частности, что на их стороне было больше всего офицеров и солдат. Грядущее Содружество уже бросало тень на эпоху Шекспира.

Как моральное и религиозное влияние пуританство имело первостепенное значение в формировании английского — и американского -характера, и это было, в целом, благородно. Если его справедливо обвиняли в определенной ограниченности в его враждебности или безразличии к искусству и утонченности, то это с лихвой компенсировалось моральной серьезностью, которую он производил на людей. Привнести гениальность Библии в английскую жизнь и литературу, внушить каждому человеку идею жить во имя долга, свести политику и всю жизнь государства к этическим стандартам - несомненные заслуги пуританства. С политической точки зрения это способствовало росту уверенности в себе, самоконтроля и чувства личной значимости, что делало демократию возможной и необходимой.

[Прим. автора: Браун, 1550?-1633?]

Слева от пуритан были независимые, или браунисты, как их называли по имени их лидера Роберта Брауна, сторонника *реформации, не останавливавшегося ни на чем*. Он был беженцем в Нидерландах, где, возможно, попал под влияние анабаптистов. Его ученики отличались от последователей Картрайта тем, что отделяли себя от государственной церкви, в которой они находили много "грязных традиций и выдумок человеческих". Начав организовывать свои отдельные конгрегации примерно в 1567 году, сэр Уолтер Рэли сказал, что в 1593 году у них было до 20 000 приверженцев. Хотя их искренне не любили реакционеры и *beati possidentes* как в церкви {346}, так и в государстве, они, тем не менее, были партией будущего.

[1] A. O. Meyer: *England und die katholische Kirche unter Elizabeth*, p. 231.

РАЗДЕЛ 5. Ирландия

Если союз Англии и Уэльса был браком - после ухаживания примитивного типа; если союз с Шотландией был успешным партнерством — после длительного периода беспощадной конкуренции; то Ирландия находилась в положении пленницы и рабыни. По ее невольному мнению, английское господство всегда было чуждым, и этот факт имеет для нее большее значение, чем то, был ли ее хозяин жесток, как раньше, или добр, как в последнее время.

[Примечание: правило английского языка]

Самым печальным периодом во всей печальной жизни Эрин были шестнадцатый и семнадцатый века, когда к старому расовому антагонизму добавились новая ненависть к вероисповеданию и новая коммерческая конкуренция. Политика Генриха заключалась в том, чтобы "свести это царство к познанию Бога и послушанию Нам". Политика Елизаветы заключалась в том, чтобы молиться, чтобы Бог "призвал их к познанию его истины и к гражданскому устройству", и помогать Всемогущему самыми изощренными средствами для достижения этих целей. Управление островом было преступлением, и все же для смягчения этого преступления необходимо привести некоторые соображения. Англия тогда относилась к ирландцам во многом так же, как американцы, казалось, относились к индейцам, - как к дикарям, которых нужно убить и изгнать, чтобы освободить место для более высокой цивилизации. Если бы Англия была в состоянии применить метод истребления, она, несомненно, сделала бы это, и тогда сегодня не было бы ирландского вопроса. Но в 1540 году было признано, что "затянуть полное истребление всех ирландцев на земле было бы изумительной затеей и большой трудностью".

Будучи неспособными достичь этого или погрузить Ирландию на {347} морское дно, чего часто желал министр Елизаветы Уолсингем, у англичан были альтернативы: наполовину управлять или полностью отказаться от своих соседей. Последний курс считался слишком опасным, но если бы он был принят, Ирландия могла бы создать адекватное правительство и добиться собственного процветания. Это правда, что она была более отсталой, чем Англия, но все же у нее была значительная торговля и культура. [Примечание: ирландская нищета] Некоторые пункты, такие как Дублин и Уотерфорд, вели активную торговлю с Континентом. И все же, что касается нации в целом, то отчет 1515 года, вероятно, говорит правду, говоря: "Во всем этом мире нет простого народа, столь мало окруженного, столь сильно презираемого, столь слабого, столь бедного, столь сильно попираемого ногами, как простой народ короля Ирландии". Карты всей Ирландии не существовало; дорог было мало и они были плохими, и преобладали самые смутные представления о форме, размере и населении страны. Самой цивилизованной частью была Черта английского населения вокруг Дублина; коренные ирландцы жили "к западу от Кургана и к западу от закона", и ими управляли более шестидесяти местных вождей. Смешанные браки колонистов и туземцев были запрещены законом. Единственный известный правительству Тюдоров способ утвердить свой сюзеренитет над этими септами, правильно описанными как "ирландские враги короля", состоял в том, чтобы время от времени совершать на них набеги, убивая, грабя и насилуя по ходу дела. Именно после одного из таких набегов в 1580 году поэт Спенсер написал:

Люди были доведены до такого отчаяния, что любое сильное сердце сожалело бы о том же. Они появлялись из каждого уголка лесов и долин, ползли

на руках, потому что ноги их не несли.

Они выглядели как анатомии смерти; они говорили как призраки, взывающие из своих могил. Они ели мертвую падаль, радуясь там, где могли ее найти; да, и вскоре после этого один {348}

другой, поскольку самих туш они не щадили, чтобы выгрести из своих могил; и если они находили клочок водяных салатов или трилистников, они какое-то время толпились там, как на пиру.

Ирландских вождей нельзя было укротить ни добротой, ни силой. Генрих и Елизавета раздали титулы "граф" и "лорд" всем "О" и "Мак" своего западного острова только для того, чтобы обнаружить, что корона не оказала ни малейшего влияния ни на их привязанности, ни на их манеры. Они все еще жили как вожди-мародеры, окруженные дикими кернами и гэллоугласами, сражающимися друг с другом и охотящимися на своих бедных подданных. "Пусть умрет тысяча моих людей, - заметил один из них, Нил Гарв, - я не передам ни одной булавки ... Я буду наказывать, взыскивать, резать и вешать, где и когда захочу". Если бы они могли действовать сообща, то, возможно, сбросили бы хватку Англии со своих шей, поскольку она обычно была коррумпированной и слабой. Сэр Генри Сидни был самым сильным и умелым губернатором, присланным на остров за столетие, но он мало что смог сделать. Хотя остальных можно было подкупить, и хотя один из них, граф Эссекс, вступил в сговор с вождями с целью восстания, и хотя в самом конце правления Елизаветы боеспособная испанская армия высадилась в Ирландии, чтобы помочь местным жителям, ничто так и не позволило им изгнать ненавистного "сассенаха".

[Примечание: английская колонизация]

Англия уже пыталась решить ирландскую проблему путем колонизации. Ленстер долгое время был центром английских поселений, и в 1573 году в Ольстер была отправлена первая английская колония. Но поскольку она состояла в основном из банкротов, скрывающихся от правосудия и других лиц "столь коррумпированного склада, что Англия скорее отвергает", это не сильно помогло делу, а скорее "нанесло непоправимый ущерб государству". Ирландский парламент по-прежнему представлял только англичан Черты Оседлости и нескольких городов за ее пределами. Хотя жители {349} Черты оседлости номинально оставались католиками, парламент был настолько раболепен, что в 1541 году разрушил монастыри и отрекся от папы римского, [Примечание: Религия] вскоре после чего король принял титул главы Ирландской церкви. Ни один пенни из конфискованного состояния не пошел на финансирование ирландского университета до 1591 года, когда в интересах протестантизма был основан Тринити-колледж. Хотя почти во всех других странах Европы до 1500 года были свои печатные станки, в Ирландии их не было до 1551 года, а затем пресса использовалась настолько исключительно для пропаганды, что само название "чтение" стало ненавистным для местных жителей. Однако не было массовых убийств на религиозной почве и мучеников ни по той, ни по другой причине. Законы о преследовании были оставлены до следующего столетия.

[Примечание: Коммерческая эксплуатация]

Приход торговцев к политической власти был более зловещим, чем зарождение новой религии. Страна лишилась сокровищ из-за взимания огромных выкупов за захваченных вождей. Ирландская торговля тканями и морскими перевозками были подавлены. Страна была наводнена некачественной монетой, что ставило ее торговцев в крайне невыгодное положение. Наконец, мало что осталось из того, что ирландцы могли импортировать, кроме ликеров, да и те "сильно испорчены".

Несмотря на все возможные доводы о смягчении судебного решения, следует признать, что английское правительство Ирландии потерпело неудачу. Если ей не удавалось сделать ирландцев дикарями, она делала все возможное, чтобы сохранить их такими, а затем наказывала их за это. Используя ресурсы Эрин, она обнищала себя. Пытаясь навязать протестантизм, она превратила Ирландию в оплот папства. Стремясь уничтожить септы, она создала нацию.

{350}

ГЛАВА VII

ШОТЛАНДИЯ

Одним из наиболее важных результатов применения современных средств легкого сообщения между всеми частями света стало стирание или сведение к минимуму различий в национальном характере и степени цивилизованности. Образ жизни Англии и Австралии сейчас отличается меньше, чем образ жизни Англии и Шотландии в шестнадцатом веке. Великий поток культуры тогда протекал гораздо сильнее в центральной, чем в отдаленных частях Западной Европы. Латинские нации, Италия и Франция, лежали ближе всего к сердцевине цивилизации. Но несколько менее развитыми в культуре и жизненных удобствах, а в некоторых отношениях и превосходящими их были Нидерланды, Швейцария, Англия и южные и центральные районы Германии. В полутени вокруг лежал пояс земель: Испания, Португалия, Северная Германия, Пруссия, Польша, Венгрия, Скандинавия, Шотландия и Ирландия.

[Примечание: Шотландия]

В Шотландии действительно были свои университеты, но ее лучших ученых часто можно было найти в Париже или в немецких или итальянских академиях. Шотландские гуманисты на континенте, шотландская гвардия французского короля и шотландские монастыри, такие как в Эрфурте и Вюрцбурге, скорее подняли репутацию страны за рубежом, чем продвинули ее родную культуру. Книгопечатание появилось только в 1507 году. Брантом в шестнадцатом веке, как и Эней Сильвий в пятнадцатом, отмечал неотесанность северного королевства.

Самым отсталым из всех было политическое развитие Шотландии. Ни один король не был достаточно силен, чтобы быть одновременно тираном и спасителем своей страны; под слабым правлением ряда несовершеннолетних, регентов и распутных женщин феодальное баронство с пышным ростом междоусобных войн и преступности процветало, что стало проклятием для бедных людей. Когда сэр Дэвид Линдсей спросил, [Прим. автора: 1528] Почему шотландцы такие бедные? он дал правильный ответ:

Отсутствие справедливости, политики и мира,
увы, является причиной их несчастья!

Что-то также можно объяснить бедностью почвы и отсутствием важной торговли или промышленности.

[Примечание: Отношения с Англией]

Политика любой маленькой нации, расположенной в опасной близости от более крупной, почти обязательно определяется этим фактом. Чтобы отстоять свою независимость, Шотландия была вынуждена объединиться с врагами Англии. Партизанская война была повсеместным явлением на границах, перерастая в каждом поколении в какой-нибудь более ожесточенный кризис. Англия, с другой стороны, была вынуждена искать свою собственную безопасность в аннексии своего маленького врага или, если это не удастся, в сохранении его как можно более беспомощного положения. Верные принципам аморальной политической науки, которая обычно считается государственной мудростью, Тюдоры последовательно стремились с помощью любой формы преднамеренного вероломства способствовать возникновению фракций в Северной Британии, покупать предателей, нанимать наемных убийц, субсидировать мятежников, сеять смуту и опустошать страну, при удобном случае, армиями и флотами. Просто чтобы защитить независимость, которую Англия отрицала и на которую нападала, шотландские правители быстро стали союзниками Франции, на которых можно было рассчитывать в каждой войне между великими державами, чтобы сеять смуту в тылу Англии.

Ни одна из сторон не проводила политику откровенной ненависти. На протяжении столетия у Севера и юга росла цель объединить две страны и таким образом положить конец многолетней и пагубной войне. Если ранние Тюдоры {351} ошибались, думая, что смогут утвердить сюзеренитет силой оружия, им также следует приписать закладку основ будущего династического союза. Маргарет Тюдор, сестра Генриха VIII, была замужем за Яковом IV Шотландским. Сомерсет надеялся осуществить союз более прямым путем, заключив брак Эдуарда VI и Марии, королевы Шотландии. То, что партия просвещенных государственных деятелей в Англии постоянно помнила о союзе, в сложившихся обстоятельствах менее примечательно, чем то, что была создана значительная группа шотландцев, стремящихся к той же цели. Несмотря на живучесть патриотизма и упорство, с которым малые нации обычно отказываются объединять свою собственную идентичность в более крупное целое, очень веские мотивы обусловили существование английской партии. Одним из благоприятных условий была феодальная дезорганизация общества. Фракция была настолько распространенной и ожесточенной, что могла привлечь национального врага, не дискредитируя себя полностью. Вторым элементом была ревность к Франции. Какое-то время, после французских браков Якова V с Марией Лотарингской, сестрой герцога Гиза, и Марии, королевы Шотландии, с Франциском II, казалось более опасным, что маленькое королевство станет уделом Франции, чем сателлитом ее южного соседа. Распушенность французских офицеров и солдат на шотландской земле сделала их нацию наименее любимой, когда ее больше всего видели. [Примечание: Влияние религии] Но большим влиянием, преодолевающим национальные чувства, была религия. Реформация, которая принесла не мир, а меч большей части Европы, в данном случае объединила, а не разделила народы.

Иногда говорят, что национальный характер раскрывается в национальной религии. В какой-то степени это верно, но еще важнее сказать, что история нации раскрывается в формах ее веры.

Из религиозной статистики наших дней можно {353} со значительной точностью вывести большую часть истории любого народа.

Контраст между церквями Англии и Шотландии становится тем более заметным, если учесть, что Север Англии был оплотом католицизма, и что шотландцы с равнин, живущие по соседству с графствами северных графов, восставших против Елизаветы, впали в противоположную крайность и приняли протестантизм в его наиболее ярко выраженной форме. Сказать, что кальвинизм, бескомпромиссный и лишенный украшений, особенно привлекал сурового, сухого, рационалистичного шотландца, - это в лучшем случае лишь полуправда, а в худшем - напрашивающийся вопрос. Причины, по которым Англия стала англиканской, а Шотландия пресвитерианской, сразу же обнаруживаются не в разнообразии национального характера, а в обстоятельствах их соответствующего государственного устройства и истории. Англия оторвалась от Рима в то время, когда преобладало консервативное влияние Лютера; Шотландия была охвачена потоком революции под более яростной звездой Кальвина. Английская реформация была начата короной и поддержана новым торговым дворянством. Шотландская революция носила явно баронский характер. Она началась с гуманистов, продолжилась и процветала в младших ветвях великих семей, среди городских жителей и среди наиболее энергичного духовенства, как обычного, так и светского. Корона последовательно выступала против нового движения, но шотландский монарх был слишком слаб, чтобы навязывать свою волю или даже иметь собственную. Ни Яков V, ни его дочь не могли позволить себе порвать с Римом и Францией. Яков V, в особенности, был брошен в объятия своего духовенства враждебностью своей знати. Более того, после гибели многих дворян в битве при Флоддене духовенство на какое-то время стало [Прим. автора: 1513] самым сильным сословием в королевстве.

{354} Как и другие сословия, духовенство все еще находилось в средневековье, когда Реформация [Прим. автора: Реформация] пришла к ним, как вор в ночи. Ни в одной стране не было большей коррупции. Епископы и священники брали наложниц, ели и пили, напивались и били своих братьев. Они взыскивали свои гонорары до последнего фартинга, особенно одиозным из которых было требование священника о лучшей корове после смерти прихожанина. Как следствие, миряне ненавидели священников и монахов.

Гуманизм пролил несколько ярких лучей на гиперборейские регионы Данди и Глазго. Некоторые эразмианцы, такие как Гектор Боус, готовили других к Реформации, не присоединяясь к ней сами; некоторые, как Джордж Бьюкенен, бросили гений и ученость на чашу весов новой веры. Необразованные люди тоже были тронуты реформаторским рвением. Лолларди посеял несколько семянереси. Примерно в 1520 году версия Нового Завета Уиклифа была переведена на шотландский язык неким Джоном Несбитом, но она осталась в рукописи.

В те дни, когда еще не было газет, новости передавались с места на место странствующими торговцами и странствующими учеными. Гораздо больше, чем сегодня, пропаганда зависела от личного общения. Одним из первых проповедников лютеранства в Шотландии был француз по имени Ла Тур, принявший мученическую смерть по возвращении в свою страну. Благородный Патрик Гамильтон совершил паломничество в недавно основанный Марбургский университет и, возможно, в Виттенберг. Исполненный, как выразился его соотечественник-католик епископ Джон Лесли, "яда, очень ядовитого и смертельного ... исходящего от Лютера и других архиереев", он вернулся, чтобы найти мученический венец на своей родной земле.

[Примечание: 29 февраля 1528 г.] "Вонь Патрика Гамильтона" заразила всех, на кого она подула. Другие молодые люди посетили Германию. Некоторые, как Александр Алезиус и Джон Макэлпайн, нашли должности в {355} зарубежных университетах. Другие ненадолго посетили Виттенберг, чтобы нести оттуда новое Евангелие. Шотландский Дэвид^[1] появляется в Виттенберге в январе 1528 года. Другой шотландец, "благородного происхождения и хорошо разбирающийся в схоластической теологии, изгнанный со своей земли из-за Слова", познакомился с Лютером в мае 1529 года. Другим посетителем Реформатора был Джеймс Уэддерберн, чей брат Джон [Прим. автора: 1540-2] перевел некоторые гимны немца и опубликовал их как "Сборник благочестивых и духовных песен".

В то время как подобные люди приносили своим соотечественникам весть о новой вере, другие были заняты импортом и распространением лютеранских книг. Парламент запретил [Прим. автора: 17 июля 1525 г.] все произведения "еретика Лютера и его учеников", но не смог обеспечить соблюдение этого закона. Английский агент в Антверпене сообщил Вулси, что Новые Заветы и другие английские труды были куплены шотландскими купцами [Примечание: 20 февраля 1527 г.] и отправлены в Эдинбург и Сент-Эндрюс. Популярность и влияние Библии Тиндейла и Ковердейла подтверждается быстрой англизацией шотландского диалекта, начиная с этой даты. Распространение Священных Писаний на английском языке дополнительно подтверждается повторением предписаний против их использования. Но первой Библией, напечатанной в Шотландии, была Библия Александра Арбутнота в 1579 году, основанная на Женевской Библии 1561 года.

[Прим. автора: 14 марта 1531 г.]

Еще одним свидетельством роста лютеранства является просьба короля Якова V к консистории о разрешении облагать налогом свое духовенство в треть от их доходов, чтобы собрать армию против толпы его подданных-лютеран. Поскольку эти протестанты встречались в частных домах, парламент принял закон, [Прим. перев.: 1540] "Который запрещает проводить в своих домах или другими способами собрания или собрания для общения или обсуждения {356} Священного Писания, если они не являются теологами, одобренными известными университетами".

По мере роста новой партии к битве присоединились другие. В 1539-40 годах погибло по меньшей мере двенадцать мучеников. [Примечание: Брошюры] Поле боя было занято с обеих сторон армией памфлетов, баллад и афиш, из которых, пожалуй, самой известной является *сатира Дэвида Линдсея на три поместья*. При этом духовенство подвергается беспощадным нападениям за жадность и распутство. [Примечание: 1540] Некоторые персонажи, представленные в поэме, высоко оценивают Новый Завет, но человек, помилюющий, жалуется, что это полностью подорвало его репутацию, и желает, чтобы дьявол забрал того, кто написал эту книгу. Далее он желает, чтобы "Мартин Лютер, этот лживый псих, Черный Буллингер и Меланхтон" были задушены в своих рождественских одеждах и чтобы Святой Павел никогда не родился.

[Примечание: Мария Стюарт, родилась 8 декабря 1542 г.]

Когда Яков V умер, он оставил корону своей малолетней дочери шести дней от роду, той самой Марии, чья красота, преступления и трагический конец привлекли внимание как ее современников, так и потомков. Первые три года ее правления самым могущественным человеком в королевстве был Дэвид Битон, кардинал-архиепископ Сент-Эндрюса. Его

политика, конечно, заключалась в поддержании католической религии, а это подразумевало защиту независимости Шотландии от Англии. Генрих VIII, с характерным для него отсутствием угрызений совести, замыслил похитить малолетнюю королеву и либо похитить, либо убить кардинала. Потерпев неудачу и в том, и в другом, он отправил армию на север с приказом предавать мечу мужчин, женщин и детей везде, где оказывалось сопротивление. Эдинбургский замок остался невредимым, но Холируд был сожжен, а страна опустошена до самого Стерлинга.

[Примечание: кардинал Битон]

Потерпев поражение от Англии, Битону было суждено {357} погибнуть в конфликте с другим своим врагом - протестантизмом. В это переходное время от лютеранства к кальвинизму требования шотландских реформаторов были бы более умеренными, чем они стали позже. Они, несомненно, удовлетворились бы бесплатной Библией, бесплатной проповедью и конфискацией имущества религиозных орденов. При Джордже Уишарте, который перевел Первое гельветическое исповедание, [Примечание: 1536 или 1537] Кирка начала облачаться в кальвинистское одеяние и принимать облик партии с определенной политической программой. Место газет, как поставщиков информации, так и органов выражения общественного мнения, заняли проповеди священников, большинство из которых были политическими и все противоречивыми. Бичом этой партии был Битон. Он сам считал, что в 1545 году ересь была почти искоренена, и, несомненно, его вера подтвердилась, когда он смог казнить Уишарта. [Примечание: 1 марта 1546 г.] В отместку за это несколько фанатиков убили его. [Примечание: 29 мая]

[Примечание: Джон Нокс]

В завершении религиозной революции в течение следующей четверти века одним из факторов была личность Джона Нокса. Прирожденный партизан, человек одной идеи, который не видел зла на своей стороне и добра на другой, как хороший боец и хороший ненавистник, ему было мало равных. Его безграничная преданность делу, за которое он взялся, сделала его легковверным в отношении зла, таящегося в его врагах, способным прибегать к обману и аплодировать политическому убийству. О его первой проповеди против католицизма было сказано: "Другие срезали ветви, но этот человек бьет в корень", и почти последнее суждение, вынесенное ему, лорду Эктону, состоит в том, что он отличался от всех других основателей протестантизма своим желанием истребить католиков либо государством, либо самопомощью всех христиан. Он не должен произносить слова любви и милосердия из Евангелия, но проклинать и {358} громыхать против "этих бессловесных собак, отравленных и чумных папистов" в стиле ветхозаветного пророка или псалмопевца. Но в то время как суровость его характера отталкивала многих, его принципиальная последовательность и мужество вызывали восхищение. Как великий проповедник, "или он закончил свою проповедь, он был настолько активен и энергичен, что ему хотелось ударить клинком по кафедре и слететь с нее". Его стиль был прямым, энергичным, незамысловатым, полным острого остроумия и едкого сарказма.

Оспаривается даже год его рождения. Традиционная дата - 1505 год; но было доказано с большим основанием, что более вероятной датой является 1513 или 1514 год. То, что у него было университетское образование и что он был рукоположен в священники, - это все, что известно о нем примерно до 1540 года. В последние месяцы жизни Уишарта Нокс был его постоянным помощником. Его собственная проповедь продолжала дело мученика до июня 1547 года, когда Сент-Эндрюс был захвачен французским флотом, а Нокс на девятнадцать месяцев

стал галерным рабом. Под ударами плети и, что огорчало его еще больше, постоянными намеками на то, что он должен "совершить идолопоклонство", молясь образу Марии, его сердце ожесточилось против французов и их религии.

Освобожденный либо под влиянием английского правительства [Прим. автора: январь 1549 г.], либо в результате обмена пленными, Нокс провел следующие пять лет в Англии. После занятия должностей проповедника в Бервике и Ньюкасле, [Прим. автора: 1551] он был назначен королевским капелланом, и ему предложили епископство Рочестера, от которого он отказался, потому что предвидел неприятности при Марии. Как пионер пуританства в Англии, он использовал свое влияние, чтобы сделать Книгу общей молитвы более протестантской. Вскоре после восшествия на престол Марии Нокс бежал на Континент, проведя несколько лет во Франкфурте и Женеве. На него произвел большое впечатление "этот выдающийся слуга {359} Бога, Джон Кальвин", систему которого он перенял со своими собственными политическими изменениями.

Тем временем дела в Шотландии шли не очень хорошо. Страна потерпела еще одно тяжелое поражение [Прим. автора: 10 сентября 1547 г.] от рук англичан в битве при Пинки. Правительство находилось в значительной степени в руках вдовствующей королевы Марии Лотарингской, которая, естественно, благоволила Франции и выдала свою дочь, королеву Шотландии, замуж за дофина Франциска [Прим. автора: 24 апреля 1558 г.], когда им обоим было по пятнадцать лет. По договору она передала Шотландию королю Франции, действуя на основе старой доброй теории о том, что ее народ был движимым имуществом. Хотя пакт с его изменой народу был секретным, о его смысле догадывались все. В то время как восшествие на престол Франциска II на мгновение сблизило Шотландию с Францией, его смерть в следующем году снова освободила ее и позволила идти своим путем.

Все это время реформированная партия медленно набирала силу. Сомерсет позаботился о том, чтобы отправить побольше английских Библий через Чевит-Хилл, справедливо видя в них лучших представителей английских интересов. Шотландцев тянуло к Англии мягкостью ее правительства в той же степени, в какой они были отчуждены от Франции ее свирепостью. В Шотландии английская партия, когда у нее была такая возможность, не создавала католических мучеников, но французская партия продолжала предавать смерти еретиков. Казнь престарелого Уолтера Милна, [Прим. автора: 1558] последней из жертв католических гонений, вызвала особое негодование.

Теперь Нокс вернулся в свою страну с коротким визитом. [Примечание: Нокс, август 1555 г.] Там он страстно проповедовал против мессы и направил письмо регентше Марии Лотарингской, умоляя ее благоволить Евангелию. Она восприняла это как шутку и после того, как Нокс ушел, приговорила его к смертной казни и сожгла его чучело. Из Женевы он продолжал быть главным советником протестантской партии, лидеры которой создали "Общую группу", обычно известную как Первый шотландский ковенант. [Примечание: 3 декабря 1557 г.] Подписавшие, в том числе большое количество дворян и джентльменов во главе с графами Аргайлом, Гленкэрном и Муртоном, пообещали приложить все свои силы, средства и жизни для поддержания, продвижения и утверждения "самого благословенного Слова Божьего и его паствы". Под защитой этих уз открыто создавались реформатские церкви. Лорды Конгрегации, как их называли, потребовали отмены уголовных законов против еретиков и "чтобы нам было

законно использовать себя в вопросах религии и совести, поскольку мы должны отвечать перед Богом". Эта схема терпимости была слишком продвинутой для того времени.

[Примечание: 1557]

Поскольку помощь Нокса была сочтена желательной, Лорды Конгрегации срочно потребовали его возвращения. [Прим. автора: 1558] Перед этим он опубликовал свое "Обращение" [Прим. автора: 2 мая 1559 г.] к дворянам, сословиям и простонародью против недавно вынесенного ему смертного приговора. Когда он прибыл в Эдинбург, его проповедь была подобна спичке, поднесенной к растопленному дереву. Куда бы он ни пошел, повсюду разгоралось пламя иконоборчества. Иконы были разбиты, а монастыри штурмованы не джентльменами или "ревностными проповедниками Христа", как он сам писал, а "толпой негодяев". Оценивая силы революции, нельзя забывать об удовольствии толпы от грабежей. [Примечание: 11 мая] Из Перта Нокс писал: "Места идолопоклонства сравнивались с землей; все памятники идолопоклонства, которые можно было обнаружить, сгорели в огне; и священникам приказали под страхом смерти прекратить свои богохульные мессы". Аналогичные вспышки гнева произошли в Сент-Эндрюсе, и когда Нокс вернулся в Эдинбург, гражданская война казалась неминуемой. Памфлеты того времени, такие как *The Beggars' Warning*, [Примечание: 1559] отчетливо описывали угрозу социальной революции.

{361} Но на самом деле перемены были самыми бескровными в Европе. Реформаторам, популярным среди среднего и части высшего классов, нужно было только заручиться поддержкой Англии, чтобы обеспечить себе полную безопасность. Трудность этого курса заключалась в естественной неприязни королевы Елизаветы к Ноксу из-за его *Первого Звука Трубы против Чудовищного Полка Женщин*. В этом воинственном возгласе, направленном против английской и Шотландской Марий, Нокс утверждал, что "продвигать женщину к правлению, превосходству, доминированию или империи над любым царством противно природе, противоречит Богу и, наконец, это подрыв хорошего порядка и всякого равенства и справедливости". Автор испытал немалое смущение, когда женщина-протестантка взошла на английский трон и ему понадобилась ее помощь. Но чтобы спасти свою душу, он, "который никогда не боялся и не льстил никакой плоти", не мог ни признать, что был неправ, ни взять назад что-либо из того, что он сказал. Похоже, он действовал в соответствии с максимой Барри Линдона о том, что "джентльмен дерется, но никогда не извиняется". Когда он писал Елизавете [Прим. автора: 20 июля 1559 г.], все, что он хотел сказать, это то, что он не был ее врагом и никогда не оскорблял ее или ее королевство злонамеренно или намеренно. Он подкрепил эту попытку примирения язвительным упреком в адрес гордой молодой королевы за то, что она "отступила от Бога и склонилась к идолопоклонству" во время правления своей сестры, опасаясь за ее жизнь.

Но преимущества союза перевесили такие незначительные соображения, как плохие манеры, и в начале 1560 года между Англией и лордами Конгрегации была образована лига. Вскоре после смерти Марии Лотарингской [Примечание: 11 июня 1560 г.] Эдинбургский мирный договор [Примечание: Эдинбургский мирный договор, 6 июля] был подписан между королевой Англии и лордами Шотландии. Это предусматривало: (1) что все английские и французские войска будут выведены из Шотландии, за исключением 120 французов; (2) что все военные приготовления прекратятся; (3) что {362} морская цитадель Бервикшира, Эймут, будет демонтирована; (4) что Мария и Франциск должны отказаться от английского титула и оружия; (5) что Филипп

Испанский должен урегулировать определенные вопросы, если это необходимо; (6) что Елизавета не действовала неправомочно, заключив союз с лордами Конгрегации. Мария и Франциск отказались ратифицировать этот договор.

Было предложено дополнительное соглашение между Марией Стюарт и ее мятежными протестантскими подданными. Она пообещала немедленно созвать парламент, не заключать ни войны, ни мира без согласия сословий и править в соответствии с рекомендациями совета из двенадцати человек, избранного совместно ею и сословиями. Она пообещала не давать высоких постов незнакомцам или священнослужителям; и она распространила на всех всеобщую амнистию.

[Примечание: Революция]

Созыв парламента сразу после этих переговоров оказался для старого режима таким же катастрофическим, как собрание генеральных штатов Франции в 1789 году. Хотя шотландская революция была бескровной, она была такой же основательной, по-своему небольшой, как революция Робеспьера. Была изменена религия и обеспечено новое распределение политической власти, передавшее господство короны и старых привилегированных орденов классу "новых людей", низкородных служителей церкви, мелких "лордов" и горожан. Сама конституция нового парламента была революционной. В старые законодательные собрания созывалось от десяти до двадцати крупных баронов; в парламенте 1560 года собралось не менее 106 мелких баронов, и именно им, вместе с горожанами городов, было поручено принятие новой религии. Ноксом и его товарищами было составлено Исповедание веры, [Примечание: шотландское исповедание] крайне кальвинистского толка; оно было представлено парламенту и принято всего восемью несогласными голосами, пятью мирянами и тремя епископами. Меньшинство было охвачено благоговейным страхом не только перед большинством в {363} парламенте, но и перед общественным мнением столицы и всей Низменности.

[Примечание: Законы сословий]

Всего через неделю после принятия Исповеди сословия приняли три закона: (1) об отмене власти папы римского и всей юрисдикции католических прелатов; (2) об отмене всех предыдущих статуты в пользу римской церкви; (3) о запрете проведения мессы. Закон называет это "нечестивым идолопоклонством" и предусматривает, что "ни один человек не должен ни служить мессу, ни слушать мессу, ни присутствовать на ней под страхом конфискации всего их движимого и недвижимого имущества и наказания их тел по усмотрению магистрата". Наказанием за третье преступление была назначена смертная казнь, и всем офицерам было приказано "принять усердные меры пресечения и инквизиции", чтобы предотвратить совершение католического обряда. На самом деле, преследование было чрезвычайно мягким, просто потому, что сопротивления почти не было. Едва ли можно назвать трех католических мучеников, и не было никакого Благодатного паломничества. Это тем более примечательно, что, вероятно, три четверти людей все еще были католиками. Реформация, как и большинство других революций, была делом рук не большинства, а той части людей, которая обладала энергией и интеллектом, чтобы видеть наиболее ясно и действовать наиболее решительно. Впервые в истории Шотландии важный вопрос был вынесен на рассмотрение общественного мнения, достаточно развитого, чтобы осознать его важность. Важный выбор был сделан не путем подсчета голосов, а путем взвешивания характеров.

Класс бургеров, захватив бразды правления, начал использовать их в интересах своей церкви. Утверждалось, что главной обязанностью государства является поддержание истинной религии. Министрам платило правительство. Почти любой акт правительства мог стать предметом вмешательства церкви, поскольку исповедание Ноксом "политики, запрещающей нам вмешиваться не дальше, чем в нее примешивается религия", было, очевидно, гибким и добровольно наложенным ограничением.

[Примечание: Теократия]

Характер церкви был характер демократической, пуританской теократии. Настоящими правителями его, а через него и государства, были министры и старейшины, избранные народом. Демократия церкви заключалась в возвышении большинства этих людей из низших слоев народа; ее теократия - в притязаниях этих людей, когда-то утвердившихся на троне Моисея, толковать заповеди Божьи. "Я вижу, - сказала королева Мария после разговора с Ноксом, - что мои подданные будут повиноваться вам, а не мне". "Мадам, - ответил Нокс, - "я считаю, что и принцы, и народ должны повиноваться Богу", но, конечно, голос с кафедры был голосом Бога. Как выразился современник: "Нокс - король; чему он желает, тому и повинуются". В конце концов, кирка была тиранией, какой вполне может быть демократия. В жизни, в манерах, в мыслях гражданин был обязан, под угрозой сурового общественного наказания, в точности соответствовать очень узкому стандарту.

[Примечание: королева Мария в Шотландии, 19 августа 1561 г.]

Когда королева Мария, восемнадцатилетняя вдова, высадилась в Шотландии, она, должно быть, осознавала, какой тернистый путь ей предстояло пройти. Невозможно не пожалеть ее, избалованную любимицу самого веселого двора Европы, беззащитную перед мрачным небом и еще более суровыми ветрами доктрин в Эдинбурге. Наделенная высоким духом, мужеством, немалым умом и большим обаянием, она могла бы справиться с ситуацией, если бы ее характер или благоразумие соответствовали ее интеллекту и красоте. Но, преследуемая мужчинами, религию которых она ненавидела, чью власть боялась и чье низкое происхождение презирала, она становилась все более и более безрассудной в погоне за удовольствиями, пока не запуталась в сети порока и преступлений и беспомощной не попала в руки своих врагов.

{365} Ее истинная политика, которой она начала следовать, была определена для нее обстоятельствами. Шотландия была для нее всего лишь ступенькой к английскому трону. Как следующая наследница Елизаветы, она могла бы стать королевой либо в результате смерти правящего монарха, либо как глава католического восстания. Сначала она благоразумно решила дождаться естественного хода событий, выбрав своим государственным секретарем Мейтленда, "шотландского Сесила", уравновешенного политика, стремившегося сохранить дружбу с Англией. Но в конце концов, потеряв терпение, она скомпрометировала себя католическими заговорами и восстаниями недовольных южан.

Итак, стремясь к трем коронам, Мария показала, что не способна сохранить даже ту, которая у нее была. Не религия, а ее собственные преступления и безумства стали причиной ее падения, но именно из-за религии произошло первое столкновение с ее подданными. Она хотела бы восстановить католицизм, хотя это и не было ее первой целью, поскольку она была бы довольна тем, что ее оставили в покое, чтобы она могла наслаждаться своим собственным богослужением. Даже на это стойкие сторонники церкви смотрели косо. Когда Мэри

приземлилась, Нокс проповедовал, что одна месса для него страшнее десяти тысяч вооруженных захватчиков. Мария послала за ним, надеясь расположить к себе сурового мужчину проявлением женской и королевской грации. [Примечание: август 1561-декабрь 1563] Всего у него было пять интервью с ней, живописно описанных им самим. С его стороны были длинные, суровые проповеди об обязанностях князей и порочности идолопоклонства, богато иллюстрированные примерами, взятыми со священной страницы. С ее стороны были "вопли вместе с женским плачем", "еще больше воплей и слез, чем требовало дело", "так много слез, что ее горничная едва могла достать салфетки, чтобы вытереть ей глаза". С абсурдно бессознательной обидчивостью и эгоизмом Нокс начал знакомство со своей правительницей, заметив, что он так же {366} доволен жизнью при ней, как Павел при Нероне. Ранее он утверждал, что правительство было создано для контроля над религией; теперь он сообщил Марии, что "правильная религия не исходит ни от мирских правителей, ни от авторитета, но только от Вечного Бога". "Вы думаете, - спросила она, - что подданные, обладающие властью, могут сопротивляться своим принцам?" "Если принцы выйдут за рамки дозволенного, мадам, им могут оказать сопротивление и даже низложить", - ответил Нокс. Брак Мэри был самым неотложным вопросом политики. Когда Нокс взял на себя смелость обсудить это с ней, она взорвалась: "Какое ты имеешь отношение к моему браку? Или кем ты являешься в этом содружестве?" "Подданный, рожденный там же, - величественно парировал крестьянин из Восточного Лотиана, - и хотя я не граф, не лорд и не барон, Бог сделал меня прибыльным членом клуба".

[Примечание: Брак с Дарнли, июль 1565 г.]

Решив, что это вполне оправданно, угодить себе, а не своим советчикам при выборе мужа, Мария выбрала своего кузена Генри Стюарта, лорда Дарнли, "длинного парня", которому еще не исполнилось двадцати. Бракосочетание было отпраздновано в июле 1565 года; необходимое папское разрешение на это было фактически составлено 25 сентября, но предусмотрительно снабжено ложной датой, датированной четырьмя месяцами ранее. Почти с самого начала брак был крайне несчастлив. Капризный мальчик настаивал на том, чтобы с ним обращались как с королем, в то время как Мария позволяла ему только "то, что ему причитается". Дарнли ревновал, вероятно, не без оснований, к итальянскому секретарю своей жены Дэвиду Риччио и убил его в присутствии Марии; [Примечание: 9 марта 1566 г.] "поступок, достойный всяческих похвал", - понтифицировал Нокс.

С этого преступления всерьез начинается та отвратительная история придворных интриг и чернейшего злодейства, которая обычно считается тогдашней историей Шотландии. Чтобы отомстить своему любимому секретарю, Мэри вступила в заговор с новым любовником, графом Босуэллом, способным солдатом, номинальным протестантом и больным печенью. В ночь с 9 на 10 февраля 1567 года дом Кирка о'Филда близ Эдинбурга, где останавливался Дарнли и где только что ушла от него жена, был взорван порохом, а позже неподалеку нашли его мертвое тело. Общественное мнение сразу же обвинило Мэри в совершении преступления, и ей не понадобился поспешный брак с Ботвеллом [Примечание: Брак с Ботвеллом, 15 мая 1567 г.], чтобы подтвердить подозрение в ее соучастии.

Путь тех, кто выступал против королевы, был облегчен тем фактом, что теперь у нее был наследник Джеймс [Прим. автора: Джеймс VI, 19 июня 1566 г.] из Шотландии шестой, а затем из Англии первый. О настроении жителей Эдинбурга свидетельствовало расклеивание

многочисленных плакатов, обвиняющих Ботвелла и Мэри. Одним из них было знамя, на котором был нарисован маленький мальчик, стоящий на коленях в короне, а на нем надпись: "Отомсти за смерть моего отца!" За словами последовали поступки; [Примечание: 16 июля] Парламент вынудил королеву под угрозой смертной казни отречься от престола в пользу своего сына и назначить регентом своего сводного брата, графа Морей. На коронации малолетнего короля Нокс произнес проповедь. [Прим. автора: 29 июля] Был предпринят еще более решительный шаг, когда парламент объявил Марию виновной в убийстве [Прим. автора: 15 декабря] и официально низложил ее с трона. В том, что Мэри действительно была виновна в полной мере, не может быть никаких разумных сомнений. Элемент таинственности был добавлен в ситуацию из-за спора о подлинности серии писем и стихотворений, якобы написанных Мэри Босуэллу и известных под общим названием "Письма из шкатулки". Они были обнаружены подозрительно кстати ее врагами. Поскольку оригиналов не сохранилось, некоторые историки считали их полностью или частично подделками, но Робертсон, Рэнке, Фруд, Эндрю Лэнг и Поллард признают их подлинными. Это мое мнение, но мне кажется, что очарование {368}таинственностью придало документам чрезмерную важность. Если бы их никогда не нашли, вина Мэри была бы установлена косвенными доказательствами.

Мэри на короткое время была заключена в замок Лохлевен, но ей удалось сбежать. Приближаясь к Глазго, она рискнула ввязаться в сражение [Прим. автора: май 1568 г.], но ее войска потерпели поражение, и она бежала в Англию. Отдавшись на милость Елизаветы, она попала в тюрьму и, наконец, спустя девятнадцать лет, на эшафот. По ее делу было проведено расследование, но вердикт вынесен не был, поскольку Елизавете не нравилось унижать свою сестру-государыню больше, чем это было необходимо. Мария в конце концов была приговорена к смерти не за убийство своего мужа, а за соучастие в заговоре против Елизаветы. Несмотря на то, что она сделала все возможное, чтобы опозорить себя еще глубже, чем когда-либо, например, отправила на пенсию убийцу своего брата Морей, ее страдания сделали ее мученицей сентименталистов, а кусочки вышивки или другие вещи прекрасной королевы были переданы как драгоценные реликвии святой.[2]

Все кроважидные интриги, о которых только что рассказывалось, в значительной степени способствовали опале католической и роялистской партии. Революция оставила общество распущенным, полным кроважидных и лживых людей. Но хотя у протестантов была своя доля таких злодеев, у них также был единственный последовательный и настроенный на благо общества элемент в королевстве, а именно Нокс и его ближайшие последователи. Морей был человеком несколько выше среднего уровня респектабельности, и он подтвердил триумф протестантизма в Низинах за несколько коротких лет, предшествовавших его убийству в январе 1570 года. Но к этому времени революция была совершена настолько прочно, что ничто не могло ее поколебать. Низложение королевы, хотя и было вызовом всем католическим державам и всем роялистским настроениям Европы, увенчалось успехом. Молодой король был воспитан протестантом, и его разум был настолько настроен против своей матери, что он безропотно согласился на ее казнь. Наконец-то мир и безопасность снизошли на Северную Британию. [Примечание: Подготовка к союзу с Англией] Грядущее событие союза с Англией бросило благотворную тень на правление преемницы Елизаветы.

[Примечание: Отпущение грехов]

Реформация шла тем же курсом, что и ранее в Англии; возникает почти искушение гипотезировать ее и сказать, что она зажала удила зубами и убежала со своими всадниками. На самом деле человеком, выбранным на роль Генриха VIII, был Яков VI; слюнтявый педант, не обнажая меча, сделал то, чего не смогли сделать его более способные предки, проведя всю жизнь в битвах. Он сделал себя почти абсолютным, и это, очевидно, как глава церкви.

В 1584 году парламент принял ряд законов, известных как Черные акты, подчинявших тела и души шотландцев игу короля, который теперь также был папой римским. В 1587 году все имущество дореформационной церкви, за некоторыми незначительными исключениями, было конфисковано и передано в распоряжение короля. Как в Англии, так и здесь земли аббатств и прелатов были переданы новым людям напористого, коммерческого типа. Так была основана земельная аристократия с интересами, отличными от интересов старых баронов, и сильной поддержкой как короля, так и Реформации.

[Примечание: Реакция в кирке, 1592 год]

Это правда, что это состояние было лишь временным. Точно так же, как позже в Англии парламент и пуритане призвали корону к ответу, так и в Шотландии кирка продолжала давать резкие советы монарху и, в конце концов, оказывать на него прямое юридическое давление. Черные законы были отменены парламентом в 1592 году, и с этого времени началась борьба между {370} королем и пресвитериями, которые, по мнению первых, были согласны друг с другом так же хорошо, как Бог и дьявол. Еще больше после своего восшествия на английский престол Яков стал предпочитать епископальную форму церковного правления как более подчиненную и действовать в соответствии с принципом "нет епископа, нет короля".

[1] Мог ли он быть Дэвидом Бортвиком или Дэвидом Линдси? Смотрите письма Лютера и *Национальный биографический словарь*.

[2] Такая вышивка хранилась в семье моей матери с того дня и по сей день.

{371}

ГЛАВА VIII

КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

РАЗДЕЛ 1. ИТАЛИЯ

Иногда после случившегося так легко понять, почему события должны были развиваться именно так, как они развивались, что может показаться удивительным, что политическое предвидение встречается так редко. Однако вполне вероятно, что изучение истории не только проливает свет на многие вещи и рассматривает их в их истинной перспективе, но и имеет тенденцию к чрезмерному упрощению, придавая, на наш взгляд, чрезмерный акцент элементам, которые в конечном итоге восторжествовали, и отбрасывая в тень те, которые потерпели поражение.

[Примечание: Италия]

Как бы то ни было, Италия шестнадцатого века, по-видимому, представляет собой необычайно четкий пример логической последовательности следствий, обусловленных ранее установленными причинами. То, что Италия должна играть с Реформацией, не принимая ее, что

она должна окончательно подавить ее, а вместе с ней и большую часть своей собственной духовной жизни, по-видимому, полностью обусловлено ее географическим, политическим и культурным положением в то время, когда она ощутила влияние новых идей.

Во всех этих отношениях, действительно, было нечто такое, что на первый взгляд могло показаться благоприятным для лютеранского восстания. Немногие страны были более открыты немецкому и швейцарскому влиянию, чем их трансальпийский сосед. В коммерческом плане Италию и Германию объединяли тысячи уз, и можно было предположить, что постоянный приток путешественников с севера, студентов, художников, чиновников и солдат, нес с собой заразу новых идей. Опять же, можно было бы предположить, что отсутствие политического единства, как в Германии, так и в Италии, {372} должно способствовать секторальному реформированию. Наконец, Эпоха Возрождения с ее беспрецедентной свободой мысли и сильным антиклерикальным уклоном, по крайней мере, обеспечила бы справедливое рассмотрение новшеств в доктрине и церковных идеалах.

И все же, как видели даже современники, были некоторые вещи, которые на весах католицизма весили гораздо больше, чем только что упомянутые на весах протестантизма. Во-первых, автономия политических подразделений была скорее кажущейся, чем реальной. Слишком слабая и слишком разобщенная, чтобы оказать сопротивление какой-либо сильной иностранной державе, за которую боролись трое величайших, Италия постепенно все больше и больше попадала в зависимость от Испании. После Павии [Прим. автора: 1525] и Като-Камбрезийского мирного договора [Прим. автора: 1529] Влияние Франции свелось к угрозе, а не к реальности. Неаполь долгое время был придатком испанской короны; Милантеперь был отторгнут у Франции, и одно за другим большинство небольших государств перешло в "сферу влияния" Испании. Сильнейшее из всех государств, папские владения, после разграбления Рима фактически, если не номинально, перешли в зависимость от императора. [Примечание: 1527] Тоскана, Савойя и Венеция сохраняли видимость независимости, но Савойю в то время трудно было назвать итальянской. Венеция миновала зенит своего могущества, а Флоренция, даже при ее блистательном герцоге Козимо де Медичи [Прим. автора: Козимо де Медичи, 1537-1574], поддавалась давлению испанских солдат и священников.

Огромные шансы были брошены против реформаторов, потому что Италия была резиденцией папства. Несмотря на всю ненависть к римской морали и несмотря на все недоверие к римской доктрине, это было источником гордости и преимущества всей страны. Пока дань стекалась со всей Западной Европы, пока короли и императоры целовали палец на ноге понтифика, Рим все еще оставался в некотором смысле столицей христианского мира. Пример того, как {373} папству одновременно служили и презирали, оставил нам флорентийский государственный деятель и историк [Прим. автора: Гвиччидардини, 1483-1540] Гвиччидардини: "О римской курии нельзя сказать так много зла, - писал он, - что большего и не заслуживает, ибо это позор, пример всего позора и порочности мира". Можно было бы предположить, что он готов поддержать любого врага такого института, но что он говорит?

Никто так не ненавидит честолюбие, жадность и изнеженность священников, как я, не только потому, что эти пороки ненавистны сами по себе, но и потому, что они особенно не подобают людям, которые поклялись жить, полагаясь на Бога . . . Тем не менее, моя работа с несколькими папами заставила меня желать их величия для моей собственной выгоды. Если бы не это соображение, я любил бы Лютера, как самого себя, не за то, чтобы освободиться от глупых

законов христианства в общепринятом понимании, а за то, чтобы усмирить эту банду преступников, чтобы они могли жить либо без пороков, либо без власти.

Из этого драгоценного текста мы узнаем многое из внутренней истории современной Италии. Насколько итальянский разум был раскрепощен в религии, настолько он был атеистичен, насколько он реформировался, настолько он не шел дальше отрицания иерархии. Врагами, которых следовало опасаться Риму, были, как писал поэт Луиджи Аламанны [Прим. автора: Аламанны, 1495-1556], не Лютер и Германия, а ее собственная лень, пьянство, алчность, честолюбие, чувственность и обжорство.

Великим духовным фактором, победившим протестантизм в Италии, был не католицизм, а Возрождение. [Примечание: Возрождение против Реформация] Глубоко пропитанный настойкой классического образования, от природы спекулятивный и терпимый, итальянский ум уже продвинулся, в своих лучших представителях, далеко за пределы интеллектуальной стадии реформаторов. Враждебность Возрождения к Реформации была глубокой и утонченной противоположностью интересам этого мира {374} и загробного. Примечательно, что в то время как некоторые философские умы, такие как блестящая Олимпия Мора, которая когда-то была полностью скептически, позже попали под влияние Лютера, не было ни одного художника первого ранга, ни одного из величайших поэтов, которые, кажется, были бы хоть в малейшей степени привлечены им. Несколько второстепенных поэтов, таких как Фоленго [Прим. автора: Фоленго, 1491-1544], демонстрировали следы его влияния, но Ариосто и Тассо были резко враждебны. [Прим. автора: Ариосто, 1531] Первого интересовал только его фантастический мир рыцарства и фейри, и когда он упомянул в сатире, посвященной Бембо, что монах Мартин стал еретиком, как Николетто стал неверующим, причина в обоих случаях заключается в том, что они перенапрягли свой интеллект при изучении метафизической теологии, "потому что, когда разум воспаряет, чтобы увидеть Бога, неудивительно, что иногда он падает слепым и сбитым с толку". Ересь, которую он в других местах изображает как разрушительное чудовище.

{375} Но была и третья причина, по которой Реформация не смогла добиться успеха в Италии, и она заключалась в том, что она не могла привлечь внимание простых людей. Если для церковника это была ересь, а для вольнодумца - суеверие, то для "широкой публики", состоящей из обычно образованных людей, это была аристократическая причуда. Те, кто действительно принимал его доктрины и читал его книги, а среди них было немало второсортных гуманистов, ценили его так же, как их отцы ценили неоплатонизм Пико делла Мирандолы, как эзотерическую философию. Они были настолько не склонны нести свою веру людям, что предпочитали переводить Библию на лучший греческий или классическую латынь, а не на вульгарный тосканский. И как раз в тот момент, когда казалось, что какое-то народное движение может возникнуть в результате усилий реформаторов или вопреки им, пришла римская инквизиция и сорвала зародыш.

[Примечание: Христианский Ренессанс]

Но между уровнями величайших интеллектуальных лидеров и уровнем неграмотных масс существовало удивительное количество групп мужчин и женщин, более или менее пропитанных доктринами севера. И все же даже здесь следует добавить, что их религия редко была чистым лютеранством или кальвинизмом; это был христианизированный гуманизм. Там была блестящая женщина Виттория Колонна, которая с восторгом читала учение об оправдании верой, но всю свою жизнь оставалась последовательной католичкой. Там был Очино, генерал

капуцинов, чье дезертирство вызвало панику в Риме, но который, тем не менее, оставался скорее независимым, чем ортодоксальным протестантом. Такого же качества были Питер Мученик Вермилли, изгнанник за свою веру, и Жером Больсек, уроженец Франции, но житель Феррары, откуда он привез в Женеву эксцентричное учение, доставившее много хлопот Кальвину. Наконец, то, что самые радикальные из протестантских диссидентов, унитарии Лелио и Фаусто Соццини, родились в Сиене, вполне соответствовало итальянскому гению.

Среди маленьких гнезд лютеран или христианских мистиков наиболее важными были Венеция, Феррара и Неаполь. Уже в 1519 году книги Лютера попали в Венецию, а в 1525 году один из ведущих канонических юристов города написал подробное опровержение их вместе с письмом самому Реформатору, в котором сообщил ему, что его акт сожжения папских декреталий был хуже, чем акт Иуды, предавшего Христа, или Пилата, распявшего Христа. Первым, кто пострадал за новую религию, был Иероним Галатео. [Примечание: 1530] Тем не менее, новая церковь набирала силу, и многие были казнены за свои мнения. Сохранилась переписка братьев с Буцером и Лютером. В одном письме они глубоко сожалеют о расколах по учению о евхаристии как наносящих ущерб их делу. {376} Известный художник Лоренцо Лотто [Прим. автора: 1540] был нанят для написания портретов Лютера и его жены, вероятно, копий Кранаха. Появление социнианцев около 1550 года и взаимная вражда нескольких сект, включая анабаптистов, были разрушительными. Вероятно, более фатальной была катастрофа Шмалькальдской войны и полный триумф императора. Инквизиция завершила работу по уничтожению того, что осталось от новых доктрин.

[Примечание на стороне: Неаполь]

То, что Неаполь стал центром протестантизма, произошло главным образом благодаря Джону де Вальдесу, глубоко религиозному испанцу. Из его круга вышел трактат об оправдании, озаглавленный "*Польза смерти Христа*", Бенедикта Мантуанского, было продано не менее 40 000 экземпляров, поскольку это была единственная реформаторская работа, которая пользовалась популярностью, соперничающей с трудами Лютера и Эразма. Также под влиянием Вальдеса Бартоломео Форцио перевел *Обращение Лютера к немецкой знати* на итальянский.

[Прим. автора: Феррара]

При дворе Феррары герцогиня Рене де Франс собрала небольшой кружок протестантов. Сам Кальвин провел здесь некоторое время, и его влияние вкупе с высоким покровительством его покровительницы сделали это место опорой против Рима. Изабелла д'Эсте, родом из Феррары, а позже маркиза Мантуи, одна из блестящих женщин эпохи Возрождения, некоторое время забавлялась модной теологией. Кардинал Бембо видел в ее замке в Мантуе картины с изображением Эразма и Лютера. [Примечание: 1537] Один из придворных поэтов Северной Италии, Фрэнсис Берни, свидетельствует о хорошей репутации протестантов. В своем *Сочинении об Орландо Инаморато* Боярдо писал: "Некоторые негодяи-лицемеры рычат сквозь зубы: "Вольнодумец! Лютеранец!" но "лютеранец" означает, знаете ли, "добрый христианин".

[Примечание: римские прелаты пострадали от Лютера]

Самым значительным знаменем того времени и самым зловещим для папства было то, что среди тех, кто пострадал от закваски лютеранства, были многие из ведущих {377} светил в лоне

церкви. То, что флорентийский хронист Бартоломью Черратани выразил надежду на то, что выдающиеся нравы, благочестие и ученость Лютера реформируют курию, было достаточно плохо; то, что папский нунций Верджерио, будучи отправленным с миссией в Виттенберг, перешел на сторону врага, было хуже всего; то, что кардиналы вроде Контарини и Поула проповедовали оправдание верой и уступали многому, чего требовали протестанты, было хуже всего. "Сейчас в Риме никто не считается образованным человеком или хорошим придворным, - писал Питер Энтони Бандини около 1540 года, - который не придерживался бы каких-нибудь еретических взглядов". Пол Сарпи, выдающийся историк Трента, сообщает, что аргументы Лютера считались неопровержимыми в Риме, но ему оказали сопротивление, чтобы поддержать авторитет. Для этого утверждения он обращается к дневнику Фрэнсиса Кьерегато, выдающегося священнослужителя, умершего 6 декабря 1539 года. Поскольку дневник найден не был, лорд Эктон отвергает это утверждение, полагая, что слова Сарпи нельзя считать неподтвержденными. Но любопытное подтверждение утверждения Сарпи, [Прим. автора: утверждение Сарпи] и то, которое делает его приемлемым, можно найти в застольной беседе Лютера. Выступая 22 февраля 1538 года, он говорит, что слышал из Рима, что там считали невозможным опровергнуть его до тех пор, пока святой Павел не был низложен. Он рассматривал это как убедительное свидетельство истинности его доктрин; для нас это ценно только как свидетельство мнения Рима. Не будет преувеличением сказать, что примерно в то время самые выдающиеся итальянские прелаты направлялись в Виттенберг и угрожали захватить Рим вместе с собой. То, как они потерпели неудачу, - это история контрреформации.

РАЗДЕЛ 2. ПАПСТВО. 1522-1590

Ничто не может лучше показать ужас, вызванный в Риме появлением лютеранского восстания, чем {378} тот факт, что впервые за 144 года и в последний раз в истории кардиналы избрали верховным понтификом человека, который не был итальянцем, Адриана Утрехтского.

[Примечание: Адриан VI, 1522-сентябрь 1523] После преподавания теологии в Лувене он был назначен наставником принца Чарльза, а после восшествия своего ученика на испанский престол был назначен епископом Тортосы, а вскоре после этого кардиналом и генеральным инквизитором Испании. Находясь в этой стране, он отличился в равной степени справедливостью своего управления и своей лютой ненавистью к Лютеру, против которого он написал несколько писем как своему императорскому повелителю, так и своим старым коллегам в Лувене.

[Примечание: декабрь 1521 г.]

За смертью Льва X последовал необычайно длительный конклав из-за равномерного соотношения сторон. Наконец, отчаявшись достичь согласия, а также чувствуя, что необходимы экстраординарные меры для удовлетворения остроты ситуации, кардиналы в январе подарили тиару Адриану, который единственный среди современных пап сохранил свое имя при крещении, находясь на своем посту. Неспособность Адриана VI многого добиться была в значительной степени обусловлена краткостью его понтификата, длившегося всего двадцать месяцев, и в еще большей степени непобедимой коррупцией, которую он обнаружил в Риме. Его действительно высокое чувство долга не вызвало никакой реакции, кроме страха и ненависти среди придворных Медичи. Когда он пытался восстановить разрушенные финансы церкви, его обвиняли в скупости; когда он вел войну со злоупотреблениями, его называли варваром; когда он откровенно признался в своем обращении к немецким сеймам, что,

возможно, все зло, поразившее церковь, происходит от прогнившей курии, его обвинили в том, что он подбрасывает оружие в арсенал врага. Его величайшим преступлением в глазах двора было то, что он был иностранцем, суровым, флегматичным человеком, который не понимал ни их языка, ни их обычаев.

{379} Измученный бесплодной борьбой, Адриан сошел в могилу, такой хороший папа, неумелый и не пользующийся почестями, каким когда-либо были немногие плохие папы. На его могиле кардиналы написали: "Здесь покоится Адриан VI, величайшим несчастьем в жизни которого было то, что он был призван править". Подобное суждение было выражено более остроумно народом, который воздвиг памятник врачу Адриана и назвал его "Liberatori Patriae".

[Примечание на стороне: Климент VII, 1523-34]

Качение маятника, столь часто наблюдаемое в политике, было особенно заметно на выборах в папство в шестнадцатом веке. Почти в каждом случае новый папа был противником своего предшественника и в некотором роде контрастировал с ним. Ни в одном случае это не было так верно, как на выборах 1523 года. Решив, что если методы Адриана были необходимы для спасения церкви, то лекарство было хуже болезни, кардиналы, не теряя времени, возвели на трон еще одного Медичи. Как и все представители его расы, Климент VII был покровителем искусства и литературы и терпимо относился к злоупотреблениям. Лично нравственный и умеренный, он мало заботился о легкой жизни и продвижении по карьерной лестнице. Он начал проводить политику, которая едва не оказалась фатальной для церкви, обращаясь с протестантами то снисходительно, то сурово. Но для него самого более непосредственные неприятности исходили не от врага церкви, а от ее защитника. Хотя Адриан был старым офицером Карла V, на самом деле именно в правление Климента начался процесс, в результате которого сначала Италия, затем папство, а затем и вся церковь оказались под испанским игом.

[Примечание: испанское влияние, 1525-6]

После того, как Павия и Мадридский мирный договор устранили влияние Франции, Карл, естественно, почувствовал свою власть и, естественно, намеревался добиться уважения к ней даже папы римского. Раздраженный постоянным обманом и интригами Климента с Францией, Карл направил ему в 1526 году документ, который Ранке называет самым {380} грозным из когда-либо использованных католическим монархом папе римскому за столетие, содержащий отрывки, "которых не должен стыдиться ни один последователь Лютера".

[Примечание на полях: Разграбление Рима, май и сентябрь 1527 г.]

Скорее для того, чтобы угрожать папе римскому, чем для того, чтобы начать с ним войну, Карл собрал на севере грозную армию немецких и испанских солдат под командованием своего генерала Фрундсберга. Все солдаты были беспокойны и бунтовали из-за отсутствия жалованья, и в дополнение к этому среди немецких ландскнехтов действовал мощный мотив. Многие из них были лютеранами и смотрели на завоевание Рима как на триумф своего дела. Когда они громко потребовали возглавить борьбу с антихристом, Фрундсберг обнаружил, что его авторитет бессилен остановить их. [Примечание: 16 марта 1527 г.] Когда он умер от ярости и унижения, император назначил на его место французского предателя Шарля, коннетабля Бурбонского, и, обнаружив, что больше ничего не остается, повел армию на Рим и пообещал солдатам столько добычи, сколько они смогут захватить. Дважды, в мае и сентябре, город подвергался ужасам разграбления, со всеми зверствами убийств, воровства и грабежей, почти неотделимых от

войны. Помимо грабежа, лютеране получали особое удовольствие от осквернения предметов почитания католиков. Многие изображения и святыни были разрушены, в то время как Лютер был провозглашен папой своими неистовыми сторонниками. Но далеко на Эльбе он услышал о разграблении и выразил свою скорбь по этому поводу.

Значение разграбления Рима, как и других драматических событий, склонно преувеличиваться. Его называют концом эпохи Возрождения и началом католической реакции. Это было ни то, ни другое, а всего лишь один инцидент в долгом, упрямом процессе испанизации Италии и церкви. На протяжении веков ни один император не обладал такой властью в Италии, как Карл. С Неаполем и {381} Миланом теперь были связаны Сиена и Генуя под его властью; государства церкви были фактически в его распоряжении, и даже Флоренция при ее наследственном герцоге Александре Медичи некоторое время находилась под контролем папы, а через него и Карла.

Падение святого города не более чем на мгновение вселило страх Божий в сердца прелатов. Климент Медичи, который никогда не продавал свою душу, а лишь время от времени закладывал ее, не отказываясь полностью от идеи реформы, отложил ее на неопределенный срок. Медлительный, робкий, лживый, он был не тем человеком, который мог бы иметь дело с серьезными злоупотреблениями. Он поиграл с идеей созыва совета, но когда при одном только слухе о том, что будет созван совет, цены на все доступные офисы в панике упали, он заколебался. Более того, он опасался, что император будет использовать совет, чтобы подчинить его даже в духовных вопросах. Возможно, он имел в виду что-то хорошее, но злоупотребления были слишком прибыльными, чтобы их можно было легко оскорбить. Что касается лютеранства, Климент был полностью дезинформирован и почти полностью безразличен. Пока он и император были в ссоре, она сильно возросла. Здесь, как и везде, он был нерешителен; его понтификат, как писал современник, был "полон сомнений, соображений и разногласий, "но", "если", "потом" и "сверх того", а также множества слов, не имеющих эффекта".

[Примечание: Павел III, 1534-49]

Понтификат Павла III знаменует собой поворотный момент в католической реакции. При нем, наконец, открылся Тридентский собор; были сформированы новые ордена, особенно иезуитский, и такие инструменты, как инквизиция и Указатель запрещенных книг, встали на новую основу. Павел III, фарнезе из штатов Церкви, был обязан своим избранием отчасти силе своего характера, отчасти слабости здоровья, поскольку кардиналам нравились частые вакансии на Святом Престоле. Осторожный и холеричный, многословный и упрямый, он действительно стремился к реформам и искренне желал избежать ссор с любой из великих держав, которые угрожали ему, - с императором и Францией. Реформаторский дух папы проявился в назначении на кардиналь-ский пост нескольких выдающихся людей, среди них Гаспара Контарини и Фишера, епископа Рочестерского. Однако в других случаях политические требования приводили к назначению плохих людей, таких как Дель Монте и Дэвид Битон. В то же время была создана комиссия для рекомендации практических реформ. Проект буллы, которую они представили с этой целью, был отклонен Консисторией, но некоторые из их рекомендаций, такие как запрет римскому духовенству посещать таверны, театры и игорные притоны, были приняты.

[Sidenote: May, 1535 *Consilium delectorum cardinalium et aliorum praelatorum*]

Была создана вторая комиссия из девяти высокопоставленных священнослужителей, включая Джона Питера Караффу, Контарини, Поула и Гиберти, для подготовки всеобъемлющего доклада о реформе. Важный меморандум, который они составили, полностью разоблачил распространенные злоупотребления. Корень всего, что они обнаружили, заключался в преувеличении папской власти в области сопоставления и небрежности, с которой она использовалась. Епископами и прелатами часто становились не только морально недостойные люди, но и свободно продавались разрешения на отказ от пособий, прогулы и другие вредные действия. Комиссия потребовала радикальной реформы этих злоупотреблений, а также монашеских орденов и призвала к отмене продажного использования духовной власти легатами и нунциями. Но мемориал реформ, каким бы превосходным и глубоким он ни был, ни к чему не привел. В лучшем случае он был полезен в качестве основы реформ, проведенных Тридентским советом позже. Но на данный момент это только усложнило положение церкви. Реформа Датарии, например, ведомства, которое продавало милости, привилегии, индульгенции, диспенсации и бенефиции, была {383} признана невозможной, поскольку половина папского дохода, или 110 000 дукатов в год, поступала от нее. Нельзя было отменить и плату за содержание Пенитенциарного учреждения из-за боязни банкротства, хотя в 1540 году она была частично снижена. [Примечание: 1538] Наиболее очевидным результатом Консилиума было то, что в руки лютеран было вложено еще одно оружие. Опубликованный неуполномоченным лицом, он сразу же был схвачен реформаторами как доказательство безнадёжной порочности Курии. Она оказалась настолько опасной для простодушных католиков, что вскоре была внесена в Индекс!

Дипломатия Павла пыталась сравнить империю с Францией и отвлечь внимание обеих сторон от крестового похода против турок. Надеясь продвинуть дело церкви посредством войны, объявленной Карлом V Шмалькальдской лиге, папа римский в обмен на субсидию потребовал включить в договор заявление о том, что причина войны была религиозной, а поводом для нее стал отказ протестантов признать власть Тридентского собора. Но когда Карл одержал победу, он использовал свое преимущество только для укрепления своей собственной прерогативы, а не для эффективного подавления ереси. Теперь Павел боялся императора больше, чем протестантов, и его положение не стало легче от угрозы Карла договориться с лютеранами, если Павлу удастся поднять против него Францию. На самом деле, несмотря на все свои извращения, Павел III только глубже погрузился в испанский вассалитет, в то время как первенство церкви перешло из-под его контроля в руки новых агентств, которые он создал.

[Примечание на стороне: Юлий III, 1550-55]

Возможно, именно попытка освободить Святой Престол от испанского ига побудила кардиналов принять сан Юлия III, кардинала Джона Мэри Чокки дель Монте, который как один из президентов вселенского собора отличился своей оппозицией императору. {384} Тем не менее, его понтификат ознаменовал ослабление усилий церкви, поскольку у него не было ни политики, ни сил для проведения реформ.

[Примечание: Марцелл II, 9 апреля- 1 мая 1555 г.]

Марцелла II, пробывшего папой двадцать два дня, вряд ли запомнили бы, если бы не благородная месса папы Марцелла, посвященная ему Палестриной.

С возведением кардинала Караффы на диадему ключи Петра [Прим. автора: Павел IV, 1555-9] вновь оказались в сильных руках и преображающемся сердце. Основатель Театинцев был горячим неаполитанцем, все еще, несмотря на свои семьдесят девять лет, бодрым и жизнерадостным. Среди проведенных им реформ были некоторые постановления, касающиеся резиденции епископов, и некоторые правила обуздания евреев, ростовщиков, проституток, игроков и шулеров. Но он не смог реформировать себя. Он беззастенчиво продвигал своих молодых сородичей на политические посты. Его ревность к иезуитам, в которых он видел соперника своему собственному ордену, не только заставила его пренебрегать их использованием, но и поставила их в очень критическое положение. Он также не осмеливался снова созвать совет, который был отложен, из опасения, что какая-нибудь более сильная сила использует это против него самого. Он страдал под испанским игом, подойдя ближе к конфликту с Карлом V и его сыном Филиппом II, чем кто-либо из пап отваживался сделать. Он даже подумывал пригрозить Филиппу инквизицией, но благоразумие удержало его. В своей цели освобождения Италии от иностранного господства он вообще ничего не добился.

[Прим. автора: Пий IV, 1560-5]

Пий IV был полной противоположностью своему предшественнику, которого он ненавидел. Джон Анджело Медичи из Милана, не связанный с флорентийской семьей, был жизнерадостным, доброжелательным, благодетельным человеком, добродушным и любящим жизнь, сыном эпохи Возрождения, покровителем искусства и литературы. Выбор имени часто выражает идеалы и склонности папы; имя Пия было выбрано, возможно, в подражание {385} Пию II, Энею Сильвию Пикколомини, самому известному гуманисту, восседавшему на рыбацком троне. И все же дух времени больше не допускал вопиющей распущенности прежней эпохи, и дело реформ немало продвинулось вперед под дипломатическим руководством миланцев. Во-первых, несомненно, из личных побуждений, он подал устрашающий пример родственникам своего предшественника, четверых из которых он казнил главным образом по той причине, что они были выдвинуты папским влиянием. Этот благотворный пример практически положил конец кумовству; по крайней мере, несчастные племянники Павла IV были последними, кто стремился к независимым княжествам исключительно в силу родства с папой.

[Примечание: Реформы]

К ставшему громким требованию о продолжении работы генерального совета присоединился Пий, который, подобно американскому боссу, считал, что временами необходимо "потворствовать общественной совести". Счастливый исход собора, с его точки зрения, в его полной покорности папской прерогативе, побудил Пия подчеркнуть духовные, а не политические притязания иерархии. В этом церковь сильно выиграла, ибо, как ясно показывает история того времени, в политической игре папство больше не могло самостоятельно противостоять окружающим его национальным государствам. Пий сильно опирался на Филиппа, поскольку к этому времени Испания стала признанным защитником церкви, но он смог сделать это без потери престижа из-за постепенного отделения светской власти от духовной.

Среди его мер наиболее примечательной была мера, регулирующая полномочия коллегии кардиналов, в то время как их исключительное право избирать понтифика было сохранено вопреки притязаниям совета. Лучший католический дух того времени был представлен в {386} кардинале Чарльзе Борромео, архиепископе Милана, превосходном прелате, который

стремился вернуть членов церкви Христа в лоно церкви своим добрым примером, в то время как он не брезговал использовать более жесткие методы преследования, когда это было необходимо. Среди приятных слабостей Пия была вера, унаследованная от ушедших времен, что протестанты все еще могут быть воссоединены с церковью с помощью нескольких уступок, таких как браки духовенства и употребление чаши мирянами.

[Прим. автора: Пий V, 1566-72]

С Пием V на церковных соборах воцарился более суровый дух. Избрание доминиканца и главного инквизитора Майкла Гислиери стало триумфом политики Борромео. Его безжалостная ненависть к еретикам направила Екатерину Медичи против гугенотов, а Филиппа II - против голландцев. Вопреки велениям благоразумия и желаниям величайших католических монархов, он издал буллу о низложении Елизаветы. Но он был суров к себе, аскет, прозванный римским населением за свою монашескую ограниченность "Братом Деревянными башмаком". Он безжалостно реформировал итальянское духовенство, применяя ужасные наказания ко всем грешникам. Под его руководством католицизм перешел в серьезное наступление и многого добился. Его усердие принесло ему звание святого, поскольку он был последним из римских понтификов, причисленных к лику святых.

Но господство святости в сочетании с абсолютизмом склонно становиться все более утомительным, и римляне с облегчением приветствовали избрание Гуго Буонкомпаньо Григорием XIII. [Примечание: Григорий XIII, 1572-85] Он мало что сделал, но несколько слабо следовал путям, указанным его предшественниками. Он так сильно опирался на Испанию, что его называли капелланом Филиппа, но, поскольку обязательства были взаимными, а католический король все больше и больше полагался на духовное оружие папства, с таким же успехом можно было бы сказать, что Филипп был палачом, нанятым Григорием. {387} Посредственность его правления не помешала иезуитам добиться заметных успехов в деле церкви. Его реформа календаря будет описана более полно в другом месте.

Григорий XIII дает возможность оценить моральный уровень папства после полувековых реформ. Его политика в значительной степени определялась его господствующей страстью, любовью к внебрачному сыну, родившемуся до того, как он принял сан священника, которого он сделал гонфалоньером церкви и продвинулся бы еще дальше, если бы не возражали его советники. Григорий был папой римским, который поблагодарил Бога "за благодать, ниспосланную христианскому миру" во время Варфоломеевской резни. Он также был папой римским, который восхвалял и поощрял план убийства Елизаветы.[1]

[Прим. автора: Сикст V, 1585-90]

В лице Сикста V дух Пия V вернулся к власти. Феликс Перетти был францисканцем и инквизитором, серьезным и суровым человеком. Как и его предшественники, преследовавшие цель абсолютизма, он имел преимущество перед ними в благословении, замаскированном под катастрофу Испанской армады. С этого времени папство было вынуждено отстаивать свое дело имеющимся в его распоряжении духовным оружием, и выигрыш для него как моральной и религиозной силы был огромен. В некотором смысле она приняла первенство католической Европы, ранее узурпированное Испанией, и достигла влияния, которого не имела со времен Великого раскола четырнадцатого века.

Реформы Сикста важны скорее из-за их всеобъемлющего характера, чем из-за их радикальности. Весь механизм Курии был переделан, рутинные дела были переданы ряду постоянных комитетов, известных как Конгрегации, таких как Конгрегация церемоний для наблюдения за приоритетными вопросами при папском дворе и Конгрегация {388} Консistorии для подготовки работы Консistorии. Число кардиналов было зафиксировано на уровне семидесяти. Были тщательно подготовлены новые издания требника и Индекса. В то же время нравственные реформы Трента проводились небрежно, поскольку, хотя Сикст одной рукой издавал декреты, обеспечивающие их соблюдение, другой он продавал разрешения и привилегии.

[1] *Ante*, стр. 338.

РАЗДЕЛ 3. ТРИДЕНТСКИЙ СОБОР

Пока папы наслаждались своим *jus incorrigibilitatis*, как остроумно выразился Лютер, церковь была на грани разорения. Если бы безопасность лодки Петра была предоставлена ее капитанам, она, очевидно, затонула бы в волнах раскола и ереси. Никогда еще не нападал на церковь такой опасный враг, как тот, что вышел из ее собственных недр. Ни средневековые еретики, ни современные философы не завоевали у нее за столь короткое время таких масс приверженцев. Там, где Вольтер уничтожил свои тысячи, Лютер уничтожил свои десять тысяч, ибо Вольтер взывал только к интеллекту, Лютер взывал к совести.

[Примечание: Упадок протестантизма]

Самым необычным в протестантских завоеваниях был их внезапный конец. Менее чем за пятьдесят лет Север Скандинавии, большая часть Германии, включая Австрию, части Венгрии, Польши, большая часть Швейцарии и Великобритания провозгласили "Евангелие". Франция была разделена и, по-видимому, шла по одному и тому же пути; даже в Италии наблюдались серьезные симптомы недовольства. То, что в течение жизни одного поколения этот прилив должен быть не только остановлен, но и обращен вспять, является одним из самых драматических поворотов судьбы в истории. Единственной страной, которую протестантизм приобрел после 1560 года, была Голландская республика. Значительные территории Германии и Польши были возвращены церкви, и католицизм стал безопасным во всех латиноамериканских странах.

{389} [Примечание: испанское возрождение]

Дух, который совершил эту работу, был духом Испании. Более необычным, чем быстрый рост ее империи, было завоевание Европы ее идеалами. Характер контрреформации был определен ее гением. Это не было более или менее внутренне христианизированным Возрождением, каким оно стало быть в Италии. Это было отчетливое и мощное религиозное возрождение, которое проявило себя, как и многие другие, мощной реакцией. Средневековье было восстановлено, в основном, средневековыми методами, генеральным советом, упором на традиции и догмы, принуждением ума и тела и служением монашеского ордена, нового только в своей дисциплине и эффективности, дублирующего старые нищенствующие ордена по духу и идеалам.

[Примечание: Подготовка к созыву совета]

Вселенский собор был настолько обоюдоострым оружием, что неудивительно, что папы не решались воспользоваться им в своей войне с еретиками. У них были неприятные воспоминания о Констанце и Базеле, об избрании и низложении пап и об указах, ограничивающих их прерогативы. И, более того, собор был первым органом власти, на который сослался сам еретик. Адриан, возможно, и был готов рискнуть созвать такой синод, но прежде чем он успел его созвать, его место занял колеблющийся и малодушный Климент. Постоянно играя с этой идеей, он все же позволил давлению своих придворных и трудностям политической ситуации — поскольку Франция была против проведения собора как имперского плана — отложить его созыв на неопределенный срок.

Более серьезный Павел III встретил на своем пути еще одного льва. Он впервые по-настоящему потрудился созвать генеральный синод, но обнаружил, что протестанты теперь изменили свою позицию и больше не согласятся признавать его власть ни при каких условиях, на которые он мог бы согласиться. Хотя {390} его нунций Верджеро получил в Германии и даже в Виттенберге сердечный прием, вскоре выяснилось, что идеи надлежащего состава совета, которых придерживались две партии, были непримиримыми. По сути, каждый хотел иметь совет, в котором было бы обеспечено его собственное преобладание. Шмалькальдские князья по совету своих богословов попросили о созыве свободного немецкого синода, в котором они должны были иметь большинство голосов, и в этом их поддержали Франциск I и Генрих VIII. Естественно, ни один папа не мог согласиться ни на какие подобные меры; в этих обескураживающих обстоятельствах открытие собора постоянно откладывалось, и вместо него император проводил серию религиозных бесед, которые только усиливали разногласия между двумя партиями.

[Примечание: Созыв Совета, 19 ноября 1544 г.]

После нескольких лет переговоров путь был проложен, и булла *Laetare Hierusalem* созвала генеральный синод на заседание в Тренте 15 марта 1545 года и возложила на него три задачи: (1) Умиротворение религиозных споров посредством доктринальных решений; (2) реформа церковных злоупотреблений; (3) обсуждение крестового похода против неверных. Задержка все еще мешала открытию ассамблеи, которое состоялось только 15 декабря 1545 года.

[Примечание на стороне: Первый период, 1545-7]

Собор проводился в три отдельных периода с большими интервалами. Первый период был 1545-7, второй 1551-2, третий 1562-3. Город Трент был выбран для того, чтобы удовлетворить спрос на немецкий город и в то же время выбрать ближайший к Италии, поскольку папа был полон решимости держать действия синода под контролем. Для достижения этой цели были приняты две меры: инициатива и председательство папских легатов и расширение членского состава. Полномочия, которые должны были быть предоставлены легатам, были определены уже в 1544 году; эти заместители должны были, по словам отца Поля Сарпи, быть ангелами мира, которые должны были председательствовать, составлять {391} все необходимые инструкции и публиковать их "согласно обычаю". Фраза о том, что совет должен принимать решения о мерах, "*legatis proponantibus*", была просто конституционным выражением принципа, знакомого многим правительствам, согласно которому законодательная власть должна действовать только по инициативе исполнительной, что дает последней огромное преимущество. Вторым средством подчинения совета было решение голосовать главами, а не нациями, и не допускать доверенных лиц. Это давало постоянное большинство итальянским прелатам, присланным папой. Эти меры оказались настолько успешными, что французский

посол горько пошутил по поводу того, что Святой Дух прибыл в Трент в почтовых мешках из Рима.

[Примечание: Членство]

На первой сессии имели право голоса только тридцать четыре члена: четыре кардинала, четыре архиепископа, двадцать один епископ и пять генералов орденов. Присутствовали также другие лица, в том числе посол короля Фердинанда, четыре испанских светских священника и несколько монахов. Первым обсуждавшимся вопросом был приоритет догмы или реформы. Рассматривая собор главным образом как инструмент для осуждения еретиков, папа выступал за то, чтобы в первую очередь заняться догматикой. Император, с другой стороны, желая скорее примирить протестантов и, если возможно, заманить их обратно в старую церковь, выступал за то, чтобы начать с реформы. Борьба, которая велась не столько в зале заседаний синода, сколько за спинами членов в придворных интригах, была разрешена компромиссом о том, что и догматика, и реформа должны приниматься одновременно. Но все акты, касающиеся церковных нарушений, должны были содержать оговорку "под контролем папской власти".

[Примечание: Догматические постановления]

Догматические декреты в Тренте были почти полностью ориентированы на полемику против протестантизма. {392} Практически ничего не было определено, кроме того, что уже было рассмотрено в Аугсбургском исповедании или в трудах Кальвина, Цвингли и анабаптистов. Неизбежно, что столь чисто оборонительный дух не мог быть вдохновлен преимущественно философским интересом. Путеводная звезда была не системой, а политикой, и эта политика была не чем иным, как восстановлением традиции. Применяемым стандартом была практика церкви; в ее оправдание было сделано много неисторических утверждений, и многие практики сравнительно недавнего роста были санкционированы постулатом о том, что "они произошли из апостольского обихода". "Демонстрируя древность, они привносят новизну", - таково было правильное суждение Бэкона.

[Примечание: Библия и традиция]

Вполне естественно, что первый из важных догматических указов был основан на авторитете. Протестанты признавали только Библию; в противовес им тридентские отцы выступали за Библию и предание церкви. Канон Священного Писания отличался от того, который признавали протестанты, тем, что в него входили апокрифы.

[Примечание: Обоснование]

После принятия различных реформаторских декретов о проповеди, катехизисном обучении, привилегиях нищенствующих и индульгенциях собор занялся острым вопросом оправдания. Обсуждение было отложено на несколько месяцев из соображений благосклонности императора, который опасался, что это может вызвать раздражение протестантов, и дал свое согласие на это только в надежде, что может быть найдена какая-нибудь двусмысленная форма, приемлемая для этой стороны. Насколько глубоко солифицианская доктрина проникла в самое лоно церкви, стало ясно из бурных дебатов. Страсти преосвященных отцов были настолько возбуждены рассмотрением фундаментального догмата их веры, что в ходе диспута они

обвиняли друг друга в поведении, неподобающем христианам, насмехались друг над другом по поводу {393} плебейского происхождения и вырывали волосы из бород друг друга. Окончательно принятый декрет закрепил позицию, согласно которой вера и дела оправдываются вместе, и осудил полулютеранские доктрины "двойного правосудия" и вменяемой праведности, которых до сих пор придерживались такие выдающиеся богословы, как Контарини и Каэтан.

Завершив эту важную работу, собор, по мнению папы, был готов к роспуску. Протесты императора продержали собор еще несколько месяцев, но вспышка пятнистой лихорадки и страх перед рейдом во время Шмалькальдской войны послужили достаточным предлогом для перевода собора в Болонью. [Примечание: март 1547 г.] Хотя в этом городе ничего не было достигнуто, собрание не было официально отложено до 13 сентября 1549 года.

[Примечание на стороне: Второй период, 1551-2]

Под давлением императора папа Юлий III во второй раз созвал синод в Тренте 1 мая 1551 года. Состав синода был другим. Присутствовали иезуиты Лайнез и Сальмерон, работавшие в интересах папства. Французское духовенство не принимало участия, поскольку Генрих II был настроен враждебно. От протестантов потребовали прислать делегацию, которая была принята 24 января 1552 года. Они представили признание, но отказались признать авторитет органа, в котором они не были представлены. Было принято несколько догматических декретов о таинствах, подтверждающих пресуществление и все доктрины и обычаи церкви. Также было принято несколько указов о реформе, но прежде чем многое удалось сделать, восстание Морица Саксонского поставило и императора, и совет в опасное положение, и, следовательно, 28 апреля 1552 года последний был отложен во второй раз.

[Примечание на стороне: Третий период, 1562-3]

Когда по прошествии десяти долгих лет собор вновь собрался по приказу Пия IV в январе 1562 года, удивительно видеть, как мало изменились стоящие перед ним проблемы. Мало того, что борьба {394} за власть между папой и собором, а также между папой и императором все еще продолжалась, но в некоторых кругах все еще лелеялись надежды на примирение раскольников. Пий пригласил всех князей, будь то католики или еретики, прислать делегатов, но некоторые из них получили отказ. Затем этот аргумент был подхвачен императором Фердинандом, который выдвинул внушительное требование о реформах, включая разрешение брака священников, причащения в обоих видах, использование вульгарного языка при богослужении и жесткие правила благоустройства монастырей и папских дворов.

[Примечание: присутствуют иезуиты]

Спор по этому поводу среди отцов церкви, ныне гораздо более многочисленный, чем в прежние дни, разгорелся так сильно, что в течение целых десяти месяцев ни одно заседание не могло быть проведено. Толпы партизан различных фракций сражались на улицах, и между ними раздавались горькие насмешки по поводу "французских болезней" и "испанских извержений". Какое-то время ситуация казалась неразрешимой, и один кардинал предсказал неминуемое падение папства. Но в самый последний момент, чтобы предотвратить подобную катастрофу, папа смог отправить на поле боя недавно набранных преторианских гвардейцев Общества иезуитов. Под командованием кардинала Моронеэти неутомимые фанатики обошли противоборствующие силы с фланга частично с помощью интриг при императорском дворе,

частично с помощью умелого манипулирования дебатами. Мнение императора изменилось; реформы, которых он требовал, были отменены.

Фактически поднятые и разрешенные вопросы были догматическими, главным образом касающимися жертвоприношения во время мессы и увековечения католических обычаев единого причащения, совершения месс в честь святых, совершения месс, на которых причащается только священник, смешивания воды с вином, запрета использования вульгарного языка и разрешения проведения месс по усопшим. Другие {395} указы вносили поправки в законы о браке и предписывали составить Указатель запрещенных книг, катехизис и стандартные издания миссала и требника.

[Примечание: Подчинение папству]

Насколько полностью собор в своем последнем сословии был подчинен воле папы, показывает его просьба о том, чтобы все указы были утверждены им. Это было сделано Пием IV в булле *Benedictus Deus*. [Примечание: 26 января 1564 г.] Пий также распорядился подготовить символ, известный как Тридентское исповедание веры, который стал обязательным для всех священников. За исключением того, что он был немного расширен в 1877 году заявлением о папской непогрешимости, он сохранился до наших дней.

[Примечание: Получение указов]

Полный триумф папских притязаний был компенсирован прохладным приемом, который декреты получили в католической Европе. Только итальянские государства, Польша, Португалия и Савойя безоговорочно признали власть всех них. Филипп II, каким бы фанатиком он ни был, предпочел установить свои собственные правила для своего духовенства и признал законы Трента с оговоркой "сохранения королевских прав". Франция санкционировала только догматические, а не практические декреты. Император вообще никогда официально не признавал работу совета. Непокорными были не только правительства. По словам Сарпи, немецкие католики не обратили внимания на предписанные реформы, и собор был открыто осмеян во Франции за то, что он претендовал на авторитет, превосходящий авторитет апостолов.

Отцу Полу Сарпи, действительно, самому умному наблюдателю следующего поколения, собор показался провалом, если не мошенничеством. Его историю он называет "Илиадой бед". Провозглашенные цели собора, исцеление раскола и утверждение епископальной власти, он считает несостоятельными, поскольку раскол был сделан непримиримым, а церковь низведена до рабства.

Но суждение потомков изменило суждение {396} великого историка, [Примечание: Конструктивная работа] по крайней мере, в том, что касается ценности работы, проделанной в Тренте для дела католицизма. Если церковь оттолкнула протестантов и признала свои ограниченные владения, она, по крайней мере, приняла соответствующие меры, чтобы установить свою власть над тем, что осталось. Теперь ее власть была собрана; ее догма была унифицирована и стала последовательной в противовес взаимоисключающим протестантским верованиям. Действительно, в нескольких пунктах, где мнения членов церкви разделились, слова декретов были двусмысленными, но в отличие от протестантов они были четкими и настолько всеобъемлющими, что скорее заменяли, чем дополняли более ранние нормы.

Также не следует недооценивать моральный импульс совета, хотя его оппоненты и высмеивали его, как будто это выражено в максиме "si non caste, tamen caute". Были приняты масштабные указы о срочных реформах, и, прежде всего, был создан механизм для продолжения хорошей работы. Подготовив катехизис, авторитетные издания Вульгаты, требника и других стандартных произведений, урегулировав спорные вопросы, нанеся удар по слабой дисциплине, собор оказал неоценимую услугу католицизму и, возможно, всему миру. Не последней из практических реформ было положение об открытии семинарий для подготовки епархиального духовенства. Первая мера, направленная на это, была принята в 1546 году; кардинал Поул сразу же начал действовать в соответствии с ней, и декретом третьей сессии [Примечание: 1563] было предписано, чтобы в каждой епархии была такая школа для обучения священников. Римская семинария, открытая два года спустя [Примечание: 1565], стала образцом для последующих основ.

РАЗДЕЛ 4. ОБЩЕСТВО ИИСУСА

Если контрреформация отчасти была чистой реакцией на средневековье, то отчасти она была и религиозным возрождением. Если этому способствовал протестантский пример {397}, то это также было результатом нарастающей волны католического пиетизма в пятнадцатом веке. В еще большей степени это был ответ на требование церкви найти инструмент для борьбы с опасностями ереси и духовного завоевания новых миров язычества.

Великие кризисы в церкви часто приводили к новым возрождениям монашества. От Бенедикта к Бернарду, от Бернарда к Франциску и Доминику, от монахов к иезуитам происходит эволюция в приспособлении монашеской жизни к потребностям латинского христианства. Несколько новых орденов, [Примечание: Новые монашеские ордена], все более или менее схожие, возникли в первой половине шестнадцатого века. При Льве X в Риме собралось множество людей, объединенных желанием обновить свою духовную жизнь религиозными упражнениями. Из этой Оратории Божественной Любви, как ее называли, под вдохновением Гаэтано ди Тьене и Джона Питера Караффы возник орден театинцев, [Прим. автора: 1524] группа преданных священников, одевающихся не в специальные одежды, а в обычные священнические рясы, которые вскоре заняли видное положение в католической реформации. Их особой задачей было просвещение духовенства.

Орден капуцинов [Прим. автора: ок. 1526] был ответвлением францисканцев. Она восстановила ослабленную дисциплину первых монахов, и ее члены стали учить бедных. Несмотря на удар, нанесенный ей, когда ее третий викарий Бернардино Очино стал кальвинистом, церковь процветала и направила свою энергию особенно против еретиков.

Из других орденов, основанных в это время, барнабитов (1530), сомасианцев (1532), Братьев милосердия (1540), урсулинок (1537), можно выделить только общие характеристики. Примечательно, что все они были движимы социальным идеалом; теперь их целью было не только спасение индивидуальной души, но и {398} улучшение состояния человечества. Некоторые ордена посвятили себя образованию детей, некоторые - домашним миссиям или зарубежным миссиям, некоторые - уходу за больными, некоторые - спасению падших женщин. Эволюция монашества уже указала путь к решению этих задач; ее апогей был достигнут с организацией Общества Иисуса.

[Примечание: Типичный иезуит]

Иезуит стал одной из тех типичных фигур, которые подобны пуританину и пирату. Хотя его меньше использовали в художественной литературе, чем во времена Дюма, Эжена Сю и Золя, упоминание его имени вызывает в воображении образ высокого, худощавого мужчины, красивого, вежливого, услужливого, но хитрого, лживого, опасного, способного лелеять самые черные мысли и санкционировать самые худшие поступки ради продвижения своего дела. *Провинциальная литература* Паскаля впервые закрепила в общественном мнении идею о том, что иезуит обязательно был аморальным и злобным; непримиримая ненависть Мишле и Саймондса привела их как преступников к суду истории. С другой стороны, у них были свои апологеты и друзья даже за пределами их собственного ордена. Давайте не будем ни хвалить, ни порицать, а постараемся понять их.

[Примечание: Лойола, с. 1493-1556]

В тот памятный час, когда Лютер сказал свое неизменное "нет" в Вормсе, одной из его слушательниц была — или могла быть, поскольку она, несомненно, присутствовала в городе, — Жермена де Фуа, жена маркграфа Иоанна Бранденбургского. Красивая и легкомысленная молодая женщина от первого брака была второй женой Фердинанда католика, и при его дворе ее знал и боготворил молодой паж из хорошей семьи Иниго де Лойола. Подобно романтическому испанцу, которым он был, он принял, как рассказывал позже, за свою даму "не герцогиню и не графиню, а ту, что гораздо выше", и ухаживал за ней в подлинном духе старого рыцарства. Не то чтобы это мешало ему оказывать менее бескорыстные знаки внимания другим дамам, ибо, если в нем было что-то от дон Кихота, он был также чем-то от Дон Жуана. Действительно, на карнавале 1515 года его "огромные проступки" привели к тому, что он предстал перед судом, и его ходатайство о защите духовенства мало что дало ему, поскольку судья не смог найти на его голове тонзуру "размером с печать на папской булле", и он, вероятно, был сурово наказан.

Лойола был баском и солдатом до мозга костей. Когда французская армия вторглась в Испанию, ему поручили командование крепостью Пампелуна. Храбро защищая его от отчаянного сопротивления, он был ранен [Прим. автора: 23 мая 1521 г.] в ногу пушечным ядром и вынужден сдаться. Нога была плохо вправлена, кость срослась криво. С неукротимой отвагой он сломал ее и вправил на место, растянул на дыбах и отпилил выступающую кость, но все пытки в эпоху, предшествовавшую анестезии, были напрасны. Молодой человек лет двадцати восьми — точный год его рождения неизвестен — оказался калекой на всю жизнь.

Чтобы скоротать долгие часы выздоровления, он попросил рыцарские романы, но не смог их достать и вместо них прочел "легенды о святых" и "Жизнь Христа" Людольфа Саксонского. Его воображение воспламенилось новыми возможностями героизма и славы. "Что, если ты станешь святым, как Доминик или Франциск?" он спросил себя: "Да, а что, если ты даже превзойдешь их в святости?" Его выбор был предопределен. Он принял Мадонну за свою даму и решил стать воином Христа.

Как только он смог передвигаться, он совершил паломничество в Севилью и Манресу и там посвятил свое оружие в церкви в подражание рыцарям, о которых он читал у *Амадиса Галльского*. Затем, после всеобщей исповеди, продолжительного поста и умерщвления плоти, начался период сомнений и духовных мук, который иногда сравнивают с периодом Лютера. Оба были людьми сильной воли и интеллекта, оба страдали от ощущения греховности. Но развитие Лютера было несколько более спокойным и нормальным — если, конечно, в психологии

обращения, столь тщательно изученной Джеймсом, чем спокойнее, тем нормальнее. Во всяком случае, там, где у Лютера было одно видение в исключительном случае, у Лойолы их были сотни, и он видел их ежедневно. Игнатий видел Троицу как клавикорд с тремя струнами, чудо пресуществления - как свет в хлебе, сатану - как сверкающего змея, покрытого яркими, таинственными глазами, Иисуса - как "большую круглую форму, сияющую, как золото", а Троицу снова - как "огненный шар".

Но со всеми видениями он сохранял свою волю, сосредоточенную на своей цели. [Примечание: 1523] Сначала это приняло форму обета проповедовать неверным, и он совершил паломничество в Иерусалим, но был возвращен высшим христианским авторитетом в этом регионе, политически настроенным францисканским викарием.

[Примечание: 1524]

Вернувшись в Испанию, он отправился в Барселону и начал изучать латынь с мальчиками, поскольку его джентльменское образование не включало в себя ничего, кроме чтения и письма на родном языке. Оттуда он поступил в университет Алькалы, где завоевал учеников, но был заключен в тюрьму инквизицией на шесть недель и ему запретили встречаться с ними. Практически тот же опыт повторился в Саламанке, где Святая канцелярия задержала его на двадцать два дня и снова запретила проводить религиозные собрания. Таким образом, церковь, которой он стремился служить, выгнала его из Испании. Направив свои стопы в Париж, он поступил в колледж Монтегю, и, хотя здесь он был свободен от инквизиции, власти колледжа публично выпороли его как опасного фанатика. Тем не менее, здесь он собрал своих первых постоянных учеников, Питера Ле Февра из Савойи, Франциска Ксаверия из Пампелуны и двух кастильцев, {401} Джеймса Лайнеза и Альфонсо Сальмерона. Маленький человечек, ростом едва ли выше пяти футов двух дюймов, изуродованный и покрытый шрамами, в возрасте тридцати пяти лет завоевывал расположение людей своей улыбкой, как победитель, испытывающий боль, своим энтузиазмом, своей миссией и своей книгой.

[Примечание: *Духовные упражнения*]

Если судить о величии литературного произведения не по красоте стиля или глубине мысли, а по влиянию, которое оно оказало на людей, то *Духовные упражнения* Игнатия будут занимать высокое место. Его главными источниками были размышления и наблюдения его автора. Если кое-что он позаимствовал у Гарсии де Сиснероса, кое-что из "*Подражания Христу*", кое-что из правил Монтaigne, где он учился, то гораздо больше он позаимствовал из курса дисциплины, которому подвергал себя в Манресе. Психологическая обоснованность метода Лойолы проявляется в его открытии, что лучший способ приблизить человека к идеалу - это разжечь его воображение. Его собственная мысль была образной на грани ненормальности, и средства, которые он использовал, чтобы пробудить и искусственно стимулировать эту способность в своих последователях, были крайне радикальными.

Цель *Упражнений* заключается в том, что "Человек был создан для восхваления, почитания и служения Богу, нашему Господу, и таким образом для спасения своей души". Чтобы подготовить человека к этой работе, духовные упражнения были разделены на четыре периода, называемых неделями, хотя каждый период мог быть сокращен или удлинен по усмотрению руководителя. Первая неделя была посвящена размышлениям о грехе; вторая - размышлениям о жизни Христа до Вербного воскресенья; третья - его страстям; и четвертая - его воскресению и вознесению.

Зная об огромной силе вводимого стимулятора, Игнатий давал мудрые советы по умеренности в его применении. Но, при условии, что послушник не должен был выходить за рамки того, что он мог вынести, в первую неделю {402} уединенной медитации ему было предписано попытаться увидеть длину, широту и глубину ада, услышать стенания и богохульства проклятых, ощутить запах дыма и серы, вкусить горечь слез и червя совести и почувствовать жжение неугасимого огня. Точно так же в другие недели он должен был стараться как можно ярче представить себе все события, проходившие перед его мысленным взором, будь то ужасные или славные. Концом всей этой дисциплины должно было стать полное подчинение человека церкви. Иезуиту было предписано всегда "восхвалять все заповеди церкви, держа разум наготове, чтобы находить доводы в ее защиту и не раскаиваться в ее преступлении". Должна быть безоговорочная капитуляция перед ней не только воли, но и разума. "Чтобы быть уверенными в своей правоте во всем, - говорит Лойола, - мы всегда должны придерживаться принципа, что белое, которое я вижу, я считал бы черным, если бы иерархическая церковь управляла этим".

Вдохновленная этим идеалом небольшая группа студентов, согласившихся отныне называться "Отряд Иисуса" — военный термин, *socii* означающий товарищей или последователей военачальника, — дала обет жить в бедности и целомудрии [Примечание: 15 августа 1540 г.] и совершить паломничество в Иерусалим. С этой целью они отправились в Венецию, а затем повернули в Рим, чтобы папа одобрил их предприятие. Их первый прием был леденящим, но постепенно они привлекли несколько новобранцев, и Игнатий составил проект конституции [Прим. автора: 27 сентября 1540 г.] для нового ордена, который был передан папе римскому Контарини и утвержден в булле *Regimini militantis ecclesiae*, в которой цитируется формула иезуитов:

Тот, кто желает сражаться за Бога под знаменем креста и служить одному Господу и его наместнику на земле римскому понтифику, должен, после торжественного обета вечного целомудрия, считать, что он является частью общества, учрежденного главным образом для этих целей, для пользы душ в {403}

жизнь и христианское учение, для распространения веры посредством публичных проповедей, служения слову Божьему, духовных упражнений и дел милосердия, и особенно для воспитания детей и несведущих людей в христианстве, для выслушивания исповеди и для дарования духовного утешения.

Более того, утверждается, что члены нового ордена должны быть связаны обетом особого послушания папе римскому и должны быть готовы по его указанию распространять веру среди турок, неверных, еретиков или раскольников или служить верующим.

[Примечание: апрель 1547 г.]

Игнатий был избран первым генералом ордена. Затем папа отменил предыдущее ограничение числа иезуитов до 60 человек [Примечание: 1544 год], а позже издал для них обширную хартию привилегий. [Примечание: 1549] Они были освобождены от налогов и епископальной юрисдикции; ни одному члену церкви не разрешалось принимать какое-либо достоинство без

согласия генерала, и ни один член церкви не мог быть назначен для духовного руководства женщинами. Среди многих других грантов был один, предусматривавший, что верующие могут исповедоваться в них и причащаться без разрешения своих приходских священников. Подтверждение всех привилегий и предоставление других было сделано в булле от 21 июля 1550 года.

[Примечание: Организация Общества Иисуса, 1550 г.]

Прямой целью ордена было мировое господство церкви, и его конституция обеспечивала удивительно подходящую организацию для этой цели. Все должно было быть подчинено эффективности. Отрешенность от мира простиралась лишь настолько, насколько это было необходимо для более полного завоевания мира. Аскетизм, пост, самодисциплина должны были быть умеренными, чтобы не сказываться на здоровье. Никакой специальной одежды не предписывалось, поскольку это могло быть скорее помехой, чем помощью. Стремясь привлечь на свою сторону классы, а не массы, иезуиты тщательно отбирали в качестве членов только крепких мужчин приятной внешности, спокойного ума и {404} красноречия. То, что претендент на вступление в орден также должен быть богат и из хорошей семьи, не было обязательным условием, но считалось желательным. Мужчины с плохой репутацией, несговорчивые, холеричные или мужчины, которые когда-либо были запятнаны ересью, были исключены. Женщины не были приняты на работу.

После отбора неопит проходил двухлетний испытательный срок. Затем его переводили в класс ученых для дальнейшего обучения. Позже он был назначен либо временным коадьютором, своего рода братом-мирянином, на которого возложены второстепенные обязанности, либо духовным коадьютором, принявшим три безотзывных обета. Наконец, существовал класс, допуск в который был получен после длительного опыта, Исповедовавший Четыре Обета, четвертым из которых был обет особого послушания папе римскому. Небольшому числу тайных иезуитов, которых можно было бы отнести к другому классу, были поручены опасные миссии и шпионаж.

[Примечание: Общие сведения]

Над орденом был поставлен генерал, который был практически, хотя и не теоретически, абсолютным. На бумаге он был ограничен возможностью быть смещенным и избранием, независимо от его влияния, "наставника" и нескольких помощников. На практике единственными ограничениями его власти были физические ограничения, связанные с трудностями управления провинциями, расположенными за тысячи миль от него. Однако из каждой провинции он получал конфиденциальные донесения от множества шпионов.

Духом ордена было абсолютное, беспрекословное, слепое повиновение. Член организации должен повиноваться своему начальнику, "как труп, которым можно вертеть так или иначе, или стержень, который следует каждому импульсу, или шарик из воска, которому можно придать любую форму". Идеал был древним; знаменитая *перинда мертвеца* сама по себе восходит к Франциску Ассизскому, но нигде этот идеал не был реализован так полно, как сподвижниками Игнатия. На самом деле, в этом, как и в других отношениях, иезуиты были всего лишь естественной кульминацией эволюции монашества. Ордена все больше и больше превращались в высокодисциплинированные, сплоченные организации, пригодные для служения церкви и папе.

[Примечание: Рост]

Рост общества был необычайно быстрым. К 1544 году у них было девять заведений, по два в Италии, Испании и Португалии и по одному во Франции, Германии и Нидерландах. Когда Лойола [Примечание: 31 июля 1556 г.] умер, иезуитов можно было найти в Японии и Бразилии, в Абиссинии и на Конго; в Европе они были почти в каждой стране и включали врачей крупнейших университетов и папских нунциев в Польше и Ирландии. Во всех двенадцати провинциях насчитывалось около 65 резиденций и 1500 членов.

Их работа была столь же широка, как и их область деятельности, но в основном она была посвящена трем задачам: образованию, войне с еретиками и иностранным миссиям. Ни одно из первых двух особенно не рассматривалось основателями ордена в самый ранний период их существования. В то время они были скорее похожи на монахов, популярных проповедников, катехизаторов, исповедников и благотворителей. Но требования времени требовали от них удовлетворения других потребностей. Образование молодежи было естественным результатом их желания доминировать в интеллектуальном классе. Их семинарии, поначалу приспособленные только для их собственных нужд, вскоре стали известными.

[Примечание: Борьба с ересью]

В борьбе с ересью они также были самыми успешными из папской когорты. Хотя это и не было основной целью ордена, вскоре это стало рассматриваться как их особая область деятельности. Булла, канонизирующая Лойолу [Прим. автора: 1623], говорит о нем как об инструменте, созданном божественным провидением специально для борьбы с этим "отвратительнейшим из монстров" Мартином Лютером. Начавшись в Италии, иезуиты возродили почти угасшее народное благочестие. Путешествуя среди бедных в качестве миссионеров, они нашли многих, кто не знал молитв, многих, кто не исповедовался в течение тридцати или сорока лет, и множество священников, таких же слепых, как их паства.

В большинстве других католических стран им приходилось бороться за право на существование. Во Франции парламент Парижа был против них, и даже после того, как король разрешил им поселиться в стране в 1553 году, парламент обвинил их в том, что они ставят под угрозу веру, разрушают мир церкви, вытесняют старые порядки и разрушают больше, чем они построили. Тем не менее они проложили себе путь к власти, пока, по совету монарха, не смогли сокрушить своих католических противников, янсенистов, так же полностью, как их протестантские враги были сокрушены отменой Нантского эдикта.

В Нидерландах иезуитов приветствовали как союзников испанской державы. На людей произвели впечатление их рвение, набожность и бескорыстие, и в южных провинциях они смогли одержать победу после ожесточенной борьбы с кальвинизмом.

В Англии, где они проявили наибольшую преданность, они добились наименьшего успеха. Кровь их мучеников не засеяла землю католическим семенем, и они были изгнаны по закону при Елизавете.

[Примечание: Победы иезуитов]

Самые яркие победы иезуиты одержали в Центральной Европе. Когда первый из их компании, Питер Фабер, прибыл в Германию в 1540 году, он обнаружил, что почти вся страна лютеранская.

Баварские виттельсбахи были почти единственной царствующей семьей, которая никогда не шла на компромисс с реформаторами, и в них иезуиты нашли свою отправную точку и самого постоянного союзника. Призванные в университеты Ингольштадта и Вены, они добились большого успеха, и из этих очагов они распространились во всех направлениях - в Польшу, Венгрию, на Рейн. Одним из их самых выдающихся миссионеров был Петр Канисий, чей катехизис, опубликованный в 1555 году в трех формах: краткой, длинной и средней, и на двух языках, немецком и латыни, стал главным духовным учебником католиков. Идея и подбор материала были заимствованы у Лютера, и ему подражали также в опущении всех откровенных полемических материалов. Эта последняя особенность была, конечно, одной из самых сильных.

[Примечание: Миссии к язычникам]

Но завоевания Общества Иисуса были столь же заметны в странах за пределами Европы, сколь и в сердце цивилизации. На самом деле они не были пионерами в области иностранных миссий. Католическая церковь с самого раннего периода проявляла заботу о спасении коренных жителей Америки и Дальнего Востока. В булле Александра VI говорилось, что его мотивом при разделе новооткрытых земель между Испанией и Португалией было главным образом содействие распространению веры. То, что протестанты поначалу не проявляли активности в обращении язычников, объяснялось отчасти тем, что их энергия была полностью направлена на обеспечение собственного положения, и, возможно, в еще большей степени потому, что в шестнадцатом веке Испания и Португалия обладали практической монополией на трансокеанскую торговлю и, следовательно, единственной возможностью вступить в контакт с местными жителями.

Очень рано доминиканские и францисканские монахи отправились в Америку. Хотя некоторые из них олицетворяли христианские добродетели, которые вполне могли произвести впечатление на местных жителей, большее число полагалось на мощную поддержку толедского меча. Хотя местные жители, как язычники, рожденные в непобедимом невежестве, были освобождены от юрисдикции инквизитора, ужас, если не огонь, заставил их принять религию своих завоевателей. Если некоторые стойкие вожди говорили миссионерам, что они скорее отправятся в ад после смерти, чем будут вечно жить с жестокими христианами, племена в целом, видя, как низвергаются их ужасные идолы и разрушаются их храмы, принимали религию более сильного Бога, поскольку они трепетали перед его приверженцами. {408} Они мало что могли понять в тайнах веры, и в некоторых местах долгое время продолжали поклоняться Христу и Марии с ритуалами и атрибутами более древних божеств. Но номинально миллион из них были обращены к 1532 году, а когда прибыли иезуиты, была предпринята еще более успешная попытка привлечь на свою сторону краснокожих. Важная миссия в Бразилии, выполняемая храбрыми и преданными братьями Игнатия, достигла замечательных результатов, тогда как в Парагвае иезуиты основали государство, полностью находящееся под их собственной опекой.

На Дальнем Востоке путь миссионера был прерван торговцем. В Гоа первыми послами Христа были монахи, и здесь они построили кафедральный собор, женский монастырь и школы для подготовки местных священников. Но величайшим из миссионеров в этом регионе был Фрэнсис Ксавье, [Прим. автора: Ксавье, 1506-52] сподвижник Лойолы. Не забывая о клятве, которую он дал вместе со всеми первыми членами общества, [Прим. автора: апрель 1541 г.] он отплыл из Лиссабона, облеченный экстраординарными полномочиями. Папа римский сделал его своим викарием во всех землях, омываемых Индийским океаном, [Прим. автора: май 1542 г.]

а король Португалии дал ему официальную санкцию и поддержку. Прибыв в Гоа, он связался с более ранними миссионерами и начал серьезную борьбу с безнравственностью порта, как христианской, так и местной. Его девиз "Амплий" вскоре привел его на девственные поля, к туземцам побережья и Цейлона. В 1545 году он отправился в Китайскую Кочинхину, оттуда на Молуккские острова и в Японию, проповедуя повсюду и крестя тысячи и десятки тысяч людей.

Хотя Ксавье был человеком с блестящими способностями и хотя он был страстно предан делу, ни одному из своих положительных качеств он не был обязан успехами, солидными или мнимыми, которые ему приписывали. Во-первых, если судить по стандартам современных миссий, поверхностность его работы была {409} почти немиссионной. Он так и не овладел ни одним из языков стран, которые посетил. Он выучил наизусть несколько предложений, в основном символ веры и несколько фраз об ужасах ада, и повторял их толпам, привлеченным к нему звоном колокола. Он обращался к массам, а не к отдельным людям, и считал кульминацией своей работы всего лишь совершение крещения, а не обращение сердца или разума. Таким образом, он проводил часы, крестя со всей возможной скоростью больных и умирающих детей, веря, что таким образом спасает их души из заточения. Вероятно, многие из его взрослых новообращенных никогда не понимали значения применения воды и масла, соли и слюны, составляющих ритуал католического крещения.

[Примечание: Применение силы]

Во-вторых, тот постоянный успех, которого он добился, был во многом обусловлен обращением за помощью к гражданской власти. Одно из наиболее ярких писем Ксавье - то, которое было написано королю Португалии Иоанну 20 января 1548 года, в котором он не только обращается с разумной просьбой защитить местных христиан от преследований со стороны их соотечественников, но и добавляет, что каждый губернатор должен принимать такие меры для их обращения, которые обеспечили бы успех его проповеди, поскольку без такой поддержки, по его словам, дело евангелия в Индии было бы безнадежным, мало кто пришел бы креститься, а те, кто все-таки пришел, не получили бы большой пользы от религии. Поэтому он настаивает на том, чтобы у каждого губернатора, при правлении которого многие туземцы не были обращены, по возвращении в Португалию отобрали все его имущество и заключили в тюрьму. О том, какими должны были быть меры, примененные португальскими офицерами под таким давлением, можно легко догадаться из небольшого представления об их жестоком правлении.

Было сказано, что каждый организм несет в себе {410} семена своего собственного разложения. Преждевременное разложение ордена [Примечание: упадок иезуитов] было замечено его более серьезными членами довольно рано в его карьере. Будущий генерал Фрэнсис Борджиа писал: [Прим. автора: 1560] "Придет время, когда Компания будет полностью поглощена гуманитарными науками без какого-либо приложения к добродетели; будут править амбиции, гордость и высокомерие". Генерал Аквавива недвусмысленно сказал: [Примечание: 1587] "Любовь к вещам этого мира и дух придворного - опасные болезни в нашей Компании. Почти вопреки нам зло мало-помалу проникает внутрь под благовидным предлогом завоевания принцев, прелатов и великих мира сего".

Главной причиной непреодолимого презрения, которым пользовались иезуиты, а также их временных успехов, было их стремление к быстрым результатам. [Примечание: Эффективность] Каждый замечал огромную разносторонность иезуитов и их поверхностность. Они произвели на свет превосходных ученых определенного ранга, людей, которые могли расшифровывать

латинские надписи, наблюдать планеты, публиковать библиотеки исторических источников, казуистики и апологетики, или писать катехизисы или эпиграммы. Они с равной легкостью обращались как к проповеди обнаженным дикарям, так и к созданию произведений искусства для самых культурных народов мира. И все же они редко, если вообще когда-либо, производили на свет великого ученого, великого мыслителя или даже великого аскета. Они были основаны не для таких целей; они были основаны для борьбы за церковь, и они делали это с необычайным успехом.

[Примечание: Неудача]

Но сама их эффективность стала бездушной, как это всегда должно быть, если стремиться к ней самой. С точки зрения Великой войны, иезуиты были воплощением религиозного милитаризма. Утвердить идеал возвышения, наполнить группу людей фанатичным энтузиазмом по отношению к этому идеалу, а затем обеспечить организацию и дисциплину, чудесным образом приспособленные к завоеваниям, - вот что прусский школьный учитель, который {411} завоевал Садову, вошедшую в поговорку, и иезуиты, которые отбили Реформацию, умели делать лучше, чем кто-либо другой. Их методы учитывали все, кроме совести человечества.

Более того, не может быть никаких сомнений в том, что в своем стремлении к осязаемым результатам они понизили этические стандарты церкви. Желая как можно шире открыть свои двери для всех мужчин и обнаружив, что они не могут сделать всех мужчин святыми, они снизили требования к поступающим до среднего человеческого уровня. Нельзя принимать обвинения в иезуитской "казуистике" и "вероятности" за чистую монету, но в трудах иезуитов по этике и в некоторых их ранних работах можно найти очень опасные компромиссы с миром. [Примечание: Иезуитские компромиссы] В их книгах читаешь, как банкрот, не греша смертельно, может обманом лишить своих кредиторов заложенного имущества; как слуге может быть оправдано воровство у своего хозяина; как богатый человек может простительно обмануть сборщика налогов; как прелюбодейка может законно отрицать свой грех перед мужем, даже под присягой.[1] Несомненно, это крайние случаи, но то, что они вообще должны были быть возможны, является печальным предупреждением всем, кто даже в благочестивых целях заменил подлинную мораль низшей имитацией.

[1] Обоснование этих утверждений в выдержках из иезуитских трудов по моральному богословию, напечатанных в C. Mirbt: *Quellen zur Geschichte des Papst-tums*[3], 1911, стр. 447 и далее.

РАЗДЕЛ 5. ИНКВИЗИЦИЯ И ИНДЕКС

Католическая церковь остановила приливы Реформации и Возрождения не только с помощью пропаганды, вызывающей к разуму и сердцу, но и с помощью принуждения. В этом церковь была не одинока; протестанты также подвергались преследованиям, и они также подвергали цензуре прессу с целью помешать своим приверженцам ознакомиться с аргументами своих оппонентов. Но католическая церковь была не только более последовательна в применении своих нетерпимых теорий, но и почти всегда брала на себя руководство принудительными мерами напрямую, вместо того чтобы применять их через посредство государства. Какими бы разделенными они ни были, зависящими от поддержки гражданского правительства и сдерживаемыми, по крайней мере в некоторой степени, своими более либеральными

тенденциями, протестанты никогда не располагали инструментами, хотя бы наполовину столь эффективными или хотя бы на одну десятую столь ужасными, как инквизиция и Индекс.

Инквизиция была порождением Средневековья. За столетия до Лютера Святая Канцелярия прижигала еретические наросты на теле Матери-Церкви. Старая форма была использована, но получила новую жизнь благодаря работе, которую она была призвана выполнить против протестантов. За пределами Нидерландов двумя формами инквизиции, сыгравшими наибольшую роль в битвах шестнадцатого века, были испанская и римская.

[Примечание: Испанская инквизиция]

Инквизиция была лицензирована в Испании буллой Сикста IV от 1478 года и фактически учреждена Фердинандом и Изабеллой в Кастилии в 1480 году, а вскоре после этого и в других их владениях. Иногда говорят, что испанская инквизиция на самом деле была политическим, а не церковным инструментом, но новейший историк этого предмета, чье глубокое изучение делает его вердикт окончательным, опроверг эту теорию. Хотя иногда его призывали вмешиваться в политические дела, это было исключение. Гораздо чаще он утверждал авторитет и независимость, которые немало смущали королевское правительство. С другой стороны, вскоре она стала настолько великой и могущественной, что смогла игнорировать приказы пап. Из-за своей безответственной силы она была непопулярна, и ее терпели только потому, что она была настолько эффективна в искоренении ереси, которую ненавидели люди.

{413} [Примечание: Процедура]

Анналы его процедур и достижений представляют собой один длинный отчет о дьявольской жестокости, длительном заключении в подземельях, бесконечных задержках и запугивании с целью сломить дух, изощренных пытках, искалеченных конечностях и горячей плоти. Смягчая приговор, следует помнить, что методы гражданских судов в то время также были жестокими, а наказания суровыми.

Поскольку вина подозреваемого лица всегда предполагалась, прилагались все усилия, чтобы добиться признания, поскольку в вопросах веры нет другого столь же удовлетворительного доказательства. Не будучи проинформированным о характере его преступления или о том, кто был осведомителем против него, подсудимого просто заставили признаться. Адвокат был дан ему только для того, чтобы воспользоваться его профессиональными отношениями с клиентом, предав его. Огромных, почти невероятных проволочек, из-за которых обвиняемого держали в тюрьме в ожидании суда иногда в течение пяти, десяти или даже двадцати лет, обычно было достаточно, чтобы сломить его дух или вывести из равновесия. Сначала угрожали пытками, а затем применили их. Все правила, направленные на ограничение его количества, оказались иллюзорными, и он применялся практически в любой степени, которая считалась необходимой, и ко всем классам; дворяне и духовенство были ему не менее противны, чем простые люди. Не было и какого-либо привилегированного возраста, кроме самого нежного детства. Мужчины и женщины девяностолетия, мальчики и девочки двенадцати-четырнадцати лет подвергались пыткам, как и молодые матери и женщины с детьми. Однако невменяемость, если ее признавали подлинной, считалась препятствием для пыток.

Оправдательные приговоры были почти, хотя и не совсем, неизвестны. Иногда приговор приостанавливался, и обвиняемый освобождался от ответственности без официального оправдания. Очень редко допускалось оправдание по согласию, то есть под присягой

обвиняемого, подкрепленной клятвами ряда лиц в том, что они верили, что он говорил правду. {414} Практически единственным доводом, доступным подозреваемому, было то, что доносчиками против него руководил злой умысел. Поскольку ему не сказали, кто были его обвинители, ему было трудно это использовать.

[Примечание: Штрафы]

Наказания были различными, включая бичевание, галеры и пожизненное заключение. Смертная казнь через расстрел была вынесена не только тем, кто не раскаялся, но и тем, у кого после очередной выписки случился рецидив. В Испании еретиков, отрекшихся перед казнью, сначала душили; упорно нераскаявшихся сжигали заживо. Лица, осужденные за ересь, до которых не удавалось дозвониться, сжигались как чучела.

Действуя в соответствии с принципом *ecclesia non sitit sanguinem* инквизиторы не предавали своих жертв смерти собственными офицерами, а передавали их гражданским властям для казни. С отвратительным лицемерием они даже заклинали палачей проявить милосердие, прекрасно зная, что у последних не было иного выбора, кроме как привести в исполнение приговор церкви. Магистратам, которые пытались проявить какую-либо осмотрительность в пользу осужденного, немедленно угрожали отлучением от церкви.

Если что-то и могло дополнить ужас, то это был праздничный дух казней. *Аутодафе*, [Примечание: *Аутодафе*] или акт веры, был любимым зрелищем испанцев; ни один праздник не обходился без холокоста с человеческими жертвами. Постановка была тщательно продумана, а церемония настолько впечатляющей, насколько это было возможно. Светским и духовным властям было приказано присутствовать, и огромные толпы были назидаемы ужасным примером безвременной кончины неверующего. Для этих зрелищ были выбраны воскресенья и праздничные дни, а в торжественных случаях, таких как королевские свадьбы и крестины, особое внимание уделялось празднованию одной из этих священных бойен.

Количество жертв оценивалось по-разному. {415} Фактический подсчет до 1540 года, то есть до того, как протестантизм стал серьезным фактором, показывает, что 20 226 человек были сожжены лично и 10 913 - в виде чучел, и эти цифры неполные. Следует помнить, что на каждого, кто понес суровое наказание, приходилось большое количество других, наказанных другими способами, или заключенных в тюрьму и подвергнутых пыткам во время судебного разбирательства. Когда Адриан Утрехтский, впоследствии папа римский, был генеральным инквизитором в 1516-22 годах, 1620 человек были сожжены заживо, 560 изображены в виде статуй и 21 845 были приговорены к епитимье или другим более легким наказаниям. Грубо говоря, на одного человека, приговоренного к смертной казни, приходилось десять более мягких наказаний.

[Примечание: Преступления наказаны]

Ересь была не единственным преступлением, караемым инквизицией; она также включала в себя богохульство, двоеженство и некоторые формы порока. В первые годы своего существования оно было направлено главным образом против евреев, которые, будучи принужденными к крещению, вернулись к нему. Позже мориски, или крещеные мавры, принесли наибольшее количество жертв. Как и в случае с евреями, расовая ненависть была настолько глубокой составляющей применяемого к ним обращения, что номинальная причина иногда забывалась, и крещение часто не спасало "нового христианина", который сохранял

любые, даже самые невинные национальные обычаи. Многих мужчин и женщин пытали за то, что они не ели свинину или не купались по мавританскому обычаю.

Поскольку протестантизм никогда не получал никакой поддержки в Испании, у инквизиции было сравнительно мало проблем на этот счет. В течение шестнадцатого века в общей сложности 1995 человек были наказаны как протестанты, из которых 1640 были иностранцами и только 355 были испанцами. Даже эти цифры преувеличивают влияние Реформации в Испании, поскольку любая ошибка, отдаленно напоминающая принципы Виттенберга, немедленно классифицировала ее сторонника как лютеранского. Первый известный случай был обнаружен на Майорке в 1523 году, но только в 1559 году {416} сколько-нибудь значительное число людей пострадало за эту веру. В том году в Родриго и Севилье были сожжены 24 лютеране, в 1562 году - 32, а в 1569 году - 19 кальвинистов.

Страх перед испанской инквизицией был таков, что только в тех странах, где она была рано и полностью подавлена, она могла быть введена. Основанная на Сицилии в 1487 году, ее временная юрисдикция была приостановлена в 1535-46 годах, когда она была возрождена из-за страха перед протестантизмом. Однако даже во времена своего темного квартала он был способен наказывать еретиков. Во времена *аутодафе*, отпразднованного в Палермо, [Примечание: 30 мая 1541 г.] из двадцати двух преступников трое были лютеранами и девятнадцать евреями. Капитуляция Неаполя в 1503 году явно исключала испанскую инквизицию, и она не могла быть учреждена в Милане. Португальская инквизиция была учреждена в 1536 году.

[Примечание: Новый мир]

Новый Мир был способен оказать меньшее сопротивление. Тем не менее, в течение многих лет инквизиторские полномочия были возложены на епископов, отправленных в Мексику и Перу, и когда инквизиция была учреждена в обеих странах в 1570 году, это, вероятно, не означало усиления строгости. Местные жители были освобождены от его юрисдикции, и он нашел мало горячих материалов, за исключением захваченных европейцев-протестантов. В 1548 году в Лиме был сожжен фламандец, а на первом *аутодафе*, состоявшемся в Мексике в 1574 году, были наказаны тридцать шесть лютеран, все английские пленники: двое были сожжены, а остальные подвергнуты бичеванию или отправлены на галеры.

[Примечание: Римская инквизиция]

Та же потребность в противодействии протестантизму, которая помогла вдохнуть новую жизнь в испанскую инквизицию, вызвала к жизни ее сестру - Римскую инквизицию. Буллой *Licet ab initio*, [Прим. автора: 21 июля 1542 г.] Павел IV воссоздал Святую Канцелярию в Риме, направляя и уполномочивая ее карать всех, кто упорствует в осуждаемых взглядах, чтобы их пример не соблазнил других, не только в Папской области, но и во всех странах христианского мира. Ему было разрешено выносить {417} приговоры виновным и призывать на помощь светскую власть, чтобы наказать их тюрьмой, конфискацией имущества и смертью. Его власть была направлена, в частности, против лиц высокого положения, даже против князей-еретиков, чьи подданные были освобождены от обязанности повиновения и чьим соседям было предложено отобрать их наследие.

[Примечание: Процедура]

Процедура Святой канцелярии в Риме была охарактеризована кардиналом-августинцем Серипандо как поначалу мягкая, но позже, продолжает он, "когда сверхчеловеческая строгость Караффы [одного из первых Генеральных инквизиторов] взяла верх, инквизиция приобрела такую репутацию, что ни от какого другого судилища на земле нельзя было ожидать более ужасных приговоров". Помимо внимания, которое оно уделяло протестантам, оно возбудило очень суровые процессы против иудействующих христиан и признало также соращение, сводничество, содомию и нарушение церковных правил поста.

[Примечание: Италия]

Римская инквизиция была введена в Милане Майклом Гислиери, впоследствии папой римским, и бурно процветала под покровительством Борromeо, кардинала-архиепископа города. Он был учрежден Карлом V, несмотря на противодействие, в Неаполе. [Прим. автора: 1547] Венеция также боролась против его введения, но, тем не менее, в конце концов разрешила его.

[Примечание: 1544] В течение шестнадцатого века в этом городе было проведено не менее 803 процессов за лютеранство, 5 за кальвинизм, 35 против анабаптистов, 43 за иудаизм и 199 за колдовство. В странах за пределами Италии римская инквизиция не прижилась. Епископ Маграт в 1567 году пытался предоставить Ирландии преимущества этого института, но, естественно, английское правительство ничего подобного не допустило.

[Примечание: цензура прессы]

Методом подавления существующих мнений и распространения других, вероятно, гораздо более эффективным, чем {418} растерзание человеческих тел, является руководство их умами посредством направления их чтения и наставлений. Естественно, до изобретения книгопечатания и в неграмотном обществе цензура книг не имела большого значения. Платон, возможно, был первым, кто предложил запретить чтение безнравственных и нечестивых книг, но я не знаю, чтобы его предложение было реализовано ни в Греции, ни в языческом Риме. Примеров неприятия определенных книг ранней церковью немало. Павел убедил ефесских колдунов сжечь их книги; некоторые отцы церкви советовали не читать языческих авторов; [Примечание: с. 496] Папа Геласий издал указ о книгах, полученных и не полученных церковью, и манихейские книги были публично сожжены.

[Примечание: Четвертый век]

Изобретение книгопечатания привлекло внимание церкви к опасности позволения своим детям самим выбирать материалы для чтения. [Примечание: книгопечатание] Первым, кто обратил на это внимание, был Бертольд, архиепископ Майнца, города Гутенберг. 22 марта 1485 года он издал указ о том, что, хотя божественным искусством книгопечатания злоупотребляли ради наживы, и поскольку таким образом даже книги Христа, молитвенники и другие труды по религии были перелистаны чернью, и поскольку немецкий идиом был слишком беден, чтобы выразить такие тайны, а простые люди слишком невежественны, чтобы понять их, поэтому каждое произведение, переведенное на немецкий, должно быть одобрено докторами университета Майнца перед публикацией.

[Примечание: 1 июня 1501 г.]

Примеру прелата вскоре последовали папы и соборы. Александр VI запретил как отвратительное зло печатание книг, наносящих ущерб католической вере, и назначил всех

архиепископов официальными цензорами в своих епархиях. Это было подкреплено декретом Пятого Латеранского собора, в котором говорилось, что {419} хотя книгопечатание принесло много пользы церкви [Примечание: 4 мая 1515 г.], оно также распространяло ошибки и пагубные догмы, противоречащие христианской религии. Указ запрещает печатание любой книги в любом городе или епархии христианского мира без лицензии местного епископа или другого церковного органа.

Этот радикальный указ был дополнен другими, направленными против определенных книг или авторов, но в течение целого поколения церковь оставляла цензуру главным образом на усмотрение правительств нескольких стран. Такой политики придерживались и протестанты, как в то время, так и позже. [Примечание: протестантская цензура] Ни Лютер, ни какой-либо другой реформатор долгое время не пытались составить регулярные указатели запрещенных книг. Примеры чего-то, приближающегося к этому, можно найти в более поздней истории протестантизма, но они настолько незначительны, что ими можно пренебречь.

[Примечание: Национальная цензура, 1502]

Однако национальные правительства придавали большое значение лицензированию. За первым законом в Испании последовали все возрастающие строгости при инквизиторе, который составил несколько индексов запрещенных книг, совершенно независимых от официальных римских списков. Немецкие сеймы и французские короли были осторожны, чтобы предоставить своим подданным возможность выбирать материалы для чтения. В Англии также при всех Тюдорах были составлены списки запрещенных книг. Мэри ограничила право печатать только лицензированным членам Компании по производству канцелярских товаров; Елизавета передала этот вопрос в руки Звездной палаты. [Примечание: 1559] Согласно Судебным запретам требовалась специальная лицензия, а более поздний закон был направлен против "крамольных, раскольнических или клеветнических книг и других фантастических произведений". [Примечание: 1588]

[Примечание: Каталоги опасных книг]

Идея создания полного каталога еретических и опасных произведений, находящихся под церковным порицанием, возникла в Нидерландах. После того, как работы различных авторов были по отдельности запрещены в различных прокламациях {420}, Лувенский университет по приказу императора составил довольно обширный список в 1546 году и снова, несколько дополненный, в 1550 году. В нем упоминается ряд Библий на греческом, латыни и местных языках, труды Лютера, Карлштадта, Осиандера, Очино, Буллингера, Кальвина, Эколампация, Йонаса, Кальвина, Меланхтона, Цвингли, Гуса и Джона Пуппера из Геха, голландского автора пятнадцатого века, возрожденного протестантами. Примечательно, что работы Erasmus не включены в этот список. Кроме того, утверждается, что некоторые одобренные работы, даже отредактированные или переведенные еретиками, могут быть разрешены студентам. Среди различных научных работ, которые были осуждены, - *"Анатомия"*, напечатанная в Марбурге Евхариусом Харцхорном, *"Исследование науки"* Х. К. Агриппы и *"Универсальная космография"* Себастьяна Мюнстера, "география", напечатанная в 1544 году. Запрещен Коран, а также произведение под названием *"Het paradijs van Venus"*, последнее, предположительно, как неприличное. Наконец, запрещены все книги, напечатанные с 1525 года без указания имени автора, типографии, времени и места.

[Примечание: римский указатель]

Отчасти в подражание этой работе Лувена, отчасти вследствие основания инквизиции был обнародован Римский указатель запрещенных книг. Хотя в булле, учреждающей Римскую инквизицию, ничего не говорилось о книгах, их осуждение было включено в практику. Под влиянием Святой канцелярии в Лукке Сенат в Лукке составил список запрещенных произведений, [Прим. автора: 1545] включающий в основном трактаты итальянских еретиков и сатиры на церковь. На четвертой сессии Тридентского собора [Примечание: 8 апреля 1546 г.] было запрещено печатать все анонимные книги, какие бы то ни было, и все другие религиозные книги до получения лицензии. Еще одно указание на возрастающую суровость можно найти в булле, изданной Юлием III [Прим. автора: 1550], который жаловался, что авторы, получившие лицензию на чтение еретических {421} книг с целью их опровержения, с большей вероятностью были соблазнены ими, и поэтому отзывали все лицензии, выданные до того времени.

[Прим. автора: сентябрь 1557 г.]

Когда Римская инквизиция опубликовала длинный список томов, подлежащих публичному сожжению, включая труды Эразма, Макиавелли и Поджо, это можно было бы считать первым римским указателем запрещенных книг; но первый документ с таким названием был издан Павлом IV. [Примечание: 1559] Он разделил произведения на три класса: (1) Авторы, которые совершали ошибки *professo* и все произведения которых были запрещены; (2) Авторы, которые совершали ошибки время от времени и упоминались только некоторые из книг которых; (3) Анонимные книги. В дополнение к этим классам был назван 61 типограф, все работы, опубликованные кем, были запрещены. Указатель стремился быть как можно более полным. Его главным, хотя и не единственным источником был каталог Лувена. Было перечислено множество изданий и версий Библии, и печатание любого перевода без разрешения инквизиции было запрещено. Особое внимание было уделено Эразму, которого не только называли в первом классе по имени, но и уведомили, что "все его комментарии, заметки, аннотации, диалоги, послания, опровержения, переводы, книги и сочинения запрещены".

[Примечание: цензура Тридентина, 26 февраля 1562 г.]

Тридентский собор снова взялся за этот вопрос, приняв постановление о том, что, поскольку ересь не была излечена цензурой, ее следует сделать намного строже, и назначив комиссию для того, чтобы, как, независимо от притчи, [1] было сформулировано, отделить плевелы от пшеницы. Лица, назначенные для этой деликатной работы, включали четырех архиепископов, девять епископов, двух генералов орденов и нескольких "второстепенных теологов". После долгих усилий они подготовили отчет о большинстве сомнительных авторов, хотя {422} самый трудный из всех, Эразм, они передали теологическим факультетам Лувена и Парижа для исключения.

[Примечание: 1564]

Результаты их трудов были опубликованы Павлом IV под названием Тридентский указатель. Он был более широким и в то же время более разборчивым, чем прежний Индекс. Erasmus был переведен во второй класс, и теперь осуждению подверглась лишь часть его работ. Среди запрещенных нецерковных авторов были Макиавелли, Гвиччардини и Боккаччо. Примечательно, что "Декамерон" был исключен главным образом не за непристойность, а за сатиру на духовенство. Таким образом, история о соблазнении аббатисы становится

приемлемой, превращая аббатису в графиню; история о том, как священник ввел женщину в заблуждение, выдав себя за ангела Гавриила, просто изменяется, превращая священника в мирянина, маскирующегося под сказочного короля.

Принципы, на которых основывался запрет книг, были изложены в десяти правилах. Наиболее интересными являются следующие: (1) Книги, напечатанные до 1515 года, осужденные папами или собором; (2) Версии Библии; (3) книги еретиков; (4) непристойные книги; (5) труды по колдовству и некромантии.

Чтобы поддерживать Индекс в актуальном состоянии, был необходим постоянный пересмотр. Для обеспечения этого Пий V учредил специальную Конгрегацию Индекса, которая существует по сей день. С его времени до нашего было выпущено более сорока Индексов. Те, что были написаны в шестнадцатом веке, имели дело в основном с протестантскими книгами, те, что были написаны в более поздние века, в основном, в целях внутренней дисциплины, с книгами, написанными католиками. Одной из функций Конгрегации было изымать книги, убирая оскорбительные пассажи. Был опубликован отдельный *Index expurgatorius*, указывающий на отрывки, подлежащие удалению или исправлению, [423], и это название иногда неправильно применялось к Индексу запрещенных книг.

[Примечание: Эффект цензуры]

Влияние цензуры на прессу оценивалось по-разному. Указатель был рано назван *sica destrecta v omnes scriptores*, и Сарпи назвал его "величайшим секретом, когда-либо открытым для применения религии с целью превращения людей в идиотов". Мильтон выступил против цензуры в Англии как "величайшего разочарования и оскорбления, которое может быть предложено ученым". Зло римской системы было, по его мнению, двойным, поскольку, как он писал в своей бессмертной *Ареопагитике*, "Тридентский собор и испанская инквизиция, действуя сообща, создали и усовершенствовали те каталоги и вычеркивающие указатели, которые копаются во внутренностях многих старых добрых авторов с надругательством худшим, чем любое, которое могло быть принесено на его могилу". Когда мы вспоминаем, что величайшие произведения литературы, такие как "*Божественная комедия*", были подделаны, и что в Испанском индексе экспуркации 1640 года список отрывков, подлежащих удалению или изменению в произведениях Эразма, занимает 59 страниц фолианта в две колонки, напечатанных мелким шрифтом, мы можем легко понять смысл возмущенного протеста Мильтона. Но, по его мнению, было еще хуже подвергать книгу экспертизе неподходящих людей, прежде чем она могла получить *одобрение*. Недаром свобода прессы стала одним из краеугольных камней храма свободы.

Различные писатели старались продемонстрировать пагубное воздействие, которое цензура, как предполагалось, оказывала на литературу. Но удивительно, как мало примеров они могут привести. Леа, которая должна исчерпывающе разбираться в испанской области, может указать лишь на нескольких профессоров богословия, которых преследовали и заставили замолчать за выражение нетрадиционных взглядов на библейскую критику. Он предполагает, что другие, должно быть, {424} оставались немymi из-за страха. Но, поскольку золотой век испанской литературы наступил после того, как закон установил, что печатание нелегальных книг карается смертной казнью, [Примечание: 1558] трудно представить, от чего могла пострадать литература. Римская инквизиция не помешала появлению работы Галилея, хотя впоследствии это заставило его отречься. Строгий английский закон о том, что

драматурги не должны "вмешиваться в дела божества или государства", заставлял Шекспира тщательно скрывать свои религиозные и политические взгляды, но трудно понять, каким образом это мешало его гению.

И все же влияние различных законов о печати было неисчислимо велико и было именно таким, каким оно должно было быть. Это повлияло на науку меньше, чем можно было бы подумать, а на литературу - почти совсем, но сформировало мнения масс, как замазку в руках их правителей. То, что рядовые испанцы и итальянцы оставались католиками, а подавляющее большинство британцев - протестантами, объяснялось скорее зависимостью прессы, чем какой-либо другой причиной. Оригинальность была отброшена, люди в какой-то степени не приспособлены к свободным дебатам, лежащим в основе самоуправления, надежда на терпимость была разрушена, и открылся путь, который привел к религиозным войнам.

[1] Матфея xiii, 28-30.

{425}

ГЛАВА IX

ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЫ

РАЗДЕЛ 1. ИСПАНИЯ

[Примечание: Реформация, Ренессанс и исследования]

Если сквозь призму истории мы разложим белый свет цивилизации шестнадцатого века на его составные части, то особенно ярко проявятся три цвета: лазурный "свет Евангелия", как любовно называли его реформаторы в Германии, золотой луч Возрождения в Италии и кроваво-красное пламя исследований и завоеваний, озаряющее Пиренейский полуостров. Трудно решить, какое из трех движений внесло наибольший вклад в современную культуру. Каждое из них начиналось отдельно, постепенно распространяясь, пока не вступило в контакт и, таким образом, не вступило в конкуренцию и окончательно не смешалось с другими движениями. Именно срединные земли, Франция, Англия и Нидерланды, чувствуя импульсы со всех сторон, выработали самый разумный и сильный синтез. В то время как Германия почти покончила с собой мечом духа, в то время как Италия погрузилась в сладострастное оцепенение декадентского искусства, в то время как Испания пошатнулась под грузом незаработанных западных богатств, Франция, Англия и Голландия, взяв понемногу от каждого из своих соседей и не слишком много ни от кого, стали сильными, хорошо сбалансированными, блестящими государствами. Но если в конечном итоге Германия, Италия и Испания пострадали от чрезмерной специализации, то на данный момент стимул новых идей и новых возможностей дал каждому своего рода лидерство в своей собственной сфере. В то время как Германия и Италия были заняты завоеванием царств духа и разума, Испания почти завоевала империю на суше и на море.

{426} [Примечание: Фердинанд, 1479-1516 и Изабелла, 1474-1504]

Фундамент ее национального величия, как и величия стольких других держав, был заложен в союзе различных государств, на которые она когда-то была разделена. За браком Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской последовал ряд мер, которые вывели Испанию на лидирующие позиции в Европе, изгнали чуждые расовые и религиозные элементы из ее

населения и закрепили за ней обширную колониальную империю. Завоевание Гранады у мавров, приобретение Сердани и Руссильона у французов и аннексия Неаполя удвоили владения Львов и Замков и положили начало гордой стране на пути к империи. Это правда, что в конце концов Испания исчерпала себя, пытаясь сделать больше, чем могли сделать даже ее молодые державы, но на какое-то время она сохранила гегемонию христианского мира. Тот же год, когда была открыта Америка [1492 г.] и оккупирована Альгамбра, также был отмечен изгнанием или принудительным обращением евреев, из которых 165 000 покинули королевство, 50 000 были крещены и 20 000 погибли в расовых беспорядках. Государственная мудрость Фердинанда проявилась в более благоприятном свете в мерах, принятых для того, чтобы заставить дворян, какими бы феодальными анархами они ни были, бояться закона. Чтобы занять их место в правительстве страны, он создал новую бюрократию, которая также, в некоторой степени, узурпировала полномочия кортесов Арагона и кортесов Кастилии. [Примечание: Фрэнсис Хименес де Сиснерос, 1436-1517] Тем временем великий кардинал Хименес провел заметную реформу церкви в области морали и образования, если не в доктрине.

[Примечание: Карл V, 1516-1556]

Когда Карл, внук католических королей, наследовал Фердинанду, он уже был, через своего отца, эрцгерцогом Филиппом, сеньором Бургундии и Нидерландов и наследником Австрии. Его избрание императором сделало его в возрасте девятнадцати лет {427} величайшим принцем христианского мира. Для выполнения своей гигантской задачи он привнес все искупительные качества серости, ибо его посредственность и умеренность послужили его народу и его династии лучше, чем блестящие дары и безграничные амбиции. "Никогда, - как сообщается, сказал он в 1556 году, - я не стремился к всеобщей монархии, хотя казалось, что достичь ее вполне в моих силах". Хотя долгая война с Францией всегда, до самого последнего, оборачивалась в его пользу, он никогда не использовал свое преимущество до такой степени, чтобы сокрушить своего врага до основания. Но в Германии и Италии, не меньше, чем в Испании и Нидерландах, он, наконец, достиг чего-то большего, чем гегемония, и чего-то меньшего, чем абсолютная власть.

[Примечание: Восстание коммун]

Хотя Испания извлекла выгоду из его мирового могущества и стала столицей его обширной империи, "Карл Гентский", как его называли, поначалу не считал испанцев послушными подданными. Всего через несколько лет после его восшествия на престол вспыхнуло великое восстание, или, скорее, два великих синхронных восстания, одно в Кастилии и одно в Арагоне. Недовольства в Кастилии были частично экономическими, из-за *servicio* (налога) и вывоза денег из королевства, а частично национальными, направленными против чужого короля и его иностранных чиновников. Не только регент Адриан Утрехтский, но и многие важные чиновники были северянами, и когда Карл покинул Испанию, чтобы короноваться императором, [Прим. автора: 1520] национальная гордость больше не могла выносить унижения от подчиненной роли. Восстание кастильских коммун началось с дворянства и распространилось от них на низшие классы. Даже вельможи объединили свои силы с повстанцами, хотя больше из страха, чем из сочувствия. Различные восставшие коммуны сформировали центральный совет, Санта-хунту, и выдвинули программу, вновь утверждающую права кортесов на рассмотрение жалоб. Некоторое время не встречая сопротивления, восстание распалось {428} из-за действия его собственных центробежных сил, разобщенности и отсутствия руководства. Итак, в конце

концов, когда правительство, снабженное небольшим отрядом немецких наемников, нанесло удар по полю Вильялар, повстанцы потерпели жестокое поражение. [Примечание: апрель 1521 г.] Несколько городов продержались дольше, Толедо последним; но один за другим они уступали, частично силе, частично мудрой политике уступок и возмещения ущерба, которой придерживалось правительство.

В наше время Барселона и восточное побережье Испании были рассадником революционной демократии и радикального социализма. Тем не менее, восстание в Арагоне, известное как Эрмандад (Братство), современное восстанию в Кастилии, не только началось раньше и длилось дольше, но и носило гораздо более радикальный характер. Здесь не было дворян, выражающих свое пренебрежение к иностранному королю, но здесь торговые гильдии восстали во имя равенства как против монарха, так и против дворян. Две особые причины довели ярость населения до белого каления. Первой был спад средиземноморской торговли из-за подъема атлантической торговли; другой был расовый элемент. Валенсия была в основном населена маврами, самыми трудолюбивыми, трезвыми и бережливыми, а следовательно, и самыми прибыльными испанскими рабочими. Расовая ненависть, столь глубоко укоренившаяся в природе человека, усугубляла жестокость классового конфликта. Обе стороны были разорены войной, которая, начавшись в 1519 году, тянулась несколько лет, пока пролетариат не был полностью разгромлен.

[Кортесы]

Вооруженный триумф правительства едва ли нанес ущерб народным свободам, закрепленным в конституции кортесов Кастилии. Когда Карл стал королем, этот орган не был, как другие парламенты, обычно представительным собранием трех сословий, а состоял всего лишь из депутатов восемнадцати кастильских городов. Только в особых случаях, таких как коронация, дворяне и духовенство приглашались для участия. Его великая власть заключалась в установлении налогов, хотя каким-то образом ему так и не удалось, в отличие от английской палаты общин, поставить удовлетворение жалоб в зависимость от субсидии. Но все же власть представляла собой нечто такое, чего ни Карл, ни Филипп обычно не осмеливались нарушать. При них обоих заседания кортесов были частыми.

Хотя полномочия кортесов никогда не подвергались прямым нападкам, они пришли в упадок из-за роста обширных интересов, находящихся за пределами их компетенции. Руководство внешней политикой, столь поглощавшее Карла, и обеспечение огромных и растущих коммерческих интересов было доверено не представителям народа, а Королевскому совету Кастилии, назначаемому органу из девяти юристов, трех дворян и одного епископа. Хотя и не полностью, но все же относительно, функции кортесов уменьшились, пока не стали не более чем функциями провинциального совета.

Что примирило народ с концентрацией новой власти в руках безответственного совета, так это очевидный ослепительный успех испанской политики на протяжении большей части шестнадцатого века. Ни одно знамя не поднималось так высоко, как знамя со Львами и Замками; ни одно войско в мире не могло устоять против ее знаменитых полков; ни один полководец не был равен Кортесу и Альве; ни один государственный деятель не был способнее Пармы, ни адмиралы, вплоть до Армады, более отважные, чем Магеллан[1] и Дон Джон, ни защитники церкви от еретиков и неверных, как Лойола и Ксавье.

[Примечание: Испанская империя]

То, что такая империя, какой мир не видел со времен Рима, за одну жизнь достигла своего зенита и за гораздо более короткое время пришла в упадок, оказавшись на грани разорения, является одной из мелодрам истории. Возможно, на самом деле Испания никогда не была такой великой, какой казалась, и ее падение не было таким полным, каким казалось. Но {430} явления, такие, как они есть, в достаточной степени требуют объяснения.

Прежде всего поражает случайный, можно даже сказать, неестественный характер империи Габсбургов. В то время как союз Кастилии и Арагона, объединивший соседние народы и удовлетворивший политическую потребность, был источником реальной силы, последующее приращение итальянских и бургундских территорий скорее уменьшило, чем увеличило эффективную мощь испанского государства. Филипп был бы намного сильнее, если бы его отец отделил от короны не только Австрию и Священную Римскую империю Германии, но и Нидерланды. Восстания Голландской республики было само по себе почти достаточно, чтобы разрушить Испанию. Нельзя также сказать, что итальянские государства, завоеванные мечом Фердинанда или Карла, были ценным присоединением к испанскому могуществу.

[Примечание: Колонии]

Совершенно иной по своей природе была колониальная империя, но в этом она напоминала другие неожиданные доходы дома Габсбургов, поскольку это было почти случайное, непрошеное приобретение. Генуэзский моряк, который ходил по разным дворам Европы, выпрашивая несколько кораблей, на которых можно было бы преодолеть водный путь в Азию, имел в своем нищенском кошельке все королевства нового света и их славу. В течение нескольких лет Испания пила, пока не опьянела от завоеваний и золота Америки. То, что напиток на мгновение подействовал как стимулятор, прочистив ей мозги и придав силы для доблестных поступков, но в том, что в конце концов она пострадала от буйного разгула, сомневаться не приходится. Вскоре она поняла, что все, что блесит, - это не богатство, и что отрасли, перенасыщенные металлом и испытывающие нехватку сырья, должны погибнуть. Незаработанная монета оказалась волшебным золотом в ее сундуках, превратившимся в коричневые листья и пыль, когда она захотела ею воспользоваться. Он стал наркотиком на ее рынках; его нельзя было законно экспортировать, и никакое {431} количество его не позволило бы купить много честного труда у ленивого населения, питающегося фантазиями о богатстве. Современный царь Мидас, над владениями которого никогда не заходило солнце, был проклят особой и для него необъяснимой потребностью во всем, что, как предполагалось, можно купить за деньги. Его армии взбунтовались, его корабли сгнили, и никогда его растущие доходы не могли сравняться с гораздо более быстро растущими расходами его бюджета.

Бедность народа была в значительной степени виной правительства, которое проводило налогово-бюджетную политику, идеально рассчитанную на то, чтобы нанести удар по самим источникам богатства. В то время как под гнетом невежественного патернализма несчастная Испания страдала от истощения, за ней ухаживал врач, который пытался вылечить ее болезнь с помощью кровопускания. Были люди и похуже Филиппа II, [Прим. автора: Филипп II, 1556-98] но вряд ли нашелся кто-то, кто заставил большекрови течь из вен их собственного народа. Его жизнь - доказательство того, что благонамеренный фанатик может причинить больше вреда,

чем самый отъявленный развратник. "Я бы предпочел потерять все свои королевства, - заявил он, - чем допустить свободу религии". И снова, обращаясь к человеку, осужденному инквизицией за ересь: "Если бы мой собственный сын был таким же извращенцем, как ты, я бы сам нес хворост, чтобы сжечь его". Последовательно, кропотливо, не останавливаемый никакими страданиями или ужасом, он преследовал свою цель. Он не боялся тяжелой работы, ежедневно набрасывая своим офицерам кипы подробных указаний. Его упрямое спокойствие было невозмутимым; он печально относился к своим удовольствиям — женщинам, *самовнушению* и победам - и ничуть не дрогнув перенес такие огорчения, как смерть четырех жен, рождение сына-урода и потерю Армады и Нидерландов.

Внешняя политика Испании становилась все более и более поляризованной в связи с ростом английской морской мощи. Даже при Карле, когда Франция была главным врагом, {432} [Примечание: Испания против Англии] Габсбурги видели желательность завоевания Англии как стратегического пункта для своей всемирной империи. Эта политика проводилась путем чередования союза с враждебностью. В течение шести лет своего отрочества Карл был помолвлен с Марией Тюдор, сестрой Генриха VIII, которой он послал кольцо с надписью: "Мария выбрала лучшую часть, которая не будет отнята у нее". Однако его собственная драгоценная персона была отнята у нее, чтобы быть подаренной Изабелле Португальской, от которой он зачал Филиппа. Когда этот сын наследовал ему, несмотря на небольшие неприятности, связанные с разводом Генриха VIII, он посоветовал ему снова жениться на англичанке, и Филипп вскоре стал мужем королевы Марии. После ее смерти, не оставив потомства, он тщетно ухаживал за ее сестрой, пока ее протестантские пираты постепенно не втянули его в нежелательную войну.

Несмотря на все, что он мог сделать, чтобы лишиться благосклонности фортуны, она еще много лет продолжала улыбаться своему дорогому Габсбургу. После морской катастрофы, нанесенной турками испанцу у берегов Триполи, побежденная держава оправилась и отомстила великой морской победой при Лепанто в октябре 1571 года. Блеск, приданный Львам и замкам этим важным успехом, был намного затмеваем приобретением Португалии и всех ее колоний в 1581 году. Хотя Филипп и не был ближайшим наследником, он был самым сильным и с помощью подкупа и угроз завоевал уважение португальской знати после смерти престарелого короля Генриха 31 января 1580 года. В течение шестидесяти лет Испания владела меньшей страной и, что было для нее важнее, колониями в Ост-Индии и Африке. О такой огромной империи еще не слышали и не представляли себе возможной в мировой истории. Неудивительно, что ее блеск ослеплял глаза не только современников, но и потомков. Согласно Маколею, {433} власть Филиппа была равна власти Наполеона, и его крушение - самый поучительный урок в истории о том, как не следует управлять.

Насколько пустым было это подобие могущества, продемонстрировали первые стойкие народы, которые осмелились испытать его, сначала голландцы, а затем Англия. История Армады уже была рассказана. Ее подготовка ознаменовала собой вершину усилий Филиппа и его некомпетентности. Ее уничтожение стало жестоким ударом по его гордости. Но в Испании, за исключением временной финансовой паники, после 1588 года дела шли почти так же, как и до нее. Полный расцвет испанской культуры, великолепной благодаря Веласкесу и благоухающей благодаря Сервантесу и Кальдерону, последовал за поражением Армады.

[Примечание: Война с маврами]

Дело в том, что Испания гораздо больше страдала от внутренних беспорядков, чем от иностранных налогов. Главной причиной ее бед было присутствие среди ее народа большого количества мавров, которых ненавидели как за их расу, так и за их религию. С капитуляцией Гранады маврам было гарантировано принятие ислама, но эта терпимость продлилась всего шесть лет, когда вышел указ о том, что все должны креститься или эмигрировать из Андалусии. Однако в Арагоне, всегда независимом от Кастилии, они продолжали пользоваться религиозной свободой. Карл на своей коронации принес торжественную клятву уважать веру ислама в этих землях, но вскоре после этого, напуганный ростом ереси в Германии, он обратился к Клименту с просьбой освободить его от клятвы. Эта санкция недобросовестности, поначалу достойно удерживаемая, [Прим. автора: 1524] была, наконец, предоставлена, и за ней незамедлительно последовал общий приказ об изгнании или обращении в другую веру. Теперь по всей Испании бедные мориски стали систематически подвергаться грабегам и преследованиям со стороны тех, кто решал это делать. С них требовали всевозможных налогов, десятины, сервитутов и штрафов {434}. Последней каплей, сломившей стойкость народа, испытанного всеми видами тирании и вымогательства, стал эдикт, предписывающий всем маврам изучать кастильский в течение трех лет, после чего использование арабского языка должно было быть запрещено, запрещались все мавританские обычаи и костюмы и строго предписывалось посещение церкви.

Поскольку мавры были предварительно разоружены и у них не было военной дисциплины, восстание казалось советом отчаяния, но оно последовало. Население восстало в бессильной ярости и в течение трех лет бросало вызов мощи испанской империи. Но результат не вызывал сомнений. Голое крестьянство не могло противостоять дисциплинированным батальонам, которые доказали свою доблесть на каждом поле боя от Мексики до Леванта и от Саксонии до Алжира. Это была не война, а резня и мародерство. Вся Андалусия, самая цветущая провинция Испании, прекрасная своими заснеженными горами, плодородная своими возделанными долинами и приятная мирным трудом людей, была охвачена вселенской бурей резни и пламени. Молодые люди либо погибли, сражаясь с ужасающим противником, либо были зарезаны после того, как сдались в плен. Те, кто пытался бежать в Африку, обнаружили, что пути к бегству перекрыты безжалостными толедскими клинками. На стариков охотились, как на диких зверей; женщин и маленьких детей продавали в рабство, чтобы они трудились под плетью или делили ненавистное ложе завоевателя. Резня стоила Испании 60 000 жизней и трех миллионов дукатов, не говоря уже о том вреде, который она нанесла ее духу.

[1] Португалец на испанской службе.

РАЗДЕЛ 2. РАЗВЕДКА

[Примечание: Раздел Нового Света между Испанией и Португалией]

Когда Колумб вернулся с восторженными рассказами об открытой им "Индии", ценность его работы была сразу оценена по достоинству. Немедленно началась та борьба за колониальную власть, которая поглотила так много энергии европейских наций. Ввиду португальских открытий в Африке было сочтено необходимым выделить "сферы влияния" сразу двух держав, и, инстинктивно апеллируя к единому авторитету, претендующему на звание международного, испанское правительство немедленно обратилось к папе Александру VI за подтверждением на вновь обретенных территориях. Действуя по предложению Колумба провести линию испанского влияния в ста лигах к западу от любого из островов Зеленого Мыса или Азорских островов, папа

с великолепной самоуверенностью издал буллу "*Inter caetera divinae*", [Примечание: 4 мая 1493 г.] из своей собственной щедрости и в силу авторитета Петра, навсегда передающую Кастилии "все владения, лагеря, посты и деревни со всеми правами юрисдикцией, относящимися к ним", к западу от параллели, и оставляющую Португалии все, что попадало к ней в руки". к востоку от него. Португалия немедленно запротестовала, заявив, что линия проходит слишком далеко на восток, и по Тордесильяскому мирному договору; [Прим. автора: 1494] она была перенесена на 370 лиг к западу от островов Зеленого Мыса, таким образом, оказавшись между 48-й и 49-й параллелями долготы. Намерение, несомненно, состояло в том, чтобы передать Испании все земли непосредственно к западу от Атлантики, но на самом деле Южная Америка простирается так далеко на восток, что часть ее территории, позже названная Бразилией, досталась Португалии.

[Примечание: испанские авантюристы]

Испания, не теряя времени, осваивала свои новые владения, в течение следующего столетия сотни кораблей перевозили десятки тысяч искателей приключений искать счастья на западе. Ибо большинство из них отправились туда не как колонисты, а в духе крестоносцев, странствующих рыцарей и пиратов. Если и есть что-то парадоксальное в том, что художники создали естественную красоту, то правильнее было бы сказать, что испанские романсы создали испанскую колониальную империю. Мужчины, отправившиеся в великое приключение, наслаждались рассказами о паладинах и гиппогрифах, о заколдованных дворцах и фонтанах молодости, о чудесно прекрасных женщинах, которых спасали, а затем забирали рыцари. Они читают в книгах о путешествиях, претендующих на то, чтобы рассказывать трезвую правду, о сатирах и пурпурных единорогах, о людях, которые закидывают ноги за голову вместо зонтиков, и о других людях, чьи головы растут между плеч. Неудивительно, что, отправившись в незнакомую страну, они обнаружили Реку Жизни в Ориноко, колонии амазонок в джунглях и Эльдорадо, страну золота, среди богатств Мексики и Перу! Свидетельством творческого настроения Европы, а также силы пера является то, что весь континент был назван не в честь его первооткрывателя, а в честь человека, написавшего лучшие романы — в основном художественные — о своих путешествиях по нему.

[Примечание: Эксплуатация туземцев]

На Больших Антильских островах, где Испания основала свои первые колонии, ее правление проявило себя наихудшим образом. Мягкая местная раса, карибы, почти полностью исчезла в течение полувека. По лучшим современным оценкам, если в 1493 году коренное население Эспаньолы (Гаити) составляло от 200 000 до 300 000 человек, то к 1548 году там осталось едва ли 5000 индейцев. Отчасти вымирание туземцев было вызвано новыми болезнями и пороками цивилизации, но в гораздо большей степени бессердечной эксплуатацией их завоевателями. Бартоломео де лас Касас, первый священник, прибывший на этот несчастный остров, рассказывает истории об испанской жестокости, которые были бы невероятны, если бы их не так хорошо поддерживали. Собственными глазами он видел, как за один раз были убиты 3000 безобидных индейцев; из другой партии в 300 человек он заметил, что в течение нескольких месяцев более половины погибло на каторжных работах. И снова он увидел 6000 индийских детей, приговоренных к работе в шахтах, из которых мало кто или вообще никто надолго не выжил. Напрасно булла Павла III объявляла индейцев способными стать христианами и запрещала их порабощение. Тщетно испанское правительство пыталось смягчить хотя бы часть

тягот, выпавших на долю туземцев, [Прим. автора: 1537] распорядившись, чтобы их хорошо кормили и платили. Искушение эксплуатировать их было слишком велико, и когда они погибли, испанцы заменили их, импортировав негров из Африки, народ более крепкого сложения.

Испанские исследования, за которыми последовали редкие поселения, вскоре открыли большую часть Америки к югу от широты нынешнего города Сан-Франциско. Из многих экспедиций в непроходимую пустыню лишь немногие окупались финансово; большинство было истощением ресурсов метрополии. В каждом месте, где ступала нога испанца, туземец трепетал и, самое большее, после одной отчаянной борьбы падал, чтобы больше никогда не ослабить хватку завоевателя на своем горле или не отодвинуть колено завоевателя от своей груди. Даже самые храбрые были беспомощны, как дети, перед воинами, вооруженными громом и скачущими верхом на неизвестных чудовищах.

Но нигде, кроме островов, коренные народы не исчезли полностью, как это произошло в английских поселениях. Испанцы пришли не как пуритане, как ремесленники и землепашцы, намеревающиеся основать новые дома, а как военные завоеватели, которым потребовалась раса илотов, чтобы трудиться на них. Какое-то время царила анархия; капитаны не только грабили индейцев, но и яростно сражались друг с другом за большее пространство — больше места в бескрайней дикой местности! Однако в конце концов условия стали более стабильными; Испания установила свой эффективный контроль, свой язык, религию и институты над обширным регионом, сделав для Южной Америки то, что когда-то сделал для нее Рим.

Любитель приключений найдет щедрую награду, проследив за открытием Миссисипи Де Сото, Флориды Понсе де Леонем и всего течения Амазонки Орельяной, которая плыла по ней из Перу, или прочитав о Бальбоа, "когда орлиным взором он смотрел на Тихий океан". Решительный человек вряд ли мог отправиться в путешествие, не наткнувшись на какую-нибудь могучую реку, какой-нибудь обширный континент или какой-нибудь неизмеримый океан. Но среди всех этих сказок [Примечание переписчика: волшебных сказок?] есть такие, которые настолько чудесны, что их сочли бы слишком экстравагантными самые смелые писатели-романтики. То, что один военачальник с четырьмя сотнями человек, а другой с двумя сотнями, каждый из которых должен выступить против обширной и густонаселенной империи, разбить их армии с перевесом сто к одному, предать их королей мечу, а их храмы — факелу, и после всего этого собрать такой урожай золота и драгоценных камней, о количестве которого раньше никто и не слышал, - все это встречается нам не в рассказах Ариосто или Дюма, а на страницах подлинной истории.

[Завоевание Мексики]

На мексиканском плоскогорье жили ацтеки, самые цивилизованные и воинственные из аборигенов Северной Америки. Их государственное устройство было спартанским военным деспотизмом, их религия была самой ужасной из известных человеку. Перед их храмами были сложены пирамиды из человеческих черепов; божества умиротворялись человеческими жертвоприношениями, а иногда, согласно богоубийственным и теофагическим обрядам, общим для многих примитивных суеверий, сами приносились в жертву в виде изображения или в лице прекрасной пленницы, и их мясо съедалось в ритуальном каннибализме. Хотя цивилизация ацтеков, произошедшая от более ранних и, возможно, более развитых майя, едва ли была такой высокой, как у древних египтян, они достаточно развивали искусство, чтобы разрабатывать

золотые и серебряные рудники и чеканить из драгоценных металлов сложные и массивные украшения.

Когда слухи об их богатстве достигли Кубы, казалось, что мечта об Эльдорадо наконец сбылась. Эрнандо Кортес, культурный, решительный, храбрый и {439} политизированный лидер, собрал отряд из четырехсот белых мужчин с небольшим отрядом артиллерии и кавалерии и в Страстную пятницу 1519 года высадился в местечке, которое сейчас называется Вера-Крус, и двинулся маршем на столицу. Раса воинов, которые не находили удовольствия ни в чем, кроме резни, была ошеломлена, отчасти древним пророчеством о пришествии бога, который покорит землю, отчасти странным и ужасным оружием захватчиков. Более того, их соседи и подданные были готовы восстать против них и стать союзниками испанцев. Через несколько месяцев многолюдных сражений и резни они лежали сломленные и беспомощные у ног дерзкого завоевателя, который незамедлительно прислал в Испанию восторженный отчет о своей новой империи и дань золотом и серебром. Альберт Дюрер в августе 1520 года видел в Брюсселе "вещи, привезенные королем из новой золотой земли", и описывает их в своем дневнике как включающие "целое золотое солнце, сажень в ширину, и целую серебряную луну того же размера, и две комнаты, полные такого же рода доспехов, а также всевозможного оружия, амуниции и луков, замечательных щитов ... в общей сложности оцененных в сто тысяч гвидонов. И за всю свою жизнь, - добавляет он, - я никогда не видел ничего, что так радовало бы мое сердце, как эти вещи".

[Завоевание Перу]

Если художник, знакомый с королями, дворами и крупнейшими рынками Европы, мог писать таким образом, что удивительного в том, что воображение всего мира воспламенилось? Золотое солнце и серебряная луна были для всех мужчин, которые видели их, как груди Елены, солнцем и луной, желанными сердцами, чтобы заманить их за западные волны. Через двенадцать лет после Кортеса пришел Писарро, который с еще меньшими силами завоевал еще более богатую и цивилизованную империю. Инки, в отличие от мексиканцев, были мягкой расой, жившей в условиях своего рода теократического социализма, при котором император, как бог, осуществлял абсолютную власть над своими подданными и в свою очередь заботился, по крайней мере, об их общих нуждах. Испанцы превзошли самих себя в актах предательства и крови. Напрасно император Атауальпа, добровольно отдав себя в руки Писарро, наполнил комнату, служившую ему тюрьмой высотой в девять футов, золотом в качестве выкупа; когда он больше ничего не мог дать, его судили по нелепым обвинениям в измене Карлу V и ереси, и он был казнен на костре. Писарро хладнокровно прикарманил доселе немыслимую сумму в 4 500 000 дукатов, [1] что по нашим меркам составляет более ста миллионов долларов.

[Примечание: Кругосветное плавание, 1519-22]

Но венцом эпохи открытий стало кругосветное плавание. Руководителем великого предприятия, положившего печать господства человека на земле, был Фердинанд Магеллан, португалец на испанской службе. С флотом из пяти судов, только одно из которых опоясало весь мир, и с экипажем примерно из 275 человек, из которых только 18 вернулись с победой, он отплыл из Европы. [Примечание: 20 сентября 1519 г.] Двигаясь вдоль побережья восточной части Южной Америки, [21 октября 1519 г.] исследуя заливы и реки, он вошел в проливы, носящие его имя, и преодолел 360 миль за тридцать восемь дней. Пройдя вдоль побережья некоторое расстояние на север, он пересек Тихий океан, широту которого сильно недооценивал. В течение девяноста

восьми дней восточный пассат гнал его, ни разу не увидев земли, кроме двух необитаемых островов, в то время как его команда терпела крайние меры голода, жажды и цинги. Наконец он добрался до островов, которые из-за вороватых наклонностей их обитателей назвал Ладронами, совершив свою первую высадку на Гуаме. Потратив здесь всего три дня на ремонт и провизию, он снова отплыл 9 марта [Прим. автора: 1521] и неделю спустя открыл острова, известные с 1542 года как Филиппины. {441} В экспедиции против дикого вождя великий вождь встретил свою смерть 27 апреля 1521 года. Как и другие моряки, и поскольку он сам тоже раньше бывал так же далеко на востоке, как сейчас, он практически завершил кругосветное плавание. Самый великолепный триумф эпохи открытий почти с точностью до дня совпал со временем, когда Лютер совершал самое славное деяние Реформации в Вормсе.

[Примечание: сентябрь 1522 г.]

Корабль Магеллана "Виттория" плавал под командованием Себастьяна дель Кано и, наконец, с тридцатью одним человеком, из которых только восемнадцать отправились в плавание на нем, вернулся в Португалию. Люди, разорвавшие одну из уз древнего мира, были, тем не менее, глубоко обеспокоены странной средневековой щепетильностью. Таинственным образом потеряв день, следуя за солнцем в его движении на запад, они понесли епитимью за то, что отмечали посты и праздники церкви в неправильные даты.

[Примечание: исследование португальского языка]

В то время как Испания расширяла свои владения на запад, маленькая Португалия создавала еще большую империю в обоих полушариях. В пятнадцатом веке этот выносливый народ, прикованный к своему побережью и не имеющий возможности расшириться внутрь страны, увидел, что их будущее связано с водой. Для обладателя морской мощи океан превращает каждую граничащую с ним сушу в границу, уязвимую для него и непроницаемую для врага. Первые предприятия португальцев, естественно, были сосредоточены в близлежащих землях, на побережье Северной Африки и островах, известных как Мадейра и Азорские острова. Нашупывая путь на юг вдоль африканского побережья, они достигли мыса Доброй Надежды, но не сразу продвинулись намного дальше. [Прим. автора: 1486 или 1488] Этот путь в Индию был прерван только одиннадцать лет спустя, когда Васко да Гама после очень смелого путешествия [Прим. автора: 1497-8] — он провел девяносто три дня в море, пройдя 4500 миль от островов Зеленого Мыса до Южной Африки — достиг Каликута 20 мая 1498 года. Этот город, ныне затонувший в море, был тогда {442} самым процветающим портом на Малабарском побережье, полностью эксплуатируемым мусульманскими торговцами. Пряности долгое время были основным продуктом венецианской торговли с Востоком, и когда он вернулся с богатым грузом пряностей, немедленное воздействие на Европу было большим, чем от путешествия Колумба. Торговля стремится следовать линии наименьшего сопротивления, и создание водного пути между Европой и Востоком было подобно соединению двух электрически заряженных тел в лейденской банке медной проволокой. Ток больше не пропускаться через плохую среду, а легко проходил по более качественному проводнику. Коммерческие последствия открытия были оценены с большей скоростью, чем это было возможно в то время. Торговля в Леванте прекратилась, и центр тяжести был перенесен из Средиземноморья в Атлантику. В то время как Венеция приходила в упадок, Лиссабон с грибовидной скоростью поднимался до положения великого торгового центра европейской океанской торговли, пока его, в свою очередь, не вытеснил Антверпен.

Вскоре Да Гаме стали подражать и другие. [Примечание: 1500] Кабрал основал торговые поселения в Каликуте и соседнем городе Кочин и вернулся домой с неслыханными богатствами в виде специй, жемчуга и драгоценных камней. [Примечание: 1503] Да Гама вернулся и бомбардировал Каликут, а Фрэнсис д'Алмейда был назначен губернатором Индии [Примечание: 1505] и попытался укрепить там португальскую власть на основе правильного принципа, согласно которому тот, кто был владыкой моря, был владыкой полуострова. Грубые методы португальцев и их конкуренция с арабскими торговцами сделали войну между двумя соперниками неизбежной. К другим причинам вражды добавилась религиозная, поскольку, подобно испанцам, португальцы пытались совместить в себе характеры торговцев и миссионеров, пиратов и крестоносцев. Когда первого из моряков Да Гамы, высадившегося в Каликуте, спросили, чего он добивается, в его лаконичном ответе "Христиан и специй" было столько же правды, сколько и эпиграмматической аккуратности.

[Примечание: жестокость португальцев по отношению к индейцам]

Если бы португальцы относились к индусам гуманно, они нашли бы в них союзников против мусульманских торговцев, но все они, не исключая своего величайшего государственного деятеля Альфонсо д'Альбукерке, проводили политику устрашения. Когда Да Гама встретил арабский корабль, после разграбления он взорвал его порохом и оставил тонуть в огне, в то время как женщины на борту с жалобными криками поднимали своих младенцев, чтобы тронуть сердце этого рыцаря Христа и маммоны. Без малейших угрызений совести Альбукерке рассказывает в своих комментариях, как он сжигал индейские деревни, предавал смерти часть их жителей и приказывал отрезать носы и уши выжившим.

[Примечание: Торговля]

Тем не менее, португальцы получили то, что хотели, - богатую торговлю на Востоке. Альбукерке, не сумев взять штурмом Каликут, захватил Гоа дальше на север и сделал его главным торговым центром. Но вскоре они почувствовали необходимость обосноваться дальше на востоке, поскольку, пока арабы удерживали Малакку, где специи были дешевле, у пришельцев не было монополии, к которой они стремились. Соответственно, Альбукерке захватил этот город на Малайском проливе, [Прим. автора: 1511] который, хотя сейчас и утратил свое значение, был тогда Сингапуром или Гонконгом на Дальнем Востоке. Были исследованы Суматра, Ява и северное побережье Австралии, Молуккские острова были куплены у Испании за 350 000 дукатов, и даже отважные торговцы добрались до Японии и Китая. Тем временем посты были установлены по всему западному и восточному побережью Африки и на Мадагаскаре. Но куда бы португальцы ни направлялись, они искали коммерческую выгоду, а не постоянное поселение. Китайский наблюдатель метко сравнил их с рыбами, которые погибают, если их выловить из моря, - они основали империю огромной протяженности из невероятной худобы.

{444} [Примечание: Бразилия]

Единственным исключением из этого правила, причем важным, была Бразилия. Наименее эффектная из колоний и та, которая приносила наименее быструю прибыль, в конечном итоге стала второй и великой Португалией, обогнав метрополию по численности населения и разделив Южную Америку почти поровну с Испанией. Во многих отношениях заселение этой колонии англичанами больше напоминало заселение Северной Америки, чем насильственные и поверхностные завоевания Испании. Поселенцы прибыли сюда не столько как искатели

приключений, сколько как искатели дома, и некоторые из них бежали от религиозных преследований. Великий источник богатства, сахарный тростник, был завезен с Мадейры в 1548 году, а в следующем году метрополия прислала королевского губернатора и несколько войск.

[Примечание: Упадок Португалии]

Но даже больше, чем Испания, Португалия переоценила свои силы в погоне за внезапным богатством. Чаша, которую ее моряки забрали у великолепной восточной чародейки, содержала тонкий преображающий наркотик, смешанный со специями, в результате чего они превратились если не в животных, то, по крайней мере, в жителей Востока или африканцев. В то время как Лиссабон рос не по дням, а по часам, сельская местность была оголена, и землевладельцы, чтобы заполнить места крестьян, ставших моряками, импортировали большое количество негритянских рабов. Таким образом, не только португальцы за границей, но и те, кто был дома, не боясь расовой антипатии, смешивали свою кровь с кровью темнокожих народов. Добавьте к этому, что торговля, какой бы чрезвычайно прибыльной она ни казалась, привела к огромной утечке населения маленького государства; и причины упадка Португалии, почти столь же внезапного, как и ее возвышения, во многом объясняются. Это произошло так быстро, что было замечено не только иностранными путешественниками, но и местными жителями. Камоэнс, хотя и посвятил свою жизнь сочинению эпоса в честь Васко да Гамы, посетовал на упадок своей страны в следующих выражениях:

{445}

О гордость империи! О тщеславная жажда

Той тщетной славы, которую мы, люди, называем славой...

Какое наказание и какие справедливые кары

Ты налагаешь на тех, кого разжигаешь ...

Ты опустошаешь наше древнее государство

До тех пор, пока рассеянность не приведет к слабости.

Не было и искусственных причин, стремившихся сделать колонии дорогостоящими, а внутреннюю казну неплатежеспособной. Губернаторы, как королевские фавориты, рассматривали свои назначения как легкий путь к быстрому обогащению, и они грабили не только жителей, но и своего царственного господина. Неэффективное и экстравагантное управление торговлей, которая была государственной монополией, являло собой прискорбный пример последствий государственной собственности. И когда это было возможно, церковь вмешивалась, чтобы добавить бремя фанатизма к бремени коррупции. Забавный пример этого произошел, когда в Гоа был привезен предполагаемый зуб Будды, за выкуп которого раджа Пегу предложил сумму, равную полумиллиону долларов. Хотя правительство было склонно продать реликвию, архиепископ запретил принимать такие испорченные деньги и приказал уничтожить реликвию.

[Примечание: 1521-80]

В самой Португалии упадку способствовали другие факторы. Начиная с восшествия на престол Иоанна III и заканчивая объединением с Испанией шестьдесят лет спустя, кортесы созывались редко. Изгнание многих евреев в 1497 году, резня и последующее изгнание Новых христиан,

или маррано, [Примечание: 1506-7] большинство из которых отправились в Голландию, положили начало эпохе разрушительного фанатизма, завершенной инквизицией.

[Примечание: Инквизиция учреждена в 1536 году] Строгая цензура прессы и просвещение народа иезуитами - все это внесло свой вклад в силы духовного упадка.

Ибо ярость религиозного рвения плохо питала истощенные силы государства, падающего в обморок от потери крови и опьянения разложением. Постепенно ее влияние на Северную Африку ослабло, пока ей не оставили только три {446} небольших поста в Марокко: в Сеуте, Арзиле и Танжере. Последняя отчаянная попытка вернуть их и наказать неверных, предпринятая молодым королем Себастьяном, закончилась катастрофой и его смертью в 1578 году. После короткого двухлетнего правления своего дяди Генриха, у которого как у кардинала не было законных наследников, Португалия слабо уступила своему сильнейшему поклоннику Филиппу II [Примечание: 1580-1640] и в течение шестидесяти лет оставалась пленницей Испании.

[Примечание: исследование других наций]

Другие народы с нетерпением столпились, чтобы схватить трезубец, который выпадал из рук иберийских народов. Среди них были Джеймс Картье из Франции, Себастьян Кэбот, сэр Мартин Фробишер, сэр Фрэнсис Дрейк из Англии и другие. Они исследовали побережье Северной Америки и искали Северо-Западный проход в Азию. Дрейк, после двух с половиной лет плавания [Примечание: 1577-80] повторил подвиг Магеллана, хотя и пошел совершенно другим курсом, следуя вдоль западного побережья Америки до Золотых ворот. Он тоже вернулся, "очень богато нагруженный золотом, серебром, шелками и драгоценными камнями", что было лучшим стимулом для дальнейших усилий. Но северные народы еще не основали постоянных и влиятельных колоний. До семнадцатого века их путешествия были либо продиктованы коммерческими мотивами, либо носили чисто авантюрный характер. В ту эпоху не было недостатка в отважных исследователях как на суше, так и на море. Льюис ди Вартема соперничал со своим соотечественником Марко Поло в обширном путешествии в первом десятилетии века. Подобно Буркхардту и Бертону в девятнадцатом веке, он посетил Мекку и Медину в качестве мусульманского паломника, а также побывал в Каире, Бейруте, Алеппо и Дамаске, а затем в далеких землях Индии и на Малайском полуострове.

[Примечание: Россия]

Может показаться странным говорить о России в связи с эпохой открытий, и все же именно в свете новой и незнакомой земли наши английские предки рассматривали ее. Путешествие Кэбота в {447} Белое море в середине века было таким же новым приключением, как и путешествие в Индию. Ричард Чэнселлор и другие последовали за ним и наладили регулярную торговлю с Москвией, [Примечание: 1553] а через нее и Каспий с Азией. Остальная Европа, к западу от Польши и турок, вряд ли слышала о России или ощущала ее влияние больше, чем сейчас ощущают степных татар.

Но как раз в это время Россия делала первые шаги на пути к тому, чтобы стать великой державой. Насколько широко действовали некоторые из влияний, действовавших в Европе, очевидно из той странной параллели, которую предлагает ее развитие с развитием ее более цивилизованных современников. Точно так же, как деспотизм, консолидация и завоевания были в порядке вещей повсюду, точно так же они были и на восточных равнинах Европы. Василий III [Прим. автора: Василий III, 1505-33] отменил права городов, знати и князей, чтобы

подчинить всю страну своему собственному самодержавию. Иван Грозный, [Примечание: Иван IV, 1533-84] называемый царем всея Руси, добавил к этой политике экстенсивного территориального расширения. Смирив татар, он приобрел много земель на юге и востоке, а затем обратил свое внимание на запад, где, однако, Польша преградила ему путь к Балтике. Как и в ее последующей истории, тогда одной из важнейших потребностей России был хороший портвейн. Другой ее потребностью было улучшение технических процессов. Предвосхищая Петра Великого, Иван пытался заставить немецких рабочих применять хорошие методы, но ему многого не удалось добиться, отчасти потому, что Карл V запретил своим подданным уезжать, чтобы усилить соперничающее государство.

[Примечание: Европа против Азии]

В то время как Европа обнаружила, что большинство других континентов под ее острым лезвием мягки, как масло, она встретила достойного соперника в Азии. Теория Геродота о том, что ход истории отмечен чередованием движений на восток и запад, была убедительно подтверждена последующими событиями {449}. В вековой схватке два континента метались взад и вперед, ни один из них не был в состоянии полностью завоевать другой. Если Македонская и Римская империи продвинули линию победы далеко на восток, то они были отомщены последовательными вторжениями гуннов, сарацин, монголов и турок. Если в течение последних четырех столетий линия снова неуклонно отодвигалась назад, пока Европа не доминировала в Азии, то далеко не факт, что это состояние будет постоянным.

В духовных вопросах Европа во многом обязана Азии и, безусловно, большей ее части семитам. Финикийский алфавит и арабские цифры - это заимствованный капитал, приносящий какой огромный узуфрукт! Прежде всего, азиатские религии — хотя величайшая из них была порождением как Эллады, так и Иудеи — завоевали весь мир, за исключением нескольких диких племен. С тех пор как крик "Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет - пророк его" пробудил арабских кочевников от векового сна, соперничество континентов проявилось именно как религиозная война. После того как ятаган вытеснил Греческую империю из Малой Азии и отрезал Испанию от христианского мира, крестовые походы и возвышение испанских королевств постепенно отбросили ее назад. Но в то время как сарацин медленно, но верно изгоняли с западного полуострова, знамя Полумесяца на востоке было захвачено расой, обладавшей военным гением, обратно пропорциональным другим ее дарованиям. [Побочное примечание: Турки] Турки, которые никогда не добавляли к искусству мира ничего более важного, чем изготовление роскошных ковров и изобретение чувственной ванны, смогли создать пушки и обучить батальоны, которые гнали армии более благородных рас до них. От разграбления Константинополя в 1453 году до осады Вены в 1529 году и даже в некоторой степени еще долгое время после этого величественное и ужасное наступление янычар угрожало всей Европе.

[Прим. автора: Селим I, 1512-20]

При султани Селиме I турецкое оружие было повернуто на восток и юг. Персия, Курдистан, Сирия и Египет были сокрушены, в то время как титул халифа, а вместе с ним и духовное руководство магометанским миром, было отнято у последнего представителя династии Аббасидов. Но именно при его преемнике Сулеймане Великолепном [Примечание: Сулейман 1520-6] знамя пророка, "оваянное багровым крылом завоевателя", было перенесено в сердце Европы. Белград и Родос были захвачены, Венгрия полностью захвачена, а Вена осаждена.

Морские подвиги Хайр-эд-дина, прозванного Барбароссой, навели ужас на все Средиземноморье от турецкого оружия, покорили Алжир и нанесли поражение христианскому флоту под командованием Эндрю Дориа.

После смерти Сулеймана Полумесяц достиг зенита своей славы. Огромной империей управляли неплохо; некоторые авторитетные источники утверждают, что правосудие при султанах осуществлялось лучше, чем при любом современном христианском короле. Иерархия должностных лиц, административных, церковных, секретарских и военных, занимала должности непосредственно при султанах, будучи мудро предоставленной им достаточной свободой для проявления инициативы, и в то же время находилась под достаточно прямым контролем, чтобы предотвратить отделение отдаленных провинций.

Международное положение неверных было аномальным. Почти каждый папа пытался возродить дух крестового похода против заклятого врага Христа, а величайший эпический поэт шестнадцатого века избрал своей темой освобождение Иерусалима в священной войне. С другой стороны, христианнейший король без труда заключал союзы с Блистательной Портой, и тот же курс поддерживался, хотя и не был принят, некоторыми протестантскими государствами Германии. Наконец, этот поборник церкви, Филипп {450} II, впервые в истории своей страны [Примечание: 1580] заключил мир с неверным султаном, признав его право на существование в обществе наций.

Шестнадцатый век, который во многом другом ознаменовал переход от средневековья к современности, в этом также стал поворотным моментом событий, поскольку прилив, вызванный Половинкой Луны к ее наводнению около 1529 года, с тех пор неуклонно, хотя и очень медленно, шел на убыль.

[1] Исходя из 2,40 доллара за дукат, по сути, это составило бы 10 800 000 долларов в то время, когда покупательная способность денег была в десять раз выше, чем сегодня.

{451}

ГЛАВА X

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

РАЗДЕЛ 1. НАСЕЛЕНИЕ

[Примечание: Единство цивилизованного мира]

Политическая история - это история государства; экономическая и интеллектуальная история - история другой группы. В наше время в эту группу входят все цивилизованные нации. Даже в политической истории есть много поразительных параллелей, но в социальном развитии и культуре недавняя эволюция цивилизованных народов была почти идентичной. Это фундаментальное единство наций укреплялось веками благодаря совершенствованию методов транспорта и связи. Формально может показаться, что в средние века белые народы были более тесно связаны друг с другом, чем сейчас. У них была одна церковь, почти идентичная юриспруденция, одна великая литература и один язык для образованных классов; они даже унаследовали от Рима идеал единого мирового государства. Но если рост национальной гордости, разделение церкви и расцвет современных языков и литератур были центробежными силами, то они были перевешены появлением новых влияний, стремящихся объединить все

народы. Место единой церкви занято общей точкой зрения, научной; место латыни как средства обучения заняли английский, французский и немецкий языки, каждый из которых сейчас более известен тем, для кого он не является родным, чем когда-либо была латынь в предыдущие века. Плоды открытий являются общими для всех народов, которые сейчас живут в схожих условиях, читают одни и те же книги и (под разными названиями) одни и те же газеты, занимаются одним и тем же бизнесом и пользуются одними и теми же предметами роскоши одинаковым образом. Даже в вопросах управления мы явно приближаемся к, возможно, отдаленной, но, по-видимому, определенной цели создания единого мирового государства.

[Примечание: Изменения в численности населения]

Поэтому при оценке экономических и культурных условий шестнадцатого века желательно рассматривать Западную Европу в целом. Одно из заметных различий между всеми странами тогда и сейчас заключается в численности населения. Не было открыто простого закона относительно причин колебаний численности людей на данной территории. Это зависит от богатства территории, но не прямо пропорционально ему; ибо можно показать, что богатство Европы за последние четыреста лет увеличилось значительно больше, чем ее население. Также нельзя обнаружить, что оно менялось прямо пропорционально совокупному объему и распределению богатства, поскольку в Англии XVI века, в то время как число людей увеличивалось, богатство концентрировалось в меньшем количестве рук почти так же быстро, как создавалось. Очевидно, что санитария и транспорт имеют большое отношение к населению определенных районов. Крупнейшие города нашего времени не могли существовать в средние века, поскольку их нельзя было ни снабжать продовольствием, ни поддерживать в надлежащем состоянии без сложных акведуков и дренажей.

Другие, более неясные факторы усугубляют проблемы народонаселения. Некоторые страны, такие как Испания в шестнадцатом веке и Ирландия в девятнадцатом веке, понесли огромные потери в результате эмиграции. Причина этого, несомненно, заключалась не в том, что рассматриваемая нация становилась абсолютно беднее, а в том, что увеличение богатства или расширение доступа к более богатым землям делало ее относительно бедной. Еще раз очевидно, что серьезные бедствия, такие как эпидемия или война, напрямую уменьшают численность населения, хотя эффект таких факторов обычно {453} временный. Насколько эффективна добровольная стерильность, остается под вопросом. Эгидиус Альбертинус, писавший в 1602 году, объяснял рост населения протестантских стран со времен Реформации отменой священнического безбрачия, и это также упоминалось в качестве причины недавним автором. Вероятно, последние названные силы оказывают очень слабое влияние; основной из них является, как утверждал Мальтус, увеличение средств к существованию.

Поскольку переписи населения были почти неизвестны в Европе XVI века за пределами нескольких итальянских городов, изучающий вынужден полагаться в своих данных на различные другие расчеты, в одних случаях достаточно надежные, в других прискорбно несовершенные. Лучшими из них являются подсчеты очагов, сделанные для целей налогообложения в нескольких странах. Другие подсчеты иногда производились в фискальных или военных, а иногда и в религиозных целях. Оценки современных наблюдателей дополняют наши знания, которые можно считать, по крайней мере, приблизительно правильными.

[Примечание: Англия и Уэльс]

Религиозная перепись 1603 года показала, что число причастившихся в Англии и Уэльсе составило 2 275 000 человек, к которым следует добавить 8475 отказавшихся. Прибавляем 50 процентов. для необобщающихся мы получаем цифру в 3 425 000 человек, что, несомненно, слишком мало. Другой расчет, основанный на записях о рождениях и смертях, дает цифру в 4 812 000 человек за 1600 год. Среднее число, равное 4 100 000, вероятно, почти соответствует действительности, из которых примерно десятая часть приходится на Уэльс. Англия значительно выросла за столетие, этот рост был особенно заметен в крупных городах. В то время как в 1534 году в Лондоне ежегодно потреблялось 150 000 четвертей пшеницы, в 1605 году этот показатель составлял 500 000. Население за то же время, вероятно, увеличилось с 60 000 до 225 000 человек. По Ирландии нельзя привести никаких сколько-нибудь значимых цифр, а по Шотландии можно только с уверенностью сказать {454}, что в 1500 году население составляло около 500 000 человек, а в 1600 году - около 700 000.

[Примечание: Нидерланды]

Перечисление очагов и коммуникантов дает хорошую основу для подсчета численности населения Нидерландов. В Голландии, крупнейшей из северных провинций, в 1514 году проживало около 200 000 человек; в Брабанте, величайшей из Южных, в 1526 году проживало 500 000 человек. Население крупнейшего города, Антверпена, в 1526 году составляло 88 000 человек, в 1550 году - около 110 000. В то же время примечательно, что в 1521 году Гент произвел на Дюрера впечатление величайшего города, который он видел в Нидерландах. На всей территории Нидерландов, включая Голландию и Бельгию, и немного больше на границах, население составляло в 1560 году около 3 000 000 человек. Это та же цифра, что и у Льюиса Гвиччардини за 1567 год. Позже в том же столетии страна пострадала от войны и эмиграции.

[Примечание: Германия]

Отсутствие единого правительства и большое разнообразие условий затрудняют оценку численности населения Германии. Бранденбург, имевший в 1535 году площадь в 10 000 квадратных миль и население от 300 000 до 400 000 человек, был удачно сравнен по размерам и численности с нынешним штатом Вермонт. В 1554 году население Баварии составляло 434 000 человек; в 1596 году - 468 000. В Вюрцбурге в 1538 году было всего 12 000 человек; в Гамбурге в 1521 году - 12 000, а в 1594 году - 19 000. В 1550 году в Данциге насчитывалось около 21 000 человек. Самым крупным городом в центральной Германии, если не во всей стране, — как утверждал хронист в 1572 году, — был Эрфурт, население которого в 1505 году составляло 32 000 человек. Это был центр зарождающейся саксонской промышленности, горнодобывающей промышленности и торговли. Любек, Кельн, Нюрнберг и Аугсбург равнялись или, возможно, превосходили его по размерам и, безусловно, по богатству. Общее население Немецкой Швейцарии составляло более 200 000 человек. Все немецкоязычное население Центральной Европы составляло, возможно, двадцать миллионов {455} в 1600 году, хотя имперское правительство в 1500 году оценивало его в двенадцать миллионов.

[Примечание: Франция]

Число французов во Франции в 16 веке не сильно увеличилось. Хотя границы государства были расширены, оно ужасно пострадало от религиозных войн и отчасти от эмиграции. Мало того, что многие гугеноты бежали от нее в Швейцарию, Нидерланды и Англию, экономические причины привели к массовым перемещениям с юга и, возможно, с севера. Чтобы заполнить

пробел, вызванный эмиграцией из Испании, значительное количество французских крестьян переехало на эту землю; и также возможно, что тот же класс людей искал новые дома в Бургундии и Савойе, чтобы спастись от давления налогов и сборов. По разным оценкам, население Франции составляет от 15 000 000 до 16 000 000 человек. Париж Генриха II был, безусловно, самым большим городом в мире, насчитывавшим, возможно, 300 000 человек; но когда Генрих IV осадил его, в результате войны его численность сократилась до 220 000 человек. После этого она снова сильно натерлась воском.

[Примечание: Италия]

Италия, лидер во многих отношениях, первой начала вести точную статистику численности населения, рождаемости и смертности. Они начинаются к середине пятнадцатого века, но редки до середины шестнадцатого, когда становятся частыми. Несмотря на войну и эпидемии, число жителей, казалось, неуклонно росло, и очевидный результат в статистике, возможно, отчасти объясняется растущей строгостью переписи. Ниже приведены примеры сохранившихся цифр.: В 1505 году в городе Брешиа проживало 65 000 человек, а в 1548 году - 43 000. Однако за тот же период численность населения на всей ее территории в 2200 квадратных миль увеличилась с 303 000 до 342 000 человек. В городе Верона проживало 27 000 человек в 1473 году и 52 000 в 1548 году; на ее земле площадью 1200 квадратных миль в первый названный год было 99 000 человек, в последний - 159 000. Сицилийское королевство выросло с 600 000 в 1501 году до {456} 800 000 в 1548 году и 1 180 000 в 1615 году. В 1501 году в Неаполитанском королевстве без столицы проживало около 1 270 000 человек; в 1545 году - 2 110 000; общая численность населения, включая столицу, составляла в 1600 году 3 000 000 человек. Численность Венецианской республики увеличилась с 1 650 000 человек в 1550 году до 1 850 000 в 1620 году. Во Флоренции с ее территорией насчитывалось 586 000 человек в 1551 году и 649 000 в 1622 году. В 1600 году в Милане с Ломбардией проживало 1 350 000 человек; Савойя в Италии - 800 000; континентальная Генуя - 500 000; Парма, Пьяченца и Модена вместе взятые - 500 000; Сардиния - 300 000; Корсика - 150 000; Мальта - 41 000; Лукка - 110 000. Население Рима сильно колебалось. Предполагается, что в 1521 году оно составляло около 55 000 человек, но в результате разграбления было сокращено до 32 000. После этого она быстро восстановилась, достигнув 45 000 человек при Павле IV (1558) и 100 000 при Сиксте V (1590). Общая численность населения Церковных штатов на момент проведения первой переписи в 1656 году составляла 1 880 000 человек.

[Примечание: Испания]

Последнее впечатление, которое складывается после прочтения крайне противоречивых оценок численности населения Испании, заключается в том, что оно увеличилось в первой половине столетия и сократилось во второй половине. Самым высоким показателем прироста населения за время правления Карла V является недостоверный показатель Габлера, который считает, что число жителей удвоилось. Эта вера основана на убеждении, что богатство королевства за это время удвоилось. Но хотя население имеет тенденцию увеличиваться вместе с богатством, оно, конечно, не увеличивается в той же пропорции, что и богатство, так что, учитывая этот факт, а также то, что увеличение богатства, о чем свидетельствует удвоение доходов от королевских владений, было частично просто кажущимся из-за падения стоимости денег, мы можем отклонить цифру Габлера как слишком высокую. И все же есть веские основания полагать, что произошел значительный прирост. Города особенно выиграли

благодаря новым стимулам для {457} торговли и промышленности. В 1525 году в Толедо на производстве шелка работало 10 000 рабочих, число которых к 1550 году увеличилось в пять раз. К сожалению, из-за точности эти цифры являются всего лишь предположениями современников, но они, безусловно, указывают на значительный рост населения Толедо, и аналогичные цифры приведены для Севильи, Бургоса и других производственных и торговых центров. Однако из таких оценок в сочетании с переписями очагов, особенно неудовлетворительными в Испании, поскольку они исключали привилегированные классы и были, как показывают их резкие колебания, небрежно составлены, мы можем прийти к выводу, что в 1557 году население Испании едва составляло 9 000 000 человек.

Сложнее, если это возможно, измерить масштабы спада во второй половине столетия.

[Примечание: снижение] Это было широко замечено и прокомментировано современниками, которые приписывали это отчасти росту овцеводства (как в Англии), а отчасти эмиграции в Америку. Несомненно, существовали и другие, более важные и малоизвестные причины, а именно растущее соперничество как в торговле, так и в промышленности севера Европы и, как следствие, сокращение средств к существованию Испании. Эмиграция составляла в среднем, возможно, 4000 человек в год на протяжении столетия. Общее испанское население Америки, по подсчетам Веласко в 1574 году, составляло 30 500 домохозяйств, или 152 500 душ. Это, однако, означало бы гораздо большую эмиграцию, вероятно, вдвое превышающую предыдущую цифру, чтобы объяснить множество испанцев, погибших из-за опасностей на море или в глубине дикой природы. Известно, например, что в то время как испанское население Венесуэлы насчитывало 200 семей, по меньшей мере 2000 испанцев переехали туда, чтобы поселиться. Эмиграция в 300 000 человек до 1574 года, или, скажем, 400 000 за все столетие, оставила бы значительный разрыв на родине. Добавьте к этому промышленный спад, в результате которого, по подсчетам Альтамиры, города центра и севера, пострадавшие больше всего, потеряли от половины до трети всего населения, и станет очевидно, что произошло очень значительное сокращение численности населения. По данным переписи 1594 года, население составляло 8 200 000 человек.

[Примечание: Португалия]

Та же тенденция к депопуляции была замечена в гораздо большей степени современными наблюдателями Португалии. К сожалению, невозможно привести даже приблизительно точные цифры. Два миллиона - это почти наверняка слишком много для 1600 человек.

[Примечание: общая таблица]

Следующая статистическая таблица позволит читателю составить некоторую оценку перемещений населения. Признавая, что предел погрешности в некоторых из более ранних оценок довольно велик, считается, что они достаточно близки к истине, чтобы принести реальную пользу.

Страна 1500-1600 Англия и Уэльс 3,000,000 4,100,000

Шотландия 500,000 700,000

Нидерланды (Голландия и
Бельгия) (1550) 3,000,000

Германия (включая Австрию, Германию
Швейцарию, Франш-Конте и
Савойя к северу от Альп, но
исключая Венгрию, Нидерланды,
Восточная и Западная Пруссия) 12,000,000 20,000,000

Франция (1550) 16,000,000

Италия 10,000,000 13,000,000

Испания (1557 и 1594) 9,000,000[1] 8,200,000

Польша с Восточной и Западной Пруссией 3 000 000

Дания 600,000

Швеция, Норвегия и Финляндия 1 400 000

[1] Более точную оценку — от десяти до двенадцати миллионов в 1500 году — смотрите в примечании к библиографии.

РАЗДЕЛ 2. БОГАТСТВО И ЦЕНЫ

[Примечание: Гигантский рост благосостояния с 16 века]

Если со времен Лютера число жителей Европы увеличилось в четыре раза, то объем ее богатства увеличился в гораздо большем соотношении. Разница {459} между двадцатым и шестнадцатым веками больше, чем кто-либо, на первый взгляд, может вообразить возможным. Более того, в мирное время эта разница постоянно увеличивается. В течение столетия, прошедшего с момента окончания Наполеоновской войны до начала Великой, богатство белой расы, вероятно, удваивалось каждые двадцать пять лет. Новыми факторами, сделавшими это возможным, были эксплуатируемые ресурсы Америки и паровой двигатель. До 1815 года рост мирового богатства шел гораздо медленнее, но если бы он удваивался раз в столетие, — что не казалось бы невероятным, — нам пришлось бы допустить, что в 1914 году мир был в сто двадцать восемь раз богаче, чем в 1514 году.

[Примечание: подчеркнут переход от бедности к достатку]

Конечно, такое утверждение не может претендовать ни на что похожее на точность; математическая цифра - это всего лишь фигура речи; она призвана лишь подчеркнуть тот факт, что одним из самых важных изменений за последние четыре столетия стал переход от бедности к изобилию. То, что это утверждение, каким бы удивительным оно ни казалось, не является преувеличением, может быть подтверждено несколькими сравнениями.

[Примечание: Война - испытание финансовой мощи нации]

Одним из испытаний финансовой мощи нации является война. Франциск I во время войны собрал армию численностью не более 100 000 человек, и он достиг этой цифры или, возможно, немного превысил ее только один раз за время своего правления, в 1536-7 годах. Это лишь половина того количества солдат, пропорционально численности населения, которое Франция

содержала в мирное время в начале двадцатого века. И в течение более чем четырех лет, в то время, когда война обходилась бесконечно дороже, чем во время сражения за Павию, Франция держала на поле боя около пяти миллионов человек, более восьмой части своего населения вместо примерно одной сто пятидесятой. Аналогичные цифры можно было бы привести по Германии и Англии. Верно, что могущество современных государств умножается за счет их более широких возможностей для заимствования, но со всеми оговорками контраст предполагает огромную разницу в благосостоянии.

[Примечание: Рабочая сила мира]

Возьмем для сравнения рабочую силу мира. В 1918 году только в Соединенных Штатах было произведено 685 000 000 тонн угля. Каждая сожженная тонна дает почти столько же энергии, сколько затрачивается двумя рабочими, работающими в течение целого года. Таким образом, Соединенные Штаты за счет своего угля располагали всего лишь эквивалентом рабочей силы 1 370 000 000 человек, или более чем в три раза превышающей взрослую мужскую рабочую силу всего мира; более чем в пятьдесят раз превышающей всю рабочую силу Европы шестнадцатого века. При этом не учитывается тот факт, что сейчас рабочая сила намного производительнее, чем тогда, даже без пара. Сравнение поучительно, потому что население Соединенных Штатов в 1910 году было примерно равно населению всей Европы в 1600 году.

Такое же впечатление произвело бы сравнение производства любого другого стандартного продукта. В 1915 году было произведено больше золота, чем весь мировой запас золота в 1550, возможно, в 1600 году. Ежегодно в Миннесоте производится больше пшеницы, чем четыре столетия назад вместили бы зернохранилища всех городов мира.

[Примечание: Бедность средневековья]

На самом деле, в Средние века богатства почти не было вообще, только степень бедности, и в шестнадцатом веке впервые начали накапливаться состояния, достойные этого названия. В 1909 году во Франции насчитывалось 1100 человек с доходом более 40 000 долларов в год; среди них было 150 человек с доходом более 200 000 долларов. В Англии в 1916 году семьдесят девять человек заплатили подоходный налог с имущества на сумму более 125 000 000 долларов. С другой стороны, самый богатый человек Франции, Жак Кер, чье состояние вошло в поговорку, как состояние Рокфеллера сегодня, имел в 1503 году капитал всего в {461} 5 400 000 долларов. Общее состояние дома Фуггеров примерно в 1550 году оценивалось в 32 000 000 долларов, хотя капитал их банка никогда не был чем-то подобным. Контраст был наибольшим среди самого богатого класса, но он был достаточно разительным в средних классах. Такого условия, как комфорт, практически не существовало.

Такое же впечатление сложится и у студента, изучающего государственные финансы. Поскольку подробнее о доходах основных государств будет сказано в другом параграфе, здесь для контраста необходимо привести только один пример. Общий доход Франциска I составлял 256 000 долларов в год, Генриха II - еще меньше, 228 000 долларов. Доход Франции в 1905 году составил 750 000 000 долларов. Генрих VIII часто испытывал больше трудностей при получении кредита в размере 50 000 фунтов стерлингов, чем английское правительство недавно при заимствовании шести миллиардов.

[Примечание: Ценность денег]

Невозможно сказать, что является более сложной задачей: сравнить совокупное богатство мира в два заданных периода или сравнить стоимость денег в разные времена. Даже механические трудности при сравнении цен огромны. Когда мы читаем, что пшеница в Виттенберге продавалась за один гульден шеффеля, необходимо в первую очередь определить, сколько стоит гульден и сколько шеффель в пересчете на доллары и бушели. Когда мы обнаруживаем, что существовало полдюжины различных гульденов и полдюжины отдельных мер, известных как шеффели, варьирующихся от провинции к провинции и время от времени, и сильно различающихся, становится очевидным, что необходима большая осторожность при точном определении того, какой именно гульден и какой именно шеффель имеется в виду.

Когда количество монет и мер уменьшено до известных величин, остается проблема определения качества. Ткань в шестнадцатом веке котировалась как ткань стандартных размеров и сортов, но ни один из этих важных факторов точно не известен ни одному современному экономисту {462}. Можно было бы подумать, что при установлении цен на животных будет обеспечен неизменный стандарт. Совсем наоборот. Порода крупного рогатого скота настолько улучшилась, что откормленный бык сейчас весит в два-три раза больше, чем хороший бык четыре столетия назад. Лошади стали крупнее, сильнее и быстрее; куры откладывают гораздо больше яиц, коровы дают сейчас гораздо больше молока, чем раньше. Обувь, одежда, пиломатериалы, свечи в разные века были разного качества, и, конечно, список новых товаров, по которым невозможно проводить сравнение, постоянно увеличивается.

[Примечание: колебания в чеканке монет]

Тем не менее, можно сделать некоторую поправку на все задействованные факторы, поскольку они являются механическими; можно привести некоторые сравнения, которые имеют достаточно тесную связь с точностью, чтобы сформировать основу, из которой могут быть сделаны определенные обоснованные выводы. Теперь сначала о внутренней ценности, выраженной в количестве золота и серебра в нескольких монетах. Огромное колебание стоимости английского шиллинга, вызванное последовательным обесцениванием и окончательным восстановлением чеканки, выражается таким образом:

Год троянских зерен, год троянских зерен 1461 133 1551 20 1527 118 1552 ..
 88 1543 100 1560 89 1545 60 1601 86 1546 40 1919
 87.27

Аналогичное обесценивание, более постепенное, но так и не исправленное, наблюдается и в стоимости французских денег. Стандартом расчета был турецкий ливр, стоимость которого варьировалась в зависимости от вложенного в него серебра следующим образом:

Лет Внутренняя стоимость серебра
 1500 93 центы
 1512-40 78 центы
 1541-60 66 центы
 1561-72 62 центы
 {463}
 1573-79 57 центы
 1580-1600 51 центы

[Примечание: Стоимость испанских монет]

Стандартной испанской золотой монетой после 1497 года был дукат, в котором содержалось 3,485 грамма золота (стоимость в наших деньгах 2,40 доллара). Эта сумма была разделена на 375 мараведи, которые, следовательно, имели стоимость около двух третей цента каждая. Кастильская марка золота имела 230 граммов или стоимость около 16 долларов. После 1537 года в Америке была отчеканена красивая серебряная монета, известная как песо фуэрте или "восьмерка", потому что каждая содержала восемь реалов. Его стоимость составляла около 1,06 доллара в наших деньгах, поскольку он был предшественником нашего доллара.

Большая трудность с чеканкой монет Германии и Италии заключается не столько в их колебаниях, сколько в количестве монетных дворов. Название "гульден" [Примечание: общий термин "Гульден"] было присвоено практически любой монете, первоначально, как следует из ее этимологии, золотой монете, но позже также и серебряной монете. Среди золотых гульденов был рейнский гульден стоимостью 1,34 доллара; нидерландский филиппский гульден стоимостью 96 центов и каролусский гульден, выпущенный после 1520 года и стоивший 1,14 доллара. Но монетой, обычно используемой в расчетах, был серебряный гульден, стоивший 56 центов. Это было разделено на 20 грошей. Другими монетами, которые довольно часто встречаются в литературе того времени, являются фунты стерлингов (7,5 цента), пфенниги (различных номиналов), стиверы, кроны, нобли, ангелы (2 доллара) и венгерские дукаты (1,75 доллара). С 1518 года главной серебряной монетой стал талер, который поначалу считался равным серебряному гульдону. Закон 1559 года, однако, сделал их двумя разными монетами, восстановив талер до того, что, вероятно, было его прежней стоимостью в 72 цента, и оставив имперский гульден по закону тем, чем он обычно становился на самом деле, меньшим количеством серебра.

В чеканке монет Италии преобладали золотые флорентийский гульден или флорин и венецианский дукат, {464} каждый из которых стоил примерно 2,25 доллара в наших деньгах. Обе эти монеты, отчасти из-за их красоты, отчасти из-за простой честности, с которой они хранились на номинальном уровне, приобрели заслуженную известность в Средние века и впоследствии и стали широко использоваться в других странах.

[Примечание: Пшеница]

Стандарт стоимости определен, теперь можно сравнить цены на некоторые основные товары. На первом месте по значимости стоит пшеница, цены на которую сильно колебались в течение коротких периодов в одном и том же месте и в пересчете на одно и то же количество серебра. Из писем Лютера мы узнаем, что пшеница продавалась в Виттенберге по одному гульдону за шеффель в 1539 году и по трем грош за шеффель в 1542 году, причем последняя цена считалась "такой дешевой, как никогда прежде", а первая была достигнута во времена, близкие к голоду и требовавшие вмешательства со стороны правительства. Как бы мы ни интерпретировали эти цифры (а я полагаю, что они означают, что пшеница продается по цене от двенадцати до восьмидесяти центов за бушель), они, безусловно, указывают на огромную нестабильность цен из-за плохих коммуникаций и отсталых методов ведения сельского хозяйства, в результате чего годы изобилия чередуются с годами голода. В случае с Виттенбергом более низкий уровень был ближе к норме, поскольку в 1527 году пшеница там продавалась по двадцать центов за бушель. В других частях Германии он был дороже; в Страсбурге в 1526-50 годах он составлял в среднем

30 центов за бушель; в 1551-75 годах он вырос в среднем до 58 центов, а в 1576-1600 годах средний показатель снова вырос до 80 центов за бушель.

Цены в Англии также росли на протяжении столетия, даже в пересчете на серебро. Конечно, отчасти рост в средние годы был вызван обесцениванием чеканки монет. Приведенная к бушелям и долларам следующая таблица показывает тенденцию изменения цен:

1530	17 центов за бушель
1537	30 центов
{465}	
1544	45 центов
1546	69 центов
1547	12 центов
1548	24 центов
1549	48 центов
1550	54 центов
1572	66 центов
1595	\$1.14

Пшеница во Франции стоила в среднем 23 цента за бушель до 1540 года, после чего при исключительных условиях она заметно выросла в цене, достигнув 1,50 доллара в 1600 году. Чтобы сравнить с сегодняшними ценами, мы должны помнить, что 1 доллар за бушель был удивительно хорошей ценой до конца войны, во время которой американское правительство установило ее на уровне 2,20 доллара. Ячмень в Англии подорожал с 6 центов за бушель в 1530 году до 10 центов в 1547 году и 33 центов в 1549 году. В 1913 году он составлял 70 центов за бушель. Стоимость овса в Англии выросла с 5 центов за бушель в 1530 году до 18 центов в 1549 году; в 1913 году - с 38 центов.

[Примечание: Животные]

В шестнадцатом веке животные продавались гораздо дешевле, чем сейчас, хотя следует помнить, что после нескольких столетий тщательного разведения они стоят дороже. Лошади тогда продавались по цене 2,50 доллара в Англии и от 4 до 11 долларов во Франции; средняя цена в 1913 году составляла 244 доллара за рабочих животных. Коровы стоили 2 доллара в Англии в 1530 году; от 4 до 6,40 доллара во Франции; быки, по-видимому, стоили значительно дороже, в среднем в Англии 10 долларов за голову в 1547 году, а во Франции от 9 до 16 долларов за ярмо. В настоящее время они продаются на развес, в среднем по цене в 1913 году 9 центов за фунт, или 90 долларов за штуку весом в тысячу фунтов. Говядина тогда стоила около 2/3 цента за фунт вместо 40 центов, как в 1914 году. В 1585 году овца продавалась по цене 1,60 доллара, крупная свинья - по 5 долларов, а поросята - по 26 центов за штуку. Свиная стоила 2 цента за фунт; куры продавались в Англии по 12 центов за штуку, а гуси и утки - по той же цене; в Виттенберге гуси стоили всего 6 центов в 1527 году. Яйца можно было купить по 2 цента за дюжину.

{466} [Примечание: Бакалея]

Оптовые цены на бакалейные товары, взятые в основном из английской таблицы, составленной примерно в 1580 году, были следующими: масло стоило 140 долларов за тонну, или 55 центов за

галлон; топочный жир стоил всего вдвое дешевле; ньюфаундлендская рыба стоила тогда 2,50 доллара за квинту сухого мяса по сравнению с 7,81 долларом в 1913 году. Гасконские вина (кларет) варьировались в зависимости от качества - от 16 до 24 центов за кварту. Соль стоила 7,50 доллара за тонну, что очень близко к цене 1913 года (1,02 доллара за баррель весом 280 фунтов). Мыло стоило 13 долларов за центнер. Перец и сахар стоят почти столько же, около 70 долларов за центнер, или намного дороже, чем в 1919 году, когда каждый стоил 11 долларов за центнер. Специи также стоили дороже в шестнадцатом веке, чем сейчас, и дорожали на протяжении всего столетия. К 1580 году оптовая цена за центнер гвоздики составляла 224 доллара, столько же - за мускатный орех, 150 долларов - за корицу, 300 долларов - за мускатный орех. Имбирь стоил 90 долларов за центнер, а свечи - 6,6 цента за фунт. против 7,25 цента сейчас.

[Примечание: Сухие продукты]

Стоимость сухих товаров сильно различалась. Необработанная шерсть продавалась в Англии в 1510 году по цене 4 цента за фунт, по сравнению с 26 центами всего четырех лет спустя. Тонкая ткань продается по цене 65 долларов "за штуку", длину и ширину которой, к сожалению, невозможно точно определить. Разные сорта выпускались разного размера, в среднем около ярда в ширину, но от 18 ярдов до 47 ярдов в длину, более тонкие выпускались в более длинных рулонах. Сортировочные ткани стоили 45 долларов за штуку. В 1580 году лен стоил 20 центов за ярд; Мария, королева Шотландии, пять лет спустя заплатила 6,50 доллара за ярд пурпурного бархата и 28 центов за ярд пряжи, чтобы выровнять такой же. Грубая одежда бедняков была дешевле: костюм рабочего во Франции в 1600 году стоил 1,80 доллара, весь гардероб ребенка - 3,40 доллара, а солдатская форма - 4,20 доллара. Цены на платья самых бедных женщин варьировались от 3 до 6 долларов за штуку. В 1520 году Альберт Дюрер платил в Нидерландах 17 центов за одну пару обуви, 33 цента за другую и 20 центов за {467} пару женских перчаток. Пара очков обошлась ему в 22 цента, пара перчаток для него самого - в 38 центов.

[Примечание: Металлы]

В шестнадцатом веке металлы были дороже, чем сейчас. Железо стоило 60 долларов за тонну в 1580 году по сравнению с 22 долларами за тонну в 1913 году. За тонну свинца давали 42 доллара, за тонну олова - 15 долларов. Соотношение золота к серебру составляло примерно 1 к 11. Единственным широко используемым топливом была древесина, которая была довольно дешевой, но, конечно, далеко не такой эффективной, как наш уголь.

[Примечание: Интерес]

Процент, как цена денег, менялся тогда, как и сейчас, обратно пропорционально обеспечению, предлагаемому должником, и в целом практически в тех же пределах, что и сейчас. Считалось, что наилучшая безопасность была в немецких вольных городах, управляемых коммерческим классом, который ценил преимущество быстрой и честной оплаты. Соответственно, мы обнаруживаем, что у них не было проблем с получением займов под 5%, а их облигации имели форму бессрочной ренты, наподобие английских консолей. Эти инвестиции требовались с таким рвением, что по ходатайству кредиторов они были выделены в качестве особых льгот. Города Париж и Лондон также пользовались высоким кредитом. Национальным правительствам приходилось платить гораздо больше из-за своей бедности и нечестности. Франциск I брал займы под 10%.; Карл V платил больше на рынке Антверпена, крайним

примером была ставка в 50%. per annum. В 1550 году он регулярно платил 20 процентов - разорительную ставку, которая предвещала его банкротство и была частично вызвана его прогнозом. До недавней войны мы привыкли думать, что великие нации берут займы под 2-4 процента, но во время войны эта ставка значительно возросла. Англо-французские облигации, обеспеченные совместным кредитом двух стран, были проданы на Нью-Йоркской фондовой бирже в 1918 году по цене, которая принесла бы инвестору более 12%, а облигации города Парижа - более 16%.

{468} Коммерческие бумаги, или ссуды, предоставляемые банками торговцам под хорошее обеспечение, конечно, были разными. Самый низкий показатель был достигнут в Генуе, где время от времени торговцы получали жилье по ставке 3%. Средний показатель в Германии составлял 6%. и эта ставка была установлена Бранденбургом в 1565 году. Но ростовщики, способные воспользоваться потребностями бедных должников, обычно требовали больше, как они делают и сейчас, и ссуды под небольшие ипотечные кредиты или заложенные вещи часто составляли 30 процентов. В целом за столетие процентная ставка несколько снизилась.

[Примечание: Недвижимость]

Цену недвижимости сравнивать сложнее, чем что-либо другое, из-за индивидуальных обстоятельств каждой покупки. Земля во Франции продавалась по цене от 8 до 240 долларов за акр. Лютер купил небольшую ферму за городом за 340 долларов и участок недвижимости в Виттенберге за 500 долларов. После его смерти, в 1564 году, дом, в котором он жил, большое и красивое здание, бывшее монастырем августинцев, обошелся в 2072 доллара. Дом можно увидеть сегодня[1], и, конечно, можно было бы подумать, что сейчас он приносит в пятнадцать раз больше.

[Примечание: Книги]

Книги были сравнительно дешевыми. Греческий завет был продан за 48 центов, латинский - за половину этой суммы, Библия на латинском языке, изданная в 1532 году, стоила 4 доллара, первый Новый Завет Лютера - 84 цента. Можно было бы приобрести экземпляр "Пандектов" за 1,60 доллара, "Вергилия" за 10 центов, "Греческую грамматику" за 8 центов, "Демосфена и Эсхина" в одном томе за 20 центов, один из наиболее важных трактатов Лютера за 30 центов и осуждение его университетами в небольшой брошюре за 6 центов. Одна из вещей, которая больше всего подешевела с того дня, - это почтовые расходы. Дюрер, находясь в Нидерландах, заплатил посыльному 17 центов за доставку {469} письма (или нескольких писем?), предположительно отправленного ему домой в Нюрнберг.

[Примечание: Заработная плата]

В соответствии с общим правилом, согласно которому заработная плата медленно следует за тенденцией цен, независимо от того, повышается она или понижается, на протяжении XVI века в ней наблюдалось меньше изменений, чем в ценах на товары. При условии государственного регулирования оплата всех видов труда оставалась практически неизменной, в то время как стоимость жизни росла. Поразительна разница в вознаграждении различных классов: у работников физического труда оно безжалостно низкое, у профессионалов несколько меньшее по отношению к стоимости жизни, чем сегодня, а у государственных служащих оно очень высокое. Никто, кроме придворных чиновников, не получал зарплату более 5000 долларов в год,

а некоторые из них получали гораздо больше. В 1553 году французскому камергеру платили 51 000 долларов в год.

В 1550 году французский землекоп получал 8 центов в день, плотник - целых 26 центов. Домработнице-мужчине давали от 7 до 12 долларов в год в дополнение к его содержанию, а женщине - от 5 до 6 долларов. Поскольку количество рабочих дней в католических странах составляло всего около 250 в год, рабочие зарабатывали от 65 до всего лишь 20 долларов. Во всяком случае, в Германии труд оплачивался хуже, чем во Франции. Сельскохозяйственный труд в Англии оплачивался по двум шкалам: одна за лето, другая за зиму. Он варьировался от 3 до 7 центов в день, меньшая сумма выплачивалась только мужчинам, которые также были наняты на работу. Летом мasons и мастера-плотники получали от 8 до 11 центов за ужасно длинный день, зимой от 6 до 9 центов за более короткий. Следующая шкала была установлена законом в Англии в 1563 году: наемный фермер должен был получать 10 долларов в год и 2 доллара на ливрею; обычному фермеру разрешалось дополнительно получать 8,25 и 1,25 доллара за ливрею; "средний слуга" - 6 и 1,25 доллара соответственно, ребенок мужского пола - 4 и 1 доллар; главная кухарка - 5 и 1,60 доллара, средняя или простая женщина - 3 и 1 доллар; женщина-ребенок - 2,50 и 1 доллар. Все они, конечно, были заселены.

Жалованье французских солдат при Франциске I составляло для рядовых 28 долларов в год во время войны; в мирное время оно упало до 1 доллара в год; для капитанов 33 доллара в месяц в мирное время и 66 долларов во время войны. Капитаны английского военно-морского флота получали 36 долларов в месяц; простые моряки получали жалованье в размере 1,25 доллара в месяц и столько же на питание.

[Примечание: Жалованье священнослужителям]

Дела у церкви шли немногим лучше, чем у армии. В Шотландии, бедной стране, но в которой уважали духовенство, по закону 1562 года священнику, если холостой мужчина получал 26 долларов в год, если женатый мужчина - максимум 78 долларов в год; вероятно, был добавлен дом священника. Несомненно, многие протестантские священники зарабатывали на жизнь за счет гонораров, как, безусловно, поступали и католические священники. Дюрер дал 44 цента монаху, исповедовавшему его жену. Каждое крещение, брак и погребение облагались определенным налогом. Во Франции можно было нанять священника для проведения мессы за сумму от 60 центов до 7 долларов в 1500 году и от 30 до 40 центов в 1600 году. Такой ценой она и осталась с тех пор, являясь ярким примером религиозного консерватизма, работающего в ущерб священнику, поскольку те же самые деньги сейчас составляют гораздо меньшую реальную заработную плату, чем тогда.

[Примечание: Врачи]

Примерно в 1520 году в Германии плата врачам составляла от 33 до 44 центов за визит. Лечение и медикаменты были намного выше. В Антверпене Дюрер заплатил 2,20 доллара за небольшое количество лекарств для своей жены. Иногда взималась плата за весь курс лечения. В Англии мы слышим о таких "лекарствах", за которые платят от 3,30 до 5 долларов. Бедным бесплатно давалось очень мало советов, если таковые вообще были. Врачи французского короля получали жалованье в размере 200 долларов в год и другие услуги. Уильям Баттс, врач Генриха VIII,

получал 500 долларов в {471} год, в дополнение к рыцарскому званию; и его жалованье было увеличено до более чем 600 долларов за лечение герцога Ричмондского.

[Примечание: Учителя]

Учителя младших классов считались лакеями и получали соответствующую зарплату. Николас Удаль, директор Итона, получал 50 долларов в год и различные небольшие пособия. К университетским профессорам относились более либерально. Лютер и Меланхтон в Виттенберге получали максимум 224 доллара в год, что было примерно столько же, сколько стипендия ведущих профессоров в других немецких университетах, а также в Оксфорде и Кембридже. Учитель также получил небольшой гонорар от каждого ученика. Когда Павел III восстановил орден Сапиенца в Риме, он платил минимум 17 долларов в год некоторым монахам, преподававшим теологию и о которых заботился их орден, но он назначил высокую зарплату профессорам риторики и медицины. Обычно они получали 476 долларов в год, но один профессор классической филологии достиг рекордной отметки - почти 800 долларов.

[Примечание: Авторские гонорары]

В шестнадцатом веке вознаграждения литераторов были более скромными, чем сейчас, из-за отсутствия эффективного авторского права. Автор обычно получал небольшую сумму от издателя, которому он впервые предложил свою рукопись, но его последующие авторские гонорары, если таковые вообще были, зависели исключительно от доброй воли издателя. Виттенбергский типограф предложил Лютеру 224 доллара в год за его рукописи, но Реформатор отказался, желая сделать свои книги как можно дешевле. В 1512 году Эразм получил 8,40 доллара от парижского печатника Бадиуса за новое издание своих *Изречений*. Фактически, награды за письма, какими бы они ни были, были косвенными, в виде пенсий, подарков и бенефиций от великих. Эразм получал так много таких милостей, что жил более чем безбедно. Лютер умер почти богатым человеком, так много *гонораров* он получил от знатных поклонников. Рабле получил бенефис, хотя {472} он прожил всего два года, чтобы насладиться его плодами. Генрих VIII дал 500 долларов Томасу Мернеру за статью против Лютера. Но участь среднестатистического писателя была тяжелой. Откровенная лесть была самым прибыльным произведением "Музы".

[Примечание: Исполнители]

Художникам повезло больше. Дюрер продал одну картину за 375 долларов, а другую - за 200 долларов, не считая "чаевых", которые его жена каждый раз просила и получала от покровителя. Вероятно, его гравюры на дереве принесли ему от типографии больше, чем любая отдельная картина, и когда он умер, то оставил после себя солидную по тем временам сумму в 32 000 долларов. Этот город предложил ему пенсию в размере 300 долларов в год и дом в Антверпене, если он там поселится, но он предпочел вернуться в Нюрнберг, где император назначал ему пенсию в 600 долларов в год. Леонардо да Винчи и Микеланджело получали по 129 долларов в месяц за работу, выполняемую для принца, а последнему Павел III назначил пенсию в размере 5200 долларов в год. Рафаэль в 1520 году оставил наследство в 140 000 долларов.

[Примечание: Ценность денег]

Если провести сравнение стоимости денег, то в конечном итоге складывается впечатление, что, скажем, в 1563 году ожидалось, что унция золота выполнит примерно в десять раз больше работы, чем тот же вес драгоценного металла, выполненный в 1913 году.[2] Если несколько предметов были тогда на самом деле дороже, они были сравнительно неважны и уравнивались другими предметами, даже более чем в десять раз более дешевыми. Но сейчас за доллар можно купить столько товаров, которых не существовало в прежние века, что можно привести правдоподобное объяснение парадокса, заключающегося в том, что деньги сейчас стоят больше, чем когда-либо прежде. Если во времена Лютера унцию золота можно было обменять на гораздо большее количество предметов первой необходимости, чем можно купить сейчас, то, с другой стороны, человек с доходом в 5000 долларов в год находится в гораздо лучшем положении, чем человек с таким же доходом или вообще с каким-либо доходом был тогда.

[Примечание: динамика цен]

Несмотря на большие трудности определения какого-либо точного показателя, отражающего стоимость жизни и применимого к длительным периодам, из-за того факта, что товары время от времени меняются, например, когда свечи заменяются газом, а газ - электричеством, общую тенденцию цен можно довольно четко определить. Вообще говоря, цены, измеряемые в весе золота, а не в монетах, медленно снижались с 1390 по 1520 год под влиянием более совершенных технических методов производства и, возможно, утечки золота и серебра на Восток. С 1520 по 1560 год цены росли довольно медленно из-за увеличения производства золота и серебра и их более быстрого обращения благодаря улучшению банковского дела. С 1560 по 1600 год цены росли с огромной скоростью, отчасти из-за разрушения богатства и увеличения издержек производства, последовавших за французскими и голландскими религиозными войнами, и, возможно, в еще большей степени из-за потока американского серебра, внезапно хлынувшего в Европу. Рассматривая столетие в целом, мы обнаруживаем, что пшеница подорожала больше всего - на целых 150%. в Англии - на 200%. во Франции - на 300%. в Германии. Другие товары подорожали меньше, а в некоторых случаях остались неизменными или упали в цене. Денежная заработная плата росла медленно, гораздо меньше, чем стоимость жизни.

[Примечание: Увеличение объема драгоценных металлов]

Помимо особых обстоятельств, влияющих на производство определенных классов товаров, основной причиной общей тенденции роста цен, вероятно, было увеличение объема драгоценных металлов. Насколько это было здорово, определить невозможно, и все же можно произвести расчет, дающий цифры, достаточно близкие к фактическим, чтобы быть полезными. С середины пятнадцатого века значительно возросла добыча серебра на немецких, чешских и венгерских рудниках. Хотя это увеличение было намного больше, чем обычно допускается, — равняясь, по мнению одного ученого, добыче на американских рудниках почти до середины шестнадцатого века, — его было достаточно только для удовлетворения растущих потребностей торговли. До выхода Америки на рынок также наблюдался значительный импорт золота из Азии и Африки. Поток мексиканских сокровищ начал захлестывать Испанию примерно в 1520 году, но не достигал других стран в больших количествах примерно до 1560 года. Когда мы рассматриваем общее впечатление относительно роста курса валюты сразу после разграбления ацтеков и инков, следующая статистика английского монетного двора

поучительна, если не загадочна. В течение первых четырнадцати лет правления Генриха VIII (1509-23) среднее количество золота, чеканившегося в Англии, составляло 24 666 тройских фунтов в год, а серебра - 31 225 тройских фунтов. Но в 1537-40 годах, до того, как произошло значительное обесценивание валюты, количество чеканимого золота упало до 3297 тройских фунтов в год, а серебра выросло только до 52 974 тройских фунтов. Поскольку каждый фунт золота в то время стоил столько же, сколько одиннадцать фунтов серебра, это означает, что фактическое количество новых денег, ежегодно выпускаемых в обращение в последний период, составляло менее трети от того, что чеканилось в предыдущие годы. Цифры также указывают на растущую дешевизну серебра, стимулирующую его импорт, в то время как импорт золота был сильно ограничен, согласно закону Грэшема о том, что дешевые деньги вытесняют дорогие.

[Примечание: Оценка золотых и серебряных изделий]

Добыча Мексики и Перу часто переоценивалась, и никто так не расточал ее, как конкистадоры и их современники. Но оценки современных ученых сильно разнятся. Лексис считает, что общее количество золота, добытого Европой и Америкой с 1501 по 1550 год (большая часть, конечно, за счет Америки), составило 134 000 000 долларов. {475} Ф. де Лайглезио, с другой стороны, считает, что до 1555 года в Америке было добыто не более 4 320 000 долларов. Самая тщательная оценка, сделанная профессором Харингом, приводит к следующим результатам: [Примечание: оценка Харинга] суммы указаны в песо, каждая из которых стоит почти столько же, сколько наш доллар. Мексиканское производство:

1521-44 1345-60 Золото 5,348,900 343,670 Серебро 4,130,170 22,467,111

Для Перу пропорции золота и серебра невозможно разделить, но общая сумма, взятая вместе с 1531-1560 годами, составила, вероятно, 84 350 600 песо. Другие небольшие суммы поступали из других частей Нового Света, и окончательная сумма добычи золота и серебра в Америке до 1560 года оценивается в 139 720 000 песо. Это сокращение до 70 процентов. от оценки Lexis. Предполагая, что одна и та же поправка должна быть внесена во все оценки, приведенные Lexis, мы имеем следующие цифры мирового производства драгоценных металлов в килограммах и долларах:[3]

	Золото	Серебро	
	Среднее значение в год		Среднее значение в год
в			
песо или			
долларах			
от 25			
в килограммах	в долларах	в килограммах	граммах
1493-1520 . . .	4270	3,269,000	31,570 1,262,800
1521-44 . . .	4893	3,425,000	52,010 2,080,400
1545-60 . . .	4718	3,302,600	184,730 7,389,200
1561-80 . . .	4718	3,302,600	185,430 7,417,200
1581-1600 . . .	4641	3,268,700	230,480 9,219,200

{476} Объединяя эти цифры, мы видим, что производство золота было довольно стабильным на протяжении столетия, составив общий объем производства около 330 000 000 долларов. Однако после 1544 года производство серебра значительно возросло. С начала века по тот год он составлял 75 285 600 долларов; с 1545 по 1600 год включительно он увеличился до 450 955

200 долларов, в результате чего общий объем производства за столетие составил 526 240 800 долларов. Конечно, эти цифры лишь приблизительно соответствуют истине; тем не менее они дают правильное представление об общих действующих процессах. Даже в первой половине столетия производство драгоценных металлов намного превышало все, что было до этого, и этот объем производства, каким бы большим он ни был, почти утроился за последнюю половину столетия. Эти цифры, однако, чрезвычайно скромны по сравнению с показателями недавнего времени, когда за год добывается больше золота, чем тогда добывалось за столетие. Общая сумма добычи в 1915 году составила 470 000 000 долларов; в 1917 году - 428,000,000 долларов; за период с 1850 по 1916 год включительно общая сумма добычи составила 13 678 000 000 долларов.

[1] Смотрите фотографию в *"Моей жизни и письмах Лютера"*, стр. 364.

[2] Невозможно провести достоверное сравнение за годы после 1913 года, поскольку в большинстве стран бумажные валюты вытеснили золотые.

[3] Эти цифры основаны на цифрах Зоммерлада из *Сборника государственных документов*, s.v. "Preis", взятых у Вибе, который основывался на лексике. Цифры, весьма сходные с данными Зоммерлада, приведены К. Ф. Бастейблом в *Британской энциклопедии* "Деньги". Я включил исправления Харинга.

РАЗДЕЛ 3. УЧРЕЖДЕНИЯ

[Примечание: монархии]

По целому ряду причин шестнадцатый век был столь же монархическим по духу, сколь двадцатый век демократическим. Незапамятные предписания тогда имели силу, с тех пор утраченную, и монархия произошла от классической и библейской древности, когда короли были ограждены подлинной божественностью. Изучение римского права с его абсолютистскими максимами способствовало формированию роялистских настроений. Двор как центр моды привлекал блестящее общество, в то время как маленький человечек удовлетворял свою тягу к аристократизму, поглощая придворные сплетни, которые уже тогда заполнили прессы. Вероятно, одной из причин, по которой трон стал таким популярным, было то, что после церкви он был самым рекламируемым товаром в мире. Но за этими сентиментальными причинами лояльности стояла основа солидной полезности, предрасполагавшая людей поддерживать скипетр как единственную силу, достаточно сильную, чтобы внушать благоговейный страх знати. Один тиран лучше многих; один лев может причинить меньше вреда, чем стая волков и гиен. В более крупных государствах люди чувствовали себя совершенно беспомощными без короля, способного управлять анархическим хаосом, в который без него превратилось бы общество. Когда испанские коммуны восстали против Карла V, они одержали победу на поле боя, но их попытка просто провалилась перед лицом их полной неспособности решить проблему управления без королевского губернатора. Они были беспомощны, как пчелы без матки. Действительно, их инстинкт заполучить королевскую голову был настолько силен, что они попытались спастись, похитив мать Чарльза, бедную, безумную Джоанну, чтобы заполнить образовавшийся политический вакуум. Так и в гражданских войнах во Франции; несмотря на более многообещающие материалы для формирования республики в этой стране, фактически все партии возглавляли претенденты на трон.

[Примечание: Государственные советы]

Следующим за королем был Государственный совет, состоящий из принцев крови, кардиналов, дворян и некоторых должностных лиц и государственных секретарей, не всегда благородных кровей, но часто, особенно в случае самых могущественных из них, отпрысков среднего класса. Какая доля исполнительной власти находилась в руках Совета, зависело от личного характера монарха. Генрих VIII всегда был хозяином; Елизавета скорее направлялась, чем руководила; Советы Валуа и Габсбургов воспользовались озабоченностью или глупостью своих хозяев, чтобы узурпировать королевскую власть в своих руках. В общественном мнении Совет занимал большое место, подобное тому, какое сегодня занимает английский кабинет министров. Первый англиканский молитвенник {478} содержит петиции в пользу Собора, хотя людям и в голову не приходило молиться за парламент до следующего столетия.

Странами управляли уже не дворяне как таковые, а чиновники, назначаемые короной. Свидетельством растущей национализации политики является то, что в шестнадцатом веке впервые были учреждены постоянные дипломатические агенты. Предполагалось, что первые послы, отобранные в основном из числа епископов, магистратов, судей и ученых, будут выполнять функции не только посланников, но и шпионов. Под их началом находилось множество секретных агентов, которые, как ожидалось, выполняли тайную работу и сами брали на себя ответственность за нее, чтобы, если их раскроют, от них можно было отказаться.

[Примечание: Парламенты]

Очень могущественным было национальное народное собрание: парламент, сейм, Генеральные штаты или кортесы. Его функции, предписывающие и неопределенные, обычно понимались как включающие установление налогов. Согласие органа также требовалось, в той или иной степени, для утверждения других законов. Но реальная власть народных представителей заключалась в том, что они были главным органом выражения того общественного мнения, игнорировать которое правительствам во всех странах и во все времена небезопасно. Заседая в двух или более палатах, чтобы представлять несколько сословий или иногда — как в немецком сейме — подразделения этих сословий, представители состояли из представителей привилегированных сословий, духовенства и дворянства, а также избранных представителей городской аристократии. Большинство населения, бедняки, не были представлены. То, что этот класс был так же заинтересован в содружестве, как и любой другой, и что у них было классовое сознание, способное требовать реформ и принимать энергичные меры для их обеспечения, показано рядом восстаний пролетариата, и все же не будет несправедливым по отношению к ним или {479} пренебрежительным сказать, что по большинству вопросов они были слишком необразованны, слишком бессильны и слишком немые, чтобы внести большой вклад в ту совокупность настроений, называемую общественным мнением, одним из условий существования которого, по-видимому, является то, что оно должно находить выражение.

[Примечание: Влияние генеральных штатов]

Генеральные штаты, как бы они ни назывались, дополненные во Франции провинциальными органами, называемыми Парламентами, имеющими сходство с высшими судами, а в Германии — местными сеймами (ландтагами) более крупных государств, оказывали вполне реальное, а в некоторых случаях и решающее влияние на государственную политику. Монарх половины мира

не осмеливался открыто бросить вызов кортесам Арагона или Кастилии; властные тюдоры усердно трудились, чтобы получить парламентскую санкцию на свои тиранические действия, и в тех немногих случаях, когда они не могли этого сделать, спешили как можно изящнее отказаться от своих прежних намерений. В Германии власть сейма была ограничена не императором, а местными органами власти, хотя даже в этом случае она была значительной. Когда исполнительная власть путем искусных манипуляций или недобросовестного обмана вынуждала сейм принять непопулярную меру, подобную Вормсскому эдикту, закон становился мертвой буквой. В некоторых других случаях, особенно в ходе длительной кампании против монополий, даже когда сейм выражал голос народа, он потерпел неудачу, потому что императора поддерживали богатые капиталисты. Только недавно стало известно, как аугсбургские фуггеры и их союзники пытались манипулировать или сорвать его работу в вопросе государственного регулирования промышленности и торговли.

[Примечание: Государственные финансы]

Финансами большинства стран управляли коррумпированно и неразумно. Налоги были многочисленными и сложными и ложились наиболее тяжелым бременем на бедные слои населения. От обычных налогов в большинстве стран привилегированные сословия были освобождены, хотя они были вынуждены вносить {480} специальные суммы, взимаемые ими самими. Общий налог на имущество (taille) во Франции принес 2 400 000 турнских ливров в 1517 году и 4 600 000 в 1543 году. Налоги были взяты на откуп; то есть право на их взимание было продано с аукциона, с естественным результатом, что они попали в руки вымогателей, которые сколотили огромные состояния, угнетая народ. Доходы королевского домена, акцизы на соль и другие товары, импортные и экспортные пошлины, а также продажа офисов и монополий дополняли прямые налоги. Система налогообложения различалась в каждой стране. Так, в Испании 10% налог на цену изделия при каждой его продаже и роялти на драгоценные металлы - 20% после 1504 года — оказались важными источниками дохода. В Риме была налажена прибыльная торговля духовными товарами. Повсюду штрафы за нарушение закона служили источником дохода в большей степени, чем в наши дни.

[Примечание: Расточительные расходы]

Расходы были одновременно более расточительными и скупыми, чем сегодня. Хотя обслуживание государственного долга было пустяковым по сравнению с современными стандартами, и хотя отправление правосудия не было дорогостоящим из-за системы сборов, армия и флот стоили дорого, отчасти потому, что они состояли в основном из хорошо оплачиваемых наемников. Личные расточительства придворных были одним из самых тяжелых бремен, лежавших на плечах народа. Короли строили дворцы; они купались в золотых одеждах; они коллекционировали предметы искусства; они растрачивали состояния на любовниц и фаворитов; они постоянно продвигались вперед со свитой из тысяч слуг и лошадей. Два величайших государства, Франция и Испания, обанкротились в 1557 году.

[Примечание: Общественный порядок]

К великой задаче правительства - поддержанию общественного порядка, защите жизни и собственности и наказанию преступника - наши предки подходили скорее с энтузиазмом, чем с успехом. Законы были ужасны, но они {481} исполнялись неравномерно. В Англии к числу тяжких преступлений относились следующие: убийство, поджог, побег из тюрьмы, ночная охота с

раскрашенными лицами или забралами, присвоение имущества стоимостью более 40 шиллингов, ввоз лошадей или кобыл в Шотландию, колдовство, практика колдовства, удаление ориентиров, дезертирство из армии, подделка или порча монет, кража скота, взлом домов, обчищение карманов. Все они карались повешением, но за особо тяжкие преступления, такие как отравление, наказывались сожжением или кипячением до смерти. Многочисленные законы против государственной измены и ереси уже были описаны. Меньшие наказания включали порку, позорный столб, клеймение, колодки, обрезание ушей, прокалывание языков и заключение в подземелья, намеренно сделанные как можно более ужасными, темные, вонючие берлоги без мебели или удобств, часто слишком маленькие, чтобы человек мог стоять прямо или лечь во весь рост.

[Примечание: Количество выполнений]

При таких законах неудивительно, что при Генрихе VIII было повешено 72 000 человек, в среднем почти 2000 в год. Это число в настоящее время, когда население Англии и Уэльса увеличилось в десять раз по сравнению с тем, что было тогда, ничтожно мало. Только девять человек были повешены в Соединенном Королевстве в 1901-193 годах; в настоящее время в среднем около 5000 человек ежегодно осуждаются за тяжкие преступления. Во всяком случае, наказания на Континенте были более суровыми, чем в Великобритании. Единственным прибежищем преступника была жадность его судей. В Риме было легко и регулярно расплачиваться за каждое преступление, а в других местах взяточничество было более или менее распространено.

[Примечание: Жестокие методы судебного разбирательства]

Методы суда над преступниками были столь же жестоки, как и их наказания. На Континенте считалось, что обвинение направлено против обвиняемого, и дыба и ее жуткая свита болевых инструментов свободно использовались для получения признания. Жесткое высказывание Кальвина о том, что, когда люди чувствуют боль, они говорят правду, просто {482} выражает нынешнее заблуждение, поскольку законодатели и судьи, чьи сердца отчасти ожесточились на примере церкви, согласились с его мнением. Искключительный протест Монтень заслуживает того, чтобы его процитировали за его гуманность: "Все, что выходит за рамки простой смерти, является абсолютной жестокостью, и наши законы не могут ожидать, что тот, кого не остановит страх обезглавливания или повешения, должен испытывать благоговейный трепет, представляя ужасы медленного огня, раскаленных клещей или ломки на колесовании".

Дух английского законодательства был направлен против применения пыток, которые, однако, достигли прогресса, особенно в государственных судебных процессах, при Тюдорах. Человек, отказавшийся выступать в английском суде, был подвергнут жестокому обращению, которое заключалось в том, что ему давили на грудь гирями до тех пор, пока он либо не заговорит, либо не будет раздавлен насмерть. Для обеспечения соблюдения законов в стране существовала полиция, дополненная регулярной армией, и полицейские силы в городах. Полиция Парижа состояла из 240 лучников, в том числе двадцати четырех всадников. Неэффективность некоторых английских офицеров забавно карикатурно изображена в лицах Догберри и Верджеса, которые, увидев вора, пришли к выводу, что он нечестный человек, и чем меньше им приходилось вмешиваться в его дела, тем больше они ценили свою честность.

[Примечание: Синие законы]

Если из всего только что сказанного очевидно, что законодательство того периода и наше собственное имели одинаковую концепцию функций правительства и отличались только методом и эффективностью, то в сводах законов средневековой Европы существовал один очень большой класс законов, который сейчас почти исчез. Отечественная государственная мудрость стремилась регулировать частную жизнь гражданина во всех отношениях: фасон его одежды, количество блюд на обед, количество гостей, которых он может приглашать на свадьбу, ужин или танцы, как долго ему должно быть разрешено посещать таверну и сколько он должен пить, как он {483} должен проводить воскресенье, как он должен обручаться, как танцевать, как расчесывать волосы и какой толстой палкой ему следует позволять себе роскошь избивать свою жену.

"Голубые законы", как стали называть подобные правила с их моральной стороны, не были протестантским нововведением. Лютеране вряд ли внесли какие-либо изменения в этом отношении, но Кальвин действительно придал новый и резкий оттенок средневековому духу. Его последователи, пуритане, в следующем столетии почти преуспели в сведении основного законного досуга христианина к "своевременной медитации и молитве". Но эта идея возникла задолго до эволюции "нонконформистского сознания".

Фундаментальной причиной всего этого законодательства был чистый консерватизм. [Примечание: Дух консерватизма] У первобытных людей и дикарей настолько сильно развито чувство санкции обычая, что они, как выражается Бейджхот, изрядно загнали себя в тупик своими необоснованными требованиями подчинения. Значительная часть этого духа сохранилась на протяжении всей истории, и гораздо больше его, естественно, было обнаружено четыре столетия назад, чем в настоящее время, когда разум доказал свою жизнеспособность для стольких социальных институтов. Существует довольно много законов рассматриваемого периода — таких, как Нюрнбергский закон, запрещающий гражданам делать прямой пробор, — для которых нельзя найти никаких видимых оснований, кроме идеи о том, что не следует допускать новомодной моды.

Экономические причины также сыграли свою роль в регулировании привычек людей. Так, закон Эдуарда VI, после преамбулы, устанавливающей, что различные виды пищи безразличны перед Богом, тем не менее предписывает всем людям есть рыбу, как и прежде, в дни поста, не в качестве религиозной обязанности, а для поощрения рыбаков, обеспечения их средствами к существованию и, таким образом, подготовки людей для военно-морского флота.

Третьим очень сильным мотивом, занимавшим умы государственных деятелей шестнадцатого века, было стремление к разграничению классов граждан. Голубые законы, если их можно так назвать в данном случае, были выделениями голубой крови. Чтобы заставить простолюдинов знать свое место, было важно заставить их одеваться в соответствии со своим рангом. Было заявлено, что целью Закона о преобразовании излишеств в одежде [Примечание: Одежда в соответствии с рангом], принятого английским парламентом в 1532 году, является,

необходимое подавление, избегание и изгнание избытка, который ежедневно используется в роскошных и дорогостоящих одеждах и облачениях, обычно носимых в этом Царстве, из-за чего произошел и ежедневно наносит столь значительный и печально известный ущерб общему благу, подрыв благого и политического порядка в знаниях и различении людей в соответствии с их сословиями, превосходством, достоинствами и степенями, что приводит к полному

обнищанию и гибели многих неопытных и легковесных людей, склонных к гордыне, матери всех пороков.

Суть закона предписывает одежду, соответствующую королевской семье, знати разного ранга, гражданам в зависимости от их дохода, слугам и земледельцам, духовенству, докторам богословия, солдатам, юристам и игрокам. Такие законы были распространены во всех странах. Шотландский закон предусматривает, "что мужчинам должно быть благоразумно носить [одежду], которая находится [выше] их имущества, за исключением одежды". Этот закон был не только "одобрен" королем Яковом VI, но и одобрен его собственной королевской рукой: "Этот акт верен".

Против чрезмерного угощения на пирах выступали по аналогичным причинам и почти с одинаковой частотой. Согласно английской прокламации [Примечание: 1517], количество подаваемых блюд должно было регулироваться в соответствии с рангом самого высокого из присутствующих. Таким образом, если кардинал был гостем или хозяином, то могло быть девять блюд, если лорд парламента - шесть, а для гражданина с доходом в пятьсот фунтов в год - три. В другом месте было предписано количество гостей на всех {485} обычных мероприятиях, а также количество и цена подарков на свадьбах, крестинах и подобных мероприятиях.

[Примечание: 1526]

Азартные игры часто запрещались. Франциск I приказал лейтенанту с двадцатью лучниками посещать таверны и игорные дома и арестовывать всех игроков в карты, кости и другие незаконные игры. Это не помешало учреждению государственной лотереи, [Прим. автора: 1539] практика, оправдываемая примерами итальянских городов в получении доходов таким образом. Генрих III запретил все азартные игры "несовершеннолетним и другим распущенным лицам" [Примечание: 1577], и шесть лет спустя за этим последовал сокрушительный обман с картами и игральными костями, интересный как одна из первых попыток подавить инструменты порока с помощью налоговой власти. В Веселой Англии также существовало множество законов, запрещающих "теннис, боулз, игру в кости и карты", цель которых заключалась в поощрении занятий стрельбой из лука.

Алкоголь время от времени вызывал неодобрение со стороны различных правительств, хотя, казалось, до начала следующего столетия против него было мало настроений. Регулирование количества таверн и количества вина, которое может храниться в погребе джентльмена, как предписано английским законом [Прим. автора: 1553], упоминает не моральный, а экономический аспект употребления алкоголя. Говорили, что покупка французских вин лишает Англию денег.

Хотя театр также не сильно пострадал до времен Кромвеля, постановки были запрещены в окрестностях Лондонского сити. Дисциплинарная книга Шотландии запрещала посещение театров. [Примечание: 1574] Кальвин их категорически не одобрял, и даже Лютер считал их "работой дураков", а порой и опасной.

Достойные похвалы усилия по пресечению практики дуэлей были предприняты католической церковью. Климент {486} VII запретил это в булле, [Прим. автора: 1524] подтвержденной декретом Тридентского собора. [Примечание: 1563] Необычно сформулированная французская прокламация 1566 года запрещала "всем джентльменам и другим лицам сообщать друг другу ложь и, если они все-таки сообщат друг другу ложь, драться из-за этого на дуэли". Другие

правительства взяли за этот вопрос очень вяло. Шотландия запретила "большую вольность, которую допускают разные люди, провоцируя друг друга на необычные стычки по внезапным и легкомысленным поводам" без разрешения его величества.

Двум вопросам, к которым пуритане относились очень остро, [Прим. автора: 1551] богохульству и нарушению субботы, в столетие Реформации уделялось весьма скудное внимание. Шотландия запретила "тяжкие и отвратительные клятвы, сквернословие, проклятия и богохульство", и несколько аналогичные законы можно найти в других странах. Шотландия также была пионером в запрете в субботу любой работы, "азартных игр, баловства, посещения таверн и пивных и умышленного отсутствия в приходской церкви во время проповеди".

[Примечание: Почта]

У правительства есть и другие функции, помимо обеспечения соблюдения гражданского и уголовного законодательства. Почти одновременно с началом века были созданы почтовые отделения для пересылки писем. После того, как Максимилиан начал свою деятельность в Нидерландах, другие страны не замедлили последовать его примеру. Хотя поначалу эти письмоноскы находились под особым надзором правительства, они были частными лицами.

[Примечание: Санитария]

В Средние века предпринимались усилия по обеспечению общественной санитарии. Шестнадцатый век не сильно улучшил их. Так, в Женеве был принят закон, согласно которому мусору и другим отбросам нельзя позволять валяться на улицах более трех дней летом или восьми дней зимой. В крайних случаях карантин вводился в качестве меры предосторожности против эпидемий.

{487} [Побочное примечание: Война]

Это самый душераздирающий или самый абсурдный факт в истории человечества, в зависимости от того, представлены ли вовлеченные элементы в гуманном или циничном свете, что основные силы правительства, а также наиболее ревностные силы народов с тех пор, как зародилась цивилизация, были посвящены практике массового убийства. Когда мы оглядываемся назад, от опыта Великой войны к конфликтам других времен, они кажутся нашему пресыщенному воображению почти столь же детскими, сколь и порочными. В шестнадцатом веке, гораздо чаще, чем в девятнадцатом, нации кипели от злобы и зависти, швыряли друг другу в зубы фразонические угрозы и гиперболическое хвастовство, выдыхая дух взаимного истребления без малейших угрызений совести, посещая природу, чтобы остановить свои алчущие мечи, — но когда дело доходило до драки, у них не было мальчишеской силы. Великие нации всегда сражались, но никогда не сражались до конца. За целое столетие ни одна национальная столица к западу от Венгрии, за исключением Рима и Эдинбурга, не была захвачена врагом. Настоящий вред был нанесен не на поле боя, где резня была невероятно незначительной, а в набегах и разграблении городов и деревень профессиональными убийцами, пополнившими ряды наемных войск. Тогда действительно были сожжены города, богатства разграблены и уничтожены, мужчины подверглись безымянным пыткам, женщины - неопишущим безобразиям, а детей насадили на пики. Тогда война, казалось, также не потрясла общественное сознание, как это наконец удалось сделать. Народ не видел ничего, кроме ослепительной славы в истреблении врагов на поле боя, в фанфарах труб, громе военачальников и криках. Солдаты, сказал Лютер, основывая свое мнение на каноническом

праве, могут находиться в состоянии благодати, поскольку война так же необходима, как еда, питье или любое другое дело. Государственные деятели, такие как Макиавелли и Бэкон, стремились к созданию как можно более крупных армий {488} в качестве основы могущества нации. Только Эразм был дальновидным пацифистом, всегда выступавшим против войны и однажды заявившим, что он согласен с Цицероном в том, что самый несправедливый мир предпочтительнее самой справедливой войны. В другом месте он признавал, что войны в целях самообороны были необходимы.

[Примечание сбоку: Оружие]

Огнестрельное оружие еще не полностью утвердило свое господство во времена Фрундсберга или даже Алвы. Еще в 1596 году английский солдат жаловался, что его соотечественники пренебрегли луком вместо ружья. Ядром армии были алебардчики с пиками. Артиллерия иногда наносила очень небольшой урон, как при Флоддене, иногда значительный, как при Мариньяно, где вместе с французской кавалерией она разгромила до тех пор почти непобедимую швейцарскую пехоту. В бою аркебузиры и мушкетеры чередовались с арбалетчиками. Пушки большого типа уступили место полевым орудиям меньшего размера; даже идея пулемета возникла в пятнадцатом веке. Название "органы" они получили из-за их внешнего вида с многочисленными стволами, из которых за раз можно было выпустить до пятидесяти пуль. Пушки перевозились на поле боя на тележках. Винтовки были изобретены немцем в 1520 году, но использовались мало. Пистолеты впервые были изготовлены в Пистойе — откуда и название — около 1540 года. Бомбы впервые были применены в 1588 году.

Искусство фортификации и осады совершенствовалось одновременно, многие хитроумные приспособления были вызваны к жизни технически сложной войной испанцев против голландцев. Тактика была не столь совершенна, какой она стала впоследствии, а в отношении стратегии не существовало последовательной теории. Макиавелли, писавший на эту тему, основывал свои идеи на практике Рима и поэтому презирал огнестрельное оружие и предпочитал пехоту кавалерии. Дисциплина была суровой, и так и должно было быть, несмотря на спорадические и часто очень раздражающие мятежи. Наказания были ужасными, как и в гражданской жизни. Богохульство, карты, игра в кости, дуэли и женщины были запрещены в большинстве регулярных армий, но во время войны солдатам была предоставлена невероятная свобода в мародерстве и собирательстве. Кольца и другие украшения выдавались в качестве награды за доблесть. Униформа впервые была введена в Англии Генрихом VIII.

[Примечание: Личный состав армий]

Личный состав армий был крайне плохим. Не считая небольшого числа преступников, которым было позволено искупить свои проступки военной службой, рядовой состав состоял из наемников, которые слишком быстро стали преступниками под опекой Марса. Было несколько призывников, но никакой универсальной подготовки, подобной той, которую рекомендовал Макиавелли, не было. Офицерами были дворяне или джентльмены, служившие ради престижа и славы военной профессии, а также за хорошее жалованье.

[Примечание: сравнение численности армий]

Но самая разительная разница между армиями тогда и сейчас заключается не в их вооружении и не в их качестве, а в размерах. Велись великие сражения и решались целые кампании с участием двадцати или тридцати тысяч солдат. Указом 1534 года французская постоянная

армия была определена в семь легионов по шесть тысяч человек в каждом, помимо которых были наемники, и при Франциске I общая численность составляла максимум около 100 000 человек. Английские официальные данные о 1588 году давали армии 90 000 пехотинцев и 9000 всадников, но эти цифры были сильно преувеличены. Фактически, только 22 000 человек были пригодны для службы во время кризиса войны Англии с Испанией. Другие армии были пропорционально малочисленны. Янычары, вмешательство которых часто решало исход сражений, насчитывали в 1520 году всего 12 000 человек. Они были, пожалуй, лучшими войсками в Европе, поскольку турецкая артиллерия была самой мощной из известных. Короче говоря, все эти цифры показывают, что феномен наций, когда каждый физически пригодный человек в армии вступает в смертельную схватку до тех пор, пока не упадет в полном изнеможении, является современным явлением.

[Примечание: Морская мощь]

Влияние морской мощи на историю вошло в поговорку, если, конечно, его не переоценивали с тех пор, как адмирал Махан впервые написал эту книгу. Можно отметить, что это влияние далеко не постоянный фактор. Морская мощь имела значительное значение в войнах Греции и Рима, но в средние века она стала незначительной. Только с открытием семи морей для судоходства было установлено, что управление волнами обеспечивает пути к богатству и колониальной экспансии. В Португалии, Испании и Англии "школа моряков голубой воды" быстро создала военно-морские силы, борьба которых, по-видимому, имела более решающее значение для будущего истории, чем сражения армий на суше.

Когда торговые пути Атлантики вытеснили по важности торговые пути Средиземного моря, естественно, изменились методы навигации, и это повлекло за собой революцию в военно-морской войне, более масштабную, чем та, которая была вызвана паром или подводной лодкой. С тех пор, как красавица Елена спустила на воду тысячу кораблей, и до битвы при Лепанто весло было главным средством передвижения, хотя еще со времен Гомера его дополнял парус. Морские сражения были похожи на сражения на суше; вражеские кили сближались, и солдаты на каждом стремились взять на бордаж команду другого и овладеть ею. Единственной отчетливо военно-морской тактикой был "таран", как это называлось в некогда яркой метафоре.

Но дикие ветры и неистовые волны Атлантики сломали весло в руке галерного раба и мышцы на его спине. Человек снова обуздал враждебные силы природы; вольные бризы были переломлены под ярмо, и новые типы парусных судов с бешеной скоростью понеслись по широкой морской глади. Были построены быстрые суда уаге, поначалу меньшие, чем {491} старые галеоны, но бесконечно более управляемые. И новые лодки, вооруженные "громом" и облеченные крыльями, больше не стремились топить или захватывать врагов с близкого расстояния, а сеяли разрушение издалека. Тяжелые орудия заменили стрелковое оружие и вооруженный нос.

Именно морской гений Англии позволил ей первой и наиболее полно освоиться в новых условиях и так прочно держал трезубец в ее руках, что ни одному врагу никогда не удавалось вырвать его у нее. Генрих VIII уделял большое внимание военно-морскому флоту. У него было пятьдесят три судна общей водоизмещением 11 268 тонн, в среднем по 200 тонн каждое, на борту которых находилось 1750 солдат, 1250 матросов и 2085 орудий. При Елизавете количество затонувших судов сократилось до 42, но тоннаж возрос до 17 055, а экипажи насчитывали 5534 моряка, 804 артиллериста и 2008 солдат. Самые большие корабли тюдоровского флота

водоизмещали 1000 тонн; флагман испанской армады водоизмещал 1150 тонн, имел 46 орудий и 422 человека. Насколько малы эти цифры! Современный крейсер имеет больший тоннаж, чем весь флот Елизаветы; большая подводная лодка больше, чем чудовища Филиппа.

РАЗДЕЛ 4. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ И ПРАВЫ

Из всех сил, стремящихся к равенству между людьми, вероятно, образование масс с помощью дешевых книг и газет было самой сильной. Но эта сила созревала медленно; на закате Средневековья обычный человек все еще был беспомощен. Старые привилегированные сословия действительно были ослаблены и лишены части своих прерогатив, но главным образом благодаря возвышению новой аристократии, аристократии богатства.

[Побочное примечание: Благородство]

Упадок феодализма и церковных привилегий принял форму изменения, а не отмены положения пэра и священника. Они не были обналичены, {492} но были сохранены на более дешевых условиях. Феодальный барон был мелким королем; у его потомка был выбор стать либо разбойником с большой дороги, либо придворным. Поскольку первая альтернатива становилась все менее и менее выгодной, большая часть старой знати отказалась от своих претензий на независимость и нашла благоприятную сферу в качестве спутников монарха, "короля солей", как метко называли типичного короля, лучи которого они отражали и вокруг которого кружили.

Поскольку дворянские титулы теперь стали довольно часто присваиваться богатым людям, а также политикам, древняя кровь обновилась за счет древней гордости. Не то чтобы последнее проявляло какие-либо признаки ослабления. Высокомерие дворянина выходило за рамки всякой терпимости. Высокопоставленные люди обращались с простыми гражданами как с грязью у себя под ногами и даже считали художников и других гениев прислужой. Альфонсо, герцог Феррарский, написал Рафаэлю в выражениях, которые ни один король теперь не стал бы использовать по отношению к фотографу, назвав его лжецом и упрекнув в неуважении к своему начальнику. Тот же герцог потребовал, чтобы Ариосто проституировал свой гений, написав извинения за братоубийство, совершенное его светлостью. Герцог Майенский заколол одного из своих самых преданных последователей за то, что тот добивался руки овдовевшей невестки герцога. Так трудно было представить себе "джентльмена" без благородной крови, что Кастильоне, знаток хороших манер, выдвигает в качестве первого условия для идеального придворного то, что он должен быть высокого происхождения. И, конечно, те, у кого не было этого преимущества, претендовали на него. Итальянец в Лондоне заметил в 1557 году, что все джентльмены без других титулов настаивают на том, чтобы их называли "мистер".

[Примечание: Профессии]

Одним из признаков распада старых средневековых каст была новая классификация мужчин по призванию, или профессии. Верно, что две профессии, {493} высшие должности в армии и церкви, стали уделами знати, а другие свободные профессии были почти так же полностью монополизированы детьми богатого среднего класса; тем не менее важно, что появились новые дороги, по которым люди могли подняться. Ни один класс не извлек большей выгоды из эволюции идей, чем интеллигенция. Из подчиненного, полурабского положения юристы, врачи, педагоги и журналисты, не говоря уже о художниках и писателях, превратились в ведущий, почти правящий орган наших западных демократий.

[Примечание: Духовенство]

На полпути между средневековым сословием и современным призванием находилось духовенство. В католических странах они оставались очень многочисленными; во Франции насчитывалось 136 епископальных или архиепископских кафедр; насчитывалось 40 000 приходских священников с таким же количеством светского духовенства на подчиненных должностях, 24 000 каноников, 34 000 монахов, 2500 иезуитов (в 1600 году), 12 000 монахов и 80 000 монахинь. Хотя среди них, несомненно, было много достойных людей, нельзя честно сказать, что среднестатистические люди соответствовали своему положению морально или интеллектуально. Совершенно не зная значения латыни, на которой они читали свои мессы, и основных догматов своей веры, многие священники компенсировали эти недостатки мастерством в различных суеверных заклинаниях. Публика привыкла видеть монахинь, танцующих на свадьбах, и священников, посещающих таверны и худшие курорты. Некоторые попытки реформ, серьезные и частично успешные, уже были описаны. Непристойные и любовные игры были запрещены в женских монастырях, бои быков были изгнаны из Ватикана, а опасности исповедальни уменьшились благодаря изобретению закрытой ложи, в которой священник должен сидеть и слушать свою кающуюся через маленькое отверстие, вместо того чтобы заставлять ее стоять на коленях у его колен. Общественное мнение по поводу исповеди было настолько развращенным, что в Испании разгорелся длительный спор о том, допустимы ли незначительные акты нечистоты, совершаемые священником во время исповеди женщин, или нет.

[Примечание: Условия жизни протестантского духовенства]

Средний протестантский священник также не был сияющим и горящим светом. Призвание считалось настолько незначительным, что его было трудно восполнить. Одно время говорили, что в трети приходов Англии не хватало штатных сотрудников. Стипендии были мизерными, социальное положение неясным. Женам нового духовенства выпала особенно тяжелая участь: народ считал их немногим лучше наложниц, а парламент назвал "неизбежным злом". В 1559 году английскому правительству пришлось издать судебный запрет, в котором говорилось, что из-за правонарушений, исходящих от женщин, которых пасторы обычно выбирают в качестве помощниц, ни один священник или дьякон не должен вступать в брак без согласия епископа, родителей девушки, "или ее хозяина или любовницы, где она служит". Тем не менее многие священнослужители впоследствии женились на прислуге.

Было сделано очень мало для обеспечения должным образом подготовленного служения. Менее половины из 2000 священнослужителей, рукоположенных в Виттенберге в 1537-60 годах, были университетскими служащими; большинство были драпировщиками, портными и сапожниками, "обычными идиотами и мирянами", как их называли, хотя слово "идиот" тогда не имело того пренебрежительного смысла, который оно имеет сейчас. Преподобные джентльмены также не отличались необычайно высоким характером. Поскольку от них ничего не требовалось, кроме чистоты учения, чистота жизни отошла на второй план. Действительно удивительно видеть, как знакомому Лютера удалось попасть в одну церковь после того, как он был уволен из другой по вполне обоснованному обвинению в соращении, и как впоследствии он был осужден за изнасилование. Возможно, это был крайний случай, но то, что большинство священнослужителей были морально недостойны, - это {495} печальное убеждение, подтверждаемое современными записями.

[Примечание: Характер проповедей]

Проповеди были длинными, доктринальными и политическими. Кранмер посоветовал Латимеру проповедовать не более полутора часов, чтобы король не устал. То, как популярный проповедник — в данном случае католик — обращался к своей аудитории, стоит процитировать из проповеди, произнесенной в Ландау в 1550 году.

Лютеране [начал преподобный джентльмен] выступают против поклонения Марии и святым. А теперь, друзья мои, будьте добры выслушать меня. Душа умершего человека попала во врата рая, и Петр закрыл их у него перед носом. К счастью, Мать Божья прогуливалась снаружи со своим милым Сыном. Покойный обращается к ней и напоминает ей о Патерах и заповедях, которые он читал во славу ее, и о свечах, которые он зажег перед ее изображениями. Тогда Мария говорит Иисусу: "Это чистая правда, Сын мой". Господь, однако, возразил и обратился к просителю: "Разве ты никогда не слышал, что Я есмь путь и дверь в жизнь вечную?" он спрашивает. "Если ты - дверь, то я - окно", - возразила Мэри, хватая "душу" за волосы и швыряя ее в открытое окно. А теперь я спрашиваю вас, не все ли равно, входите ли вы в Рай через дверь или через окно?

У наших предков было наивное знакомство со священными вещами, которому невозможно подражать. Кто бы сейчас назвал корабль "Иисус", как был назван пиратский работоровец Хокинса? Какой серьезный священнослужитель сравнил бы сейчас троих своих друзей с Отцом, Сыном и Святым Духом, как это сделал Лютер? Реформатор также написал сатиру на созыв собора в форме письма от Святого Духа, подписанного Гавриилом в качестве нотариуса и засвидетельствованного Михаилом, Настоятелем Рая, и Рафаилом, Придворным Врачом Бога. В другой раз он выступил с пасквилем на коллекцию {496} реликвий, собранных его врагом архиепископом Майнца, заявив, что в них содержались такие вещи, как "изрядный кусок левого рога Моисея, целый фунт ветра, который дул для Илии в пещере на горе Хорив, а также два пера и яйцо Святого Духа" в виде голубя. Все это, конечно, не в непристойной ненормативной лексике, а в произведениях, предназначенных для назидания. . . .

[Примечание: Город]

Несмотря на красоту, город наших предков не вызывал восхищения в других отношениях. Грязь была скрыта под его красивыми одеждами, так что он походил на казацкого принца — сплошь горностаи и паразиты. Его узкие улочки, зажатые между прочными стенами, были забиты свиньями и курами и завалены отбросами. Часто они были плохо вымощены, зимой их заливало грязью и слякотью. Более того, по ночам они были темными и опасными, кишели загулявшими принцами и молодыми дворянами, а также другими преступниками.

[Примечание: Дом]

Как и внешний вид, интерьер дома состоятельного горожанина был скорее симпатичным, чем чистым или приятно пахнущим. Высокие деревянные панели и мебель, выполненные в разных стилях, но часто напоминающие то, что сейчас известно как "миссия", были прекрасны, как и украшения — гобелены, часы, картины и цветы. Но место ковров заменяли тростниковые подстилки, которые время от времени подновляли, не нарушая лежащую под ними массу мусора. Окон было меньше, чем сейчас, а очагов еще меньше. Иногда там был открытый очаг, иногда огромная изразцовая печь. В большинстве домов отапливалась только одна или две

комнаты, иногда, как в случае с августинским монастырем в Виттенберге, только ванная, но обычно и гостиная.

[Примечание: Платье]

Одежда людей была гораздо более разнообразной и живописной, чем в наши дни. Оба пола одевались в безвкусовые цвета и восторгались странной модой, так что, по словам Роджера Эшема, "он считал себя самым храбрым, что было самым чудовищным в неправильном порядке". Для женщин мода на декольте только-только пришла, как и многие другие модные вещи, из полусвета. Екатерине Медичи приписывают изобретение корсета - зверства, оправдываемого только ее собственной острой потребностью в нем.

[Примечание: Еда]

Летом день начинался в пять, зимой - в семь. За плотным завтраком следовал более плотный обед в десять и ужин в пять, а между ними были еще два или три "тифлиса", или "выпивки". Основными продуктами питания были мясо и злаки; очень немногие из наших овощей были известны, хотя некоторые только начинали выращивать. [Примечание: 1585-6] Самым ценным продуктом питания, завезенным из нового света, был картофель. Еще одним импортным товаром, который не был полностью акклиматизирован в Европе, была индейка. Даже сейчас они редки, но в литературе того времени есть несколько интересных упоминаний о них, одно из которых относится к 1533 году в "застольной беседе" Лютера. Обычным явлением была домашняя птица других сортов, а также яйца, дичь и рыба. При приготовлении блюд наибольшее воздействие оказывали сахар и специи. Обычные фрукты — яблоки, вишни и апельсины — придавали столу полезное и приятное разнообразие. Во время еды использовались ножи и ложки, но вилки были неизвестны, по крайней мере, в северной Европе.

[Побочное примечание: Напиток]

Все съестные припасы запивались обильными глотками. Любитель воды, подобный сэру Томасу Мору, был редчайшим из исключений. Бедняки пили в основном пиво и эль; человеку, страдающему от слишком крепкого напитка накануне вечером, рекомендовали самый мягкий сорт, известный как "слабое пиво". Вино ценилось больше, и существовало несколько сортов. Поскольку шампанского не было, бургундия пользовалась большим уважением, как и некоторые крепкие, сладкие испанские и португальские вина {498}. Самыми безвредными напитками были кларет и рейнское вино. Существовали некоторые "смешанные напитки", такие как сэк или гиппокрас, в которых пиво или вино дополняли яйцами, специями и сахаром. Обычно выпиваемые количества были большими. Роджер Эшам отмечает, что Карл V пил лучшее, что он когда-либо видел, никогда не меньше кварты разом. На столе английского аристократа за завтраком стояли кварта вина и кварта пива, а ликер тогда заменял чай, кофе, шоколад и все "безалкогольные" напитки, которые сейчас стимулируют общение.

[Прим. автора: Табак, 1573]

"В наши дни, - писал Харрисон, - вдыхание дыма индийской травы под названием "Тобако" с помощью инструмента, имеющего форму маленького ковша ... широко распространено и используется в Англии против простуды и некоторых других заболеваний". Как и другие наркотики, табак вскоре стал использоваться как наркотик сам по себе, и в настоящее время поэты прославляют его как "божественный табак" и "нашу святую траву никотиан". В самом

деле, что такое курение, выпивка и другие попытки добиться чистых ощущений в жертву силе и разуму, как не своего рода прагматизированная поэзия? Некоторые эпохи, в том числе наиболее поэтичные, такие как эпоха Перикла и эпоха Рабле, обожествляли опьянение и чувственность; другие, особенно наша собственная, предпочитали накопление богатства и знаний чувственным удовольствиям. Это важный психологический контраст.

Если бы мы внезапно перенеслись на машине времени мистера Уэллса на четыреста лет назад, мы были бы поражены не столько тем, что было у наших предков, сколько тем, чего им не хватало. Перья заменили авторучки, карандаши, пишущие машинки и диктофоны. Почтовые расходы стали не только дороже, но и не было телефонов или телеграмм, которые могли бы дополнить это. Вчерашние мировые новости, которые мы впитываем с утренней чашкой, затем медленно просеиваются через различные средства коммуникации, в основном устные. Прошло два месяца после битвы, прежде чем Филипп Испанский узнал о судьбе своей собственной армады. В домах не было парового отопления, не было лифтов; занятой домохозяйке не помогали пылесосы, швейные машины и газовые плиты; деловой человек не мог ездить в свой офис, а фермер - на рынок на автомобилях. Не было ни железных дорог, ни пароходов, которые могли бы сделать путешествие быстрым и роскошным.

[Примечание: Путешествие]

Тем не менее путешествия с благочестивыми целями, для удовольствия и по делам были обычным явлением. Паломничества в Иерусалим, Рим, Компостеллу, Лоретто, Уолсингем и многие другие святыни были частыми в католических странах. Студенты постоянно кочевали из одного университета в другой, торговцы были в разъездах, а джентльмены наслаждались достопримечательностями. Дешевым и распространенным способом передвижения были пешие прогулки. Лодки на реках и лошади на суше были альтернативой. Дороги были настолько плохими, что лошади иногда "чуть не терпели кораблекрушение". Путешествие из Вормса в Рим обычно занимало двенадцать дней, но могло быть совершено и за семь. Путешествие Ксавье из Лиссабона в Гоа заняло тринадцать месяцев. Гостиницы были хорошими во Франции и Англии; менее приятными в других местах. Эразм особенно ненавидел немецкие гостиницы, где большая гостиная и столовая отапливались до высокой температуры печкой, вокруг которой путешественники сушили свою дымящуюся одежду. Запахи, вызванные этими операциями, а также блохи и мыши, которыми кишели более бедные постоялые дворы, делали пребывание здесь каким угодно, только не роскошным. Любая жалоба встречалась ответом: "Если тебе это не нравится, иди куда-нибудь еще", - обычно неосуществимая альтернатива. Когда путешественника проводили в его спальню, он обнаружил, что зимой там очень холодно, хотя перины достаточно согревали его. Он видел, что его комната заполнена другими кроватями, занятыми его попутчиками обоего пола, и ему самому часто приходилось делить свою постель с незнакомцем. Обычаем того времени было принимать одну ванну в неделю. Для этого существовали общественные бани, [Примечание: Бани], посещаемые обоими полами. Распространенной формой развлечения была "банная вечеринка".

[Примечание: Спорт]

Современники Лютера и Шекспира с тем же ненасытным азартом, который они проявляли в других делах, предавались развлечениям. Никогда еще театр не был так популярен. Многие виды спорта, такие как травля медведей и быков, были жестокими. Охота также доставляла большое удовольствие, хотя гуманные люди, такие как Лютер и многие другие, протестовали

против "резни глупых и прискорбных зверей". Теннис был настолько популярен, что только в Париже насчитывалось 250 кортов. Игра отличалась от современной тем, что корты были длиной 121 фут вместо 78 футов, а деревянные мячи и "биты" — так до сих пор называют ракетки в Англии — были намного тяжелее. Страстно играли в карты и кости, игра под названием "триумф" или "козырь" была прародительницей нашего виста. В шахматы играли почти так же, как и сейчас.

Молодежь любила танцы, и некоторые пожилые люди качали над ними головами, как тогда, так и сейчас. Меланхтон танцевал в возрасте сорока четырех лет, и Лютер одобрял такие вечеринки в сопровождении надлежащей компаньонки как средство сблизить молодых людей. С другой стороны, танцы регулировались во многих штатах и были запрещены в других, таких как Цюрих и Женева. Некоторые танцы были довольно величественными, как менуэт, другие представляли собой шумную возню, во время которой девушки целовались, обнимались и головокружительно кружились от своих партнеров. Комментарий посла Шотландии о том, что королева Елизавета "танцевала очень высоко", создает впечатление ловкости, которую сейчас вряд ли сочли бы проявлением лучшего вкуса.

[Примечание: Хорошие манеры]

Налет вежливости был тонким. Правда, гуманисты, {501} публицисты и писатели сочиняли друг другу хвалебные речи, которые были бы гиперболами, если бы были обращены к утренним звездам, поющим на заре творения, но однажды между обидчивой расой писателей завязалась ссора, и вырвался бьющий гейзер невообразимой низости. Ни один образ не был слишком отвратительным, ни один эпитет - слишком сильным, ни одно обвинение - слишком низменным, чтобы выдвигать его против противника. Героические примеры греческой и римской инвективы меркли перед неисчерпаемыми ресурсами ученого биллингсгейта, хранящимися в умах гуманистов и теологов. Обвинять врага в атеизме и ереси было само собой разумеющимся; добавлять обвинения в противоестественных пороках или, если он был мертв, истории о самоубийстве и о дьяволах, жадно парящих над его смертным одром, было чрезвычайно распространенным явлением. Даже коронованные особы обменивались подобными любезностями.

Кроме того, росло глубокое понимание достоинств вежливости. Разве Баярд, капитан армии Франциска I, не был "рыцарем без страха и упрека"? Разве сэр Филип Сидни не совершил один из совершенных поступков милосердия, когда, умирая на поле битвы и мучимый жаждой, он передал свою чашу с водой простому солдату с простыми словами: "Твоя нужда больше, чем моя"? Одной из самых справедливо известных и популярных книг шестнадцатого века была *Книга придворного* Бальдессаре Кастильоне, которую доктор Джонсон назвал лучшим трактатом о хорошем воспитании, когда-либо написанным. Опубликованная на итальянском в 1528 году, она была переведена на испанский в 1534 году, на французский в 1537 году, на английский и латынь в 1561 году и, наконец, на немецкий в 1566 году. Она выдержала более 140 изданий. В нем излагается идеал Прекрасного принца, человека благородного происхождения, знатока игр и войны, храброго, скромного, незатронутого, остроумного, элегантного оратора, хорошего танцора, знакомого с литературой и сведущего в музыке, а также человека чести {502} и вежливости. Примечательно, что этот идеал соответствовал тому времени, хотя, следует признать, он редко достигался. Ариосто, которому автор посвятил первую книгу, изображает в качестве своих идеалов рыцарей, в которых чувство чести полностью заменило все

христианские добродетели. Они постоянно дрались друг с другом из-за своей любви, совсем как быки, львы, бараны и собаки, с которыми поэт постоянно сравнивает их. Даже женщины вряд ли чувствовали себя в безопасности в их обществе.

Иногда краткий анекдот накладывает отпечаток на характер, чего не сделает никакое длинное описание. Следующие черты характера типичны для наших предков:

Однажды зимним утром величественная матрона поднималась по ступеням церкви Святой Гудулы в Брюсселе. Они были покрыты льдом; она поскользнулась и непроизвольно села. В этот мучительный момент с ее губ сорвалось одно-единственное непристойное слово. Когда смеющиеся прохожие, среди которых был и Эразмус, помогли ей подняться на ноги, она поспешно ретировалась, пунцовая от стыда. В наши дни у дам нет такого словарного запаса на кончике языка.

Испанский посол Энрикес де Толедо находился в Риме с визитом к Империи де Кугнатис, даме, которая, хотя и принадлежала к полусвету, жила как принцесса, занималась литературой и искусством, и среди ее друзей было много поэтов, а также много знати. Полы в ней были устланы бархатными ковриками, стены обиты золотистой тканью, а столы завалены дорогими безделушками. Испанский придворный внезапно повернулся и обильно плюнул в лицо своему лакею, а затем объяснил слегка пораженной компании, что он выбрал эту цель, а не пачкать великолепие, которое видел вокруг себя. Отвратительный поступок сошел за тонкую и удачную лесть.

[Примечание: 1538]

Среди студентов Виттенберга был некий Симон Лемхен, или Лемниус, похотливый парень из низших слоев общества, опубликовавший два тома непристойных эпиграмм, в которых выдвигались необоснованные и отвратительные обвинения против Лютера, Меланхтона и других реформаторов и их жен. Когда он бежал из города до того, как его могли арестовать, Лютер отомстил частично проповедью катилинарианца, частично сочинением для распространения среди своих друзей нескольких стихов о Лемнии, в которых грубость и непристойности провинившегося юноши были сильно преувеличены. Можно было бы удивиться, узнав о подобных мерах, принятых профессором богословия сегодня.

[Примечание: Мораль]

При измерении нравственности данной эпохи статистика неприменима; или, во всяком случае, вероятно, верно, что общее впечатление, которое складывается о моральном тоне любого периода, более достоверно, чем можно было бы получить из тщательно собранных цифр. И то, что такое впечатление действительно создается, причем очень сильное, неоспоримо. У каждого в голове есть более или менее четкое представление об этических стандартах древних Афин, Рима, Средневековья, Возрождения, Пуританского Содружества, Реставрации, Викторианской эпохи.

Шестнадцатый век был временем, когда мораль, возможно, была не намного хуже, чем сейчас, но когда порок и преступление больше выставлялись напоказ и о них говорили. Пуританство и ханжество в наши дни сделали все возможное, чтобы скрыть коррупцию и непристойности под поверхностью. Но наши предки не отличались такой деликатностью. Наивная откровенность того времени, когда оно прославлялось во плоти и когда обличало грех, придает тому времени

полнокровный облик, которого не хватает сейчас. Большое потребление алкоголя в среднем — определенный раздражитель моральных недугов - и неравномерное отправление правосудия с законами, одновременно жестокими и коррумпированными, должно было иметь плохие последствия.

Реформация не оказала постоянного заметного влияния {504} на моральные стандарты. Поскольку это часто сопровождалось временным рвением к праведности, за этим слишком часто следовал отказ от общепринятых стандартов и акцент на догме в ущерб характеру, что действовало плохо. Латимер считал, что за английской реформацией последовала волна зла. Лютер сказал, что, когда дьявол папства был изгнан, на его место пришли семь других дьяволов, и что в Виттенберге считался настоящим святым человек, который мог сказать, что нарушил не первую заповедь, а только остальные девять. Большая часть этой жалобы должна быть отнесена к разочарованию из-за того, что мы не достигли совершенства, и в противовес этому можно привести множество свидетельств моральных преимуществ, гарантированных реформой.

[Примечание: Насилие]

Это была эпоха насилия. Убийства были обычным явлением повсюду. При малейшей провокации мужественный человек должен был выхватить рапиру или кинжал и вонзить их в своего обидчика. Убийство неверных жен было особым делом чести. Бенвенуто Челлини может похвастаться несколькими заказными убийствами и многочисленными нападениями, а сам он отделался без единой царапины от закона, на что папа Павел III милостиво возразил, что "люди, уникальные в своей профессии, такие как Бенвенуто, не подчинялись законам". Число уникальных людей, должно быть, было велико в Святом Городе, поскольку в 1497 году один горожанин засвидетельствовал, что он видел, как более сотни трупов людей, преданных смерти, были брошены в Тибр, и никого это не беспокоило.

[Примечание: Разбой]

Разбой беззастенчиво разгуливал по всей Европе. К 1585 году число бандитов только в папской области возросло до 27 000. Сикст V использовал энергичные средства для их подавления. Одна из его стратегий слишком характерна, чтобы не упоминать о ней. У него была вереница мулов, нагруженных отравленной пищей, а затем {505} он погнал их по дороге, которая, как он знал, кишела разбойниками с большой дороги, которые, как он и рассчитал, на самом деле брали их и ели пищу, от которой многие умирали.

Другие страны, возможно, меньше страдали от разбойников, но ни одна из них не была свободной. Похвала Эразма Генриху VIII в 1519 году за то, что он очистил свое королевство от вольных сапожников, была преждевременной. В более диких краях, особенно на границе с Шотландией, они все еще были распространены. В 1529 году Армстронги из Лиддердейла, расположенного сразу за границей, могли похвастаться тем, что сожгли 52 церкви, а также совершили крупные опустошения частной собственности. Когда Яков V принял суровые меры для их подавления [Прим. автора: 1532] и учредил для этой цели Коллегию правосудия, хороший закон был непопулярен.

Банды старых солдат и новобранцев бродили по Франции, Испании и Нидерландам. Самыми страшными разбойниками в Германии были вольные рыцари. Из своих живописных замков они вышли, чтобы грабить мирные деревни и обозы с товарами, идущие из одного окруженного стенами города в другой. При этом они причиняли жестокие увечья несчастным торговцам,

которых считали своей естественной добычей. Даже величайшие из них, такие как Фрэнсис фон Зикинген, не стыдились время от времени "позволять своим лошадям обрывать кошельки путешественников". Но не только дворяне становились джентльменами дороги. Зажиточный берлинский купец по имени Джон Кольхазе был ограблен саксонским сквайром на пару лошадей и, не сумев добиться возмещения ущерба в коррумпированных судах, бросил вызов всей избирательной Саксонии, заявив, что будет грабить, жечь и подвергаться репрессиям до тех пор, пока ему не выплатят компенсацию за его потерю. В течение шести лет [Примечание: 1534-40] он промышлял разбоем с большой дороги, но в конце концов был схвачен и казнен в Бранденбурге.

[Примечание: Мошенничество]

Мошенничество во всех смыслах было не менее распространенным явлением, чем насилие. Когда Макиавелли свел к обоснованной теории практику всякого лицемерия и коварства, европейские дворы были только рады прислушаться к его советам. Фактически, они довели свои взаимные попытки обмана до такой степени, что это было не только вредно для них самих, но и нелепо, взяв за правило нарушать клятвы и всячески принижать ценность добросовестности. В личной жизни также было много неправды. К сожалению, ложь в интересах благочестия была оправдана Лютером, в то время как иезуиты создали разрушающее душу искусство уклончивости.

[Примечание: Нецеломудрие]

Стандарты сексуальной чистоты были нарушены реакцией на аскетизм средневековья. Лютер провозглашал, что целомудрие невозможно, в то время как гуманисты превозносились во плоти. Общественное мнение не было шокировано проституцией; ученые люди время от времени спорили, является ли блуд грехом, и итальянцы теперь стали называть блудницу "вежливой женщиной" [Прим. перев., 1500] (куртизанкой), а убийцу - "храбрецом" (bravo). Августин говорил, что блудницы - это средство от худших вещей, и церковь не только подмигивала борделям, но часто сама выдавала им лицензии. Незаконнорожденность не была препятствием для получения наследственных прав в Италии.

Реформаторы пытались полностью искоренить "социальное зло". Под руководством Лютера в реформированных городах были закрыты публичные дома. Когда это было сделано в Страсбурге, женщины составили петицию, в которой заявили, что они занимались своей профессией не по пристрастию, а только для того, чтобы заработать на хлеб, и попросили о честном труде. Предпринимались серьезные попытки дать им это или заполучить им мужей. В Цюрихе и некоторых других городах бордели остались открытыми, но были переданы под надзор офицера, который должен был следить за тем, чтобы женатые мужчины их не посещали. У реформаторов был странный союзник в растущем страхе перед венерическими заболеваниями. Другие страны последовали примеру Германии в ее войне с проститутками. В Лондоне публичные дома с дурной славой были закрыты в 1546 году, в Париже - в 1560 году. Эдикт от 23 июля 1566 года предписывал всем проституткам покинуть Рим, но когда 25 000 человек, включая женщин и их иждивенцев, покинули город, потеря государственных доходов побудила папу разрешить им вернуться 17 августа того же года.

[Примечание: Полигамия]

Одним из поразительных отклонений шестнадцатого века, как нам кажется, была настойчивая пропаганда полигамии как если и не желательной самой по себе, то, по крайней мере, предпочтительной по сравнению с разводом. Влиятельным людям, будь то католики или протестанты, было нетрудно добиться развода или аннулирования брака, но это было более трудным делом, чем сейчас в Америке. В Шотландии действительно существовал своего рода пробный брак, известный как "обручение рук", в результате которого стороны могли жить вместе год и один день, а затем продолжать жить в браке или раздельно. Но, начиная с Лютера, многие реформаторы считали полигамию менее неправильной, чем развод, на библейском основании, что, хотя первое практиковалось во времена Ветхого Завета и не было четко запрещено Новым Заветом, развод был запрещен, за исключением случаев супружеской измены. Лютер выдвинул этот тезис еще в 1520 году, когда он был чисто теоретическим, но он не гнушался применять его при случае. Удивительно, что большая часть авторитетного общественного мнения была готова мириться с полигамией, по крайней мере, в исключительных случаях. Папы римские, теологи, гуманисты вроде Эразма и философы вроде Бруно - все они считали множество жен естественным состоянием.

[Примечание: Брак]

Но все это время инстинкты масс были в этом отношении более здоровыми, чем предписания их руководителей. В то время как полигамия оставалась причудливой и исключительной практикой, страсти того времени в значительной степени были поглощены моногамным браком. Поскольку супружеству только что вернули его надлежащее достоинство как лучшего состояния для человека, ему были возданы высокие почести. {508} Церковь, действительно, оставалась верна своему предпочтению безбрачия, но инквизиции было нелегко подавить распространенное в то время мнение о том, что брак лучше девственности. Для реформаторов брак был не только необходимым условием счастья человечества, но и типично святым состоянием, в котором наилучшим образом могло совершаться служение Богу. Со всех сторон раздавались песнопения, прославляющие супружество как истинное средство от греха, а также как самое счастливое состояние. Прелести супружеской любви воспеваются в равной степени как в застольных беседах и письмах Лютера, так и в стихах итальянского гуманиста Понтано. "Я всегда придерживался мнения, - пишет Ариосто, - что без жены рядом с собой ни один мужчина не может достичь совершенной доброты или жить без греха". "В браке в двух телах один разум, - говорит Генри Корнелиус Агриппа, - одна гармония, одни и те же печали, одни и те же радости, одинаковая воля, общее богатство, бедность и почести, одна постель и один стол. . . . Только муж и жена могут бесконечно любить друг друга и служить друг другу до тех пор, пока оба живы, ибо никакая любовь не может быть такой неистовой или такой святой, как у них".

О страсти к браку самой по себе свидетельствует практика вдов и вдовцов вступать в повторные браки как можно скорее. [Примечание: Повторный брак распространен] Друг Лютера, Юстус Ионас, женился трижды, каждый раз с замечанием о том, что лучше жениться, чем сгореть. Английский епископ Ричард Кокс оправдал свой второй брак в преклонном возрасте абсурдным письмом, в котором сетовал на то, что у него нет дара целомудрия. Виллибрандис Розенблатт последовательно вышла замуж за Луиса Келлера, Эколампадия, Капито и Буцера, церковного иерарха трех ее последних мужей, что, можно было бы подумать, дало ей почти официальное положение. Сэр Томас Мор женился во второй раз всего через месяц после смерти своей первой жены.

{509} [Примечание: Обращение с женами]

Как это ни печально, но с женами, столь необходимыми для счастья мужчин, часто плохо обращались после того, как они были завоеваны. В шестнадцатом веке с женщинами все еще обращались как с несовершеннолетними; выйдя замуж, они не могли составить завещания; их мужья могли безнаказанно избивать их, поскольку жестокость не была поводом для развода. Семейная жизнь сэра Томаса Мора оценивается Эразмом как образец совершенства, потому что "шутками и уговорами он добился от своей жены большей уступчивости, чем большинство мужей властной резкостью". Одна из таких шуток, обычная, заключалась в том, что его жена не была ни хорошенькой, ни молодой; одним из "уговоров", я полагаю, была эпиграмма сэра Томаса о том, что, хотя жена - тяжелое бремя, она могла бы быть полезной, если бы умерла и оставила мужу деньги. В Утопии, уверяет он нас, мужья наказывают своих жен.

[Примечание: Положение женщины]

В положении женщин пересекались различные течения. Древний ужас перед искусительницей, унаследованный от ранней церкви, высокомерное презрение, проявляемое греческими философами, смешались с оттенками рыцарства и еще более новым пониманием истинного достоинства женщины и равных с ней сил. Ариосто обращался с женщинами как с избалованными детьми; гуманисты с удовольствием повторяли старые насмешки над ними у затхлых авторов; богословы были строже всех в своих суждениях. "Природа создала их, - говорит Джон Нокс о женщинах, - слабыми, немощными, нетерпеливыми, немощных и глупых, а опыт показал, что они непостоянны, изменчивы, жестоки и лишены духа совета и режима". "Если женщины рожают детей до тех пор, пока не заболеют и в конце концов не умрут, - проповедует Лютер, - это не причинит вреда. Пусть они рожают детей до тех пор, пока не умрут от этого; для этого они и существуют". В 1595 году в Виттенберге обсуждался вопрос о том, являются ли женщины людьми. Общий тон был пренебрежительным. Можно было бы составить антологию из {510} пословиц, рекомендующих (в стиле Ницше) кнут как лучшее средство от секса.

Но при этом было определенное рыцарство, которое восставало против всей этой жестокости. Кастильоне отстаивает вежливость и доброту к женщинам на самом высоком и прекрасном уровне - духовную ценность женской любви. Ариосто поет:

Без сомнения, они отвратительны и вышли за пределы всякой благодати
Который осмеливается ударить девицу по лицу,
Или сорвать с ее головы всего лишь волосок.

Некоторые произведения, такие как Т. *Защита Элиотом добропорядочных женщин* и, подобно *благородству и превосходству женского пола* Корнелия Агриппы, свидетельство подлинного признания достоинства женщины. Некоторые критики усмотрели в последнем названном произведении парадокс, подобный *Восхвалению безумия*, который был дорог гуманистам. Мне это кажется абсолютно искренним, даже когда речь заходит о том, что женщина так же превосходит мужчину, как мужчина животное, и восхваляет ее как последнее и высшее творение творения.

[Примечание: Дети]

В шестнадцатом веке семья была в среднем намного больше, чем сейчас. Вряд ли можно представить себе мужчину в этом поколении, у которого было бы больше дюжины детей; можно упомянуть нескольких представителей того времени, у которых было более двадцати. У Энтони Кобергера, знаменитого нюрнбергского печатника, было двадцать пять детей: восемь от первой и семнадцать от второй жены. Альберт Дюрер был третьим из восемнадцати детей той же пары, из которых, по-видимому, только трое достигли зрелости. Джон Колет, родившийся в 1467 году, был старшим из двадцати двух братьев и сестер, из которых к 1499 году он был единственным выжившим. Конечно, эти семьи были исключительными, но не настолько вопиющими. Выводок из шести-двенадцати человек был очень распространенным явлением.

Дети воспитывались сурово во многих семьях, {511} строго почти во всех. От них не ожидалось, что они будут сидеть в присутствии своих родителей, если их не попросят, или говорить, если к ним не обратятся. Они должны были дважды в день кланяться и просить благословения. Леди Джейн Грей жаловалась, что если она не делает все так идеально, как Бог сотворил мир, то ее благородные родители подвергают ее горьким насмешкам и вскоре так щиплют, что она воображает себя в аду. К розге часто прибегали. И все же было много естественной привязанности. Немногие отцы относились к своим детям лучше, чем Лютер, и он гуманно советовал другим полагаться как на награду, так и на наказание — на яблоко, как на хлыст, — и, прежде всего, не наказывать малышей так сурово, чтобы заставить их бояться или ненавидеть своих родителей.

Предполагалось, что *власть patria potestas*, как это было в Риме, будет распространяться как на взрослых, так и на молодых людей. Общественное мнение особенно настаивало на том, чтобы дети вступали в брак в соответствии с желаниями своих родителей. Среди знати детские браки были обычным явлением, простой формой, конечно, за которой не сразу следовало сожительство. Обручение было очень торжественным событием, приравнивавшимся к определенному контракту. Помолвленной паре была предоставлена полная свобода по закону Швеции и обычаям многих других стран. Тем более необходимо, по мнению того времени, не допускать, чтобы юноши и девушки обручались без согласия своих родителей.

[Примечание: Здоровье]

Вероятно, уровень здоровья сейчас выше, чем был тогда, а средняя продолжительность жизни больше. Это правда, что немногие эпидемии когда-либо были более смертоносными, чем недавний грипп; и с другой стороны, можно указать на множество примеров людей шестнадцатого века, доживших до грубой и зеленой старости. Статистика тогда была немногочисленной и ненадежной. В 1905 году уровень смертности в Лондоне составлял 15,6 на тысячу человек; в 1861-1880 годах он составлял в среднем 23 на тысячу. Было {512} подсчитано, что именно таким был уровень смертности в Лондоне в здоровый год правления Елизаветы, но следует помнить, что год без какой-либо эпидемии был почти исключительным.

[Примечание: Эпидемии]

В то время бубонная чума была пандемией и приводила к ужасающим последствиям. Многие из приведенных цифр — например, 200 000 человек погибло в Москве в 1570 году, 50 000 в Лионе в 1572 году и 50 000 в Венеции в 1575-1576 годах - должны быть грубым преувеличением, но они дают яркое представление о популярном представлении о преобладающей смертности. Другим

бедствием была потница, впервые отмеченная как эпидемия в 1485 году и вернувшаяся в 1507, 1517, 1528 и 1551 годах. Туберкулез, вероятно, был так же широко распространен в шестнадцатом веке, как и в двадцатом, но он был менее заметен из-за более тяжелых заболеваний и потому, что его редко распознавали на последних стадиях. Оспа была обычным явлением, поскольку ее не удалось остановить вакцинацией, и вместе с ней были смешаны различные заразные болезни, такие как корь, которые только в XVI веке начали признавать отличающимися от других. Одной из болезней, почти характерных для прежних эпох, настолько более распространенной она была в них из-за более нездоровой пищи и питья, была каменная болезнь.

Венерические заболевания стали настолько заметными в шестнадцатом веке, что часто считалось, что сифилис был завезен из Америки. Это, однако, было опровергнуто авторитетами, которые считают, что оно пришло из классической древности, но что оно не отличалось от других бедствий. Латинское название *variola*, как и английское *roх*, применялось без разбора к сифилису, натуральной оспе, ветряной оспе и т.д. Гонорея также была распространена. Распространению этих заболеваний способствовали многие причины, помимо преобладающей моральной распущенности; например, отсутствие чистоты в общественных банях.

{513} Бесполезно просматривать весь список эпидемий. Достаточно сказать, что все, что сейчас мучает бедных смертных, от зубной боли до насморка, от ревматизма до безумия, было известно нашим предкам в обостренных формах. Пагубным было употребление алкоголя, вредность которого была настолько малоизучена, что его фактически назначали при многих расстройствах, среди которых он является определенным раздражителем. Добавьте к этому отсутствие санитарных мер, не только дезинфекции, но и общей чистоты, и этиология этих явлений будет удовлетворительно объяснена.

[Примечание: Медицина]

Хотя даже сейчас медицина как наука и искусство кажется отсталой по сравнению с хирургией, она, тем не менее, добилась значительных успехов с тех пор, как стала эмпирической. В средние века это было почти чисто догматично; люди не спрашивали свои глаза и умы, какова природа человеческого тела и влияние на него того или иного наркотика, они спрашивали Аристотеля, или Гиппократ, или Галена, или Авиценну. Главное соперничество, и оно было ожесточенным, происходило между греческой и арабской школами. [Примечание: ок. 1550] Галенизм окончательно восторжествовал незадолго до того, как были проведены первые эксперименты и исследования. Величайшим именем первой половины столетия было имя Теофраста Парацельса, [Примечание: Парацельс, 1493-1541] самого отъявленного шарлатана, который когда-либо жил, но который сделал что-то, чтобы разрушить мертвую хватку традиции. Он разработал свою систему *a priori*, исходя из фантастического постулата о параллелизме между человеком и вселенной, микрокосмом и макрокосмосом. Он считал, что Библия дает ценные предписания, например, при лечении ран маслом и вином.

[Примечание: Хирургия]

Под руководством Амбруаза Паре [Прим. автора: Pаре, 1510-90] хирургия улучшилась скорее, чем медицина. Действительно, без анестезии операции были трудными, но многое было сделано. Паре впервые сделал возможной крупномасштабную ампутацию, изобретая лигатуру для {514} крупных артерий, которая эффективно контролировала кровотечение. Этот ученик

цирюльника, презиравший школы и писавший на местном наречии, внес и другие важные усовершенствования в технику хирурга. Примечательно, что каждое открытие рассматривалось как коммерческая тайна, которая использовалась в интересах нескольких практиков, а не передавалась бесплатно на благо человечества.

В акушерстве Паре также сделал открытия, которые здесь не нуждаются в подробностях. До его времени почти повсеместно роженицам оказывали помощь только акушерки своего пола. Действительно, предубеждение по этому поводу было настолько сильным, что женщины, как известно, скорее умирали от опухолей брюшной полости, чем позволяли врачам-мужчинам обследовать их. Допуск мужчин к профессии акушерки ознаменовал значительное улучшение метода.

[Примечание: Безумие]

Лечение невменяемости было неумелым. Бедных пациентов били плетью или иным образом мучили за упоминание предмета их мономании. Наши предки находили удовольствие в наблюдении за выходками обезумевших умов и устраивали вечеринки, чтобы ходить в бедламы и дразнить безумцев. Действительно, некоторые сцены в пьесах Шекспира, в которых изображено безумие и которые кажутся нам трагичными, вероятно, имели комическое значение для простых людей, перед которыми впервые ставились пьесы.

[Примечание: Больницы]

Еще в 1510 году Лютер посетил одну из больниц Флоренции. Он рассказывает, какими красивыми они были, какими чистыми и хорошо обслуживаемыми были достопочтенные матроны, которые весь день бесплатно заботились о бедных, не называя их имен, а ночью возвращались домой. Подобные учреждения были славой Италии, поскольку, к сожалению, их приходилось искать в других странах. Когда они, наконец, были созданы в других местах, их слишком часто оставляли на попечение невежественных и злых слуг. От историй, которые можно прочитать о парижском Отель-Дье, просто волосы встают дыбом.

{515}

ГЛАВА XI

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

РАЗДЕЛ 1. УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ ДЕНЕГ

[Примечание: Реформация и экономическая революция]

Параллельно с Реформацией происходила экономическая революция, еще более глубокая и долговременная по своим последствиям. И реформация, и революция были проявлениями индивидуалистического духа той эпохи; замена, в последнем случае, частного предпринимательства и конкуренции общими усилиями как метода производства богатства и его распределения. И к тому, и к другому готовились задолго до того, как они фактически нарушили существующий порядок; обоим потребовалось несколько столетий, чтобы полностью раскрыть свои последствия, и в каждом по-настоящему решающие шаги были предприняты в шестнадцатом веке.

Несомненно, неверно видеть либо в Реформации, либо в экономической революции прямую и простую причину другого. Они взаимодействовали и в определенной степени объединяли силы; но в большей степени каждый стремился использовать другого, и каждому иногда приписывали или обвиняли результаты операций другого. Современники замечали последствия, в основном плохие, подъема капитализма и часто ошибочно приписывали их Реформации; а новые короли торговли были слишком готовы спрятаться за маской протестантизма, разоряя церковь. Подобно другим историческим силам, эти два движения, хотя и легко разделяемые в мыслях, обычно были неразрывно переплетены в действиях.

[Примечание: Расцвет капитализма]

Капитализм вытеснил ювелирное производство из-за его пригодности в качестве социального инструмента для производства и {516} накопления богатства. В конкуренции с капиталом средневековый коммунизм терпел поражение в одной сфере бизнеса за другой — в банковском деле, в торговле, в горнодобывающей промышленности, в промышленности и, наконец, в сельском хозяйстве, — потому что он был неспособен добиться результатов, которые давал капитал. Благодаря огромному вознаграждению, которое новая система давала индивидуальному предпринимательству, техническому совершенствованию и инвестициям, капитализм оказался самым подходящим инструментом для создания и сохранения богатства, когда-либо изобретенным. Верно, что многократное умножение богатств за последние четыре столетия произошло главным образом благодаря изобретениям по эксплуатации природных ресурсов, но капиталистический метод идеально подходит для использования этих новых открытий и накопления их приращения для конечного общественного использования. И это неоценимая услуга для любого общества. Только достаточно богатые люди могут позволить себе роскошь красоты, знаний и власти, которые повышают ценность жизни и позволяют ей подниматься на все большие высоты. Чтобы сбалансировать эту услугу, необходимо принять во внимание, что капитализм, к сожалению, не смог справедливо распределить вознаграждения. Его тенденция состоит в том, чтобы перехватывать большую часть создаваемого им богатства в интересах одного класса и тем самым лишать остальную часть общества причитающихся им дивидендов.

[Примечание: Первопричина капиталистической революции]

Перестройка общества настолько деликатна, что кажущийся тривиальным новый фактор часто нарушает общее равновесие и приводит к самым непредсказуемым результатам. Таким образом, основной причиной капиталистической революции, по-видимому, была чисто механическая - увеличение производства драгоценных металлов. В Средние века богатство вообще нельзя было накапливать иначе, как в виде звонкой монеты; без этого не могли развиваться ни крупная торговля, ни финансирование крупной промышленности, ни инвестиции. Более того, рост цен, последовавший за увеличением стоимости драгоценных металлов, дал мощный стимул производству и {517} такую поддержку торговцу и предпринимателю, какую они редко получали ни до, ни после. Короче говоря, именно развитие власти денег породило власть денег.

В раннем средневековье преобладала "натуральная экономика", или система, в которой платежи производились главным образом в форме услуг и путем бартера; это очень постепенно уступило место нашей современной "денежной экономике", в которой золото и серебро являются как нормальными стандартами стоимости, так и единственными инструментами

обмена. Уже в двенадцатом веке деньги использовались в городах Западной Европы; только в конце четырнадцатого или пятнадцатого века они стали доминирующим фактором сельской жизни. Это изменение не было самой великой революцией, но было ее необходимой предпосылкой и в значительной степени ее непосредственной причиной.

[Примечание: Короли, делающие деньги]

Теперь золото и серебро можно было копить в виде денег, и таким образом был сделан первый шаг к формированию крупных состояний, известных древнему миру, но почти отсутствовавших в средние века. Первые крупные состояния были нажиты королями, дворянами с большими земельными владениями и офицерами на государственной службе. Генрих VII оставил большое состояние своему сыну. Некоторые папы и некоторые князья Германии и Италии копили деньги, даже когда выплачивали проценты по долгу, — свидетельство растущей оценки стоимости звонкой монеты. Высшая знать едва ли отставала от королей в накоплении сокровищ. Их огромные доходы от земли были гораздо больше похожи на правительственные подати, чем на ренту. Так, Монморанси во Франции дал своей дочери приданое в размере 420 000 долларов. Герцог Гандийский в Испании владел поместьями, в которых проживало 60 000 морисков и которые приносили княжеский доход. На войне требовались огромные выкупы, а штрафы, конфискации и грабежи наполняли казну лордов. После жестокой войны с морисками герцог {518} Лерма продал их дома в своих поместьях за 500 000 дукатов.

[Примечание: Официальные лица]

В европейских монархиях единственным путем к богатству, поначалу открытым для частных лиц, была государственная служба. Офисы, бенефиции, военно-морские и войсковые команды покупались с расчетом, часто оправданным, заработать на них деньги. Доходы от фермерских хозяйств приносили коллекционерам огромную прибыль. Немалые состояния нажили Эмпсон и Дадли, орудия Генриха VII, но их намного превзошли сокровища Вулси и Кромвеля. Такого было огромное состояние, нажитое во Франции Сембланке, сыном простого турецкого купца, который настолько хорошо зарекомендовал себя на должностях казначея и управляющего финансами, что купил себе большие поместья и баронские титулы. Состояния в пропорционально меньших масштабах сколачивали слуги немецких князей, например, Джон Шениц, фаворит архиепископа курфюрста Альберта Майнцского. Владение богатствами, накопленными на королевской службе, было настолько ненадежным, что большинство людей, сделавших это, включая всех упомянутых в этом параграфе, оказались на эшафоте, за исключением, конечно, Вулси, который сделал бы это, если бы не умер в ожидании суда.

Следует отметить, что, хотя земля была основной формой богатства в средние века, в начале капиталистической эры на ней не было нажито больших состояний, за исключением титулованных владельцев огромных владений. Мелкие землевладельцы страдали за счет бюргеров в Германии, и только после того, как эти бюргеры переехали в деревню и скупили земельные владения, сельское хозяйство стало полностью прибыльным.

[Примечание: Банковское дело]

О тесной связи правительства и капитализма свидетельствует тот факт, что после чиновников государственные концессионеры и банкиры были первыми, кто сколотил огромные состояния. В то время банковское дело {519} тесно зависело от государственных займов и, следовательно, было первым крупным бизнесом, созданным на капиталистической основе. Первым "трестом"

был money trust. Хотя банковское дело было хорошо развито в средние века, оно все еще находилось на несовершенном уровне развития. Евреи и ювелиры предоставили значительное количество коммерческих ссуд, но эти ссуды всегда рассматривались заемщиком как временные средства; обычное ведение бизнеса на заемном капитале было неизвестно. Но точно так же, как новая добыча на немецких рудниках увеличивала запасы драгоценных металлов, большая дороговизна войны из-за замены наемников и огнестрельного оружия феодальными наборами, вооруженными луками и пиками, заставила правительства Европы нуждаться в деньгах больше, чем когда-либо прежде. Они выдавали крупные займы внутри страны и за рубежом, и именно проценты по ним расширяли банковский бизнес до тех пор, пока он не стал международной державой. Задолго до шестнадцатого века люди овладели тонким искусством получения депозитов, ссужения капитала и выполнения других финансовых операций, но только в конце пятнадцатого века банкиры в полной мере оценили свое мастерство и новые возможности. Три шара в гербе Медичи свидетельствуют о высотах, на которые профессия, некогда скромная, может поднять своих специалистов. В Италии зародилась наука бухгалтерского учета, или двойная бухгалтерия; она постепенно внедрялась в других странах. Первой английской работой на эту тему является работа Джона Гоуджа, написанная в 1543 году и озаглавленная: "Выгодный договор, называемый Инструментом или Ключом для обучения правильному порядку ведения знаменитой переписки, называемой поллатыни Dare et Habere, а по-английски Debitor и кредитор". Именно в Италии была разработана современная техника расчетов по векселям; простая система, с помощью которой остатки по счетам погашаются не путем полной выплаты каждого долга деньгами, а путем сравнения {520} бумажных сертификатов задолженности. Эти огромные сбережения, разработанные генуэзцами, вскоре распространились из их собственного города на всю Северную Италию, так что банкиры стали встречаться несколько раз в год в первой международной расчетной палате. Из Генуи та же система была затем применена к отдаленным городам с большой прибылью, даже больше в плане безопасности, чем в плане экономии капитала. Если векселя, подлежащие оплате в Антверпене, были куплены в Генуе, то они были оплачены в Антверпене, возможно, путем продажи векселей в Лиссабоне, а те, в свою очередь, путем продажи валюты в Генуе. Эти процессы кажутся простыми и в настоящее время стали универсальными, но то, насколько они способствовали развитию банковского дела, когда были впервые обнаружены, трудно переоценить.

Благодаря совершенствованию обмена генуэзцы вскоре перешли к арбитражу - сделке, более прибыльной и общественно полезной в то время, когда из-за плохой связи разница в ценах между переводными векселями, слитками, монетами, акциями и облигациями на отдаленных рынках была более значительной, чем сейчас. Генуэзские банкиры также изобрели первые заменители денег в виде обращающихся банкнот. Всем этим и другими способами они получали огромную прибыль, которая вскоре побудила других копировать их.

[Примечание: Великие фирмы]

Хотя итальянцы изобрели современное банковское дело, в конечном итоге немцы превзошли их, если не в технике, то, по крайней мере, в размере созданных фирм. Крупнейшим флорентийским банком в 1529 году был банк Томаса Гваденьи с капиталом в 520 000 флоринов (1 170 000 долларов). Капитал дома Фуггеров в Аугсбурге, не считая личных состояний его членов, составлял в 1546 году 4 700 000 золотых гульденов (11 500 000 долларов). Средняя годовая прибыль фуггеров в 1511-27 годах составляла 54,5%; в 1534-6 годах - 2,2%; в 1540-46

годах - 19%; в 1547-53 годах - 5,6%. Другая аугсбургская фирма, the Welsers, зарабатывала в среднем 9 долларов за {521} процент. за пятнадцать лет 1502-17. Дивиденды не объявлялись ежегодно, но каждые несколько лет производилась общая проверка счетов и устанавливался новый баланс, каждый партнер снимал столько, сколько хотел, или оставлял их для зачисления на свой счет в качестве нового капитала.

[Примечание: Банковские риски]

Хотя Фуггеры и другие фирмы вскоре занялись крупным бизнесом всех видов, они оставались в первую очередь банкирами. Как таковые, они пользовались безграничным кредитом у населения, от которого получали депозиты под регулярные проценты. Доля этих депозитов в капитале постоянно росла. Эта общая тенденция, наряду с привычкой менять размер капитала каждые несколько лет, очевидна из следующей таблицы обязательств фуггеров в золотых гильденах за несколько различных периодов:

Годовые депозиты капитала 1527	2,000,000	290,000	1536	1,500,000	900,000	1546	4,700,000	1,300,000	1563	2,000,000	3,100,000	1577	1,300,000	4,000,000
--	-----------	---------	----------------	-----------	---------	----------------	-----------	-----------	----------------	-----------	-----------	----------------	-----------	-----------

Более мелкая аугсбургская фирма "Хаугс" имела в 1560 году капитал в 140 000 флоринов и вклады в размере 648 000. Поскольку все эти депозиты подлежали немедленному снятию, и поскольку фирмы обычно держали очень небольшой запас наличных денег, казалось бы, банковская деятельность была подвержена большим рискам. Необоснованность этого метода уравновешивалась тем фактом, что большая часть депозитов была сделана членами семьи банкира или друзьями, которые не хотели ставить банк в неловкое положение, снимая средства в неподходящее время года. Несомненно, почти одинаково прибыльная карьера большинства фирм в течение многих лет таила в себе множество опасностей.

Крах произошел, наконец, в результате банкротства {522} правительств Испании и Франции. [Примечание: Банкротство Франции и Испании, 1557] Отказ Испании от своего долга был частичным, приняв форму консолидации и конвертации; Франция, однако, просто прекратила все выплаты процентов и амортизации. Многие банки по всей Европе обанкротились, а вместе с ними и их кредиторы. В 1557-64 годах произошло первое из этих типично современных явлений - международные финансовые кризисы. Повсюду были тяжелые времена. Другие государства последовали примеру французского и испанского правительств, Англия составила счастливое исключение. Однако, в конце концов, последовало восстановление, и спекуляции достигли расцвета; но второе государственное банкротство Испании [Прим. автора: 1575] вызвало еще один кризис, и был третий, после поражения Армады. За крахом многих крупных частных компаний последовало учреждение государственных банков. Первым был построен Banco di Rialto в Венеции. [Примечание: 1587]

Банки были посредниками в распространении капиталистической системы на другие сферы. Крупные фирмы либо скупали, либо получали в качестве концессий от какого-либо правительства природные ресурсы, необходимые для производства материальных ценностей. Одним из самых первых, что они захватили, были рудники. [Примечание: Добыча полезных ископаемых] Действительно, прибыльная эксплуатация немецких рудников особенно началась с момента их приобретения Фуггерами и другими банкирами в конце пятнадцатого века. Частично за счет разработки новых методов переработки руды, но главным образом за счет того, что большое количество рабочих прилагало максимум усилий, новые владельцы рудников

увеличили производство металла почти в одночасье и тем самым пополнили свою казну несметными богатствами. Общая стоимость металлов, производимых в Германии в 1525 году, составляла 4800 000 долларов в год, и на них было занято более 100 000 человек. До 1545 года производство серебра в Германии превышало американское, а медь была почти таким же ценным продуктом {523}. Несмотря на увеличение производства, между 1527 и 1557 годами ее стоимость удвоилась. Акции этих крупных компаний, подобно "письмам Фуггера", или сертификатам о процентных депозитах в банках, подлежали переуступке и активно продавались на различных биржах. Каждая акция представляла собой свидетельство о партнерстве, которое затем несло с собой неограниченную ответственность по долгам компании. Одним из излюбленных спекулятивных вопросов были акции Mansfeld Copper Co., основанной в 1524 году с капиталом в 70 000 гульденов, который был увеличен до 120 000 гульденов в 1528 году.

[Примечание: Коммерция]

В то время как в банковском деле и горнодобывающей промышленности капитал почти создал возможности для своего применения, в торговле он частично вытеснил старую систему и частично вступил на новые пути. В средние века внутренняя и, в некоторой степени, международная торговля осуществлялась с помощью ярмарок, приспособленных для объединения производителя и потребителя и, следовательно, сведения функций посредника к самым узким рамкам. Такой была ежегодная ярмарка в Стоурбридже, такой был знаменитый книжный магазин во Франкфурте-на-Майне, такими были ярмарки в Лионе, Антверпене и многих других городах. Только в крупных городах рынок был постоянно открыт. Внешняя торговля также велась компаниями, созданными по аналогии со средневековыми гильдиями.

Новые условия требовали новых средств для их удовлетворения. Большие перемены в морской торговле, вызванные открытием новых путей в Индию и Америку, касались не столько количества перевозимых товаров, сколько путей, по которым они перемещались. Торговля между двумя внутренними морями, Средиземным и Балтийским, относительно сократилась, в то время как торговля на атлантическом побережье росла не по дням, а по часам. Возникали новые и крупные компании, сформированные по акционерному принципу. Над ними различные правительства осуществляли большой контроль, придавая им полуполитический характер.

{524} [Примечание: Португалия]

Поскольку Португалия первой приобщилась к богатствам великолепного Востока, в ее руки хлынул поток золота из этого квартала. Секрет ее неожиданной прибыли заключался в небольшом объеме и огромной ценности ее грузов. Из Малабара она привозила перец и имбирь, с Цейлона - корицу и жемчуг, из Бенгалии - опиум, единственное известное средство от боли, а вместе с ним ладан и индиго. Борнео поставлял камфару, мускатный орех Амбойна и мускатный орех, а два небольших острова, Темоте и Тидор, - гвоздику. В Лондоне или в Антверпене эти продукты продавались в сорок раз дороже, чем на Востоке. Неудивительно, что богатство обрушилось на Лиссабон ураганом ароматов. Стоимость корабля и путешествия, в среднем за два года от отправления до возвращения, составляла 20 000 долларов, и любое судно могло привезти обратно груз стоимостью 750 000 долларов. Но риски были велики. Из 104 кораблей, отправившихся в плавание в 1497-1506 годах, вернулись только 72. В следующем столетии из примерно 800 португальских судов, участвовавших в торговле с Индией, была потеряна почти восьмая часть. Даже риск потерь при отправлении из Лиссабона в порты

северной Европы был ощутим. Король Португалии застраховал суда на рейсе из Лиссабона в Антверпен с надбавкой в шесть процентов.

[Примечание: Испания]

Испания нашла путь к заходящему солнцу таким же золотым, как Португалия нашла отражение его восходящих лучей. При ее росте у нее была тысяча торговых галеонов. Главным предметом импорта были драгоценные металлы, но они были не единственными. Кошениль, продававшаяся в Лондоне по цене 370 долларов за центнер, превосходила по стоимости любую пряность с острова Целебес. Древесина для окрашивания, черное дерево, некоторые лекарства, орехи и несколько других товаров щедро окупали импорт. Существовала также очень значительная экспортная торговля. Кадис и Севилья ежегодно отправляли в Индию 2 240 000 галлонов вина, а также большое количество масла, одежды и других предметов первой необходимости. Многие корабли, не {525} только испанские, но и португальские и английские, были нагружены человеческим мясом из Африки так же тяжело, как христиане своим черным грузом греха, и, по крайней мере, в случае Португалии, этот груз едва не отправил своего носителя в Город Разрушения.

Но испанские кили направлялись не на запад. Во Фландрию отправлялись масло и шерсть для обмена на промышленные изделия, гобелены и книги. Италия просила шкуры и красители в обмен на свою парчу, жемчуг и лен. Несомненно, огромный размах испанской торговли даже в тех местах, где у нее не было монополии, тем более примечателен, что поначалу она была отягощена тем, что в конце концов задушило ее, - государственным регулированием. У Кадиса была лучшая гавань, но Севилья пользовалась благосклонностью короля; даже корабли, которым разрешалось разгружаться в Кадисе, могли делать это только при условии, что их грузы будут доставлены непосредственно в Севилью. Особенно сокрушительным налогом была алькабала, или 10% обман всех продаж. Другие импортные пошлины, лицензионные платежи за металлы, акцизы на продукты питания, монополии и мелочное регулирование, в конце концов, настолько сильно ограничили торговцев Испании, что они отстали от других стран в гонке за превосходство.

[Примечание: Франция]

По мере того как моряки Пиренейского полуострова слабели под оковами неразумных законов, отважные моряки занимали свои места. Однако ни одна из других латинских наций не смогла этого сделать. Некогда гордое превосходство Венеции и Генуи ушло в прошлое; первая канула в лету по мере подъема Лиссабона, а вторая, которая сохраняла свои позиции по крайней мере как денежный рынок до 1540 года, примерно в то же время была превзойдена, хотя и не была полностью вытеснена, Антверпеном. Италия экспортировала пшеницу, лен, шерсть и другие продукты, но в основном сухопутными путями или на иностранных судах. Франция также не могла принимать сколько-нибудь активного участия в морской торговле. Довольствовавшись грузами, доставляемыми ей другими странами, она отправила несколько экспедиций, и те немногие, как экспедиция Джеймса Картье, не имели в настоящее время результатов ни в торговле, ни в колониях. Ее величайшим рынком сбыта был Лион, ярмарки там тщательно поощрялись королями и, естественно, поощрялись ростом мануфактуры, в то время как морские гавани либо пришли в упадок, либо, по крайней мере, ничего не выиграли. В течение нескольких лет Ла-Рошель боролась с религиозным пиратством, но и только.

[Примечание: Германия]

Ни в одной стране борьба за существование между средневековыми и современными коммерческими методами не является более очевидной, чем в Германии. Торговля ганзейских городов не развивалась, отчасти по той причине, что их купцы не располагали текущим богатством, которое привело к преобладанию южных городов. Действительно, были и другие причины упадка ганзейско-балтийской торговли. Открытие новых маршрутов, особенно открытие Архангельска на Белом море, привело к короткому замыканию течения, которое ранее протекало через Каттегат и Скагер-Рак. Более того, развитие как выращивания пшеницы, так и торговли в Нидерландах и Англии оказалось катастрофическим для Ганзы. Берега Балтийского моря когда-то были житницей Европы, но они несколько пострадали из-за большей урожайности более интенсивного сельского хозяйства, внедренного в то время в других местах. Даже тогда их экспорт продолжал оставаться значительным, хотя и перенаправлялся из северных портов Европы в южные. Например, в 1563 году из Кенигсберга было вывезено 6630 партий зерна, а в 1573 году - 7730 партий.

Ганзейские города потеряли свою английскую торговлю в конкуренции с образовавшимися там новыми компаниями. Генрих VIII вел ожесточенную дипломатическую борьбу. Привилегии Сталелитейного завода для немцев, подтвержденные и расширенные им, были урезаны его сыном, частично восстановлены Марией и снова отняты Елизаветой {527}. Император, по согласованию с сенатами городов, начал карательные меры против английских купцов, пытаясь убедить ганзейские города, что они должны, по крайней мере, "продолжать древнее согласие своей дорогой родной страны и добрых голландцев, которые сейчас населяют ее". Поэтому он приказал изгнать английских купцов, против чего протестовала Елизавета.

В то время как Север Германии страдал от неспособности приспособиться к новым условиям, на Юге поднималась сила, способная взимать дань не только со всей Империи, но и с обитаемой земли. Среди князьков-купцов, которые в Аугсбурге, в Нюрнберге, в Страсбурге возложили на свои чела золотую корону богатства, Фуггеры были одновременно типичными и высшими. Джеймс Фуггер "Богатый" [Прим. автора: Джеймс Фуггер, 1459-1525], происходивший из и без того богатой семьи, был одним из тех финансовых гениев, которые превращают все, к чему прикасаются, в золото. Он вел крупный банковский бизнес, он ссужал деньги императорам и принцам, он скупал рудники и снаряжал флоты, он реорганизовывал крупную промышленность, он спекулировал политикой и религией. Для князей империи он собирал налоги; для папы он продавал индульгенции по цене 33 1/3 процента. комиссионные, а также собирал аннаты и другие сборы. В Венгрии, в Испании, в Италии, в Новом Свете его агенты рылись в поисках денег и умело переводили их в его казну. Он также был столпом церкви и филантропом, основав библиотеку в Аугсбурге и строя образцовые многоквартирные дома для бедных рабочих. Он стал воплощением новой Великой Державы - международных финансов. Современный хронист говорит: "Императоры, короли, принцы и губернаторы направляли к нему послов; папа приветствовал его как своего любимого сына и обнял его; кардиналы встали перед ним. . . . Он стал славой {528} всей немецкой земли". Его сыновья, Раймонд, Энтони и Джером, были возведены Карлом V в ранг и привилегии графов, знаменосцев и баронов.

На протяжении столетия корпорации становились все менее и менее семейными партнерствами и все более и более обезличенными или "бездушными". Это были полуобщественные, полупубличные дела, основанные на специальных уставах и активно

продвигаемые не только в Германии, но и в Англии и других странах императором, королем или территориальным князем. С другой стороны, капитал в значительной степени принадлежал частным предпринимателям, и руководство делами компаний было оставлено в их руках. Ответственность была неограниченной.

[Примечание: Монополии]

В своих методах многие корпорации шестнадцатого века были на удивление "современными". Монополии, углы, тресты и соглашения о поддержании цен процветали, несмотря на постоянное законодательство против них, например, против секретных графиков цен, принятых Нюрнбергским сеймом. [Примечание: 1522-33] Особого внимания заслуживает ряд соглашений о создании монопольной цены на металлы. [Примечание: 1524] Таким образом, группа немецких рудовладельцев была сформирована искусственно, чтобы повысить цену на серебро, мера, публично защищаемая на том основании, что она обогащала Германию за счет иностранцев. Другим примером было создание консервной компании под патронажем герцога Георга Саксонского. [Примечание: 1518 год] Он предлагал соглашения со своими богемскими конкурентами об установлении цен на олово, [Прим. автора: 1549] но они обычно терпели неудачу даже после того, как Фердинанд предоставил монополию на богемское олово Конраду Майру из Аугсбурга.

[Примечание сбоку: углы]

Огромная трудность загнать в угол любой из крупных торговых объектов в прежние времена не так хорошо оценивалась, как сейчас. Нет ничего более поучительного, чем история меркурианских "трестов" тех лет. [Примечание: 1523] Когда конкурирующие компании, владеющие рудниками в Идрии в Карниоле, объединились с целью {529} повышения цен на ртуть, попытка провалилась из-за испанских рудников. Соответственно, некто Амброз Хехштеттер из Аугсбурга [Прим. автора: 1528 г.] задумал амбициозный проект перекрытия поставок по всему миру. Как это часто случалось с тех пор, более высокая цена привела к появлению гораздо большего количества товара, чем предполагалось, так называемого "невидимого запаса"; корнер обанкротился, и Хехштеттер обанкротился с огромными обязательствами в 800 000 гульденов и умер в тюрьме. Крах потряс финансовый мир, но, тем не менее, за ним последовали еще более спланированные и лучше финансируемые усилия Фуггеров по передаче всей ртутной продукции мира в международный траст. Эти последние попытки были более или менее успешными. Другой амбициозной схемой, которая потерпела неудачу, была схема Конрада Ротта из Аугсбурга [Примечание: 1570 год и далее] по получению монополии на перец. Он согласился купить шестьсот тонн перца у короля Португалии в один год и тысячу тонн в следующий по цене 680 дукатов за тонну, но даже это не дало ему желанной монополии.

[Примечание: Регулирование монополий]

Точно так же, как на нашей собственной памяти тресты вызывали народную ненависть и обрушивали на свои головы многочисленные попытки правительств, обычно безуспешные, разобраться с ними, так и в начале капиталистической эры крайняя непопулярность была уделом новых коммерческих методов и их приверженцев. Монополии яростно осуждались в современных немецких трактатах, и каждый сейм прилагал определенные усилия, чтобы бороться с ними. Прежде всего, купцам пришлось столкнуться не только с завистью и

предрассудками старого порядка, но и с позитивным учением церкви. Запрет ростовщичества и доктрина о том, что каждый товар имеет справедливую или естественную цену, преградили дорогу ранним предпринимателям. Аквинат считал, что никому не должно быть позволено зарабатывать больше денег, чем ему нужно, и что прибыль от {530} торговли должна быть сокращена до такой степени, чтобы она давала только разумную отдачу. Эту идею разделяли как католики, так и протестанты в первые годы Реформации; ее можно найти у Гейлера из Кайзерберга и у Лютера. Во влиятельном трактате Реформатора *"К немецкому дворянству"* [Прим. автора: 1520] ростовщичество и "Фуггерство" осуждаются как величайшие бедствия Германии. Ульрих фон Гуттен сказал, что из четырех классов разбойников - вольных рыцарей, юристов, священников и купцов - купцы были худшими.

Императорские диеты достаточно точно отражали общественное мнение, чтобы из всех сил пытаться обуздать великие компании. Трирско-Кельнский сейм [Примечание: 1512] потребовал запретить монополии и искусственное повышение цен на специи, медь и шерстяные ткани. Для осуществления этого были приняты законы, призванные обеспечить конкуренцию. [Примечание: 1523] Однако этот закон против монополий не применялся энергично до тех пор, пока имперский казначей не привел в исполнение перед своим трибуналом многих купцов Аугсбурга, обвиняемых в его нарушении. Охваченные паникой преступники лихорадочно спешили заинтересовать князей и городских магистратов. Но их главной поддержкой был император, который энергично вмешивался в их дела. С этого времени банкиры и крупные купцы усердно трудились на каждом сейме, чтобы передать контроль над монополиями в руки монарха. В обмен на постоянную поддержку он стал крупным участником прибылей великих домов.

В борьбе с диетами капиталисты, наконец, добились полного успеха. Императорский регентский совет принял эпохальный указ, [Примечание: 1525] который держался в секрете из страха перед народом, прямо разрешая торговцам продавать по самым высоким ценам, которые они могли получить, и признавая определенные монополии, которые, как утверждается, отвечают национальным интересам по сравнению с другими странами, и оправдывают заработную плату, которую они обеспечивали за рабочую силу. Примерно в это {531} время по какой-то причине волнение постепенно улеглось. Вполне вероятно, что религиозный спор отвлек внимание общественности от экономических вопросов, и за крестьянской войной, как и за всеми неудачными, но опасными восстаниями бедняков, последовала сильная реакция в пользу консервативных богачей. Более того, очевидно, что течения того времени были слишком сильны, чтобы им можно было противостоять слабыми методами, предложенными реформаторами. Если мы вспомним, что главной практической мерой, рекомендованной Лютером, был полный запрет торговли специями и другими иностранными товарами, которые выводили деньги из страны, легко увидеть, что регулирование сложной отрасли было за пределами его возможностей. И мало что, если вообще что-либо, проясняло ситуацию с других сторон.

[Примечание: Нидерланды]

В то время как города южной Германии становились мировыми банковскими и промышленными центрами, города Нидерландов становились ее главными основными портами. На протяжении поколений в Антверпене проводилось по две ярмарки в год, но в 1484 году он открыл постоянный рынок, открытый для всех торговцев, даже для иностранцев, круглый год, и в

дополнение к этому увеличил количество своих ярмарок до четырех. Позже была построена новая Торговая биржа [Прим. автора: 1531], на которой происходили почти все сделки, которые сейчас наблюдаются на наших фондовых или товарных биржах. Велись дикие спекуляции, частично на заемных деньгах, особенно на перце, цена которого служила своего рода барометром биржевых настроений. Делались ставки на цены и события, и на основе этой практики возникли различные формы страхования.

[Примечание на стороне: Антверпен]

Открытие нового света принесло Антверпену эпоху процветания, которая, несомненно, поставила его во главе всех торговых городов, пока испанский меч не сразил его. В 1560 году в ее гавани обычно стояло на якоре 2500 кораблей по сравнению с 500 в Амстердаме, ее главным сопернике и возможном наследнике. Из них нередко до 500 отправлялись в плавание за один день, и, как говорят, ежедневно прибывало 12 000 экипажей, 2000 с пассажирами и 10 000 с товарами. Даже если эти утверждения являются значительным преувеличением, достоверный отчет об экспорте за один только 1560 год показывает истинное величие города. Общий объем импорта в том году составил 31 870 000 гульденов (17 848 000 долларов), распределенных следующим образом: итальянские шелка, атлас и украшения - 6 000 000 гульденов; немецкие монеты - 1 200 000; немецкие вина - 3 000 000; Северная пшеница - 3 360 000; французское вино - 2 000 000; Французские красители - 600 000; французская соль - 360 000; Испанская шерсть - 1 250 000; испанское вино - 1 600 000; Португальские специи - 2 000 000; английская шерсть - 500 000; английские ткани - 10 000 000. Последняя названная статья указывает на упадок фламандского ткачества из-за конкуренции с англичанами. Какое-то время с английскими купцами шла война не на жизнь, а на смерть после заключения великого торгового договора, который в народе называют *Malus Intercursus*. [Примечание: 1506] Согласно тогдашней теории, согласно которой потеря одной нации была выгодой другой, [Примечание: Коммерческая политика] этот договор считался шедевром политики Англии и основой ее коммерческого величия. Он и его предшественник, *Magnus Intercursus*, [Прим. автора: 1496] ознаменовали новую политику, характерную для современности, которая сделала коммерческие преимущества главной целью дипломатии и законодательства. Были введены защитные тарифы, экспорт золота и серебра запрещен, и были приняты законы о роскоши, поощряющие отечественную промышленность. Политика в отношении экспорта менялась на протяжении столетия и в соответствии со статьей. Ценность кораблей была высоко оценена. Сэр Уолтер Роли высказал мнение, что господство на море означает господство над мировыми богатствами и, в конечном счете, над самим миром. Сэр Хамфри Гилберт составил доклад, в котором выступал за приобретение колоний как средства обеспечения рынков сбыта отечественных товаров. Права туземцев {533} считались настолько незначительными, что сэр Хамфри заявил, что дикари будут щедро вознаграждены за все, что может быть отнято у них бесценным даром христианства.

[Примечание: Пиратство]

К собственности католиков проявлялось так же мало внимания, как и к собственности язычников. Веселая Англия получала свои дивиденды от работорговли и пиратства, а также от честного обмена товарами. Есть что-то завораживающее в карьере такого человека, как сэр Джон Хокинг, чей характер был столь же печально известен, сколь полезна была его смелость. Он рано узнал, что "негры были очень хорошим товаром на Эспаньоле и что их легко можно

было достать на побережье Гвинеи", и поэтому, финансируемый британской аристократией и благословенный патриотами-протестантами, он зафрахтовал "*Иисус из Любека*" и отправился жечь, воровать и похищать тела в западноафриканских деревнях, набил трюм чернокожими и продал тех из них, кто выжил, по 800 долларов за голову в Индию. Вполне уместно он получил в качестве герба "настоящего мавра в цепях". Затем он начал охотиться на испанские галеоны и однажды обманом выманил у Филиппа 200 000 долларов, притворившись предателем и ренегатом; таким образом, он прошел путь от работорговца до пирата, а от пирата до адмирала.

[Примечание: английская коммерция]

Такой благочестивый, патриотический и прибыльный бизнес, как пиратство, поглощал большую часть энергии Англии, чем обычная морская торговля. Список всех судов, участвовавших во внешней торговле в 1572 году, показывает, что их общая грузоподъемность составляла всего 51 000 тонн, что меньше, чем у одного парохода самого большого размера на сегодняшний день. Самый большой корабль, который мог добраться до Лондона, был водоизмещением 240 тонн, но некоторые вдвое больше стояли на якоре в других гаванях. На протяжении столетия торговля увеличилась, причем торговля Лондона, который получал наибольшую прибыль, увеличилась в десять раз. Если таможенные сборы служат точным барометром объема торговли, то в то время как Лондон увеличивал объемы, другие порты отставали не только {534} относительно, но и положительно. В 1506-9 годах Лондон принес казне 60 000 долларов, а другим портам - 75 000 долларов; в 1581-2 годах Лондон заплатил 175 000 долларов, а другим портам - только 25 000 долларов.

По мере роста своих размеров и богатства Лондон, как и Антверпен, остро нуждался в постоянных ярмарках. Из континентального города сэр Томас Грешем, английский финансовый агент в Нидерландах, привез архитектора и материалы [Прим. автора: 1568] и возвел Королевскую биржу на северной стороне Корнхилла в Лондоне, где это же учреждение находится и сегодня. Построенный Грэшемом за свой счет, он был окружен сотней маленьких магазинчиков, которые он арендовал. По мере того, как появлялось новое, старое уходило в прошлое. Древние ограничения на текучесть капитала были почти сняты [Примечание: 1542 и 1571 гг.] к концу правления Елизаветы. Законы о банкротстве, предоставляющие кредиторам новые и надежные ценные бумаги, ознаменовали приход к власти коммерческого класса. Капитализм принял форму фрахтования крупных компаний. Первая из них, "мистерия и компания купцов-авантюристов для открытия регионов, доминионов, островов и неизвестных мест", [Прим. автора: 1553], обычно называемая Российской компанией, представляла собой акционерную корпорацию из 240 членов, каждая акция которых оценивалась в 125 долларов. Она торговала в основном с Россией, но еще до конца столетия за ней последовали Левантийская компания, Ост-Индская компания и другие для эксплуатации других регионов.

В северную Испанию Англия отправляла грубую ткань, хлопок, овчины, пшеницу, масло и сыр, а обратно привозила вино, апельсины, лимоны и древесину. Во Францию отправлялись воск, сало, масло, сыр, пшеница, рожь, "манчестерское сукно", бобы и бисквиты в обмен на смолу, канифоль, перья, чернослив и "великие иньоны хii или хiiii веков", железо и вино. В российские балтийские порты, Ригу, Ревель и Нарву, отправлялись грубая ткань, "испорченное" (*то есть* фальсифицированное) вино, конские шкуры, {535} соль и бренди, а оттуда же поступали лен, пенька, смола, деготь, сало, воск и меха. Лосось из Ирландии и другая рыба из Шотландии и

Дании были оплачены "испорченными" винами. В итальянские порты Ливорно, Барселону, Чивита-Веккию и Венецию, а также на Балеарские острова отправлялись свинец, тонкая ткань, шкуры, ньюфаундлендская рыба и лайм, а из них - масло, шелк и тонкий фарфор. В Берберию отправлялись прекрасные ткани, амуниция и артиллерия, доспехи и древесина для весел, хотя, как говорится в меморандуме 1580 года, "если испанцы поймут вас за торговлей с ними, вы умрете за это". Вероятно, больше всего они возражали против продажи оружия неверным. Из Берберии привозили сахар, селитру, финики, патоку и ковры. Андалусия требовала тонкую ткань и батист в обмен на вина под названием "секке", сладкое масло, изюм, соль, кошениль, индиго, сумах, шелк и мыло. Португалия брала масло, сыр, тонкую ткань "светло-зеленого или печально-синего цвета", свинец, олово и шкуры в обмен на соль, масло, мыло, корицу, гвоздику, мускатный орех, перец и все другие индийские товары.

В то время как англичане практически не вели торговли с Ост-Индией, в Вест-Индию они напрямую отправляли масло, зеркала, ножи, срезные ножницы, полотно и вино, которые, чтобы их можно было продать, должны быть "исключительно хорошего качества". Оттуда привозили золото, жемчуг "очень восточный и крупный", сахар и патоку. В Сирию отправляли цветную ткань высшего качества, а для нее брали смородину и сладкое масло. Создание английского представительства в Турции [Прим. автора: 1582] с явной целью развития торговли с этой страной является интересной вехой в истории торговли.

Даже во времена правления Елизаветы Петровны Англия импортировала почти всю "искусственность", как назывались высококачественные изделия определенного сорта. Знаменитая елизаветинская пьеса рассказывает о нехватке иголок [Прим. автора: *Игла Гаммера Гуртона*, ок. 1559], в которой весь дом переворачивается вверх дном в поисках {536} той, что потеряла Гаммер Гуртон. Эти изделия, а также ножи, гвозди, булавки, пуговицы, куклы, теннисные мячи, лента, нитки, стекло и кружева были импортированы из Нидерландов и Германии. Из того же квартала поступали "мелкие товары для бакалейных лавок", под которыми можно подразумевать капусту, репу и салат—латук, а также хмель, медную и латунную посуду.

[Примечание: Производство]

Сметя все на своем пути в сферах банковского дела, горнодобывающей промышленности и торговли, капитализм, окрыленный победой, стремился завоевать новые миры и нашел их в производстве. Здесь также была необходима великая борьба. До сих пор противодействие новым компаниям было в основном со стороны потребителей; теперь же усилилась враждебность рабочих. Борьба двух классов, в которой наемный работник потерпел поражение, частично от аркебузы наемника, частично под ударами плети и клеймящего железа безжалостных законов, будет описана в следующем разделе. Здесь рассматривается не классовая борьба, а борьба двух экономических систем. Капитализм одержал экономическую победу до того, как наложил свое иго на побежденных жесткими средствами солдат и полиции. В конечном счете, она победила не из-за присущей концентрированному богатству силы, хотя и безрассудно использовала ее и злоупотребляла ею, а потому, что в борьбе за существование доказала, что является формой жизни, более приспособленной для выживания в условиях современного общества. Это вызвало технические усовершенствования, стимулировало индивидуальные усилия, придавало огромное значение бережливости и инвестициям, удешевляло производство за счет применения изначально дорогостоящего, но в конечном итоге окупаемого оборудования, обеспечивало огромную экономию при оптовом производстве

и распределении. Перед новыми методами ведения бизнеса старые гильдии были так же беспомощны, как неготовые лучники перед лицом пушек.

{537} [Примечание на стороне: Позолота]

Каждое средневековое "ремесло" или "мистерия" [1] находилось в руках гильдии, все члены которой теоретически были равны. Каждый проходил через ряды подмастерьев и другие низшие классы, пока обычно не становился мастером-разнорабочим и как таковой имел право на полную и равную долю в управлении. Гильдия управляла своим имуществом почти как благотворительный фонд, находящийся в руках попечителей; она контролировала всю жизнь каждого члена гильдии, заботилась о нем, когда он болел, хоронила его, когда он умирал, и выплачивала пенсию его вдове. В этом отношении оно было похоже на некоторые общества взаимной выгоды наших дней. Почти неизбежно в ту эпоху оно находилось под защитой святого покровителя и выполняло различные религиозные обязанности. Она действовала как единое целое в правительстве города и маршировала как единое целое по праздничным случаям.

В качестве типичного примера организации промышленности в переломный момент можно привести список золотых дел в Антверпене, составленный Альбертом Дюрером: [Примечание: 1520] Там были ювелиры, художники, камнерезы, вышивальщицы, скульпторы, столяры, плотники, моряки, рыбаки, мясники, ткачи тканей, пекари, сапожники, "и всевозможные ремесленники, и много чернорабочих, и торговцы провизией". Этот список столь же важен с точки зрения того, что в нем отсутствует, как и с точки зрения того, что он включает. Следует отметить, что здесь не было гильдии печатников, поскольку это искусство развивалось с тех пор, как ремесла начали приходить в упадок, и, хотя в некоторых местах его можно было встретить в виде гильдии, обычно оно представляло собой сочетание ученой профессии и капиталистического предприятия. Опять же, в этом огромном банковском и торговом порту нет упоминаний ни о гильдиях оптовых торговцев (поскольку "торговцы провизией", конечно, таковыми не были), ни о банкирах. Это были два полностью капитализированных предприятия. Наконец, обратите внимание, что было много квалифицированных и неквалифицированных рабочих {538}, не включенных в специальную гильдию. Здесь мы имеем начало пролетариата. Столетием раньше не существовало бы особого класса рабочих, столетием позже не было бы и золотых дел, достойных упоминания.

Гильдии были ограничены своими собственными мелкими правилами. Несмотря на то, что их высокие стандарты мастерства позволяли производить товары превосходного качества, они были чрезмерно зарегулированы и сковывали себя, испытывая отвращение к новым методам. Между их скрупулезными традициями и более свободными путями нового капитализма существовал такой же контраст, как между схоластикой и наукой. Они не могли ни собрать, ни распорядиться средствами, необходимыми для внешней торговли и экспортных производств. В настоящее время капиталисты взяли на вооружение новые технические методы, более совершенный способ выплавки руды и новый способ производства латуни, изобретенный Петером фон Хоффбергом, который позволял экономить 50 процентов из использовавшегося ранее топлива. В текстильной промышленности сначала появилось прялочное колесо, затем каркас для изготовления чулок. Так и в других отраслях новое оборудование требовало новой организации. Значительным был рост новых городов. Старые города часто были настолько украшены позолотой, что приходили в упадок, в то время как такие места, как Манчестер, возникали внезапно по зову наемных работников. Постоянные усилия гильдии были

направлены на подавление конкуренции и организацию полностью стационарного общества. В динамичном мире гибнет то, что отказывается меняться. Таким образом, the gilds, обвиняя во всех своих бедах правительство, на самом деле задушили себя до смерти в своих собственных группах.

[Примечание: капиталистическое производство]

Возможно, существует некоторая аналогия между прогрессом капитализма в шестнадцатом веке и процессом, посредством которого тресты стали доминировать в производстве на нашей собственной памяти. Более крупные отрасли промышленности, и особенно те, которые связаны с экспортной торговлей, были захвачены и реорганизованы первыми; долгое время, фактически на протяжении всего {539} столетия, гильдии сохраняли свою власть над мелкими местными производствами. Долгое время обе системы существовали бок о бок; вторжение было устойчивым, но постепенным. Точный метод изменения был двояким. Во-первых, конституция гильдии стала более олигархической. Старшие члены имели тенденцию все больше и больше ограничивать администрацию; они увеличивали число подмастерьев за счет удлинения лет ученичества и низводили более бедных членов до ранга подмастерьев, которые должны были работать не как раньше в течение ограниченного периода времени, а пожизненно, в качестве наемных работников. Когда подмастерья взбунтовались, их подавили. Например, Судебный кодекс английских суконщиков в 1538 году ввел в действие правило, согласно которому подмастерья, которые не будут работать на условиях, установленных мастерами, должны быть заключены в тюрьму за первое нарушение, а за второе - выпороты и заклеены клеймом. Тем не менее, в какой-то степени призвание мастера оставалось открытым для более предприимчивых и умных работников. Именно эта возможность подняться всегда разрушала солидарность рабочего класса больше, чем что-либо другое.

[Примечание: великие коммерческие компании]

Но второе преобразующее влияние извне подействовало быстрее, чем внутренний упадок гильдии. Это было распространение коммерческой системы на производство. Гильдии вскоре оказались во власти новых крупных компаний, которым требовались товары в больших количествах для экспорта. Таким образом, коммерческая компания стала либо поглощать, либо доминировать в отраслях, которые ее поставляли. Примером этого могут служить парижские торговцы, которые из торговцев в основном иностранными товарами постепенно стали ремесленниками. Аналогичным образом лондонские галантерейщики впитали ремесла шляпников и капперов. Посредник, который управлял рынком, вскоре осознал стратегическую ценность своего положения для контроля {540} поставок товаров. Коммерческий капитал быстро превратился в промышленный. Один за другим великие гильдии попадали под контроль коммерческих компаний. Одним из последних примеров стало создание Компании канцелярских товаров, в результате которой типографии были низведены до уровня отрасли, подчиненной книготорговцам.

[Примечание: Законодательство о позолоте]

Наконец, последовала законодательная атака на гильдии, которая сломила ту малую власть, которая у них еще оставалась. В настоящее время существует тенденция минимизировать результаты законодательства в этой области, но впечатление, которое складывается при ознакомлении с законами не только Англии, но и континентальных стран, состоит в том, что,

хотя, возможно, правительства не допустили бы никакой враждебности к гильдиям как таковым, они были категорически против многих их особенностей и были полны решимости изменить их в соответствии с интересами ныне господствующего класса. Политика богатых людей заключалась не в уничтожении ремесел, а в их эксплуатации; более того, они часто находили свои старые привилегии чрезвычайно полезными для присвоения себе полномочий, которые когда-то принадлежали гильдии в целом. Городские власти избирались богатыми бюргерами; парламенты вскоре встали на их сторону, и монарх уже был подкуплен и стал союзником.

Привести конкретные примеры нового тренда несложно. Когда большая брюссельская мануфактура гобеленов была реорганизована [Прим. автора: 1544] на основе, очень выгодной капиталистам, закон, санкционирующий этот шаг, презрительно отзывался о взаимной выгоде и религиозных функциях гильдии как о "мелких деталях". [Примечание: 1515] Бранденбург теперь регулировал условия, на которых должен быть разрешен вход в гильдию, вместо того, чтобы оставлять этот вопрос, как и раньше, самим членам гильдии. [Примечание: 1540] Польская знать, ревниво относившаяся к монополии городов на торговлю, потребовала полной отмены позолоты. [Прим. автора: 1503 и далее.] Ряд мер в Англии ослабил власть гильдий; при Эдуарде VI [Прим. автора: 1547] их пожертвования на религиозные цели подверглись нападению {541}, и это нанесло им гораздо больший ущерб, чем может показаться на первый взгляд. Важный акт, касающийся Ткачей [Прим. автора: 1555], стал свидетелем плачевного состояния мистерий и, сам того не желая, еще больше отдал их во власть своих хозяев. Рабочие, по-видимому, жаловались, "что богатые и состоятельные производители одежды угнетают их", строя фабрики или мастерские, в которых было установлено много ткацких станков, вместо того, чтобы придерживаться старой системы комиссионных или потных цехов, при которой сдельная работа выдавалась и выполнялась каждым человеком дома. Гильдейцы предпочитали этот метод, потому что их главным соперником был недавно возникший пролетариат, массы людей, которые могли разместиться только в больших зданиях. Закон, под видом устранения недовольства, на самом деле подтвердил власть капиталистов, поскольку, запрещая использование фабрик за пределами городов, он разрешал их использование в городах и в четырех северных округах, укрепляя таким образом монополистов в тех местах, где они были сильны, и нанося удар по их конкурентам в других местах. Дальнейшее законодательство, такое как Елизаветинский статут подмастерьев, [Примечание: 1563] укрепило руки мастеров за счет подмастерьев. Подобные примеры являются лишь типичными; аналогичные законы были приняты по всей Европе. Закон за актом работодателя получали привилегии за счет рабочих.

[Примечание: Сельское хозяйство]

Оставалось сельское хозяйство, в то время, безусловно, самое крупное и важное из всех средств, с помощью которых человек добывает себе пропитание у природы. Даже сейчас большая часть населения в большинстве цивилизованных стран — и еще больше в получивилизованных — проживает в сельской местности, но четыреста лет назад эта доля была намного больше. Англия была преимущественно сельскохозяйственной страной до восемнадцатого века — Англия, самая торговая и индустриальная из наций! Хотя {542} сельское хозяйство было последней областью, подвергшейся нападению капитала, в шестнадцатом веке оно было так же основательно обновлено этой ирригационной силой, как до нее были преобразованы другие способы существования.

Средневековым сельским хозяйством занимались крестьяне, владевшие небольшими участками земли, которые соответствовали бы небольшим магазинчикам и незначительному капиталу ремесленника. Каждая местная единица, будь то вольная деревня или поместье, состояла из различных видов земель — пахотных, общих для выпаса овец и крупного рогатого скота, лесов для сбора дров и выпаса свиней и лугов для выращивания сена. Пахотная земля была разделена на три так называемых "поля", или участка, каждое поле разделялось на более мелкие участки, называемые в Англии "выстрелами", а они, в свою очередь, были разделены на полосы площадью в акр. У каждого крестьянина было определенное количество таких крошечных участков, обычно около тридцати, по десять на каждом поле. Обычно каждый год по очереди оставляли одно поле под паром, одно поле засевали озимой пшеницей или рожью (хлебная культура), а одно поле - ячменем для пива и овсом для кормления лошадей и крупного рогатого скота. В эту систему невозможно было привнести индивидуализм. Каждый мужчина должен был пахать и сеять тогда, когда деревня считала, что это необходимо. А земли общего пользования и леса были бесплатными для всех, с определенными правилами.[2]

[Примечание: средневековые методы ведения сельского хозяйства]

Искусство ведения сельского хозяйства не было совсем примитивным, но с начала истории оно изменилось меньше, чем с 1600 года. Вместо огромных паровых плугов и всевозможных машин для боронования и уборки урожая маленькие плуги тянули волю, а мотыги и грабли использовались вручную. Для подкормки использовались известь, мергель и навоз, но в скудных количествах. Скот был {543} маленьким и худым, а после суровой зимы иногда настолько ослабевал, что его приходилось вытаскивать на пастбище. Овцы были более прибыльными, а в летний сезон хорошую прибыль получали куры, гуси, свиньи и пчелы. Болезни крупного рогатого скота были распространены и смертельны. Принципы разведения были малопонятны. Фитцгерберт, писавший о земледелии в начале шестнадцатого века, наряду с некоторыми разумными советами делает замечания о влиянии луны на коневодство, достойные Гесиода. Действительно, вопрос был оставлен почти на самотек, пока закон Генриха VIII не постановил, что ни одному жеребцу старше двух лет и ростом менее пятнадцатиладоней не разрешается свободно бегать по палате общин, а кобылам - менее тринадцати ладоней, чтобы порода лошадей не ухудшилась. Именно в связи с той же ситуацией возникла привычка кастрировать лошадей, которая стала распространенной примерно в 1580 году.

[Примечание: Капиталистические перемены]

Атака капиталистов на коммунистическое сельское хозяйство принимала две основные формы. В некоторых странах, таких как Германия, это было следствием перехода от натуральной экономики к денежной. Новые коммерсанты скупали поместья знати и подвергали их более интенсивной обработке, в то же время используя все ресурсы закона и правительства, чтобы сделать их как можно более прибыльными.

[Примечание: Вложения]

Но в двух странах, Англии и Испании, и в некоторой степени в других, была найдена выгодная возможность для инвестиций в крупномасштабное овцеводство. В Англии это проявилось в "огораживании", под которым в первую очередь подразумевалось ограждение общего достояния для частного использования, но во вторую очередь стало применяться к преобразованию пахотных земель в пастбища [3] и замене крупных владений небольшими.

Причиной движения стал спрос на шерсть при производстве тканей, в основном для экспортной торговли.

{544} [Примечание: Жалоба на информацию, размещенную внутри сайта]

Современники с большой тревогой наблюдали за ходом этих экономических преобразований. Поднялся крик о том, что овцы поедают людей, что Англия превращается в одно огромное пастбище для удовлетворения жадности богачей, в то время как земля, необходимая для выращивания зерна, заброшена, а арендаторы насильно изгнаны. Протесты стали наиболее громкими в 1516-8 годах, когда была назначена комиссия для расследования "зла" замкнутости. Было установлено, что за последние тридцать лет площадь земли в восьми наиболее пострадавших округах составила 22 500 акров. Это было не только для выпаса скота; в Йоркшире это было в основном для спорта, в Центральных графствах - для пахоты, на юге - для пастбищ.

Площадь может показаться чрезвычайно маленькой, чтобы объяснить жалобы, которые она вызвала. Несомненно, это было лишь главным и наиболее типичным из трудностей, причиненных определенному классу введением новых методов. Это напоминает о резкой враждебности к внедрению машин в девятнадцатом веке, когда огромный прирост богатства для общества в целом, будучи косвенным, казался жестоко приобретенным ценой страданий тех рабочих, которые не могли приспособиться к новым методам. Эволюция всегда тяжела для определенного класса, и страдальцы вполне естественно озвучивают свои беды, не обращая внимания на реальные причины изменений или на более широкие интересы общества.

Несомненно то, что огораживания продолжались непрерывно на протяжении столетия, несмотря на законодательные попытки остановить их. Действительно, они едва ли могли не продолжаться, когда были столь чрезвычайно прибыльны. Земля, отведенная под пастбище, приносила пять фунтов за каждые три фунта, уплаченные за пахоту. Соответственно размножались овцы. В законе 1534 года говорилось о том, что некоторые люди владели целых 24 000 овец, и невольно в форме жалобы указывалась причина этого, {545} а именно, что цена на шерсть недавно удвоилась. Закон ограничил количество овец, разрешенное одному человеку, 2000 особями. Народ восстал и начал массово резать овец в ходе одной из тех неразумных и слепых, но не противоестественных вспышек саботажа, с помощью которых пролетариат время от времени стремится уничтожить богатство, подчеркивающее их бедность. Тогда, как всегда, единственной причиной нежелательных изменений в их образе жизни, которые они видели, были жадность и бессердечие группы людей или правительства. Более глубокие экономические силы ускользнули от обнаружения или, по крайней мере, внимания.

В период 1450-1610 годов, вероятно, было огорожено около 2 3/4% от общей площади Англии. Наиболее пострадавшими округами были Мидлендс, в некоторых из которых количество затронутых земель составляло от 8% до 9% от общей площади. Но хотя совокупность кажется небольшой, при тогдашнем малонаселенном состоянии королевства она составляла гораздо большую долю от общей площади пахотных земель - вероятно, одну пятую. При Елизавете, возможно, одна треть улучшенных земель использовалась под выпас скота, а две трети находились под плугом.

[Примечание: Испания: Место]

В Испании та же тенденция выращивать шерсть в коммерческих целях проявилась в несколько иной форме. Там, не благодаря огораживанию общин, а благодаря установлению монополии кастильским "овцеводческим трестом" Mesta, крупная корпорация взяла верх над разрозненными сельскохозяйственными интересами крестьян. Место, существовавшее с 1273 по 1836 год, достигло вершины своего могущества в первых двух третях шестнадцатого века. [Примечание: 1568] Когда он принял от правительства назначение должностного лица, которое должно было контролировать его в общественных интересах, алькальда Энтрегадора, можно сказать, что капитализм одержал решающую победу. В то время компания владела {546} семью миллионами овец и экспортировала шерсть весом 55 000 тонн и стоимостью 560 000 долларов в год.

[Примечание: Выращивание пшеницы]

Овладев источниками богатства, которые давало выращивание шерсти, капиталисты затем обратились к пахотным землям и, преобразовав их, сделали последний шаг в коммерциализации жизни. Даже сейчас в Англии земля не рассматривается как такой же вид инвестиций, как фабрика или железная дорога; все еще существуют пережитки традиции, согласно которой арендатор обладает обычными привилегиями по сравнению с правом владельца земли эксплуатировать ее во всей ее ценности. Но это действительно слабый призрак средневековой идеи о том, что обычай был священным, а выгода землевладельца - совершенно второстепенной. Самый большой шаг от средневековой системы к современной был сделан в шестнадцатом веке, и его внешним и видимым признаком была замена древнего копирайта арендованным. Последнее имело характер имущественного права или интереса; первое было всего лишь контрактом на ограниченный, часто на короткий срок, по истечении которого арендатора могли выгнать, повысить арендную плату или, как это было наиболее обычно, взыскать огромный штраф (т. Е. Плату) за продление срока аренды.

Революции способствовало, если не частично, приобретение земли новым коммерческим классом, что привело к повышению производительности. Были внедрены новые и более совершенные методы обработки почвы. Разбросанные тридцать акров земли крестьянина были объединены в три поля по десять акров, которые отныне должны были использоваться по усмотрению владельца. В один год поле было засеяно зерновыми культурами, а в следующий год превращено в пастбище. Этот усовершенствованный метод, известный как "конвертируемое земледелие", практикуемый в Англии и в меньшей степени на Континенте, стал большим шагом в направлении научного сельского хозяйства. Регулярная ротация сельскохозяйственных культур {547} вряд ли была обычной практикой до восемнадцатого века, но нечто подобное было в тех местах, где конопля и лен чередовались со злаками. Капиталисты в Нидерландах построили дамбы, осушили болота и прорыли дорогостоящие каналы. В других местах также были осушены болота и начато орошение. Но, возможно, ни одно усовершенствование техники не объясняло более высокую урожайность земли в такой степени, как осторожный эгоизм частного владельца в противовес прежней полукоммунистической беспечности. Несколько популярных пословиц тогда приобрели популярность в том смысле, что нет такого удобрения для почвы, как то, которое внес сам мастер. Заявление Гаррисона в царствование Елизаветы о том, что огороженный акр приносил столько же, сколько полтора акра пашни, подтверждается английской статистикой торговли зерном. С 1500 по 1534 год, когда процесс огораживания был в самом разгаре, экспорт кукурузы более чем удвоился; затем он уменьшился, пока почти не прекратился в 1563 году, после чего быстро увеличился до 1600

года. В течение всего столетия население росло, и поэтому разумно предположить, что урожайность почвы в 1600 году была значительно выше, чем в 1500 году.

[Примечание: Экспорт зерна после 1559 г.]

Следует, однако, признать, что увеличение экспорта было частично вызвано изменением политики правительства, а частично стало симптомом этого. Когда коммерс стал королем, он в первую очередь заботился о своих собственных интересах и отождествлял эти интересы с дивидендами небольших групп своих главных министров. Торговля регулировалась тарифами и премиями уже не в интересах потребителя, а в интересах производителя и торговца. Хлебные законы Англии девятнадцатого века имеют аналог в елизаветинской политике поощрения экспорта зерна, в котором нуждались дома. Как только и земля, и парламент попали в руки новых {548} капиталистических землевладельцев, они использовали одно для увеличения прибыли другого. В этом Англия была не одинока. Франция благоприятствовала городам, то есть промышленным центрам, заставляя сельское население продавать зерно по очень низким ценам и поощряя экспорт зерна. Возможно, та же самая политика была наиболее вопиющей в Шестнадцатом Риме, где Папская область, как и провинции Империи раньше, облагалась налогами, чтобы сохранить в городе дешевый хлеб.

[1] От латинского *ministerium*, французского *metier*, не связанного с "тайной".

[2] За содержание этого параграфа, а также за многочисленные предложения по остальной части главы я в долгу перед профессором Н. С. Б. Грасом из Миннеаполиса.

[3] Хотя часть огороженной земли была обработана; см. Ниже.

РАЗДЕЛ 2. УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ ДЕНЕГ

[Примечание: Король, коронованный деньгами]

В наше время Деньги были королем. Возможно, в определенный период древнего мира богатство имело такую же власть, как и сейчас, но в средние века это было не так. Арендатор или крепостной, который платил свои взносы феодальной службой или натурой, игнорировал деньги; дворяне презирали их как вульгарную собственность евреев или людей без благородного воспитания, а церковь ненавидела их как грязную наживу, корень всего зла и, наряду с сексом, как один из главных инструментов сатаны. "Религиозный" человек дал бы обет бедности так же, как и безбрачия.

Но теперь деньги стали слишком могущественными, чтобы ими пренебрегали или презирали, и слишком желанными, чтобы их ненавидели. В переходный век средневековые и современные представления о богатстве соседствуют друг с другом. Когда Гольбейн приехал в Лондон, тамошние ганзейские купцы наняли его для организации театрализованного представления по случаю коронации Анны Болейн. В их зале он написал две аллегорические картины "Триумф бедности" и "Триумф богатства". Выбор сюжетов был характерен для переходного времени.

[Примечание: Революция]

За экономическими инновациями, описанными на последних нескольких страницах, последовала социальная перестройка, достаточно жесткая и быстрая, чтобы заслужить название революции. Волна обрушилась на разные страны в {549} разное время, но когда она все-таки пришла в каждую из них, то пришла с размахом, главным образом в двадцатые годы в Германии и Испании, в тридцатые и сороковые годы в Англии, немного позже, с гражданскими войнами, во Франции. Она поглотила все классы, кроме буржуазии; или, скорее, она подчинила их всех и заставила следовать, как в римском триумфе, за победоносной колесницей Богатства.

[Примечание: Буржуазия использует монархию]

Единственной другой властью в государстве, которая была заметно усилена за счет других классов, помимо плутократии, была власть принца. Иногда об этом говорят как о результате новой политической теории, беззаконного, хотя и бессознательного, заговора Лютера и Макиавелли, направленного на возвеличивание божественного права королей. Но на самом деле их теории были всего лишь выражением свершившегося или легко предвидимого факта; и этот факт был обусловлен в наибольшей степени потребностью коммерческого класса в стабильном и сильном правительстве. Богатство, которое на заре двадцатого века, казалось, на мгновение приобрело космополитический характер, затем было тесно связано с властью государства. Чтобы поддерживать порядок, обуздывать беззаконие, обеспечивать концессии и рынки сбыта, торговое общество нуждалось в сильном исполнителе, и его они могли найти только в лице принца. Лютер говорит, что короли - это всего лишь Божьи тюремщики и палачи, высокородные и великолепные, потому что самый подлый из Божьих слуг должен быть облачен таким образом. Было бы немного правдивее сказать, что они были тюремщиками и палачами, нанятыми буржуазией для внушения благоговения массам, и что их причудливые атрибуты и титулы были сохранены как украшение веселого мира снобизма.

[Примечание: И другие агентства]

Вместе с монархией новые повелители людей разработали другие инструменты: парламентское правление в одних странах, бюрократию в других и наемную армию почти во всех. В то время было либо изобретено, либо часто цитировалось высказывание о том, что {550} золото было одним из нервов войны. Дорогое огнестрельное оружие, взорвавшее феодальный замок, было столь же смертоносно, когда было обращено против взбунтовавшихся крестьян.

[Примечание: Чтобы сломить благородство]

Как раз в тот момент, когда бюргер был готов пробиться в первые ряды, ему в значительной степени помогла яростная гражданская борьба, вспыхнувшая в обоих старых привилегированных сословиях. Никогда максима "разделяй и властвуй" не использовалась лучше, чем тогда, когда Реформация разделила церковь, а гражданские войны, династические в Англии, феодальные в Германии и номинально религиозные во Франции, сломали меч знати. Когда графы и рыцари закончили перерезать друг другу глотки, их едва ли осталось достаточно, чтобы оказать решительную поддержку. Время от времени они пытались это сделать, как во время восстания Зикингена в Германии, Северных графов в Англии и на ранних стадиях восстания коммунаров в Испании. В каждом случае они терпели поражение, и работу меча завершали топор и кинжал. Прошли ли они залитый кровью путь к Тауэру или пали жертвой наемных убийц Екатерины, от старой знати избавились, и власть их касты была сломлена. Но вскоре их места заняли новые люди. Некоторые сразу покупали баронства и титулы, другие

постепенно созревали для этих почестей в тепле королевской улыбки и на солнечных склонах поместий, отнятых у монахов. Но в конце концов была достигнута цель: корона стала простой безделушкой в руках богатых, последним знаком общественного уважения к успеху в зарабатывании денег.

[Примечание: Разграбить церковь]

Еще более жестоким было разграбление церкви. Конфискации, проводимые во имя религии, пошли на пользу новым богачам. Это правда, что не все захваченное имущество попало в их руки; часть осталась у принца, большая часть была использована для основания или финансирования хосписов, школ и приютов для бедных. {551} Но большая и лучшая часть этой земли вскоре была отдана в жадные руки торговцев. Таким образом, в Англии, вероятно, одна шестая часть всей обрабатываемой земли в королевстве была передана в течение нескольких лет в руки новых людей. Так были созданы многие "графские семьи" Англии, и, таким образом, новые интересы вскоре стали доминировать в парламенте. При Генрихе VII Палата лордов на одном важном заседании собрала тридцать духовных и всего восемнадцать светских пэров. В правление его сына светских пэров стало больше, чем духовных, из которых были вычтены аббаты. Палата общин стала тем, чем она оставалась до девятнадцатого века, плутократией, представляющей либо земельные, либо коммерческие богатства.

Несколько похожая секуляризация церковной собственности произошла по всей Германии, причем города, как правило, лидировали. Процесс шел медленно, но уверенно в электоральной Саксонии, Гессене и других протестантских территориях, и примерно в то же время в Швеции и Дании. Но в чем-то те же методы рекомендовались даже в римско-католических землях и в России Восточной Церкви, настолько заразительными были примеры реформаторов.

[Примечание: 1536] Венеция запретила дарить церкви или монастырям подарки или наследство. [Прим. автора: 1557] Франция, где была предложена конфискация, [Прим. автора: 1516] частично достигла тех же целей, подчинив духовенство власти короны.

[Примечание: Буржуазия]

Среди групп, на которые естественным образом распадается общество, есть интеллектуальный класс, группа профессионалов, ученых, писателей и учителей. [Примечание: подкупает интеллигенцию] Эта группа, как только она приобрела новую известность в шестнадцатом веке, в то же время частично стала придатком и слугой денежной власти. Высокие расходы на образование по сравнению со средневековьем, огромные сборы, взимавшиеся тогда за окончание профессиональных школ, обычай оплачивать {552} проживание в церкви и занятия юриспруденцией и медициной, потребность в покровительстве в литературе и искусстве, сделали почти невозможным для сыновей бедняков поступление во дворец обучения. Более того, покровительство богатых, их утверждение монополии на хороший тон и социальный престиж соблазнили профессиональный класс, который теперь ел из рук торговца, подражал его манерам и служил его интересам. На протяжении четырех столетий юриспруденция, богословие, журналистика, искусство и образование кроили свои одежды, по крайней мере до некоторой степени, по моде богатого двора.

[Примечание: И поработает пролетариат]

Наконец, оставалась единственная сила, которая доказала, что почти не уступает деньгам, - сила труда. Намного превосходя численностью капиталистов, рабочие во всех других

отношениях были их подчиненными — в образовании, организации, руководстве и материальных ресурсах. Одна вещь, которая делала их борьбу такой тяжелой, заключалась в том, что те люди исключительных способностей, которые могли бы быть их лидерами, почти всегда сколачивали состояния самостоятельно, а затем обращали свою силу против своих бывших товарищей. Лейбористы также ужасно страдали от шарлатанов и разглагольствующих с советами о безрассудстве.

Социальные войны шестнадцатого века несли в себе черты как средневековья, так и нового времени. Крестьянское восстание в Германии было одновременно коммунистическим и религиозным; восстания Коммунерос и Эрмандад в Испании были частично коммунистическими; несколько восстаний в Англии были частично религиозными. Но всех их отличал новый элемент - требование рабочих о повышении заработной платы и улучшении условий жизни. Пролетариат города и шахтерского района присоединился к немецким крестьянам в 1524 году; восстание во многих отношениях было похоже на гигантскую всеобщую забастовку.

[Примечание: Освобождение крепостных]

Какими бы великими ни были конечные преимущества свободы, освобождение крепостных не может рассматриваться как {553} непосредственная экономическая выгода для них. Они были освобождены не из-за роста каких-либо моральных настроений и тем более не как следствие какого-либо социального катаклизма, а потому, что свободный труд был признан более выгодным, чем несвободный. Примечательно, что первыми были освобождены крепостные в таких странах, как Шотландия, где не было крестьянских восстаний; отсюда следует вывод, что в других странах их держали в рабстве дольше, чем это было выгодно по политическим причинам. Последний крепостной был возвращен в Шотландии в 1365 году, но крепостные не были полностью освобождены в Англии даже во времена правления Елизаветы. Во Франции этот процесс быстро развивался в 15 веке, часто вопреки желанию самих крепостных. В то время сто тысяч крестьян эмигрировали из Северной Франции в Бургундию, чтобы обменять свое свободное состояние на рабское. Однако они недолго наслаждались своим рабством. Крепостные в бургундском государстве, особенно в Нидерландах, сбросили свои последние цепи в шестнадцатом веке, особенно быстро между 1515 и 1531 годами. В Германии крепостное право сохранялось далеко за пределами XVI века, несомненно, отчасти из-за опасений, вызванных гражданской войной 1525 года.

[Примечание: Регулирование труда]

На смену старому крепостному праву при одном хозяине пришло новое и детальное регулирование труда со стороны правительства. Это регулирование было исключительно с точки зрения имущих классов и, следовательно, почти полностью отвечало их интересам. Форма была старой формой средневекового патернализма, но дух был новым духом капиталистической наживы. Стремление правительства быть справедливым как к рабочему, так и к работодателю очень слабое, но оно просто заметно в некоторых законах.

Большая часть налогов и бремени государства легла на плечи бедных. Продолжительность рабочего дня была установлена в диапазоне от 12 до 15 часов в зависимости от сезона. {554} Регулирование заработной платы носило не эпизодический характер, а было регулярной частью работы определенных магистратов, в Англии мировых судей. Парламент с невероятной

строгостью обеспечивал выполнение обязанности бедного и трудоспособного человека работать. Закоренелые бездельники были арестованы и призваны в новый пролетариат, необходимый капиталу. Когда порки, клеймения и коротких сроков тюремного заключения было недостаточно, чтобы заставить мужчин работать, был принят закон о клеймении трудоспособных бродяг на груди буквой "V" [Прим. автора: 1547] и о передаче их какому-нибудь честному соседу "для получения и содержания в качестве рабов в течение двух лет, а затем следующих". Хозяин должен "давать ему только хлеб, воду, немного питья и такие мясные отбросы, которые, по его мнению, подходят для того, чтобы заставить указанного раба работать". Если раб все еще бездельничал или если он убегал и его снова ловили, он должен был быть помечен на лице буквой "S" и признан пожизненным рабом. В случае окончательного отказа он должен был быть осужден как преступник. Эта ужасная мера, предназначенная частично для сокращения незаконного бродяжничества, частично для предоставления дешевой рабочей силы работодателям, не достигла своей цели и была отменена через два года. Сесил тщетно настаивал на его повторном введении в действие в парламенте в 1559 году. Вместо этого в этом году был принят закон, запрещающий хозяевам принимать любого работника без рекомендации его последнего работодателя; рабочим не разрешалось прекращать работу или менять работодателей без уважительной причины, и, наоборот, работодателям было запрещено увольнять слуг "необоснованно".

[Примечание: пролетариат]

В Германии особенности современной борьбы между собственниками и рабочими наиболее очевидны. В горнодобывающей промышленности, особенно, развился настоящий пролетариат, класс рабочих, ищущих работу везде, где она лучше всего оплачивалась, объединяющихся и бастующих ради более высокой заработной платы. Для борьбы с ними были сформированы группы работодателей, которые снизили заработную плату и внесли агитаторов в черный список. Типичным из них было соглашение, заключенное герцогом Георгом Саксонским {555} и другими крупными шахтовладельцами, не повышать заработную плату, [Примечание: 1520] не позволять шахтерам переходить с места на место в поисках работы и не нанимать никаких назойливых агитаторов, уволенных кем-либо из операторов.

Удивительно, как быстро развились многие черты современного пролетариата. Возьмем, к примеру, жилищную проблему. Когда она стала острой, некоторые работодатели построили для своих работников типовые многоквартирные дома. Другие открыли магазины, в которых они могли покупать еду и одежду, и даже частично расплачивались с ними товарами, а не деньгами. Рабочая сила, как правило, становилась текучей, перемещаясь из одного города в другой и из одной отрасли промышленности в другую в соответствии со спросом. Подобная вещь не была чем-то необычным в предыдущие столетия; в шестнадцатом ей решительно противодействовал закон. Новые риски, которым подвергаются рабочие, проявились, когда впервые в истории в 1515 году произошла крупная авария на шахте - наводнение, в результате которого утонули восемьдесят восемь шахтеров. Женщины стали работать на фабриках и подвергались жестокой эксплуатации. Самое отвратительное, что детей заставляли, как это происходит до сих пор в некоторых местах, влачить свою короткую жизнь тяжелым трудом. Например, производство кружев в Бельгии полностью перешло в руки детей. Отнюдь не протестуя против этого безобразия, закон фактически санкционировал его положением о том, что ни одной девочке старше двенадцати лет не разрешается плести кружева, чтобы не сократить количество слуганок.

[Примечание: Удары]

Там происходили забастовки и восстания всех видов, каждое из которых было подавлено силами правительства и капиталистов вместе взятых. Короли торговли были тогда, в большей степени, чем сейчас, робкой и жестокой расой, ибо тогда они сознавали себя узурпаторами. Когда они видели, как Мюнцер или Кетт — безумные Деревушки народа — моют, косят и разыгрывают свои подвиги перед миром, они обезумевали от ужаса и ничего не могли поделать, кроме как принять хитрый совет {556} убить этих наследников или претендентов на их владения. Великие восстания - это все, чему история сейчас уделяет много внимания, но на самом деле война с бедными была непрерывной, хронической болезнью политического организма. Людовик XI не жалел ничего: лишений избирательных прав, изгнаний, массовых казней, чтобы расправиться с худыми и голодными заговорщиками против общественного порядка, чьи хриплые крики о страдании он ненавидел. Несколько более мягкой, потому что более сильной рукой его преемники пошли по его стопам. Но когда требовалось, войска оказывались рядом, чтобы поддержать богатых. Крупная забастовка печатников в Лионе - один из примеров нескольких во Франции. На немецких рудниках время от времени происходили забастовки, которые сурово подавлялись князьями, действовавшими сговорившись.

[Примечание: Деградация бедных]

Не может быть никаких сомнений в том, что экономическое развитие шестнадцатого века принесло неимущим огромные трудности. Повсеместно отмечалось, что, хотя вино и мясо были обычными продуктами в 1500 году, к 1600 году они стали предметом роскоши. Некоторые ученые даже доказывали на основании этого уменьшение богатства Европы за столетие. Однако этого не произошло. Совокупный капитал, если мы можем судить по многим другим признакам, заметно увеличился на протяжении столетия. Но она становилась все более и более сосредоточенной в нескольких руках.

Главной естественной причиной депрессии рабочего класса был рост цен. Заработная плата всегда проявляла себя в более медленном движении, чем товары. Хотя денежная заработная плата, таким образом, оставалась почти неподвижной, реальная заработная плата сократилась на протяжении века. В 1600 году французский трудящийся был обязан тратить на 55 процентов. из его зарплаты только на еду. За целый день работы ему хватило бы всего двух с половиной фунтов соли. Арендная плата была низкой, потому что дома были невероятно плохими. В то время годовая арендная плата за квартиру рабочего стоила от десяти до двадцати {557} рабочих дней; сейчас это стоит около тридцати рабочих дней. Новая торговля лишила крестьян части его рынков сбыта, заменив отечественные сельскохозяйственные продукты иностранными товарами, такими как индиго и кошениль. Коммерциализация сельского хозяйства принесла крестьянам множество трудностей. Многих свернули со своих ферм, чтобы освободить место для стад овец, а других наняли на новых и более жестких условиях, чтобы они платили деньгами за землю, которой они когда-то владели на обычных и не слишком жестких условиях обслуживания и сборов.

Под всем великолепием Возрождения, с его полями из золотых тканей и битвами, подобными рыцарским поединкам, с его постоянным потоком лести от художников и авторов, с хвастовством новым богатством и жадно вкушаемыми удовольствиями жизни и наслаждения, внимательное ухо может услышать тихий, непрерывный ропот несчастных, которым суждено в день отчаяния или мести разразиться свирепым криком. [Примечание: Никакой жалости к

бедным] И тогда не было особой жалости к бедным. Благотворительность и поклонение "апостольской бедности" средневековья прекратились, как не возникло и той социальной доброты, столь характерной для нашего времени, что на нее влияют даже те, кто ее не чувствует. Богатые и знатные, поглощенные развратом или искусством, относились к крестьянину как к другой расе — "быку без рогов", как они его называли, — которого били дубинками, пока он был ручным, и на которого охотились, как на волка, когда он одичал. Художники и литераторы игнорировали само существование неграмотных, как сказал великолепный Горациан: "Я ненавижу вульгарную толпу и держусь от нее подальше", или, если их на мгновение будил шум гражданской войны, просто замечали, как Эразм, что любая тирания лучше, чем тирания толпы. Церковники, такие как Мэтью Лэнг и Уорхэм, а также папы угнетали бедных, которых любил Иисус. "Rustica gens optima flens" - остроумно заметил цюрихский каноник, в то время как Лютер выпалил: {558} "проклятые, вороватые, кровожадные крестьяне", а "кроткий" Меланхтон почти вздохнул: "осла будут бить, а народомбудут править силой".

Действительно, было несколько достойных исключений из господствующей черствости. "Я восхваляю тебя, благородный крестьянин, - писал неизвестный немец, - перед всеми созданиями и владыками на земле; император должен быть равен тебе". Мало читаемые эпиграммы Эвриция Кордуса, немецкого гуманиста, который, в порядке исключения, тоже был гуманен, осуждают кровососание крестьян их господами. Больше всего сэр Томас Мор испытывал не столько жалость к судьбе бедных, сколько негодование по поводу их несправедливости. "*Утопия*" навсегда останется одной из самых благородных книг в мире, потому что она едва ли не первой почувствовала социальную проблему и столкнулась с ней лицом к лицу.

[Примечание: Пауперизм]

Это стало насущной необходимостью в связи со значительным ростом пауперизма и бродяжничества на протяжении XVI века, что стало самым печальным из последствий экономической революции. Когда жизнь становилась слишком тяжелой для выселенного арендатора землевладельца, разводящего овец, или для деклассированного подмастерья городской гильдии, у него не оставалось иного выбора, кроме как отправиться в дорогу. Банды крепких бродяг, возглавляемые старыми солдатами и частично состоящие из них, бродили по Европе. Но немногим ранее шестнадцатого века эта раса нищенствующих цыган дебютировала. Слово "разбойник" было придумано в Англии около 1550 года для названия нового класса. "*Книга бродяг*", [Прим. автора: 1510], написанная Мэтью Хютлином из Пфортцхайма, описывает двадцать восемь разновидностей попрошаек, раскрывает их уловки и дает словарь их жаргона. Говорят, что некоторые из этих нищих опасны, угрожая путнику или домовладельцу, который не заплатит им; другие симулируют различные болезни, или наносят искусственные раны и уродства, чтобы вызвать жалость, или надевают религиозные одежды, или таскают цепи, чтобы показать, что они сбежали с галер, или рассказывают другие правдоподобные истории о горе и приключениях. Все современники свидетельствуют о тревожном количестве этих мужчин и женщин; трудно сказать, сколько их было на самом деле. Подсчитано, что в 1500 году их было 20 % от населения Гамбурга и 15%. большую часть населения Аугсбурга составляли пауперы. При Елизавете, вероятно, от четверти до трети населения Лондона были пауперами, и сельские районы были такими же плохими. Считалось, что в некоторых частях Уэльса треть населения занимается бродяжничеством.

Перед лицом этой ужасающей ситуации средневековый метод благотворительности полностью рухнул. На самом деле, с ее многочисленными нищенствующими монахами, с ее предписанием раздавать милостыню как доброе дело, наиболее угодное Богу, и с ее уважением к добровольной бедности церковь скорее усугубляла, чем смягчала зло нищенства. Государству пришлось вмешаться, чтобы помочь церкви.

[Примечание: Государственная помощь бедным, 1506 г.]

Раньше это было сделано в Нидерландах. В отношении бродяг был издан и неоднократно пересматривался суровый указ, предписывающий пороть их кнутом, брить головы и в дальнейшем наказывать колодками. Инициативная группа гуманистов и юристов потребовала, чтобы правительство взяло на себя обязанность по оказанию помощи бедным от церкви. Соответственно, в Лилле был открыт "общий сундук" - первое гражданское благотворительное бюро в Нидерландах. [Примечание: 1512] В Брюгге монастырь был секуляризован и превращен в школу для восьмисот бедных детей в военной форме. В Антверпене было открыто светское бюро благотворительности. [Примечание: 1521]

В этих обстоятельствах гуманист Льюис Вивес написал свой знаменитый трактат о помощи бедным [Прим. автора: январь 1526 г.] в форме письма городскому совету Брюгге. В этом хорошо продуманном трактате он отстаивал закон о том, что никто не должен есть, если не работает, и настаивал на том, чтобы все трудоспособные бродяги нанимались в ремесленники — предложение, которое капиталисты, стремящиеся {560} привлечь людей в свои мастерские, приветствовали! Случаи нетрудоспособности людей также должны приниматься во внимание, и правительство должно заботиться о них с помощью религиозных пожертвований. Притязания Вивеса на признание даже больше соответствуют его духу, чем его определенной программе. Почти впервые в истории он прямо сказал, что бедность - это позор, а также опасность для государства, и ее следует не смягчать, а искоренять.

В то время как Вивес все еще готовил свой трактат, город Ипр [Прим. автора: 1525] (трагическое название!) уже обратился к нему за советом и действовал в соответствии с ним, а также по примеру более ранних реформ в немецких городах, обнародовав постановление. Городские власти объединили все религиозные и филантропические пожертвования в один фонд и назначили комитет для управления им и сбора дальнейших подарков. Эти граждане должны были посещать бедных в их жилищах, оказывать необходимую помощь, встречаться два раза в неделю для согласования мер по исправлению положения и отвечать за соблюдение законов, направленных против попрошайничества и безделья. Всех детей бедняков отправляли в школу или обучали какому-либо ремеслу.

Хотя до Реформации в Германии были единичные примеры муниципальной помощи бедным, именно религиозное движение впервые придало этому делу решающий импульс. В своем *Обращении к немецкой знати* Лютер рекомендовал каждому городу заботиться о своих бедняках и пресекать "нечестивое попрошайничество". Во время его отсутствия в Вартбурге его более радикальные коллеги предприняли шаги по воплощению этих идей на практике в Виттенберге. За счет церковных пожертвований был создан общий фонд, из которого сиротам предоставлялось жилье, учащимся школ и университетов оказывалась помощь, бедным девушкам выдавалось приданое, а нуждающимся рабочим ссужались деньги под четыре процента. Был принят суровый закон о борьбе с попрошайничеством. Аугсбург и Нюрнберг

почти сразу последовали {561} примеру Виттенберга [Прим. автора: 1522], а другие немецкие города в количестве сорока восьми один за другим присоединились к процессии.

По довольно очевидным причинам государственное регулирование пауперизма, хотя и не зародилось в эпоху Реформации, гораздо быстрее и основательнее развивалось в протестантских землях. В них государственная мощь и экономическая революция достигли своего максимального развития, тогда как римская церковь была склонна или обязана придерживаться средневековой позиции. "Раздача милостыни - это папизм", - говорилось в одном шотландском трактате. Так, Кристиан Целлариус, профессор из Лувена, опубликовал *Призыв к защите права бедных просить милостыню*. [Прим. автора: 1530] Испанский монах Лоуренс да Вильявисенсио в своей книге *"Священная экономика заботы о бедных"* [Прим. автора: 1564] осудил весь план государственного регулирования и субсидий как еретический. Тридентский собор также встал на сторону средневековья и потребовал восстановления в церкви направления благотворительности.

[Примечание: 1531]

Но даже в католических странах новая система добилась успеха. По мере того, как Парижский университет утвердил Ипрский ордонанс, во Франции и в католической Германии возник план, включающий элементы старого порядка, но основанный на современном духе.

В Англии проблема пауперизма стала более острой, чем где бы то ни было. Решительные меры, принятые для принуждения мужчин к труду, не смогли удовлетворить все потребности. После того, как были испробованы различные виды муниципальной помощи, и после того, как правительство тщетно пыталось стимулировать частную щедрость к сотрудничеству с церковью [Примечание: 1572] для удовлетворения растущих потребностей, были установлены первые обязательные нормы для бедных. Три или четыре года спустя был принят закон об отправке бедных на работу в работные дома. Эти меры не увенчались успехом, который соответствовал континентальному методу. Даже по сравнению с Шотландией, в Англии развился непропорционально высокий уровень пауперизма. Некоторые {562} власти утверждали, что, предоставляя бедным законное право на помощь, она поощряла спрос на нее. [Примечание: 1572] Однако, вероятно, она просто являла собой крайний пример меркантилизма, который делал деньги, но не создавал мужчин.

{563}

ГЛАВА XII

ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ МЫСЛИ

Если бы мы читали биографию своевольного гения, мы нашли бы значение книги не в описании его ссор и грехов, не в подсчете его финансовых трудностей и успехов, а в оценке его вклада в красоту и мудрость мира. Примерно то же самое верно и в отношении истории расы или периода; политические и экономические события - это всего лишь внешние рамки; интеллектуальные достижения - это одновременно и самый привлекательный, и самый высокооплачиваемый объект нашего изучения. В этом отношении шестнадцатый век был одним

из самых блестящих; он создал научные труды, превзошедшие всех своих предшественников; он породил шедевры искусства и литературы, которым нет равных.

РАЗДЕЛ 1. БИБЛЕЙСКИЕ И КЛАССИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

[Примечание: Положение Библии в 16 веке]

Естественно, невозможно дать полный отчет обо всех произведениях гения шестнадцатого века. В такой обширной панораме можно выделить только горные вершины. Одной из таких вершин, несомненно, является Библия. Никогда ни до, ни после эта книга не была так популярна; никогда ее изучение не поглощало столь значительную часть энергии людей. Верно, что разъяснение текста не было пропорционально количеству затраченного на него труда. По большей части к нему подходили не в научном, а в догматическом духе. Люди читали его не исторически и критически, а для того, чтобы найти в нем свои собственные догмы. Тем не менее, были заложены основы как для текстологической, так и для высшей критики.

{564} [Примечание: греческий текст]

Греческий текст Нового Завета был впервые опубликован Эразмом в марте 1516 года. Исправленные, но не всегда улучшенные издания были выпущены им в 1519, 1522 и 1527 годах. Для первого издания перед ним было десять рукописей, все они представляли собой миниатюры, самая древняя из которых, хотя он и полагал, что она могла относиться к апостольской эпохе, современная критика относит ее к двенадцатому веку. В ходе печати было допущено несколько грубых ошибок, и последние шесть стихов Апокалипсиса, отсутствовавшие во всех рукописях, были снабжены крайне ошибочным переводом с латыни. Результаты оказались такими, каких можно было ожидать. Хотя текст был значительно переработан современными критиками, издание Erasmus оказало большую услугу и было абсолютно честным. Он отметил, что последние стихи Марка сомнительны и что отрывок о прелюбодейке (Иоанна vii, с 53 по viii, 11) отсутствует в лучших источниках, и он опустил текст о трех небесных свидетелях (I Иоанна v, 7) как отсутствующий во всех его рукописях.

За это упущение он подвергся жестокому нападению. Чтобы подкрепить свою позицию, он попросил своего друга Бомбасиуса обратиться к Ватиканскому кодексу и осмелился заявить, что, если бы была найдена единственная рукопись с этим стихом на греческом, он включил бы его в последующие издания. Хотя в то время не существовало кодексов с этим стихом, о котором идет речь, — который был латинской подделкой четвертого века, возможно, созданной Присциллианом, — один из них был быстро изготовлен. Хотя Эразм подозревал, что этот стих был вставлен из латинского текста, он добавил его в свое третье издание, "чтобы не было повода для клеветы". Этот единственный образец должен показать, как была воспринята работа Erasmus. За каждое отклонение от Вульгаты, будь то в греческом тексте или в новом латинском переводе, которым он ее сопровождал, он подвергался яростным нападкам. Его собственный анекдот о старом священнике, который, имея опечатку "tumpsimus" вместо "sumpsimus" в своем молитвеннике, отказался исправить ошибку, когда на нее указали, совершенно типичен для позиции его критиков. Новая истина всегда должна упорно бороться со старыми предрассудками.

Пока Эразмус работал, гораздо более амбициозный план публикации Священных Писаний вызревал под руководством кардинала Хименеса в Алькале, или, как город назывался по-латыни, Комплутуме. Комплутенсийский полиглот, как его оттуда называли, был опубликован в

шести томах, четыре из которых посвящены Ветхому Завету, один - Новому Завету и один - лексике и грамматике иврита. Самый ранний том Нового Завета датирован 1514 годом, но в течение нескольких лет после этого он был скрыт от публики. Рукописи, из которых были взяты греческие тексты, неизвестны, но они были лучше тех, которыми пользовался Эразмус. Более поздние редакторы греческого текста в шестнадцатом веке, Роберт Эстьен (Стефанус) и Теодор Беза, мало что сделали для того, чтобы подвергнуть его критике, хотя один из кодексов, которым пользовался Беза и который теперь известен под его именем, представляет большую ценность.

[Примечание: текст на иврите]

Еврейский массоретический текст Ветхого Завета был напечатан Джерсоном Бен Моше в Брешии в 1494 году и гораздо более подробно изложен в первых четырех томах Комплутенского полиглота. В дополнение к тексту на иврите испанские редакторы предложили греческую Септуагинту, сирийский язык и Вульгату, причем иврит, сирийский и греческий языки имели латинские переводы. Рукописи для перевода на иврит были доставлены из Рима. Критический пересмотр был предпринят Себастьяном Мюнстером и опубликован с новой латинской версией в Базеле в 1534-5 годах. Более поздние редакции здесь не требуют особого внимания. Неполный текст сирийского Нового Завета был опубликован в Антверпене в 1569 году.

[Примечание: латинские версии]

Многочисленные новые латинские переводы, сделанные в течение {566} этого периода, свидетельствуют об общем недовольстве Вульгатой. Не только гуманисты, такие как Валла, Лефевр и Эразм, но и совершенно ортодоксальные богословы, такие как папа Николай V, Казтан и Садолетус, увидели, что общепринятую версию можно значительно улучшить. В новом латинском переводе Эразма были исправлены многие ошибки Вульгаты. Так, в Евангелии от Матфея, iii, 2, он предлагает "resipiscite" или "ad mentem redite" вместо "poenitentiam agite". Это, а также его замена "sermo" на "verbum" в Евангелии от Иоанна i, 1, подверглось яростным нападкам. Действительно, когда стало видно, как протестанты использовали новогреческие тексты и новолатинские версии, которых было много, последовала бурная реакция в пользу традиционного текста. Даже редакторы Комплутенского полиглота отнеслись к Вульгате с такой благосклонностью, что, будучи напечатанной между ивритом и греческим, они сравнили ее с Христом, распятым между двумя разбойниками. [Примечание: 1530] Сорбонна осудила как "лютеранское" утверждение о том, что Библия не может быть должным образом понята или изложена без знания языков оригинала. [Примечание: 8 апреля 1546 г.] В Тридентском декрете Вульгата была объявлена подлинной формой Священного Писания. Предисловие к английской католической версии, напечатанной в Реймсе [Примечание: 1582], защищает тезис, которого сейчас обычно придерживаются католики, о том, что латинский текст превосходит по точности греческий, поскольку был исправлен Иеронимом, сохранен церковью и санкционирован Тридентским собором. [Примечание: 1592] Чтобы сохранить этот текст в его предельной чистоте, было выпущено официальное издание.

[Примечание: библейская наука]

Современные критики, намного превзойдя результаты, достигнутые их предшественниками, склонны недооценивать свой долг перед этими пионерами в этой области. Руководств, энциклопедий, комментариев, согласований, специальных словарей, всего того, что в наши дни делает введение в библейскую критику таким легким, тогда не хватало или {567} было получено

только трудом всей жизни. Профессора из Виттенберга после длительных расспросов не смогли найти карту Палестины. Первое созвучие на иврите было напечатано со многими ошибками в Венеции в 1523 году; первое греческое созвучие появилось только в 1546 году в Базеле. Чтобы найти параллельный отрывок, иллюстративный материал или древний комментарий к данному тексту, критику приходилось рыться в пыльных фолиантах и рукописях, вместо того чтобы находить их собранными для него в готовых справочниках. То, что все это было сделано, является работой десяти поколений ученых, среди которых пионеры Возрождения не должны испытывать недостатка в должном почете. Ранним критикам мешал порочный унаследованный метод. Схоласты, руководствуясь чисто догматическим интересом, разработали безнадёжную и фантастическую экзегезу, с помощью которой каждому тексту Священного Писания придавался четырехкратный смысл: исторический, аллегорический, тропологический (или образный) и анагогический (или дидактический).

[Примечание: Erasmus]

Эразм под руководством Валлы нащупал свой путь к более плодотворному методу. Верно, что его главной целью было нравственное, ниспровержение суеверий и утверждение мягкой "философии Христа". Он использовал аллегорический метод только или главным образом для объяснения как басен историй, которые могли бы показаться глупыми или непристойными в качестве истории. В Новом Завете он искал человека Иисуса, а не обожествленного Христа. Он предпочитал Ветхому Завету Новый Завет с его "простой, незамысловатой и кроткой истиной, без привкуса суеверия или жестокости". Он прекрасно различал даже книги Нового Завета, считая главными из них Евангелия, Деяния Апостолов, послания Павла (кроме Послания к Евреям), Первого Петра и Первого Иоанна. Он намекнул, что многие не считают Апокалипсис каноническим; он нашел Послание к Ефессянам Павла по мысли, но не по стилю; он полагал, что Послание к Евреям {568} было написано Климентом Римским; и он назвал Иакова лишенным апостольского достоинства.

[Примечание: Лютер]

Безусловно, лучшей библейской критикой столетия была зрелая работа Мартина Лютера. Примечательно, что человек, чья доктрина об обязательном авторитете Священного Писания была столь высока, и который отказывал своим ученикам в разрешении интерпретировать текст с малейшим оттенком независимости, сам проявил свободу в обращении с богодухновенными авторами, которой не было ни у одного христианина в течение следующих трех столетий. Иногда говорят, что суждения Лютера были всего лишь делом вкуса; что он брал то, что ему нравилось, и отвергал то, что ему не нравилось, и это в определенной степени верно. "Что хорошо относится ко Христу, так это Писание, даже если его написали Иуда и Пилат", - утверждал он, и снова: "Если наши противники выдвигают Библию против Христа, мы должны выдвигать Христа против Библии". Таким образом, его желание исключить послание Иакова из канона на том основании, что его доктрина оправдания противоречит доктрине Павла, было решительным и вызвало широкий протест не только со стороны ученых католиков, таких как сэръ Томас Мор, но и со стороны многих протестантов, начиная с Буллингера.

Но резкие суждения Лютера о книгах Библии обычно были гораздо более резкими, чем можно было бы предположить из чисто догматического интереса. Вместе с лучшими учеными своего времени он обладал сильным интуитивным чувством стиля, которое во многих случаях правильно направляло его. Отрицая авторство Моисея на части Пятикнижия, утверждая, что

Иов и Иона были баснями, находя, что книги Царств заслуживают большего доверия, чем Хроники, и что книги Исаяи, Иеремии, Осии, Притчи и Экклезиаст получили свою окончательную форму от более поздних редакторов, он всего лишь выдвинул тезисы, ныне общепринятые. Его сомнения относительно Есфири, Послания к Евреям и Апокалипсиса были полностью подтверждены {569}. Некоторые современные ученые согласны с его самым смелым мнением, что послание Иакова было написано "каким-то евреем, который слышал о христианах, но не присоединился к ним". После Лютера объемистые труды комментаторов представляют собой унылую пустыню сухого догматизма и фантастического педантизма. Карлштадт был, пожалуй, вторым лучшим из высших критиков того времени; Цвингли был консерватором; толкование Кальвина в пятидесяти томах находится в заслуженном пренебрежении.

[Примечание: немецкая версия]

Среди великих народных протестантских версий Библии версия Лютера стоит на первом месте во всех смыслах этого слова. Он долго размышлял над этим, прежде чем вынужденная отставка в Вартбурге дала ему время приступить к работе. Работа по пересмотру, в которой Лютер получал большую помощь от Меланхтона и других виттенбергских профессоров, была трудом всей жизни. Лишь недавно стали известны протоколы собраний этих ученых, и они свидетельствуют о бесконечных трудах Реформатора, направленных на то, чтобы сделать свою работу ясной и точной. Он писал не на диалекте, а на обычном стандартном немецком, который, как он полагал, был введен саксонской канцелярией. Но он также заимствовал свой стиль не только у немногих хороших немецких авторов, существовавших в то время, но и у речи рыночной площади. Из уст людей он извлек приятные, обычные слова, которые вернул им снова, "чтобы они заметили, что мы говорим с ними по-немецки". Дух и огонь он вложил в немецкую Библию; драматические обороты речи, возвышенное красноречие, поэзию.

Слишком часто Лютер черпал свои собственные идеи из Библии. Сделать Моисея "таким немцем, чтобы никто не знал, что он еврей" - это был благородный стиль, но иногда требовало резкого изменения мысли. Таким образом, в Псалмах совершенно ясно говорится о Христе и о немецких майских праздниках; и пасха превращается в Пасху. Нет ли даже {570} намек на золотую розу, данного папой римским в переводе Михея iv, 8? — "И за Турмалином, и за праздником в честь Сиона, и за комментарием о золотой розе". Лютер заявил о своем намерении "просто выбросить" любой текст, противоречащий остальному Священному Писанию, как он его понимал. На самом деле самым большим изменением, которое он действительно внес, было введение слова "один" после слова "вера" в отрывке (Римлянам iii, 28) "Человек оправдывается верой без дел закона". Лютер никогда не использовал в Библии слово "церковь" (Kirche), но заменил его словом "собрание" (Gemeinde). Следуя Эразму, он превратил [греческий] *μετανοειν* (Матфея iii, 2, 8) в "bessert euch" ("совершенствуйтесь") вместо "tut Busse" ("покайтесь"), как в старых немецких версиях. Кроме того, следуя тексту Эразма, он опустил "запятую Johanneum" (I Иоанна, v, 7); впервые это было упомянуто в немецкой Библии в 1575 году.

[Примечание: Английская Библия]

Ни одна из других народных версий, даже французский перевод Лефевра и Оливетана, не может сравниться с немецким, за исключением одной, английской. О том, как Уильям Тиндейл начинал и как Ковердейл завершил эту работу в 1535 году, рассказано на другой странице. Последовало множество редакций: Великая Библия 1539 года, Женевская Библия 1560 года и

Епископская Библия 1568 года. Затем появилась католическая, или Дуэ-версия 1582 года, единственная, полностью отличающаяся от других, основанная на Вульгате и ее многочисленных варваризмах: "parasceue" означает "приготовление", "праздник Азимов" означает "праздник опресноков", "возложение рук", "что мне и тебе, женщина" (Иоанна ii, 4), "покаяние", "чаша", "воинство", "против духов зла в небожителях" (Ефесеям vi, 12), "сверхсущественный хлеб" в молитве Господней "он изгнал самого себя" (Филиппийцам ii, 7).

Мы привыкли говорить об Авторизованной версии 1610 года как о новом произведении литературного гения эпохи Шекспира. Фактически, это был простой и довольно легкий пересмотр предыдущей работы. Его редкая по совершенству форма обусловлена трудом многих людей, обрабатывающих и полирующих один и тот же материал. Как и гомеровские поэмы, как, вероятно, и сами греческие Евангелия, величайшая английская классика является продуктом гения целой расы, а не одного человека.

Даже с самого начала это было в какой-то степени таковым. Тиндейл вряд ли мог знать версию Уиклифа, которая никогда не печаталась и редко встречается в рукописях, но использование им определенных слов, таких как "пылинка", "балка" и "узкие врата", также встречающихся в более ранней версии, доказывают, что он уже работал в рамках литературной традиции, когда одно поколение передавало другому определенные фразы из Священного Писания, впервые услышанные из уст Лоллардов.

И Тиндейл, и Ковердейл в значительной степени заимствовали у немецких переводчиков, что было признано на титульном листе и в прологе к Библии 1535 года. Таким образом, Тиндейл скопировал не только большинство заметок на полях Библии Лютера, но и такие тевтонизмы, как "это когда-то было костью от моей кости", "они приносили жертвы полевым дьяволам" (Лютер, "Felt-teuffem"), "Благословен хозяин комнаты, Гад" (Лютер, "Raum-macher"). Английские переводчики также следовали немецкому, часто используя "старейшина" вместо "священник", "конгрегация" вместо "церковь" и "любовь" вместо "благотворительность". Подсчитав каждый экземпляр этого и подобных переводов, сэр Томас Мор заявил, что обнаружил тысячу ошибок только в Новом Завете.

[Примечание: популярность Библии]

Об поразительной популярности Библии, главным образом, но не только в протестантских странах, свидетельствуют мириады голосов. Вероятно, во всех христианских странах во все века эта книга была самой читаемой, но в шестнадцатом веке она добавила к непревзойденной репутации {572} непогрешимости пикантность нового открытия. Эдуард VI, требующий Библию на своей коронации, и Елизавета, страстно целующая ее в свои руки, были всего лишь образцами того времени. Эта жизнерадостная принцесса эпохи Возрождения, Изабелла д'Эсте, заказала новый перевод Псалмов для собственного прочтения. Маргарита Наваррская во Вступлении к своему легкомысленному "Гептамерону" выражает благочестивую надежду на то, что все присутствующие читали Священное Писание. Были запрошены сотни изданий переводов на немецкий и английский языки. "У людей, - писал один англичанин в 1539 году, - теперь в каждой церкви и в каждом месте, почти у каждого человека, есть Библия и Новый Завет на их родном языке, вместо старых сказочных книг "Круглого стола" ... и тому подобных других, чью нечистую грязь и пустую баснословность свет Божий полностью уничтожил". В протестантских странах владеть Библией стало почти вопросом хорошего тона, и чтение ее было названо, не без основания, "*operatum* евангелистов". Даже католики были свидетелями

этого требования, которое они пытались проверить. В то время как они увещевали мирян, что вкушать от этого древа познания не нужно и опасно, в то время как они даже ограничили чтение Священного Писания духовенством, они были вынуждены предлагать свои собственные версии на народном языке.

[Примечание: Библиопоклонство]

Наряду с безграничной популярностью, Библия тогда пользовалась гораздо более высокой репутацией непогрешимости, чем сегодня. Единственным пунктом, по которому были согласны все протестантские церкви, было верховенство и достаточность Священного Писания. Слово, сказал Кальвин, исходило из самых уст самого Бога; оно было единственным основанием веры и единственным источником всякой мудрости. "То, что говорит Христос, должно быть правдой, независимо от того, могу ли я или любой другой человек понять это", - проповедовал Лютер. "Священному Писанию следует полностью верить, - писал английский богослов, - как чему-то необходимому для спасения, хотя {573} то, что содержится в Писании, относится не только к вере, как, например, то, что у Аарона была борода". Швейцарцы и анабаптисты добавили свои голоса к этому хору библиопоклонства.

[Примечание: *Продолжайте изучать нравы*]

Поскольку учеба приобретает характер, естественно обнаружить заметный эффект от такого высвобождения нового источника духовного авторитета. Несомненно, что чтение Евангелий и еврейской поэзии сделало тысячи людей лучше, мудрее и счастливее в личном плане, что таким образом были повышены стандарты морали и очищены этические вкусы. Но одна и та же причина имела несколько последствий, которые были либо морально безразличными, либо положительно плохими. Современники в первую очередь обратили внимание на возникновение новых сект. Каждый человек, как жаловался Лютер, интерпретировал Священную Книгу в соответствии со своим умом и безумным рассудком. Старая поговорка о том, что Библия - это книга еретиков, сбылась. Реформаторы напрасно настаивали на том, что никто, кроме служителей (*то есть* самих себя), не имеет права толковать Священное Писание. Напрасно правительства запрещали, как выражено в шотландском статуте, "кому-либо оспаривать Библию или придерживаться ее мнения"; [Примечание: 1550] поднялся разноголосый шум потенциальных толкователей: одни ученые, другие невежественные, третьи фантастические, и все упрямые и нетерпимые.

Не может быть никаких сомнений в том, что Библия, пропорционально количеству приписываемой ей непогрешимости, стала камнем преткновения на пути прогресса научного, социального и даже морального. Это было процитировано как против Коперника, так и против Дарвина. Рациональная библийская критика рассматривалась Лютером, за исключением тех случаев, когда он сам был критиком, как причина яростного подозрения в атеизме. Некоторые тексты подкрепляли ужасное и жестокое суеверие о колдовстве. Примеры войн Израиля и текст "вынудите их вступить", казалось, подтверждают долг нетерпимости. Социальные реформаторы, такие как {574} Вивес, в своей борьбе за искоренение бедности столкнулись с максимой, ошибочно принимаемой за вечную истину, что бедные всегда с нами. Наконец, великий моральный грех многих протестантов - разрешение многоженства - был подтвержден библийскими текстами.

[Примечание: Классика]

Рядом с Библией в шестнадцатом веке почитали классику. Большинство великих латинских авторов были напечатаны до 1500 года, самым важным исключением были *Анналы* Тацита, из которых *издание принцепса* вышло в 1515 году. В период с 1478 по 1500 год были опубликованы следующие греческие произведения, причем в таком порядке: Эзоп, Гомер, Исократ, Феокрит, Антология, четыре пьесы Еврипида, Аристотеля, Феогнида и девять пьес Аристофана. Следуйте датам *основных изданий* других основных греческих писателей:

1502: Фукидид, Софокл, Геродот. 1503: Еврипид (восемнадцать пьес), *Эллиника* Ксенофонта. 1504: Демосфен. 1509: *Моралия* Плутарха. 1513: Пиндар, Платон. 1516: Аристофан, Новый Завет, Ксенофонт, Павсаний, Страбон. 1517: *Жизни* Плутарха. 1518: Септуагинта, Эсхил, четыре пьесы. 1525: Гален, полное собрание сочинений Ксенофонта. 1528: Эпиктет. 1530: Полибий. 1532: Аристофан, одиннадцать пьес. 1533: Евклид, Птолемей. 1544: Иосиф Флавий. 1552: Эсхил, семь пьес. 1558: Марк Аврелий. 1559: Диодор. 1565: Бион и Мосх. 1572: Полное собрание сочинений Плутарха.

Естественно, первые издания обычно были не самыми лучшими. {575} [Примечание: Научные исследования] Труд последующих поколений сделал текст таким, какой он есть. Хорошая работа, особенно, хотя и не исключительно, по редактированию "Отцов церкви", была проделана Эразмом. Но действительно новая школа исторической критики была создана Джозефом Юстусом Скалигером, [Примечание: J. J. Scaliger, 1540-1609] величайшим из ученых. В его изданиях "Латинских поэтов" впервые были установлены и применены разумные правила исправления текста, помимо разъяснения авторов с помощью множества ученых комментариев.

Редактирование текстов было лишь небольшой частью труда, затраченного на культивирование классики. Основы нашего современного лексикона были заложены в великом *Тезаурусе латинских языков* Роберта Этьена (первое издание 1532, 2d улучшенное 1536, 3d в трех томах 1543) и *Тезаурусе греческих языков* Генри Этьена младшего, опубликованном в пяти томах в 1572 году. Последнее используется до сих пор, лучшим изданием является издание в девяти томах 1829-63гг.

Для современного студента столь многое из знаний древних стало само собой разумеющимся, что он не всегда осознает объем пройденного за последние четыре столетия. Эразм однажды написал кардиналу Гримани: [Прим. автора: 13 ноября 1517 г.] "Римский капитолий, которому древние поэты тщетно обещали вечность, настолько полностью исчез, что само его местоположение невозможно указать". Если один из величайших ученых тогда ничего не знал о месте, которое сейчас посещает каждый турист в Вечном городе, то как много там не должно было быть, чтобы узнать в других отношениях? Преданно и успешно современники и преемники Эразма трудились над тем, чтобы предоставить знания, которых тогда не хватало. Были написаны грамматики латыни, греческого и иврита, трактаты о римской чеканке, об эпиграфике, о древней религии, о хронологии, о сравнительной филологии, о римском праве - все это заложило глубокие и прочные основы непревзойденной учености нового времени.

{576} [Примечание: Идолопоклонство древних]

Классику в шестнадцатом веке не только изучали, ее любили, ей даже поклонялись. "Каждое изящное исследование, каждая наука, достойная внимания образованного человека, одним словом, все, что относится к вежливому обучению", - писал французский ученый Мюре [Прим.

автора: 1573], - "нигде не содержится, кроме как в греческой литературе". Иоахим дю Белле написал цикл сонетов о древностях Рима в духе:

Rome fut tout le monde, et tout le monde est Rome.

"Латынь привлекает меня своим благородным достоинством, - писал Монтень, - а труды греков не только наполняют и удовлетворяют меня, но и вызывают восхищение. ... Какая слава может сравниться со славой Гомера?" Макиавелли рассказывает, как он каждый вечер надевал свой лучший наряд, чтобы быть достойным беседовать с духами древних, и как, читая их, он забывал обо всех жизненных невзгодах и ужасе смерти. Почти все изученные произведения и очень много неизученных были написаны на латыни. Для тех, кто не мог самостоятельно читать классику, были предоставлены переводы. Возможно, лучшим из них были *"Жизнеописания знаменитых людей"* Плутарха, впервые переведенные на французский Амиотом, а затем на английский сэром Томасом Нортон.

[Примечание: Ценность классики в 16 веке]

Сильный, жизнерадостный, уверенный в себе, каким бы ни был дух эпохи, он явно нес на себе отпечаток ревностного изучения знаний древних. В удовлетворении настоящей потребности культурных людей в хорошей литературе у римлян и греков в 1500 году было мало соперников — за исключением Италии, почти никаких. Веку, которому предстояло многому научиться, им было чему научить; людям, столь же жадным до вещей разума, сколь они были до роскоши и богатства, классики предлагали новый мир, столь же богатый сокровищами мудрости и красоты, как Ост-Индия и {577} Перу пряностями и золотом. Высшая ценность греческих и латинских книг заключается в том, что они имеют общее со всей литературой; для массы читающих людей они представляли собой наилучший и наиболее обильный источник пищи для интеллектуальной и духовной жизни. "Книги, - говорит Эразмус, - одновременно ободряют и приносят пользу. В процветании они укрепляют человека, в скорби утешают, не меняются в зависимости от удачи и сопровождают его через все опасности даже в могилу Какое богатство или какие скипетры я променял бы на свое спокойное чтение?" "С самого раннего детства, - признается Монтень, - поэзия обладала силой пронзать меня насквозь и переносить".

В лучшем смысле этого слова книги - это популярная философия. Не все могут самостоятельно изучать глубочайшие проблемы жизни или науки, но все могут впить квинтэссенцию мысли в той приятной и стимулирующей форме, в которой она подается в лучшей литературе. Книги приучают людей получать удовольствие от идей и культивировать высокую и благородную внутреннюю жизнь. Это их высшее значение для формирования характера было оценено в шестнадцатом веке. "Мы должны впитывать дух классиков, — замечает Монтень, - а не заучивать их наставления", и снова: "применение, которому я посвящаю свои исследования, носит практический характер - формирование характера, соответствующего жизненным требованиям".

[Примечание: Древние мастера литературного стиля]

Это услуга, за которую древние оставили в долгу современных людей. Другим особым даром, хотя и меньшей ценности, был дар литературного стиля. Соответствие между выражением и мыслью настолько близко, что для любого человека любого возраста является немалым преимуществом сидеть у ног этих величайших мастеров искусства хорошо говорить - греков.

Опасность здесь заключалась в буквальном подражании. Эразм с присущим ему остроумием высмеивал цicerоновца, который потратил годы на составление предложений, которые могли быть написаны {578} его учителем, который говорит об Иегове как о Юпитере, а о Христе как о Кекропсе или Ифигении, и который превращает окружающий мир в римскую империю с трибунами и авгурами, консулами и союзниками. Примечательно, что английское слово "педант" было введено в обиход в шестнадцатом веке.

То, чему классики должны были учить непосредственно, не только имело меньшую ценность, чем их косвенное влияние, но часто было положительно вредным. Те, кто, опьяненный языческим духом, стремился регулировать свою жизнь в соответствии с моральными нормами поэтов, впадали в ту же ошибку, хотя и в противоположные пороки, что и те, кто обожествлял букву Библии. Подобно Библии, классика была и остается в некоторой степени препятствием на пути развития науки, и это не только потому, что она отвлекает интерес людей от изучения природы, но и потому, что большинство древних философов со времен Сократа презрительно отзывались о естественных экспериментах и открытиях как о вещах, не имеющих большой ценности для души.

Если для более утонченных людей того времени классическое образование было благородным инструментом культуры, то для слишком многих оно ценилось просто как знак превосходства. Среди народа, который благоговеет перед ученостью — и это больше относится к Европе, чем к Америке, и было более верно для шестнадцатого, чем для двадцатого века, — классическое образование предоставляет человеку исключительные возможности для того, чтобы деликатно производить впечатление на подчиненных своей грубостью.

[Примечание: просторечие]

В период, который ознаменовался большим приливом в оценке классики, также произошел перелом. Во всех странах народный язык вытеснял классиков с поля боя. Сознательное развитие современных языков было отмечено публикацией новых словарей и различных работ, таких как "История английской литературы" Джона Бейла, написанная, разумеется, на латыни. Лучшей работой такого рода была *"Защита и иллюстрации французского языка"* Иохима дю Белле, опубликованная в 1549 году в рамках согласованных усилий по поднятию французского языка как средства выражения поэзии и прозы на уровень классики. {579} Частично это было сделано за счет заимствования из латыни. Таким образом, было официально введено одно из характерных слов шестнадцатого века - "patrie".

РАЗДЕЛ 2. история

Для изучения интересов и темперамента данной эпохи вряд ли можно найти лучший критерий, чем история, которую она породила. В рассматриваемый период существовали две великие школы, или течения, историографии: гуманистическая, возникшая в эпоху Возрождения, и церковная история, порождение Реформации.

[Примечание: Гуманистическая школа историографии]

Приверженцы первого наиболее точно иллюстрируют то, что только что было сказано о влиянии классики. Их главным интересом был стиль, в основном латинский. Облачить хронику в тогу эпохи Ливия, украсить ее риторикой Саллюстия и дополнить несколькими антитезами и эпиграммами в манере Тацита казалось им вершиной искусства. Их выбор материала был столь

же характерен, как и их манера поведения, поскольку их интересы были исключительно политическими и аристократическими. Кроме деяний дворов и лагерей, политических интриг правительств и результатов сражений, а также добродетелей и пороков правителей, они мало что видели в истории. То, что думали, чувствовали и страдали люди, было вне их компетенции. Большинство из них также не проявляли особого интереса к искусству, науке или литературе или даже к религии. Когда Джордж Бьюкенен, человек в гуще Шотландской реформации, составивший *Сборник статей*, взялся писать историю своего времени, он был настолько одержим желанием подражать древним римлянам, что вообще почти не упоминал о {580} религиозных спорах. Один сарказм в адрес священников, которые думали, что *Новый Завет* был написан Лютером, и требовали вернуть их Старый Добрый Завет обратно, два кратких упоминания о Ноксе и несколько других мимолетных упоминаний - вот и все о Реформации, вошедшей в объемистый том, посвященный правлению Якова V и Марии Стюарт. Его интерес к политической свободе, его представление о борьбе между тиранией и свободой могли бы показаться современными, если бы они так явно не уходили корнями в античную почву.

Преобладающий порок гуманистов - видеть в истории народа только политический урок — доведен Макиавелли до крайности. [Примечание: Макиавелли] Этот теоретик, пишущий со всем очарованием, побеждающим время, изменял факты в соответствии со своим тезисом вплоть до сочинения исторических романов. Его *Жизнеописание Каструччо* столь же вымышлено и поучительно, как *Киропедия* Ксенофонта; его *Комментарий к Ливию* в такой же степени политический трактат, как и "*Принц*"; *история Флоренции* лишь слегка осложнена событиями.

[Примечание: Гвиччардини]

Если интерес Гвиччардини к политике не менее исключителен, чем у его соотечественника, то как историк он значительно превосходит старшего человека в этом, в то время как Макиавелли выводил историю *априори* из теории, Гвиччардини действительно хотел следовать индуктивному методу вывода своей теории из точного овладения фактами. С помощью превосходных аналитических рассуждений он представляет свои данные, систематизирует их и делает из них выводы, которые они приведут. Ограничение, которое сводит на нет многие его выводы, заключается в том, что он принимает во внимание только низкие и эгоистичные мотивы. Перед идеалистами он беспомощен; он оставляет читателя в нерешительности, был ли Савонарола пророком или чрезвычайно проницательным политиком.

[Прим. автора: Юпитер]

Преимущество, которое отмечает Павел Иовиус перед флорентийцами, заключается в том, что он апеллировал к {581} интересам широкой публики. До сих пор история писалась во славу мецената или, по крайней мере, города; Юпитер видел, что отныне самым щедрым покровителем гения должен быть средний читатель. Это правда, что он презирал публику, для которой писал, пичкая ее глупыми анекдотами. И как первый великий интервьюер и репортер в истории своего времени, и отдавая дань уважения миссис Гранди, напуская на себя неестественный для него вид добродетели, он предвосхитил современного журналиста.

[Прим. автора: Полидор Вергилий]

Настолько более современным с точки зрения, чем его современники, был Полидор Верджил, чья *история Англии* появилась в 1534 году, что обобщения о гуманистической историографии

верны в отношении него лишь частично. Хотя его описание земли и людей, возможно, составлено по образцу Геродота, оно демонстрирует неподдельный интерес к жизни простого человека, даже бедняка. Он отметил географию, климат и фауну острова; его глаза увидели Лондонский мост с рядами магазинов по обе стороны, и они восхитились парками, полными дичи, яблоневыми садами, жирными курами и фазанами, плугами, запряженными смешанными упряжками лошадей и быков; он даже обратил внимание на серебряные солонки, ложки и чашки, которыми пользуются бедняки, и их мясные блюда. Его описание людей как храбрых, гостеприимных и очень религиозных так же верно сейчас, как и тогда. С интересом антиквара к старым рукописям Вергилий сочетал философский скептицизм по отношению к старым легендам. Этот итальянец, хотя его покровителем был Генрих VIII, уравнивал английские и французские власти и говорил правду даже в таких деликатных вопросах, как обращение с Жанной д'Арк. Политическая история по-прежнему была для него самой важной, хотя в одной ее части, конституционной истории, он был совершенно слеп. Так же поступали почти все англичане того времени, даже Шекспир, чей *король Иоанн* не содержит никаких намеков на Великую хартию вольностей. В своем труде *Об изобретателях {582} вещей* Вергилий показал глубину своего понимания важности культуры и идей в истории. Хотя его трактовка таких тем, как происхождение мифов, человек, брак, религия, язык, поэзия, драма, музыка, науки и законы, не соответствует его цели, само намерение свидетельствует о новом и плодотворном духе.

[Примечание: Французские мемуары]

Ни Франция, ни Англия, ни Германия не произвели историков, равных историкам итальянского или шотландского происхождения. Франция была родиной мемуаров, личных, болтливых, пикантных и нефилософских. Мемуары Блеза де Монлюка - чисто военные, мемуары Брантома - в основном скандальные. Мартин дю Белле пытался придать своим воспоминаниям более высокий тон, в то время как при Хотмане возникла школа памфлетистов, объединивших историю с политической теорией. Джон Бодин безуспешно пытался выполнить трудную задачу по написанию философии истории. Его главным вкладом стала теория географии и климата как определяющих факторов.

[Примечание: английские хроники]

Трудно усмотреть какую-либо ценность, за исключением редких источников, в популярных английских хрониках Эдварда Холла, Рафаэля Холлиншеда и Джона Стоу. Полные придворных сплетен и пышности, убежденные роялисты, консерваторы и патриоты, они отражают интересы кокни среднего класса так же верно, как сегодня это делают газеты и журналы определенного типа.

[Примечание: Биографии]

Биография и автобиография развивались со значительным успехом. Джовиус и Брантом оба написали серии жизнеописаний выдающихся мужчин и женщин. Хотя эссе Эразма в этом направлении немногочисленны и кратки, они заслуживают внимания как один из самых изысканных портретов пером в литературе. Более амбициозными и заметными были "*Жизни лучших художников, скульпторов и архитекторов*" Джорджа Вазари, в которых весь интерес был личным и практическим, без каких-либо попыток написать историю или философию искусства. Даже критика почти полностью ограничивалась {583} вариациями похвалы. В

области автобиографии Бенвенуто Челлини достиг *non plus ultra* самораскрытия. Если он раскрывает истоки редкого художественного гения, то с такой же наивностью обнажает хулиганский характер и колоссальный эгоизм.

[Примечание: Церковная история]

Одна огромная область человеческой мысли и действия была практически полностью проигнорирована историками—гуманистами - область религии. Для развития этой области возник новый жанр - церковная история, хотя тогда ощущалась нехватка не в рациональном объяснении важных и забытых явлений, а в материале, который каждая сторона в религиозном споре могла бы превратить в оружие для использования против другой. Естественным результатом столь практической цели было то, что история изучалась через цветные очки и интерпретировалась с большой тенденцией. В самых честных руках, таких, как у Слейдана, чаша весов бессознательно перевешивалась на одну сторону; более страстными или менее благородными защитниками она намеренно облегчалась за счет сокрытия истины с одной стороны и внушения лжи с другой.

Если взаимная вражда католиков и протестантов сужала историю, то их общее отвращение ко всем другим религиям, кроме христианства, а также ко всем ересям и скептицизму, вероятно, обедняло ее еще больше. Ортодоксальное христианство с его необходимой подготовкой, древний иудаизм, был выделен как богооткровенный по сравнению со всеми другими верами и верованиями, которые в лучшем случае были "звериными уловками язычников", а в худшем - прямым вдохновением дьяволов. Мало было людей, которые, подобно Эразму, могли сравнить Христа с Сократом, Платоном и Сенекой; еще меньше было тех, кто мог сказать вместе с Франком: "Еретик - это почетный титул, ибо истина всегда называется ересью". Имена Маркиона и Пелагия, Эпикура и Магомета возбуждали едва понятную нам ненависть. {584} Опровержение Корана, опубликованное под эгидой Лютера, было бы смехотворным, если бы не было жалким.

В значительной степени эта порочная интерпретация истории была завещана реформаторам Средневековьем. Как Августин противопоставлял Град Божий городу разрушения, так и протестантские историки рассматривали человеческую драму как кукольный спектакль, в котором Бог и дьявол дергают за ниточки. Институты, которые они не одобряли, такие как папство и монашество, считались адекватно объяснимыми предположением об их сатанинском происхождении. Тонкая, изможденная цепочка свидетелей передавала истину, как ведра воду на пожар, от ее источника в апостольскую эпоху до времен автора.

Даже при таких трудностях изучение истории церкви принесло много пользы. Было обнаружено и перерыто огромное количество новых источников. Апелляция к объективным стандартам медленно, но верно заставляла стороны судебного процесса выносить свой урок перед судом истины. Невозможно вечно скрывать или искажать неудобные факты, когда пишешь под присмотром бдительных критиков. Критический кинжал, поначалу заточенный только для того, чтобы поразить врага, превратился в скальпель, срезающий множество инородных наростов. С увеличением объема знаний пришли, хотя и медленно, более справедливые суждения и более глубокий человеческий интерес. В этом отношении между отдельными авторами существовала огромная разница. Осуждать их всех на Жестокую расправу, которой заслуживают только худшие, - это безразлично.

[Примечание: *Магдебургские века*, 1559-74]

К числу наиболее трудолюбивых и предвзятых, безусловно, следует отнести Мэтью Флация Иллирика и его сотрудников, подготовивших "*Магдебургские века*", обширную историю церкви до 1300 года, целью которой было сделать протестантскую полемику независимой от католических источников. За исключением накопления большого количества материала, он не заслуживает похвалы. Его критические принципы хуже, чем ничего, поскольку единственным критерием {585} источников является их про- или антипапская направленность. Последние взяты, а первые оставлены. Чудеса не подвергаются сомнению как таковые, но делятся на два класса: те, которые стремятся доказать общепринятую доктрину, которые являются истинными, и те, которые поддерживают какой-либо папский институт, которые заклеены как "первоклассная ложь". Переписка между Христом и царем Абгарусом используется как не доказанная подделка, а абсурдная легенда о женщине-папе Иоанне никогда не подвергалась сомнению. Психология авторов так же плоха, как и их критика. Любая оппозиция папе, особенно со стороны германских императоров, представляется вызванной религией.

[Примечание: *Анналы* Барониуса, 1583-1607 гг.]

Какими бы бедными ни были работы авторов магдебургских веков, они, по крайней мере, честно излагали свои источники. Это больше, чем можно сказать о Цезаре Барониусе, чьи *Церковные анналы* были официальным католическим ответом протестантскому труду. Хотя его критика ничуть не лучше, чем у них, он придерживается хитрой политики, к сожалению, широко распространенной с тех пор, а именно просто игнорирования или замалчивания неприятных фактов, вместо того чтобы опровергать выводы, сделанные на их основе. Его талант переключать внимание на второстепенный вопрос и запутывать проблемы вместо того, чтобы их прояснять, заставил протестантов справедливо считать его "великим обманщиком", хотя даже самый образованный из них, Дж.Дж. Скалигер, который пытался опровергнуть его, нашел эту работу трудной.

Естественно, что битва историков разгорелась с новой силой из-за самой Реформации. Определенный класс протестантских произведений, примерами которых являются "*Книга мучеников*" Креспина, [Прим.: 1554] "*Церковная история*" Безы [Прим.: 1589] и "*Деяния и памятники*" Джона Фокса (первое английское издание, 1563), удовлетворяли страсти толпы, делая акцент в их изложении на героизме и страданиях свидетелей веры и жестокости преследователей. Для многих людей подробное описание отдельных фактов обладает определенной "толщиной" реальности — если я могу позаимствовать выражение Уильяма Джеймса, — которую более сложные умы обнаруживают только при дедукции общих причин. Страстный, пристрастный и иногда непристойный, Фокс [Прим. автора: Foxe] получил награду, которая ждет демагогов. Когда ему в качестве запоздалой мысли пришло в голову превратить свою книгу мучеников во всеобщую историю, он воспользовался плагиатом *Магдебургских веков*. Достоверность его первоначального повествования была с некоторым успехом поставлена под сомнение, хотя оно не было полностью или беспристрастно расследовано. Поскольку многое в нем почерпнуто из личных воспоминаний или из неопубликованных записей, его сольная ценность для нас заключается в его точности. Я сравнил небольшой фрагмент работы с рукописным источником, использованным Фоксом, и сделал довольно удивительное открытие, что, хотя существуют большие вариации, ни одно из них нельзя отнести к партийным пристрастиям или каким-либо другим мыслимым мотивам. В этом случае, который

слишком мал, чтобы обобщать, возможно, что Фокс либо располагал дополнительной информацией, либо писал по неосторожности. В любом случае его работой следует пользоваться с осторожностью.

[Примечание: Нокс]

Намного превосходящей работу Фокса была *"История религиозной реформы в королевстве Шотландия" Джона Нокса* (написана в 1559-71 годах). По стилю он стремителен, с редким даром улавливать суть и не менее редким юмором и владением сарказмом. Его намерение быть "верной репетицией тех персонажей, которых Бог сделал орудиями своей славы", хотя и сформулировано таким образом двусмысленно, осуществляется в благородном смысле. Это правда, что автор никогда не сомневался ни в том, что сам Джон Нокс был главным орудием Божьей славы, ни в том, что "римская церковь - это синагога сатаны и глава ее, называемый папой римским, тот человек греха, о котором говорит апостол". Если в таком общепризнанном извинении человек не получает беспристрастности, {587} то и ожидание этого не вводит его в заблуждение. Честь Нокса состоит только в том, что, будучи партийным памфлетистом, он не фальсифицировал и не замалчивал существенные факты в том виде, в каком понимал их сам.

[Примечание: Буллингера]

Разительным контрастом с навязчивой предвзятостью Нокса является справедливая видимость беспристрастности, представленная в *"Истории реформации 1519-32"* Генри Буллингера. Здесь мы также встречаемся с отличной композицией, но с продуманной умеренностью фраз. Вполне вероятно, что заявления автора о справедливости искренни, хотя временами искушение опустить запись непедагогичных фактов, таких как сакраментальный раскол, слишком велико для него.

[Примечание на стороне: Слэйдан]

Прежде чем выносить суждение о чем-либо, необходимо знать его в лучшем виде. Вероятно, *"Религиозная и политическая история правления Карла V"* Джона Слейдана [Примечание: 1555] была лучшей работой о немецкой реформации, написанной до XVIII века. Боссюэ был более красноречив и проникновен, Секендорф - более образован, у Гилберта Бернета была лучшая точка зрения, но ни один из этих писателей не был лучше информирован, чем Слэйдан, или столь же объективен. В первый и единственный раз он по-настоящему объединил два тогдашних жанра - гуманистический и церковный. Он не закрывает глаза на некоторые культурные достижения Реформации. Одна из вещей, за которую он больше всего хвалит Лютера, - это украшение и обогащение немецкого языка. Недостатки Слейдана присущи его возрасту. Он не осмеливался нарушать старое жесткое разделение предмета по годам. Он привел ряд незначительных фактов, таких как разлив Тибра и взрыв складов боеприпасов, и не был выше суеверной веры в последствия затмений и в чудовищ. Он цитировал документы широко и в целом справедливо, но не с кропотливой точностью. Он ничего не рассказал ни о причинах, приведших к Реформации, ни о ходе развития протестантизма, ни о характерах его лидеров, ни о жизни и мышлении народа. Но он писал бегло, приемлемо для своей публики и сдержанно.

В целом, за исключением Барониуса, католики могли предложить меньше примечательных историй, чем протестанты. *Скандалный успех* был выигран книгой Николаса Сандерса [Прим. автора: Сандерс, 1585] "*Происхождение и прогресс английского раскола*". Среди неприятных сплетен, которыми "доктор Клевета", как его называли, с удовольствием потчевал свою аудиторию, есть абсурдные, например, о том, что Анна Болейн была дочерью Генриха VIII. Поскольку книг, из которых, по его словам, он взял эти анекдоты, не сохранилось, невозможно оценить, насколько он просто копировал у других и насколько широко давал волю своему воображению.

[Примечание: Лойола]

Единственный блестящий фрагмент истории католической церкви, написанный в шестнадцатом веке, - это автобиография Игнатия Лойолы, продиктованная им Льюису Гонсалесу [Прим. автора: 1553-6] и записанная частично на испанском, частично на итальянском. Большим достоинством этого повествования является его понимание собственного характера автора, полученное в результате долгих лет тщательного самонаблюдения. Весь его акцент сделан на психологию, на внутреннюю борьбу, а не на внешние проявления святости, такие как видения. В значительной степени дословно это было передано в биографии Рибаденейры о Лойоле. По сравнению с ней все другие попытки церковной биографии в шестнадцатом веке, особенно "Жизнеописания Лютера" католика Коклеуса и протестанта Матезиуса, отходят далеко на второй план.

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

[Примечание: Предпосылки]

Великая эпоха государства, естественно, отразилась в политической мысли. Хотя были проведены некоторые научные исследования социальных и экономических законов, мышление было в основном обусловлено новыми проблемами, с которыми предстояло столкнуться. От долгой средневековой мечты о вселенской империи {589} и вселенской церкви люди очнулись и обнаружили себя в присутствии новых сущностей, созданных, конечно, их собственными духами, но совершенно невольно. Одним из них было национальное государство, сутью которого была власть, а законом жизни - экспансия до точки встречи с равной или превосходящей силой. Ни один другой фактор в истории, даже религия, не породил столько войн, как столкновение национальных эгоизмов, освященных именем патриотизма. Переход суверенитета от привилегированных слоев к буржуазии внутри государства потребовал формулирования новой теории. Именно триумф монархии и парламентов, одержанный богатыми, указал некоторым публицистам путь к доктрине божественного права королей, а другим - к отчетливо республиканским выводам. Было даже несколько эгалитаристов, которые требовали демократического режима для всех классов. И, в-третьих, Реформация придала новый оборот старой проблеме взаимоотношений церкви и государства. Именно на предпосылках, почерпнутых из этих трех феноменов, публицисты того времени построили ослепительную структуру политической мысли.

[Примечание: Макиавелли, 1469-1527]

Именно первая из этих проблем привлекла внимание Николаса Макиавелли, самого блестящего, наиболее изученного и наиболее оскорбляемого из политических теоретиков. Что касается выбора между монархией и республикой, то он в целом предпочитал первую,

поскольку она, вероятно, была более сильной, но он ясно видел, что там, где преобладало экономическое равенство, политическое равенство было естественным и неизбежным. Массы, считал он, желают только безопасности личности и собственности и будут придерживаться любой формы правления, которая предоставит им наилучшие шансы на это. Как для республики, так и для монархии Макиавелли был готов предложить принципы государственного управления, для первых воплощенные в его *Рассуждениях о Ливии*, для вторых - в его *Принце*. В создании новой науки управления государством, с помощью которой народ мог бы {590} достичь высшей власти, великая заслуга Макиавелли состоит в том, что он по-новому взглянул на факты и отбросил старые, избитые формулы схоластов; его главный недостаток заключается в том, что он поставил перед своим умом в качестве предпосылки абстрактного "политического человека", столь же далекого от живой, дышащей сложной реальности, как и "экономический человек" Рикардо. Люди, думал он, всегда одинаковы, ими руководят вполне предсказуемые мотивы личного интереса. "В целом, - думал он, - люди неблагодарны, непостоянны, лживы, трусливы и алчны, и ими правит отчасти обращение к их жадности, но главным образом страх".

[Примечание: Политика оторвана от морали]

Как бы реалистично Макиавелли себя ни называл, он отделял политику от морали. В то время как для Аристотеля [1] и Аквината политическая наука является разделом этики, для Макиавелли это абстрактная наука, столь же полностью отделенная от морали, как математика или хирургия. Государь, согласно Макиавелли, должен казаться милосердным, верующим, гуманным, религиозным и честным, но должен быть способен действовать иначе без малейших угрызений совести, когда это в его интересах. Его герои - Фердинанд Арагонский, "принц, который всегда проповедует добрую веру, но никогда не применяет ее на практике", и Цезаре Борджиа, "который сделал все, что может быть сделано благоразумным и добродетельным человеком; так что новому принцу нельзя предложить лучших наставлений, чем те, которые можно найти на примере его действий". Что особенно восхищало флорентийского публициста в государственном искусстве Цезаря, так это некоторые примеры непревзойденного вероломства и насилия, которые он имел возможность наблюдать из первых рук. Макиавелли проводил четкое различие между частной и общественной добродетелью. Первую он считал обязательной для личности, поскольку она необходима для общественного блага. Примечательно, что этот сторонник всякого лицемерия и коварства {591} и насилия со стороны правительства был в своей жизни мягким, ласковым и верным доверию человеком.

[Примечание: Общественная или частная жизнь] Религию Макиавелли рассматривал как ценный инструмент тирании, но он не придерживался точки зрения, приписываемой Гиббоном римским публицистам, что все религии, хотя для философа они одинаково ложны, для государственного деятеля одинаково полезны. Христианство он ненавидел не столько как взорвавшееся суеверие, сколько потому, что теоретически видел в нем отрицание патристических, военных добродетелей древнего Рима, и потому, что практически папство предотвратило объединение Италии. Естественно, Макиавелли ценил армию как главный интерес государства. Выступая за национальное ополчение с всеобщей подготовкой граждан, он предвосхитил призывные армии девятнадцатого века.

Этот писатель, выражавший скрытые, хотя и не афишируемые идеалы порочного поколения общественных деятелей, был вознагражден тем, что его открыто поносили и тайно изучали. Он стал руководством для государственных деятелей и пугалом для моралистов. В то время как Екатерина Медичи, Томас Кромвель и Фрэнсис Бэкон жевали, глотали и переваривали его

страницы, драматургу стоило только вставить насмешку или оскорбительный сарказм в адрес флорентийца — а таких намеков на него было очень много на елизаветинской сцене — чтобы быть уверенным в шквале аплодисментов публики. Хотя Макиавелли нашел мало открытых защитников, попыток опровергнуть его было множество. Когда Реджинальд Поул сказал, что его произведения были написаны лукавым, хор иезуитов пропел "аминь", и церковь внесла его труды в Указатель. Гугеноты были не менее яростными противниками. Среди них Иннокентий Жантие нападал не только на его мораль, но и на его талант, говоря, что его принципы были почерпнуты только из наблюдений за малыми государствами и что его суждение о политике, подходящей для больших наций, было самым скудным.

{592} Справедливо судить о *принце* по собственным стандартам автора. Он стремился, по выражению Бэкона, описать не то, какими должны быть люди, а то, каковы они на самом деле; он отбросил этические идеи не как ложные, а как неуместные. Но этот отказ был фатальным даже для его собственной цели, "ибо то, что он отложил в сторону ... было не чем иным, как живыми силами, благодаря которым существуют общества и сильны правительства". [2] Кальвин преуспел там, где потерпел неудачу флорентиец, как указывает лорд Морли, потому что он ставил на первое место моральный идеал.

[Примечание: Erasmus]

Самый разительный контраст с Макиавелли исходил не из лагеря реформаторов, а из лагеря северных гуманистов, Эразма и многих других. *Институт христианского князя*, предложенный голландским ученым, является антиподом итальянского тезиса. Добродетель прививается как главное качество правителя, которого можно считать хорошим только в той мере, в какой он способствует богатству и образованию своего народа. Он не должен взимать никаких налогов, если это возможно, но должен экономно жить за счет своего собственного поместья. Он никогда не должен воевать, за исключением случаев, когда это абсолютно необходимо, даже против неверных, и должен вести переговоры только по таким договорам, которые имеют своей главной целью предотвращение вооруженных конфликтов.

Еще более примечательным, чем его моральные постулаты, является предпочтение Эразмом республиканской формы правления. В "*Христианском принце*", посвященном императору, он говорил так, как будто короли могут и, возможно, должны быть избраны, но в своих *Изречениях* он интерпретировал дух древних самым пренебрежительным образом по отношению к монархии. Учитывая, насколько тщательно эта работа была изучена многообещающей молодежью в впечатлительном возрасте, не будет преувеличением рассматривать ее как один из главных источников заметного республиканского течения мысли на протяжении всего столетия. Под заголовком "Дураками {593} и королями рождаются такие" он писал: "Во всей истории, древней и недавней, вы едва ли найдете в течение нескольких столетий одного или двух принцев, которые своей вопиющей глупостью не принесли гибели человечеству". В другом месте, после аналогичного замечания, он продолжает:

Я не знаю, не следует ли многое из этого приписать нам самим. Мы доверяем управление судом, на котором несколько матросов и кое-какие товары находятся в опасности, только опытным лоцманам; но государство, в котором заключается безопасность стольких тысяч людей, мы оставляем на попечение любых случайных рук. Возничий должен учиться, размышлять и практиковать свое искусство; принцу нужно только родиться. И все же управление - самая трудная, поскольку и самая почетная из наук. Должны ли мы выбирать

капитана корабля и не выбирать того, кто должен заботиться о стольких городах и стольких душах? . . . Разве мы не видим, что благородные города воздвигаются народом и разрушаются князьями? что государство богатеет благодаря трудолюбию своих граждан и разоряется из-за жадности своих правителей? что хорошие законы принимаются избранными магистратами и нарушаются королями? что народ любит мир, а принцы разжигают войну?

Слишком много цитат с той же целью, и в целом получается полемика против монархии, с которой не справились бы самые ярые республиканцы следующих двух поколений. Это правда, что Эразм написал все это в 1515 году и половину взял обратно после Крестьянской войны. "Принцев нужно терпеть, - подумал он тогда, - иначе тирания уступит место анархии, еще большему злу".

[Примечание: Реформация]

Поскольку одной из главных причин Реформации было укрепление национального самосознания, то, наоборот, одним из наиболее заметных результатов движения стало возвышение государства. Реформация начала осознавать, хотя поначалу и с запинками, разделение церкви и государства, и она наделила последнее большим богатством, многими привилегиями и высокими прерогативами и обязанностями, до того времени {594} принадлежавшими первому. Это правда, что все новаторы отшатнулись бы от голого эрастианства, которое встречается не в тезисах Томаса Эрастуса, [Примечание: Erastus, 1524-83] а у вольнодумца Томаса Гоббса. [Примечание: Гоббс, 1588-1679] В то время как реформаторы просто говорили, что на государство должна быть возложена обязанность насаждать ортодоксальность и наказывать грешников, Гоббс сделал логический вывод, что государство является последней инстанцией для определения религиозной истины. То, что вывод Гоббса был всего лишь *доведением до абсурда* доктрины Реформации, было скрыто от самих реформаторов их очень сильной верой в абсолютную и достоверную религиозную истину.

Тенденция и Лютера, и Кальвина превозносить государство принимала две различные формы в зависимости от их понимания того, что такое государство. Лютеранство стало союзником абсолютной монархии, тогда как кальвинизм нес в себе республиканский элемент. Не случайно, что Германия разработала форму правления, в которой отеческая, но бюрократическая забота о народе заменяла народную свободу, тогда как Америка, в целом самое кальвинистское из великих государств, довела до своего логического завершения идею правления большинства. Английская реформация сначала была лютеранской в этом отношении, но после 1580 года в ней начали проявляться сильные кальвинистские тенденции, которые привели к созданию Содружества.

[Примечание: Лютер]

Хотя Лютер чрезвычайно заботился о социальных реформах и доблестно служил их делу, он питал недоверие к людям, которое сильно раздражает современный слух. Особенно после эксцессов крестьянской войны и расточительности Мюнцера, он пришел к убеждению, что "господин Омнес" способен на мало хорошего и много зла. "Князья этого мира - боги, - однажды сказал он, - простые люди - сатана, через которых Бог иногда делает то, что в другое время он делает {595} непосредственно через сатану, *то есть* поднимает восстание в наказание за грехи людей". И снова: "Я бы предпочел, чтобы принц поступал неправильно, чем народ,

поступающий правильно". Следовательно, пассивное повиновение божественно предначертанным "сильным мира сего" было единственной обязанностью подданного. "Никому, кто хотел бы быть христианином, не подобает выступать против своего правительства, независимо от того, действует ли оно справедливо или несправедливо", - писал он в 1530 году.

То, что Лютер обратился к князю как к представителю божественного величия в государстве, объясняется не только авторитетом Священного Писания, но и тем фактом, что в Германии не было материала для какой-либо другой формы правления. Он не был подхалимом и не питал никаких иллюзий относительно характера наследственных монархов. В своем *Трактате о гражданской власти* [Прим. автора: 1523], посвященном его собственному суверену, герцогу Иоанну Саксонскому, он писал: "С момента основания мира мудрый принц был редкой птицей, а справедливый - еще более редкой. Как правило, они самые большие дураки и наихудшие негодяи на земле, поэтому от них всегда следует ожидать худшего и не много хорошего, особенно в божественных делах". Он добавляет, что они явно не имеют права решать духовные вопросы, а только приводить в исполнение решения христианской общины.

Чувствуя необходимость какой-нибудь уздечки в устах императора и не находя у народа оснований обуздывать его, Лютер нащупал идею какого-нибудь юридического ограничения власти монарха. Знакомого нам слова "конституция" тогда не было, но то, что идея присутствовала, несомненно. В Германской империи была конституция, в основном неписаная, но частично законодательная. Ограничения императорской власти были тогда признаны итальянским наблюдателем Квирини. [Примечание: 1507] Когда они были доведены до сведения Лютера, он признал право германских государств силой сопротивляться {597} имперским актам несправедливости, противоречащим позитивным законам. Более того, он всегда утверждал, что ни один подданный не должен подчиняться приказу, прямо противоречащему закону Божьему. В этих ограничениях государственной власти, какими бы незначительными они ни были, содержались зародыши более позднего кальвинистского конституционализма.

[Примечание: Реформатская церковь]

В то время как многие реформаторы — Меланхтон, Буцер, Тиндейл - были полностью согласны с более ранней доктриной Лютера о пассивном повиновении, швейцарцы, французы и шотландцы разработали последовательную конституционную теорию, призванную привести народы к упорядоченной свободе. Несомненно, первостепенным влиянием в реформатской церкви, в отличие от лютеранской, была форма церковного правления. Конгрегационализм и пресвитерианство являются практическими наглядными уроками демократии. Многие авторы справедливо указывали на примере Америки на влияние ризницы на эволюцию городского собрания. В других странах то же самое действовало таким же образом, давая британским и французским протестантам обширную практику в представительном правительстве.

[Примечание: Цвингли] Цвингли утверждал, что испытываемый должен отказаться действовать вопреки своей вере. Из средневековья он перенял доктрину о тождестве духовной и гражданской власти, но он также постулировал суверенитет народа, что было естественно для свободнорожденного швейцарца. На самом деле его симпатии были республиканскими насквозь.

[Примечание: Кэлвин]

Ясное политическое мышление Кальвина и его последователей было в значительной степени результатом остроты их положения. Столкнувшись с установившейся властью, они были вынуждены защищаться как пером, так и мечом. Особенно во Франции тлеющие угли их мысли были раздуты ветрами преследований в яростное пламя. Предавались огню не только гугеноты, но и все их соседи, пока королевство {597} Франция, казалось, вот-вот опередит великую Революцию на два столетия.

Под звон набата в ушах, диссонирующий с раблепными доктринами Павла и Лютера, Кальвин принялся за разработку теории, которая должна сочетать свободу и порядок. Продвинувшись на шаг дальше, чем это сделали его хозяева, в разделении гражданской и церковной власти, он все же считал гражданское правление самым священным и почетным из всех чисто человеческих институтов. Формой, которую он предпочитал, была аристократия, но там, где преобладала монархия, Кальвин не был готов рекомендовать ее свержение, за исключением крайних случаев. Ухватившись за идею Лютера о конституционных, или договорных, ограничениях королевской власти, он утверждал, что королю следует оказывать сопротивление, когда он нарушает свои права, не частными лицами, а избранными магистратами, которым следует особо доверить охрану прав народа. Высокое уважение, которым пользовался Кальвин, а также ясность и всесторонность его мысли сделали его, в конечном счете, самым влиятельным из протестантских публицистов. Согласно его доктрине, голландский, английский и американский народы были воспитаны в духе народного суверенитета.

[Примечание: французские республиканцы]

Семена свободы, посеянные Кальвином, вполне могли бы долго оставаться скрытыми в земле, если бы почва Франции не была орошена кровью и выжжена тиранией последнего Валуа. Теории народных прав, которые с пышностью зародились после дня святого Варфоломея, уже проросли за несколько лет до него. Генеральные штаты, собравшиеся в Париже в марте 1561 года, потребовали, чтобы регентство было передано в руки Генриха Наваррского и чтобы члены Лотарингского дома и канцлер Лопиталь были отстранены от всех должностей как назначенные не Сословиями. В августе {598} того же года тридцать девять представителей трех сословий тринадцати провинций встретились одновременно с религиозным собранием Пуасси в Понтуазе и там с большой смелостью высказали требования конституционного правительства. Они требовали права Сословий управлять страной во время несовершеннолетия короля; они утверждали, что Сословия должны созываться по крайней мере раз в два года; они запрещали налогообложение, отчуждение королевских владений или объявление войны без их согласия. Дальнейшее решение о прекращении преследований гугенотов предало ту сторону, из которой народная партия черпала свои силы.

Но если голоса отважных депутатов едва ли доносились за пределы сенатской палаты, то множество памфлетов, подробно описывающих великую резню, разнесли звуки свободы по всем ветрам. Теодор Беза анонимно опубликовал свои *Права магистратов*, развивая теорию Кальвина о том, что представители народа должны быть уполномочены надевать узду на короля. Говорят, что пакт между народом и королем аннулируется, если король его нарушает.

[Прим. автора: Хотмен, 1573]

В то же время другой французский протестант, Фрэнсис Хотман, опубликовал свою работу "*Франко-Галлия*", чтобы показать, что у Франции древняя и нерушимая конституция. Этот неписанный закон регулирует наследование престола; по нему депутаты сохраняют свои привилегии в Генеральных округах; по нему издаются законы, обязательные даже для короля. По мнению Хотмана, можно показать, что право народа распространяется даже на свержение монарха и избрание его преемника.

[Sidenote: Vindiciae contra Tyrannos, 1577]

Более высокий и общий взгляд был выражен в книге "*Права против тиранов*", опубликованной под псевдонимом Стефан Юний Брут Кельт и написанной Филиппом дю Плесси-Морне. Этот краткий, но всеобъемлющий обзор, адресованный как католикам, так и протестантам {599} и нацеленный на Макиавелли как главного сторонника тирании, выдвинул четыре тезиса: 1. Подданные обязаны повиноваться Богу, а не королю. Это считается самоочевидным. 2. Если король опустошает церковь и нарушает закон Божий, ему могут оказывать сопротивление, по крайней мере, пассивно, что касается частных лиц, но активно - магистраты и города. Автор, цитирующий Библию и древнюю историю, очевидно, имеет в виду современную Францию. 3. Народ может сопротивляться тирану, который угнетает или разрушает государство. Первоначально, по мнению автора, народ либо избрал короля, либо утвердил его в должности, и если он не пользовался этим правом в течение длительного времени, то юридическая максима гласит, что никакое предписание не может противоречить требованиям общества. Законы получают санкцию от народа и должны приниматься им; налоги могут взиматься только его представителями, а король, который взимает налоги по своей собственной воле, ничем не отличается от врага. Короли даже не являются владельцами общественной собственности, а лишь ее распорядителями, связаны договором с управляемыми и могут быть справедливо наказаны за его нарушение. 4. Четвертый тезис, выдвинутый Морнеем, заключается в том, что иностранная помощь может быть справедливо привлечена против тирана.

[Прим. автора: La Boetie, 1530-63]

Не полагаясь исключительно на собственные таланты, гугеноты смогли протолкнуть в ряды своей армии памфлетистов нескольких видных католиков. В 1574 году они опубликовали фрагмент, а в 1577 году - полностью, "*Рассуждение о добровольном рабстве*", обычно называемое *Contr'un*, Стефана де ла Боэти. Этот джентльмен, умирая в возрасте тридцати трех лет, оставил все свои рукописи своему закадычному другу Монтень. Последний утверждает, что Ла Боэти сочинил это произведение в качестве призовой декламации в возрасте шестнадцати или восемнадцати лет. [Примечание: 1546-8] Но наряду со многими отрывками в брошюре, которые, возможно, были предложены Эразмом, есть несколько {600} аллюзий, которые, по-видимому, указывают на характер Генриха III — в 1574 году короля Польши и в 1577 году короля Франции — и на события, непосредственно предшествовавшие моменту публикации. Согласно привлекательной гипотезе, не до конца доказанной, эти отрывки были добавлены самим Монтень до того, как он передал работу одному из своих друзей или родственников-гугенотов. Ла Боэция, во всяком случае, апеллировала к страстям, возбужденным святым Варфоломеем, призывая народ больше не подчиняться одному человеку, "самому жалкому и изнеженному в нации", у которого только две руки, два глаза и который упадет, если его не поддержать. И все же, продолжает он риторически, "вы сеете плоды земли, чтобы он мог расточать их; вы обставляете свои дома для того, чтобы он грабил их; вы воспитываете своих дочерей, чтобы они

насыщали его похоть, и своих сыновей, чтобы они погибали в его войнах; ... вы изнуряете свои тела трудом, чтобы он мог предаваться низменным удовольствиям".

Поскольку Монтень и Ла Боэти были католиками, здесь уместно отметить, что тирания производила примерно одинаковый эффект на своих жертв, независимо от их вероисповедания. Сорбонна, с которой консультировалась Лига, единогласно решила, что народ Франции освобожден от присяги на верность Генриху III и может со спокойной совестью поднять оружие против него. Один из врачей, Буше, написал письмо, доказывающее, что церковь и народ имеют право низложить убийцу, клятвопреступника, нечестивого или еретического принца или того, кто виновен в святотатстве или колдовстве. Тиран, заключал он, - это дикий зверь, убивать которого законно для государства в целом или даже для отдельных людей.

Доктрина договора между князем и народом стала настолько прочно укоренившейся, что к концу века ее можно считать само собой разумеющейся. *Мемуары* солдата-гугенота, поэта и историка Агриппы д'Обинье полны республиканских настроений, например, "Между королем и его подданными существует связующее обязательство {601}" и "Власть принца исходит от народа".

Но не следует воображать, что подобные доктрины проходили мимо ушей без вызова. Самый важный писатель по политической науке после Макиавелли, Джон Бодин, [Примечание: Бодин, 1530-96] в целом был консерватором. В его произведениях острые и иногда глубокомысленные замечания противопоставляются причудливым и жалким суевериям. Он травил правительство и толпу ведьм с гнусным рвением авторов "*Молота ведьм*"; и он исследовал все существующие религии с хладнокровием философа. Он привлек внимание мира к тому, что история в целом определяется естественными причинами, такими как климат, но революции были вызваны частично непостижимой волей Бога, а частично более очевидным влиянием планет.

Его самая известная работа "*Республика*" [Прим. автора: 1576] представляет собой критику Макиавелли и попытку вернуть политику в сферу морали. Он определяет государство как общество людей, объединенных с целью жить хорошо и счастливо; он считает, что оно возникло на основе естественного права и общественного договора. Боден впервые проводит различие между государством и правительством, определяя суверенитет (*majestas*) как атрибут первого. Он классифицирует правительства по обычным трем категориям и отказывается верить в смешанные правительства. Хотя Англия озадачивает его, он считает ее абсолютной монархией. Это та форма, которую он решительно предпочитает, поскольку называет людей многоголовыми чудовищами и говорит, что большинство людей некомпетентны и плохи. Проповедуя пассивное повиновение королю, он не может остановить его ни тираноубийством, ни конституционными властями, кроме как судом Божьим.

Удивительно, что после того, как Бодин снял все эффективные ограничения с тирана в этом мире, он установил в качестве принципа, что ни один король не должен взимать налоги без согласия своих подданных. Другое противоречие заключается в том, что, хотя он освобождает подданных от обязанности повиновения в случае, если монарх прикажет что-либо, противоречащее закону Божьему, он относится к религии почти как к вопросу политики, советуя, чтобы, какой бы она ни была, государственный деятель не нарушал ее. Помимо склонности к суевериям в его сознании, его непоследовательность объясняется попыткой примирить противоположности — Макиавелли и Кальвина. Ибо при всем своем осуждении

атеизма и безнравственности первого, он, со своим шовинизмом, своей защитой абсолютизма, своим практическим оппортунизмом, не так уж далек от флорентийца, как он хотел бы заставить нас поверить.

[Примечание: голландские республиканцы]

Революция, провалившаяся во Франции, увенчалась успехом в Нидерландах, и некоторый вклад в политическую теорию можно найти в конституции, разработанной Генеральными штатами в 1580 году, когда они признали Анжу своим принцем, и в документе о низложении Филиппа в 1581 году. И те, и другие полностью признают суверенитет народа и всекомпетентность его избранных представителей. Как прокомментировал Ольденбарневельт, "Города и знать вместе представляют все государство и весь народ". Низложение Филиппа оправдано ссылкой на закон природы и на пример других государств, подвергшихся пыткам, а также перечислением нарушений Филиппом законов и обычаев страны.

[Примечание: Нокс]

Шотландия в ходе своей революции выпустила почти такую же блестящую плеяду памфлетистов, как и Франция. Джон Нокс утверждал, что "Если люди в страхе Божьем противостоят ярости и слепой ярости правителей, поступая таким образом, они противостоят не Богу, а дьяволу, который злоупотребляет мечом и властью Бога", и снова он спрашивал: "Какой вред получил бы содружество, если бы порочные чувства невежественных правителей были умерены и обузданы {603} мудростью и благоразумием благочестивых подданных?" Но обязанность, считал он, обуздывать принцев в свободных королевствах и сферах принадлежит не каждому частному человеку, а "принадлежит знати, присягнувшим и прирожденным ее советникам". Доводя эти доктрины до логического завершения, Нокс намекнул Марии, что Даниил мог бы противостоять Навуходоносору, а Павел - Нерону с мечом, если бы Бог дал им силу.

Другой шотландский протестант Джон Крейг, поддерживая судебное преследование Марии, сказал, что в Болонском университете было определено и заключено [Примечание 1554 года], что "все правители, будь то высшие или низшие, могут и должны быть реформированы или свергнуты теми, кем они были избраны, утверждены и допущены к своим обязанностям, всякий раз, когда они нарушают обещание, данное под присягой своим подданным". Нокс и Крейг оба выступали за казнь Марии на том основании, что "это было публичное выступление среди всех народов и среди всех сословий, что королева имела не больше свободы совершать убийства или прелюбодеяние, чем любое другое частное лицо". Ноллис также сказал Марии, что монарх должен быть свергнут за безумие или убийство.

К религиозному рвению, вдохновлявшему Нокса, Джордж Бьюкенен присоединил более рациональный дух свободы и более сильное сознание позитивного права. Его великая работа *О Конституции Шотландии* передавала всю власть народу, утверждала ответственность королей перед своими подданными и призывала к всенародному избранию главного магистрата. В крайних случаях защищалась казнь монарха, хотя с помощью какого именно механизма он должен был предстать перед судом, оставалось неясным; вероятно, рассматривалось конституционное сопротивление, насколько это было практически возможно, и тираноубийство рассматривалось как последнее средство. "Если вы спросите кого-нибудь, - говорит наш автор, - что он думает о наказании {604} Калигулы, Нерона или Домициана, я

думаю, никто не будет настолько предан королевскому имени, чтобы не признать, что они справедливо понесли наказание за свои преступления".

[Примечание: английские монархисты]

В Англии две тенденции - одна в пользу божественного права королей, другая в пользу конституционных ограничений - существовали бок о бок. Последнее мнение придворные богословы приписывали влиянию Кальвина. Мэтью Хаттон обвинил реформатора в том, что "он был не столь хорошего мнения о королевстве, как о народном государстве". "Боже, спаси нас, - писал архиепископ Паркер, - от такого вмешательства, какое Нокс предпринял в Шотландии, чтобы люди были распорядителями вещей". Этот выдающийся прелат проповедовал, что неповиновение королеве - большее преступление, чем святотатство или прелюбодеяние, ибо послушание - корень всех добродетелей и причина всякого счастья, а "бунт - это не отдельный проступок, подобный воровству или убийству, но выгребная яма и болото всех возможных грехов против Бога и человека". Правительство Мэри обвинило Боннера в проповеди о том, что все мятежники навлекли на себя проклятие. Гораздо позже Ричард Хукер предупредил своих соотечественников, что пуританство ставит под угрозу прерогативы короны и дворянства.

[Примечание: и республиканцы]

Но среди защитников народа не было недостатка. Реджинальд Поул заявил об ответственности суверена, хотя и в умеренных выражениях. Епископ Джон Поне написал *Трактат о политической власти*, чтобы показать, что люди имеют право свергнуть плохого короля и убить тирана. Надменной Елизавете самой часто приходилось выслушивать резкие советы. Когда она посетила Кембридж, ее развлекли дебаты о тираноубийстве, в ходе которых один смелый клерк утверждал, что Бог может спровоцировать цареубийство; и обсуждение соответствующих преимуществ выборной и наследственной монархии, когда один оратор предложил сохранить первую ценой своей жизни и, если понадобится, смертью. Когда Елизавета, выслушав непокорный парламент, пожаловалась испанскому послу, что "она не может сказать, чего добивались эти дьяволы", его превосходительство ответил: "Они хотят свободы, мадам, и если принцы не позаботятся о себе", они скоро обнаружат, что скатываются к революции и анархии. Действительно, важной была негласная работа парламента по созданию конституционной доктрины своей собственной всекомпетентности и превосходства.

[Примечание: Тираноубийца]

Одним из поразительных отклонений в политической теории того времени было преобладание в ней призыва к тираноубийству. Воспитанные древними, воспевавшими Гармодия и Аристокитона, на библейском примере Эхуда и Эглона, а также различными средневековыми публицистами, и учившие ценности убийства принцев и пап, назначавших цену за головы друг друга, огромное количество богословов шестнадцатого века одобрили кинжал как лучшее средство от тирании. Меланхтон желал, чтобы Бог воздвиг способного человека убить Генриха VIII; Джон Поне, Каэтан и французский богослов Буше признавали возможную добродетель убийства. Но наиболее подробное изложение той же доктрины было сделано испанским иезуитом Марианой в книге *О короле и его образовании*, опубликованной в 1599 году с официальным разрешением, посвящением правящему монарху и утверждением, что она была одобрена учеными и серьезными людьми Общества Иисуса. Он учил, что принц правит исключительно с согласия народа и по древнему закону, и что, хотя его пороки следует терпеть

до определенного момента, все же, когда он разрушает государство, он является врагом общества, убить которого не только допустимо, но и славно для любого человека, достаточно храброго, чтобы пренебречь собственной безопасностью ради общественного блага.

Если из противоречивых заявлений ее врачей можно составить официальную теорию католической церкви, она выступала за деспотизм, смягченный {606} убийством. Ни один лютеранин никогда не проповедовал обязанность пассивного повиновения сильнее, чем Катехизис Тридентского собора.

[Побочное примечание: радикалы]

Следует сказать несколько слов о наиболее радикальной мысли того времени. Все авторы, которых только что проанализировали, смотрели на вещи с точки зрения правящих и имущих классов. Но время от времени раздавался голос бедных, причем не только из их собственных уст, но и из уст тех немногих авторов, у которых хватало воображения посочувствовать им. Идея о том, что люди могут когда-нибудь жить вообще без какого-либо правительства, встречается у таких совершенно разных писателей, как Ричард Хукер и Фрэнсис Рабле. Но социализм тогда, как и всегда, пропагандировался чаще, чем анархия. Анабаптисты, в частности, верили в общность благ и даже пытались практиковать это, когда у них появлялась такая возможность. Хотя они потерпели неудачу в этом, нельзя забывать о вкладе в демократию, скрытом в их эгалитарном духе. Они навлекли на себя самые жестокие нападки со стороны защитников существующего порядка, какими бы исповеданиями они ни были связаны. [Примечание: 1535] Вивес написал специальный трактат, опровергающий аргументы анабаптистов о коммунизме. Лютер сказал, что пример первых христиан не санкционировал коммунизм, поскольку, хотя первые ученики объединили свое собственное имущество, они не пытались завладеть собственностью Пилата и Ирода. Даже французские кальвинисты в своих книгах, посвященных свободе, называли анабаптистов мятежниками, достойными самых суровых репрессий.

[Примечание на стороне: *Утопия*, 1516]

Более благородным произведением, чем любое другое, созданное анабаптистами, и, возможно, оказавшим на них немалое влияние, была *Утопия* сэра Томаса Мора. Он частично опирался на Платона, на "Германию" Тацита, на Августина и Пико делла Мирандолу, а также на внешние рамки своей книги *четыре путешествия Америк Веспуччиуса*. {607} Но в основном он полагался на свои собственные наблюдения о том, что прогнило в английском государстве, где он был судьей и правителем людей. Он представлял себе идеальную страну, Утопию, место совершенного равенства как в экономическом, так и в политическом плане. Это была выборная монархия с низшими должностными лицами и также избранным представительным собранием. Люди меняли дома каждые десять лет по жребию; они считали роскошь и богатство поношением. "В других местах все еще говорят об общем богатстве, но каждый человек добывает свое личное богатство. Здесь, где нет ничего личного, к общим делам нужно относиться серьезно". "Какая это справедливость, что богатый ювелир или ростовщик должен вести приятную и состоятельную жизнь либо от безделья, либо от ненужных занятий, когда в то же время бедные рабочие, возчики, кузнецы по металлу, плотники и пахари таким большим и постоянным трудом ... все же зарабатывают на жизнь так тяжело и так бедно и живут такой жалкой жизнью, что состояние рабочего скота может казаться намного лучше и богаче?" "Когда я рассматриваю и взвешиваю в уме все эти государства, которые в настоящее время где бы то ни было процветают, [Примечание: содружество], да поможет мне Бог, я не вижу ничего, кроме

определенного заговора богатых людей, закупающих свои товары под именем и титулом содружества ". Мор был убежден, что общий для всех короткий рабочий день принесет вполне достаточное богатство, чтобы все жили в комфорте. Он открыто протестует против тех, кто утверждает, что существует два вида справедливости: одна для правительств, а другая для частных лиц. Он отвергает доктрину о том, что недобросовестность необходима для процветания государства; утописты не заключают союзов и добросовестно выполняют те немногие и необходимые договоры, которые они ратифицируют. Более того, они превыше всего бесчестят войну.

В области чистой экономической и социальной теории {608} кое-что, хотя и немного, было сделано. Макиавелли считал, что рост населения на севере и его миграция на юг были постоянным законом, идея, заимствованная у Паулюса Диаконуса и переданная Мильтону. Он даже вывел слово "Германия" из слова "germinare". Более резкое замечание, предвосхищающее Мальтуса, было сделано испанским иезуитом Джоном Ботеро [Прим. автора: Ботеро, 1589], который в своем *"Обосновании состояния"* указал, что население абсолютно зависит от средств к существованию. Он пришел к *априорному* выводу, что население земли оставалось неизменным в течение трех тысяч лет.

[Примечание: Торговая экономика]

Государственные деятели тогда страдали от порочного заблуждения, основанного на аналогии частного человека и государства, что национальное богатство состоит в драгоценных металлах. Строгие и универсальные законы, направленные против экспорта звонкой монеты и призванные стимулировать ее импорт, оказались значительным бременем для торговли, хотя на самом деле они лишь замедляли, а не останавливали денежный поток. Поразительный рост цен в течение столетия привлек некоторое внимание. Этому были приписаны различные причины, среди прочих рост населения и увеличение роскоши. Вряд ли кто-то понимал, что рост цен на драгоценные металлы был фундаментальной причиной, но несколько авторов, среди которых Бодин, Джон Хейлс и Коперник, увидели, что обесценившаяся валюта была ответственна за острую дороговизну некоторых местных рынков.

[Побочное примечание: Ростовщичество]

Законность ростовщичества сильно волновала умы людей того времени. Церковь по традиционным соображениям запретила это, и ее врачи твердо придерживались ее предписания, хотя иногда можно было найти человека, такого как Джон Экк, который отстаивал это. Лютер в принципе был против того, чтобы позволять человеку "сидеть за своей печкой и позволять своим деньгам работать на него", но он был достаточно ослаблен, чтобы допускать умеренный интерес в данных обстоятельствах. Цвингли позволил бы использовать проценты {609} только как форму распределения прибыли. Кальвин сказал: "Если мы полностью запретим ростовщичество, мы свяжем совесть узами более строгими, чем узы самого Бога. Но если мы позволим это меньше всего в мире, то под прикрытием нашего разрешения кто-нибудь немедленно сделает всеобщую и необузданную вольность ". Законы, запрещающие взимание процентов, постепенно смягчались на протяжении столетия, но даже в конце его Бэкон мог рассматривать ростовщичество только как уступку, сделанную из-за черствости человеческих сердец.

[1] В греческом языке слова "политика" и "этика" имеют более широкое значение, чем в английском.

[2] Лорд Морли.

РАЗДЕЛ 4. Естественные науки

[Примечание: Индуктивный метод]

Слава науки шестнадцатого века заключается в том, что впервые со времен древних греков люди в больших масштабах попытались взглянуть на природу своими собственными глазами, а не глазами Аристотеля и физиологов. Бэкону и Вивесу приписывают открытие индуктивного метода, но, как и многие философы, они просто обобщили практику, уже распространенную в их время. За исключением одного открытия первой величины и двух или трех других, не имеющих большого значения, работа шестнадцатого века заключалась в наблюдении, описании и классификации фактов. Это была немалая услуга сама по себе, хотя и не поражает воображение так, как великие новые теории.

[Примечание: математика]

В математике подготовительная работа к постановке и решению новых задач заключалась в совершенствовании символики. Как рассуждение в целом зависит от слов, как музыка зависит от изобретения механических инструментов, так и математика не может далеко продвинуться, если не использовать простой и адекватный символизм. Введение арабских цифр вместо римских, и особенно введение нуля при счете, впервые в позднее Средневековье, позволило людям удобно выполнять четыре фундаментальных процесса. Использование знаков + {610} и - для обозначения плюса и минуса (ранее писалось p. и m.), а также знака = для обозначения равенства и V [символа квадратного корня] для обозначения корня были дополнительными удобствами. К этому можно добавить популяризацию десятичных дробей Саймоном Стевином в 1586 году, которую он назвал "искусством вычисления целыми числами без дробей". Насколько неуклюжи все вещи при их рождении, иллюстрирует его метод записи десятичных дробей, помещая их в степени одной десятой, с кружками вокруг показателей; например, число, которое мы должны записать 237,578, он написал 237 (в степени 0) 5 (в степени 1) 7 (в степени 2) 8 (в степени 3). Он первым объявил о десятичной системе чеканки монет, мер и весов.

[Примечание: Алгебра 1494]

Алгебраическая система счисления также значительно улучшилась за этот период. В трактате Лукаса Пачиолуса мы находим громоздкие знаки вместо букв, таким образом, номер (numero) для известной величины, со. (cosa) для неизвестной величины, се. (censo) для квадрата и си. (cubo) для куба неизвестной величины. Поскольку он все еще использовал p. и m. для плюса и минуса, он написал 3со.p.4се.m.5си.p.2се.се.m.6по. для числа мы должны написать $3x + 4x^2 - 5x^3 + 2x^4 - 6a$. Использование букв в современном стиле связано с математиками шестнадцатого века. Решением кубических и биквадратных уравнений, сначала только в определенных частных формах, но позже во всех формах, овладели Тарталья и Кардан. Последние даже обсуждали отрицательные корни, будь то рациональные или иррациональные.

[Примечание: Геометрия]

Геометрия в то время, как и долгое время после этого, полностью зависела от Евклида, латинский перевод которого был впервые опубликован в Венеции. [Примечание: 1505] Коперник со своим учеником Георгом Иоахимом по имени Ретикус и Фрэнсисом Виетой достигли некоторого прогресса в тригонометрии. Коперник дал первую простую демонстрацию фундаментальной формулы сферической тригонометрии; Ретик составил таблицы синусов, касательных и секущих {611} дуг. Виета открыл формулу для получения синуса кратного угла.

[Примечание на стороне: Кардан, 1501-76]

Перелистывая страницы многочисленных работ Джерома Кардана, поражаешься количеству предметов, по которым он писал, в том числе по математике, выбору и случайности, арифметике, алгебре, календарю, отрицательным величинам и теории чисел. В последнейназванной ветви был еще один итальянец, Мавролик, который признал общий характер математики как "символической логики". Ему действительно приписывают понимание наиболее общего принципа, от которого зависит вся математическая дедукция.[1] Некоторые из самых замечательных предвосхищений современной науки были сделаны Карданом. Он верил, что неорганическая материя одушевлена и что вся природа представляет собой прогрессивную эволюцию. Таким образом, его утверждение о том, что все животные изначально были червями, подразумевает неопределенную изменчивость видов, точно так же, как его замечание о том, что низшие металлы были неудачными попытками природы произвести золото, может показаться предвосхищением идеи трансмутации металлов под воздействием радиоактивности. Следует помнить, что подобные догадки не претендовали на научное подтверждение.

Энциклопедический характер знания был тогда, пожалуй, одной из самых ярких его характеристик. Бэкон был не первым человеком своего века, который относил все знания к своей области. По образованности и широте взглядов мало кто когда-либо превосходил Конрада Геснера, которого Кювье назвал "немецким Плинием". Его *История животных* (опубликована во многих томах в 1551-87 годах) была основой зоологии до времен Дарвина. [Примечание: зоология] Он {612} в основном опирался на предыдущих авторов, Аристотеля и Альберта Великого, но он также приложил все усилия, чтобы увидеть самому как можно больше. Превосходные иллюстрации к его книге, частично взятые из предыдущих работ, но в основном новые, значительно повысили ее ценность. Его классификация, хотя и превосходящая все предшествующие, была в некоторых отношениях удивительной, например, когда он поместил гиппопотама среди водных животных вместе с рыбой, а летучую мышь - среди птиц. Иногда он описывает чисто мифическое животное, такое как "обезьяна-лисица". Трудно понять, какой критерий истины был бы адекватен ученому того времени. Лисица-обезьяна не более невероятна, чем носорог, и Геснер считал необходимым заверить своих читателей, что носорог действительно существовал в природе и не был плодом фантазии.

[Примечание: Леонардо]

Леонардо да Винчи считается мастером современной анатомии и ряда других отраслей науки. Трудно точно оценить его работу, потому что она еще не полностью известна, и еще больше из-за ее необычной формы. Он оставил тысячи страниц заметок обо всем и едва ли один полный трактат о чем-либо. Он начал сотни исследований и ни одно из них не закончил. У него был странный склад ума, который заставлял его изо всех сил искать обходные пути. Чудовищное, неотесанное завораживало его; он видел Медузу в пауке и вселенную в капле воды. Он делал

свои заметки зеркальным почерком, справа налево; он иллюстрировал их тысячью фрагментов изысканных рисунков, все незаконченные и одинаково дразнящие художника и ученого. Его мысли блуждали по летательным аппаратам и подводным лодкам, но он так и не создал ни одной; причиной, приведенной им в последнем случае, был его страх, что это будет использовано в пиратских целях. В нем было что-то от Фауста; в некоторых отношениях он напоминает нам Уильяма Джеймса, который также начинал как художник, а закончил как прилежный исследователь запредельных вещей и психолог.

[Примечание: Анатомия]

Таким образом, если анатомические рисунки, сделанные Леонардо примерно с двадцати препарированных им тел, являются замечательными образцами искусства, он предоставил другим заниматься действительно систематическим изучением человеческого тела. Его современник, Беренгар из Карпи, профессор Болоньи, первым сделал это с заметным успехом, классифицировав различные ткани как жир, мембраны, плоть, нервы, волокна и так далее. Это настолько далеко от истины, что было трудно заставить работать с трупами, которых у него было по меньшей мере сотня. Действительно, по словам Фаллопиуса, другого известного ученого, герцог Тосканский иногда отправлял живых преступников на вивисекцию, таким образом, их наказание приносило пользу науке. Инквизиторы затруднили путь науки, сжигая книги по анатомии как материалистические и непристойные.

[Прим. автора: Сервет]

Два или три исследователя предвосхитили открытие Харви о циркуляции крови. К сожалению, поскольку этот вопрос представляет интерес, трактовка Серветом этого предмета, найденная в его работе *о Троице*, слишком длинная, чтобы ее цитировать, но ясно, что наряду с различными ошибочными идеями он действительно открыл истину о том, что вся кровь проходит через сердце и легкие, откуда возвращается к другим органам.

[Примечание: Физика]

В то время как в химии почти ничего не было сделано, сейчас впервые было замечено большое количество явлений в области физики. Леонардо да Винчи измерил скорость падающих тел, сбрасывая их с башен и отмечая время их прохождения на различных этапах. Таким образом, он правильно обнаружил, что их скорость увеличилась. Говорят также, что он заметил, что тела всегда падают немного восточнее линии отвеса, и отсюда пришел к выводу, что земля вращается вокруг своей оси. Он провел тщательные эксперименты с бильярдными шарами, обнаружив, что {614} импульс удара всегда полностью сохраняется при движении пораженных шаров. Он измерял силы по весу и скорости тел и пришел к приближению идей механической "работы" и энергии положения. Он думал об энергии как о духовной силе, передаваемой от одного тела к другому прикосновением. Далее этот замечательный человек изобрел гигрометр, объяснил звук волновым движением в воздухе и сказал, что явление, известное нам как "старая луна на коленях у новой луны", происходит из-за отражения земного света.

Николас Тарталья первым показал, что полет снаряда представляет собой параболу и что максимальная дальность пушки будет под углом 45 градусов.

Некоторые хорошие работы были сделаны в области оптики. Джон баптист делла Порта описал, хотя и не изобрел, камеру-обскуру. Были объяснены горящие стекла. Леонард Диггес даже предвосхитил телескоп, используя двойные линзы.

Дальнейшего прогресса в механике добились Кардан, который объяснил устройство рычага и шкива, и Саймон Стевин, который впервые продемонстрировал распределение сил. Он также заметил разницу между стабильным и неустойчивым равновесием и показал, что понижающее давление жидкости не зависит от формы сосуда, в котором она находится, и зависит только от высоты. Он и другие ученые утверждали, что причиной приливов является Луна.

[Примечание: Магнетизм]

Магнетизм был широко изучен. Когда компасы были впервые изобретены, считалось, что они всегда указывают на Полярную звезду под влиянием некоего звездного притяжения. Но даже в пятнадцатом веке независимо друг от друга Колумбом и немецкими экспериментаторами было замечено, что стрелка указывает не совсем на север. Поскольку величина его склонения варьируется в {615} разных местах на земле и в разное время, это был один из самых загадочных фактов, требующих объяснения. Один человек считал, что изменение зависит от климата, другой - что это индивидуальное свойство каждой стрелки. Примерно в 1581 году Роберт Норман открыл наклон, или наклон наклона компаса. Эти и другие наблюдения были обобщены Уильямом Гилбертом [Прим. автора: Гилберт] в его работе *"Магнит, магнитные тела и Земля как великий магнит"*. [Примечание: 1600] Значительная часть его работы была посвящена ценной деструктивной критике, опровергающей распространенные ошибки. Его величайшим открытием было то, что сама земля является большим магнитом. Он думал о магнетизме как о "душе или подобии души, которая во многих вещах превосходит человеческую душу, пока она связана нашими телесными органами". Следовательно, именно желание заставило магнит указывать на север и юг. Аналогичные объяснения физических и химических свойств встречаются у самых ранних и у некоторых из самых поздних философов.

[Примечание: География]

Как и следовало ожидать, географическая наука, подпитываемая открытиями новых земель, стремительно развивалась. Даже о размерах земли можно было только догадываться, пока она не была окружена. Колумб считал, что ее окружность по экватору составляла 8000 миль. Истории о его размерах, распространившиеся после Магеллана, были преувеличены людьми. Так, сэр Дэвид Линдсей в своем стихотворении *"Дрема"* [Прим. автора: 1528] цитирует "автора сферы", который говорит, что земля имеет 101 750 миль в окружности, причем каждая миля равна 5000 футам. Автором, на которого ссылаются, был Йоханнес де Сакро Боско из XIII века (Джон Холивуд). В двух изданиях его работы, *De Sphaera*, которые я видел, одно из Венеции, 1499 год, и одно из Парижа, 1527 год, длина окружности земли указана как 20 428 миль, но в издании, опубликованном в Виттенберге в 1550 году, она указана как 5400, вероятно, попытка автора сократить английские мили до немецких. [Примечание: 1551] Роберт Рекорд вычислил окружность земли в 21 300 миль.[2]

Приблизительные карты новых земель были составлены спутниками первооткрывателей. Мартин Вальдзимюллер [Прим. автора: 1507] опубликовал большую карту мира на двенадцати листах и маленький глобус диаметром около 4 1/2 дюйма, на котором новый свет впервые

назван Америкой. Следующий значительный шаг вперед был сделан фламандским картографом Джерардом Меркатором [Прим. автора: Меркатор, 1512-94], чьи глобусы и карты — некоторые из них в проекции с тех пор названы его именем — необычайно точны для Европы и побережья Африки и довольно корректны для Азии, хотя он представлял этот континент слишком узким. Он включил, однако, в их приблизительно правильные позиции Индию, Малайский полуостров, Суматру, Яву и Японию. Америка нарисована очень плохо, потому что, хотя восточное побережье Северной Америки нарисовано довольно правильно, континент слишком широк, а остальные побережья расплывчаты. Он сделал два поразительных предвосхищения более поздних открытий: первое, что он разделил Азию и Америку всего лишь узким проливом на севере, и второе, что он предположил существование континента вокруг южного полюса. Это, однако, он сделал слишком большим, думая, что Огненная земля была его частью, и нарисовал его так, чтобы приблизиться к южному побережью Африки и Явы. Его карты Европы были основаны на недавних и превосходных исследованиях.

[Примечание: Астрономия]

Астрономия, древнейшая из наук, значительно продвинулась в составлении таблиц материала. Видимые орбиты солнца, луны, планет и звезд были правильно соблюдены, так что можно было предсказывать затмения, вычислять соединение планет и учитывать это {617} постепенное движение солнца через знаки зодиака, известное как прецессия равноденствий. Чтобы объяснить эти движения, древние исходили из теории, что каждое небесное тело движется по совершенному кругу вокруг земли; неподвижные звезды были отнесены к одной из группы вращающихся сфер, солнце, луна и пять планет - к одной, всего получается восемь. Но вскоре было замечено, что движения планет слишком сложны, чтобы вписаться в эту систему; число движущихся сфер было увеличено до 27 до Аристотеля и до 56 им самим. К этим концентрическим сферам позже астрономы добавили эксцентрические сферы, движущиеся внутри других, называемых эпициклами, и к ним эпициклы второго порядка; фактически астрономы были вынуждены:

Строить, демонтировать, изобретать,
Чтобы сохранить видимость, опоясать сферу
С центрическими и эксцентричными каракулями, нацарапанными на
Цикле и эпицикле, сфера в сфере.

Сложность этой системы, вызвавшая веселье Вольтера и, по словам Мильтона, Всемогущего, была такова, что некоторые мыслители сомневались в ней даже в древности. Несколько человек считали, что земля вращается вокруг своей оси, но эта гипотеза была отвергнута Аристотелем и Птолемеем. Гераклид в четвертом веке до нашей эры сказал, что Меркурий и Венера обращаются вокруг солнца, а в третьем веке Аристарх Самосский фактически предвосхитил, хотя это было всего лишь предположением, гелиоцентрическую теорию.

Незадолго до Коперника различные авторы, казалось, намекали на истину, но в такой мистической или краткой форме, что из их утверждений мало что можно сделать. Так, Николай Кузанский [Примечание: Николай Кузанский, 1400-64] утверждал, что "поскольку земля не может быть центром вселенной, у нее не может отсутствовать всякое движение". Леонардо верил, что земля вращается вокруг своей оси, и утверждал, что это звезда, которая для

человека на Луне будет выглядеть так же, как Луна для нас. В одном месте он написал: "солнце не движется" — только эту загадочную фразу и ничего больше.

[Примечание: Коперник, 1473-1543]

Николай Коперник был уроженцем польского города Торн, в его жилах текла смешанная польская и тевтонская кровь. В возрасте восемнадцати лет он поступил в Краковский университет, где провел три года. В 1496 году церковное назначение позволило ему отправиться в Италию, где он провел большую часть следующих десяти лет в учебе. Он работал в университетах Болоньи, Падуи и Феррары и читал лекции — хотя и не как сотрудник университета — в Риме. Его исследования были всесторонними, включая гражданское право, каноническое право, медицину, математику и классику. 31 мая 1503 года в Падуе он получил звание доктора канонического права. Он также изучал астрономию в Италии, беседовал с самыми известными профессорами этой науки и проводил наблюдения за небесами.

Дядя Коперника был епископом Эрмеланда, духовного владения и феода Тевтонского ордена, находившегося под верховным сюзеренитетом, по крайней мере после 1525 года, короля Польши. Здесь Коперник провел остаток своей жизни; 1506-1512 годы - во дворце епископа в Гейльсберге, после 1512 года, за исключением двух недолгих пребываний в Алленштейне в качестве каноника во Фрауэнбурге.

Этот маленький городок, расположенный недалеко, но не совсем на побережье Балтийского моря, украшен прекрасным кафедральным собором. На стене, окружающей замок, находится небольшая башня, в которой астроном устроил свою обсерваторию. Здесь долгими морозными зимними ночами и в несколько коротких часов летней темноты он часто лежал на спине, разглядывая звезды. У него не было телескопа, а остальные его инструменты были такими примитивными, что он собрал их сам. Самым важным было то, что он называет *Instrumentum parallacticum*, деревянный равнобедренный треугольник с катетами длиной восемь футов, разделенный чернильными знаками на 1000 {619} делений, и гипотенуза, разделенная на 1414 делений. С его помощью он определил высоту солнца, луны и звезд, а также их отклонение от весенней точки. К этому он добавил квадрат (quadrum), который показывал высоту солнца по тени, отбрасываемой колышком в середине квадрата. Третий инструмент, также предназначенный для измерения высоты небесного тела, назывался "посох Иакова". Его трудности усугублялись отсутствием каких-либо астрономических таблиц, кроме тех, что были составлены греками и арабами. Их недостатки были настолько велики, что основная звезда, *то есть* Спика, которую он выбрал для измерения остальных, была отклонена от истинной долготы почти на 40 градусов.

[Примечание: гипотеза Коперника]

Тем не менее, благодаря этим слабым помощникам Коперник пришел, и очень рано, к своему важному выводу. Его наблюдения, зависевшие от погоды, были немногочисленны. Его время было потрачено в основном на чтение классических трудов астрономов и разработку математических доказательств своей гипотезы. Он нашел намеки в цитатах древних астрономов Цицерона и Плутарха на то, что земля движется, но он впервые поместил планеты в их истинное положение вокруг солнца, а Луну - как спутник земли. Он сохранил старую концепцию *primum mobile*, или сферы неподвижных звезд, хотя и поместил ее на бесконечно большее расстояние, чем это делали древние, чтобы объяснить отсутствие каких-либо наблюдаемых изменений

(параллаксы) в положении звезд в течение года. Он также сохранил старую концепцию круговых орбит планет, хотя одно время рассматривал возможность того, что они могут быть эллиптическими, какими они и являются. К несчастью для его ближайших последователей, раздел на эту тему, найденный в его собственной рукописи, был вырезан из его печатной книги.

Нельзя с уверенностью сказать, в какой именно момент Коперник {620} сформулировал свою теорию в своем собственном сознании, но это определено было до 1516 года. Он долгое время прятал свои книги, но, тем не менее, его светильник не был помещен под спуд. [Примечание: 1520] Первые лучи этого проявились в трактате Челио Кальканьини, от которого сохранилось только название "Что земля движется, а небеса неподвижны". Несколько лет спустя Коперник написал краткое изложение своей книги, предназначенной только для частного распространения, под названием "Краткий комментарий к его гипотезам относительно небесных движений". Более полный отчет о них дал его друг и ученик, [Примечание: *Narratio prima*, 1540] Георг Иоахим по прозвищу Ретик, который покинул Виттенберг, где он преподавал, чтобы сидеть у ног учителя, и который опубликовал то, что называлось "*Первый отчет*".

Наконец, Коперника убедили представить свою собственную работу широкой публике. Предвидя противодействие, которое это, вероятно, вызовет, он попытался предотвратить критику, посвятив ее папе Павлу III. Друзья в Нюрнберге взялись найти печатника, и один из них, лютеранский пастор Эндрю Осиандер, из лучших побуждений совершил большую ошибку, поместив анонимное предисловие, в котором говорилось, что автор выдвигал свои гипотезы не как обязательно истинные, а просто как средство облегчения астрономических расчетов. Наконец величайший труд века, *О вращении небесных сфер*, [Примечание к изданию: *De revolutionibus orbium caelestium*, 1543] вышел из печати; копию принесли автору на смертном одре.

В первой из шести книг рассматриваются предыдущие авторитетные источники, во второй предлагается новая теория, в третьей обсуждается прецессия равноденствий, в четвертой доказывалось, что Луна обращается вокруг земли, в пятой и наиболее важной доказывалось, что планеты, включая землю, движутся вокруг Солнца, и правильно указывается время обращения по орбитам всех известных тогда планет, от Меркурия за восемьдесят восемь дней до Сатурна за тридцать {621} лет. Шестая книга посвящена определению широты и долготы по неподвижным звездам. Доказательства и доводы Коперника абсолютно убедительны и обоснованны, насколько это возможно. Галилею и Ньютону оставалось дать дальнейшие объяснения и внести некоторые изменения в детали новой теории.

[Примечание: Восприятие теории Коперника]

Когда вспоминаешь огромный шум, поднятый "*Происхождением видов*" Дарвина, прием не менее революционной работы Коперника кажется на редкость мягким. Идея была слишком опережающей эпоху, слишком грандиозной, слишком парадоксальной, чтобы ее можно было оценить сразу. Поначалу, за исключением нескольких астрономов, таких как Ретикус и Рейнгольд, вряд ли кто-либо принял ее. Было бы чудом, если бы они так поступили.

Одними из первых забили тревогу виттенбергские теологи, до сведения которых новая теория была насильно доведена их коллегой Ретиком. Лютер дважды или трижды упоминает эту тему в своей застольной беседе, наиболее отчетливо 4 июня 1539 года, когда

упоминался некий новый астроном, который пытался доказать, что движется земля, а не небо, солнце и луна, точно так же, как когда человека везут в лодке или повозке, ему самому кажется, что он неподвижен, а деревья и пейзаж движутся. "Так и сейчас, - сказал Лютер, - тот, кто хочет быть умным, не должен позволять себе делать то, что делают другие, а должен делать что-то свое. Так поступает тот, кто хочет ниспровергнуть всю астрономию: но я верю Священному Писанию, в котором говорится, что Иисус Навин повелел солнцу, а не земле стоять на месте".

В своих *"Элементах физики"*, написанных, вероятно, в 1545 году, но опубликованных только в 1549 году, Меланхтон сказал:

Глаза свидетельствуют, что небо вращается каждые двадцать четыре часа. Но некоторые люди сейчас, либо из любви к новизне, либо чтобы продемонстрировать свою изобретательность, утверждают, что земля движется. . . . Но это вредно и бесчестно {622}

Утверждать такие нелепости. . . . Псалмопевец говорит, что солнце движется, а земля стоит неподвижно. . . . И земля, как центр вселенной, обязательно должна быть неподвижной точкой, вокруг которой вращается круг.

Однако, по-видимому, Меланхтон либо принял новую теорию, либо счел ее возможной, поскольку он полностью исключил этот отрывок из второго издания той же работы.

[Примечание: 1550] Более того, его отношения с Ретиком оставались теплыми, и Райнхольд продолжал преподавать систему Коперника в Виттенберге.

Поначалу прием новой работы также был на удивление мягким в католических кругах. Еще в 1533 году Альберт Видманштеттер рассказал Клименту VII о гипотезе Коперника, и папа, по крайней мере, не осудил ее. Более того, именно кардинал Шенберг консультировался по этому вопросу с Павлом III [Примечание: 1536], а затем убедил Коперника опубликовать его книгу, хотя в его письме формулировки настолько тщательно оберегаются от возможной ереси, что ни слова не говорится о том, что земля движется вокруг Солнца, а только о Луне и телах рядом с ней, которые делают это. [Примечание: 1579] Испанский богослов Дидакус Стауника (Сунига) написал комментарий к книге Иова, который был лицензирован цензурой, принимая астрономию Коперника.

Но постепенно, по мере того как значение этой доктрины становилось очевидным, церковь в целях самообороны заняла решительную позицию против нее. [Примечание: 5 марта 1616 г.] Конгрегация Индекса издала указ, в котором говорилось: "Чтобы мнения такого рода не привели к разрушению католической истины, книга Николая Коперника и других [защищающих его гипотезу] приостановлена до тех пор, пока они не будут исправлены". Чуть позже Галилей был вынужден под угрозой пыток отречься от этой ереси. Только когда эта система стала общепринятой, церковь в 1822 году впервые прямо разрешила верующим придерживаться ее.

Философы так же стеснялись нового света, как и теологи. Боден во Франции и Бэкон в Англии оба отвергали это; первый был консерватором в душе, а второй никогда не был способен увидеть хорошее в работах других людей, будь то работы Аристотеля, Гилберта или великого поляка. Возможно, его также ввело в заблуждение предисловие Осиандера и Тихо Браге.

Джордано Бруно, однако, с энтузиазмом приветствовал новую идею, заявив, что Коперник в двух главах научил большому, чем Аристотель и перипатетики во всех своих работах.

Только астрономы были способны научно взвесить доказательства, и поначалу они также разделились. Эразмус Рейнхольд из Виттенберга принял это и сделал свои расчеты, исходя из предположения о его истинности, как и англичанин Джон Филд. [Прим. автора: 1556] Тихо Браге, [Прим. автора: Тихо Браге, 1546-1601] с другой стороны, пытался найти компромисс между системами Коперника и Птолемея. Он утверждал, что земля не может вращаться вокруг своей оси, поскольку центробежная сила разнесла бы ее на куски, и что она не может вращаться вокруг Солнца, поскольку в этом случае наблюдалось бы изменение положения неподвижных звезд. Оба возражения, конечно, были хорошо приняты и рассматривались сами по себе, но на оба можно было ответить, обладая более глубокими знаниями. Поэтому Браге рассматривал землю как центр орбит Луны, солнца и звезд, а солнце - как центр орбит планет.

Внимание к астрономии имело два практических следствия: улучшение навигации и реформа календаря. Было введено несколько улучшенных форм астролябии, "солнечного компаса" (или циферблата, поворачиваемого магнитом) и "астрономического кольца" для определения широты и долготы путем наблюдения за солнцем и звездами.

[Примечание: Реформа календаря]

Реформа юлианского календаря была необходима из-за несовершенного исчисления продолжительности {624} года ровно в 365 1/4 дня; таким образом, каждые четыре столетия было бы на три дня больше. Было предложено исправить это для настоящего, опустив десять дней, а для будущего - опустив високосный год в каждом столетии, не делящемся на 400. Булла Григория XIII [Прим. автора: 24 февраля 1582 г.], который возобновил обязанности древнего Верховного понтифика по регулированию времени, предписала католическим землям скорректировать свой календарь, разрешив пятнадцатому октября 1582 года следовать сразу за четвертым. Это было сделано большей частью Италии, Испании, Португалии, Польши, большей частью Германии и Нидерландов. Другие страны приняли новый календарь позже, Англия - только в 1752 году, а Россия - только в 1917 году.

[1] Т.е. Принцип, сформулированный таким образом в *Британской энциклопедии* "Математика": "Если s - какой-либо класс и ноль является его членом, также если, когда x является кардинальным числом и членом s , также $x + 1$ является членом s , тогда весь класс кардинальных чисел содержится в s ".

[2] Эратосфен (276-196 гг. до н.э.) правильно рассчитал окружность земли в 25 000, которую Посейдоний (ок. 135-50 гг. до н. э.) уменьшил до 18 000, в чем ему последовал Птолемей (2 век н.э.).

РАЗДЕЛ 5. ФИЛОСОФИЯ

[Примечание: Наука, религия и философия]

Взаимосвязи науки, религии и философии, хотя и сложны в своем действии, легко понятны в их общих чертах. Наука - это изучение данных опыта и их объяснение в логических, физических или математических терминах. Религия, с другой стороны, - это отношение к невидимым силам, включающее веру в существование духов. Философия, или поиск высшей реальности,

неизбежно является запоздалой мыслью. Она приходит только после того, как человек становится достаточно искушенным, чтобы увидеть некоторую разницу между феноменом и идеей. Она черпает свои предпосылки как из науки, так и из религии: некоторые системы, такие как система Платона, являются в первую очередь религиозной фантазией, некоторые, такие как система Аристотеля, научным реализмом.

Философская позиция, занятая католической церковью, была позицией Аквината, аристотелевского реализма. [Примечание: Реформаторы] Официальный комментарий к Сумме был написан в это время кардиналом Каetanом. По сравнению с устойчивой ориентацией католиков, протестантские философы колебались, часто цепляясь за новейший стиль мышления, будь то монизм или прагматизм. Лютер был {625} духовным ребенком Оккама и предком Канта. Его индивидуализм находился на полпути между номинализмом первого и трансцендентализмом и субъективизмом второго. Но реформаторов гораздо меньше интересовали чисто метафизические, чем догматические вопросы. Основное применение, которое они использовали в своей философии, состояло в том, чтобы предложить более индивидуальную и менее механическую схему спасения. Их великим изменением точки зрения по сравнению с католицизмом был отказ от сакраментальной, иерархической системы в пользу оправдания верой. Это было, по правде говоря, колоссальное изменение, возложившее ответственность за спасение непосредственно на Бога и отказавшееся от посредничества священника и обряда.

[Примечание: Отношение к разуму]

Но это было единственное важное изменение спекулятивного характера, внесенное реформаторами. Ожесточенная полемика того и более позднего времени скрывает тот факт, что в большинстве своих идей протестант является всего лишь разновидностью католических. Обе религии принимали как аксиому существование личного этического Бога, бессмертие души, будущие награды и наказания, тайну Троицы, откровение, воплощение и чудеса Христа, авторитет Библии и реальное присутствие в таинстве. Оба одинаково ненавидели разум.

Тот, кто одарен небесным знанием веры [говорится в Катехизисе Тридентского собора], свободен от излишнего любопытства; ибо, когда Бог повелевает нам верить, он не предлагает нам исследовать его божественные суждения или исследовать их причины, но требует неизменной веры . . . Следовательно, вера исключает не только всякое сомнение, но даже желание подвергнуть доказательству ее истинность.

Мы знаем, что разум - это блудница дьявола [говорит Лютер] и не может делать ничего, кроме как клеветать и вредить всему, что Бог говорит и делает. [И еще] Если, вне Христа, ты захочешь своими собственными мыслями познать свое отношение к {626}

Богу, ты сломаешь себе шею. Гром поражает того, кто исследует. Мудрость сатаны заключается в том, чтобы говорить, что такое Бог, и, поступая так, он втянет вас в бездну.

Поэтому придерживайтесь откровения и не пытайтесь понять.

Лютер признавал, что в Библии есть много тайн, которые кажутся абсурдными для здравого смысла, но наш долг - проглотить их целиком. Кальвин ненавидел свободный дух гуманистов как высшую ересь свободомыслия. Он говорил, что философия - это всего лишь тень, а откровение - суть. "Также неразумно, - сказал он, - чтобы божественная воля стала предметом спора с нами". Цвингли, предвосхищая "finitum infiniti sapaх non est" Декарта, заявил, что наши ограниченные умы не могут постичь Божий план. Эколампадий, умирая, сказал, что ему не нужно больше света, чем у него было тогда, — поучительный контраст с последними словами Гете: "Mehr Licht!" Даже Бэкон, то ли из благоразумия, то ли по убеждению, говорил, что в теологические тайны, кажущиеся разуму абсурдными, необходимо верить.

[Примечание: радикальные секты]

И радикальные секты не были ни на йоту более рациональными. Те, кто представлял протест против протестантизма и неприятия инакомыслия, апеллировали к Библии как к авторитету и ненавидели разум так же сильно, как и православные церкви. Антитринитарики были деистами или вольнодумцами не больше, чем лютеране. Кампанус, Адам Пастор, Сервет и Созини не испытывали отвращения к сверхъестественному и не претендовали на сведение христианства к гуманитарному деизму, как это сделали бы некоторые современные унитаристы. Их сомнения были просто основаны на другом толковании библейских текстов. Фаусто Созини считал Христа "низшим Богом, которому в определенное время Верховный Бог передал управление миром". Сервет определил Троицу как "не иллюзию трех невидимых вещей, но проявление Бога {627} в Слове и сообщении сущности Бога в Духе". Это не появление нового рационализма, а возврат к устаревшей ереси Павла Самосатского. Нас не удивляет, что Сервет читает лекции по астрологии.

[Примечание: Духовные реформаторы]

Несколько левее антитринитаристских сект было несколько человек, у которых почти не было последователей, которых можно назвать, за неимением лучшего термина, Духовными реформаторами. Они стремились, вполне в духе девятнадцатого века, сделать христианство не чем иным, как этической культурой. Джеймс Аконтис, родившийся в Тренте [Примечание: 1565], но натурализовавшийся в Англии, опубликовал свои *Стратегемы сатаны* в 1565 году, чтобы свести фундаментальные доктрины христианства к как можно меньшему количеству. Себастьян Франк из Ингольштадта [Прим. автора: Franck, 1499-1542] нашел единственный авторитет для каждого человека в его внутреннем, духовном послании. Он не стремился основывать ни общину, ни церковь, а хотел заполучить только читателей. В свое время эти люди прошли почти незамеченными.

[Примечание: итальянские скептики]

На протяжении всего столетия было много скептицизма. Полный пирронизм под тонкой вуалью соответствия губам проповедовал Питер Помпонацци, [Прим. автора: Помпонацци, 1462-1325] профессор философии в Падуе, Ферраре и Болонье. Его *De immortalitate animi* [Прим. автора: 1516] вызвал бурю своим простым выводом о том, что душа погибает вместе с телом. Он пытался провести различие в свою пользу, согласно которому что-то может быть истинным в религии и ложным в философии. Таким образом, он отрицал свою веру в демонов и духов как философ, утверждая при этом, что верил в них как христианин. Фактически он был материалистом. Он

поставил христианство, магометанство и иудаизм на один уровень, широко намекая, что все они были самозванцами.

В то время общественное мнение настолько заинтересовалось темой бессмертия, что, когда другой философ, Симон Порцио, попытался прочитать лекцию по метеорологии в Пизе, аудитория прервала его криками: "Что за жизнь?" Он также утверждал, что душа человека {628} подобна душе животных. Но у него было мало последователей, которые осмеливались высказывать такое мнение. После того, как инквизиция показала свои зубы, жизнь итальянской нации стала похожа на жизнь ее великого поэта Тассо, чья юность прошла у ног иезуитов, а мужественность преследовали опасения, что он невольно совершил что-то такое, за что мог быть наказан костром. Именно для противодействия языческому мнению, которое, как утверждалось, быстро росло, Ватиканский собор запретил всем священнослужителям читать лекции по классике в течение пяти лет. Но тщетно! В отчете кардиналов Павла III профессорам философии было предъявлено обвинение в преподавании нечестия. Действительно, вся литература современной Италии, от Макиавелли, который относился к христианству как к ложному и вредному суеверию, до Пульчи, который исповедовал веру только в удовольствия, пропитана свободомыслием. "Тщеславие делает большинство гуманистов скептиками, - писал Ариосто. - Почему ученость и неверность идут рука об руку?"

[Примечание: немецкие скептики]

В Германии тоже существовало некоторое свободомыслие, наиболее известным примером которого является случай с "художниками-безбожниками из Нюрнберга" Хансом Себальдом Бехамом, Бартоломью Бехамом и Джорджем Пенцем. Первый из названных выразил некоторые сомнения по поводу различных протестантских доктрин. Варфоломей пошел дальше, утверждая, что крещение было изобретением человека, что Священному Писанию нельзя верить и что проповедь, которую он слышал, была всего лишь пустой болтовней, не приносящей никаких плодов в жизни самого проповедника; он не признавал никакой высшей власти, кроме власти Бога. Джордж Пенц пошел еще дальше, ибо, хотя он и признавал существование Бога, он утверждал, что его природа непознаваема и что он не может верить ни во Христа, ни в Священное Писание, ни в таинства. Мужчины были изгнаны из города.

[Примечание: французские скептики]

Во Франции, как и в Италии, начало века ознаменовалось признаками растущего скептицизма в частых судебных процессах над еретиками, которые отрицали все христианские доктрины и "все принципы, кроме естественных". Но дух, гораздо более опасный для религии, чем любое простое отрицание, воплотился в Рабле. Он не философствовал, но он изливал поток сырого материала, из которого делаются философии. Он не спорил и не нападал; он поднимался подобно наводнению или приливу, пока люди не обнаруживали, что либо плавают в море веселья и насмешек, либо оно сбивает их с ног. Он изучал юриспруденцию, теологию и медицину; он путешествовал по Германии и Италии и читал классиков, схоластов, гуманистов и еретиков. И он повсюду находил, что природа и жизнь хороши, и в мире нет ничего злого, кроме тех, кто их отрицает. Чтобы жить в согласии с природой, он построил в своем рассказе Телемское аббатство, своего рода утопию гедонистов или анархистов, где мужчины и женщины живут вместе по правилу "Делай, что хочешь", и над воротами которого написано каламбурное приглашение: "Cy entrez, vous, qui le saint evangile en sens agile annoncez, quoy qu'on gronde". Для

Рабле в "богооткровенной религии" не было ничего священного или даже серьезного, а Бог был "той интеллектуальной сферой, центр которой повсюду, а периферия нигде".

Рабле был не единственным французом, высмеивавшим религиозные распри того времени. Бонаventura де Перье [Прим. авт.: Des Periers, ум. в 1544 г.] в работе под названием *Cymbalum Mundi* представил Лютера под анаграммой Ретулус, католика под именем Триокан (*m.e. Croyant*) и скептика под именем Дю Глениер (*m.e., Incredule*), обсуждая их мнения таким образом, что они во многом выиграли от последнего.

Затем был Стивен Долет [Прим. автора: Dolet, 1509-46], издатель-гуманист из Лиона, сожженный заживо как атеист, потому что при переводе диалога "Аксиохос", который тогда приписывали Платону, он написал "После смерти ты вообще будешь ничем" вместо "После смерти тебя больше не будет {630}", как следует понимать оригинал буквально. Обвинение было легкомысленным, но, несомненно, создалось правильное впечатление, что он был довольно равнодушным скептиком, презиравшим религию. Он тоже рассматривал реформаторов только для того, чтобы отвергнуть их как слишком похожих на своих врагов. Ни одна христианская церковь не могла удержать поклонника Цицерона и литературы, славы и человечности. И все же этот печальный и беспокойный человек, находивший вкус жизни столь же горьким, сколь Рабле находил его сладким, умер за свою веру. Он был мучеником эпохи Возрождения.

[Примечание: Бодин]

Более систематическое исследование религии было проведено Жаном Боденом в его *Беседе о тайных и возвышенных материях*, обычно называемой *Гептапломерами*. Хотя книга была опубликована спустя много времени после смерти автора, она быстро распространилась в рукописном виде и завоевала репутацию нечестивой далеко за пределами своих возможностей. Это просто разговор между евреем, мусульманином, лютеранином, цвинглианцем, католиком, эпикурейцем и теистом. Самое поразительное в этом - это справедливость, с которой представлены все стороны; здесь нет подведения итогов в пользу одной веры, а не другой. Тем не менее, читатель сам напрашивается на вывод, что среди стольких религий выбор невелик; что во всех есть что-то истинное и что-то ложное; и что единственно необходимыми пунктами являются те, по которым все согласны. Бодин был на полпути между теистом и деистом; он верил, что Десятиствие - это естественный закон, запечатленный в сердцах всех людей, и что иудаизм ближе всего к естественной религии. Однако он признал, что цепь случайностей была разорвана чудом, и он верил в колдовство. Нельзя думать, что он был полностью лишен личной веры, подобно Макиавелли, и все же его веский аргумент против смены религии, даже если новая будет лучше старой, полностью мирской. Имея перед глазами Францию, неудивительно, что он сделал общий вывод о том, что любая смена религии опасна и обязательно приведет к войне, эпидемии, голоду и одержимости демонами.

[Прим. автора: Монтень]

После жгучих стимуляторов, состоящих из серы и стигийской ненависти, предлагаемых Кальвином и католиками, и после обильного приема хорошего настроения за столом Гаргантюа, мягкое успокаивающее действие бесед Монтень действует подобно напитку непенте или плоду лотоса. В нем мы не находим ни взрывов пропаганды, ни громогласных булл и запретов, ни какого-либо прилива раблезианского веселья, охватившего всю землю. Его слова падают мягко

и густо, как снежинки, и оставляют его мир белой страницей, со стертыми всеми следами предыдущих записей. Он не утверждает и не отрицает; он просто, как он сам выражается, "жонглирует", рассматривая праздные темы, в которые он вообще ни во что не верит, ибо он заметил, что как только кто-то отрицает возможность чего-либо, кто-то другой скажет, что он это видел. Короче говоря, истина соседствует с ложью, и мудрый человек может только повторять: "Что ты говоришь?" Давайте жить деликатно и спокойно, находя мир достойным наслаждения, но не стоящим беспокойства.

Какими бы широкими ни были различия между греческим мыслителем и французским, есть что-то сократическое в том, как Монтень берет за каждый предмет только для того, чтобы вызвать сомнения в ранее сложившемся мнении по этому поводу. Если внешне он оставался католиком, то лишь потому, что видел ровно столько же поводов для сомнений в других религиях. Он настаивает на том, что почти все мнения принимаются на веру, поскольку, когда люди начинают рассуждать, они делают диаметрально противоположные выводы из одних и тех же наблюдаемых фактов. Во время гражданских войн все стороны считали его врагом, хотя это было только потому, что у него были друзья - как гугеноты, так и католики. "Я видел в Германии, - писал он, - что Лютер оставил после себя столько же {632} разногласий и препирательств по поводу сомнений в его мнениях, да, и даже больше, чем он сам высказывается о Священном Писании". Реформаторы, по сути, не сделали ничего, кроме исправления поверхностных недостатков, и либо оставили существенные нетронутыми, либо увеличили их. Какими глупцами они были, воображая, что люди могли бы понять Библию, если бы умели читать ее только на своем родном языке!

Монтень был первым, кто почувствовал всю значимость множества сект. [Примечание: Множественность сект] "Существует ли какое-либо мнение настолько фантастическое или самомнение настолько экстравагантное ... или мнение настолько странное, - спросил он, - что обычай не был установлен и насажден законами в каком-либо регионе?" Обычай санкционирует любое уродство, включая кровосмешение и отцеубийство в одних местах, а в других - "это нелюдимое мнение о смертности души". Действительно, Монтень возвращается к тому, что вера человека зависит не от его разума, а от того, где он родился и как воспитывался. "Для атеиста все писания ведут к атеизму". "Мы принимаем нашу религию, но в соответствии с нашей модой. ... Другая страна, другие свидетельства, равные обещания, подобные угрозам, могли бы, по-видимому, запечатлеть в нас чистую противоположную религию".

Благочестиво надеясь, что он не изложил ничего противоречащего предписаниям католической, Апостольской и Римской церкви, в которой он родился и за пределами которой он не намерен умирать, Монтень продолжает демонстрировать, что Бог непознаваем. Человек не может ухватить больше, чем может удержать его рука, и не может оседлать больше, чем длина его ног. Не только все религии, но и все ученые обманывают друг друга. Коперник, недавно ниспровергший старую астрономию, позже может быть свергнут сам. Подобным же образом новая медицинская наука Парацельса противоречит старой и, в свою очередь, может исчезнуть. Одни и те же факты представляются разным людям по-разному, и "к нам приходит только фальсифицированное {633} и измененное нашими чувствами". Вероятность так же труднодостижима, как и истина, ибо разум человека меняется под воздействием болезни или даже времени и его желаний. Даже скептицизм неопределенен, ибо "когда пирронианцы говорят: "Я сомневаюсь", вы крепко держите их за горло, чтобы заставить признать, что, по крайней мере, вы уверены и знаете, что они сомневаются". Короче говоря, "нет ничего

определенного, кроме неопределенности" и "ничто не кажется истинным, что не могло бы показаться ложным". Монтень писал об удовольствии как главной цели человека и о смерти как уничтожении. Слава философии состоит в том, чтобы научить людей презирать смерть. Человек должен делать это, помня, что плакать из-за того, что его не было бы в живых через сто лет, так же глупо, как плакать из-за того, что его не было в живых сто лет назад.

[Прим. автора: Шаррон, 1541-1603]

Учеником, расставившим точки над "i" и перечеркнувшим все "т" Монтень, был Питер Шаррон. Он тоже разыгрывал противоречия сект друг против друга. Все претендуют на вдохновение, и кто может сказать, какое вдохновение правильное? Может ли один и тот же Дух сказать католику, что книги Маккавеев каноничны, и сказать Лютеру, что это не так? Чувства подвержены ошибкам, а душа, расположенная Шарроном в желудочке мозга, подвержена странным нарушениям. Многие вещи, в которые верят почти все, например, бессмертие, не могут быть доказаны. Человек подобен низшим животным. "Мы верим, судим, действуем, живем и умираем по вере", но эта вера плохо поддерживается, поскольку все религии и все авторитеты имеют всего лишь человеческое происхождение.

[Примечание: английские скептики]

Английская мысль на протяжении столетия скорее следовала, чем руководила европейской. Сначала терпимая и либеральная, она стала яростно религиозной к середине периода, а затем подверглась сильной реакции в направлении безразличия и атеизма. Для первых лет, предшествовавших Реформации, *Утопия* может служить примером. Мор, находясь под влиянием итальянских платоников, рисовал свой идеальный народ как приверженцев деистической, гуманистической религии, с небольшим количеством священников и святых, терпимых ко всему, кроме нетерпимости. Они поклонялись единому Богу, верили в бессмертие и все же думали, что "главное счастье человека" заключается в стремлении к рациональному удовольствию. Изображал ли Мор этот культ просто для того, чтобы продемонстрировать драматические вероятности и показать, какой была естественная религия среди людей до того, как к ним пришло откровение, или же его собственные взгляды изменились в дальнейшей жизни, несомненно, что он стал убежденным католиком. Он проводил много времени в религиозных спорах и прибегал к аскезе. В одном месте он рассказывает о похотливом кавалере, который спросил монаха, почему тот причиняет себе боль, ходя босиком. На ответ, что эта боль меньше, чем адская, кавалер ответил: "Если ада нет, то какой же ты дурак", и получил в ответ: "Если ад есть, то какой же ты дурак". Сэр Томас, очевидно, верил, что ад существует, или предпочитал не рисковать. В одном месте он подробно рассуждает о том, что многие и великие чудеса ежедневно происходят в святилищах.

За лихорадочным кризисом Реформации в царствование Елизаветы последовала эпидемия скептицизма. Как бы широко он ни был распространен, в нем можно найти мало философской мысли. Это был просто маятник, сдвинутый далеко вправо, который снова качнулся назад, в крайнее левое положение. Высказанные подозрения в том, что сама королева была атеисткой, были необоснованны, но невозможно так же легко отмахнуться от многочисленных свидетельств неверности среди ее подданных. Роджер Эшэм писал в своем "*Школьном учителе*" [Прим. автора: 1563], что "воплощенные дьяволы" англичан, вернувшихся из Италии, говорили: "Бога нет", а затем: "сначала они яростно осуждают Бога, затем презрительно высмеивают его Слово ... считая баснями святые тайны религии. Они заставляют Христа и его

Евангелие служить только гражданской политике. . . . Они смело смеются {635}, презирая как протестантов, так и папистов. Они не исповедуют Священное Писание. . . . Они насмеваются над папой римским; они поносят Лютера. . . . Они Эпикуры по жизни и [греческие] *атеисты* по доктрине".

[Примечание: 1569]

Подобным образом Сесил писал: "Служение Богу и искреннее исповедание христианства сильно пришли в упадок, и на смену им пришли частично папизм, частично язычество и безбожие ... Повсюду баптисты, высмеивающие религию, эпикурейцы и атеисты". Десять лет спустя Джон Лили писал, что "никогда не было таких сект среди язычников, таких расколов среди турок, такого неверия среди неверных, как сейчас среди ученых". Тот же автор написал диалог "*Эвфуэс и атеос*", чтобы убедить скептиков, в то время как пуританин Генри Смит выпустил с кафедры "Божью стрелу против атеистов". Согласно Томасу Нэшу [Примечание: 1592] ("*Мольба Пирса Пеннилесса к дьяволу*"), атеисты сейчас торжествуют и радуются, презирая Библию, доказывая, что до Адама были люди, и даже утверждая, "что богов нет". Марлоу и некоторых его единомышленников подозревали в атеизме. В 1595 году Джон Болдуин, допрошенный в Звездной палате, "задался вопросом, был ли Бог; если был, то как его следует знать; если по его Слову, кто написал то же самое, если пророки и апостолы были всего лишь людьми *ihumanum est errare*". В следующем году Роберт Фишер заявил в том же суде, что "Христос не был спасителем и что Евангелие было басней".

[Примечание: Бекон]

То, что одну из главных причин всего этого скептицизма следует искать в религиозной революции, было мнением Фрэнсиса Бэкона. Хотя философская мысль Бэкона исключена из рассмотрения хронологическими рамками этой книги, возможно, будет позволительно процитировать его слова по этому вопросу. В одном месте он говорит, что там, где есть две религии, борющиеся за господство, их взаимная враждебность добавит теплоты убеждениям и скорее укрепит приверженцев каждой из них в их собственных мнениях, но там, где их больше двух, они породят сомнения. В другом месте он говорит:

Ереси и расколы - это величайшие скандалы из всех остальных, да, больше, чем порча нравов ... Так что ничто так не удерживает людей от церкви и не изгоняет их из церкви, как нарушение единства. ... Врач язычников говорит: "Если войдет язычник и услышит, что ты говоришь на нескольких языках, не скажет ли он, что ты сумасшедший?" И, конечно, немногим лучше, когда атеисты и профаны слышат о таком количестве противоречивых мнений в религии.

Но в то время как Бэкон видел, что, когда врачи расходятся во мнениях, обычный человек теряет в них всякую веру, реформирование философии он искал не в религии, а в науке. Теология, по мнению Бэкона, была главным врагом философии, поскольку она отвлекала людей от научного поиска истины и ставила их на службу догме. "Вы можете обнаружить, что любой доступ к философии, - сказал Бэкон, - каким бы чистым он ни был, ограничен невежеством богословов".

Выраженная здесь мысль лишь резюмирует действительную тенденцию шестнадцатого века в направлении разделения философии и религии. В наше время философ черпал вдохновение гораздо больше в науке, чем в религии, и поворотный момент наступил примерно во время и в значительной степени как следствие новых наблюдений за природой, и особенно новой астрономии.

[Примечание: Восстание против Аристотеля]

Прологом к драме новой мысли было восстание против Аристотеля. "Учитель знающих" стал, после определенного признания его работ в качестве стандартных текстов в университетах XIII века, вдохновенным и непогрешимым авторитетом {637} для всей науки. С ним были связаны схоласты, которые обсуждали вопрос о соотношении реализма и номинализма. Но по мере того, как человеческий разум рос и совершенствовался, то, что когда-то было скрепой, превратилось в раздражающие узы. Все партии объединились, чтобы выступить против Стагирита. Итальянские платоники атаковали его от имени своего и его учителя. Лютер высказал мнение, что никто никогда не понимал смысла слов Аристотеля, что этика этого "проклятого язычника" прямо противоречила христианской добродетели, что любой гончар знал бы о естественных науках больше, чем он, и что было бы хорошо, если бы тот, кто начал дебаты о реализме и номинализме, никогда не родился. Католики, подобные Узингену, протестовали против чрезмерного почитания Аристотеля в ущерб Христу. Наконец, французский ученый Питер Рамус [Прим. автора: Рамус, ок. 1515-72] выдвинул в Парижском университете тезис о том, что все, чему учил Аристотель, было ложным. Он утверждал, что никакой авторитет не выше разума, поскольку именно разум создает и определяет авторитет.

[Примечание: Влияние науки на философию]

Вместо Аристотеля люди обратились к природе. "Всякий, кто в дискуссии приводит авторитет, пользуется не интеллектом, а памятью", - сказал Леонардо. Вивес настаивал на том, что эксперимент - единственный путь к истине. Открытия законов природы привели к новой концепции внешней реальности, независимой от желаний человека и эгоцентрических теорий. Это также породило концепцию единообразия закона. Коперник искал и нашел математическое единство на небесах. Прежде всего, именно его астрономия вела битву за новые принципы исследований и одержала в ней победу. Его слава заключалась не столько в положительном дополнении к знаниям, каким бы великим оно ни было, сколько в его образе мышления. Чистым разумом была установлена новая система, восторжествовавшая над свидетельствами чувств и всеми {638} предыдущими авторитетами, даже над тем, что претендовало на роль откровения. Человек был низведен до творения закона; Бог определялся как выражение закона.

Как сильно затронуло воображение человека, как изменило все его мысли и цели открытие Коперника! Больше не владыка маленького ограниченного мира, человек ползал как паразит на пылинке, вечно вращающейся в бесконечном пространстве. И с унижением пришло великое возвышение. Ибо это крошечное создание могло теперь запечатать звезды, связать Плеяды и исследовать каждую глубокую пропасть, в которой находилось солнце. Какой новой возвышенности мысли, какого величия души не было у него! Копернику по праву принадлежат похвалы, расточаемые Лукрецием Эпикуру за то, что он разорвал пылающие границы мира и сделал человека равным небесам. История прошлого, религия настоящего, наука будущего — все идеи были преобразованы, все ценности перевернуты этой новой и замечательной гипотезой.

Но все это, конечно, лишь смутно ощущалось современниками Коперника. Что они действительно чувствовали, так это новое принуждение естественного закона и необходимость причинно-следственной связи. До сих пор Леонардо вело его изучение математики, которую он

считал ключом к естествознанию. Он даже зашел так далеко, что определил время как своего рода негеометрическое пространство.

[Примечание: Теория познания]

Для философии, гармонирующей с научным взглядом, были необходимы две вещи: первая - новая теория познания, вторая - новая концепция высшей реальности во вселенной. Парацельс внес свой вклад в развитие первого направления современного эмпиризма, защищая понимание как то, которое постигает именно то, к чему прикасается рука и что видят глаза. Было предпринято несколько незрелых попыток научного скептицизма. То, что написано Корнелием Агриппой — *De incertitudine et vanitate scientiarum et {639} artium atque excellentia Verbi Dei declamatio*— вряд ли можно воспринимать всерьез, поскольку сам автор рассматривал его скорее как остроумный парадокс. Фрэнсис Санчес, с другой стороны, сформулировал убедительную теорию о невозможности что-либо знать. Более зрелой теорией восприятия, последовавшей за Парацельсом и предвосхитившей Лейбница, была теория Эдварда Дигби, основанная на понятии активного соответствия между разумом и материей.

[Примечание: Высшая реальность]

Мыслителю шестнадцатого века казалось, что решение вопроса о конечной реальности требует некоторой формы отождествления мировой души с материей. Парацельс и Гильберт оба придерживались гилозоизма, или теории одушевления всех вещей. Если бы это было логически осуществлено, как это было сделано не ими, это означало бы, что все было Богом. Другая альтернатива, согласно которой Бог - это все, была разработана замечательным человеком, который испытывал к новой науке энтузиазм новообращенного Джордано Бруно.

[Примечание: Бруно, 1548-1600]

Родившийся в Ноле близ Неаполя, он на пятнадцатом году жизни поступил в доминиканский монастырь. Об этом шаге он вскоре пожалел и, получив дисциплинарное взыскание за неповиновение, бежал сначала в Рим, а затем в Женеву. Оттуда он отправился во Францию, в Англию, в Виттенберг [Прим. автора: 1569] и Прагу, читая лекции в нескольких университетах, включая Оксфорд. В 1593 году его заманили обратно в Италию, инквизиция заключила его в тюрьму, и после долгих лет он, наконец, был сожжен на костре в Риме. [Примечание: 17 февраля 1600 г.]

В религии Бруно был эклектиком, если не сказать скептиком. В Виттенберге он говорил о Лютере как о "втором Геркулесе, который связал трехглавого и увенчанного тройной короной пса ада и заставил его изрыгнуть свой яд". Но в Италии он писал, что презирает реформаторов как более невежественных, чем он сам. Его *Изгнание Торжествующего Зверя* под видом {640} нападения на языческую мифологию на самом деле является нападением на богооткровенную религию. Его трактат *О героических страстях* направлен на то, чтобы показать, что моральные добродетели основаны не на религии, а на разуме.

[Примечание: Новая астрономия]

Энтузиазм, которого Бруно не хватало для религии, он испытывал в почти безграничной мере к новой астрономии, "благодаря которой", как он сам писал, "мы подвижны к открытию бесконечной причины бесконечного следствия и созерцаем божество не как бы снаружи,

отдельно и на расстоянии от нас, но в самих себе. Ибо, поскольку божество находится совершенно повсюду, оно настолько близко к нам, насколько мы можем быть близки к самим себе ". От Николоса Кузанского Бруно узнал, что Бога можно найти как в мельчайших, так и в величайших вещах в мире; мельчайшее существо столь же бесконечно по силе, сколь и величайшее бесконечно по энергии, и все они объединены в "Монаду", или "Единого". Итак, философия Бруно - это не что иное, как космологический подтекст и метафизическое обоснование теории Коперника в концептуальных терминах Николая Кузанского.

Освобожденный от тирании догм и чувств, ослепленный бесконечным лабиринтом миров, разбросанных подобно пылающим искрам по всему космосу, опьяненный мыслью о бесконечности, он излил хвалебную песнь из дышащих мыслей и жгучих слов, прославляющих его новую веру, религию науки. Вселенная для него состояла из атомов, крошечных "минимумов", которые не допускали дальнейшего деления. Каждая из них является "монадой", или единством, составляющим некое высшее единство, пока, наконец, "монада монад" не была найдена в Боге. Но это был не племенной Иегова, не личное антропоморфное божество, а Первопринцип, почти идентичный Естественному Закону.

{641}

ГЛАВА XIII

ВЕЯНИЕ ВРЕМЕНИ

РАЗДЕЛ 1. ТЕРПИМОСТЬ И НЕТЕРПИМОСТЬ

Поскольку религия в прошлом громче всех протестовала против собственной нетерпимости, ее обычно рассматривают как поле преследований *по преимуществу*. Это настолько далеко от истины, что именно в области религии после тяжелой борьбы была завоевана величайшая свобода. Это похоже на то, как если бы сына, который отказался работать на винограднике, насильно притащили туда, в то время как другой сын, признавшийся в своем желании пойти, остался за бортом. В наши дни в большинстве цивилизованных стран человек испытывал бы больше неудобств, ходя босиком и с длинными волосами, чем провозглашая новые религиозные взгляды; он подвергался бы гораздо большей опасности, выступая против господствующих патриотических или экономических доктрин или нарушая какие-то, возможно, иррациональные условности, чем заявляя о своем агностицизме или атеизме. Причина такого положения вещей заключается в том, что в области религии когда-то велась грандиозная битва между противоположными конфессиями, результатом которой стало истощение, и что рационалистам тогда удалось навязать двум сторонам, убежденным, что ни одна из них не может уничтожить другую, уважение прав друг друга.

[Примечание: Нетерпимость католиков]

Эта битва велась в шестнадцатом и семнадцатом веках. Почти все религии и почти все государственные деятели были тогда одинаково нетерпимы, когда у них была на это власть. Католическая церковь с той превосходной последовательностью, которую не может изменить никакой новый свет, {642} всегда утверждала, что мнение о том, что каждый должен иметь свободу совести [Прим. автора: Свобода совести], было "безумием, вытекающим из самого грязного источника безразличия". [1] Августин верил, что церковь должна "принуждать людей входить" в царство силой. Фома Аквинский утверждал, что вера - это добродетель, неверие тех, кто услышал истину, - грех, и что "еретики заслуживают не только отлучения от церкви, но и

смертной казни". Одно из положений Лютера, осужденных буллой *Exsurge Domine*, заключалось в том, что предавать еретиков смерти против воли Святого Духа. Когда Эразм писал: "Кто когда-либо слышал, чтобы ортодоксальные епископы подстрекали королей убивать еретиков, которые были не чем иным, как еретиками?" это предложение было осуждено Сорбонной как противоречащее законам природы, Бога и человека. Власть папы римского низлагать и наказывать князей-еретиков была подтверждена в булле от 15 февраля 1559 года.

Теория католической церкви была немедленно воплощена в жизнь; обязанность по пресечению преследований была возложена на Святую канцелярию, о которой лорд Эктон, хотя сам и католик, сказал:[2]

Инквизиция - это особое оружие и особая работа пап. Это выделяется на фоне всего того, в чем они сотрудничали, чему следовали или с чем соглашались, как отличительная черта папского Рима. ... Это главное, с чем отождествляется папство и по чему о нем следует судить. Принцип инквизиции кровожаден, и мнение человека о папстве регулируется и определяется его мнением об убийствах на религиозной почве.

Но суждение Эктона, каким бы справедливым оно ни было, не является суждением церкви. Прелат папского дома {643} опубликовал в 1895 году в *церковных анналах следующие слова*:[3]

В наши дни некоторые сыны тьмы с расширенными ноздрями и дикими глазами выступают против нетерпимости Средневековья. Но пусть не будем мы, ослепленные тем либерализмом, который околдовывает под маской мудрости, искать глупые мелкие причины для защиты инквизиции! Пусть никто не говорит о состоянии времени и невоздержанном рвении, как будто церковь нуждается в оправданиях. О благословенное пламя тех костров, на которых было унесено очень мало хитрых и ничтожных людей, чтобы сотни сотен фаланг душ были спасены из пасти заблуждения и вечного проклятия! О благородная и почтенная память Торквемады!

[Примечание: протестанты]

Вот и все для католиков. Если кто-то все еще придерживается традиционного предубеждения, что ранние протестанты были более либеральными, он не должен быть обманут. За исключением нескольких великолепных высказываний Лютера, относящихся к ранним годам, когда он был бессилен, среди ведущих реформаторов вряд ли можно найти что-либо в пользу свободы совести. Как только у них появилась власть преследовать, они это сделали.

В свой первый период Лютер выразил теорию терпимости так хорошо, как только может кто-либо другой. Он писал: "Папа римский не является судьей в вопросах, относящихся к Слову Божьему и вере, но христианин должен исследовать и судить их сам, поскольку он должен жить и умереть от тернии". Снова он сказал: "Ересь никогда не может быть предотвращена силой. . . . Ересь - это духовная вещь; ее нельзя ни вырезать железом, ни сжечь огнем, ни утопить в воде". И еще раз: "Вера свободна. Что может сделать суд над ересью? Не более чем заставить людей согласиться устно или письменно; он не может принудить сердце. Ибо истинна пословица: "Мысли свободны от налогов". " Даже {644} когда анабаптисты начали проповедовать доктрины, которые ему совершенно не нравились, Лютер сначала посоветовал правительству не мешать им учить тому, что им нравится, и верить во что угодно, "будь то Евангелие или ложь".

Но, увы, непоследовательность человеческой природы! Когда партия Лютера достигла успеха, он увидел вещи совершенно по-другому. Первый импульс исходил от гражданского судьи,

которого теологи сначала терпели, затем оправдывали и, наконец, подтолкнули. Всем лицам, кроме священников, курфюрстом Иоанном Саксонским было запрещено [Примечание: 26 февраля 1527 г.] проповедовать или крестить - мера, направленная против анабаптистов. В том же году в соответствии с этим законом были казнены двенадцать мужчин и одна женщина, и такие казни повторялись несколько раз в последующие годы, *например*, в 1530, 1532 и 1538 годах. В 1529 году вышел ужасный имперский закон, принятый союзом католиков и лютеран на сейме Шпайерса, приговаривающий всех анабаптистов к смерти и истолкованный так, чтобы охватить случаи простой ереси, в которой не было и намека на крамолу. В Саксонии была учреждена регулярная инквизиция с Меланктоном на скамье подсудимых, и при ней многие люди были наказаны, некоторые смертной казнью, некоторые пожизненным заключением, а некоторые изгнанием.

Хотя Лютер не принимал активного участия в этих разбирательствах и несколько раз высказывал мнение, что изгнание было единственным надлежащим наказанием, он также, в других случаях, оправдывал преследование на том основании, что он подавлял не ересь, а богохульство. Поскольку он интерпретировал богохульство в работе, опубликованной около 1530 года, оно включало папскую мессу, отрицание божественности Христа или любого другого "явного символа веры, четко основанного на Священном Писании и в который верят во всем христианском мире". Правительство также должно, по его мнению, предавать смерти тех, кто проповедовал мятеж, анархию или отмену частной собственности.

[Примечание: Меланхтон]

Меланхтон был гораздо активнее в преследовании {645} еретиков, чем его старший друг. Он считал отрицание крещения младенцев или первородного греха, а также мнение о том, что евхаристический хлеб не содержал настоящих тела и крови Христа, богохульством, должным образом караемым смертью. Он обвинил Бренца в его терпимости, спрашивая, почему мы должны жалеть еретиков больше, чем Бог, который посылает их на вечные муки? Бренц был убежден этим аргументом и сам стал преследователем.

[Примечание: Буцер и Капито]

Страсбургцы, пытавшиеся занять промежуточную позицию между лютеранами и цвинглианцами, были столь же нетерпимы, как и все остальные. Они казнили человека за то, что он сказал, что Христос был простым человеком и лжепророком, а затем защитили этот акт в длинном манифесте, в котором спрашивали, допустимы ли все религиозные обычаи древности, такие как надругательство над женщинами, и, если нет, то почему они должны подводить черту под теми, кто стремился не к физическому бесчестию, а к вечному проклятию своих жен и дочерей?

[Примечание: Цвингли]

Швейцарцы тоже наказывались за ересь. Феликс Манц был приговорен к смертной казни через утопление, [Примечание: 5 января 1527 г.] метод наказания был выбран в качестве практической сатиры на его доктрину крещения взрослых погружением. В то же время Джордж Блаурок был жестоко избит и сослан под угрозой смертной казни. [Примечание: 9 сентября 1527 г.] Цюрих, Берн и Сен-Галль опубликовали совместный указ, приговаривающий анабаптистов к смертной казни, и в соответствии с этим законом двое анабаптистов были приговорены в 1528 году и еще двое в 1532 году.

[Примечание: Кэлвин]

Совершив судебное убийство Сервета, женеvцы полностью соответствовали теории Кальвина. В предисловии к "*Институтам*" он признал право правительства предавать еретиков смерти и лишь утверждал, что протестанты не были еретиками. Опираясь на закон Моисея, он сказал, что смерть, предписанная Богом идолопоклонству в Ветхом Завете, была универсальным законом, обязательным для христиан. Он считал, что {646} христиане должны ненавидеть врагов Божьих так же сильно, как и Давид, и когда Рене Феррарский предположил, что этот закон, возможно, был отменен новым устроением, Кальвин возразил, что любой подобный блеск в простом тексте перевернет всю Библию. Кальвин пошел дальше, и когда Кастеллио возразил, что еретики не должны быть наказаны смертью, Кальвин сказал, что те, кто защищал еретиков таким образом, были в равной степени виновны и должны быть в равной степени наказаны.

Учитывая предпосылки теологов, их аргументы были неопровержимы. В последнее время возобладало мнение, что вера не может быть неверной у того, кто живет правильно. Но тогда считалось, что символ веры - это самое важное; что Бог отправит в ад тех, кто придерживался неверных представлений о его плане спасения. "Мы глубоко возмущены, - говорится в шотландской исповеди 1560 года, - богохульством тех, кто утверждает, что люди, живущие в соответствии с равенством и справедливостью, будут спасены, какую бы религию они ни исповедовали".

[Примечание: Допуск]

Против этого потока фанатизма несколько христиан осмелились протестовать от имени своего учителя. В целом, преследуемые секты, анабаптисты и унитарии, твердо выступали за терпимость, благодаря которой улучшилось бы их собственное положение. [Примечание: Эразм] Эразм был глубоко терпимым по духу и, хотя он никогда не писал трактатов, специально посвященных этому предмету, произнес *многонекрологов* в пользу милосердия и написал множество писем великим мира сего, ходатайствуя за угнетенных. Его широкие симпатии, его классические вкусы, его ужас перед беспорядками и его христоподобный дух не позволили бы ему прибегнуть к грубому оружию дыбы даже против неверных и турок.

Самым благородным призывом к терпимости с христианской точки зрения было то, что написал Себастьян Кастеллио [Прим. автора: Кастеллио] в знак протеста против казни Сервета. Он {647} собирает все авторитеты древние и современные, последние, включая Лютера и Эразма, и даже некоторые слова, несовместимые с остальной частью его жизни, написанные самим Кальвином. "Чем больше человек знает об истине, тем меньше он склонен осуждать других", - мудро замечает он, и все же "нет секты, которая не осуждала бы всех остальных и не желала бы править в одиночку. Отсюда происходят изгнания, оковы, тюремное заключение, сожжения, эшафоты и жалкая ярость пыток, которым подвергаются каждый день из-за каких-то мнений, неугодных правительству, или даже из-за неизвестных вещей ". Но христиане сжигают не только неверных, но даже друг друга, ибо еретик, умирая в агонии, призывает имя Христа.

Кто бы не подумал, что Христос был Молохом или каким-нибудь подобным богом, если бы он пожелал, чтобы люди приносились ему в жертву и сжигались заживо? ... Представьте себе, что Христос, судья всех, присутствовал и сам вынес приговор и зажег огонь, — кто бы не принял Христа за сатану? Ибо что еще мог бы сделать сатана, кроме как сжигать тех, кто призывает имя Христа? О Христос, творец мира, видишь ли ты такие вещи? И неужели ты стал настолько

совершенно не таким, каким был, таким жестоким и противоречащим самому себе? Когда ты был на земле, не было никого более мягкого, сострадательного или более терпеливого к обидам.

Кальвин призвал своих приспешников Безу ответить на это "богохульство" того, кто, несомненно, является "избранным сосудом сатаны". Беза ответил Кастеллио, что Бог дал меч магистрату не для того, чтобы тот носил его напрасно, и что лучше иметь даже жестокого тирана, чем позволять каждому поступать так, как ему заблагорассудится. Те, кто запрещает наказание за ересь, по мнению Безы, презирают Слово Божье и с таким же успехом могут сказать, что даже отцеубийцы не должны подвергаться наказанию.

Два автора, которых цитируют в пользу толерантности больше, чем {648} они того заслуживают, - это сэр Томас Мор [Примечание: Подробнее] и Монтень. В Утопии, действительно, не было преследований, за исключением фанатиков, которые хотели преследовать других. Но даже в Утопии осуждение правительства частным лицом каралось смертью. И через двенадцать лет после публикации *Утопии* Мор пришел к выводу, "что сжигание еретиков законно и совершается хорошо", и он сам поступил соответственно. Причина, которую он привел в своем *Диалоге*, заключалась в том, что еретиков тоже преследуют, и что это поставило бы католиков в несправедливо невыгодное положение, если бы они позволили ереси беспрепятственно расти до тех пор, пока она не станет достаточно сильной, чтобы сокрушить их. В этом аргументе что-то есть. Он похож на тот, который сегодня используется против разоружения, что любая нация, начавшая его, отдала бы себя на милость своих соперников.

[Прим. автора: Монтень]

Дух Монтень был совершенно терпимым, потому что он всегда был способен видеть обе стороны во всем; можно даже сказать, что он был подвержен негативному внушению и всегда видел "другую" сторону мнения лучше, чем свою собственную. Он никогда не выступал решительно за терпимость, но сделал два чрезвычайно мудрых замечания по этому поводу. Первое заключалось в том, что мы придаем большое значение нашим собственным предположениям, обрекая людей на смерть ради них самих. Второй был сформулирован в староанглийском переводе следующим образом: "Можно было бы подчеркнуть, что дать фракциям повод отстаивать свое мнение - это значит с такой легкостью смягчить и освободить их; и притупить остроту, которая обостряется редкостью, новизной и сложностью".

Если бы ход истории определялся весомыми аргументами, преследование было бы закреплено в мире навсегда, поскольку единодушное мнение было в подавляющем большинстве случаев направлено против свободы совести. Но точно так же, как отдельных людей редко можно убедить в каком-либо жизненно важном вопросе с помощью аргументации, так и ход развития рас и цивилизаций определяется факторами, лежащими глубже, чем {649} может охватить логика публицистов. Современная терпимость возникла из двух совершенно разных источников; благодаря одному из которых изменилась вся точка зрения на расу, а благодаря другому перемирие между враждующими группировками, поначалу навязанное как горькая необходимость, превратилось, благодаря своей доказанной ценности, в постоянный мир.

[Примечание: Возрождение]

Первой причиной современной терпимости является растущий рационализм, семена которого были посеяны эпохой Возрождения. Поколение, предшествовавшее Лютеру, видело почти

беспрецедентную свободу в выражении образованного мнения. Валла мог нападать на папу Римского, Библию и христианскую этику; Помпонацци мог сомневаться в бессмертии души; Мор мог создать Утопию деистов, а Макиавелли мог рассматривать религию как инструмент в руках мошенников для одурачивания дураков. Насколько это было возможно, такая вольность вызвала восхищение; но на самом деле она была узкой и "академичной" в худшем смысле этого слова. Ученые, отстаивавшие для себя право говорить и думать все, что им заблагорассудится, на ученом языке и в университетских залах, никогда и не мечтали, что у людей есть такие же права. Даже Эразм всегда призывал Лютера не сообщать неосторожных истин простолюдным, и когда он продолжал это делать, Эразм был так раздосадован, что ему "было все равно, поджарят Лютера или сварят из-за этого". Хороший друг Эразма Аммоний шутливо жаловался, что еретиков было так много в Англии в 1511 году, еще до того, как стало известно о Реформации, что спрос на хворост для их сжигания повышал цены на дрова. Действительно, в эту просвещенную эпоху Возрождения какую кашу раздавали простым людям? Что было бесплатным, кроме стоматологии, для евреев, изгнанных из Испании и Португалии и преследуемых повсюду? Какая терпимость была проявлена к гуситам? Какое милосердие было проявлено к Лоллардам или к Савонароле?

{650} [Примечание: Реформация]

Как ни парадоксально это звучит, но после того, что было сказано о нетерпимости реформаторов, второй причиной, распространившей современную свободу совести от немногих привилегированных к массам, была Реформация. Окутав, как это было в течение нескольких лет, всю славную культуру Возрождения темным туманом фанатизма, она, тем не менее, вопреки своей собственной цели оказалась одним из двух родителей свободы. То, чего не могли добиться ни общность взглядов христиан на доктрину, ни их хваленая любовь к Богу, ни их просвещение Духом, в конце концов было выжато из их взаимной и ожесточенной ненависти. Из всех прекрасных цветов, проросших на темной и зловонной почве, религиозная свобода, проросшая в результате религиозной войны, была самой прекрасной.

Шаги были постепенными. Во-первых, после длительного тупика в отношениях лютеранства и католицизма был выработан принцип веротерпимости двух церквей, [Прим. автора: 1555] воплощенный в Аугсбургском мире. Варшавский мирный договор [Примечание: 1573 г.] предоставил дворянам абсолютную свободу вероисповедания. Народ Нидерландов, которому надоела резня во имя веры, сделал еще один шаг в направлении веротерпимости в Утрехтском союзе. [Примечание: 1579] Правительство Елизаветы, действуя исключительно из благоразумных побуждений, создало и поддерживало внезаконную терпимость к католикам, снова и снова отказываясь приставать к тем, кто был миролюбивым и тихим. Паписты даже надеялись получить юридическое признание, когда Фрэнсис Бэкон предложил терпимо относиться ко всем христианам, за исключением тех, кто отказывался сражаться с иностранным врагом. Франция оказалась в аналогичном положении [Прим. автора: 1592] и решила его, разрешив двум религиям жить бок о бок в Нантском эдикте. Яростная ненависть христиан друг к другу вспыхнула во время Тридцатилетней войны [Прим. автора: 1598], но после этого урока широкомасштабным преследованиям пришел конец. Действительно, до его окончания в некоторых американских колониях, особенно в Род-Айленде и Мэриленде, была предоставлена широкая религиозная свобода.

[1] Григорий XVI, Энциклика, *Мирари вос*, 1832.

[2] *Письма Мэри Гладстон*, изд. Х. Пол, 1904, стр. 298 ф.

[3] C. Mirbt: *Quellen zur Geschichte des Papsttums*, 3, 1911, p. 390.

РАЗДЕЛ 2. КОЛДОВСТВО

Некоторую аналогию с волной преследований и конфессиональной войной, захлестнувшей Европу в то время, можно найти в повальном увлечении колдовством. Оба были примерами тех маний, которым периодически подвержено человечество. Они распространяются по лицу земли подобно эпидемиям или великому пожару, пожирающему города. Начиная с нескольких изолированных случаев, настолько неясных, что их трудно отследить, мания набирает силу, пока не разгорается с максимальной яростью, а затем, так сказать, исчерпав себя, угасает, часто совершенно внезапно. Такими маниями были Крестовый поход детей и рвение флагеллантов в средние века. Такими были безумные спекуляции, подобные пузырям Южных морей, и панические настроения, которые постоянно посещают наши рынки. К той же категории принадлежат религиозные и суеверные заблуждения шестнадцатого века.

Историю этих психических эпидемий легче проследить, чем их причины. Конечно, разум ничего не делает для их контроля. Почти в каждом случае находится несколько здравомыслящих людей, которые с совершенной рациональностью указывают своим современникам на природу безумия, но во всех случаях их слова остаются без внимания. Над ними насмехаются, сажают в тюрьму, иногда предают смерти за их страдания, в то время как к любому фанатичному глупцу, который подливает масла в огонь нынешней страсти, прислушиваются, вознаграждают и следуют за ним.

[Примечание: Древняя магия]

Исходный материал, из которого была создана эта мания, - это пережиток дикаря. Древнееврейское и римское право касалось колдовства. В средние века сохранилась магия, которую в Италии до сих пор называют "старой религией", и к ней добавились новые суеверия. Что-то от древнего очарования все еще витает в {652} сказочных странах Европы. На Апеннинах иногда попадаются оливковые рощи или кипарисы, такие же корявые и искривленные, как измученные души, какими их представлял себе Данте. Кто может бродить по вересковым пустошам и горам Шотландского нагорья, с их сверхъестественной гармонией серебристого тумана и серых облаков, блеска воды, голых скал и вереска, и не видеть вдалеке Странных Сестер, напевающих над своим ужасным котлом? В Германии леса просто помешаны на магии. Прогуливаясь под огромными дубами Тюрингии, или Таунуса, или в сосновых лесах Гессена, можно увидеть трепетание воздушных одежд в пестрых солнечных лучах, падающих на папоротник и мох; можно мельком увидеть гоблинов и кобольдов, прячущихся за корнями и камнями; можно услышать, как Король Ив[1] и Невеста Ветра стонут и призывают в шелесте листьев. В летний день спокойствие в прудах настолько полное, что кажется, будто, согласно словам Лютера, бросок камня в воду вызовет бурю. Но в лунную, ветреную Вальпургиеву ночь мимо с шумом проезжают ведьмы, их улюлюкают совы, а огромные призраки танцуют в облаках за Брокеном.

[Примечание: Ведьма]

Ведьма стала типичной фигурой: обычно она была простой пожилой женщиной, живущей в одиноком коттедже с черной кошкой и собирающей травы при свете луны. Но она не всегда

была древней белдам; некоторые ведьмы были известны как самые чистые и прелестные девушки деревни; некоторые были дамами высокого положения; некоторые были мужчинами. Поводом для подозрений иногда служил тот факт, что некоторые шарлетанцы, играя на доверчивости невежд, утверждали, что способны с помощью колдовства добывать деньги, "провоцировать людей на любовь" или потреблять тело и имущество врага клиента. К черной магии иногда прибегали, чтобы избавиться {653} от личных или политических врагов. Чаще всего к мудрой женщине обращались за ее умением обращаться с травами, и сам ее успех в приготовлении лекарств иногда приводил к ее гибели.

[Примечание: Дьявол]

Если ведьма была домашним предметом в Европе, то дьявол был импортированной роскошью из Азии. Подобно Энею и многим другим иностранным завоевателям, когда он стал править страной, он женился на ее принцессе — в данном случае на Хульде, первозданной богине любви и красоты, - и перенял многие местные обычаи. Нам трудно представить, каким персонажем был дьявол в эпоху Реформации. Как и все гении, он обладал большой работоспособностью и уделял большое внимание деталям. Часто он принимал облик кошки или черной собаки с рогами, чтобы пугать детей, "прыгая туда-сюда и сидя на верхушке крапивы"; снова он любезно устраивал смотр злых духов для удовлетворения любопытства Бенвенуто Челлини. Он был виновником всех землетрясений, эпидемий, голода и войн столетия, а также, если мы можем доверять их взаимным обвинениям, он был особым покровителем папы римского, с одной стороны, и Кальвина - с другой. Лютер часто разговаривал с ним, хотя при этом пот градом лился у него со лба, а сердце почти переставало биться. Лютер признавал, что дьявол всегда одерживал верх в споре и его можно было изгнать только с помощью каких-нибудь неприлично неприятных эпитетов, брошенных в его адрес. Сатана и его спутники часто принимали облик мужчин или женщин и под именем инкубов и суккубов вступали в половые сношения со смертными. Одной из самых отвратительных черт повального увлечения ведьмами было то, что в разгар его сотни детей четырех-пяти лет признавались в том, что были любовницами дьявола.

Власть сатаны была так велика, что, по общему убеждению, многие люди отдавали ему свои души {654} в обмен на сверхъестественные дары в этой жизни. Чтобы компенсировать им потерю спасения, этим людям, ведьмам, было позволено совершать акты мелкой злобы по отношению к своим соседям, скисало молоко, гибли посевы, болели люди и животные, заставляли детей плакать до смерти перед крещением, делали браки бесплодными, делали аборт и накладывали чары, чтобы заставить мужа не видеть прелюбодеяния своей жены, или привороты, чтобы вызвать любовь.

[Примечание: Шабаш ведьм]

В определенные ночи ведьмы и дьяволы встречались для совершения богохульных и непристойных обрядов на собрании, известном как Шабаш ведьм. Чтобы иметь возможность добраться до места встречи на метлах, ведьмы раздобыли облатку для причастия, приложили к ней жабу, сожгли ее, смешали пепел с кровью младенца, измельченными костями повешенного и определенными травами. Затем собрание устроило пародию на мессу, ибо, как учили могильные врачи, подобно Христу, у Которого были свои таинства, у дьявола были свои "несакраменты" или "проклятия". Его Сатанинское Величество принял облик козла, собаки,

кошки или обезьяны и принял почтение своих подданных в ходе отвратительной церемонии. После банкета последовали беспорядочные половые сношения чертей и ведьм.

Все эти суеверия веками тлели в тлеющих углях народных сказок, пока дыхание теологов, которые начали пытаться их задуть, не превратило их в разрушительное пламя. Первую затычку сделал Innocence VIII в своей булле "*Итоги желаний*". [Примечание: 5 декабря 1484 г.] Святой Отец, с прискорбием узнав, что многие люди в Германии имели сношения с демонами и с помощью заклинаний препятствовали рождению детей и уничтожали плоды земли, дал полномочия Генри Инститорису и Джеймсу Шпренгеру исправлять, сажать в тюрьму, наказывать и штрафовать таких людей, призывая, в случае необходимости, на помощь светские органы. Эти джентльмены проявили себя с непревзойденным рвением. Не довольствуясь испытаниями и наказанием предстоящих перед ними людей, они выпустили *Молот ведьм*, [Примечание: *Malleus Maleficarum*, 1487], названный Леа самым зловещим памятником суеверий, когда-либо созданным. В последующие два столетия она была напечатана двадцать девять раз. Кельнский университет сразу же решил, что сомневаться в реальности колдовства - преступление. С другой стороны, испанская инквизиция, сделав все, что могла, с евреями и еретиками, относилась к колдовству как к дьявольскому наваждению.

[Примечание: Инквизиция]

Хотя большинство мужчин, включая тех, кого мы считаем избранниками и главными духами эпохи, Эразма и многих других, твердо верили в объективную реальность колдовства, они не были одержимы этим предметом, как их ближайшие потомки. Можно найти две причины усиления фанатизма. Первой было применение пыток инквизицией. [Примечание: Пытки] Преступление было такого характера, что его вряд ли можно было доказать иначе, как признанием вины, а этого, как правило, можно было добиться только причинением боли. Поучительно отметить, что в Англии, где дух закона питал отвращение к пыткам, никакого прогресса в охоте на ведьм не произошло до тех пор, пока не была найдена замена дыбе, заключающаяся, во-первых, в прокалывании тела ведьмы булавами, чтобы найти место анестезии, которое, как предполагалось, должно было ее пометить, и, во-вторых, в лишении ее сна.

[Примечание: Библиопоклонство]

Второй очевидной причиной мании были рвение и библиопоклонство протестантизма. Религиозные дебаты накалили духовную атмосферу и обратили мысли людей к миру духов. Такие тексты, о которых постоянно твердили, как о ведьме из Эндора, предписание "Не оставляй ведьму в живых" и о бесноватых из Нового Завета, тяжелым бременем ложились на пастухов народа и их стада. В реальности колдовства Лютер не сомневался. Первое, что он использовал для запрета, было {656} отлучение от церкви известных ведьм. Увидев ребенка-идиота, которого он считал подменным, он порекомендовал властям утопить его, как тело без души. Неоднократно, как в частных беседах, так и в публичных проповедях, он рекомендовал предавать ведьм смерти без пощады и без учета юридических тонкостей. На самом деле 29 июня 1540 года в Виттенберге были сожжены четыре ведьмы.

Другие протестанты поспешили последовать дурному примеру своего учителя. В Женеве при Кальвине в 1545 году тридцать четыре женщины были сожжены или четвертованы за это преступление. Проповедь епископа Джуэла в 1562 году, возможно, стала поводом для принятия

нового английского закона против колдовства. Ричард Бакстер писал о *определенности Мира духов*. В гораздо более позднее время плохая репутация Мазеров была хорошо известна, как и замечание Джона Уэсли о том, что отказ от колдовства означал отказ от Библии.

[Побочное примечание: Безумие]

После того как мания достигла своего апогея в последние годы столетия, все, каким бы тривиальным оно ни было, вызывало подозрения. Корова засохла бы, или жеребенок сломал ногу, или случилась бы засуха, или шторм, или падеж скота, или плесень на посевах. Или же врач, сбитый с толку какой-нибудь болезнью, которая не поддавалась его лечению кровотечениями и его дозам чеснока и лошадиного навоза, предположил бы, что причиной его неудачи было колдовство. На самом деле, если на пути обычного мужчины или женщины встречалось какое-либо противоречие, он или она немедленно думали о черном искусстве и считали наиболее вероятным человеком для доноса. Естественно, это была ближайшая пожилая женщина, особенно если у нее заплетался язык и она когда-то пробормотала "Не повезло тебе!". Затем ее доставляли в суд, обещали свободу, если она сознается, раздевали и осматривали на предмет наличия каких-либо признаков сатаны или для того, чтобы убедиться, что она не скрывает очарования {657} в своей личности. Затем были применены пытки в той или иной форме, и это был ужасный список: прокалывание иглами ногтей, раздавливание костей до тех пор, пока не выйдет костный мозг, выворачивание головы веревками с узлами, поджаривание ног перед огнем, подвешивание жертвы за связанные за спиной руки и позволение ей падать, пока плечи не разойдутся. Ужасная работа продолжалась до тех пор, пока бедная женщина либо не умирала под пытками, либо не признавалась, после чего ее приговаривали безжалостно, обычно к сожжению, иногда к более мягким наказаниям.

Когда безумие достигло своего апогея, вряд ли кто-либо из тех, кого однажды обвинили, избежал наказания. Джон Бодин, человек в остальном просвещенный и образованный, заслужил себе небезосновательное прозвище "генерального прокурора сатаны", настаивая на том, что строгие доказательства не могут требоваться по самой природе этих дел и что ни одно подозреваемое лицо никогда не должно быть освобождено, если злоба ее обвинителей не была очевиднее дня. Более того, каждое судебное разбирательство порождало другие, поскольку каждая ведьма доносилась на сообщников, пока под подозрение не попало почти все население определенных округов. Они так часто обвиняли своих судей или монарха в том, что они помогали на шабаше ведьм, что это стало считаться обычной проделкой дьявола.

В некоторых местах, главным образом в Германии, свирепствовали преследования, похожие на эпидемию или войну. Те, кто пытался остановить это, становились жертвами собственного мужества и, если они не отрекались, годами томились в тюрьме или сами были казнены как одержимые дьяволами. В Треве преследование поощрялось алчностью магистратов, которые наживались на конфискации имущества приговоренных. В Бонне были убиты школьники девяти-десяти лет, прекрасные юные девушки, многие священники и десятки добропорядочных женщин.

[Примечание: Выполненные числа]

Никаких данных об общем числе {658} жертв этого безумия составлено не было. В Англии при Елизавете, до того, как это увлечение более чем успешно начало свою карьеру, известно, что 125 человек были судимы за колдовство и 47, как известно, были казнены за это преступление.

В Венеции инквизиция наказала 199 человек за колдовство в шестнадцатом веке. В 1510 году 140 ведьм были сожжены в Брешии, в 1514 году - 300 в Комо. За один год епископ Женевы сжег 500 ведьм, епископ Бамберга - 600, епископ Вюрцбурга - 900. Сенат Савойи одновременно приговорил к смертной казни около 800 человек. В 1586 году архиепископ Тревский сжег 118 женщин и двух мужчин за это воображаемое преступление. Даже эти цифры дают неполное представление о масштабах летнего безумия. Число жертв должно исчисляться десятками тысяч.

На протяжении всего столетия не хватало некоторых признаков здорового скептицизма. Когда во время эпидемии плясок Святого Вита в Страсбурге [Прим. автора: 1588] горожане предложили совершить паломничество, чтобы остановить это, епископальный викарий ответил, что, поскольку это естественная болезнь, следует использовать натуральные средства. Подобно тому, как ведьмы становились обычным явлением в Англии, Госсон писал в своей *Школе жестокого обращения*: [Прим. автора: 1578] "Не подражайте тем глупым пациентам, которые, искав все средства выздоровления и никогда не приближаясь к ним, прибегают к колдовству". Леонардо да Винчи назвал веру в некромантию самым глупым из всех человеческих заблуждений.

Поскольку было опасно выступать против народных настроений в их разгар, тем больше чести должно быть тем немногим, кто *выступал против них ex professo*. Первым из них, заслуживающим внимания, был врач-протестант Джон Вейер. [Примечание: Вейер] В своей книге *De praestigiis daemonum* [Прим. автора: 1563] он очень осторожно пытался показать, что бедные "старые, слабоумные, {659} домоседки", осужденные за колдовство, были просто жертвами своих собственных заблуждений и заблуждений других людей. Сатана не имеет с ними ничего общего, кроме как травмировать их разум и развращать их воображение. Совсем другими, по его мнению, были те печально известные маги, которые действительно использовали заклинания, амулеты, зелья и тому подобное, хотя даже здесь Вейер не признавал, что их действие было вызвано сверхъестественными силами. Эта мягкая и осторожная попытка защитить невиновных была помещена в Указатель и вызвала у Джона Бодина мнение, что автор был истинным слугой сатаны.

[Примечание: Скотт]

Гораздо более тщательной и блестящей атакой на суеверие было "*Открытие колдовства*" Реджинальда Скотта, в котором заметно отвергаются непристойные действия ведьм и торговцев колдовством ... к этому добавляется понимание природы и сущности Духов и дьяволов. [Примечание: 1584] Скотт прочитал по своему предмету 212 латинских авторов и 23 английских, и некоторым из них, особенно Вейеру, он был в значительной степени обязан. Но он старался делать наблюдения из первых рук, присутствовал на процессах над ведьмами и прослеживал слухи до их источника. Он показал, как никто другой, крайнюю надуманность и абсурдность обвинений, по которым бедных пожилых женщин приговаривали к смерти. Он объяснил выступление эндорской ведьмы чревоуещанием. Пытаясь доказать, что магия отвергается как разумом, так и религией, он указал, что все явления легче всего объяснить преднамеренным обманом или иллюзией, вызванной психическим расстройством. Поскольку его целью было гуманное прекращение жестоких преследований, с рассчитанной пристрастностью он попытался возложить вину за это на католическую церковь. Поскольку само существование магии не могло быть полностью опровергнуто эмпирическими доводами,

он атаковал ее на *априорных* основаниях, утверждая, что духи и тела делятся на две категории, неспособные непосредственно воздействовать друг на друга. {660} Каким бы блестящим и убедительным ни было произведение, оно не произвело соответствующего эффекта. Оно было публично сожжено по приказу Джеймса I.

[Прим. автора: Монтень]

Монтень, которого ничто никогда не приводило в ярость, обладал высшим искусством опровергать чужие мнения, не подавая виду, что делает это. Несомненно, именно отвратительная *демонология* Бодена вызвала к жизни его знаменитое эссе о колдовстве, в котором этот предмет трактуется в самом современном духе. Старая самонадеянность в пользу чудесного полностью покинула его; его холодный, насмешливый взгляд был слишком велик для сатаны, который, при всем своем знании мира, легко смущается. Иллюзию колдовства можно сравнить с ядовитой бациллой. Скотт пытался убить это с помощью нагрева; он поднес это к огню негодования и практически сварил в своем палящем пламени разума. Монтень попробовал противоположное лечение: охлаждение. Он ни на что не нападал; он только спросил с ледяной улыбкой, почему чему-то следует верить. Конечно, до тех пор, пока ментальные страсти могли поддерживаться при его собственной низкой температуре, не было никакой опасности, что молоко человеческой доброты прокиснет, независимо от того, какая порочная культура микробов содержалась в нем изначально. Он начинает с того, что говорит, что в свое время видел разные чудеса, но, как читается между строк, он не верит ни в одно из них. Одна ошибка, говорит он, порождает другую, и все преувеличивается в надежде привлечь новых сторонников к мнению говорящего. Одно чудо, разыгравшееся по всей Франции, оказалось розыгрышем молодых людей, притворяющихся призраками. Когда кто-то слышит о чуде, он всегда должен сказать: "возможно". Лучше быть учениками в шестьдесят, чем докторами в десять. Сейчас, продолжает он, ведьмы являются предметом самых диких и глупых обвинений. Боден предлагал убивать их по простому подозрению, но Монтень замечает: "Чтобы убивать людей, требуется ярко сияющий {661} и ясный свет". И к чему сводятся эти истории?

Насколько более естественным и вероятным я нахожу то, что двое мужчин солгали, чем то, что один за двенадцать часов прошел с востока на запад? Насколько более естественно, что наше понимание может быть перенесено с места на место благодаря словоохотливости нашего распущенного ума, чем то, что одного из нас странный дух из плоти и костей пронесет на метле по туннелю дымохода? . . . Я считаю простительным не верить в чудо, по крайней мере, до тех пор, пока можно каким-то образом не объяснить или опровергнуть правдивость сообщения. . . . Несколько лет назад я путешествовал по стране суверенного принца, который, в угоду мне и чтобы уменьшить мое недоверие, оказал мне милость в своем собственном присутствии и в определенном месте показать мне десять или двенадцать пленников такого рода, и среди прочих старую ведьму из бельдама, настоящую и совершенную волшебницу, как по ее уродству, так и по ее внешности., и такой, как задолго до этого, был самым известным в этой профессии. Я видел и доказательства, и свидетелей, и добровольные признания, и некоторые незаметные признаки этой несчастной старой женщины; я расспрашивал и разговаривал с ней долго, со всем возможным вниманием, и меня нелегко увлечь предвзятым мнением. В конце концов, по совести говоря, я бы предпочел назначить им морозник, а не болиголов. Это была скорее болезнь, чем преступление.

Монтень продолжает утверждать, что даже когда мы не можем получить объяснение — а любое объяснение более вероятно, чем волшебство, — можно смело не верить: "Страх иногда представляется вульгарному типу странными явлениями в виде призраков ... личинок, домовых, Робинзонов-добряков и подобных других жуков и химер". Для Монтень злые чары, сковывавшие разум человечества, были разрушены; увы! другим людям потребовалось так много времени, чтобы сбросить их!

[1] Эрикениг.

РАЗДЕЛ 3. Образование

[Примечание: Образование]

От самого ужасного суеверия давайте обратимся к самой благородной, самой вдохновляющей и самой важной работе человечества. С каждым поколением процесс передачи потомкам всего наследия расы становился все более длительным и сложным.

[Примечание: Школы]

Таким образом, современник Эразма прошел очень определенный и высокоразвитый курс обучения. Существовало несколько отличных школ, таких как Итон, Винчестер и Девентер, в которых маленький мальчик мог начать изучать свою "грамматику" — латынь, конечно. Некоторые здания в Винчестере и Итоне сейчас такие же, какими они были тогда, например, довольно красивая часовня и общежития из красного кирпича в Итоне. В каждой из этих двух английских школ в то время было менее 150 учеников и всего два преподавателя, но великая голландская школа в Девентере под руководством знаменитого Хегиуса могла похвастаться 2200 учениками, разделенными на восемь классов. На многих старинных гравюрах на дереве изображены ученики, собравшиеся вокруг учителя, толстые, как мухи, сидящие на полу, скрестив ноги, одни сосредоточены на своих книгах, другие шалят, в то время как редко кто-нибудь не подвергается наказанию, столь настоятельно рекомендованному Соломоном. Этих великих школ не хватало для всех потенциальных ученых. Во многих деревнях был какой-нибудь бедный священник или учитель, который обучал мальчиков тому, что знал сам, и готовил их таким образом к более высоким свершениям. В некоторых местах стояли крошечные школьные домики, очень похожие на те, что сейчас можно увидеть в сельской местности Америки. Такую отремонтированную школу до сих пор можно посетить в Мансфельде, и над дверью ее можно прочесть причудливую надпись о том, что хорошая школа подобна деревянному коню Трои. Когда мальчики уезжали из дома, они жили больше так же, как сейчас в колледже, получая большую свободу в нерабочее время. Более бедные ученые использовали свое свободное время для попрошайничества, поскольку тогда многие получали такую поддержку, как сейчас получают стипендии и другие благотворительные пособия в наших университетах.

[Примечание: Порка]

Хотя было немало исключений, большинство {663} учителей были грубыми. Эту профессию презирали как черную, и действительно, несмотря на это, многие джентльмены проявляли больше заботы при выборе конюхов и егерей, чем при выборе мужчин, которым можно было доверить своих детей. У многих наставников манеры и мораль были одинаково возмутительными. Они нецензурно выражались по отношению к мальчикам, жестоко пороли их и, как правило, слишком много пили. По словам одного несчастного ученика такого мастера,

они устраивали экзамены как суд за убийство. Надзиратель, нанятый для слежки за мальчиками, был известен под многозначительным именем "волк". Общественное мнение тогда одобрило жесткие методы. Николаса Удалла, талантливого директора Итона, тепло хвалили за то, что он был "лучшим преподавателем порки в Англии", пока его не уволили за безнравственность.

[Примечание на латыни]

Основным предметом изучения — после того, как были изучены зачатки чтения и письма на родном языке — была латынь. Поскольку в начале века книг обычно не хватало для распространения, педагог диктовал своим ученикам склонения и спряжения с соответствующими упражнениями. Использовались такие книги, как "*Донатус о частях речи*", стихотворение Джона Гарленда "*Фасетус*", призванное дать моральную, теологическую и грамматическую информацию в одном флаконе с выбором в качестве подходящего носителя рифмованных двустушии. Другими пособиями были *Floretus*, своего рода заумный катехизис, *Cornutus*, трактат о синонимах, и словарь, в котором слова были расположены не в алфавитном порядке, а в соответствии с их предполагаемой этимологией — так, *hirundo* (ласточка) от *aer* (воздух). Нужно было знать значение слова, прежде чем искать его! Грамматики были написаны на варварской латыни невообразимо сложным стилем. Может ли любой человек сейчас легко понять следующее определение "местоимения", взятое из книги, предназначенной {664} для начинающих, опубликованной в 1499 году? "Pronomen . . . significat substantiam seu entitatem sub modo conceptus intrinseco permanentis seu habitus et quietis sub determinatae apprehensionis formalitate."

То, что при всех этих недостатках мальчики вообще изучали латынь, а некоторые мальчики изучали ее чрезвычайно хорошо, следует отнести за счет количества времени, затраченного на этот предмет. В течение многих лет это было практически все, что изучалось — ибо средневековый тривиум грамматики, риторики и логики сводился к этому, - и они не только много читали, но и писали и говорили по-латыни. Наконец, он стал для них таким же легким и беглым, как их собственный язык. Нам известно много примеров, которые звучат как вундеркинды; мальчики, которые говорили по-латыни в семь лет и писали на ней красноречивые речи в четырнадцать, не были редкостью. Это правда, что среднестатистический мальчик говорил тогда скорее на переводе своего родного языка на латынь, чем на лучшем идиоме Рима. В Парижском университете были подслушаны следующие нелепые фрагменты разговоров, проливающие свет как на манеры, так и на лингвистические достижения студентов: "Расскажи мне о себе алио"; "Для чего тебе вени де людендо, для чего тебе биби унум магнум витрум тотум пленум вина, с чем связано назубок де витро"; "In prandendo non facit nisi lichare suos digitos".

[Примечание: Реформация]

Хотя за столетие, прошедшее между Эразмом и Шекспиром, радикальных реформ в образовании не проводилось, в действии можно заметить две сильные тенденции: одна направлена на более мягкий метод, другая - на распространение начального обучения на большие классы, которые до сих пор оставались неграмотными. Реформация, которая была довольно бедна оригинальной мыслью, во всяком случае, сильно опошлила нынешнюю культуру. Это было популярное движение в том смысле, что оно распространяло среди людей идеи, которые до сих пор принадлежали немногим. Действительно, его первый эффект, вместе с

{665} сопровождавшими его волнениями, был на момент неблагоприятным для всех видов обучения. Не только войны и восстания пугали школьную молодежь, но и появлялись люди, как в Англии, так и в Германии, которые учили, что если Бог удостоил своими тайнами младенцев и грудных младенцев, то невежество должно быть лучше мудрости и что поэтому учиться - глупо.

[Примечание: Лютер]

Лютер не только переломил ход событий, но и пустил по течению ту великую волну, которая наконец дала цивилизованным странам бесплатное и обязательное образование для всех. В *Письме к олдерменам и городам Германии о строительстве и содержании христианских школ* [Прим. автора: 1524] он настоятельно подчеркивал преимущества обучения. "Хорошие школы [он утверждал] - это дерево, из которого произрастает все хорошее поведение в жизни, и если они увядают, то в религии и во всех полезных искусствах должна наступить великая слепота Поэтому все мудрые правители считали школы великим светом в гражданской жизни ". Даже язычники понимали, что их детей следует обучать всем свободным искусствам и наукам, чтобы подготовить их к войне и управлению государством и привить им личную культуру. Лютер несколько раз высказывал предположение, что "гражданские власти должны заставить людей отправлять своих детей в школу. Если правительство может заставить мужчин носить копья и аркебузы, охранять крепостные валы и выполнять другие боевые обязанности, то насколько больше оно имеет права заставлять их отправлять своих детей в школу?" Он неоднократно призывал многих князей и бургомистров, с которыми он переписывался, к созданию школ в каждом городе и деревне. Часть церковных доходов, конфискованных германскими государствами, фактически была направлена на достижение этой цели. Многие другие новые школы были основаны князьями и были известны как "Фюрстеншулен" или гимназии.

[Примечание: Англия]

Такой же курс был проведен и в Англии. Основание Колетом школы Святого Павла в Лондоне, [Прим. автора: 1510] для 153 мальчиков, возможно, приобрело неоправданную известность, поскольку она была {666} отсталой по методике и не имела особого значения, но это признак того, что люди в то время обращали свои мысли к образованию молодежи. Когда Эдуард VI вззошел на трон, роспуск церковей имел очень плохие последствия, поскольку их фонды обычно поддерживали ученых. Несколькими годами ранее Генрих VIII приказал "каждому из вас, кто является приходским священником, викариями, а также церковными священниками и стипендиатами ... учить и воспитывать в учебе наилучшим образом всех детей ваших прихожан, которые придут к вам, или, по крайней мере, научить их читать по-английски". Эдуард VI возродил этот закон, приказав церковным священникам "упражняться в обучении молодежи чтению и письму", а также призвал людей вносить свой вклад в содержание начальных школ в каждом приходе. Он также пожертвовал некоторым гимназиям доходы от капеллана.

В Шотландии *Дисциплинарная книга* выступала за обязательное образование детей зажиточных семей за счет родителей, детей бедняков - за счет церкви.

[Примечание: иезуитские колледжи]

В католических странах тоже была страсть к созданию новых школ. Особо следует упомянуть иезуитские "коллегии", "о которых, - признается Бэкон, - я должен сказать, что они *являются одними из лучших в мире*". О том, насколько часто они посещались, свидетельствуют следующие цифры. В иезуитской школе в Вене в 1558 году было 500 учеников, примерно в то же время в Кельне - 517, в Треве - 500, в Майнце - 400, в Шпайере - 453, в Мюнхене - 300. Метод иезуитов прославился сочетанием мягкости и искусства. Они развили непревзойденное мастерство, позволяя своим ученикам изучать столько истории, естественных наук и философии, сколько те могли усвоить, не подвергая опасности свою веру. С этой точки зрения их обучение было прививкой против свободомыслия. Но следует признать, что их преподавание классики было превосходным. Они следовали методам гуманистов, но приспособили их к целям церкви.

[Примечание: Классика]

Во всем этом потоке новых ученых было мало нового для изучения. Ни реформаторы, ни гуманисты не могли предложить никаких поисков или тщательного пересмотра; все, о чем они просили, - это чтобы старикам преподавали лучше: гуманитарные науки были более гуманными. Эразм много писал об образовании, и вслед за ним Вивес, и Бьюд, и Меланхтон, и сэр Томас Элиот, и Роджер Эшэм; их программы, охватывающие весь период от колыбели до высшей ступени, кажутся основательными, но к чему все это сводится, в конце концов, кроме латыни и греческого? Возможно, допускалось немного арифметики, геометрии и даже астрономии, но предполагалось, что все это будет усвоено как побочный продукт литературы, например, истории у Ливия и естествознания у Плиния. Действительно, часто кажется, что знание вещей ценилось главным образом ради литературного понимания и аллюзий.

Реформаторы образования мало чем отличались друг от друга, за исключением таких деталей, как лучшие авторы для чтения. Колет предпочитал христианских авторов, таких как Лактанций, Пруденциус и Баптиста Мантуанский. Эразм считал за благо начать со стихов Дионисия Катона и перейти к классическим авторам Греции и Рима. Чтобы сделать обучение легким и приятным, он писал свои *Коллоквиумы* — во многих отношениях его *шедевр*, если не лучший латинский язык, созданный кем-либо за столетие. В этом справедливо известном труде, который был немедленно принят и использован всеми сторонами, он передал значительное количество либеральных религиозных и моральных наставлений с достаточным остроумием, чтобы сделать его приемлемым. Лютер, по совету Меланхтона, несмотря на свою ненависть к автору, настаивал на использовании {668} *Коллоквиумов* в протестантских школах, [Примечание: 1548] и они также были среди книг, разрешенных императорским мандатом, выданным в Лувене.

Метод изучения языка заключался в том, что преподаватель переводил классу отрывок, который, как ожидалось, они смогут перевести на следующий день. Эшам рекомендовал, чтобы, когда ребенок напишет перевод, через соответствующий промежуток времени от него требовали повторного перевода с английского на латынь. Преподавалось письмо, особенно буквенное. Настоящий прогресс по сравнению со средневековой учебной программой был достигнут в преподавании греческого языка, к которому исключительно амбициозная школа в Женеве после 1538 года добавила иврит. За исключением этого и изгнания схоластического варварства, не было никаких попыток привнести новые науки и искусства. На протяжении почти четырехсот лет учебная программа Erasmus оставалась основой нашего образования. Только в наше время латынь и греческий уступают место современным языкам и науке как основам

умственного развития. В те дни современные языки изучались, как позже рекомендовал Милтон, не как часть обычного курса, а "в какой-нибудь час досуга", например, музыки или танцев. Несмотря на такие исключения, как Эдуард VI и Елизавета, говорившие по-французски и по-итальянски, было сравнительно немного ученых, знавших какой-либо живой язык, кроме своего собственного.

[Примечание: Университетская жизнь]

Когда юноша поступил в университет, он не обнаружил особых изменений ни в своем образе жизни, ни в учебе. Несколько мальчиков поступили в школу в возрасте тринадцати-четырнадцати лет; с другой стороны, была небольшая группа студентов зрелого возраста. Чрезвычайная молодость многих ученых сделала естественным, что они должны были подчиняться несколько более строгой дисциплине, чем это имеет место сейчас. Даже в ранней истории Гарварда записано, что президент однажды "выпорол четырех бакалавров" за то, что они {669} слишком поздно вышли из дома. В таких колледжах, как Монтегю, если верить Эразму, путь обучения действительно был тернист. Учитывая скудное питание, грязь, холод, тесноту, "короткокрылых ястребов", которых студенты вычесывали из волос или стряхивали со своих рубашек, неудивительно, что многие из них заболели. Игры, драки, пьянство и распутство были обычным делом.

[Примечание: Способ правления]

Номинально университет тогда находился под полным контролем профессорско-преподавательского состава, который избирал одного из своих "ректоров" (президента) сроком на один год, который назначал своих собственных членов и который полностью отвечал за учебу и дисциплину, за исключением того, что студенты время от времени отстаивали свои древние права. Фактически, корпорация была в значительной степени под каблуком у правительства, которое проводило выборы и увольнения, когда считало нужным, и иногда назначало комиссии для посещения факультетов и реформирования их.

[Примечание к инструкции]

Обучение по-прежнему велось по старому методу лекций и диспутов. Эти последние иногда касались важных вопросов дня, теологических или политических, но часто также были не чем иным, как проявлением изобретательности. Испытывалась острая нехватка лабораторий, потребность, которая только начала ощущаться в конце столетия, когда Бэкон написал: "Для глубокого, плодотворного и оперативного изучения многих наук, особенно естественной философии и физики, книги являются не только инструментом". Дальнейшая жалоба Бэкона на то, что "среди стольких великих фондов колледжей в Европе я нахожу странным, что все они посвящены профессиям и ни один не остался свободным для искусств и наук в целом", является ранним намеком на необходимость финансирования исследований. Степени в области гуманитарных наук, бакалавра и магистра, тогда были более строгими, чем сейчас, лицензиями либо на преподавание, либо на получение высших профессиональных знаний в области богословия, права или медицины. Плата за получение диплома {670} была высокой; во Франции степень бакалавра стоила 24 доллара, степень доктора медицины - 690 долларов, а степень доктора философии - 780 долларов.

[Примечание: Новые университеты]

Тогда Германия удерживала первенство, которое с тех пор сохранилось у нее в Европе, как по количеству ее университетов, так и по совокупности ее студентов. Новыми университетами, основанными протестантами, были: Марбург 1527, Кенигсберг 1544, Йена 1548 и снова 1558, Хельмштадт 1575, Альтдорф 1578, Падерборн 1584. В дополнение к ним католики основали четыре или пять новых университетов, хотя и не очень важных. Они сосредоточили свои усилия на стремлении основать новые "колледжи" при старых учебных заведениях.

[Примечание: Числа]

В целом университеты потерпели неудачу в первые годы Реформации, но к середине столетия их число более чем возросло. В 1521 году в Виттенберге было 245 учащихся; в 1526 году число учащихся сократилось до 175, но к 1550 году, несмотря на недавнюю Шмалькальдскую войну, общее число выросло до 2000, и это число сохранялось на протяжении всего столетия.

Эрфурт, остававшийся католическим в протестантском регионе, приходил в упадок более быстрыми и постоянными темпами. В 1520-21 году поступило 311 человек, в следующем году - 120, в следующем году - 72, а пять лет спустя только 14. С 1521 по 1530 год количество студентов в Ростокке сократилось со 123 до 33, во Франкфурте-на-Одере - с 73 до 32. Однако Росток восстановился после реорганизации в 1532 году. Количество студентов в Грайфсвальде сократилось настолько, что в период 1527-39 годов лекций не читалось, после чего оно снова начало расти. Кенигсберг, начавший с 314 студентов, позже пришел в упадок. Численность Кельна сокращалась, как и Майнца, пока иезуиты не основали свой колледж в 1561 году, в котором к 1568 году 500 учеников были признаны членами университета. Вена также, сократившись в 1532 году до 12 студентов, оставалась на очень низком уровне до 1554 года, когда почувствовали влияние иезуитского возрождения. Принимая во внимание, что за пятнадцать лет с 1508 по 22 год в Лейпциге было зарегистрировано 6485 поступлений, в течение следующих пятнадцати лет их было только 1935. Однако к концу столетия Лейпциг под руководством протестантов снова превратился в крупное учреждение.

[Примечание: британские университеты]

В течение столетия на Британских островах были основаны два новых университета: Эдинбургский в 1582 году и Тринити-колледж в Дублине в 1591 году. В Англии к уже существующим в Оксфорде и Кембридже был добавлен ряд колледжей, а именно Крайст-Черч (сначала известный в честь своего основателя Уолси как Кардинальский колледж, затем как Королевский колледж), Брейзнуз и Корпус-Кристи в Оксфорде, а также Сент-Джонс, Магдалина и Тринити в Кембридже. Несмотря на эти новые фонды, количество студентов сократилось. За 1542-8 годы в Кембридже была присвоена только 191 степень бакалавра, а в Оксфорде - только 172. Эшам является авторитетом в утверждении, что при Марии дела обстояли еще хуже, когда "лесной вепрь" либо "вырубал с корнем, либо топтал до основания" учебные заведения. Доходы университетов достигли своего пика примерно в 1547 году, когда общий доход Оксфорда от земли составлял 5 фунтов стерлингов, а Кембриджа - 50 фунтов стерлингов в год. При Елизавете число университетов увеличилось, в то время как латынь и греческий преподавались лучше. Именно в это время для молодых джентльменов вошло в моду образование в колледже, вместо того, чтобы получать его исключительно под покровительством "ученых клерков". Заслуживает упоминания основание Колледжа врачей в Лондоне. [Примечание: 1528]

Под влиянием Цвингли в Цюрихе был основан университет. Женевский университет открылся в 1559 году, ректором был Беза. С ним была связана подготовительная школа из семи классов с жестко предписанным {672} курсом классической литературы. Когда мальчик был принят в университет по результатам экзаменов, он брал то, что сам выбирал; не было даже разделения на классы. Предлагаемые ему курсы включали греческий, иврит, теологию, диалектику, риторику, физику и математику.

[Примечание: французские университеты]

Основание Франциском I Коллеж де Франс представляло собой попытку привнести новую жизнь и энергию в обучение посредством свободного объединения ученых людей. Планировалось освободить науку от опеки теологии. Был приглашен Эразм, но из-за его отказа принять приглашение Бudeбыла предоставлена руководящая должность. Кафедры греческого, иврита, математики и латыни были основаны королем в 1530 году. Другими учебными заведениями, основанными во Франции, были Реймс в 1547 году, Дуэ в 1562 году, Безансон[1] в 1564 году, ни одно из них в настоящее время не существует. Париж по-прежнему оставался крупнейшим университетом в мире, со средним количеством студентов около 6000 человек.

В 1500 и 1521 годах в нидерландском Лувене обучалось 3000 студентов; в 1550 году их число возросло до 5000. Он был разделен на колледжи по плану, который до сих пор существует в Англии. В каждом колледже был президент, три профессора и двенадцать стипендиатов, которых принимали бесплатно, в дополнение к большому количеству платных стипендиатов. Число самых популярных классов часто достигало 300. Основание коллегии трехязычия другом Эразма Джеромом Буслейденом в 1517 году было попыткой, как следует из ее названия, преподавать греческий и иврит, а также латинскую классику. Упадок обрушился на благородный институт во время религиозных войн. Под руководством Алвы он основал профессию катехизации и заменил Декрет Грациана на юридическом факультете декретами Тридентского собора. Истощенный кровоизлияниями, вызванными религиозной войной, и истощенный великопостной диетой испанского католицизма, он постепенно приходил в упадок, в то время как его {673} место в глазах Европы занял протестантский университет Лейдена. [Прим. автора: 1575] Второй протестантский фонд, Франекер, [Прим. автора: 1585] какое-то время процветал, но в конце концов угас.

Испанские университеты были переполнены новыми студентами. Максимальное количество студентов было достигнуто Саламанкой в 1584 году с 6778 мужчинами, в то время как Алкала перешла в зенит в 1547 году с респектабельным набором в 1949 году. Основание не менее девяти новых университетов в Испании свидетельствует об интересе Пиренейского полуострова к образованию.

В 1540-1565 годах в Италии открыли свои двери четыре новых университета. Сапиенца в Риме, в дополнение к этому, была временно возрождена Львом X в 1513 году и, после возврата к спящему состоянию, снова обрела полную мощь при Павле III, когда были учреждены кафедры греческого и иврита.

[Примечание: Вклад в прогресс]

Услуги всех этих университетов не могут быть рассчитаны ни с помощью какого статистического метода. Несмотря на все свои недостатки, догматическую узость и академическое высокомерие, они внесли больший вклад в прогресс, чем любые другие учебные заведения.

Каждая академия стала центром научных исследований и интеллектуальной жизни. Их влияние было огромным. Как много значило для той эпохи видеть, как ее соперничающие воинства выстраивались под руководством двух профессоров, Лютера и Адриана VI! А сколько других лидеров преподавали в университетах: Эразм, Меланхтон, Рейхлин, Лефевр, и это лишь некоторые из них. Понтифики и короли искали поддержки в академических заявлениях, и при этом они не всегда могли заставить врачей принять желаемое решение. Фактически, каждый университет был подобен Акрополю в республике литературы, одновременно храму и крепости для тех, кто любил истину и следовал ей.

[1] Безансон тогда был Имперским вольным городом.

{674}

РАЗДЕЛ 4. ИСКУССТВО

[Примечание: Искусство - выражение идеала]

Самое важное в искусстве, как для историка, так и для обычного человека, - это идеал, который оно выражает. Художник и критик могут найти больше интересного в развитии техники, в том, как этот художник обращался с перспективой, а тот - с "тактильными ценностями", в том, как флорентийцы преуспели в рисунке, а венецианцы - в цвете. Но для нас, не являющихся профессионалами, содержание искусства важнее его формы. Ибо, в конце концов, великолепные соборы средневековья и чудесные картины эпохи Возрождения были не просто мыльными пузырями, надутыми ветром, или для детей, которым нечем было заняться. Они были воплощением идей; как люди думали в своих сердцах, так и они проецировали себя на созданные ими объекты.

Величайшие художники, которых видел мир, и многие другие, которые были бы величайшими в любое другое время, были современниками Лютера. У них было Евангелие, которое они должны были проповедовать, не менее священное для них, чем его Евангелие для него; это была радостная весть о царстве этого мира: великолепии, прелести, чуде и благородстве человеческой жизни. Когда юными глазами они смотрели на мир в его весеннем приливе, они находили его не юдолью слез, о которой им рассказывали; они находили в нем восторг. Они увидели обнаженное тело, не мерзкое, а прекрасное.

[Примечание: Леонардо, 1452-1519]

Леонардо да Винчи был художником чуда, но не наивного восхищения увиденным. Для него чудо мира заключалось в тайне знания, и он считал всю природу своей областью. Он отдал свою жизнь и свою душу за овладение наукой; он наблюдал, он изучал, он размышлял обо всем. От солнца в небесах до насекомого на земле, не было ничего настолько большого, чтобы навязаться ему, ничего слишком маленького, чтобы ускользнуть от него. Взвешивая, измеряя, экспериментируя, {675} он глубоко копал в поисках внутренней реальности вещей; он потратил годы на рисование внутренних органов тела, а другие годы - на составление планов для инженеров.

Когда он рисовал, его завораживало только одно: душа. Обнажать разум так, как он препарировал мозг; принимать мужчину или женщину в какой-нибудь саморазоблачительной позе, раскрывать скрытую тайну личности - все это было его страстью, и во всем этом он

преуспел так, как никто никогда не преуспевал, ни до, ни после. Его батальная картина - это не какая-то великолепная и романтическая кавалерийская атака, а запутанная рукопашная схватка лошадей, фыркающих от ужаса, людей, обезумевших от жажды битвы, ненависти или страха. Его портреты - это либо карикатуры, либо пророчества: они обнажают какую-то черту, о которой никто и не подозревал, или выявляют какую-то тайную слабость. Разве его портрет самого себя не является волшебником? Разве его Медуза не внушает нам ужас смерти? Разве Беатриче д'Эсте уже не обречена на угасание, когда он рисует ее?

[Примечание: Тайная вечеря]

К Тайной вечере до него относились сотни раз, то как к евхаристическому таинству, то как к монашеской трапезе, то как к собранию друзей. Что Леонардо понял из этого? Исследование характера. Иисус только что сказал: "Один из вас предаст меня", - и его божественная голова склонилась на грудь со спокойной, бессмертной скорбью. Иоанн, Возлюбленный, буквально изнемогает от горя; Петр яростно вцепился бы предателю в горло; Фома бросается вперед, сомневаясь, чтобы спросить: "Господи, это я?" - Каждое лицо выражает глубокую и разную реакцию. Там сидит Иуда, его лицо напряжено, жилы на шее натянуты, мускулы напряжены от величайшего усилия не выдать злого умысла, который, тем не менее, отражается на его лице так же ясно, как грозовая туча в знойный полдень.

На протяжении всей жизни Леонардо был очарован загадочной улыбкой, которую он где-то видел, возможно, в мастерской Вероккио, возможно, на лице какой-нибудь {676} женщины, которую он знал мальчиком. На его первых картинах были изображены смеющиеся женщины, и такая же улыбка на губах Иоанна Крестителя, и Диониса, и Леды, и Девы Марии, и Святой Анны, и Моны Лизы! Что он пытался выразить? Вазари находил эту "улыбку настолько приятной, что на нее можно было смотреть скорее божественно, чем по-человечески"; Рескин считал ее архаичной, Мюнц - "печальным и разочарованным", Беренсон - высокомерным, а Фрейд - невротичным. Реймонд называет это улыбкой Прометея, Фауста, Эдипа и Сфинкса; Патер видел в этом "анимализм Греции, похоть Рима, мечтательность средневековья с его духовными амбициями и воображаемой любовью, возвращение к языческому миру, грехи Борджиа". Хотя некоторые великие критики, такие как Райнах, утверждали, что Мона Лиза [Прим. автора: Мона Лиза] утонченна так же, как утончен любой великий портрет, невозможно рассматривать ее просто так. Это психологический этюд. А что означает улыбка? Одним словом, секс, — не с физической стороны, которую так изучают и воспевают другие художники, а в ее психологическом аспекте. В кои-то веки Леонардо обнажил не тело, а душу желаний - страсть, вождение, трепет и стыд. Есть что-то пугающее в Леде, застигнутой с лебедем, в женоподобном Дионисе и устах Иоанна Крестителя, "сложенных для поцелуя непреодолимого наслаждения". Если истории, рассказываемые тогда о детях Александра VI и о Маргарите Наваррской и Анне Болейн, были правдой, Мона Лиза была их сестрой.

Все, к чему он прикасался, приобретает такое же психологическое проникновение. Его поклонение волхвам - это не попытка порадовать глаз, а исследование, почти критика христианства. К чудесному Младенцу подводят самых разных мужчин, и их реакции - изумление, преданность, любовь, скептицизм, насмешки и безразличие - прекрасно зафиксированы.

{677} [Примечание: Венецианцы]

После прохладной и бурной весны искусства наступило теплое и нежное лето. Жизнь стала такой полной, такой прекрасной, такой приятной, такой манящей, что люди ни к чему не стремились, кроме как осушить ее кубок до дна. Венеция, восседавшая, подобно прекрасной, распутной королеве, на своем троне из сверкающих вод, привлекла к своей груди всех любителей удовольствий во всей Европе. Ее возлюбленные по-прежнему придавали ей всю пышность и великолепие одеяний, которыми можно было роскошно украсить ее тело; ее любовники расточали ее золото и драгоценности, дворцы и редкие экзотические предметы роскоши. Как все это отражено в ее великих художниках - Беллини, Джорджоне, Тициане и Тинторетто! Жизнь для них больше не чудо, а пиршество; болезнь мысли, душевное расстройство - это не для них. Это царство чувств, и если бы человек мог жить только чувствами, он, несомненно, должен был бы наслаждаться тем, что они предлагают. Они окрашивают свои полотна в такое сияние цвета и света, какое можно увидеть только на закате, или в лазури Средиземного моря, или в тропических цветах. Как они облачают свои фигуры во все мыслимое великолепие орфея и горноста, в драгоценные камни и сверкающие доспехи, в богатые ткани из шелка и самита, в алые или желтые далматинские одежды! Каждый дом для них - дворец, каждый уголок пейзажа - волшебный сад, каждое действие - экстаз, каждый мужчина - герой, а каждая женщина - образец чувственной красоты.

Портрет - одна из наиболее характерных ветвей живописи эпохи Возрождения, поскольку он апеллировал к недавно пробудившемуся индивидуализму, грандиозному эгоизму столь оптимистичной и уверенной в себе эпохи. После Леонардо никто не стремился сделать портрет в первую очередь изучением характера. Тициан, Рафаэль, Гольбейн и большинство их современников стремились скорее угодить и польстить, чем анализировать. [Примечание: Тициан, ок. 1490-1576] Но при этом в природе часто присутствует правда, которая делает многие портреты того времени похожими на судный день в их раскрытии характера. Великолепная гармония алого шелка и малинового атласа, золотой парчи, пурпурного бархата и серебристого меха Тициана воплощает в себе множество подлостей и жестоких глупостей. Что может быть более жестоко реалистичным, чем ухмылка сатира, облаченного в костюм Франциска, короля Франции; чем бычья тупость Карла V и ящероподобная тупость его сына; или чем то странное сочетание волчьей хитрости и свиноподобного зверства с человеческой мыслью и самообладанием, которое завораживает в портрете Рафаэля Льва X и двух его кардиналов? С другой стороны, какое изобилие сильных и благородных мужчин и женщин смотрит на нас с полотен того времени. Они представляют собой исследование бесконечного разнообразия и непревзойденного очарования.

Секуляризация искусства дошла даже до того, что затронула религиозную живопись. Сюзанна и Магдалина, святая Барбара и святой Себастьян больше не измученные голодом монахини, закутанные в бесформенные одежды; они становятся девами и юношами изумительной красоты. Даже Богородица и Христос были нарисованы с самых красивых моделей, какие только можно было достать, и были богато одеты. Эта тенденция, долго проявлявшаяся, нашла свое воплощение в Рафаэле Санцио из Урбино.

[Примечание на стороне: Рафаэль, 1483-1520]

Это одно из тех полезных совпадений, которые кажутся почти символическими, что Рафаэль и Лютер родились в один и тот же год, поскольку они оба были продуктами одного и того же процесса — упадка католицизма. Когда в течение долгих веков лес гнил на земле, он может

образовать слой угля, готовый к тому, чтобы его выкопали и превратили в энергию, или он может превратить поле в изобилие зерна, фруктов и цветов. Из отложений средневековой религии сын шахтера Мансфельда извлек достаточно энергии, чтобы перевернуть вверх дном половину Европы; из того же плодородного болота Рафаэль собирал самые изысканные цветы и самые вкусные ягоды. Чтобы изменить метафору, Лютер был громом, а Рафаэль - радугой одной и той же бури.

[Примечание: Религиозное искусство]

Главная работа обоих состояла в том, чтобы сделать религию понятной людям, приспособить ее к потребностям времени. Когда вера ослабевает, человек может либо отказаться от старой религии ради другой, либо он может вообще перестать думать о догмах и найти утешение в мистико-эстетическом аспекте своего культа. Этот второй вариант был проработан Рафаэлем до предела. Его интересовало не истинное, а прекрасное. Безусловно, большая часть его очень многочисленных картин имеет религиозную тематику. Вся Библия— которую Лютер перевел на народный язык, была им переведена на еще более понятный язык смысла. Даже сейчас большинство людей воспринимают библейских персонажей в образах этого величайшего из иллюстраторов. Деликатность, пафос, одухотворенность, идиллическая прелесть — все, кроме реализма или трагедии, запечатлено на всех его полотнах. "Прекрасен, как мадонна Рафаэля" - итальянская поговорка, и в его Девственницах так искусно подобран тип красоты, что они не слишком эфирны и не слишком чувственны. Божественная нежность, материнство во всей его святости, спокойно взирает с лица Сикстинской мадонны, "чьи глаза глубже, чем глубины даже успокоившихся вод". Простой ум, неискушенный знаниями школы прерафаэлитов, будет поклоняться Рафаэлю, когда ему захочется насладиться Тицианом. Странно тронутый магией этого страстного любителя как церкви, так и смертных женщин, обычный мужчина того времени или нынешнего находил и будет находить радостную весть для своего сердца в самом цвете одеяния Марии. "Тот, кто хочет знать, как Христос преобразился и стал божественным, должен быть нарисован, должен смотреть", - говорит Вазари о полотнах Рафаэля.

Церковь и папство нашли союзника в Рафаэле, {680} чей карандаш проиллюстрировал так много триумфов пап и так много тайн религии. В своей Диспуте (так называемой) он сделал видимым секрет пресуществления. В своей великой карикатуре на Льва I, обращающего вспять Аттилу, он придал новую силу руке Льва X. Его Парнас и Афинская школа, казалось, облегчили людям философию. Действительно, именно от них он получил свою богатую награду, ибо, в то время как фарисеи искусства выискивают в нем недостатки, указывают на то, что они считают поверхностным и неискренним, люди любят его больше, чем любили любого другого художника. Именно для них он работал, и на каждом труде можно было прочесть как бы его девиз: "Я не обижу даже одного из этих малышей".

Если искусство Рафаэля было в безопасности в его собственных руках, то не может быть никаких сомнений в том, что оно ускорило упадок живописи [Примечание: упадок религиозного искусства] в руках его последователей. Его любимый ученик, Джулио Романо, улавливал каждый трюк мастера и, подобно дьяволу, цитирующему Священное Писание, рисовал картины, радующие глаз, настолько распушенные, что теперь их нельзя выставлять. Андреа дель Сарто сентиментировал Деву Марию, превратив нежность в батос. Корреджо, самый одаренный из них, ничего не умел делать так хорошо, как изображать чувственную любовь. Его картины - гимны Венере, а его женщины, как святые, так и грешницы, - гурии эротического рая.

Был ли когда-либо лучше передан экстаз любовной страсти, доходящий почти до мистического восторга, чем в чудесном свете и тени его Юпитера и Ио? У этих и многих других современных артистов на устах была только одна песня - гимн, восхваляющий жизнь, пышность и величие этого прекрасного мира, а также наслаждения и красоту тела.

Но для всех людей, за исключением тех, кого любят боги, наступает какой-то момент, возможно, в самый расцвет успеха, радости и любви, когда мир внезапно обрушивается на руины. Смерть того, кого любили больше, чем себя, {681} болезнь и боль, предательство чьего—то доверия, провал столь заветного дела - все это и многое другое являются вратами, через которые рождается трагедия. И красота трагедии превышает всей другой красоты, потому что только в какой-то высшей борьбе величие человеческого духа может утвердить свое полное величие. У Шекспира и Микеланджело нас радует не пытка, а триумф над обстоятельствами.

[Примечание на стороне: Микеланджело, 1475-1564]

Никто не почувствовал и не выразил это так глубоко, как флорентийский скульптор, который среди мира любви и смеха жил в умышленной печали, изучая, как человек может выйти победителем из смертельной схватки во тьме и как душа совершенствуется благодаря своей страсти к боли. Его интересовало только одно - человек, потому что только человек трагичен. Он не писал портретов — или только одного или двух, — потому что ни один живой человек не соответствовал его идеалу. Все его фигуры сильны, потому что только сила способна страдать так же, как и действовать. Девять десятых из них - мужчины, а не женщины, потому что красота мужчины - это сила, тогда как сила женщины - это красота. Лишь в нескольких своих ранних фигурах он достигает спокойствия — в Мадонне, в Давиде или в Купающихся мужчинах, все они, включая Мадонну с фигурами мужчин на заднем плане, призваны продемонстрировать совершенство спортивной силы.

Но, за исключением этих ранних работ, почти все, к чему приложил руку Микеланджело, буквально охвачено страстью. Леда обнимает лебедя в высший момент зачатия; Ева, оторванная от Адама, горько плачет; Адам поднимается на тяжелую борьбу, которая и есть жизнь; рабы корчатся в своих узах, как будто они были из раскаленного железа; Моисей встает со своего места для какой-то грандиозной схватки. Каждая фигура, щедро украшающая Сикстинскую капеллу, достигает, если не превышает, предела физического развития человека. Сивилла и Пророк, {682} Адам и Ева, человек и Бог - все они брошены вместе с буйной силой и "террибилитой".

Почти сверхъестественный ужас, порожденный гением Микеланджело, нашел наиболее полное выражение в иллюстрации идеи предопределения, которая была одержима реформаторами и преследовала многих католиков того времени. В "Страшном суде" художник сделал основной акцент на проклятии нечестивых, низвергнутых на внешние мучения фразой "Отойдите от меня, проклятые", произнесенной Христом, не кротким и кротким Мужем Скорби, *новеликим* царем, Геркулесом, перед которым трепещет Мария и содрогается все творение. Более тихим, но не менее трагичным произведением искусства является скульптура на могиле Лоренцо Медичи во Флоренции. Сам герой сидит наверху, и оба они, и четыре аллегорические фигуры, двое мужчин и две женщины, обычно называемые Днем и Ночью, Утром и Вечером, погружены в задумчивую, вечную печаль. Поэтому они вечно размышляют, словно ищут во сне и неом забытии какое-нибудь успокоительное от ощущения обреченности своей страны и своей расы.

Но это еще не вся боль. Ни Тициан не сделал радость, ни Рафаэль любовь, ни Леонардо чудо такими прекрасными, какими Микеланджело сделал трагедию. Его сонеты дышат поклонением красоте как символу божественной любви. Он подобен великому темному ангелу Виктора Гюго:

Et l'ange devint noir, et dit:—Je suis l'amour.
Mais son front sombre etait plus charmant que le jour,
Et je voyais, dans l'ombre ou brillaient ses prunelles,
Les astres a travers les plumes de ses ailes.

Контраст между плодovitостью итальянского художественного гения и сравнительной бедностью Северной Европы наиболее очевиден, когда северные художники наиболее точно копировали своих трансальпийских братьев. Вкус к итальянским картинам распространился за границей среди многих путешественников, и спрос породил предложение копий и имитаций. Антверпен стал обычной фабрикой по производству подобных изделий, в то время как Италия оказала глубокое влияние на немцев Кранаха, Дюрера и Гольбейна. Из них всех Гольбейн [Прим. автора: Ганс Гольбейн Младший, 1497-1543] был единственным, кто действительно мог конкурировать с итальянцами на их собственной земле, и то только в одной отрасли искусства - портретной живописи. Его исследования Генриха VIII, его жен и придворных сочетают правдивость по отношению к природе с высоким чувством красоты. Его картины, изображающие Мора и Эразма, с совершенным мастерством выражают лучшие качества двух редких натур.

[Примечание: Альберт Дюрер, 1471-1528]

Дюреру редко удавалось писать картины самого прекрасного типа, но некоторые из его портретов не могут сравниться ни с чем, кроме этюдов Леонардо. Вся жизнь и характер человека отражены в двух рисунках его друга Пиркхаймера, странной смеси философа и свиньи. И трагедия в том, что низшая природа победила; в 1504 году на сильном лице видна лишь потенциальная грубость; в 1522 году победила свинья, но виден крах ученого.

Как инженер и изучающий эстетику Дюрер также был северным Леонардо. Его теория искусства раскрывает секрет его гениальности: "Что такое красота, я не знаю; но для себя я беру то, что во все времена считалось прекрасным большинством". Это делает искусство демократичным, низводя его из узкого круга дворцов и особняков в дом широких масс. Дюреру и его коллегам удалось добиться этого, используя новое немецкое искусство офорта и гравюры на дереве. Картины множились сотнями и тысячами и продавались не одному меценату, а многим. Характерно, что они отражали жизнь и мысли простых людей на каждом бытовом этапе. Благочестивых тем было множество, потому что религия занимала большое место в общепринятом мышлении, {684} но это была религия популярного проповедника, переводившего жизнь Христа в современную немецкую жизнь, полезную и немного вульгарную. Люди любят чудеса, и они очень буквальны; что может быть более чудесным и более буквальным, чем иллюстрации Дюрера к Апокалипсису, в которых Дракон с десятью рогами и семью головами и Агнец с семью рогами и семью глазами представлены в точности так, как они описаны? Дюрер не стремился и не достигал ничего, кроме реализма. "Я думаю, - писал он, - чем точнее и подобнее человеку картина, тем лучше работа. . . . Другие придерживаются другого мнения и говорят о том, каким должен быть человек. . . но в таких

вещах я считаю природу мастером, а человеческое воображение ошибками". Это была жизнь, которую он копировал, жизнь, которую он видел вокруг себя в Нюрнберге.

Но Дюрер, используя свой собственный знаменитый критерий портретной живописи, [Примечание: 1513-14] изобразил не только черты Германии, но и ее душу. Три его гравюры на дереве настолько полно отражают устремления немцев, что являются лучшим объяснением Реформации, которую они предсказывают. Первый из них, "Рыцарь, смерть и дьявол", показывает христианского солдата, едущего верхом по долине сверхъестественных ужасов. "So ist des Menchen Leben nichts anderes dann eine Ritterschaft auf Erden," is the old German translation of Job vii, 1, following the Vulgate. Эразм в своем *Справочнике христианского рыцаря* представил себе именно такую сцену, и идея воина Христова так глубоко запечатлелась в сознании людей, что последующие поколения интерпретировали рыцаря Дюрера как изображение Зикингена или Хаттена или одного из смелых защитников новой религии.

Разве Лютер не предсказан в Святом Иерониме, мирно трудящемся в своем отделанном панелями кабинете за переводом Библии, в то время как светит благословенное солнце, а лев и медвежонок удовлетворенно дремлют? Но немецкое исследование, {685} эта волшебная лаборатория, которая произвела так много хорошего, также часто была перегонным кубом задумчивости и отчаяния. В начале века люди больше, чем когда-либо прежде, ощущали огромные перспективы и огромное давление мысли. Новая наука разорвала старые узы, но, несмотря на это, душа по-прежнему жаждала большего. Тщета знания выражена как нигде больше в "Меланхолии" Дюрера, одной из величайших картин в мире. В окружении научных инструментов — компаса, книги, весов, молотка, арифметического квадрата, песочных часов, колокольчика — сидит женщина с крыльями, слишком маленькими, чтобы поднять ее тяжелое тело. Далеко вдалеке виднеется чудесный город во всем великолепии Северного сияния, но поперек великолепного видения порхает маленькое существо, похожее на летучую мышь, подходящий символ какой-то беспорядочной фантазии перенапряженного ума.

[Примечание: Гротеск]

Любовь к взрослым тесно связана с меланхолией эпохи Возрождения. У Дюрера это приняло безобидную форму пристрастия к чудовищам — носорогам, бородатым младенцам, шестиногим свиньям и тому подобному. Но Гольбейн и многие другие художники пощекотали эмоции своих современников, написав длинную серию картин, известную как "Танец смерти", в которой какой-нибудь мужчина или женщина, типичные для определенного класса, такие как император, солдат, крестьянин, невеста, изображены уходящими из жизни с помощью ухмыляющегося скелета.

Типичной для той эпохи также была карикатура, поставленная теперь на службу напряженной партийной борьбе Реформации. Чтобы изобразить папу, или Лютера, или гугенотов в их истинном обличье, их враги рисовали их с когтями, копытами, ослиными головами и дьявольскими хвостами, пьющими и богохульствующими. Даже короли изображались карикатурно, что вдвойне важно!

[Примечание: Архитектура]

Поскольку живопись и скульптура достигли столь высокого уровня зрелости в шестнадцатом веке, можно предположить, что архитектура будет делать то же самое. По правде говоря, {686} однако архитектура скорее пришла в упадок. Очень часто, если не всегда, каждый особый вид

искусства проходит через цикл молодости, совершенства и увядания, которые сильно напоминают жизнь человека. Рождение искусства часто происходит благодаря какому-нибудь техническому изобретению, все возможности которого раскрываются лишь постепенно. Но после того, как недавно открытые области исчерпаны, эпигонам мало что остается, кроме как рекомбинировать, часто фантастическими способами, старые элементы; общественный вкус отворачивается от них и требует чего-то нового.

[Примечание: Церкви]

Таким образом, высочайшей красоте средневекового собора, который можно было увидеть в Пизе, Флоренции, Перудже, Реймсе или Кельне, в шестнадцатом веке не было равных. По мере того, как церковь приходила в упадок, приходили и церкви. Возьмем собор Святого Петра в Риме, колоссальный по замыслу и чрезвычайно неравноправный по исполнению. Со свойственной ему гордостью и самоуверенностью папа Юлий II, чтобы освободить для нее место, снес старую церковь и другие древние памятники, почтенные и прекрасные, с иею двенадцати веков. Даже современники прозвали архитектора Браманте Руинанте! Он составил план, который был начат; затем он умер. На его место были назначены Сан-Галло, Рафаэль и Микеланджело, вместе или по очереди, а башни были пристроены после окончания шестнадцатого века. В результате получилось самое огромное здание в мире с почти худшими пропорциями. В конце концов, есть что-то уместное в том факте, что по мере того, как притязания пап расширялись, а их власть уменьшалась, их церкви должны были становиться все более обширными и в то же время менее впечатляющими. Собор Святого Петра должен был стать мраморной молнией; но, как и многие папские раскаты грома того века, в конце концов, это был всего лишь *brutum fulmen*!

Любовь к грандиозному, доведенная до крайности в соборе Святого Петра, заметна и в других церковных сооружениях шестнадцатого века, таких как Бадиа во Флоренции. Каким бы маленьким {687} он ни был, в нем есть определенная широта линий, которая не является готической, но восходит к классическим моделям. Сент-Этьен-дю-Мон в Париже - еще один хороший пример влияния изучения древних на архитектуру. Трудно указать на большой собор или церковь, построенные в Германии в этом столетии. В Англии часть колледжей Оксфорда и Кембриджа датируется этими годами, но эти части привиты к более старому стилю, который действительно определил их. Величайшая слава английской университетской архитектуры - часовня Королевского колледжа в Кембридже - была достроена в первые годы века. Благородные веерные своды и витражи запомнятся всем, кто их видел.

[Примечание: Церковная архитектура]

После Реформации церковная архитектура следовала двум различным стилям; протестанты культивировали чрезмерную простоту, католики - чрезмерный орнамент. У иконоборцев не было чувства прекрасного, и они думали, как выразился Лютер, что те, кто высоко ценит внешнюю форму, скорее всего, будут пренебрегать верой. Более того, протестантские службы потребовали изменения стиля средневекового собора. Чего они хотели, так это лекционного зала со скамьями; старые колонны и трансепты, а также просторный пол уступили место более практичной форме.

Католики, с другой стороны, в силу естественной реакции, щедро украшали свои церкви, как никогда прежде. Каждая колонна была украшена орнаментом, использовался любой предлог

для добавления каких-нибудь посторонних украшений; стены были увешаны картинами, статуями и резьбой, которые радовали или, по крайней мере, приковывали взгляд. Но случилось так, что благородный вкус более ранней и простой эпохи потерпел неудачу; среди всех возможных средств достижения эффекта не хватало спокойного величия.

[Примечание: Замки]

Что люди того светского поколения действительно строили с энтузиазмом и успехом, так это свои собственные жилища. {688} Что такое замки Шамбор и Блуа, Лувр, Хэмптон-Корт и Гейдельберг, как не дома игр и увеселений, о которых может мечтать только ребенок? Король, кардинал и вельможа соревновались в том, чтобы сделать башню и фронтон, галерею и двор похожими на сказочный дворец; банкетный зал и тайную комнату, где они и их товарищи по играм могли веселиться сколько душе угодно и оставлять свои инициалы, вырезанные так же густо, как мальчишки вырезают их на старой школьной парте. И как богато они их наполнили! Появилось множество новых видов искусства, призванных удовлетворить потребности этих обитателей дворцов: наши музеи по-прежнему полны стекла и эмали, ваз и фарфора, гобеленов, мебели и ювелирных украшений, принадлежавших Франциску и Екатерине Медичи, Льву X и Елизавете. Насколько совершенным было искусство изготовления многих из этих предметов повседневного обихода, можно оценить, только ознакомившись из первых рук с солонками Челлини или золотыми, серебряными и хрустальными кубками, изготовленными его коллегами. Посмотрите на часы, примером которых является часы в Страсбурге; тонкость изготовления безгранична; даже ударный механизм и циферблаты, показывающие движение планет, находятся далеко за пределами наших собственных возможностей или, возможно, нашего вкуса. Когда Питер Хенляйн изобрел часы, используя в качестве заводной пружины свернутое перо, он, возможно, не делал хронометры такими точными, как выпускаются в наши дни, но "нюрнбергские яйца" — названные так по месту их происхождения и форме не диска, а сферы — были чудом чеканки, инкрустации и ювелирного искусства.

[Примечание: Любовь к красоте]

Любовь к прекрасному была всеобщей. Город того времени, менее удобный, санитарный и густонаселенный, чем сегодня, был, безусловно, красивее для глаз. Сохранилось достаточно старого Нюрнберга, Честера, Сиены, Перуджи и многих других городов, чтобы убедить нас в том, что дома с красной черепицей, нависающими этажами, высокими фронтонами и причудливыми мансардными окнами имели гораздо более приятный вид, чем наши ряды закопченных фабрик и унылых жилищ.

[Примечание: Музыка]

Мужчины, столь жадные до всего утонченного и приятного, охотно наполнили бы свои уши сладкими звуками. Так они и сделали, в пределах ограничений все еще неразвитой техники. У них были органы, лютни, виолы, лиры, арфы, цитры, рожки и что-то вроде примитивного фортепиано, известного как клавикорд или клавицебало. Многие из этих инструментов обладали изысканно богатым и нежным звучанием, но им не хватало диапазона, громкости и разнообразия нашей музыки. Почти все мелодии были медленными, торжественными, жалобными; мотив гимна Лютера дает хорошее представление о распространенном тогда стиле. Когда мы читаем, что церкви переняли мотивы популярных песен, так что гимны пели джигитам из пивных и уличным ловцам, мы должны помнить, что упомянутые джигиты и песни о

любви были, по крайней мере, такими же трезвыми и уравновешенными, как многие мелодии, которые сейчас специально написаны для наших гимнов. Композиторы того времени, особенно Палестрина [Sidenote: Палестрина, 1526-94] и Орландо Лассо [Sidenote: Лассо, ок. 1530-1594], творили чудеса в пределах возможного, привнося богатство и разнообразие в песню.

[Примечание: Искусство и религия]

Искусство уже находилось в упадке, когда оно вступило в конфликт с религиозным возрождением того времени. Причины упадка понять нетрудно. Поколение гигантов, родившееся во второй половине пятнадцатого века, казалось, исчерпало возможности художественного выражения в живописи и скульптуре или, по крайней мере, исчерпало современные идеи, которые так легко выразить. Гвидо Рени и Караччи ничего не могли поделать, кроме как подражать и рекомбинировать.

А затем началась битва протестантов и католиков за то, чтобы направить умы мужчин в другое русло, помимо красоты. Даже когда Реформация не была сознательно настроена против искусства, она отбрасывала его в сторону как отвлекающий фактор от реальных дел жизни. Так в протестантских странах сложилось {690}, что публика рассматривает искусство либо как "бизнес", либо как "образование". Сам Лютер превыше всего любил музыку и многое сделал для ее популяризации, в то время как Эразм содрогался от пения псалмов, которое слышал в протестантских общинах! О живописи Реформатор говорил с восхищением, но так редко! Чем могло быть искусство в жизни человека, который боролся за спасение своей души? Кальвин более ясно видел опасность для души, исходящую от соблазнов преходящего очарования этого мира. Изображения в церквях он считал идолопоклонническими и прямо сказал: "Было бы нелепым и неумелым подражанием папистам воображать, что мы оказываем Богу более достойное служение, украшая наши храмы и используя органы и игрушки подобного рода. В то время как люди таким образом отвлекаются на внешние вещи, поклонение Богу оскверняется". Так получилось, что пуритане изгнали все соблазны не только из церкви, но и из жизни, и на искусство стали смотреть как на что-то аморальное.

[Примечание: Контрреформация]

Но мизинец папы-реформатора был толще чресел пуританина; там, где Кальвин наказывал плетью, Сикст V наказывал скорпионами. Адриан VI, первый католический реформатор после Лютера, не мог избавиться от "этих языческих идолов", древних статуй. Климент VII на мгновение восстановил старый режим искусства и распущенности вместе взятых, приказав Перино дель Вага расписать свою ванную сценами из жизни Венеры в манере Джулио Романо. Но Тридентский собор ввел строгие правила против изображений обнаженной натуры, в соответствии с которыми Даниэлю да Вольтерра было поручено нарисовать бриджи на всех обнаженных фигурах "Страшного суда" Микеланджело и на подобных картинах. Сикст V, который с трудом выносил Лаокоона и Аполлона Бельвидерского, был склонен разрушать памятники язычества. Крушение было полным, когда к ее жестокой ненависти церковь добавила {691} свою еще более жестокую любовь. Появились иезуиты, предлагавшие, подобно коробейникам, вместо старого доброго товара замену, которая, как они гарантировали, была "такой же хорошей" и намного дешевле. Под их руководством живопись была сентиментализирована и "морализирована"; архитектура приняла стиль барокко, безвкусный и неискренний. Церковь была забита безделушками и мишурой; мрамор сменился раскрашенной штукатуркой, а святость - болезненностью.

РАЗДЕЛ 5. Книги

[Примечание: Количество опубликованных книг]

Шестнадцатый век был первым по-настоящему книжным веком. Тогда только в Германии было напечатано или переиздано около 100 000 произведений. Если бы каждое издание составляло 1000 экземпляров — справедливое среднее значение, поскольку если многие издания были меньше, то некоторые были намного больше, — это означало бы, что немецкой публике ежегодно на протяжении столетия предлагалось около миллиона томов. Нет никаких сомнений в том, что религиозная полемика имела большое отношение к расширению читающей публики, поскольку она оказала такое же влияние на тираж брошюр, какое политическая кампания сейчас оказывает на тираж газеты. Следующие цифры показывают, насколько быстро увеличилось количество книг, изданных в Германии в решающие годы. В 1518 году их было 150, в 1519 году 260, в 1520 году 570, в 1521 году 620, в 1522 году 680, в 1523 году 935 и в 1524 году 990.

Многие из этих книг представляли собой короткие противоречивые трактаты; некоторые другие предназначались для распространения чистых новостей. Некоторые из этих разворотов были посвящены одному событию, как, например, в *Neue Zeitung: Die Schlacht des tuererkischen Kaisers*, [Примечание к стороне: 1526] в других было несколько интересных статей, включая письма из отдаленных уголков. Иногда появлялся простой пасквиль под заголовком *Neue Zeitung*, соответствующий нашим забавным газетам. Но эти заменители современных журналов были редки и нерегулярны; тогда мир располагал гораздо меньшим количеством информации о текущих событиях, чем сейчас. Не было также ничего похожего на наши еженедельные и ежемесячные журналы.

Нью Эйдж терпеть не мог средневековую литературу. Схоластов, которых никогда не читали, часто высмеивали. Гуманисты тоже впали в глубокую немилость, обвиненные в самомнении, расточительстве и безбожии. Они все еще бродили вокруг, подобно софистам древней Греции, оплакивая свою тяжелую судьбу и сожалея о грубости неблагодарного времени. Их настоящая вина заключалась в том, что они были или утверждали, что были аристократией, а люди, которые могли читать сами, больше не были обременены претензиями на эзотерические знания и цicerоновский стиль.

Даже средневековые народные романсы больше не приходились по вкусу новому поколению. Определенный класс людей продолжал украдкой читать "*Амадиса Галльского*" или "*Смерть Артура*", но знатоки вкуса заявили, что они больше не будут этого делать. Пуританин находил их безнравственными; светский человек считал их нелепыми. Эшэм утверждает, что "все удовольствие" от *Смерти Артура* "заключается в двух особых моментах: в открытом непредумышленном убийстве и дерзкой непристойности". Едва миновал век, когда Сервантес опубликовал свою знаменитую смертоносную сатиру на странствующего рыцаря.

[Примечание: Поэзия]

Но по мере того, как сказка о рыцарстве приходила в упадок, старый металл превращался в чистое золото поэзии Ариосто, Тассо и Спенсера. Притязания на реальность были отброшены, и поэт совершенно откровенно нарисовал фантастический, сказочный мир, полный великанов, волшебников, чар, гиппогрифов и рыцарей невероятной драчливости, которые спасают девиц удивительной красоты. Вполне мог бы итальянец, до того как Лютер и Лойола пришли отнимать

радость от жизни, потеряться в сладких словах и любовных приключениях героя, сошедшего с ума от любви. Еще одно поколение, и {693} Тассо должен будет обернуть свои сладострастные стихи вокруг религиозного эпоса. Эдмунд Спенсер, пуританин и англичанин, изобразил все это аллегорически таким образом, что, в то время как совесть успокаивалась знанием того, что все рыцари и дамы олицетворяли моральные добродетели или пороки, чувства будоражили сладкозвучные интонации и неприкрытые описания искушений в Обители Блаженства. И как по-британски, что королева Англии Елизавета олицетворяет главные добродетели!

Поэзия была в сердцах людей, песня была у них на устах. Ранняя весна в Италии пришла позже в северные широты, но когда она все-таки пришла, то принесла с собой Маро и Ронсара во Франции, Уайатта и Суррея в Англии. Более значительным, чем творчество великих поэтов, было широкое распространение лирического таланта. Немало сборников стихов предлагают публике песни многих авторов, некоторые из которых неизвестны по имени. Англия, в частности, была "гнездом певчих птиц", восторженно приветствующих рассвет, и песни в основном были посвящены "любви, месяц которой всегда май". Каждый певец изливал свое сердце в свежих, откровенных восхвалениях красоты своей возлюбленной, или в упреках в ее жестокости, или в сетованиях на ее неверность. Во всем этом было что-то очень простое и непосредственное; ничего глубоко психологического, пока в самом конце века "засахаренные сонеты" Шекспира не дали его "близким друзьям" пищу для размышлений, а также повод для удовольствия.

[Примечание: Остроумие]

Если бы жизнь не могла состоять исключительно из любви, она могла бы состоять почти исключительно из смеха. Остроумие и юмор ценились превыше всего, и Сатира пробуждала ощущение ее ужасной силы. Две статуи в Риме, названные Пасквино и Марфорियो, использовались в качестве рекламных щитов, на которые люди наклеивали пасквили против правительства и общественных деятелей. Эразм смеялся над всем; {694} Лютер и Мурнер осыпали друг друга насмешками; такой человек, как Питер Аретино, был обязан своему зловещему успеху в искусстве шантажа своему остроумию.

[Прим. автора: Рабле, ок. 1490-1553]

Но "мастером насмешек", как слишком презрительно назвал его Бэкон, был Рабле. Его смех столь же многочислен, как океанские волны, и столь же благотворен, как солнечный свет. Он смеялся не потому, что презирал жизнь, а потому, что любил ее; он не "грел обе руки" перед огнем существования, он кувыркался перед его пламенем. Нельзя сказать, что он выбрал в качестве предмета "кусочек жизни", поскольку это означало бы более изысканное вырезание, чем ему хотелось бы; скорее, он протянул руку, по моде своего времени, и обеими руками взял с блюда, стоявшего перед ним, самый большой и жирный кусок жизни, который только мог ухватить. "Вы никогда не видели человека, - сказал он о себе, - который больше любил бы быть королем или богатым, чем я, чтобы я мог жить богато, не работать и не беспокоиться, и чтобы я мог обогатить всех своих друзей и всех хороших, мудрых людей". Как и Уитмен, он был настолько влюблен во все, что простое повторение общеупотребительных названий приводило его в восторг. Потребовались страницы, чтобы рассказать, что ел Пантагрюэль, и еще больше страниц, чтобы рассказать, что он пил. Этот гигант одевался с более чем королевской роскошью, и когда он играл в карты, как вы думаете, сколько партий Рабле перечислил одну за другой, не останавливаясь, чтобы перевести дух? Двести четырнадцать! Поэтому он угощался

всем подряд; его аппетит был подобен рту Гаргантюа. Это была сама печать эпохи; она была ненасытна ко всем удовольствиям, к еде и питью, к роскошной одежде и прекрасным жилищам, к бесконечному веселью и приключениям без ограничений. Почти каждый мужчина шестнадцатого века был Пантагрюэлем, чью жажду жить полнокровно и горячо не могло заглушить никакое пресыщение, никакой страх перед последствиями {695}. Аскетический мрак и ужас Средневековья рассеялись, как ранний туман перед летним солнцем. Люди видели, как мир разворачивается перед ними, словно во втором творении, и они набросились на него с единственным страхом, что окажутся слишком медлительными или отсталыми, чтобы самим насладиться всеми его чудесами.

[Примечание: Рассказы бродяг]

И люди больше не желали оставлять жизненную славу своим начальникам. Они не видели причин, по которым все хорошее должно быть сохранено, как дичь для охоты знати, или огорожено, как общее достояние, для выпаса нескольких аристократических бараньих голов. Так что в литературе они вполне довольствовались тем, что позволяли привередливой знати вдоволь почитать стихи о рыцарях, одиноко странствующих по сказочным землям, в то время как сами поглощали книги о более скромных героях. Плутовской роман в Испании и его аналоги, Тилль Уленшпигель или Райнеке Вос на севере, повествовали о приключениях какого-нибудь негодяя или бродяги. Живя своим умом, он находил хорошей жизнью мошенничество и азартные игры, выпивку и занятия любовью.

[Примечание на стороне: Пьесы]

Для тех, кто не мог сосредоточиться на книге, была устроена драма. Из средневековья, когда пьеса была средством религиозного воспитания, в период Возрождения она превратилась в совершенно светское зеркало жизни. В Италии существовала изысканная литературная драма, в основе которой лежал какой-нибудь сюжет любви или история обольщения, и наряду с этим существовал популярный вид фарса, известный как Комедия дель Арте, в котором были набросаны только контуры сюжета, а персонажи, обычно типичные личности, такие как Любовник, его Дама, Хвастливый капитан, Скряга, вели диалоги и другие комические "дела", которые щекотали воображение зрителей.

В чем-то схожими по духу с этими пьесами были масленичные фарсы {696}, написанные в Германии простым нюрнбергерцем, который описывает себя в стихах, поддающихся буквальному переводу:

Ханс Сакс -
также сапожник и поэт.

Народ, всегда нравственный, получал не меньшее удовольствие от грубого веселья этих безыскусственных сцен, чем от поучений и здравых советов, которыми они изобиловали.

[Примечание: Дух шестнадцатого века]

Контраст двух тем, часто встречающийся в мыслях людей, олицетворяет дух эпохи. Один мотив звучит громко в начале Реформации, но почти угасает к концу столетия; другой, начинающийся в то же время, медленно нарастает до крещендо, достигающего кульминации далеко за

пределами эпохи. Первой темой был "Блудный сын", поставленный не менее чем двадцатью семью немецкими драматургами, не считая нескольких на других языках. Для протестанта Младший сын олицетворял веру, старший - труд. Для всех изгнание в далекую страну, разгульная жизнь с блудницами и поедание шелухи со свиньями означали жизнь этого мира с его пышностью и тщеславием, его похотью и греховными желаниями, которые становятся опорой для души. Возвращение к отцу - это возвращение к Божьей любви здесь, внизу, и к вечному блаженству наверху. Для тех, кто может в это поверить, это самая прекрасная история в мире.

[Прим. автора: Фауст]

И это разительный контраст с другой сказкой, столь же типичной для того времени, - басней о Фаусте. Хотя существовал реальный человек с таким именем, шарлатан и некромант, который во время своих обширных странствий посетил Виттенберг, вероятно, в 1521 году, и который умер примерно в 1536-7 годах, его жизнь была всего лишь колышком, на который можно было повесить мораль. Он стал похож на человека, который продал свою душу дьяволу в обмен на способность все знать, все делать и всем наслаждаться в этом мире.

{697} Первая печатная *книга о Фаусте* (1587) на протяжении трех столетий считалась протестантским произведением, но открытие более древней и совершенно иной формы легенды в 1897 году изменило всю литературную проблему. Теперь утверждается, что "Фауст" этого неизвестного автора является пародией католика на Лютера. Он профессор в Виттенберге, он много пьет, его брак с Хеленой напоминает католическую карикатуру на брак Лютера; его договор с дьяволом таков, как мог бы заключить отступник. Но правильнее было бы сказать, что Фауст - это не карикатура на Лютера, а его дьявольский двойник, точно так же, как в раннехристианской литературе Симон Волхв является антитезой Петру. Фауст - человек сатаны, как Лютер был человеком Божьим; их приключения в чем-то похожи, но с противоположной целью.

А Фауст - человек шестнадцатого века, такой же настоящий, как Блудный сын или Пантагрюэль. Жить полной жизнью, познать все науки и все тайны, осушить до дна чашу, наполненную вином наслаждения и гордости жизнью, - это было дороже небес! Полное значение притчи о спасении, утерянной для человеческого опыта, не раскрывалось до тех пор, пока Гете не подхватил ее; но оно подразумевается как в немецких книгах о Фаусте, так и в пьесе Марло.

[Примечание: Величие Шестнадцатого века]

Многим людям двадцатого века трудно отдать должное эпохе Реформации. Сейчас мы находимся в конце периода, начатого Колумбом и Лютером, и мы изменили суждения их современников. Религия больше не занимает того места, которое она занимала тогда, и разница между католичеством и протестантизмом больше не кажется самой важной вещью в религии. Более того, капитализм и государство, которые тогда вступили на путь завоеваний, теперь подвергаются нападкам.

Опять же, применение любого статистического метода приводит к тому, что прежние эпохи кажутся сокращающимися по сравнению {698} с нынешними. По численности населения и богатству, в войне и науке мы неизмеримо превосходим наших предков. У многих торговцев доход больше, чем у Генриха VIII, и многие студенты колледжей знают астрономию лучше, чем Кеплер. Но если мы судим о величии эпохи, как и должны, не по ее удаленности от нас, а по ее

собственным достижениям, по тому, о чем мечтали ее поэты и чего достигли ее сильные люди, важность шестнадцатого века можно оценить по достоинству.

[Примечание: Эпоха устремлений]

Это была эпоха "переживания". Оно любило ощущения с детской жадностью; оно опьяняло себя Рабле и Тицианом, золотом Перу, пряностями и одеждами Востока. Это был смелый век. Люди храбро отстаивали духовную свободу вместе с Лютером или отдавали свои жизни вместе с Магелланом, чтобы обогнуть землю, или с Бруно, чтобы покорить небеса. Это была эпоха устремлений. Вместе с Эразмом она мечтала о времени, когда люди должны быть подобны Христу, или вместе с Мором о месте, где они должны быть справедливыми; или с Микеланджело она размышляла о значении скорби, или с Монтенем она накапливала повседневную мудрость. И в это время, кость от кости и плоть от плоти, родился величайший в мире поэт с глазами, способными видеть самое глубокое, и языком, способным рассказать самое сокровенное человеческому сердцу. Воистину, такое поколение не было ни бедным, ни отсталым. Скорее, она была велика в том, чего достигла, возвышенна в том, о чем мечтала; изобиловала зрелой мудростью и героическими поступками; полна света, красоты и жизни!

{699}

ГЛАВА XIV

РЕФОРМАЦИЯ ИНТЕРПРЕТИРОВАЛА

Историки, рассматривавших Реформацию, можно классифицировать по-разному: в соответствии с их национальными или конфессиональными пристрастиями, или по их научным методам, или по их литературным достижениям. Для нашей настоящей цели будет удобно разделить их, в соответствии с их точкой зрения, на четыре ведущие школы мысли, которые за неимением лучших названий я могу назвать Религиозно-политической, рационалистической, либерально-романтической и экономико-эволюционной. Как и все человеческие категории, они весьма приблизительны; многие, если не большинство, историки находились под влиянием более чем одного типа мышления. Когда одновременно преобладают разные философии истории, возникает эклектика. Религиозные и политические объяснения достигли своего расцвета в шестнадцатом и семнадцатом веках, хотя и сохранились впоследствии; рационалистическая критика доминирует в восемнадцатом веке и продолжается в некоторых случаях до девятнадцатого; либерально-романтическая школа пришла вместе с Французской революцией и отошла на второй план примерно в 1859 году, когда экономисты и дарвинисты начали заявлять о своих притязаниях.

РАЗДЕЛ 1. РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТОЛКОВАНИЯ. (ШЕСТНАДЦАТЫЙ И СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕКА)

[Примечание: ранние протестанты]

Ранняя протестантская теория Реформации была простой, основанной на аналогии со Священным Писанием. Считалось, что Бог избрал особый народ для служения ему, для наставления и руководства которым, особенно ввиду их обычного отступничества, он воздвиг ряд свидетелей истины, пророков, апостолов и мучеников. Божья забота о евреях при старом устройении была передана церкви в новом, и эта забота была ограничена той ветвью истинной церкви, к которой принадлежал конкретный писатель и историк.

[Примечание: название "Реформация"]

Слово "Реформация", гораздо более древнее, чем движение, к которому оно применяется *в первую очередь*, указывает именно на то, каким оно должно быть по замыслу его лидеров. "Реформа" была одним из вечных лозунгов человечества; в средние века она применялась к работе ряда лидеров, таких как Риенци, и была принята в качестве программы Констанцского и Базельского соборов. Лютер принял его, по крайней мере, еще в 1518 году, в письме герцогу Георгу заявив, что "прежде всего должна быть предпринята общая реформация духовного и светского сословий", и он включил его в название своего величайшего немецкого памфлета. Другим названием, которое Лютер и его друзья часто применяли к своей партии, было "евангелие". В своих собственных глазах виттенбергский профессор делал не что иное, как восстанавливал давно похороненное евангелие Иисуса и Павла. "Лютер внезапно начал, - говорит Ричард Бертон, - рассеивать туманную пелену суеверий и восстанавливать чистоту первоначальной церкви".

Было бы легко, но излишне умножать *неограниченные* цитаты, показывающие, что ранние протестанты все относили к общим целям Провидения, а иногда и к прямому действию Бога, или к дерзкой, но более усердной деятельности дьявола. Интересно отметить, что они не были полностью слепы к естественным причинам. Сам Лютер еще в 1523 году увидел связь между своим движением и возрождением учености, которое он сравнил с Иоанном Крестителем, подготавливающим путь для проповеди Евангелия. Лютер также увидел то, чего не видели многие из его последователей, что Реформация не была случайностью, зависящей от его личного вмешательства, а была неизбежной и продолжалась, когда он начал проповедовать. "Исправление и пресечение злоупотреблений, - сказал он в 1529 году, - было в самом разгаре еще до возникновения доктрины Лютера ... и можно было сильно опасаться, что произошла бы беспорядочная, бурная, опасная революция, подобная той, которую начал Мюнцер, если бы не вмешалась устойчивая доктрина".

Английские протестантские историки, полностью принимая теорию всемогущего Провидения, были склонны придавать должное значение вторичным, естественным причинам. Фокс, утверждая, что свержение папства было великим чудом и непреходящей милостью, все же признавал, что это стало возможным благодаря изобретению книгопечатания и "первому толчку и атаке", предпринятым безбожными гуманистами. Бернет последовал тезису Фокса в гораздо лучшей книге. Печатаемая масса документов, он также был способен, в интересах благочестия, скрыть факты, наносящие ущерб протестантам. За свой панегирик он был благодарен парламенту. Работа была посвящена Карлу II с лестным и правдивым замечанием о том, что "первым шагом, который был сделан в Реформации, было восстановление прав ваших королевских предков на корону и полную власть над всеми их подданными".

Задача современного немецкого протестантского историка Зекендорфа была намного сложнее, поскольку Тридцатилетняя война, по его признанию, заставила многих людей усомниться в преимуществах Реформации, не доверять ее принципам и отвергнуть ее доктрины. Он выполнил неблагодарный труд по принесению извинений в работе огромной эрудиции, все еще ценной для специального студента благодаря документам, которые в ней цитируются.

[Примечание: католики]

Католическая философия истории была для протестанта как печать для воска или как негатив для фотографии; то, что было рельефным на одном, было подавленным на другом, то, что было светлым в одном, было тенью в другом. Одна и та же теория об избранном народе, о прямом божественном управлении и сатанинском вмешательстве была основой и того, и другого. То, что Лютер был плохим человеком, отступником, порожденным инкубом и знакомым с дьяволом, использовалось для объяснения его ереси, и его обычно сравнивали с Мухаммедом или Арием. В его действиях были найдены плохие, хотя и часто тривиальные мотивы, например, то, что он сбежал из Рима, потому что не смог получить папское разрешение на вступление в брак. Легенда о том, что его протест против индульгенций был вызван ревностью августинцев к доминиканцам, которым папа обязал их продать, была начата Эмсером в 1519 году и повторялась Питером Мучеником д'Ангьеррой, Коклеусом, Боссюэтом и большинством католических и светских историков вплоть до наших дней.

Помимо отвратительной полемики доктора Сандерса, который нашел единственную причину Реформации в явном разврате, католики до 1700 года внесли только один заслуживающий внимания вклад в эту тему - вклад Боссюэ, епископа Мо. [Примечание: Боссюэ] Его *История изменений протестантских церквей*, написанная без той одиозной клеветы на характер, которая до сих пор была основным элементом конфессиональной полемики, и с большим количеством настоящего красноречия, ставит своей целью осудить реформаторов из их собственных уст за их взаимные противоречия. Истина едина, утверждает Боссюэ, и то, что меняется, не является истиной, но разновидностей у протестантов почти столько же, сколько пасторов. Никогда ни до, ни после этого столь эффективная атака на протестантизм с христианской точки зрения не предпринималась. Убедительным повторением мораль доводится до конца: в религии нет ничего определенного без центральной власти; бунт обязательно приведет к безразличию и атеизму во мнениях и к ниспровержению всего установленного порядка в гражданской жизни. {703} Главные причины Реформации кроются в признанной испорченности церкви и в личной неприязни реформаторов. Предполагаются аморальные последствия их теорий, как, например, в идеях Лютера о полигамии, так и в отрицании Цвингли первородного греха и его либеральном допущении добрых язычников на небеса.

[Примечание: светские историки]

В этот период о Реформации было написано очень много того, что не было сильно затронуто кредо. Все это показывает, насколько полностью люди самых либеральных тенденций находились под влиянием своего окружения, поскольку их комментарии были почти идентичны высказываниям самых убежденных приверженцев. По большей части светские историки пренебрегали церковной историей как отдельной дисциплиной. Эдвард Холл, типичный протестантский хронист, почти не упоминает религию. Камден приносит извинения за то, что легкомысленно коснулся церковной истории и не ограничился политикой и войной, которые, по его мнению, являются подходящей темой для "анналиста". Бьюкенен игнорирует Реформацию; Де Ту обходит ее стороной с минимальным количеством слов, опасаясь обидеть либо папистов, либо гугенотов. Во всех своих работах Джовиус посвящает этому всего одну-две страницы. В одном месте он видит главную причину Реформации в пагубном соединении звезд; в другом он говорит о ней как о возрождении одной из старых ересей, осужденных в Констанце. Полидор Вергилий уделяет мало внимания расколу, причину которого он находил в слабости человеческих умов и их склонности к новизне.

Единственным ценным объяснением подъема протестантизма, предложенным светскими историками того времени, была теория о том, что это было в значительной степени политическое явление. То, что в этом было много правды, очевидно; опасность теории заключалась в ее чрезмерном изложении и в ее слишком поверхностном применении. Насколько глубоко Реформация отвечала политическим потребностям {704} той эпохи, было показано только в девятнадцатом веке; насколько тонко, насколько бессознательно две революции часто работали вместе, было за пределами понимания даже лучших умов того времени. Политическое объяснение, которое они предлагали, состояло просто в том, что религия была лицемерным предлогом для достижения эгоистичных целей монархов или фракции. Даже в этом была доля правды, но далеко не самая большая.

[Примечание: 1527]

Веттори в своей *Истории Италии* упоминает Лютера просто для того, чтобы показать, как император использовал его в качестве рычага против папы. Гвиччардини объясняет Реформацию возмущением немцев по поводу того, что они платят деньги за индульгенции. С этого начала, честного или, по крайней мере, простительного само по себе, говорит он, Лютер, увлеченный честолюбием и народными аплодисментами, взрастил партию. Папа мог бы легко позволить восстанию угаснуть, если бы пренебрег им, но он избрал неверный курс и раздул крошечную искру в большое пламя, воспротивившись ему.

Ряд французских писателей подхватили эту притчу. Брантом говорит, что он оставляет религиозный вопрос тем, кто знает о нем больше, чем он, но он считает перемены опасными, "поскольку новая религия в народе впоследствии требует смены правительства". Он думал, что Лютер завоевал расположение многих представителей духовенства, разрешив им вступать в брак. Мартин Дю Белле нашел причину английского раскола в разводе Генриха и в том малом уважении, которое папа питал к его величеству. Давила, де Мезере и Даниэль, писавшие историю гражданских войн во Франции, рассматривали гугенотов просто как политическую партию. Так оно и было, но они были чем-то большим. Даже Гуго Гроций не смог раскрыть более глубокие причины голландского восстания и религиозной революции.

[Примечание: Слэйдан]

Первая из всех историй немецкой реформации {705} также была, по крайней мере, за два столетия, лучшей. Хотя Слейдан и превосходил других в некоторых деталях, он сочетал в себе больше качеств великого историка, чем кто-либо другой, много писавший по истории церкви в шестнадцатом или семнадцатом веках: справедливость, точность, образованность, мастерство изложения. Словами, напоминающими девиз Ранке, он заявил, что, хотя и протестант, он будет беспристрастен, и просто изложил "rem totam, sicut est acta". "Описывая религиозные дела, - продолжает он, - я не мог опустить политику, поскольку, как я уже говорил ранее, они почти всегда взаимодействуют, и в наш век их меньше всего можно разделить". При этом он рассматривает Реформацию как великую победу слова Божьего, а Лютера - как выдающегося поборника истинной религии. Простым, прямолинейным повествованием, без особых философских размышлений, он излагает — лучше некуда - дипломатическую и теологическую сторону движения, не исследуя его причин и не интересуясь народной поддержкой, на которой основывалось все остальное.

[Примечание: Сарпи]

Большее искусство и более глубокое психологическое проникновение, чем предполагал Слейдан, можно найти в трудах Пола Сарпи, "великого разоблачителя Тридентского совета", как метко назвал его Милтон. Этот монах, чья книга могла быть опубликована только на протестантской земле, этот историк, которым Маколей восхищался как лучшим представителем современности и которого Эктон осуждал как годного для Ньюгейтской тюрьмы, задал студентам одну из самых любопытных психологических головоломок. Опуская обсуждение его образованности и точности, которые недавно подверглись серьезным нападкам и, возможно, были дискредитированы, давайте спросим, каково было его отношение к своему предмету? Трудно причислить его ни к протестантам, ни к католическим апологетам, ни к рационалистам. Наиболее вероятным объяснением его нападков на вероучение, в которое он верил, и его благоприятного представления деяний {706} еретиков, которых он, должно быть, предал анафеме, является то, что он был католическим реформатором, тем, кто горячо желал очистить церковь, но кому не нравились ее политические замешательства. Нет ничего противоестественного в том, чтобы сравнить его с Адрианом VI и Контарини, которые в более свободную эпоху писали резкие обвинения в адрес своей собственной церкви; у Деллингера также можно найти параллель с ним. Какими бы ни были его предубеждения, его ограничения, очевидно, свойственны его эпохе; его объяснения протестантского восстания, полную историю которого он изложил в качестве введения к своей основной теме, были в точности такими, какие выдвигали его предшественники: это было божественное провидение, оно было вызвано злоупотреблениями церкви и ревностью монахов-августинцев и доминиканцев.

[Примечание: Харрингтон]

Блестящее предвосхищение современной экономической школы исторической мысли можно найти в "Океане" Харрингтона, который предположил, что причины революции в Англии были не столько религиозными, сколько социальными. Когда Генрих VIII передал конфискованные земли эбби и нобла в руки потомков народа, Харрингтон подумал, что он разрушил древний баланс сил в конституции и, уравнив феодализм и церковь, возвел на трон еще более опасного врага.

РАЗДЕЛ 2. РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ КРИТИКА. (ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК)

Хотя "философы" эпохи просвещения не были первыми, кто судил Реформацию со светской точки зрения, они ознаменовали большой прогресс в интерпретации истории по сравнению с гуманистами. Последнему удалось превратить все движение в ничто иное, как либо иллюзию, либо обман, вдохновленный утонченной и просчитанной политикой. Философы проникали в суть дела глубже, чем это; хотя и для них религия была ложью, возникшей, как выразился Вольтер, когда {707} первый лжец встретил первого дурака. Но они смогли увидеть причины религиозных перемен и указать на поучительные аналогии.

[Примечание: Монтескье]

Монтескье показал, что религии служат потребностям своих приверженцев и, таким образом, адаптируются ими к господствующей гражданской организации. Сравнив мусульманство и христианство, он сказал, что Север Европы принял протестантизм, потому что в нем был дух независимости, в то время как Юг, естественно раболепствующий, цеплялся за авторитетное католическое вероучение. Разногласия между протестантами также соответствовали, по его

словам, их светскому устройству; таким образом, лютеранство стало деспотическим, а кальвинизм республиканским из-за обстоятельств, в которых возникло каждое из них. Подавление церковных праздников в протестантских странах он считал вызванным большей потребностью и рвением к труду на Севере. Он объяснил предполагаемый факт, что протестантизм породил больше свободомыслящих, сказав, что их ничем не украшенный культ, естественно, вызывал менее теплую привязанность, чем чувственный ритуал романизма.

[Примечание: Вольтер]

Одним из величайших историков был Вольтер. Никто другой не сделал историю настолько универсальной, как он, заглянув во все стороны жизни и в каждый уголок земли. Никакая власть, навязанная ему, никакой факт не признавался необъяснимым законами природы. Это правда, что он был не очень образован и что у него были сильные предубеждения против того, что он называл "самым печально известным суеверием, которое когда-либо приводило к жестокости человека". Но при всем этом он привнес в историю человечества больше свободы и жизни, чем кто-либо из его предшественников.

В своей истории Реформации он опирался на Боссюэ, Сарпи и несколько других общих работ; нет никаких свидетельств того, что он внимательно изучал какие-либо источники. Но его трактовка феноменов замечательна. {708} Начиная с восторженного рассказа о величии Возрождения, его открытиях, его богатстве, списке выдающихся имен, он сравнивает Реформацию с двумя одновременными религиозными революциями в мусульманстве, одной в Африке, другой в Персии. Он не исследует глубоко, но никому другому даже в голову не приходило обратиться к сравнительному религиоведению в поисках света. Проследивая ход событий, он более традиционен, находя довольно мелкие причины для крупных следствий. Все началось, уверяет он нас, со ссоры августинцев и доминиканцев из-за награбленного при продаже индульгенций, "и эта маленькая ссора монахов в уголке Саксонии на протяжении более чем ста лет приводила к раздорам, ярости и несчастьям для тридцати наций". "Англия отделилась от папы, потому что король Генрих влюбился". Швейцарцы взбунтовались из-за болезненного впечатления, произведенного скандалом с Джетцером. Реформация, по мнению Вольтера, осуждается за ее кровопролитие и за то, что она апеллирует к страстям толпы. Догмы реформаторов считаются ничуть не более рациональными, чем догмы их противников, за исключением того, что Цвингли хвалят за то, что он "кажется более ревностным к свободе, чем к христианству. Конечно, он ошибся, - остроумно комментирует наш автор, - но как гуманно так ошибаться!" Влияние Монтескье прослеживается в следующей ранней экономической интерпретации в *Философском словаре*:

Есть некоторые народы, религия которых не зависит ни от климата, ни от правительства. Какая причина отделила Северную Германию, Данию, большую часть Швейцарии, Голландии, Англии, Шотландии и Ирландии от римского сообщества? Бедность. Индульгенции ... продавались слишком дорого. Прелаты и монахи поглощали все доходы провинции. Люди приняли более дешевую религию.

[Примечание: шотландские историки]

Из двух шотландских историков, которые были самыми верными учениками Вольтера, один, Дэвид Юм, в совершенстве впитал {709} его скептицизм и презрение к христианству; другой, Уильям Робертсон, [Примечание: Робертсон] все, кроме этого. Как и последний,

пресвитерианский священник, он обнаружил, что "счастливая реформация религии" произвела "революцию в чувствах человечества - величайшую, а также наиболее благотворную из всех, которые произошли с момента опубликования христианства". Подобную операцию, по его мнению, "историки, наименее склонные к суевериям и легковерию, приписывают божественному Провидению". Но это Провидение действовало по естественным причинам, специально подготовленным, среди которых он перечисляет: длительный раскол четырнадцатого века, понтификаты Александра VI и Юлия II, безнравственность и богатство духовенства вместе с их иммунитетами и тяжелыми налогами, изобретение книгопечатания, возрождение образования и, последнее, но не менее важное, тот факт, что, по мнению автора, доктрины папистов противоречили Писанию. С широтой, силой синтеза и подлинной рассудительностью он проследил ход Реформации. Он обвинял Лютера в его жестокости, но хвалил его — и здесь говорит представитель среднего класса, защитник закона и порядка - за его твердую позицию против восстания крестьян.

[Примечание: Хьюм]

Уступая Робертсону в использовании источников, а также в объеме его трактовки, Юм превосходил его в том, что полностью избежал чар сверхъестественного. Его анализ природы церковных учреждений, с которого он начинает свой рассказ об английской реформации, остр, хотя и горьок. Он показывает, почему, по его мнению, священники всегда считают своим интересом играть на доверчивости и страстях населения и смешивать ошибки, суеверия и заблуждения даже с крупницей истины. Поэтому гражданская власть была обязана поставить церковь под государственное регулирование. Эта политика, начатая в то время и направленная против великого зла, причиненного {710} человечеству Римской церковью, заключавшегося в подавлении свободы мысли и в противодействии воле государства, была одной из причин, хотя и не самой большой, Реформации. Другими факторами, оказавшими влияние, были изобретение книгопечатания и возрождение образования, а также буйный, популярный характер Лютера и его друзей, которые зывали не к разуму, а к предрассудкам толпы. Они заручились поддержкой масс, обманув их верой в то, что они думают самостоятельно, и поддержкой правительства, осудив доктрины, неблагоприятные для суверенитета. Доктрина оправдания верой, считал Юм, находилась в гармонии с общим законом, по которому религии все больше и больше склоняются к возвеличиванию Божества и самоуничтожению верующего. Будучи консерватором, он оценил последствия Реформации как сначала благоприятные для отправления правосудия, а в конце концов опасные, поскольку возбуждают беспокойный дух противостояния власти. Одним из пагубных результатов было то, что это возвысило "этих жалких сочинителей метафизической полемики, теологов", до уровня чести, которого никогда не достигал ни один поэт или философ.

[Прим. автора: Гиббон]

Самая точная оценка Реформации, найденная в восемнадцатом веке, содержится в нескольких страницах, которые Эдвард Гиббон посвятил этому предмету в своей великой истории *Упадка Римской империи*. "Философ, - начинает он, - который оценивает степень их заслуг [т.е. Цвингли, Лютера и Кальвина], благоразумно спросит, на основании каких догматов веры, помимо нашего разума или вопреки ему, они предоставили права христианам", и, отвечая на этот вопрос, он "скорее будет удивлен робостью, чем шокирован свободой первых реформаторов". Они приняли Богодухновенное Писание со всеми чудесами, великие тайны

Троицы и Воплощения, теологию четырех или шести первых соборов, афанасианский символ веры с его проклятием всех, кто {711} не верил в католическую веру. Вместо того чтобы обратиться к своему разуму в вопросе пресуществления, они запутались в сомнениях, и поэтому Лютер сохранял телесное, а Кальвин - реальное присутствие в евхаристии. Они не только приняли, но и усовершенствовали и популяризировали "колоссальные доктрины первородного греха, искупления, веры, благодати и предопределения" с такой целью, что "многие трезвые христиане скорее признали бы, что облатка - это Бог, чем что Бог - жестокий и капризный тиран". "И все же, - продолжает Гиббон, - заслуги Лютера и его соперников солидны и важны, и философ должен признать свои обязательства перед этими бесстрашными энтузиастами. Их руками возвышенная ткань суеверий, от злоупотребления индульгенциями до заступничества Пресвятой Девы, была сровнена с землей. Мириады представителей обоих полов монашеской профессии были восстановлены в правах и трудах общественной жизни". Легковерие больше не питалось ежедневными чудесами с изображениями и реликвиями; "имитация язычества" была заменена простым поклонением "наиболее достойному человеку, наименее недостойному Божеству". Наконец, цепь авторитетов была разорвана, и каждого христианина научили не признавать никакого толкователя Священного Писания, кроме своей собственной совести. Это привело, скорее как следствие, чем как замысел, к терпимости, безразличию и скептицизму.

Виланд, с другой стороны, откровенно высказал мнение, предвосхищая Ницше, что Реформация нанесла вред, задержав прогресс философии на столетия. Итальянцы, по его словам, могли бы провести благотворную и рациональную реформу, если бы не вмешался Лютер и не сделал народ стороной в споре, который следовало бы оставить ученым.

[Прим. автора: Гете]

Гете в свое время писал, что лютеранство отбросило тихую культуру назад, а в другое время говорил о Реформации как о "печальном зрелище безграничного замешательства, ошибка борется с ошибкой, эгоизм с эгоизмом, истина лишь кое-где проглядывает". Снова он написал другу: "Характер Лютера - единственная интересная вещь в Реформации, и, более того, единственная вещь, которая произвела впечатление на массы. Все остальное - это куча причудливого мусора, который мы еще, за свой счет, не убрали". В последние годы своей долгой жизни он несколько изменил свое мнение, поскольку, если мы можем доверять его беседам с Эккерманом, он сказал своему молодому ученику, что люди едва ли осознают, сколь многим они обязаны Лютеру, который дал им мужество твердо стоять на Божьей земле.

Отношение к этому предмету немецких протестантов претерпело заметные изменения под влиянием пиетизма и Просвещения. Точно так же, как более ранняя ортодоксальная школа чрезмерно подчеркивала узость взглядов Лютера и была озабочена главным образом тем, чтобы доказать, что Реформация ничего не изменила, кроме злоупотреблений, так и теперь либерализм лидера был чрезмерно подчеркнут. Именно в связи с более ранним протестантским фанатизмом Лессинг обратился к виттенбергскому профессору с апострофией: "Лютер! ты великий, непонятый человек! Ты освободил нас от ига традиции, кто же освободит нас от более невыносимого ига буквы? Кто, наконец, принесет нам христианство, такому, которому ты сам сейчас учишь бы, такому, которому учил бы сам Христос?"

Немецкие Робертсоны, хотя и вряд ли сравнимые с шотландскими, были найдены в Мосхайме и Шмидте. Оба писали историю протестантской революции в стремлении сделать все это естественным. В Мосхайме, действительно, дьявол все еще появляется, хотя и на заднем плане;

Шмидт настолько рационален и справедлив, насколько мог быть тогда любой немецкий протестант.

{713}

РАЗДЕЛ 3. ЛИБЕРАЛЬНО-РОМАНТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА. (ОКОЛО 1794-ок. 1860)

Примерно в конце XVIII века историография претерпела глубокие изменения, вызванные в первую очередь тремя влияниями: 1. Французской революцией и борьбой за политическую демократию на протяжении почти столетия после 1789 года; 2. Романтическим движением; 3. Подъемом научного духа. Суждение Реформации изменилось соответствующим образом; довольно неблагоприятный вердикт восемнадцатого века был полностью отменен. Едва ли самые крайние приверженцы протестантского лагеря ценили важность этого движения и характер его лидеров так высоко, как это было у писателей либерально-романтической школы. Действительно, исповедь имела так мало общего с этим предубеждением, что лучшие отзывы о Лютере и самые экстравагантные похвалы его работе были произнесены не протестантами, а католиком Деллингером, евреем Гейне и свободомыслящими Мишле, Карлейлем и Фруде.

[Примечание: Французская революция]

Французская революция научила людей видеть или ввела их в заблуждение, заставив интерпретировать всю историю как борьбу за свободу против угнетения. Естественно, Реформация была одним из любимых примеров этой непрекращающейся войны; это была Революция более ранней эпохи, и Лютер был великим освободителем, отстаивавшим права человека против жестокой тирании.

[Примечание: Кондорсе]

Первым, кто провел параллель между Реформацией и революцией, был Кондорсе в своем благородном эссе о *Развитии человеческого духа*, написанном в тюрьме и опубликованном посмертно. Лютер, сказал он, наказал преступления духовенства и освободил некоторые народы от ига папства; он освободил бы всех, если бы не лживая политика королей, которые, инстинктивно чувствуя, что религиозная свобода принесет политическое освобождение, объединились против восстания. {714} Он добавляет, что эта эпоха придала дополнительную силу правительству политической науке и что она очистила мораль, отменив священническое безбрачие; но что она была (как и Революция, читается между строк) запятнана великими зверствами.

В 1802 году Институт Франции объявил конкурс на соискание премии на тему "Каково было влияние реформации Лютера на политическую ситуацию в нескольких государствах Европы и на прогресс просвещения?". Премия была присуждена Шарлю де Виллерсу [Прим. автора: Villers] за эссе, в котором подробно отстаивался тезис о том, что постепенное улучшение человеческого вида было осуществлено серией революций, частично тихих, частично насильственных, и что целью всех этих восстаний было достижение либо религиозной, либо гражданской свободы. Аргументировав свою позицию в отношении Реформации, автор восхваляет ее за установление религиозной свободы, продвижение гражданских свобод и за то, что она одарила Европу множеством благ, включая почти все, что ему нравилось. Таким образом, по его мнению, Реформация сделала протестантские страны более богатыми, держа в

стороне папских сборщиков налогов; она положила начало "великой идее баланса сил" и подготовила путь для общего философского просвещения.

[Примечание: Гизо]

Тезис Виллерса в точности соответствует тому, что с большей ученостью и осторожностью отстаивает Гизо. По его словам:

Реформация была огромным усилием, предпринятым человечеством для обеспечения своей свободы; это было новорожденное желание мыслить и судить свободно и независимо от всех идей и мнений, которые до тех пор Европа получала или должна была получить из рук античности. Это была великая попытка раскрепостить человеческий разум и назвать вещи своими именами. Это был бунт человеческого разума против абсолютной власти духовного сословия.

{715} [Примечание на стороне: Романтическое движение]

Но было нечто большее, чем политика, чтобы привлечь симпатии девятнадцатого века к шестнадцатому. Можно было бы составить большую антологию поэтических, художественных и музыкальных посвящений Лютеру и Реформации, чтобы показать, насколько они соответствовали духу того времени. Достаточно упомянуть драму Вернера на тему жизни Лютера (1805), "Симфонию реформации" Мендельсона (1832-3), оперу Мейербера "Гугеноты" (1836) и картину Каульбаха "Эпоха реформации" (ок. 1810). На самом деле Реформация была романтическим движением с его эмоциональным и мистическим благочестием, его стремлением выйти за пределы классического духа, искать бесконечное, презирать оковы традиционного порядка и метода.

[Примечание: мадам де Сталь]

Все это нашло отражение в восторженной оценке мадам де Сталь протестантской Германии, в которой она обнаружила народ, отличающийся рефлексивностью, идеализмом и энергией внутренней убежденности. Она противопоставляла революцию идей Лютера революции действий своих соотечественников, практической, если не материалистической. Немец вернул религию из сферы политики в сферу жизни; перенес ее из сферы расчетливых интересов в сферу сердца и разума.

[Прим. автора: Гейне]

Во многом те же идеи, изложенные с самым ослепительным блеском стиля, оживляют слишком запущенный очерк немецкой религии и философии Гейне. Французской публике, не ценящей немецкую литературу, Гейне указывает, что место, которое во Франции занимает *художественная литература*, к востоку от Рейна занимает метафизика. От Лютера до Канта происходит одно непрерывное развитие мысли и не менее двух революций в духовных ценностях. Лютер был мечом и языком своего времени; бурей, сокрушившей старые дубы седой тирании; его гимном была Марсельеза духа; он совершил революцию, и не с помощью {716} розовых листьев, но с определенной "божественной жестокостью". Он дал своему народу язык, Кант дал ему мышление; Лютер сверг папу римского; Робеспьер обезглавил короля; Кант расправился с Богом: все это было единым восстанием Людей против одного и того же тирана под разными именами.

Большинство великих историков середины девятнадцатого века писали под тройным влиянием либерализма, романтизма и научного импульса, о котором сейчас пойдет речь. Если не величайшим, то все же самым привлекательным из них был Жюль Мишле, [Прим. автора: Мишле] вольнодумец гугенотского происхождения. Его *История Франции* похожа на биографию какого-нибудь любимого и боготворимого гения; он агонизирует в ее испытаниях, он ликует в ее триумфах. И всем великим людям, ее собственным и другим, он задает только один неумолимый вопрос: "Что вы сделали для народа?" - и в зависимости от их ответа они встают или падают перед ним. Именно здесь замечаешь (что полностью ускользнуло от внимания предыдущих поколений), что "народ" здесь означает ту его часть, которая сейчас называется, на современном жаргоне, "буржуазией", образованным средним классом с небольшой собственностью и правом голоса. О невежественном труженике и нищем Мишле заботился так же мало, как и о малом терпении к королю, дворянину и священнику. Единственное, что он и его современники ценили в Лютере, была именно та буржуазная добродетель, которая сделала его образцовым мужем и отцом, добросовестно выполняющим повседневную работу за соответствующее вознаграждение. Радости Лютера, как он уверяет нас, были "радостями сердца, человека, невинным счастьем семьи и домашнего очага. Какая семья более святая, какой дом более чистый?" Но он снова и снова возвращается к мысли, что гугеноты были республиканцами своего времени и что "Лютер был восстановителем свободы. Если сейчас мы пользуемся во всей полноте этой высшей прерогативой человеческого разума, то именно ему мы обязаны этим. {717} Кому я обязан способностью публиковать то, что я сейчас пишу, кроме этого освободителя современной мысли?" Мишле использовал свою почти непревзойденную риторику не только для того, чтобы вознести реформаторов на вершину величия, но и для того, чтобы очертить характер их противников, мракобесов, иезуитов, Екатерины Медичи.

[Примечание: Фруд]

Английский либерализм нашел свое совершенное выражение в работах Фруда. Основанная на кропотливом исследовании, читаемая как роман, в точности отражающая предрассудки английского протестантского среднего класса, *История Англии от падения Вулси до разгрома испанской армады* сразу же завоевала оглушительный успех. Фруд любил протестантизм за врагов, которых он наживал, и как мягкую разновидность рационализма. Реформаторы, считал он, одержали победу, потому что были вооружены правдой; это был бунт совести против лжи, настоящая религия против "суеверия, которое было всего лишь аналогом магии и колдовства" и которое в то время "означало кол, дыбу, виселицу, темницы инквизиции и восседающего на троне дьявола". Именно разный выбор, сделанный тогда Англией и Испанией, объяснял величие первой и падение последней, поскольку после того, как испанец, некогда "самый благородный, величественный и просвещенный народ в известном мире", сделал выбор в пользу святых и инквизиции, "его интеллект сморщился в мозгу, а сухожилия сжались на перебинтованных конечностях".

[Примечание: либералы]

Практически такого же мнения придерживается вся школа историков среднего века. "Мы твердо убеждены, - писал Маколей, - что Север обязан своей великой цивилизацией и процветанием главным образом моральному эффекту протестантской реформации, и что упадок южных стран следует в основном приписать великому католическому возрождению". Было бы приятно, {718} если бы было место, процитировать аналогичные восторженные оценки

французских ученых Кине и Тьерри, англичанина Герберта Спенсера и американцев Мотли и Прескотта. Все они рассматривали Реформацию одновременно как просвещение и предоставление избирательных прав. Даже философы примкнули к тому же лагерю. Карлайл боготворил Лютера как героя; Эмерсон сказал, что его "религиозное движение было основой столь значительной интеллектуальной жизни в Европе; то есть совесть Лютера сочувственно оживляла совесть миллионов, пульс переходил в мысль и достигал высшей точки в Галилеях, Кеплерах, Сведенборгах, Ньютонах, Шекспирах, Бэконсах и Мильтонах". За всей этой оценкой стояла сильная бессознательная симпатия между эпохой Реформации и эпохой Виктории. Порождения одного - протестантизм, национальное государство, капитализм, индивидуализм - достигли своей совершенной зрелости в другом. Весьма умеренные либералы последнего нашли в первом как раз тот "безопасный и здравый" дух реформ, который они могли полностью одобрить.

[Примечание: немецкие патриоты]

Энтузиазм, вызванный политической демократией во Франции, Англии и Америке, был дополнен в Германии патриотизмом. Гердер впервые подчеркнул любовь Лютера к родине как его великую добродетель; Арндт во время наполеоновских войн считал справедливым то, что он ненавидел итальянское коварство и боялся французского коварства. В то же время Фихте в своих пылких *речах перед немецкой нацией* назвал Реформацию "непревзойденным достижением немецкого народа" и ее "совершенным актом мирового значения". Фрейтаг в более поздний период пытался приучить общественность к поиску немецкого государства, одновременно национального и либерального. В своих *Картинах из прошлого Германии*, написанных в основном по моделям шестнадцатого века, он отводит все внимание "Deutschtum" и "Buergertum" {719}, а всю тень отводит иностранцам и юнкерам. К Фрейтагу как немецкому либералу можно отнести Д. Ф. Штрауса, который защищал реформаторов за то, что они выбрали не поверхностную культуру, а "лучшую часть", "единственное, что необходимо", то есть истину.

[Примечание: научный дух]

Сейчас самое время сказать кое-что о третьем великом влиянии, которое в начале девятнадцатого века изменило историографию. Это был расцвет научного духа, плодотворной концепции мира, подчиненного всеобщему закону. В течение двух столетий люди постепенно привыкали к мысли о внешней природе, управляемой неразрывной цепью причин и следствий, но по-прежнему считалось, что человек с его свободной волей является исключением и что история, следовательно, состоящая из общей суммы произвольных действий человечества, неисчислима и по большей части необъяснима. Но чем внимательнее люди изучали прошлое и чем шире и глубже проникало в их сознание единообразие природы, тем более "естественным" казался прогресс человеческой расы. Когда было обнаружено, что у каждой эпохи был свой характерный пункт зрения, что люди единодушно поворачивались в одном направлении, как будто их несло течением, задолго до того, как какой-либо великий человек пришел создавать это течение, влияние личности, казалось, отошло на задний план, а другие влияния стали преобладающими.

[Примечание: Гегель]

Совершенно неизбежно первая естественная и важная философия истории приняла полубогословскую, полуличностную форму. Философ Гегель, размышляя о том факте, что каждая эпоха имеет свой собственный безошибочный "дух времени" и что каждая эпоха является естественным, даже логическим развитием некоторой предшествующей эпохи, провозгласил Доктрину Идей как управляющих сил человеческого прогресса. История была всего лишь развитием духа или реализацией его идеи; и ее основным законом был необходимый "прогресс в сознании свободы". Азиат знал, что свободен один, грек - что свободны некоторые, немец - что свободны все. На этой третьей, или тевтонской, стадии эволюции Реформация была одним из самых длительных этапов. Характерной чертой нового времени является то, что дух осознает свою собственную свободу и желает истинного, вечного и универсального. Рассвет этого периода, после долгой и ужасной ночи Средневековья, - это Возрождение, его восход - Реформация. Чтобы доказать свой тезис, Гегель пытается показать, что причина протестантского бунта в разложении церкви была не случайной, а необходимой, поскольку на католической стадии прогресса то, чему поклоняются, обязательно должно быть чувственным, но на высоком немецком уровне поклоняющийся должен искать Бога в духе и сердце, то есть в вере. Субъективизм Лютера обусловлен немецкой искренностью, проявляющей самосознание мирового духа; его учение о евхаристии, каким бы консервативным оно ни казалось рационалисту, на самом деле является проявлением той же духовности в утверждении непосредственной связи Христа с душой. Короче говоря, суть Реформации, как говорят, заключается в том, что человек по самой своей природе обречен быть свободным, и вся история со времен Лютера - это всего лишь проработка последствий его позиции. Если только германские народы приняли протестантизм, то это потому, что только они достигли высшей ступени духовного развития.

[Примечание: Баур]

Самым верным учеником философа был Фердинанд Кристиан Баур, о котором говорили, что он скорее выводил историю, чем излагал ее. С большим количеством подробностей он дополнил план, предложенный учителем, в том, что касалось предмета церковной истории. Он показал, что Реформация (термин, против которого он возражал, очевидно, предпочитая Разделение или Раскол) неизбежно происходила от предшественников, которые уже действовали в полную силу до Лютера. Самое большее, он признал, что {721} личный фактор был решающим во времени и месте неизбежной революции, но сказал, что самая могущественная личность была бы беспомощна, если бы не популярность высказанных им идей. Подобно Гегелю, он выводил причины движения из разложения средневековой церкви и, подобно ему, рассматривал всю последующую историю всего лишь как прилив, первая волна которого разразилась в 1517 году. Истинный принцип движения, религиозная автономия и субъективная свобода, по его мнению, были достигнуты только для государств в шестнадцатом веке, но впоследствии логически и неизбежно стали применяться к отдельным людям.

[Примечание: Ранке]

Из гегелевской школы вышел самый опытный историк, которого когда-либо видел мир. За исключением высочайшего качества мысли и эмоций, которые являются прерогативой поэтического гения, Леопольду фон Ранке не хватало ни трудолюбия, ни учености, ни метода, ни таланта, чтобы стать идеальным рассказчиком прошлого. Это была его идея - заниматься историей только ради ее собственной цели; рассказывать "точно, что произошло", не обращая

внимания на моральный, теологический или политический урок. Считая наилучшим наиболее бесцветное изложение, он редко позволял высказывать собственное мнение. Рассматривая Реформацию, он был "сначала историком, а затем христианином". В его творчестве мало биографии и так же мало психологического; в нем нет догмы и полемики. От Гегеля он почерпнул свою веру в "дух" времени и прекрасно различал Ренессанс, Реформацию и контрреформацию. Он был первым, кто обобщил использование слова "контрреформация", введенного в обиход в 1770 году и получившего распространение позже по аналогии с "контрреволюцией". Причины Реформации Ранке находил в "более глубоком религиозном и моральном отвращении к нарушениям, связанным с простым принятием веры и служением "трудам", и, во-вторых, в утверждении прав и обязанностей, присущих государству". Совершенно справедливо он подчеркивал, что результатом движения стало разрушение политической власти церковного государства и установление вместо него "полностью автономного государственного суверенитета, не связанного никакими посторонними соображениями и существующего только для себя". Из всех идей, которые помогли развитию современной Европы, он считал эту наиболее эффективной. Думал ли бы он так после 1919 года?

[Примечание сбоку: Пряжка]

Новое начало в поиске неизменных исторических законов было положено Генри Томасом Баклом. Его отправной точкой были не универсальные, как у Гегеля, а скорее определенные, весьма частные социологические факты в интерпретации позитивизма Конта. Поскольку каждый год отправляется один и тот же процент писем без адреса, поскольку преступления изменяются по постоянной кривой в зависимости от сезона, поскольку количество самоубийств и браков находится в фиксированном соотношении со стоимостью хлеба, Бакл утверждал, что все человеческие поступки, по крайней мере в массе, должны поддаваться исчислению и сводиться к общим законам. В настоящее время нас интересуют только его взгляды на Реформацию. Он указал, что религиозные мнения, преобладающие в любой период, являются всего лишь симптомами общей культуры того времени. Протестантизм был для католицизма тем же, чем умеренное просвещение шестнадцатого века было для тьмы предыдущих веков. Доверчивость и невежество все еще были распространены, хотя и уменьшались, во времена Лютера, и это интеллектуальное изменение стало причиной религиозных изменений. Бакл делает одно странное и разрушительное признание, а именно, что, хотя, согласно его теории, или, как он выражается, "согласно естественному порядку вещей", "самые цивилизованные страны должны быть протестантскими, а самые нецивилизованные католическими", так было не всегда. В целом Бакл придерживается теории Реформации {723} как восстания человеческого разума, просвещения и демократического бунта.

В то время как Генри Халлам, писавший об отношении реформаторов к современной мысли, является запоздалым рационалистом восемнадцатого века, Лекки, несомненно, лучше всего отнести к новой школе. Его *История возникновения и влияния Духа рационализма* частично гегелевская, частично вдохновлена Баклом. Его главная цель - показать, как мало разума имеет отношение к принятию или отвержению какой-либо теологии и насколько это зависит от определенного духа эпохи, определяемого совсем другими причинами. Он находил суть Реформации в ее соответствии господствовавшим в то время образу мыслей и морали. Но он считал, что это движение сделало больше, чем любое другое, для освобождения разума от суеверий и секуляризации общества.

[Примечание: протестанты]

Невозможно сделать больше, чем упомянуть поименно, за то короткое время, которое есть в моем распоряжении, главных протестантских апологетов Реформации в этот период. В то время как Ритчль придал несколько новый аспект старым "истинам", Мерль д'Обинье добился огромного и незаслуженного успеха, возродив сверхъестественную теорию протестантской революции с такими современными коннотациями и модификациями, которые соответствовали все еще живым предрассудкам евангелической общественности Англии и Америки; ибо именно в этих странах его книга в переводе с французского разошлась огромным тиражом.[1]

[Примечание: Деллингер]

Чрезвычайно резкую негативную оценку Реформации высказал католик Деллингер, наиболее богословский из историков, наиболее исторически мыслящий из богословов. Он тоже думал, что Лютер действительно {724} основал новую религию, центром которой была мистическая доктрина, тяготеющая к солипсизму, об оправдании верой. Сам факт, что он много хорошего говорил о Лютере и одобрял многие из его практических реформ, делал его протест еще более действенным. Примечательно, что, порвав с Римом, он не стал протестантом.

[1] В предисловии к английскому изданию 1848 года утверждается, что, хотя с 1835 года во Франции было продано всего 4000 экземпляров, в Англии и Америке было продано от 150 000 до 200 000 экземпляров.

РАЗДЕЛ 4. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. (С 1859 По НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

1859 год ознаменовался появлением двух новых теорий чрезвычайной важности. Все это, вместе с политическими событиями следующих двенадцати лет, полностью изменило точку зрения интеллектуального класса, а также народов в целом. По отношению к обсуждаемому предмету это означало переворот в историческом суждении, столь же радикальный, как тот, который произошел во времена Французской революции. Тринадцать новыми факторами, оказавшими влияние в порядке их непосредственной важности для историографии, были следующие: 1. Публикация "*Критики политической экономики*" Маркса в 1859 году, содержащая зародыш экономической интерпретации истории, позже развитой в "*Капитале*" (1867) и в других работах. 2. Публикация книги Дарвина "*Происхождение видов*", положившая начало эволюционному подходу к истории. 3. Бисмарковские войны (1864-71), за которыми последовали интеллектуальная и материальная гегемония Германии и поражение старого либерализма. Это продолжалось только до Великой войны (1914-18), когда Германия была повержена и либерализм поднялся в более радикальном обличье, чем когда-либо.

[Примечание: Маркс]

Карл Маркс не только впервые рассматривал историю с точки зрения пролетариата, или рабочего класса, но и прямо утверждал, что на пути человечества экономические факторы всегда были, в конечном счете, решающими; что материальная основа жизни, {725} особенно система производства, в целом определяла социальные, политические и религиозные идеи каждой эпохи и каждой местности. Революции являются необходимым следствием экономических изменений. В борьбе за средства к существованию и богатство классовая война постулируется как естественная и непрекращающаяся. Старая гегелевская антитеза идеи и

личности приняла новую форму противопоставления "масс" и "великого человека", которые оба были всего лишь марионетками в руках всемогущего детерминизма. Как часто интерпретируется, теория Маркса заменила гегелевских "духов времени" классами, рассматриваемыми как сущности, борющиеся за господство.

Эта блестящая теория поначалу пострадала при ее применении, которое часто было поспешным или фантастическим. Поскольку экономический фактор когда-то полностью игнорировался, то теперь он был перегружен работой. Его основная предпосылка об "экономическом человеке", состоящем из жадности и расчета, очевидно, ложна, или, скорее, верна лишь наполовину. Мотивы людей неоднозначны, как и мотивы групп людей. Развиваются и другие элементы, помимо экономических. Единственная действенная критика теории экономической детерминации, хорошо выраженная доктором Шейлером Мэтьюзом, заключается в том, что она слишком проста. Личный интерес - один из факторов в истории, но не единственный.

[Примечание: Вах]

Исключение может быть более справедливо отнесено к способу, которым теория иногда применялась, чем к ее формулировке. Белфорт Бакс, утверждая, что восстание в Риме было вызвано в основном экономическими причинами, назвал в качестве одной из них "ненависть к церковной иерархии, очевидно, из-за ее растущих поборов". Лютер не добился бы никаких результатов, если бы экономическая почва не была готова для его посева, и с этой подготовленной почвой он добился всемирно-исторического результата, хотя, по мнению Бакса, его характер и интеллект были ниже, чем у среднего английского деревенского бакалейщика-дьякона, который продавал песок вместо сахара. Лютер, {726} фактически, не более чем дал флаг тем, кто был недоволен существующей политической и промышленной жизнью. Как ни странно, Бакс считал даже самую радикальную партию, партию коммунистических анабаптистов, ретроградной с ее программой возвращения к золотому веку позолоты и общей земли.

Несколько более обоснованное, но все еще неадекватное решение проблемы предложил Карл Каутский. [Примечание: Каутский] Он также находил главную причину восстания в разграблении Германии Римом. В дополнение к этому возникло новое соперничество коммерческих классов. В отличие от Бака, Каутский находит в анабаптистах социалистов, которых он может полностью одобрить.

Критика, которая должна быть высказана в отношении этих и подобных попыток, заключается в том, что выявленные ими причины слишком тривиальны. Утверждение о том, что мужчины, которые тысячами и десятками тысяч приняли мученическую смерть за свою веру, изменили эту веру просто потому, что не хотели платить десятину, напоминает о древнем католическом происхождении всего движения от желания Лютера жениться. Следствие непропорционально причине. Но некоторые теоретики были даже более фантастичны, чем тривиальны. Когда профессор С. Н. Паттен прослеживает истоки революций либо в переиздании, либо в недоедании, а Реформации - в "росте бережливых концепций"; когда мистер Брукс Адамс утверждает, что все это произошло из-за желания людей обрести более дешевую религию, променяв дорогое приношение на оправдание верой и душевные муки, которые ничего не стоят, и дорогую церковь на дешевую Библию, — мы чувствуем, что блюдо теории исчезло вместе с ложкой фактов. Кульминационный момент был достигнут немецким социологом

Фридрихом Зиммелем, который объяснил Реформацию законом о применении силы по линии наименьшего сопротивления. Реформаторы, отправляя душу прямо к Богу, избавляли ее от обходного пути через священника, таким образом, как бы сокращая благодать и экономя энергию.

[Примечание: Лампрехт]

Гением, который первым и наиболее полно разработал логичную экономическую интерпретацию лютеранского движения, был Карл Лампрехт, который находится в примерно таком же отношении к Марксу, в каком Ранке находился к Гегелю, а именно в качестве независимого, эклектичного и более информированного студента. Лампрехт, как хорошо известно, делит историю на периоды в соответствии с их психологическим характером — возможно, в духе современного гегельянства, — но он утверждает, и в целом успешно, что характер каждой из этих эпох определяется их экономическими институтами. Таким образом, говорит он, условием перехода от средневековья к современности было развитие системы "денежной экономики" из системы "натурального хозяйства", которое происходило медленно на протяжении 14, 15, 16 и 17 веков. "Полное возникновение капиталистических тенденций с их последующим воздействием на социальную и, главным образом, через это, на интеллектуальную сферу, само по себе должно привести к современности". Лампрехт показывает, как за подъемом капитализма последовал рост городов и культуры Возрождения в них, и как, кроме того, индивидуализм возник в значительной степени как естественное следствие возросшей власти и размаха, которые дало это обладание богатством. Этот индивидуализм, по его мнению, усиленный гуманизмом, был навсегда защищен Реформацией.

Как справедливо указывает Лампрехт, было бы серьезной ошибкой предполагать, что мы живем в ту же эпоху цивилизации, с психологической точки зрения, что и эпоха Лютера. Наш субъективизм так же отличается от его индивидуализма, как его современность от средневековья. Восемнадцатый век был переходным периодом от одного к другому.

{728} Одной из главных характеристик Реформации, продолжает Лампрехт, впервые проявившейся у ранних мистиков, был переход от "полидинамизма", или поклонения многим святым, и посредничества разнообразных религиозных организаций, к "монодинамизму", или прямому и единоличному общению души с Богом. Еще более иным было мировоззрение девятнадцатого века, построенное на "внехристианском, хотя еще и не антихристианском фундаменте".

В том же самом году, когда вышла книга Лампрехта о немецкой Реформации, другая интерпретация, хотя и менее глубокая и не соответствующая экономической школе, была предложена А. Э. Бергером. [Примечание: Бергер] Он нашел четыре основные причины Реформации в росте национального самосознания, ниспровержении аскетизма в пользу светской культуры, индивидуализма и роста мирской религии. Сама Реформация была триумфом совести и "немецкой внутренности", и ее успех был обусловлен тем фактом, что она превратила церковь в чисто духовное образование.

Самым блестящим эссе по экономической интерпретации истоков протестантизма, хотя и в очень узкой области, было эссе Макса Вебера [Прим. автора: Вебер], которое сделало "Капитализм и кальвинизм" одним из лозунгов современной мысли. Тесная связь Реформации и купечества была давно замечена, *например*, Фрудом и Торольдом Роджерсом. Но Вебер был

первым, кто задал вопрос и ответил на него, что именно сделало протестантизм особенно близким к индустриальному типу цивилизации. Во-первых, кальвинизм стимулировал именно те этические качества, как непоколебимая сила и уверенность в себе, которые необходимы для мирского успеха. Во-вторых, протестантизм отменил старый аскетический идеал труда ради загробного мира и заменил его концепцией призвания, то есть добросовестного выполнения работы, назначенной каждому человеку в этом мире. Действительно, слово "призвание" или "беруф", означающее работу, данную Богом, встречается только в германских языках и отсутствует во всех языках латинской группы. Этическая идея, выраженная Лютером и более решительно Кальвином, заключалась в добросовестном выполнении ежедневной задачи; фактически, такой труд прививался как долг до боли; другими словами, это был "мирской аскетизм". Наконец, Кальвин рассматривал бережливость как долг и расценивал процветание в ветхозаветном стиле как знак Божьего благоволения. "Вы можете трудиться таким образом, который больше всего способствует вашему успеху и законной наживе, - сказал протестантский священник Ричард Бакстер, - ибо вы обязаны развивать все свои таланты". И еще: "Если Бог укажет вам путь, на котором вы можете законно получить больше, чем другим способом, если вы откажетесь от этого и выберете менее прибыльный путь, вы перейдете одну из граней своего призвания и откажетесь быть Божьим управителем".

Было бы поучительно и восхитительно проследить за полемикой, вызванной тезисом Вебера. Некоторые ученые, такие как Кнодт, отрицали его обоснованность, прослеживая капитализм скорее в духе Фуггера, чем Кальвина; но большинство принимало его. Прекрасные интерпретации и критические замечания по этому поводу были предложены Каннингемом, Брентано, Ковалевски и Эшли. Это стало настолько общепринятым, что в конце концов было подытожено в блестящей, но поверхностной эпиграмме Честертона, достаточно хорошей, чтобы быть придуманной им самим — хотя, я полагаю, не с его монетного двора, — что Реформация была "Революцией богатых против бедных".

[Побочное примечание: дарвинизм]

Одновременно с экономической историографией появилась новая интеллектуальная критика, внешне напоминающая вольтеровскую, но на самом деле основанная в гораздо большей степени на дарвиновских идеях. Старые "философы" обвиняли реформаторов в том, что они не соответствовали современным стандартам; новые эволюционисты порицали их {730} за то, что они опустились ниже стандартов своего времени. Более того, критика нового атеизма была более тщательной, чем критика старого деизма.

До Ницше преобладало мнение, что Реформация была дочерью или сестрой Ренессанса и прародительницей Просвещения и Французской революции. "Мы находимся в эпицентре гигантского движения, - писал Хаксли, - более масштабного, чем то, что предшествовало Реформации и породило ее, и на самом деле является лишь продолжением этого движения". "Реформация, - по мнению Толстого, - была грубым, случайным отражением труда мысли, стремящейся к освобождению человека от тьмы". "Правда в том, - согласно Саймондсу, - что Реформация была тевтонским Возрождением. Это было освобождение разума в направлении, которым пренебрегали итальянцы, действительно более важное по своим политическим последствиям, более весомое по своему влиянию на развитие рационализма, чем итальянское Возрождение, но, тем не менее, результат того же великого влияния ". Уильям Дильтей в

девяностые годы трудился над тем, чтобы показать, что суть Реформации в религиозной области была такой же, как и сущность современной ей передовой мысли в других направлениях.

[Примечание: Ницше]

Но эти идеи уже устарели с тех пор, как Фридрих Ницше с некоторой тщательностью сформулировал мысль о том, что "реформация была реакцией старомодных умов против итальянского Возрождения". Можно было бы предположить, что этот яростный антихрист, каким он хотел быть, был бы хорошего мнения о Лютере из-за его мнения, что саксонец первым научил немцев быть нехристианами, и потому что "заслуга Лютера ни в чем не больше, чем в том, что он обладал смелостью своей чувственности, которую тогда достаточно мягко называли "евангельской свободой"". Но нет! С неистовой страстью Ницше обвинял: "Реформация, дублирование средневекового духа в то время, когда у этого духа больше не было чистой совести, породила секты и суеверия, подобные увлечению колдовством". Немецкая культура была как раз готова расцвести в полную силу, требовалась всего одна ночь, но эта ночь принесла бурю, которая все разрушила. Реформация была крестьянским бунтом человеческого духа, восстанием, полным шума и ярости, но ничего не значащим. Это была "ярость простого против сложного, грубое, честное непонимание, в котором (мягко говоря) многое должно быть прощено". Лютер разгадал и разорвал на части культуру, которую он не ценил, и авторитет, который ему не нравился. За формулой "каждый сам себе священник" не скрывалось ничего, кроме безмерной ненависти низших к высшим; истинно плебейский дух в худшем его проявлении.

[Примечание: Принятие мнения Ницше]

Довольно медленно, но верно мнение Ницше укреплялось до тех пор, пока можно не сказать, что не так давно оно было общепринятым. "Наши симпатии более единоклужны, наш разум менее потрясен аргументами и доктринами Садоле, чем аргументами Кальвина", - писал Р. К. Кристи. Популярное исследование Эндрю Д. Уайта *О борьбе науки и теологии* доказало, что протестантские церкви были не менее враждебны интеллектуальному прогрессу, чем католическая церковь. "Фактически, Реформация, - высказал мнение Дж. М. Робертсон, - быстро затуманила фанатизмом тот новый свет свободной мысли, который мерцал раньше, превратив в библиофилов тех, кто рационально сомневался в некоторых католических мистериях, и вернула к католическому фанатизму тех более утонченных умов, которые, подобно сэру Томасу Морю, были опережающими свой век". "До лютеранского восстания, - сказал Генри К. Ли, - в католической Европе была разрешена большая свобода мысли и слова, но не после". Подобных мнений можно было бы собрать большое количество; я упоминаю только работы Безольда и краткие, но превосходно выраженные статьи профессора Джорджа Л. Берра и статьи Лемонье, которые ярко освещают битву Возрождения, интеллектуального, безразличного к религии и политике, но аристократического по характеру, и Реформации, реакционной, религиозной, озабоченной вопросами средневековья и обращающейся, в своей враждебности к правящим порядкам, к народной политике.

Реакция Реформации на религию была замечена критиками, которые, таким образом, пришли к согласию с консервативной оценкой, хотя и сожалели о том, чему радовались другие. Задолго до Ницше И. Буркхардт указывал, что величайшая опасность для папства - секуляризация - была отложена на столетия немецкой реформацией. Именно это вывело папство из бездушного

унижения, в котором оно пребывало; именно таким образом, моральным спасением папство было обязано своим смертельным врагам.

[Примечание: Troeltsch]

Двадцатый век стал свидетелем двух блестящих критических замечаний Реформации с интеллектуальной точки зрения, сделанных непревзойденными учеными - Эрнстом Тролчем и Джорджем Сантаяной. Первая начинается с указания с непревзойденной точностью на существенное единство и незначительные различия между ранним протестантизмом и католицизмом. Реформаторы задавали те же вопросы, что и средневековые схоласты, и, хотя они давали на эти вопросы несколько иные ответы, их умы, как и умы других людей, гораздо более характерно проявлялись в постановке вопроса, чем в ответе. "Подлинный ранний протестантизм ... был авторитетной церковной цивилизацией (kirchliche Zwangskultur), претендующей на регулирование государства и общества, науки и образования, права, торговли и промышленности в соответствии со сверхъестественной точкой зрения откровения". Реформаторы рано и с жестоким насилием отделились от гуманистической, филологической и философской теологии Эразма, потому что они осознавали существенную оппозицию. Единственной заботой Лютера была уверенность в спасении, а этого можно было добиться только ценой чуда, уже не старой внешней магии святых и ремесла священников, но чуда веры, происходящего в самом сокровенном центре личной жизни. "Чувственное сакраментальное чудо исчезает, и вместо него появляется чудо веры в то, что человек, в своем грехе и слабости, может ухватиться за такую мысль и уверенно согласиться с ней". Так случилось, что путь спасения стал важнее цели, и тирания догмы стала, наконец, невыносимой. Тролч характеризует как свою собственную позицию, так и позицию реформаторов, когда перечисляет среди древних догматов, наивно принятых Лютером, догму о существовании личного, этического Бога. Тонко противопоставляя идеалы Возрождения и Реформации, [Примечание: Ренессанс против он показывает, что первое было натурализмом, второе - усилением религии и убежденной потусторонности, что, в то время как этика первого была основана на "утверждении жизни", этика второго была основана на "призвании". Даже по сравнению с католицизмом, считает Тролч, дополнительные работы были отменены, потому что каждый христианин-протестант был обязан всегда прилагать максимум усилий. Ученый профессор рискует высказать еще одно мнение, что дух Возрождения лучше сочетался с католицизмом и после периода затишья вырвался наружу в виде "ужасающего взрыва" Просвещения и Революции, которые в католических странах были более радикальными, чем в протестантских. Но Тролч слишком исторически мыслит, чтобы видеть в Реформации только реакцию. Он считает, что это способствовало формированию современного мира за счет развития национализма, индивидуализма (квалифицируемого объективно понимаемой санкцией Библии и христианского сообщества), морального здоровья и, {734} косвенно, за счет внедрения идей терпимости, критики и религиозного прогресса. Более того, она обогатила мир историями о великих личностях. Протестантизм был лучше способен усваивать современные элементы политического, социального, научного, художественного и экономического содержания не потому, что он был открыт для них, а потому, что он был ослаблен памятью об одном великом восстании против власти. Но большие перемены в религии, как и в других вопросах, произошли, по полному убеждению Тролча, в восемнадцатом веке.

[Примечание: Сантаяна]

Если у Троча голова скептика с сердцем протестанта, то столь же нерелигиозный мозг Сантаяны проникнут сентиментальной симпатией к католицизму, в котором он был воспитан. Суть его критики Лютера, более неразумного, чем он сам, как он однажды презрительно заметил, человека, заключается в том, что он отошел от идеала Евангелия. Святой Франциск, как и Иисус, был не от мира сего, разочарованным, аскетом; протестантизм далек от этого духа, поскольку он убежден в важности успеха и преуспеяния, питает отвращение к людям с дурной репутацией, считает созерцание праздностью, одиночество - эгоизмом, бедность - наказанием, а супружескую и промышленную жизнь - типично благочестивой. Короче говоря, это возврат к немецкому язычеству. Но Сантаяна отрицает, что Лютер предотвратил эвтаназию христианства, поскольку, как он утверждает, католическое возрождение было бы и без него. Со всей своей старомодной настойчивостью в том, что догма научно верна и что спасение является неотложным и страшно сомнительным, протестантизм подорвал авторитет христианства, поскольку "самоубийственно делать одну часть органической системы инструментом для нападения на другую часть". Красота и мучение протестантизма в том, что он ведет к чему-то, что всегда выходит за рамки его понимания, в конце концов погружая своего приверженца в благочестивый скептицизм. Под влиянием самокритики {735} немецкая религия и философия одна за другой отказались от всякого сверхъестественного и утешительных личных надежд и были поглощены долгом мужественно жить общепринятой жизнью мира. Позитивная религия и легкомыслие исчезают, и остается только "освященная мирскость".

Некоторая поддержка старой идее о том, что Реформация была прогрессивным движением, была недавно предложена выдающимися учеными. [Примечание: Недавние мнения] Г. Моно говорит, что разница между католицизмом и протестантизмом заключается в том, что первый создал закрытую философию, второй оставил многое открытым. "Реформация, - согласно Х. А. Л. Фишеру, - была великим разрушителем европейского консерватизма. Религия, которая принималась без особых вопросов в течение 1200 лет, которая доминировала в европейской мысли, формировала европейские обычаи, формировала немалую часть частного права и государственной политики ... была внезапно и резко поставлена под сомнение во всех прогрессивных сообществах Запада".

Бертран Рассел считает, что, в то время как эпоха Возрождения подорвала средневековую теорию авторитета в немногих избранных умах, Реформация внесла в эту теорию первое по-настоящему серьезное нарушение. Именно потому, что борьба за свободу (которую он с трудом отличает от анархизма) началась в религиозной сфере, ее триумф сейчас наиболее полон в этой области. Мы все еще связаны политически и экономически; то, что мы свободны религиозно, заслуга Лютера. Однако, по мнению мистера Рассела, то, что субъективизм был взращен в протестантской морали, является злом.

Аналогичное мнение, в наиболее смягченной форме, было высказано Саломоном Райнахом. "Вместо свободы веры и мысли Реформация породила своего рода ослабленный католицизм. Но семена религиозной свободы были там, хотя только спустя два столетия они расцвели и принесли плоды {736} благодаря бреши, проделанной Лютером в древнем здании Рима".

[Примечание: немецкие националисты]

Имбарт де ла Тур дает разумную оценку тому, что, хотя логическим результатом некоторых посылок Лютера были бы индивидуальная религия и автономия совести в том виде, в каком они были разработаны на самом деле, "его мистическая доктрина внутреннего вдохновения не

имеет ни малейшего сходства с нашим субъективизмом". Его истинной оригинальностью была его личность, которая навязала оптимистичному обществу пессимистическое мировоззрение. Это правда, что революция была глубокой, но все же она не была современной: "классический дух, свободные институты, демократические идеалы, все эти великие силы, благодаря которым мы живем, не являются наследием Лютера".

Когда волна национализма и милитаризма захлестнула Европу вместе с бисмарковскими войнами, люди начали судить о Реформации, как и обо всем остальном, по ее связи, реальной или воображаемой, с расовым превосходством или властью. Даже в Германии ученым было совершенно неясно, в чем именно заключалась эта связь. Поль де Лагард идеализировал Средние века как образец совершенного выражения немецкого характера и ненавидел "грубого, брюзжащего Лютера, который никогда не видел дальше своих подкованных башмаков и который своей демагогией привнес варварство и расколлот Германию на части". Тем не менее даже он временами понимал, что Реформация означала триумф национализма, и находил важным тот факт, что баски, которые не были нацией, произвели на свет в лице Лойолы и Ксавье двух величайших поборников антинациональной церкви.

Вскоре волна пошла в другую сторону, и ученые начали ясно видеть, что в некотором роде Реформация была триумфом "Deutschtum" против "Romanitas" латинской религии и культуры. Трейчке, как представитель этой школы, трубил о том, что "Реформация возникла из доброй немецкой совести" и что "реформатор нашей церкви был пионером всей немецкой нации на пути к более свободной цивилизации". Догма о том, что сильный делает правым, была принята в Берлине — как писал Эктон в 1886 году, — и такой историк, как Вайц и Курц, счел доказательством ее правоты сам факт успеха Реформации.

Естественно, все было не так плохо, как сейчас. Довольно привлекательную форму тезиса представил Карл Селл. В то время как, по его мнению, протестантизм умер или умирает как религия, он все еще существует как настроение, как библиопоклонство, как национальный и политический культ, как научно-техническая движущая сила и, последнее, но не менее важное, как этос и пафос германских народов.

[Примечание: Великая война]

Во время Великой войны Лютер был мобилизован как одно из национальных достояний Германии. Профессор Густав Каверау и многие другие обращались к трудам Реформатора за вдохновением и оправданием своего дела; и немецкая пехота пела "Ein'feste Burg", маршируя в бой.

Даже за пределами Германии война 1870 года во многих кругах означала поражение старого либерализма и зарождение новой школы, склонной даже в Америке — свидетель Мэхан — видеть решающие факторы истории в вооруженной силе, а не в интеллектуальных и моральных идеях. Многие ученые обратили внимание в этой связи на переход власти от католических стран, возглавляемых Францией, к протестантским народам - Германии, Англии и Америке. Некоторые, как Эктон, хотя и были впечатлены этим, не пришли к выводу, умело представленному бельгийцем Эмилем де Лавелье, о том, что причина национального превосходства кроется в протестантизме, но он, несомненно, оказал большое влияние, частично бессознательное, на вердикт истории.

[Примечание: Реакция против немецких идеалов]

Но отдача была намного больше, чем при первом движении. Поль Сабатье писал (в 1913 году), что до 1870 года протестантизм пользовался уважением вдумчивых {738} людей благодаря своему здравому смыслу, домашним и гражданским добродетелям и своей открытости науке и литературной критике. Это высокое мнение, укрепленное престижем немецкой мысли, было поколеблено, как утверждает наш авторитет, результатами франко-прусской войны, чередой ее ужасов и последствиями для победителей, которые бредили своим превосходством и приписывали Лютеру исход Седана.

Великая война развязала языки всем врагам Лютера. "Литературная и философская Германия, - сказал Денис Кочин в интервью, - подготовила эволюцию государства и культа могущества. . . . Надменная и аристократическая реформа Лютера подготовила и поддержала отклонение от нормы".

[Примечание: Paquier]

Пакье написал книгу, основанную на этом тезисе: "Ничто в нынешней войне не было бы чуждым Лютеру, ибо, как и все современные немцы, он был жестоким и вероломным. Теория Ницше чудовищна, но это логическое завершение религиозной революции, совершенной Лютером, и философской революции, совершенной Кантом". Он находит причинно-следственную связь между Лютером и Гинденбургом в двух важных доктринах и нескольких следствиях. Во-первых, доктрина оправдания верой означала принижение морали и возвеличивание цели за счет средств. Во-вторых, Лютер обожествлял государство. Наконец, считается, что Лютер в своем узком патриотизме вдохновил на безрассудные поступки своих потомков.

С другой стороны, некоторые французские протестанты, в частности Вайс, стремились показать, что современные доктрины Пруссии возникли не благодаря Лютеру, а были отступничеством от него.

Практически все старые методы интерпретации Реформации сохранились до настоящего времени; для экономии места их следует изложить с предельной краткостью.

{739} [Примечание: протестанты]

Все протестантские ученые последних шестидесяти лет, насколько они достойны серьезного внимания, избегали грубо сверхъестественной точки зрения. Сейчас у них возникает искушение, в той мере, в какой они консервативны, вчитаться в собственные реформаторские идеи. Харнак [Прим. автора: Harnack] видит в Лютере, как и во Христе, Павле и всех других своих героях, в точности свое собственное немецкое либерально-евангелическое мышление. Он склонен признать, что Лютер мало помог прогрессу науки и просвещения, что он не впитал элементы культуры своего времени и не признал права и обязанности свободного исследования, но все же он считает Реформацию более важной, чем любая другая революция со времен Павла, просто потому, что она восстановила истинное, *то есть* богословие Павла и Гарнакианство. Критика Лоизи в его адрес блестяща: "Что бы подумал Лютер, если бы его доктрина спасения по вере была представлена ему с поправкой "независимо от убеждений" или с такой поправкой: "вера в милосердного Отца, ибо вера в Сына чужда Евангелию Иисуса"?" Такое же отношение к мусульманству, какое Харнак придает христианству, как замечает Лоизи, привело бы к тому же гуманитарному деизму, который сейчас моден в Берлине.

Я хотел бы поговорить о работах Белоу и Вернле, Бемера и Келера, Фишера, Уокера и Макгифферта, а также о многих других протестантских ученых, которыми я воспользовался. Но я могу упомянуть только еще одну протестантскую тенденцию, тенденцию некоторых либералов, которые считают Реформацию (вполне естественно) слишком консервативной для себя. Лоран писал в этом смысле в 1862-70 годах, и ему последовал один из самых вдумчивых протестантских апологетов Чарльз Бирд. [Примечание: Бирд] Бирд видел в Реформации субъективную форму религии в противовес объективности католицизма, а также "первый великий триумф научного духа" — фактически, Ренессанс в применении к теологии. {740} И все же в то время, когда он писал (1883), он находил ее работу настолько несовершенной и даже мешающей, что главной целью его книги было отстаивать новую Реформацию, направленную на приведение христианства в полную гармонию с наукой.

[Примечание: Философы]

Несколько философов, скорее исходя из традиции, чем из вероучения, приняли протестантскую точку зрения. Юкен считает, что "Реформация стала оживляющей душой современного мира, главной движущей силой его прогресса По правде говоря, в каждой фазе современной жизни, прямо или косвенно не связанной с Реформацией, есть что-то безвкусное и ничтожное". Виндельбанд считает, что Реформация возникла из мистицизма, но побеждена только властью государства, и что отпечаток конфликта между внутренней благодатью и внешней поддержкой несет в себесущность протестантизма. Уильям Джеймс также испытывал теплую симпатию к Лютеру, который, по его мнению, "своим необъятным, мужественным образом ... расширил воображение души и спас теологию от ребячества". Джеймс добавил, что Реформатор также изобрел мораль, такую же новую, как романтическая любовь в литературе, основанную на религиозном опыте отчаяния, прорывающегося сквозь старую языческую гордыню.

[Примечание: католики]

В то время как многие католики, среди них Моренбрехер и Гаске, плодотворно трудились на ниве Реформации, раскрывая новые факты, мало кто из них мог пролить новый свет на философию того периода. Янссен [Прим. автора: Janssen] довел до совершенства новый метод, применяемый в новой области; этой областью была *Культурная политика*, метод, позволяющий источникам говорить самим за себя, но, естественно, только тем источникам, которые соответствуют предвзятости автора. Таким образом, он представлял пятнадцатый век как великий расцвет немецкого разума, а Реформацию - как губительный мороз для культуры и морали. Работа пастора [Прим. автора: пасторская], хотя и насыщена свежими знаниями, не предлагает связной {741} теории. Реформация, по его мнению, была беспрецедентным потрясением, затронувшим все стороны жизни, но главным образом религиозную. В Германии это было вызвано союзом образованных классов и простого народа; в Англии - капризом автократа. Из ученого шума школы Денифля вытекает объяснение восстания как "великой канализации", которая унесла из церкви весь мусор того времени. Гораздо более утонченная психология Гризара — характерно иезуитская - пытается возложить на Лютера происхождение нынешнего деструктивного субъективизма. Доказательство Гризара о том, что "современная неверующая теология" Германии в преувеличенной степени опирается на Лютера первого периода, наводит на размышления.

[Примечание: Эктон]

Хотя Реформация была одной из любимых тем лорда Эктона, я не могу найти на эту тему ни одной новой или плодотворной мысли, сопоставимой с его обширными познаниями. Таким образом, его теория Реформации является старокатолической, лишенной сверхъестественности, утверждающей, что она была всего лишь продуктом порока и причуд нескольких одаренных демагогов и почти столь же достойного порицания упрямства нескольких пап. Он счел английского епископа Крейтона слишком легкомысленным в своих суждениях о папах, добавив: "Моя догма - это не особая порочность моих собственных духовных начальников, а общая порочность людей, облеченных властью, — Лютера, Цвингли, Кальвина, Кранмера и Нокса, Марии Стюарт и Генриха VIII, Филиппа II и Елизаветы, Кромвеля и Людовика XIV, Джеймса и Чарльза, Уильяма, Боссюэта и Кена". Эктон датировал новое время рубежом 15-16 веков, полагая, что фундаментальной характеристикой того периода является вера в совесть как голос Божий. Он говорит, что "Лютер в Вормсе - самый важный факт в нашей истории", но признается, что сбив с толку проблемой, которая, по его мнению, заключается в том, почему Лютер не вернулся в церковь. Лютер, утверждает Эктон, отказался {742} от всех доктрин, на которых обычно настаивали как на решающих, и, тогда или позже, отказался от предопределения и признал необходимость добрых дел, свободу воли, иерархическую конституцию, авторитет традиции, семь таинств, латинскую мессу. На самом деле, говорит Эктон, единственным препятствием для его возвращения в церковь была его вера в то, что папа римский был антихристом.

Примечательно, что ни один из свободных умов, начинавших с католицизма, не был привлечен в протестантский лагерь. Ренан пророчествовал, что святой Павел и протестантизм подходят к концу своего правления. Поль Сабатье тщательно доказал, что модернисты ничем не были обязаны Лютеру, и их величайший ученый Лоизи лаконично изложил это в замечании: "Мы покончили с частичными ересями".

[Примечание: англикане]

Англикане присоединились к католикам, чтобы объявить еретиками тех, кто восстал против церкви, которая до сих пор называет англиканцев еретиками. Невилл Фиггис, позаимствовав у Трейчке противопоставление "Лютер и Макиавелли", потрудился выстроить на его основе теорию, согласно которой эти два человека представляются главными опорами абсолютизма и "божественного права королей". Фиггис считает, что во времена Реформации религия была всего лишь "представлением для мимолетного развлечения", а государство было "вечным сокровищем". Гораздо более рассудительное и непредвзятое обсуждение того же тезиса предлагается в работах профессора А. Ф. Полларда. Он видит обе стороны медали, поскольку, если бы религия стала предметом политики, политика стала бы вопросом религии. Он считает, что английская реформация была прежде всего восстанием мирян против духовенства.

[Примечание: Другие школы]

Либеральная оценка Реформации, модная сто лет назад, также была возрождена в тщательно разработанной работе Маккиннона и принята в *obiter dicta* такими выдающимися историками, как А. В. Бенн, {743} Э. П. Чейни, К. Борджо, Х. Л. Осгуд и Вудро Вильсон. Наконец, профессор Дж. Х. Робинсон усовершенствовал старую политическую интерпретацию, распространенную среди светских историков шестнадцатого и семнадцатого веков. Суть лютеранского движения он находит в восстании против римского церковного государства.

РАЗДЕЛ 5. ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА

Читатель, вероятно, ожидает, что я, изложив некоторые оценки других, выскажу свою собственную оценку. Конечно, ни одно мнение не может быть окончательным; мое, как и мнение всех остальных, является выражением возраста и окружающей среды, а также мнения отдельного человека.

[Примечание: причины реформации]

Реформация, подобно Ренессансу и Социальной революции шестнадцатого века, была всего лишь следствием предшествующих изменений в окружающей среде и привычках, интеллектуальных и экономических. Произошло расширение и углубление знаний, обусловленное, с одной стороны, изобретением книгопечатания, с другой - географическими и историческими открытиями пятнадцатого века и последующим распространением идеи естественного права. Даже у более поздних схоластов, таких как Бил и Оккам, и в еще большей степени у гуманистов, можно обнаружить гораздо более сильный рационализм, чем у представительных мыслителей средневековья. Общим экономическим предпосылком был рост богатства и изменение системы производства с позолоты и бартера на систему денег и заработной платы. Это привело к трем вторичным результатам, которые, в свою очередь, послужили причинами: возвышению денежного класса, индивидуализму и национализму.

Все эти тенденции, действующие в трех областях: религиозной, политической и интеллектуальной, породили Реформацию и ее сестер, Ренессанс и Социальную революцию шестнадцатого века. Реформация — включая под этим термином как протестантское движение, так и католическую реакцию — частично заняла {744} все эти области, но не монополизировала ни одну из них. За пределами Реформации существовали некоторые религиозные или антирелигиозные движения, и лютеранский импульс захватил в свои владения обширные области интеллектуальной и политической деятельности, в первую очередь занятые Возрождением и Революцией.

[Примечание: Религиозный аспект]

(1) *Ген*, который многие светские историки ощущают в трактовке религии, теперь уступает место двойному убеждению в важности предмета и в его пригодности для научного изучения. Религия в жизни человека не является отдельной темой, и нет необходимости рассматривать все богословские бунты как мракобесные. Как заметил рационалист [1], обычно именно священники освобождают человечество от табу и суеверий. Действительно, в религиозный век никакая эффективная атака на существующую церковь невозможна, кроме той, которая вдохновлена благочестием.

[Примечание: Параллели с Реформацией]

Множество поучительных параллелей с Реформацией можно найти как в истории христианства, так и в истории других религий; все они наглядно демонстрируют одни и те же последствия одних и тех же причин. Публикация "Христианства" с его пропагандой монотеизма против римского мира и акцентированием веры против церемониализма еврейской церкви напоминала публикацию "Евангелия" Лютера. Маркион с его проповедью веры Павла и критикой Библии был реформатором второго века. Иконоборчество и национализм императора Льва имеют поразительное сходство с протестантским восстанием. Движения, начатые

средневековыми мистиками и в еще большей степени еретиками Виклифом и Гуссом, репетировали религиозную драму шестнадцатого века. Многие пробуждения в протестантской церкви, такие как методизм, были, как и первоначальное движение, возвращением к личному благочестию и библицизму. Старокатолический раскол в его отрицании папского превосходства и даже модернизм, несмотря на его {745} отрицания, отчасти движимы теми же мотивами, что и те, что вдохновляли реформаторов. В иудаизме саддукеи, в их библиопоклонстве и в их неприятии традиций, дорогих фарисеям, были протестантами; более поздний аналог того же самого можно найти в "Реформе караимов" Анана бен Давида. Мохаммед был любимым предметом сравнения католиков с Лютером, но, по правде говоря, ни в коем случае не в пренебрежительном смысле провозглашение ислама с его монотеизмом, акцентом на вере и предопределении было очень похоже на Реформацию, как и несколько более поздних реформ внутри мусульманства, в том числе две в шестнадцатом веке. Несомненно, можно провести множество параллелей с языческими религиями, возможно, наиболее поразительной является основание сикхизма современником Лютера Нанаком, который проповедовал единобожие и восстал против древнего церемониала и кастовой иерархии.

Какова этиология религиозной революции? Главный закон, управляющий ею, заключается в том, что любое заметное изменение либо в научных знаниях, либо в этических чувствах требует соответствующего изменения в вере. Все великие религиозные новшества Лютера и его последователей можно объяснить как попытку приспособить веру к новой культуре, частично интеллектуальной, частично социальной, которая постепенно развивалась в течение позднего Средневековья.

[Примечание: Вера против дел]

Первым и самым важным сдвигом был переход от спасения делами к спасению только верой. Католическая догма заключается в том, что спасение зависит от определенных таинств, благодать даруется автоматически (*ex opere operato*) всем, кто участвует в совершении обряда, без активного противодействия его действию. Лютер не только сократил количество таинств, но и полностью изменил их характер. Имели значение не они, а вера участника, и {746} эта вера была дарована Богом добровольно или не была дарована вообще. В этом нововведении одной из основных причин был индивидуализм того времени; чувство ценности души или, если кому угодно, эго. Это не означало субъективизма или религиозной автономии, поскольку реформаторы страстно придерживались идеала объективной истины, но это означало, что каждая душа имела право лично отчитываться перед Богом без посредничества священника или причастия. Другим элементом этой новой догмы была более простая и в то же время более глубокая психология нового века. Смещение акцента с внешнего на внутреннее прослеживается с древнейших времен до наших дней, с того времени, когда Гомер с удовольствием рассказывал о добрых ударах, нанесенных в бою, до того времени, когда художественная литература стала всего лишь историей внутренней, духовной борьбы. Реформация была одним из этапов в этом долгом процессе от внешнего к внутреннему. Баланс дебета и кредита внешней работы и заслуг был сведен на нет, и на смену ему пришла более благородная или, по крайней мере, более духовная и менее механическая идея бескорыстной

морали и безусловного спасения. Бог Кальвина, возможно, и был тираном, но его нельзя было подкупить взятками.

Мы настолько привыкли думать о догме как о *сущности* религии, что нам трудно отдать должное важности этого изменения. На самом деле, фундаментальной является не столько догма, сколько обряд и обычай. Сакраментальный образ мыслей был общим для средневекового христианства и большинства примитивных религий. Впервые Лютер заменил сакраментальную привычку, или отношение, ее антитезой, почти чисто этическим критерием веры. Трансцендентальная философия и категорический императив подразумеваются в знаменитом *sola fide*.

[Примечание: монизм]

Второе великое изменение, произведенное протестантизмом, было более интеллектуальным - с плюралистической точки зрения на монистическую {747}. Далекие от концепции естественного права, ранние протестанты мало что сделали или вообще ничего не сделали для рационализации или объяснения вероучений католиков, но они пришли к достаточно монистической философии, чтобы найти скандал в поклонении святым с сопутствующей ему чередой повседневных и тривиальных чудес. Смести обширную иерархию ангелов и канонизированных личностей, которая сделала католицизм квазиполитеистическим, и проповедовать чистый монотеизм было в духе времени и является явлением, для которого можно найти много параллелей. Поучительна аналогия с современной тенденцией к абсолютизму: ни Бог, ни король больше не нуждались в посредниках.

[Примечание: политические и экономические аспекты]

(2) В двух аспектах Реформация была религиозным выражением текущих политических и экономических изменений. В первую очередь это отражало растущее национальное самосознание, особенно тевтонских народов, и оказало на него воздействие. [Примечание: Национализм и тевтонство] Восстание против Рима было в интересах государственной церкви, а также германской культуры. Распад Римской церкви от рук северных народов поразительно похож на распад Римской империи под давлением их предков. Действительно, границы Римской церкви практически совпадали с границами Империи. Очевидное исключение Англии подтверждает правило, поскольку в Британии римская цивилизация была сметена германскими вторжениями пятого и последующих веков.

То, что Реформация укрепила государство, было неизбежно, поскольку не было практической альтернативы передаче окончательной власти в духовных вопросах после смещения папы римского в руки гражданского правительства. Конгрегационализм был опробован и потерпел неудачу как стремящийся к анархии. Но насколько мало Реформация на самом деле была ответственна за новый деспотизм ибожественное право королей, становится ясно из сравнения с греческой церковью и Турецкой империей. В обоих случаях одни и те же силы, создавшие государственные церкви Западной Европы, действовали одинаково. Селим I, фанатичный суннит, после подавления шиитской ереси побудил последнего халифа династии Аббасидов сложить меч и мантию пророка; с тех пор он и его преемники были не только султанами, но и халифами. В России Иван Грозный в 1547 году сделал себя главой национальной церкви.

[Примечание: Капитализм]

Протестантизм также гармонировал с капиталистической революцией в том смысле, что его этика в гораздо большей степени, чем у католицизма, ориентирована на этот мир. Старый монашеский идеал безбрачия, уединения, умерщвления плоти, молитвы и медитации растаял под солнцем нового процветания. В ее свете люди начали осознавать этическую ценность этой жизни, брака, детей, ежедневного труда, успеха и процветание. Именно в этой работе протестантизм увидел свой шанс наилучшим образом послужить Богу и ближнему. Мужчина за плугом, служанка с метлой, сказал Лютер, служат Богу лучше, чем молящийся, самоистязающийся монах.

Более того, подчеркивание таких добродетелей, как бережливость и трудолюбие, которые сделали капитализм и кальвинизм союзниками, но отражали стандарты, естественные для буржуазного класса. Именно благодаря могуществу торговцев и их деньгам восторжествовала Реформация; и наоборот, они выиграли как от награбленного церковью, так и от упразднения привилегированного класса. Лютер утверждал, что между священником и мирянином нет разницы; одни люди призваны проповедовать, другие шить обувь, но — и это его собственная иллюстрация — одно призвание не более духовно, чем другое. Больше не нуждаясь в качестве посредника и распределителя сакраментальной благодати, протестантский священнослужитель неизбежно опустился до того же уровня, что и его соседи.

{749} [Примечание: Интеллектуальный аспект]

(3) В своем отношении к эпохе Возрождения и современной мысли Реформация решила, по-своему, две проблемы, или одну проблему власти, в двух формах. Несмотря на то, что их цели были далеко не сознательно рациональными, лидеры-новаторы отстаивали, по крайней мере для себя, право на личное суждение. Апеллируя от продавца индульгенций к папе, от папы к совету, от совета к Библии и (по собственным словам Лютера) от Библии к Христу, реформаторы, наконец, обратились к своей собственной совести как к верховному суду. Пытаясь отказать другим в тех самых правах, за которые они боролись сами, их пример действовал сильнее, чем их аргументы, даже если они были сделаны из веревок и винтов с накатанной головкой. Хрупкое равновесие веры было нарушено, и оно оказалось в состоянии неустойчивого равновесия; лавина, начатая даже самым легким толчком, неслась вперед, пока не похоронила людей, пытавшихся остановить ее на полпути. Догма, постепенно сужающаяся от прецедента к прецеденту, имела своим логическим, хотя и непреднамеренным результатом полную религиозную автономию, да, неверие и скептицизм.

[Примечание: Вульгаризация эпохи Возрождения]

Протестантизм представлялся то как союзник, то как враг гуманизма. Сознательно он не был ни тем, ни другим. Скорее, это была вульгаризация эпохи Возрождения; она трансформировала, адаптировала и популяризировала многие идеи, порожденные ее соперником. Теперь легко увидеть, что будущее лежит скорее за пределами обеих церквей, чем в любой из них, если мы будем искать только прямое происхождение. Колумб нарушил границы мира, Коперник - границы вселенной; Лютер всего лишь нарушил свои клятвы. Но дело в том, что отречение от религиозных обетов было труднее всего осуществить в то время, подвиг, бесконечно более впечатляющий для масс, чем любой из первых. Именно здесь религиозное движение стало великим растворителем консерватизма; оно заставило массы задуматься, страстно, если не глубоко, о своих собственных верованиях. Она нарушила традиции и проложила путь к большей эмансипации, чем ее собственная. Логика событий заключалась в том, что, в то время как

Ренессанс дал свободу мысли немногочисленным образованным людям, Реформация в конце концов привела к терпимости к массам. Логично также, что, хотя оно боялось и ненавидело философию в лице великих мыслителей и ученых, оно выступало за образование, до определенного момента, для масс.

[Примечание: Реформация - шаг вперед]

Таким образом, если судить о Реформации с точки зрения исторического воображения, то она не выглядит в первую очередь реакцией. То, что это должно быть так, является *априори* невероятным и не подкрепленным фактами. Реформация не дала *нам* ответа на многие проблемы, с которыми ей пришлось столкнуться; тем не менее, она дала решение, которого требовало и принимало то время, и, следовательно, исторически верное решение. При всех своих ограничениях это был, по сути, шаг вперед, а не возврат к более ранней точке зрения, ни к точке зрения первобытного христианства, как утверждали сами реформаторы, ни к темным векам, как утверждалось в последнее время.

[1] S. Reinach: *Cultes, Mythes et Religions*, iv, 467.

{751}

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ

1. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Количество важных неопубликованных документов о Реформации, хотя и остается большим, намного меньше, чем у печатных источников, и ценность этих рукописей меньше, чем у тех, которые были опубликованы. Целью данной библиографии не является предоставление руководства по архивам.

Хотя количество неопубликованных материалов, которые я использовал, было небольшим, они оказались неожиданно богатыми. Чтобы избежать повторений в каждой следующей главе, я здесь кратко изложу использованный материал рукописи (большая его часть приводится впервые), который либо еще не опубликован, либо находится в процессе публикации мной самим. См. *Переписку Лютера*, перев. и изд. Смитом и К. М. Джейкобсом, 1913 г. и далее; *Английское историческое обозрение*, июль 1919 г.; *Шотландское историческое обозрение*, январь 1919 г.; *Гарвардское богословское обозрение*, апрель 1919 г.; *Нью-Йоркская нация*, разные даты 1919 г.

В Бодлианской библиотеке я раздобыл копию неопубликованного письма и других фрагментов Лютера, press mark, Montagu d. 20, fol. 225, и Auct. Z. ii, 2.

Из Британского музея я получил дипломатическую переписку Роберта Барнса, рукописи Коттона, Вителлий Б XXI, фольга. 120 и далее; письмо Альбиниана Третиуса к Лютеру, доп. ср. 19, 959, fol. 4b и далее; и часть *собрания писем и бумаг Джона Фокса*, Harleian MS 419, fol. 125.

Из Исторического общества Пенсильвании, Филадельфия, коллекция автографов Фердинанда Дж. Дреера, неопубликованные и неиспользованные письма Эразма, Якова VI Шотландского (2), Льва X, Гедиио, Фареля Кальвину, Форстеру, Меланхтону, Карлу V, Альбрехту Мансфельдскому, Генриху VIII, Франциску I (3), Екатерине Медичи, Гринейусу, Виль ван Зуйхему,

Альфонсо д'Эсте, Филиппу Марниксу, Камдену, Тассо, Макиавелли, Пий IV, Вассари, Борromeo, Алесандро Оттавио Медичи (впоследствии Лев XI), Климент VIII, Сарпи, император Фердинанд, Вильгельм Нассауский (1559), Максимилиан III, Пауль Эбер (2), Рудольф II, Генрих III, Филипп II, Эммануил Филиберт, Генрих IV, Скалигер, Мария королева Шотландская, Роберт Дадли (Лестер), Филиппо Строчи и другие.

Из колледжа Уэллсли получен патент Карла V., датированный Вормсом 6 марта 1521 года, предоставляющий права на добычу полезных ископаемых графу Белалькасару.
Неопубликовано.

Пром Американское испаноязычное общество Нью-Йорка опубликовало неопубликованное письмо

Генриха IV Французского к Дю Фонту о его обращении и письмо Генриха VII Английского к Фердинанду Арагонскому.

2. ОБЩИЕ РАБОТЫ

Британская энциклопедия. [11] 1910-1. (Множество ценных статей сугубо научного характера).

Новая международная энциклопедия, 1915f. (Не менее ценный).

Realencyklopaedie fuer protestantische Theologie und Kirche. [3] 24 тома. Leipzig. 1896-1913. (Незаменимо для изучающего историю Церкви; Энциклопедия религиозных знаний Шаффа-Херцога, 12 томов, 1908 г. и далее, хотя частично основана на этом, гораздо менее ценна для данного предмета).

Wetzer und Welte: Kirchenlexikon oder Encyclopaedie der katholischen Theologie und ihrer Huelfswissenschaften. Zweite Auflage von J. Card. Hergenroether und F. Kaulen. Freiburg im Breisgau. 1880-1901. 12 томов. (Ценный).

Die Religion in Geschichte und Gegenwart, hg. von H. Gunkel, O. Scheel, F. M. Schiele. 5 томов. 1909-13.

Кембриджская современная история, подготовленная лордом Эктоном, под редакцией А. У. Уорда, Г. В. Протеро, Стэнли Литса. Лондон и Нью-Йорк. 1902 и далее. Том 1. *Возрождение*. 1902. Том 2. *Реформация*. 1904. Том 3. *Религиозные войны*. 1905. Том 13. *Таблицы и указатель*. 1911. Том 14. *Карты*. 1912. (Стандартная совместная работа с полной библиографией).

Weltgeschichte, hg. v. J. von Pflugk-Harttung: Das Religioese Zeitalter, 1500-1650. Berlin. 1907. (Совместная работа, написанная мастерами своего дела в популярном стиле. Богато иллюстрированная).

E. Lavissee et A. Rambaud: *Histoire generale du IVe siecle a nos jours*.
Tome IV Renaissance et reforme, les nouveaux mondes 1492-1559. 1894.
Tome V. Les guerres de religion 1559-1648. 1895.

Р. Л. Пул: *Исторический атлас Современной Европы*. 1902.

У. Р. Шепард: *Исторический атлас*. 1911.

Рамзи Мьюир: *Новый исторический атлас Хэммонда для студентов*. 1914.

Список общих историй Реформации можно найти в библиографии к последней главе.

Превосходное введение в библиографию государственных документов всех стран можно найти в *Британской энциклопедии* "Рекорд".

ГЛАВА I. СТАРОЕ И НОВОЕ

РАЗДЕЛ 1. Мир

Об экономических изменениях см. Библиографию к главе xi; об исследованиях - в главе ix; об университетах - в главе xiii, 3. О печати:

Й. Янссен: *История немецкого народа с конца средних веков*, перевод. М. А. Митчелла и А. М. Кристи. 2-е английское изд. в 16 томах. 1905-10.

А. В. Поллард: *Прекрасные книги*. 1912.

Т. Л. Де Винн: *Изобретение книгопечатания*. 1878.

Veroeffentlichungen der Gutenberg-Gesellschaft. 1901 ff.

H. Meisner und J. Luther: *Die Erfindung der Buchdruckerkunst*. 1900.

Статья "Типография" в Британской энциклопедии. (Автор защищает ныне несостоятельный тезис о том, что книгопечатание возникло в Голландии, хотя многочисленные и ценные данные, приведенные им самим, ясно указывают на Майнц как на колыбель этого искусства).

РАЗДЕЛЫ 2 и 3. Церковь, причины Реформации

ИСТОЧНИКИ.

C. Mirbt: *Quellen zur Geschichte des Papsttums und der roemischen Katholizismus*. [3] 1911. (Удобно и научно; незаменимо для любого, кто не располагает большой библиотекой).

Молитвенник, составленный по Римскому молитвеннику 1913 года.

Новый ритуал священника, составленный П. Гриффитом. 1902. (Обряды Римской церкви, за исключением мессы, частично на латыни, частично на английском).

Катехизис Тридентского собора, переведенный на английский Дж. Донованом. 1829.

Corpus Juris Canonici, post curas A. L. Richter instruxit Aemilius Friedberg. 2 тома. 1879-81.

Codex Juris Canonici, Pii X jussu digestus, Benedicti XV auctoritate promulgatus. 1918.

Фома Аквинский: *Сумма теологии*. Множество изданий; лучшее - с комментарием кардинала Каэтана (1469-1534) в *Opera Omnia, iussu impensaue Leonis, XIII стр.* тома. 4-10. 1882 и далее.

"Сумма теологии святого Фомы Аквинского", переведенная отцами Английской Доминиканской провинции. 1911 и далее. (Пока что в процессе публикации, 6 томов).

Von der Hardt: *Magnum Oecumenicum Constantiense Concilium*. 6 томов. 1700.

D. Mansi: *Conciliorum nova et amplissima collectio*. Тома. 27-32.
Венеция. 1784 и далее. (Идентичное переиздание, Париж, 1902).

Большая часть лучшей литературы 14-15 веков, например, произведения Чосера, Ленгленда, Боккаччо и Петрарка [Примечание переписчика: Петрарки?].

Ниже цитируются специальные произведения церковных писателей, гуманистов, националистов и еретиков.

V. Hasak: *Der christliche Glaube des deutschen Volkes beim Schlusse des Mittelalters*. 1868.
(Собрание произведений народного назидания до Лютера).

G. Berbig: "Die erste kursaechsische Visitation im Ortland Franken." *Archiv fuer Reformationsgeschichte*, iii. 336-402; iv. 370-408. 1905-6.

ТРАКТАТЫ.

E. Friedberg: *Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts*. [5] Leipzig. 1903.

Л. Пастор: *История пап с конца средневековья*. Перевод на английский, [2] тома. 1-6 под редакцией Антробуса, тома. 7-12 под редакцией Р. Керра. 1899 год и далее (Исчерпывающий, блестяще написанный, католический, немного односторонний).

Мандель Крейтон: *История папства 1378-1527*. 6 томов. 1892 и далее. (Хорошо, но в значительной степени заменено Пастором).

Ф. Грегоровиус: *История Рима в средние века*, перевод
А. Гамильтон. тома 7 и 8. 1900. (Блестяще).

"История христианской церкви" Шаффа. Том 5, часть 2. Средние века. 1294-1517, Д. С. Шафф. 1910. (Научное резюме, горячо протестантское).

J. Schnitzer: *Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas*. 3 тома. 1902-4.

J. Schnitzer: *Savonarola im Streite mit seinem Orden und seinem Kloster*. 1914.

Х. Лукас: *Фра Джироламо Савонарола*. [2] 1906.

Х. К. Ли: *Исторический очерк жреческого безбрачия*. [3] 2 тома. 1907. (Ценные работы Ли демонстрируют удивительно широкое знакомство с источниками, но слегка омрачены недостаточным использованием современных научных знаний).

Х. К. Ли: *История исповеди ушной раковины и индульгенций в латинской церкви*. 3 тома. 1896.

Aloys Schulte: *Die Fugger in Rom, 1495-1523*. 2 vols. Leipzig. 1904. (Описывает финансовые методы церкви. Второй том состоит из документов).

E. Rodocanachi: *Rome au temps de Jules II et de Leon X*. 1912.

H. Boehmer: *Luthers Romfahrt*. 1914. (Последняя часть этой работы дает мрачную картину коррупции в Риме в начале 16 века).

РАЗДЕЛ 4. Мистики

ИСТОЧНИКИ.

У. Р. Инге: *Жизнь, Свет и Любовь*. 1904. (Подборки из Эккарта, Таулера, Сузо, Рейсбрука и др.).

Х. Денифл: "*M. Eckeharts lateinische Schriften und die Grundanschauung seiner Lehre*." *Archiv fuer Literatur und Sprachgeschichte*. ii. 416-652.

Meister Eckeharts Schriften und Predigten aus dem Mittelhochdeutschen uebersetzt von H. Buttner. 2 тома. 1912.

H. Seuses Deutsche Schriften uebertragen von W. Lehmann. 2 тома. 1914.

J. Taulers Predigten, uebertragen von W. Lehmann. 2 тома. 1914.

Thomas a Kempis: *imitatio Christi*. (Так много изданий и переводов этого знаменитого произведения, что вряд ли есть необходимость указывать одно).

Немецкая теология, перевод Сюзанны Уинкворт. 1854.

ТРАКТАТЫ.

Куно Франке: "*Средневековый немецкий мистицизм*". *Гарвардское богословское обозрение*, январь 1912г.

G. Siedel: *Die Mystik Taulers*. 1911.

M. Windstosser: *Etude sur la 'Theologie germanique.'* 1912.

W. Preger: *Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter*. 3 тома. 1874-93.

История и жизнь преподобного Джона Таулера с 25 проповедями, перевод Сюзанны Уинкворт. 1858.

М. Метерлинк: *Рейсбрук и мистики*, с отрывками из Рейсбрука, перевод Дж. Т. Стоддарда. 1894.

Ж. Э. Г. де Монморанси: *Томас Кемпис, его эпоха и его книга*. 1906.

А. Р. Берр: *Религиозные исповеди и исповедующиеся*. 1914. (Лучшее психологическое исследование мистицизма).

РАЗДЕЛ 5. Дореформаторы ИСТОЧНИКИ.

Избранные английские произведения Дж. Уиклифа, под ред. Т. Арнольда. 1869-71. 3 тома.

Английские произведения Дж. Уиклифа, до сих пор не напечатанные, изд. Ф. Мэтью. 1880.

Ф. Палацкий: *Документ магистра Дж. Гуса*. 1869.

Письма Яна Гуса, переведенные Х. Б. Уоркманом и Р. М. Поупом. 1904.

Латинские произведения Уиклифа были отредактированы во многих томах Лондонским обществом Уиклифа, последним томом которого является *Малая опера*, 1913.

Иоанн Гус: *Церковь*, перевод Д. С. Шаффа. 1915.

ТРАКТАТЫ.

Х. К. Ли: *История инквизиции в средние века*. 3 тома. 1888.

Г. М. Тревельян: *Англия в эпоху Уиклифа*[2]. 1899.

Ф. А. Гаске: *Канун Реформации*[2]. 1905.

F. Palacky: *Geschichte von Boehmen*. [3] 1864 г. и далее, 5 томов.

Дж. Х. Уайли: *Констанцкий собор на смерть Джона Гуса*. 1900.

Г. Б. Уоркман: *На заре Реформации*. Эпоха Гуса, 1902 год.

Граф Ф. Лютцов: *Гуситские войны*. 1914.

Граф Ф. Лютцов: *Жизнь и времена мастера Джона Гуса*. 1909.

Д. С. Шафф: *Жизнь Джона Гуса*. 1915.

РАЗДЕЛ 6. Национализация церквей

Большая часть библиографии в этой главе приведена ниже, в главах, посвященных Германии, Англии и Франции.

Freher et Struvius. *Rerum Germanicarum Scriptores*. (1717.) pp. 676-1704: "Gravamina Germanicae Nationis . . . ad Caesarem Maximilianum contra Sedem Romanam."

C. G. F. Walch: *Monumenta medii aevi*. (1757.) pp. 101-110.

"Gravamina nationis Germanicae adversus curiam Romanam, tempore Nicolai V Papae."

B. Gebhardt: *Die Gravamina der deutschen Nation gegen den roemischen Hof*. 1895.

Документы, иллюстрирующие историю английской церкви, составленные Генри Джи и У. Дж. Харди. 1896.

A. Werminghoff: *Geschichte der Kirchenverfassung Deutschlands im Mittelalter*. Группы I.[2] 1913.

A. Stoermann: *Die Staedtischen Gravamina gegen den Klerus*. 1916.

РАЗДЕЛ 7. Гуманисты

ИСТОЧНИКИ.

Утопия сэра Томаса Мора. Перевод Ральфа Робинсона с книгой Роупера "Жизнь Мора" и некоторыми его письмами. Под редакцией Г. Сэмпсона и А. Гуткельх. С латинским текстом утопии. 1910. (Библиотеки Бона).

Der Briefwechsel des Mutianus Rufus, bearbeitet von C. Krause. 1885.

J. Reuchlins Briefwechsel, hg. von L. Geiger. 1875.

Э. Бекинг: *Опера хумтени*. 1859-66. 5 томов.

Epistolae Obscurorum Virorum: Латинский текст с английским переводом, примечаниями и историческим введением Ф. Г. Стокса. 1909.

Des. Erasmi Roterodami Opera Omnia, curavit J. Clericus. 1703-6. 10 об.

Des. Erasmi Roterodami Opus Epistolarum, ed. P. S. Allen. 1906 ff. (Прекрасное издание писем, готовится к публикации. Пока что 3 тома).

Коллоквиумы Des. Erasmus, перевод Н. Бейли, под ред. Э. Джонсона. 1900. 3 тома.

Восхваление Глупости. Написано Эразмом в 1509 году и переведено Джоном Уилсоном в 1668 году, отредактировано миссис П. С. Аллен. 1913.

Послания Эразма, перевод Ф. М. Николса. 1901-18. 3 тома. (До 1519 года).

Корабль дураков, перевод Александра Баркляя. 2 тома. 1874. ("Нарреншифф" Себастьяна Брандта в старом переводе).

ТРАКТАТЫ.

P. Monnier: *Le Quattrocento*. 2 тома. 1908. (Работа высокого порядка).

L. Geiger: *Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland*. 1882. (В серии Онкена). 2-е изд. 1899.

J. Burckhardt: *Die Cultur der Renaissance in Italien*. 20. Auflage von L. Geiger. Berlin. 1919. (Почти классика).

П. Виллари: *Никколо Макиавелли и Его времена*, перевод миссис Виллари[2]. 4 тома. 1891.

У. Х. Хаттен: *Сэр Томас Мор*. 1900.

Дж. А. Фруд: *Жизнь и письма Эразма*. Лондон. 1895.
(Написано очаровательно, но испорчено грубой небрежностью).

Э. Эмертон: *Эразмус*. Нью-Йорк. 1900.

Г. В. Журдан: *Движение к католической реформе в начале XVI века*. 1914.

A. Humbert: *Les Origines de la Theologie moderne*. Париж. 1911.
(Блестяще).

A. Реноде: *Пререформа и гуманизм в Париже 1494-1517*. 1916.

ГЛАВА II. ГЕРМАНИЯ

ОБЩЕЕ

Список литературы по истории Реформации в Германии, под ред. Г. Л. Киффера, У. У. Роквелла и О. Х. Паннкока, 1917.

Dahlmann-Waitz: *Quellenkunde der deutschen Geschichte*. [8] 1912.

G. Wolf: *Quellenkunde der deutschen Reformationsgeschichte*. 2 тома. 1915-16.

A. Morel-Fatio: *Historiographie de Charles-Quint*. Пт. 1 1913 года.

Б. Дж. Кидд: *Документы, иллюстрирующие Континентальную реформацию*. 1911.

Т. М. Линдси: *История Реформации*. Том 1, В Германии, 1906.

Дж. Янссен: указ. соч.

K. Lamprecht: *Deutsche Geschichte*, vols. 4 и 5. 1894 год.

T. Brieger: *Die Reformation*. (В книге Пфлюгк-Харттунга "Мировоззрение: Религиозный журнал 1300-1650". 1907; также напечатано отдельно в увеличенном виде).

G. Mentz: *Deutsche Geschichte 1493-1648*. 1913. (Лучшее чисто политическое резюме).

M. de Foronda y Aguilera: *Estancias y viajes del Emperador Carlos V, desde el dia de su nacimiento hasta el de su muerte*. 1914.

РАЗДЕЛ 1. Лютер

Библиография в каталоге Британского музея.

Dr. Martin Luther's Werke. Kritische Gesamtausgabe, von Knaake und Andern. Weimar. 1883 ff. (Стандартное издание сочинений Реформатора находится в процессе публикации и приближается к завершению. К настоящему времени вышло более пятидесяти томов сочинений, отдельно пронумерованных: "Немецкая библия", 4 тома. и "Тишреден", 4 тома.).

Dr. Martin Luther's Briefwechsel, bearbeitet von E. L. Enders (vols. 12 ff. fortgesetzt von G. Kawerau). 1884 ff. (В процессе публикации; пока 17 томов).

Luther's Briefe, herausgegeben von W. L. M. de Wette. 6 томов. 1825-56.

Основные труды Лютера, переведенные Х. Уэйсом и К. А. Бухгеймом. 1896.

Труды Мартина Лютера, переведенные и отредактированные У. А. Ламбертом, Т. Дж. Шинделем, А. Т. В. Штайнхойзером, А. Л. Стеймлом и К. М. Джейкобсом. 1915 и далее. (Будет завершено в десяти томах; пока 2).

Переписка Лютера и другие письма современников, переведенная и отредактированная Сохранившимся Смитом. Том 1, 1913. Vol. II, в сотрудничестве с К. М. Джейкобсом, 1918.

Беседы с Лютером, Отрывки из "Застольной беседы", переведенные и отредактированные Сохранившимися Смитом и Х. П. Гэллинджером. 1915.

Опера Меланхтонуса, изд. Bretschneider und Bindseil. 1834 ff. In *Corpus Reformationum* vols. i-xxviii.

J. Koestlin: *Martin Luther*, fuenfte Auflage besorgt von G. Kawerau. 2 тома. 1903. (Стандартная биография. Английский перевод, сделанный с издания 1883 года, никоим образом не отражает научность последнего издания).

A. Hausrath: *Luther's Leben*, neue Auflage von H. von Schubert. 1914. (Отлично).

Х. Гризар: *Лютер*. Английский перевод Ф. М. Ламонда, 1913 год и далее (Шесть томов, представляющих три немецких. Ученая, несколько аморфная работа, с католической точки зрения, но не несправедливая).

H. Denifle: *Luther und Lutherthum in der ersten Entwicklung*[2]. 3 тома. 1904 и далее (Г. П. Гуч называет "Восемьсот страниц Денифля, посвященных памяти Реформатора, одной из самых

отталкивающих книг в исторической литературе"; тем не менее автор настолько удивительно образован, что у него можно многому научиться).

А. К. Макгифферт: *Мартин Лютер, Человек и его дело*. 1911.

Сохранившийся Смит: *Жизнь и письма Мартина Лютера*[2]. 1914.

О. Scheel: *Martin Luther, vom Katholizismus zur Reformation*.[2] 2 тома. 1917. (Подробное изучение Лютера до 1517 года. Горячий протестант).

W. W. Rockwell: *Die Doppelhe des Landgrafen Philipp von Hessen*. 1904. (Работа высокого порядка).

РАЗДЕЛЫ 2-5. Революция

Deutsche Reichstagsakten unter Karl V, herausgegeben von A. Kluckhohn and A. Wrede. 1893 ff. (К 1524 году вышло четыре тома).

Nuntiaturberichte aus Deutschland nebst ergaenzenden Aktenstuecken, herausgegeben durch das Koenigliche Preussische Institut in Rom. Erste Abtheilung 1533-59. 1892 ff. (Пока еще не появились тома. 1-6, 8-12).

Emil Sehling: *Die Evangelischen Kirchenordnungen des XVI Jahrhunderts*. 5 томов. 1902-13.

Э. Армстронг: *Император Карл V*[2]. В 2 т. 1910.

Кристофер Хэйр: *Великий император*. 1917. (Популярно).

О. Clemen: *Flugschriften aus der Reformationszeit*. 4 тома. 1904-10.

О. Schade: *Satiren und Pasquille aus der Reformationszeit*.[2] 3 vols. 1863.

Н. Barge: *Der deutsche Bauernkrieg in zeitgenossischen, Quellenzeugnissen*. 2 тома. (Без даты, опубликовано около 1914 года. Небольшая и дешевая подборка источников, переведенных на современный немецкий).

Дж. С. Шапиро: *Социальная реформа и реформация*. 1909. (Приводит некоторые тексты и хорошую трактовку популярного движения).

Э. Белфорт Бакс: *Крестьянская война в Германии*. 1889. (Основан в основном на Янсене и не является научным, но заслуживает упоминания, учитывая скудость английских работ). Смотрите также статьи Карлштадт, Karlstadt, Т. Мюнцер, Зикинген и др. в *Энциклопедии религиозных знаний* и других справочных изданиях.

W. Stolze: *Der deutsche Bauernkrieg*. 1908.

P. Wappler: *Die Taeuferbewegung in Thueringen 1526-84*. 1913.

Б. Бакс: *Взлет и падение анабаптистов*. 1903.

P. Wappler: *Die Stellung Kursuchsens und Landgraf Philipps von Hefssen zur Taeuferbewegung*. 1910.

F. W. Schirrmacher: *Briefe und Akten zur Geschichte des Religionsgespraches zu Marburg 1529 und des reichstages zu Ausburg, 1530*. 1876.

H. von Schubert: *Bekenntnisbildung und Religionspolitik 1529-30*. 1910.

W. Gussmann: *Quellen und Forschungen zur Geschichte des Augsburgischen Glaubensbekenntnisses*. Die Ratschlaege der evangelischen Reichsstaeude zum Reichstag zu Augsburg. 3 тома. 1911.

Politische Korrespondenz des Herzog und Kurfuerst Moritz von Sachsen, hg. v. E. Brandenburg. 2 тома. (пока), 1900, 1904.

S. Cardauns: *Zur Geschichte der Kirchlichen Unions—und Reformbestrebungen 1538-42*. 1910.

P. Heidrich: *Karl V und die deutschen Protestanten am Vorabend des Schmalkaldischen Krieges*. 2 тома. 1911-12.

G. Mentz: *Johann Friedrich*, vol. 3, 1908.

Смотрите также цитированные выше работы Армстронга, Пфлюгк-Харттунга, Янсена, Пастора, Кембриджскую современную историю и документы в Кидде.

РАЗДЕЛ 6. Скандинавия, Польша и Венгрия

Документы в Кидде и обращение в Кембриджской современной истории.

Ада Понтификум Даника, Группа VI, 1513-36. Удивляет А.Ф. Краруп и Дж. Линдбек. 1915.

C. F. Allen; *Histoire de Danemark*, traduite par E. Beauvois, 2 vols. 1878.

П. Б. Уотсон: *Шведская революция при Густавусе Васе*. 1889.

Specimen diplomatarii norvagici . . . ab vetustioribus inde temporibus usque ad finem seculi XVI. Вед. Гр. Фоугнер Ландх. 1828.

J. Lund: *Histoire de Norvege . . . traduite par G. Moch*. 1899.

Норвежская история, стилет для норвежского фольклора А. Бугге, Э. Герцберг, О. А. Йонсен, Ингвар Нильсен, Дж. Э. Сарс, А. Тарангер. 1912.

C. Zivier: *Neuere Geschichte Polens*. Группа I. 1506-72. 1915.

T. Wotschke: *Geschichte der Reformation in Polen*. 1911.

А. Бегра. *Pierre Skarga 1536-1612*. Etude sur la Pologne du XVIe siecle et le Protestantisme polonais. 1916.

Ф. Э. Уиттон: *История Польши*. 1917. (Популярно).

ГЛАВА III.

Швейцария

РАЗДЕЛ 1. Цвингли

Опера Ульрихи Цвингли изд. Schuler und Schulthess, 8 vols. 1828-42.

Ulrich Zwinglis Werke, hg. von Egli, Finsler und Koehler, 1904 ff. (Corpus Reformationum, vols. 88 и далее). Пока нет, тома. i, ii, iii, vii, viii.

Избранные произведения Ульриха Цвингли, переведенные и отредактированные С. М. Джексоном. 1901.

Латинские произведения и переписка Хульдрайха Цвингли, изд. С. М. Джексон, том i, 1912.

Vadianische Briefsammlung, hg. von E. Arbenz und H. Wartmann, 1890-1913. 7 vols. и 6 дополнений.

Der Briefwechsel der Brueder Ambrosius und Thomas Blaurer, hg. von T. Schiess, 3 vols. 1908-12.

Johannes Kesslers Sabbata, hg. von E. Egli and R. Schoch. 1902. (Надежный источник о Швейцарской реформации 1519-39 гг.).

Документы в Кидде.

S. M. Jackson: *Huldreich Zwingli*. 1900.

W. Koehler: "Zwingli" in Pflugk-Harttung's *Im Morgenrot der Reformation*, 1912.

E. Egli: *Schweizerische Reformationsgeschichte*. Группа I, 1519-25. 1910.

F. Humbel: *Ulrich Zwingli und seine Reformation im Spiegel der gleichzeitigen Schweizerischen volkstuemlichen Literatur*. 1913.

Современная история Кембриджа, Линдси и др.

H. Barth: *Bibliographie der Schweizer Geschichte*. 3 тома. 1914 г.

Библиография в G. Wolf, *Quellenkunde*, том 2.

On Jetzer see *Religion in Geschichte und Gegenwart*, s.v. "Jetzer Prozess," and R. Reuss: "Le Proces des Dominicains de Berne," *Revue de l'Histoire des Religions*, 1905, 237 ff.

П. Буркхардт: *Х. Цвингли*. 1918.

W. Koehler: *Ulrich Zwingli*. [2] 1917.

Ulrich Zwingli: Zum Gedaechnis der Zuercher Reformation, 1519-1919, ed. H. Escher, 1919. (Роскошный и ценный).

Amtliche Sammlung der aelteren eidgenoessischen Abschiede, Abt. 3 und 4. 1861 ff.

J. Strickler: *Aktensammlung zur Schweizer Reformationsgeschichte*. 1878.

J. Dierauer: *Geschichte der schweizerischen Eidgenossenschaft*. Группа III. 1907.

Hadorn: *Kirchengeschichte der reform. Schweiz*. 1907.

G. Tobler: *Aktensammlung zur Geschichte der Berner Reformation*. 1918.

E. Egli: *Analecta Reformatoria*. 2 тома. 1899-1901.

РАЗДЕЛ 2. Кальвин

Библиография на языке Вольфа: *Quellenkunde*, ii.

Correspondance des Reformateurs dans les Pays de langue francaise[2], pub. напарник А. Л. Эрминьяра. 9 томов. 1878 и далее.

Calvini Opera omnia, ed. G. Baum, E. Cunitz, E. Reuss, 59 vols. 1866 ff. (*Corpus Reformatorum* vols. 29-87).

Джон Кальвин: *Институты христианской религии*, перевод Дж. Аллен. Под ред. Б. Б. Уорфилда. 2 тома. 1909.

Письма Иоанна Кальвина, составленные Ж. Бонне, переведенные с латыни и французского оригинала. 4 тома. 1858.

J. Calvin: *Institution de la religion chrestienne*, reimprimee, sous la direction d' A. Lefranc par H. Chatelain et J. Pannir. 1911.

"Жизнь Джона Кальвина" Теодора Безы, перевод Х. Бевериджа. 1909.

А. Ланг: *Иоганн Кальвин*. 1909.

У. Уокер: *Дж. Кэлвин*. 1906. (Лучшая биография).

Х. Я. Рейберн: *Джон Кальвин*. 1914.

Ж. Думерг: *Жан Кальвин*. Пока 5 томов. 1899-1917.

E. Knodt: *Die Bedeutung Calvins und Calvinismus fuer die protestantische Welt*. 1913. (Обширная библиография и обзор последних работ).

Э. Тролч: "Кальвин", *Журнал Хибберта*, viii, 102 и далее.

Т. К. Холл: "Был ли Кальвин реформатором или реакционером?" *Журнал Хибберта Journal*, vi, 171 и далее.

Этьен Гиран: *Себастьян Кастельон*. 1913. (Суровое суждение о Кальвине с либерально-протестантской точки зрения).

Аллан Мензис: *Теология Кальвина*. 1915.

Х. Д. Фостер: *Программа Кальвина для пуританского государства в Женеве, 1536-41*. 1908.

F. Brunetiere: "L'oeuvre litteraire de Calvin." *Revue des Deux Mondes*, 4 serie, clxi, pp. 898 ff. (1900).

E. Lobstein: *Kalvin und Montaigne*. 1909.

ГЛАВА IV

ФРАНЦИЯ

ИСТОЧНИКИ.

A. Molinier, H. Hauser, E. Bourgeois (et autres): *Les Sources de l'histoire de France depuis les origines jusqu'en 1815*. Deuxieme Partie. Le XVIe siecle, 1494-1610, par. II. Hauser. 4 тома. 1906-1915. (Ценная, критическая библиография источников).

Recueil generale des anciennes lois francaises, par Isambert, Decrusy, Armet. Тома 12-15 (1514-1610). 1826 и далее.

Ordonnances des rois de France. Regne de Francois I. 10 vols. 1902-8.

Michel de L'Hopital: *Oeuvres completes*, ed. Дюфи. 4 тома. 1824-5.

Journal d'un bourgeois de Paris sous le regne de Francois Ier (1515-36), ed. par L. Lalanne. 1854.

Commentaires de Blaise de Monluc, ed. P. Courtreault. 2 тома. 1911 и далее.

Memoires-journaux du duc de Guise 1547-61, ed. Michaud et Poujoulat. 1839.

Oeuvres completes de Pierre de Bourdeille, seigneur de Brantome, ed. par L. Lalanne, 11 vols. 1864-82.

Histoire Ecclesiastique des Eglises reformees au Royaume de France, ed. G. Baum et E. Cunitz, 3 vols. 1883-9. (Эта история впервые появилась анонимно в 1580 году в 3 томах. Местом публикации указан Антверпен, но, вероятно, на самом деле это была Женева. Многие считали, что автором является Теодор Беза.)

Мемуары герцога Сюлли. Английский перевод в библиотеке Бона. 3 тома. Без даты.

Crespin: *Histoire des martyrs, persecutes et mis a mort pour la verite de l' Evangile*. Изд. 1619г.

Memoires de Martin et de Guillaume du Bellay, ed. par V. L. Bourilly et F. Vindry. 4 тома. 1908-1920.

Correspondance des Reformateurs dans les pays de langue francaise, pub. напарник А. Л. Эрминьяра. 9 томов. 1878 и далее.

J. Fraikin: *Nonciatures de la France*. Том i, Климент VII, 1906.

Lettres de Catherine de Medicis, publiees par H. de la Ferriere et B. de Puchesse. 10 об. Париж. 1880-1909.

Catalogue generale de la Bibliotheque Nationale. Actes Royaux. Vol. i, 1910.

ЛИТЕРАТУРА.

А. М. Уайтхед: *Гаспар де Колиньи*. 1904.

Луи Батиффоль: *Век Возрождения*, перевод с французского Э. Ф. Бакли, со вступлением Дж. Э. К. Бодли. 1916.

Дж. У. Томпсон: *Религиозные войны во Франции 1559-76*. 1909.

E. Lavis: *Histoire de France*. Tome Cinquieme. I. Les guerres d'Italie. La France sous Charles VIII, Louis XII et Francois I, par H. Lemonnier. 1903. II. La lutte contre la maison d'Autriche. La France sous Henri II, par H. Lemonnier. 1904. Tome Sixieme. I. La Reforme et la Ligue. L'Edit de Nantes (1559-98), par J. H. Mariejol. 1904. (Стандартная работа).

Х. М. Бэрд: *Восстание гугенотов во Франции*, 2 тома. 1879.

Х. М. Бэрд: *Гугеноты и Генрих Наваррский*. 2 тома. 1886.

Х. Н. Уильямс: *Генрих II*. 1910.

E. Marcks: *Gaspard von Coligny: sein Leben und das Frankreich seiner Zeit*. 1892. (Отлично, появился только Первый том, переносящий Колиньи в 1560 год).

P. Imbart de la Tour: *Les Origines de la Reforme*. I. La France Moderne. 1905. II. L'Eglise Catholique et la Crise de la Renaissance. 1909. III. Евангелизм (1521-38). 1914. (Отличная работа, скорее социальная и культурная, чем политическая).

Э. Сихель: *Екатерина Медичи и французская Реформация*. 1905.

Э. Сихель: *Последние годы Екатерины Медичи*. 1908.

C. E. du Boulay: *Historia Universitatis Parisiensis*. Tomus VI. 1673.

J. Michelet: *Histoire de France*. Тома. 8-10. Первое издание 1855 года и далее. (Прекрасная книга; хотя, естественно, частично вытесненная, ее все же можно читать с пользой).

W. Heubi: *Francois I et le mouvement intellectuel en France*. 1914.

A. Autin: *L'Echec de la Reforme en France au XVI, siecle*. Contribution a l'Histoire du Sentiment Religieux. 1918.

L. Romier: *Les Origines Politiques des Guerres de Religion*. 2 тома. 1911-13.

L. Romier: "Les Protestants francais a la veille des guerres civiles," *Revue Historique*, vol. 124, 1917, pp. lff, 225 ff.

Э. Армстронг: *Французские религиозные войны*. 1892.

К. Г. Келли: *Французский протестантизм 1559-62*. Исследования Университета Джона Хопкинса

, том. xxxvi, № 4. 1919.

N. Weiss: *La Chambre Ardente*. 1889.

ГЛАВА V. НИДЕРЛАНДЫ

H. Pirenne: *Bibliographie de l'Histoire de Belgique*. Catalogue des sources et des ouvrages principaux relatifs a l'histoire de tous les Pays-Bas jusqu'en 1598.[2] 1902.

ИСТОЧНИКИ:

Kervyn de Lettenhove: *Relations politiques des Pays-Bas et d'Angleterre*. 10 томов. 1882-91. (Обложки 1556-76).

Resolution der Staaten-Generaal 1576-1609. Доор Н. Джапиксе. Пока еще 4 тома. (1576-84.) 1915-19.

Corpus documentorum Inquisitionis . . . Neerlandicae . . . Uitgegeven door P. Fredericq. Тома. 4-6, 1900 и далее.

Реформаторская библиотека Новой Зеландии . . . Дверь в дом С. Крамера и Ф. Пайпера. 1903-14. 10 томов.

Collectanea van Gerardus Geldenhauer Noviomagus . . . Uitgegeven . . . door J. Prinsen. 1901.

La Chasse aux Lutheriens des Pays-Bas. Souvenirs de Francisco de Enzinas. Париж. 1910. (Воспоминания испанского протестанта в Нидерландах. Это издание прекрасно иллюстрировано).

Correspondance de Guillaume le Taciturne, publiee . . . par M. Gachard. 1847-57. 6 vols.

Correspondance de Philippe II sur les affaires des Pays-Bas, publiee . . . par M. Gachard. 5 томов. 1848-79.

Х. Гроций: *"Анналы и история войн в Низинах"*, Переведено на английский Т. М. [энли]. 1665.

Календарь государственных бумаг, иностранных, Елизаветы Петровны, ред. Дж. Стивенсона и др. Лондон, 1863-1916. (На сегодняшний день 19 томов; много материала о Нидерландах).

ЛИТЕРАТУРА.

H. Pirenne: *Histoire de Belgique*. Тома 3 и 4. 1907-11. (Стандартная работа. Немецкий перевод третьего тома Ф. Арнгейма был опубликован в 1907 году, до французского издания, и четвертого тома, переработанного и слегка улучшенного, в 1915 году).

П. Я. Блок: *История народа Нидерландов*. Перевод Рут Патнэм. Часть 2, 1907, часть 3, 1900. (Тоже стандартная работа).

Э. Гроссарт: *Карл V и Филипп II*. 1910.

Felix Rachfahl: *Wilhelm von Oranien und der niederlaendische Aufstand*. Vols. 1 и 2. 1906-8.

Рут Патнэм: *Уильям Молчаливый* (Герои наций). 1911.

P. Kalkoff: *Anfaenge der Gegenreformation in den Niederlanden*. 1903. (Ценная монография).

Geschiedenis van de Hervorming en de Hervormde Kerk der Nederlanden, door J. Reitsma. Derde, bijgewerkte en vermeerderde Druk bewerkt door L. A. von Langeraad . . . en bezorgd door F. Reitsma. 1916.

Дж. И. Мотли: *Расцвет Голландской республики*. 1855. (Классика, естественно, частично вытесненная более поздними исследованиями).

Дж. Ф. Мотли: *Жизнь и смерть Джона из Ольденбарневельда*. 1873.

Дж. Си Сквайр: *Уильям Молчаливый*. (1918).

ГЛАВА VI. АНГЛИЯ 1509-88

Библиографии в "*Кембриджской современной истории*" и в "*Политической истории Англии*" Полларда и Фишера, которые см. Ниже.

ИСТОЧНИКИ:

Письма и документы, иностранные и отечественные, о правлении Генриха VIII, составленные Дж. С. Брюером, Дж. Гэрднером и Р. Х. Броуди. 20 томов. (Монументальный).

Аналогичная серия "Календарей государственных бумаг" была опубликована для английских документов, хранящихся в Риме (1 том, 1916 г.), Испании (15 томов), Венеции (22 тома), Ирландии (10 томов), Внутренних документов Эдуарда VI, Марии, Елизаветы и Джеймса (12 томов), иностранных документов Эдуарда VI (1 том), Марии (1 том), Елизаветы (19 томов). до 1585). Милан (1 том, 1912).

Английская сокровищница: Трактаты Тюдоров 1532-88 гг., под ред. Э. Арбера. 8 томов. 1877-96.

Документы, иллюстрирующие историю английской церкви, составленные Х. Джи и У. Дж. Харди. 1896.

Избранные статуты и другие конституционные документы 1558-1625 гг., под ред. Г. В. Протеро.[2] 1898.

Статуты королевства, напечатанные по приказу Георга III. 1819 год и далее.

Избранные дела Королевского совета в Звездной палате, изд. И. С. Лидам. Том 2, 1509-44. Общество Селдена. 1911.

Оригинальные письма, под ред. сэра Х. Эллиса. 1-я серия, 3 тома. 1824; 2-я серия, 4 тома. 1827; 3-я серия, 4 тома. 1846.

ЛИТЕРАТУРА:

Х. А. Л. Фишер: *Политическая история Англии 1485-1547*. Новое издание 1913 года.
(Политическая история Англии под редакцией У. Ханта и Р. Л. Пула, том. 5. Стандартная работа).

А. Ф. Поллард: *Политическая история Англии 1547-1603*. 1910. (Политическая история Англии, изд. автор: Хант и Пул, том 6. Стандартная работа).

А. Д. Иннес: *Англия при Тюдорах*. 1905.

Х. Джи: *Период Реформации*. 1909. (Справочники по истории английской церкви).

Дж. Гэрднер: *Лолларди и Реформация*. 4 тома. 1908 год и далее.
(Написано чрезвычайно образованным человеком с очень сильным приверженцем высокой церкви англиканского уклона).

Сохранившийся Смит: "Лютер и Генрих VIII", *Английское историческое обозрение*, xxv, 656 и далее, 1910.

Сохранившийся Смит: "Мнение немцев о разводе Генриха VIII", *Английское историческое обозрение*, xxvii, 671 и далее, 1912.

Сохранившийся текст Смита: "Ганс Люфт из Марбурга", *Nation*, 16 мая 1912 года.

Сохранившийся Смит: "Новости для библиофилов", *Nation*, 29 мая 1913 г. (О ранних английских переводах Лютера).

Сохранившийся Смит: "Мартин Лютер и Англия", *Nation*, 17 декабря 1914г.

Сохранившийся Смит: "Полный список произведений Лютера на английском языке", *Lutheran Quarterly*, октябрь 1918г.

Э. Р. Адэр: "Статут прокламаций", *Английское историческое обозрение*, xxxii, 34 и далее. 1917.

Лорд Эрнест Гамильтон: *Елизаветинский Ольстер*. (1919).

Питер Гилдей: *Английские католические беженцы на Континенте 1558-1795 гг.* Том 1. 1914.
(Блестящее исследование).

А. Ф. Поллард: *Англия при протекторе Сомерсете*. 1900.

А. Ф. Поллард: *Генрих VIII*. 1902.

А. Ф. Поллард: *Томас Кранмер*. 1906.

Дж. Х. Поллен: *Английские католики в царствование Елизаветы*. 1920.

Ф. А. Гаске: *Канун Реформации*. Новое издание. 1900.

Э. Б. Мерримен: *Жизнь и письма Томаса Кромвеля*. 2 тома. 1902. (Ценный).

А. О. Meyer: *England und die katholische Kirche unter Elizabeth*. 1911. (Тщательный и блестящий).
Говорят, переведено на английский в 1916 году.

L. Tresal: *Les origines du schisme anglican 1509-71*. 1908.

А. Дж. Кляйн: *Нетерпимость в правление Елизаветы*. 1917.

Дж. А. Фруд: *История Англии от падения Вулси до Армады*. 12 томов. 1854-70. (Все еще лучшая картина того времени.
Ярко выраженный роялист и протестант, несколько ошибок в деталях, блестяще написано).

Национальный биографический словарь, под ред. Лесли Стивенса и Сидни Ли. 63 года. 1887-1900.

Карлос Б. Ламсден: *Рассвет современной Англии 1509-25*. 1910.

Ричард Бэгвелл: *Ирландия при Тюдорах*. 3 тома. 1885.

Х. Холлоуэй: *Реформация в Ирландии*. 1919.

Миссис Дж. Р. Грин: *Создание Ирландии и ее гибель 1200-1600*. Первое издание 1908 года;
исправлено в 1909 году. (Националист; интересно).

Х. Н. Бирт: *Поселение елизаветинских религий*. 1907.

У. Уолч: *Борьба Англии с папством*. 1912.

Р. Г. Ашер: *Взлет и падение Высоких коммиссионных*. 1913.

Die Wittenberger Artikel von 1536, hg. von G. Mentz. 1905.

Р. Г. Ашер: *Пресвитерианское движение 1582-9*. 1905.

ГЛАВА VII. ШОТЛАНДИЯ

ИСТОЧНИКИ.

Акты парламента Шотландии. 12 томов 1844 года и далее.

Б. Дж. Кидд: *Документы Континентальной реформации*, 1911, стр. 686-715.

Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии 1509-1603 гг. 2 тома.
изд. М. Дж. Торпа. 1858.

Государственные документы, касающиеся Шотландии и Марии, королевы Шотландской 1542-81, под ред. Дж. Бэйна и У. К. Бойда. 5 томов. 1898 год и далее.

Документы Гамильтона, 1532-90, под ред. Дж. Бейна.

Многое в английских календарях, о чем см. библиографию к главе VI.

Сочинения Джона Нокса, изд. Лэйнг, 1846-64.

Р. Линдси из Питскотти: *История и хроники Шотландии*, под ред. А. Дж. Г. Маккея. 1899-1911. 3 тома.

Сатирические стихотворения времен Реформации, изд. Дж. Крэнстоун. 2 тома. 1891.

Джон Нокс: *История религиозной реформы в Шотландии*, под ред. Катберта Леннокса. 1905.

ЛИТЕРАТУРА:

П. Хьюм Браун: *История Шотландии*. 3 тома. 1899-1909.

У. Л. Матисон: *Политика и религия; изучение истории Шотландии от Реформации до революции*. 2 тома. 1902.

Д. Х. Флеминг: *Реформация в Шотландии*. 1910. (Убежденный протестант).

Г. Кристи: *Влияние писем на шотландскую реформацию*. 1908.

А. Лэнг: *Джон Нокс и Реформация*. 1905.

Дж. Крук: *Джон Нокс-реформатор*. 1907.

А. Б. Харт, "Джон Нокс", в *Американском историческом обзоре*, xiii, 259-80. (Блестящее исследование характера).

Р. С. Райт: "Джон Нокс", в *Ежеквартальном обзоре*, том 205, 1906.

А. Лэнг: *Тайна Марии Стюарт*. 1902.

Lady Blennerhassett: *Maria Stuart, Koenigin von Schottland*. 1907.

А. Лэнг: *История Шотландии*. 4 тома. 1900-7.

П. Хьюм Браун: *Джон Нокс*. В 2 т. 1895.

Х. Коуэн: *Джон Нокс*. 1905.

А. Р. Макьюэн: *История церкви в Шотландии*. Том. I (397-1546), 1913; Том. II (1546-60), 1918. (Хорошо).

А. Ланг: "Письма из шкатулки", *Британская энциклопедия*, 1910.

П. Хьюм Браун: *Обзоры истории Шотландии*. 1919. (Философский).

ГЛАВА VIII. КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

РАЗДЕЛЫ 1 и 2. Папство и Италия 1521-1590 гг..

ИСТОЧНИКИ:

С. Mirbt: указ. соч.

Consilium delectorum cardinalium et aliorum praelatorum de emendanda ecclesia 1537. In Mansi: *Sacrorum Conciliorum et Decretorum collectio nova*, 1751, Supplement 5, pp. 539-47. То же самое на немецком языке с заметками Лютера в *Книге Лютера "Верке"*, Веймар, том 50.

ЛИТЕРАТУРА:

Л. фон Пастор: *История пап с конца средних веков*. Английский перевод под редакцией Р. Ф. Керра. Тома. 9-12. 1910 и последующие. (Эти тома охватывают период 1522-1549 гг. Стандартная работа, насыщенная новыми знаниями).

L. von Pastor: *Geschichte der Paepste seit dem Ausgang des Mittelalters*. Полоса VI. 1913; VII. 1920. (Из этих томов немецкого, охватывающих 1550-65 годы, до сих пор нет английского перевода).

P. Herre: *Papsttum und Papstwahl im Zeitalter Philipps, II*. 1907.

Дж. Маккейб: *Кризисы в истории папства*. 1916. (Популярно).

Мандель Крейтон: указ. соч.

Л. фон Ранке: *История пап, их церкви и государства в шестнадцатом и семнадцатом веках*, перевод с немецкого Сары Остин. Том 1, 1841. (Перевод римской поэмы Ранке, первое издание которой вышло в 1834-6 годах. Классика).

Х. М. Воган: *Папы Медичи*. 1908. (Популярный, сочувствующий).

G. Droysen: *Geschichte der Gegenreformation*. 1893. (Серия Онкена).

E. Rodocanachi: "La Reformation en Italic," *Revue des Deux Mondes*, March, 1915.

Лорд Эктон: *Лекции по современной истории*, 1906, стр. 108 и далее.

Дж. А. Саймондс: *Католическая реакция*. 2 тома. 1887.

G. Monod: "La Reforme Catholique," *Revue Historique*, vol. cxxi (1916).

Б. Виффен: *Жизнь и труды Хуана де Вальдеса*. 1865.

К. Хэйр: *Мужчины и женщины итальянской реформации*. (1913).

Kirche und Reformation. Unter mitwirkung von L. v. Pastor, W. Schnyder, L. Schneller usw. hg. von J. Scheuber. 1917.

"Контрреформация" в *Католической энциклопедии*.

G. Benrath: *Geschichte der Reformation in Venedig*. 1886.

Й. Буркхардт: указ. соч.

РАЗДЕЛ 3. Тридентский собор

ИСТОЧНИКИ:

Concilium Tridentinum. Diariorum, actorum, epistularum, tractatum nova collectio. Edidit Societas Goerresiana. 1901 ff. В процессе публикации; пока еще не вышли тома. 1-5, 8, 10.

J. Susta: *Die roemische Kurie und das Komil von Trient unter Pius IV*.
Aktenstucke zur Geschichte des Konzils von Trient. 4 тома. 1904-1914.

Le Plat: *Monumenta ad historiam Concilii Tridentini spectantia*. 7 т. 1781-7.

Каноны и постановления Священного и Вселенского Тридентского собора, переведенные Дж. Уотервортом. 1848. Переиздание, Чикаго, 1917.

G. Drei: "Per la Storia del Concilio de Trento. Lettere inedite del Segretario Camille Olivo 1562." *Archivio Storico Italiano* 1916.

П. Шафф: *Символы веры христианского мира*. Том 2, 1877. (Латинский текст и английский перевод канонов и постановлений).

Катехизис Тридентского собора, переведенный на английский Дж. Донованом. 1829.

ЛИТЕРАТУРА:

Дж. А. Фруд: *Лекции о Тридентском соборе*. 1899.

П. Сарпи: *История совета Трента*. 1620. (Перевод с итальянского, который впервые появился в 1619 году).

A. Harnack: *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, [4] 1910, vol. iii, стр. 692 и далее. Перевод на английский, том. vii, стр. 35-117.

Замечание Рэнке о том, что у Тридентского собора не было хорошей истории, актуально и сегодня. Лучшее, насколько это возможно, находится в Pastor.

РАЗДЕЛ 4. Иезуиты

ИСТОЧНИКИ:

Bibliothèque de la Compagnie de Jesus. I ere partie: Bibliographie par les peres De Backer. 2eme partie par A. Carayan. Nouvelle ed. часть C. Sommervogel. 10 томов. 1890-1909. Исправления и дополнения к книге Э. М. Ривьера. 1911.

Monumenta historica Societatis Jesu, edita a Patribus ejusdem Societatis. Мадрид, 1894-1913. 46 томов.

Cartas de San Ignacio de Loyola, 6 vols. 1874-89.

Священный акт, 7 июля 1731 г.

Автобиография святого Игнатий, английский перевод под ред. Дж. Ф. Х. О'Коннора. 1900.

Письма и наставления святого Игнатия Лойолы, перевод Д. Ф. О'Лири и изд. А. Гудье. 1914.

Духовные упражнения святого Игнатия Лойолы. Испанский и английский, Дж. Рикаби, S. J., 1915.

Beati Petri Canisii, S. J., Epistulae et Acta, ed. O. Braunsberger. 6 томов. пока еще. 1896-1913.

ЛИТЕРАТУРА.

H. Boehmer: *Les Jesuites*. Ouvrage traduit de l'allemand avec une Introduction et des Notes par G. Monod. 1910. (Стандартная работа, хотя и очень краткая).

E. Gothein: *Ignatius von Loyola und die Gegenreformation*. 1895.

A. Маккейб: *Откровенная история иезуитов*. 1913. (Враждебно, но не безразлично).

B. Duhr: *Geschichte der Jesuiten in den Laendern deutscher Zunge im 16ten Jahrhundert*. Грυνна I. 1907.

H. Fouqueray: *Histoire de la Compagnie de Jesus en France*. 2 тома. 1910-13.

Э. Л. Тонтон: *Иезуиты в Англии*. 1901.

Фрэнсис Томпсон: *Святой Игнатий Лойола*. 1913. (Я упоминаю эту книгу "поэта семнадцатого века, родившегося в девятнадцатом веке" из-за известности автора).

С. Бру: *Святой Франсуа Ксавье*. 2 тома. Париж, 1912 год.

J. M. Cros: *St. Francois de Xavier*, 2 vols. Тулуза, 1900.

О Ксавье см. также *Mirbt, соч.*, № 350, А. Д. Уайт: *Война науки и теологии*, 1896, ii, 5-22, и пастор.

"Житие святого Франциска Ксаверия" Эдит А. Стюарт, с переводами из его писем Д. Макдональда. 1917. (Популярный и вызывающий симпатию).

У. Г. Джейн: *Васко да Гама и его преемники* (1910), О Ксавье, стр. 188 и далее.

РАЗДЕЛ 5. Инквизиция и Индекс

ИСТОЧНИКИ:

P. Fredericq: *Corpus Documentorum Inquisitionis Neerlandicae*, vols. 4, 5., 1900 ff.

L. von Pastor: *Allgemeine Dekrete der roemischen Inquisition 1555-97*. 1913.

Mandament der Keyserlijcken Maiesteit, vuytghegeven int laer xlvj. Louvain. 1546. Сто факсимильных копий, напечатанных для А. М. Хантингтона в издательстве "Де Винн Пресс", Нью-Йорк, 1896 год.

Catalogi Librorum reprobatorum & praelegendorum ex iudicio Academiae Louaniensis, Pinciaae. MDLI. Mandato dominorum de consilio sanctae generalis Inquisitionis. Сто факсимильных копий, напечатанных для А. М. Хантингтона в издательстве "Де Винн Пресс", Нью-Йорк, 1895 год.

Catalogus librorum qui prohibentur mandato Illustrissimi & Rev. D. D. Ferdinand de Valdes, Hispalen. Archiepiscopi, Inquisitoris Generalis Hispaniae, 1559. Сто факсимильных копий, напечатанных в De Vinne Press, 1895.

ЛИТЕРАТУРА.

Х. К. Ли: *История инквизиции в Испании*. 4 тома. 1906-7. Характеризуется широким чтением и использованием множества рукописей, которые Леа скопировал из всех европейских архивов. Действительно замечательная работа. Рукописи, на которых она основана, до сих пор хранятся в его библиотеке в Филадельфии. Его сын и дочь любезно разрешили мне ознакомиться с материалами об испанском протестантизме.

Х. К. Ли: *Инквизиция в испанских владениях*. 1908.

P. Fredericq: "Les recents historiens catholiques de l'Inquisition en France," *Revue Historique*, cix, 1912, pp. 307 ff. (Резкая критика апологетов инквизиции, которые писали против Леа).

Э. Н. Адлер: *Авто де Фе и еврей*. 1908.

E. Schaefer: *Beitraege zur Geschichte des spanischen Protestantismus und der Inquisition*. 3 тома. 1902.

G. Bushbell: *Reformation und Inquisition in Italien um die Mitte des XVI Jahrhunderts*. 1910.

F. H. Reusch: *Der Index der verbotenen Buecher*. 2 тома. 1883.
(Стандарт).

J. Hilgers: *Der Index der verbotenen Buecher*. 1904. (Извиняющимся тоном).

Х. К. Ли: *Главы из религиозной истории Испании, связанные с инквизицией*. 1890. (В основном по Указателю).

Статьи: "Инквизиция", "Святая канцелярия" и др. в *Энциклопедии религии и этики, Протестантской реальной энциклопедии, Католической энциклопедии* и др.

Г. Х. Патнэм: *Цензура Римской церкви*. 2 тома. 1906.

ГЛАВА IX.

ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЫ

РАЗДЕЛ 1. *Испания*

ИСТОЧНИКИ:

Coleccion de documentos ineditos para la historia de Espana. 112 vols. 1842 ff.

Nueva Coleccion de documentos ineditos &c. 6 vols. 1892-6.

Календарь писем, депеш и государственных бумаг, испанский, и с., 15 томов. охватывает 1509-1603 гг., за исключением 1555-8. 1862 гг. по сегодняшний день.

A. Morel-Fatio: *Historiographie de Charles Quint*. 1913. (Содержит новую французскую версию Комментариев Карла V).

Ф. Л. де Гомара: *Анналы императора Карла V*, под ред. Р. Б. Мерримена. 1912.

ЛИТЕРАТУРА.

Rafael Altamira y Crevea: *Historia de Espana*, Tomo III,[3] 1913. (Лучшая всеобщая история, в значительной степени социальная, написанная легким, популярным стилем).

К. Э. Чепмен: *История Испании*. 1918 год. (По материалам Альтамиры).

Э. Б. Мерримен: *Расцвет Испанской империи*. 2 тома., к 1516. 1918. (Несомненно, будущие тома этого превосходного труда будут еще более ценными для нашей нынешней цели).

K. Haebler: *Geschichte Spaniens unter den Habsburgern*, Band 1, 1907.
(Стандартная работа для периода правления Карла V).

Мартин А. С. Юм: *Испания, ее величие и упадок 1479-1788*. 1898. (Популярно).

М. А. С. Хьюм: *Филипп II Испанский*. 1897.

Э. Госсарт: *Карл V и Филипп II*. 1930.

Э. А. Армстронг: *Карл V*. Второе изд. 1910. в 2 т.

У. Х. Прескотт: *История правления Филиппа II, короля Испании*. 1855-74. (Незаконченный, классический).

Х. К. Ли: *Мориски в Испании: их обращение и изгнание*. 1901.

Bratli: *Philippe II, roi d'Espagne*, 1912. (Неудачная попытка обелить Филипа; используется какой-то новый материал).

М. Philippson: *Westeuropa im Zeitalter von Philip II, Elizabeth und Heinrich IV*. 1882.

РАЗДЕЛ 2. Расширение Европы

У. Х. Прескотт: *История завоевания Мексики*. 1843. (Классика).

У. Х. Прескотт: *История завоевания Перу*. 1847.

Х. Вандер Линден: "Александр VI и Демаркационные буллы", *Американское историческое обозрение*, ххii, 1916, стр. 1 и далее.

И. А. Райт: *ранняя история Кубы, 1492-1586*. 1916.

C. de Lannoy et H. Van der Linden: *L'Expansion coloniale des Peuples Europeens*. Vol. 1. Portugal et Espagne. 1907.

Э. Г. Борн: *Испания в Америке*. 1904. (Отлично).

S. Ruge: *Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen*. 1881. (Oncken: Allgemeine Geschichte).

P. Leroy-Beaulieu: *De la Colonisation chez les peuples modernes*. 1-е изд. 1874. 6-е изд. 1908. В 2 т.

Дж. Уинзор: *Повествовательная и критическая история Америки*, тома 1, 2, 1889, 1886.

Х. Морс Стивенс: *История Португалии*. 1891.

Г. Янг: *Португалия, старая и молодая*. 1917.

Комментарии великого Афонсу Дальбокерке, под ред. В. де Г. Берча. 4 тома. 1875-84.

К. Г. Джейн: *Васко да Гама и его преемники*. (1910).

К. Валишевский: *Иван Грозный*. 1904.

Основные навигации, вояжи, перевозки и открытия английской нации, Р. Хаклюйт. 12 томов. 1903.

"Пилигримы" Перчаса, С. Перчаса. 20 томов. 1905.

Ф. Г. Дэвенпорт: *Европейские договоры, имеющие отношение к истории Соединенных Штатов и их зависимостей*. 1917.

У. К. Эбботт: *Расширение Европы*. 2 тома. 1918.

ГЛАВА X

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Поскольку источники для этой главы будут включать всю дошедшую до нас литературу и документы того периода, невозможно сделать больше, чем упомянуть некоторые из тех, на которые конкретно делается ссылка. Более того, поскольку в большинстве политических историй теперь есть главы, посвященные социальным и экономическим условиям, многое на эту тему можно найти в предыдущих библиографиях.

Общая информация

ИСТОЧНИКИ:

Ум. *Описание Англии* Харрисона (1577, исправленное и дополненное в 1586) под ред. Ф. Дж. Фернивалла. 1877 и далее. 7 частей.

Социальные трактаты, под ред. А. Ланга из английского сборника Арбера. 1904.

ЛИТЕРАТУРА.

Handwoerterbuch der Staatswissenschaften, [3] ed. J. Conrad, W. A. Lexis, E. Loening. 8 томов. 1909-11. (Стандарт).

Woerterbuch der Volkswirtschaft, [3] hg. von L. Elster. 2 тома. 1911.

Социальная Англия, под ред. Х. Д. Трейла и Дж. С. Манна. Том. 3. Генрих VIII - Елизавете. 1902. (Стандартная работа, первоначально опубликованная в 1894 году).

С. Б. Фэй: *Дом Гогенцоллернов*. 1916.

Каталог французских экономических документов 16, 17 и 18 веков, изданный библиотекой Джона Крерара, Чикаго, 1918.

H. van Houtte: *Documents pour servir a l'histoire des prix de 1387 a 1794*. 1902.

Cavaignac: "La Population de l'Espagne vers 1500." *Сеансы и материалы Академии наук морали и политики*, 79e Année, 1919, стр. 491 и далее. (численность населения составляет от десяти до двенадцати миллионов).

J. Culevier: *Les denombrements de foyers en Brabant (XVIe et XVIIe siecles.)* 1912.

У. Каннингем: *Очерк западной цивилизации в ее экономическом аспекте*.
Том 2. 1900.

J. Beloch: "Die Bevoelkerung Europas zur Zeit der Renaissance." *Zeitschrift fuer Sozialwissenschaft*, iii,
1900, pp. 765-86.

Д. Дж. Хилл: *История дипломатии в международном развитии
Европы*. Том 2. 1910.

Ч. Х. Харинг: "Производство золота и серебра в Америке в первой половине шестнадцатого
века", *Ежеквартальный экономический журнал*, май 1915г.

Ч. Х. Харинг: *Торговля и мореплавание между Испанией и Индией во
времена Габсбургов*. 1918.

L. Felix: *Der Einfluss von Staat und Recht auf die Entwicklung des
Eigenthums*. 2te Haelfte, 2te Abteilung. 1903.

G. Wiebe: *Zur Geschichte der Preisrevolution der 16. und 17.
Jahrhunderten*, in Von Miaskowski: *Staats und sozialwissenschaftliche
Beitraege*, II, 2. 1895. (Важно.)

G. d' Avenel: *Histoire economique de la propriete, des salaires, des denrees et de tous les prix en
general 1200-1800*. 6 vols. 1894 ff. (Удивительно интересная работа).

G. d' Avenel: *Decouvertes d'Histoire Sociale*. 1910. (Краткое изложение его более масштабной
работы).

W. Naude: *Die Getreidehandelspolitik der Europaeischen Staaten von 13ten bis zum 18ten
Jahrhundert*. 1896.

N. S. B. Gras: *Эволюция английского рынка кукурузы*. 1915.

А. П. Ашер: *История торговли зерном во Франции. 1400-1710*. 1913.

K. Haebler: *Die wirtschaftliche Bluete Spaniens im 16. Jahrhundert und ihr Verfall*. 1888.

Б. Мозес: "Экономическое состояние Испании в 16 веке". *Отчеты Американской
исторической ассоциации*. 1893.

Э. П. Чейни: *Социальные изменения в Англии в шестнадцатом веке,
отраженные в современной литературе*. Часть I, Сельские перемены. 1895.

A. Luschin von Ebengreuth: *Allgemeine Muenzkunde und Geldgeschichte des
Mittelalters und der neueren Zeit*. 1904.

РАЗДЕЛ 4. Жизнь народа

ИСТОЧНИКИ:

Das Zimmersche Chronik, [2] hg. v. K. A. Barack. 4 тома. 1861-2.

Социальная Германия во времена Лютера, Мемуары Бартоломью Састроу, перевод А. Д. Вандама. 1902.

Т. Тассер: *Сто признаков хорошего Ведения хозяйства*. 1558. (Позже расширено как: Пятьсот пунктов Хорошего земледелия, объединенных со столькими же пунктами Хорошего земледелия. 1573).

L. von Pastor; *Die Reise Kardinals Luigi d'Aragona 1517-8*. 1905.
(Ergaenzungen und Erlaeuterungen zu Janssens Geschichte des deutschen Volkes. Band IV, Teil 4).

Бальдассаре Кастильоне: *Книга придворного*. Английский перевод Опдике. 1903.

Вторая часть Реестра: представляет собой Календарь рукописей под этим названием, предназначенных для публикации пуританами. 1593. Автор: А. Пил. 2 тома. 1915.

ТРАКТАТЫ:

Э. Б. Бакс: *Немецкое общество на закате средневековья*. 1894.

П. В. Б. Джонс: *Дом дворянина эпохи Тюдоров*. 1917.

У. Б. Рай: *Англия глазами иностранцев во времена Елизаветы и Якова I*. 1865.

К. Л. Пауэлл: *Английские внутренние отношения, 1487-1653: исследование супружества и семейной жизни в теории и практике, как показано в литературе, праве и истории того периода*. 1917.

W. Kawerau: *Die Reformation und die Ehe*. 1892.

П. С. Аллен: *Эпоха Эразма*. 1914.

К. Э. Гринфилд: *Законы о роскоши Нюрнберга*. 1918.

Сохранившийся Смит: "Некоторые старые законы Блу", *Открытый суд*, апрель 1915г.

H. Almann: *Das Leben des deutschen Volkes bem Beginn der Neuzeit*. 1893.

Э. С. Бейтс: *Гастроли в 1600 году*. 1911.

Т. Ф. Ордиш: *Ранние лондонские театры*. 1894.

Дж. Картрайт: *Бальдассаре Кастильоне*. 2 тома. 1908.

J. L. Pagel: *Geschichte der Medizin. Zweite Auflage von K. Зюдхофф*. 1915.

A. X. Бак: *Развитие медицины с древнейших времен примерно до 1800 года*. 1917.

H. Haeser: *Geschichte der Medicin*. Полоса II.[3] 1881 год.

Ф. X. Гаррисон: *Введение в историю медицины*. 1914.

J. Lohr: *Methodisch-kritische Beiträe zur Geschichte der Sittlichkeit des Klerus, besonders der Erzdioezese Koeln am Ausgang des Mittelalters*. 1910.

H. A. Krose: *Der Einfluss der Konfession auf die Sittlichkeit nach den Ergebnissen der Statistik*. 1900.

Henri (J. A.) Baudrillart: *Histoire du luxe prive et public depuis l'antiquite jusqu' a nos jours*. Vol. 3, Moyen Age et Renaissance. 1879.

ГЛАВА XI

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Во многих книгах, упомянутых в предыдущей главе, и во многих общих исторических трудах есть главы, посвященные этому предмету. Их названия здесь не повторяются.

История экономики Англии. Избранные документы под ред. А. Э. Блэнда, П. А. Брауна и Р. Х. Тоуни. 1914. (С полезной библиографией и хорошо подобранным материалом).

Х. Г. Роуздейл: *королева Елизавета и Левантийская компания*. 1904.

E. Levasseur: *Histoire des classes ouvrieres et de l' industrie en France avant 1789*. [2] 2 vols. 1900-1.

G. Avenel: *Paysans et Ouvriers depuis sept cent ans*. [4] 1904.

У. Каннингем: *Рост английской промышленности и торговли в ранние и средние века*. [5] 1910. Современные времена. [3] 1894.

У. Дж. Эшли: *Экономическая организация Англии*. 1914. (Кратко, блестяще).

Г. Анвин: *Промышленная организация Англии в Шестнадцатом и семнадцатом веках*. 1904. (Научный).

А. П. Ашер: *Промышленная история Англии*. 1920.

Дж. У. Бургон: *Жизнь и времена сэра Т. Грэшема*. 2 тома. 1839.

O. Noel: *Histoire du commerce du monde*. 3 тома. 1891-1906.

Х. Г. Селфридж: *Романтика коммерции*. 1918.

Дж. А. Уильямсон: *Морское предприятие 1485-1558*. 1913.

J. Strieder: *Die Inventar der Firma Fugger aus dem Jahre 1527*. 1905.

J. Strieder: *Zur Genesis des modernen Kapitalismus*. 1904.

J. Strieder: *Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartelle, und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit*. 1914. (Очень важно).

Клайв Дэй: *История коммерции*. 1907.

W. Mueck: *Der Mansfelder Kupferschieferbergbau*. 1910.

R. Ehrenberg: *Das Zeitalter der Fugger*. Группа I, 1896 год.

К. А. Херрик: *История торговли и промышленности*. 1917. (Учебник).

М. П. Рувум: *Шотландский продукт питания в Нидерландах, 1292-1676*. 1910.

W. Sombart: *Krieg und Kapitalismus*. 1913.

W. Sombart: *Der Moderne Kapitalismus?* 2 тома. в 3. 1916-7.

L. Brentano: *Die Anfaenge des modernen Kapitalismus*. 1916.

A. Schulte: *Die Fugger in Rom*. 2 vols. 1904.

Maxime Kowalewsky: *Die oekonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform*. Aus dem Russischen uebersetzt von A. Stein. Том 6. 1913. (Важно).

Э. Э. Протеро: *Прошлое и настоящее английского фермерства*. 1912.

Э. Ф. Гей: "Замкнутость в Англии в 16 веке", *Ежеквартальный экономический журнал*, том 17, 1903.

E. F. Gay: *Zur Geschichte der Einhegungen in England*. 1902. (Берлинская диссертация).

Дж. С. Лидам: *Страшный суд огораживаний*. 1897.

Дж. Э. Т. Роджерс: *Шесть столетий работы и заработной платы*. 1884.

Дж. Э. Т. Роджерс: *История сельского хозяйства и цен в Англии*. Тома. iii и iv, 1400-1582. 1882. (Классика).

Дж. Кляйн: *Место: Исследование экономической истории Испании*. 1920.

P. X. Тоуни: *Аграрная проблема в шестнадцатом веке*. 1912.

W. Stolze: *Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges*. (Staatsund sozialwissenschaftliche Forschungen, hg. von G. Schmoller. Полоса 18, Высота 4). 1900.

J. Hayem: *Les Greves dans les Temps Modernes. Memoires et Documents pour servir a l'histoire du commerce et de l'industrie en France.* 1911.

L. Feuchtwanger: "Geschichte der sozialen Politik und des Armenwesens im Zeitalter der Reformation." *Jahrbuch fuer Gesetzgebung*, 1908, xxxii, and 1909, xxxiii.

Дж. С. Шапиро: *Социальная реформа и реформация.* 1909.

G. Uhlhorn: *Die Christliche Liebestaetigkeit.* 1895.

Э. М. Леонард: *Ранняя история помощи английским беднякам.* 1900.

O. Winckelmann: "Die Armenordnungen von Nuernberg (1522), Kitzingen (1523), Regensburg (1523) und Ypern (1525)," *Archiv fuer Reformationsgeschichte*, x, 1913 and xi, 1914.

Дж. Л. Вивес: *О помощи бедным*, пер. М. М. Шервуда. 1917.

Liber Vagatorum, перепечатано с предисловием Лютера в Luther's Werke, Веймар, vol. xxvi, стр. 634 и далее.

Брукс Адамс: *Новая империя.* 1902. (Причудливо).

K. Lamprecht: *Zum Verstandnis der wirtschaftlichen und sozialen Wandlungen in Deutschland vom 14-16. Jahrhundert.* 1893.

"Англия" Шекспира, разные авторы. 2 тома. 1916. глава. xi, Г. Анвин: "Коммерция и чеканка монет".

H. Schoenebaum: "Antwerpens Bluetezeit im XVI. Jahrhundert." *Archiv fuer Kulturgeschichte*, xiii. 1917.

O. Winckelmann: "Ueber die aeltesten Armenordnungen der Reformationszeit." *Historische Vierteljahrschrift*, xvii. 1914-5.

Стелла Крамер: *Английские ремесленные гильдии и правительство.* 1905.

Niederlaendische Akten und Urkunden zur Geschichte der Hanse und zur deutschen Seegeschichte . . . bearbeitet von R. Haepke. Группа I (1531-57). 1913.

У. Каннингем: *Прогресс капитализма в Англии.* 1916.

ГЛАВА XII

ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ МЫСЛИ

РАЗДЕЛ 1. Библейские и классические исследования

Novum Instrumentum omne, diligenter ab Erasmo Rot. recognitum et emendatum. Basileae. 1516. (В библиотеке Erasmiana каталогизировано около 300 изданий. In *Erasmi Opera Omnia*, 1703, vol. VI.)

Novum testamentum graece et latine in academia Complutensi noviter impressum. 1514. Vetus testamentum multiplici lingua nunc primum impressum. In hac praeclarissima Complutensi universitate. 1517.

C. R. Gregory: *Die Textkritik des Neuen Testaments*. 3 части. 1900-9.

Статьи "Библия" в *Британской энциклопедии*, *Энциклопедии религии и этики*, *Протестантской реальной энциклопедии* и *Die Religion in Geschichte und Gegenwart*.

E. von Dobschuetz: *Влияние Библии на цивилизацию*. 1913.

F. Falk: *Die Bibel am Ausgange des Mittelalters, ihre Kenntniss und ihre Verbreitung*. 1905.

Martin Luther's *Deutsche Bibel*, in *Saemmtliche Werke*, Weimar, separately numbered, vols. i, ii, iii, v.

К. Фуллертон: "Учение Лютера и критика Священного Писания", *Священная библиотека*, январь и апрель 1906г.

H. Zerener: *Studien ueber das beginnende Eindringen der lutherischen Bibeluebersetzung in der deutschen Literatur*. 1911.

Lutherstudien zur 4. Jahrhundertfeier der Reformation, von den Mitarbeitern der Weimarer Lutherausgabe. 1917. стр. 203 и далее.

K. A. Meissinger: *Luther's Exegese in der Fruehzeit*. 1911.

O. Reichert: *Martin Luther's Deutsche Bibel*. 1910.

Сэр Х. Х. Хоуорт: "Библейский канон по мнению континентальных реформаторов", *Журнал теологических исследований*, ix, 188 и далее (1907-8).

Дж. П. Хенц: *История лютеранской версии Библии*. 1910.

D. Lortsch: *Histoire de la Bible en France*. 1910.

A. B. Поллард: *Записи английской Библии*. 1911.

С. К. Маколи: "Английская Библия", *Ежеквартальный обзор*, октябрь 1911 г., стр. 505 и далее.

У. Кантон: *Библия и англосаксонский народ*. 1914.

Х. Т. Пек: *История классической филологии*. 1911.

Сэр Дж. Э. Сэндис: "Стипендия", глава. ix в "*Англии Шекспира*", 1916.

Сэр Дж. Э. Сэндис: *История классической науки*. Том ii, 1908.
(Стандарт).

Х. Халлам: *Введение в литературу Европы 15, 16 и 17 веков*. 1837-9. (Очень всеобъемлющий, отчасти устаревший, несколько внешний, но в целом превосходный).

РАЗДЕЛ 2. История

ТРАКТАТЫ:

E. Fueter: *Geschichte der Neueren Historiographie*. 1911. Французский перевод, исправленный, 1916. (Блестящее произведение: философское, достоверное, читабельное).

M. Ritter: "Studien ueber die Entwicklung der Geschichtswissenschaft." *Historische Zeitschrift*, cit. (1912). 261 ff.

E. Menke-Glueckert: *Die Geschichtschreibung der Reformation und Gegenreformation. Bodin und die Begründung der Geschichtsmethodologie durch Bartholomaeus Keckermann*. 1912.

P. Joachimsen: *Geschichtsauffassung und Geschichtschreibung in Deutschland unter dem Einfluss des Humanismus*. Teil I. 1910.

Г. Л. Берр: "Свобода истории", *Американское историческое обозрение*, xxii, 261 ф. 1916.

A. Morel-Fatio: *Historiographie de Charles-Quint*. 1913.

F. C. Baur: *Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung*. 1852.

L. von Ranke: *Zur Kritik neueren Geschichtschreiber*. [2] 1874.

G. Wolf: *Quellenkunde der deutschen Reformationsgeschichte*. Том i, 1915; вып. ii, 1916.

Статья "История" в *Американской энциклопедии*, изд. 1919г.

Оригинальные.

N. Machiavelli: *Istorie fiorentine*. (до 1492 г.). Первое изд. 1561-64.

Многочисленные издания и английский перевод К. Э. Детмольда:

Исторические, политические и дипломатические труды Н. Макиавелли. 4 тома. 1882.

Francesco Guicciardini: *Storia fiorentina*. (1378-1509). Впервые опубликовано в 1859 году. *Istoria d' Italia*. (1492-1534). Первое издание 1561-64; с тех пор вышло множество изданий и английский перевод Г. Фентона "История Гвиччардини". 1599.

Бенвенуто Челлини: *Жизнь*, перевод Р. Х. Х. Каст., 2 тома. 1910.
(Оригинальный текст впервые корректно опубликован О. Баччи в 1901 году. Много переводов на английский).

Paulus Jovius: *Historiarum sui temporis libri. xlv. (1493-1347)*. 1550-52.

Polydore Vergil: *Anglicae Historiae libri. xxvii, (до 1538 г.)*. Первое издание, датированное 1509 годом, Базель, 1534; 2-е изд. 1555. (Я использую издание 1570 года. Лучшая критика содержится в книге Х. А. Л. Фишера "Политическая история Англии 1485-1547", стр. 152 и далее)

Полидор Вергилий: *О повторной библиотеке октября*. 1536. 2-е изд., увеличенное, 1557.

Цезарь Бароний: *Церковные анналы* (до 1198 года). Рим. 1588-1607.

Ecclesiastica Historia . . . secundum centurias, a M. Flacio, et aliis. Magdeburg. 1559-74.

H. Bullinger: *Reformationsgeschichte, hg. von J. J. Hottinger und H. H. Voegeli*. 3 тома. 1838-40. (Указатель к этому подготовлен В. Вурманом; Переписка Буллингера также скоро появится).

Джоан. Sleidani: *De statu religionis et reipublicae, Carolo Quinto Caesare, commentariorum libri xxvi*. 1555. (Мое издание, 1785, 3 тома, ранее принадлежало И. Дозеллингеру).

Joannis Cochlaei: *Historia de Actis et scriptis M. Lutheri 1517-46*. Coloniae. 1549. (Критика в диссертации А. Герте, "Лютербиография Дж. Кохлеуса", 1915).

J. Mathesius: *Siebzehn Predigten von den Historien des Herrn Doctoris Martini Luthers*. 1-е изд. 1566; новое изд. Лоше. 1898.

Memoires de Martin et de Guillaume du Bellay: (1513-52). 1-е изд. 1569. Критическое издание В. Л. Буррилли и Флери Виндри, 1908 г. и далее

Блез де Монлюк: *Комментарии* (1521-76); 1-е изд. 1592; критическое изд. П. Куртро, 1911-14.

Oeuvres de P. de Bourdeille, Seigneur de Brantome, ed. L. Lalanne. 11 томов. 1864 и далее.

J. J. Scaliger: *Opus novum de emendatione temporum*. 1583, 1593.

Histoire ecclesiastique des eglises francaises reformees. Паб. par Baum et Cunitz. 3 тома. 1883-9. (Приписывается, с большой вероятностью, Безе; впервые опубликовано в 1580 году).

Jean Bodin: *Methodus ad facilem historiarum cognitionem*, 1566.

Peter Martyr d' Anghiera: *Opus epistolarum*. 1530. (Это редкое издание в Гарварде. Работа представляет собой историю в форме писем, частично вымышленных, частично подлинных. Cf. J. Bernays: *Peter Martyr Anghierensis und sein Opus Epistolarum*. 1891).

Игнатий де Лойола: Автобиография. *Monumenta Societatis Jesu*, ser. iv, tom. 1, 1904. Перевод на английский изд. автор: Дж. Ф. Х. О'Коннор. 1900.

Джордж Бьюкенен: *Повторная шотландская история*. Edinburgh. 1582. (Cf. M. Meyer-Cohn: G. Buchanan als Publizist und Historiker Maria Stuarts. 1913).

Джон Нокс: *История религиозной реформы в королевстве Шотландия*. (Первое неполное издание, 1586; критическое полное издание Д. Лэйнга, 1846, в т. 1 из работ Нокса. Ср. А. Ланг: "Нокс как историк", *Шотландское историческое обозрение*, ii, 1905, стр. 113 и далее).

Джон Фокс: *Деяния и памятники христианским мученикам*. 1563.
(Рукопись, которую я сравнил с Fox, - Harleian MS 419 из Британского музея, с подписью: "Собрание писем и статей Джона Фокса по теологическим вопросам", стр. 125).

Nicholas Sanders: *De origine et progressu schismatis Anglicani*. 1585.

Эдвард Холл: *Союз благородных и прославленных семей Ланкастеров и Йорков, 1542 г.*. Опубликовано в журнале Hall's Chronicle, 1809.

Рафаэль Холинshed: *Хроники Англии, Шотландии и Ирландии*. Том 1, 1577.

Джон Стоу: *Хроники Англии от Брута до нынешнего 1580 года от Рождества Христова*. Второе издание, "Анналы Англии", 1592 год.

РАЗДЕЛ 3. Политическая теория

ИСТОЧНИКИ:

Erasmus: *Institutio principis christiani*, in Opera omnia, 1703, iv, 561.

Утопия сэра Томаса Мора (английский и латинский языки) под редакцией Г. Сэмпсона с предисловием А. Гуткельха. 1910.

Н. Макиавелли: *Принц*. (Бесчисленные издания и переводы).

H. Jordan: *Luthers Staatsauffassung*. 1917. (Выдержки из его произведений).

Zwingli: *De vera et falsa religione*, Werke ed. Egli, Finsler und Koehler, iii, (1914), 590 ff.

Кальвин: *Institutio*, изд. 1541, глава xvi.

L. Vives: *De communione rerum*. 1535.

Vindiciae contra Tyrannos, sive de principis in populum populi in principem legitima potestate. Stephano Iunio Bruto Celta Auctore. 1580.

Francisci Hotmani: *Francogallia. Nune quantum ab auctore recognita*. 1586.

E. de la Boetie: *Discours de la servitude volontaire*. In Oeuvres завершает публикацию. параграф П. Боннефона. 1892, стр. 1 и далее.

De Jure Magistratum in subditos [by Beza]. 1573

Труды мистера Ричарда Хукера, под ред. Дж. Кебла. 3 тома. 1888.

J. Bodin: *Les six livres de la republique*. 1577.

G. Buchanan: *De Jure Regni apud Scotos*. 1579.

J. de Mariana: *De rege et regis institutione*. 1599.

ЛИТЕРАТУРА:

Лорд Эктон: "Свобода в христианстве" (1877), в *Истории свободы и других эссе*, под ред. Дж. Н. Фиггиса и Р. В. Лоуренса. 1907.

У. А. Даннинг: *История политических теорий. Древний и средневековый*. 1902. *От Лютера до Монтескье*. 1905.

Дж. Н. Фиггис: *Исследования политической мысли от Герсона до Гроция*. [2] 1916.

Дж. Маккиннон: *История современной свободы*. Том. 2. Эпоха Реформации. 1907.

L. Cardauns: *Die Lehre vom Widerstandsrecht des Volkes gegen die rechtmässige Obrigkeit im Luthertum und im Calvinismus des sechzehnten Jahrhunderts*. 1903.

R. Chauvire: *Jean Bodin, Auteur de la Republique*. 1914.

J. Kreutzer: *Zwingli's Lehre von der Obrigkeit*. 1909.

F. Meinecke: "Luther ueber christlichen Geminwesen und christlichen Staat," *Historische Zeitschrift*, Band 121, pp. 1 ff, 1920.

Дж. Фолкнер: "Лютер и экономические вопросы", *Документы Ам. Сх. Hist. Soc.*, 2-я серия. том. ii, 1910.

К. Д. Макмиллан: *Протестантизм в Германии*. 1917.

K. Sell: "Der Zusammenhang von Reformation und politischer Freiheit." *Abh. in Theolog. Arbeiten aus dem rhein. vuss. Predigerverein*. Neue Folge. 12. 1910.

Л. Х. Уоринг: *Политические теории Мартина Лютера*. 1910.

G. von Schulthess-Rechberg: *Luther, Zwingli und Calvin in ihren Ansichten ueber das Verhaeltnis von Staat und Kirche*. 1910.

K. Rieker: "Staat und Kirche nach lutherischer, reformierter, moderner Anschauung," *Hist. Vierteljahrschrift*, i, 370 ff. 1898.

E. Troeltsch: *Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen*. 1912.

Х. Л. Осгуд: "Политические идеи пуритан". "Ежеквартальный журнал политических наук", vi, 1891.

E. Treumann: *Die Monarchomachen. Erne Darstellung der revolutionaeren Staatslehren des xvi Jahrhundert 1573-1599*. 1885.

A. Elkan: *Die Publizistik der Bartholomaeusnacht und Mornays Vindiciae contra tyrannos*. 1905.

Х. Д. Фостер: "Политические теории кальвинистов", *Американское историческое обозрение*, xxi, 481 и далее (1916).

Пол ван Дайк: "Поместья Понтуаза", *Английское историческое обозрение*, 1913, стр. 472 и далее.

Э. Армстронг: "Политическая теория гугенотов", *Английское историческое обозрение*, iv, 13 и далее, 1889.

K. Glaeser: "Beitraege zur Geschichte der politischen Literatur Frankreichs in der zweiten Haelfte des 16. Jahrhundert." *Zeitschrift fuer Franzoesische Sprache und Literatur*. Объемы. 31, 32, 33, 39, 45; 1904-18.

W. Sohm: "Die Soziallehren Melanchthons." *Historische Zeitschrift*, cxv, pp. 64-76. 1915.

Лорд Эктон: *История свободы*, стр. 212-31. (Перепечатка введения к изданию "Принца Макиавелли" Л. А. Берда.) 1907.

Джон Морли: *Сборники*, 4-я серия. 1908. 1 продолжение. "Макиавелли".

Доктор Армэнго: *Памфлетист Монтеня. L'Enigme du Contr'un*. 1910.

J. Jastrow: "Kopernikus' Muenz- und Geld-theorie." *Archiv fuer Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, xxxviii, 734 ff. 1904.

К. Каутский: *Коммунизм в Центральной Европе во времена Реформации*. 1897.

Э. Дженкс: *Краткая история английского права*. 1912.

A. Esmein: *Histoire du Droit Francais*. [6] 1905. (И более поздние издания).

S. Schroeder: *Deutsche Rechtsgeschichte*. [5] 1907.

Walter Platzhoff: *Die Theorie von der Mordbefugnis der Obrigkeit im XVI. Jahrhundert*. Ebinger's Historische Studien, 1906.

О. Х. Паннкок: "Экономические учения Реформации". В сборнике эссе, озаглавленном "Четыреста лет", 1917 год.

G. Schmoller: *Zur Geschichte der nationaloekonomischen Ansichten in Deutschland waehrend der Reformationsperiode*. 1860.

F. G. Ward: *Darstellung und Wuerdigung der Ansichten Luthers ueber Staat und Gesellschaft*. 1898.

РАЗДЕЛ 4. Наука

Я. П. Рихтер: *Литературные произведения Леонардо да Винчи*. 2 тома. 1883.

Les Manuscrits de Leonard de Vinci de la bibliotheque de l'Institut. Publies en facsimile avec transcription litterale, traduction francaise . . . par Ch. Ravaisson-Molien. 6 томов. 1881-91.

Записные книжки Леонардо да Винчи; переложение и перевод на английский Э. Маккерди. 1906.

Leonardo de Vinci: *Notes et Dessins sur la Generation*. 1901.

Леонард де Винчи: *Отредактированные фельетоны консервируют Виндзора*. 22 тома. 1901 год и далее.

Institute di Studi Vinciani:—Per il IVo centenario della morte di Leonardo da Vinci. 1919.

A. К. Клебс: *Леонардо да Винчи и его анатомические исследования*. 1916.

Hieronymi Cardani: *Opera Omnia*. 1663. 10 vols.

У. В. Р. Болл: *Краткий очерк истории математики*. 1901.

M. Cantor: *Vorlesungen ueber Geschichte der Mathematik*. Том 2 (1200-1668). 1900.

H. G. Zeuthen: *Geschichte der Mathematik in 16. und 17. Jahrhundert*. 1903.

Статьи "Алгебра" и "Математика" в *Британской энциклопедии*.

Maximilien Marie: *Histoire des sciences mathematiques et physiques*, vols. 2 и 3. 1883-4.

Ф. Кахори: *История математики*. [2] 1919.

Дэвид Э. Смит: *Простая арифметика*. Каталог арифметики, написанный до года MDCl, с описанием тех, что хранятся в библиотеке Г. А. Плимптона. 1908.

F. Dannemann: *Grundriss einer Geschichte der Naturwissenschaften*. [2]. в 2 т. 1902.

В. А. Локи: *Биология и ее создатели*. [3] 1915.

В. А. Локи: *Основные течения зоологи*. 1918.

Э. Л. Грин: *Вехи истории ботаники*. Часть 1. 1909.
(Разные коллекции Смитсоновского института, том 54).

J. V. Carus: *Geschichte der Zooologie bis auf Joh. Mueller und Ch. Darwin*. 1872.

Ф. Каджори: *История физики в ее элементарных разделах*. 1899.

Conradi Gesneri: *Historiae Animalium*, libb. iii, 3 тома. 1551-8.

У. М. Гилберт ... о магнитных телах ... перевод П. Ф. Моттеля. 1893.

E. Gerland: *Geschichte der Physik von den aeltesten Zeiten bis zum Ausgange des achtzehnten Jahrhunderts*. 1913. (Работа высокой философской и научной ценности).

Дж. К. Браун: *История химии с древнейших времен до наших дней*. 1913.

Ф. Дж. Мур: *История химии*. 1918.

Т. Э. Торп: *История химии*. В 2 т. 1909-10.

Quaestiones Novae in Libellum de Sphaera Johannis de Sacro Bosco, collectae ab Ariele Bicardo. Wittenberg, 1550. (Библиотека г-на Г. А. Плимптона, Нью-Йорк).

S. Guenther: *Geschichte der Erdkunde*. 1904.

Статьи "География" и "Карта" в *Британской энциклопедии*.

L. Gallois: *Les geographes allemands de la Renaissance*, 1890.

N. Copernici De Revolutionibus orbium caelestium libri vi. (Первое издание 1543 года; я использую Базельское издание 1566 года).

Л. Прове: *Николаус Коперникус*. 3 тома. 1883-4. (Стандарт).

Wohlwill: "Melanchthon und Kopernicus," in *Mitteilungen zur Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften*, iii, 260, 1904.

Лютер о Копернике, Биндсайл: Лютеранские коллоквиумы, 3 тома. 1863-66, вып. ii, стр. 149.
(Это лучший текст; более сильная форма того же высказывания, в котором Лютер назвал Коперника дураком, похоже, была подретуширована Аурифабером).

А. Д. Уайт: *Война науки и теологии*, 2 тома. 1896.
Том i, стр. 114 и далее.

А. Мюллер: *Николай Коперник*. 1898.

Дороти Стимсон: *Постепенное принятие Теории Вселенной Коперника*. 1917. (Отлично).

У. У. Брайант: *История астрономии*. 1907.

Статья "Навигация" в *Британской энциклопедии*.

РАЗДЕЛ 5. Философия

Труды Лютера, Меланхтона, Кальвина, Цвингли и др.

Произведения сэра Томаса Мора, 1357. (Цитируемый отрывок, стр. 329h).

De Trinitatis Erroribus per M. Servetum. (Напечатано в 1531 году; я пользуюсь копией MS в Гарварде).

M. Serveti Christianismi Restitutio. (Я использую MS сопу в Гарварде).

Е. Р. К. Mueller: *Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche*. 1903.

Каноны и постановления Тридентского собора, перевод Т. А. Бакли. 1851.

Комментарий Томаса Каэтана к Аквинскому, в стандартном издании "*Суммы*", 1880 год и далее.

Катехизис Тридентского собора, переведенный на английский Дж. Донованом. 1829.

Altensteig: *Lexicon Theologicum*. 1583.

А. Гарнак: *История догмы*, переведенная с третьего издания

Н. Бьюкенен. 7 томов. 1901.

А. Harnack: *Lehrbuch der Dogmengeschichte*. [4] 1910. Том iii.

Е. Troeltsch: *Geschichte der christlichen Religion*. 1909. (Kultur der Gegenwart).

Э. М. Джонс: *Духовные реформаторы 16-го и 17-го веков*. 1914.

О. Ritschl: *Dogmengeschichte des Protestantismus*, i, ii, Haelfte, 1912.

А. К. Макгифферт: *Протестантская мысль до Канта*. 1911.

J. Gottschick: *Luther's Theologie*. 1914.

Фрэнсис Бэкон: *Новый Органум*, Бк. I, афоризмы xv, lxv и lxxix;
Очерки i (Истина), iii (о единстве в религии), xxxv (Пророчество).
Продвижение обучения, Вк. ix.

Эссе *Монтень*, passim (многочисленные издания и превосходный английский перевод Флорио).

У. Лили: *Эвфуэс и Атеос* (под редакцией Э. Арбера, 1904).

Р. Эшэм: *Школьный учитель*. 1761.

Янссен-Пастор[20] ii, 461f (о художниках-безбожниках Нюрнберга; ср. также М. Таузинг: Дуэлянт, перевод Ф. А. Итона, 1882, ii. 248 стр.)

Франсуа Рабле: *Произведения* (многочисленные издания и переводы).

Дж. М. Робертсон: *Краткая история свободомыслия*. [2] 2 тома. 1906.

Colloque de Jean Bodin des Secrets caches et des Choses Sublimes. Traduction francaise du Colloquium Heptaplomeres, par R. Chauvire. 1914.

F. von Bezold: "Jean Bodins Colloquium Heptaplomeres und der Atheismus des 16. Jahrhunderts," *Historische Zeitschrift*, cxiii, 260-315.

Опера Джордани Бруни, изд. Fiorentino. 3 тома. 1879-91.

Giordano Brunos Gesammelte Werke, verdeutscht und erlaeutert von L. Kuhlenbeck. 6 томов. 1907-10.

У. Боултинг: *Джордано Бруно: его жизнь, мысли и мученичество*. (1916).

L. Kuhlenbeck: *Giordano Bruno, seine Lehre von Gott, von der Unsterblichkeit und von der Willensfreiheit*. 1913.

W. Pater: *Gaston de la Tour*. 1896.

J. R. Charbonnel: *L'Ethique de Giordano Bruno et le deuxieme dialogue de Spaccio*, traduction. 1919.

Дж. Оуэн: *Скептики итальянского Возрождения*. [2] 1893.

Дж. Оуэн: *Скептики французского Возрождения*. 1893.

А. М. Фэрберн; "Тенденции европейской мысли в эпоху Реформации", *Кембриджская современная история*, ii, глава 19.

Allegemeine Geschichte der Philosophie. (Kultur der Gegenwart, Teil i, Abt. V.) 1909. W. Windelband: Die neuere Philosophie.

E. Cassirer: *Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neuen Zeit*. Том i. [2] 1911. (Превосходно. Первое издание, 1906-7).

Р. Адамсон: *Краткая история логики*. 1911.

Х. Хефдинг: *История современной философии*. Перевод на английский. 2 тома. 1900.

Р. Юкен: *Проблема человеческой жизни с точки зрения великих мыслителей*. Перевод на английский. 1909.

Дж. М. Болдуин: *Философский и психологический словарь*. 3 тома. 1901-5.

Ж. Р. Шарбоннель: *Итальянское путешествие в XVII веке*. 1919.

A. Bonilla y San Martin: *Luis Vives y la filosofia del renacimiento*. 1903.

ГЛАВА XIII

ВЕЯНИЕ ВРЕМЕНИ

РАЗДЕЛ 1. *Терпимость и нетерпимость*

Лорд Эктон: *История свободы*. 1907. "Протестантская теория преследований", стр. 150-187. (Эссе написано в 1862 году).

Т. Руффини: *Свобода вероисповедания*, перевод Дж. П. Хейеса. 1912.

N. Paulus: *Protestantismus und Toleranz*. 1912.

Г. Л. Берр: "В средние века". *Американское историческое обозрение*. 1913, стр. 710-726.

P. Wappler: *Die Stellung Kursachsens und Philipps von Hessen zur Täuferbewegung*. 1910.

Энциклопедия религии и этики, ix, с. v. "Преследование".

S. Castellion: *Traite des Heretiques. A savoir, si on les doit persecuter*. Ред. А. Оливе. Женева. 1913.

P. Wappler: *Inquisition und Ketzerprozess zu Zwickau*. 1908.

Дж. А. Фолкнер: "Лютер и веротерпимость", *Документы Исторического общества Американской церкви*, Вторая серия, том. iv, стр. 129 и далее, 1914.

K. Voelker: *Toleranz und Intoleranz im Zeitalter der Reformation*. 1912.

У. Э. Х. Леки: *История возникновения и влияния Духа рационализма в Европе*. 2 тома. 1865. глава iv, "Преследование" (в томах. 1 и 2 обоих).

Опера Эрасми, 1703, ix, 904 и далее. Предложение iii.

H. Hermelinck: *Der Toleranzgedanke*. 1908.

Произведения сэра Томаса Мора, 1557, стр. 274 и далее. (Диалог сэра Томаса Мора, 1528).

Монтень: *Очерки*, Книга ii, № XIX.

А. Дж. Кляйн: *Нетерпимость в правление Елизаветы*. 1917.

R. Lewin: *Luther's Stellung zu den Juden*. 1911.

P. X. Мюррей: *Эразм и Лютер: их отношение к терпимости*. 1920.

РАЗДЕЛ 2. Колдовство

Документы Американской исторической ассоциации, iv, стр. 237-66. Библиография "Колдовства" Г. Л. Берра.

N. Paulus: Hexenwahn und Hexenprozess, vornehmlich im 16. Jahrhundert. 1910.

Г. Л. Берр: *Преследования ведьм*. Переводы и перепечатки, выпущенные Пенсильванским университетом, том 3, № 4, 1897.

Г. Л. Берр: *Судьба Дитриха Флейда*. 1891.

J. Hansen: *Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter, und die Entstehung der grossen Hexenverfolgung*. 1900.

F. von Bezold: "Jean Bodin als Okkultist und seine Demonomanie." *Historische Zeitschrift*, cv. 1 ff. (1910).

Госсон: *Школа жестокого обращения* (1578), изд. Э. Арбер, 1906, стр. 60.

De Praestigiis demonum . . . authore Joanne Wiero . . . 1564.

Johannis Wieri: *De lamiis*. 1582.

Реджинальд Скотт: *Открытие колдовства, в котором особенно ярко раскрывается непристойная торговля ведьмами и торговцами ведьмовством ... к чему добавляется Трактат о природе и сущности духов и дьяволов*. 1584. Перепечатано Б. Николсоном в 1886 году.

В. Нотштейн: *История колдовства в Англии 1558-1718*. 1911.

У. Э. Х. Лекки: *История возникновения и влияния Духа рационализма в Европе*. 2 тома. 1865. Том 1, главы. i и ii.

Монтень: *Очерки*, том II. iii, № xi.

Х. К. Ли: *История инквизиции в средние века*. Том. iii, 392 и далее.

Г. Л. Киттредж: "Случай колдовства", *Американское историческое обозрение*, xxiii, стр. 1 и далее, 1917.

C. Mirbt: *Quellen zur Geschichte des Papsttums und des roemischen Katholizismus*. [3] 1911. с. 182. (Bull, Summis desiderantes).

G. Roskoff: *Geschichte des Teufels*. 1869.

A. Graf: *Il diavolo*. 1889.

Х. К. Ли: *Инквизиция в Испании*, 1907, том. iv, главы. 8 и 9.

Статуты Королевства, 5 Изд. 16: Акт, касающийся заклинаний и колдовства. (1562-3).

T. de Cauzons: *La Magie et la Sorcellerie en France*. 4 тома. (1911).

E. Klinger: *Luther und der deutsche Volksaberglaube*. 1912.
(Палестра, том 56).

РАЗДЕЛ 3. Образование

Альбом Academiae Vitebergensis 1502-1602, группа I, ред. К. Э. Ферстеманна, 1841. Полоса II, 1895. Индексы полосы III, 1905. (Перепечатка тома i, 1906).

J. C. H. Weissenborn: *Akten der Erfurter Universitaet*. 3 тома. 1884.

Г. Бьюкенен: "Относительно реформации университета Сент-Андрос", в *"Народных трудах"* Бьюкенена, изд. П. Хьюм Браун, 1892.

Устав факультета искусств и теологического факультета в период Реформации Университета Сент-Эндрюс, изд. Р. К. Ханней, 1910.

К. Хартфельдер: *Melancthoniana paedagogica*. 1895.

Ф. В. Н. Пейнтер: *Лютер об образовании*, включая историческое введение и перевод двух важнейших образовательных трактатов Реформатора. 1889.

Указание на то, что ключ к разгадке может быть применен, может быть реализовано даже в начале xvi. Лувен. 1546. (100 факсимиле, напечатанных для А. М. Хантингтона в издательстве De Vinne Press, Нью-Йорк, 1896. Содержит списки книг, разрешенных в школах Нидерландов).

C. Borgeaud: *Histoire de l' Universite de Geneve*. 2 тома. 1900, 1909.

J. M. Hoefer: *Die Stellung des Des. Erasmus und J. L. Vives zur Paedagogik des Quintilian*. (Erlangen Dissertation). 1910.

Ф. Уотсон: *Жизнь и образование женщин эпохи Возрождения*. 1912.

П. Монро: *Энциклопедия образования*. 5 томов. 1912-3.

K. A. Schmid: *Geschichte der Erziehung vom Anfang bis auf unserer Zeit*. 5 томов. в 7-м издании. 1884-1902. (Стандарт).

A. Zimmermann: *Die Universitaeten Englands im 16. Jahrhundert*. 1889.

A. Zimmermann: *England's "oeffentliche Schulen" von der Reformation bis zur Gegenwart*, 1892 (Stimmen aus Maria-Lach. vol. 56).

Ф. П. Грейвс: *История образования в Средние века и переход к современности*. 1910.

"Die Frequenz der deutschen Universitaeten in frueherer Zeit," *Deutsches Wochenblatt*, 1897, pp. 391 ff.

П. Монро: Учебник истории образования. 1905. (Стандартный учебник).

У. С. Монро: *Библиография образования*. 1897.

G. Mertz: *Das Schulwesen der deutschen Reformation*. 1902.

F. Paulsen: *Geschichte des gelehrten Unterrichts in Deutschland*. [2] 2 тома. 1896-7.

W. Sohm: *Die Schule Johann Sturms*. 1912.

J. Ficker: *Die Anfaenge der akademischen Studien in Strassburg*. 1912.

"Англия" Шекспира, 1916. 2 тома. гл. 8 "Воспитание" сэра Дж. Э. Сэндиса.

A. Roersch: *L' Humanisme belge a l' epoque de la Renaissance*. 1910.

Сэр Т. Элиот: *Боке назначил губернатора*. 1531 год. (Новое издание Х. Х. С. Крофт. 2 тома. 1880).

Melanchthonis opera omnia, xi, 12 ff. "Declamatio de corrigendis adolescentiae studies." (1518).

Э. Эшам: *Магистр школы*. 1571. (Я использую перепечатку из английских работ Р. Ашама, изд. Дж. Беннета, 1761).

M. Fournier: *Les Statuts et Privileges des Universites francaises depuis leur fondation jusqu'en 1789*. 4 vols. 1890-4.

Ф. Бэкон: *Развитие образования*, Книга ii.

Елизаветинский Оксфорд: переиздания редких трактатов под ред. К. Пламера. 1887.

Книга благодати [греческая дельта], содержащая записи Кембриджского университета 1542-89 гг., под ред. Дж. Венна. 1910.

Registres des proces-verbaux de la Faculte de theologie de Paris, pub. п. А. Клерваль. Том I. 1917. (1505-23).

Дж. Х. Лаптон: *Жизнь Джона Колета*. новое изд. 1909. (Впервые напечатано в 1887 году. О школе Святого Павла, стр. 169, 271 и далее.)

W. H. Woodward: *Des. Erasmus относительно цели и метода образования*. 1904. (Тонкая работа).

Ф. П. Грейвс: *Питер Рамус и образовательная реформация 16-го века*. 1912.

Британская энциклопедия, статьи "Университеты" и "Школы".

Altamira y Crevea: *Historia de Espana*, [3] iii, 532 ff. (1913).

Ф. Гриббл: *Романтика Кембриджских колледжей*. (1913).

Дж. Б. Маллингс: *История Кембриджского университета*. 1888.

Г. К. Бродрик: *История Оксфордского университета*. 1886.

К. Хэдлэм: *История Оксфорда*. 1907.

У. Х. Вудворд: *Исследования в области образования в эпоху Возрождения 1400-1600гг.*

A. Bonilla y San Martin: *Luis Vives y la filosofia del renacimiento*. 1903.

A. Lefranc: *Histoire du College de France depuis ses origines jusqu' a la fin du premier empire*. 1893.

P. Feret: *La Faculte de Theologie de Paris. Epoque Moderne*. 7 томов. 1900-10.

W. Friedensburg: *Geschichte der Universitaet Wittenberg*. 1918.

РАЗДЕЛ 4. Искусство

Очень точные репродукции работ выдающихся художников того времени опубликованы в отдельных томах серии "Классик искусства в Гезамтаусгабене", Deutsche Verlags-Anstalt, Штутгарт и Лейпциг. Ниже приводится краткий список стандартных критических замечаний в отношении искусства, многие из которых хорошо проиллюстрированы:

K. Woermann: *Geschichte der Kunst aller Zeiten und Voelker*. Группа 4.[2] 1919.

S. Reinach: *Apollo*. [4] 1907. (Также перевод на английский. Удивительно сжатая и обоснованная критика).

Дж. А. Саймондс: *Итальянское Возрождение*. Изящные искусства. 1888.

Л. Пастор: *История пап*. (Много об искусстве в Риме, *passim*).

Б. Беренсон: *Североитальянские художники эпохи Возрождения*. 1907.

Б. Беренсон: *Центральноитальянские художники эпохи Возрождения*. 1897.

Б. Беренсон: *Венецианские художники эпохи Возрождения*. [3] 1902.

Б. Беренсон: *Флорентийские художники эпохи Возрождения*. [2] 1903.

Джорджо Вазари: *Жизнеописания самых выдающихся художников, скульпторов и архитекторов*, недавно переведенный Г. дю К. де Вером. 10 томов. 1912-14. (Другие издания).

Э. Ланчиани: *Золотые дни Возрождения в Риме*. 1907.

E. Muentz: *Histoire de l' art pendant la Renaissance*. 3 тома. 1889-95.

Дж. Кроу и Г. Кавалькасель: *История итальянской живописи*. 1903 год и далее

Л. Димье: *Французская живопись шестнадцатого века*. 1904.

Л. Ф. Фримен: *Итальянские скульпторы эпохи Возрождения*. 1902.

H. Janitschek: *Geschichte der deutschen Malerei*. 1890.

Х. А. Диккенсон: *Немецкие мастера искусства*. 1914.

E. Bertaux: *Rome de l' avènement de Jules II a nos jours*. [2] 1908.

М. Реймон: *"Образование Леонарда"*. 1910.

У. Патер: "Леонардо да Винчи", в сборнике под названием *"Возрождение"*, 1878. (Несмотря на многочисленные нападки, это, на мой взгляд, лучшая критика Леонардо).

S. Freud: *Leonardo da Vinci*. 1910.

W. von Seidlitz: *Leonardo da Vinci*. 2 тома. 1909. (Отлично).

Освальд Сирен: *Леонардо да Винчи*. 1916.

Леонардо да Винчи: *Трактат о живописи*, переведенный с итальянского Ж. Ф. Риго. Лондон, 1897 год.

К. Дж. Холмс: *Леонардо да Винчи. Труды Британской академии*. 1919.

E. Muentz: *Raphael, sa vie, son oeuvre et son temps*. 1881.

У. Патер: "Рафаэль", в *Разных исследованиях*, 1913. (Впервые написано в 1892 году: прекрасная критика).

Эдвард Маккерди: *Рафаэль Санти*. 1917.

Х. Гримм: *Жизнь Микеланджело*, пер. Ф. Э. Баннетта. 2 тома. Новое изд. 1906.

Кроу и Кавалькасель: *Жизнь и времена Тициана*. 1877.

H. Thode: *Michelangelo und das Ende der Renaissance*. 5 томов. 1902-13.

L. Dorez: "Nouvelles recherches sur Michel-Ange et son entourage," *Bibliothèque de l' Ecole des Chartes*. T. 77, с. 448 и далее (1916), т. 78, с. 179 и далее (1917).

Romain Roland: *Vie de Michel-Ange*. [4] 1913.

Сонеты Майкла Анджелы Буонарроти, переведенные на английский Дж. А. Саймондсом. (На моем экземпляре, "Венеция", нет даты).

Р. У. Эмерсон: *Эссе о Микеланджело*.

A. Duerer's *Schriftliche Nachlass*, ed. E. Heidrich. 1908.

М. Таузинг: *А. Дюрер*. [2] 1876. (Английский перевод с 1-го изд. Ф. А. Итона, 1882).

Albrecht Duerers Niederlaendische Reise, hg. van J. Veth und S. Mueller. 2 тома. 1918.

А. Б. Чемберлен: *Ганс Гольбейн Младший*. 2 тома. 1913.

A. Michel: *Histoire de l'art depuis les premiers temps chretiens jusqu' a nos jours*. 3 тома. 1905-8.

К. Х. Мур: *Характер архитектуры эпохи Возрождения*. 1905.

Р. Блумфилд: *История французской архитектуры от правления Карла VIII до смерти Мазарини*. 2 тома. 1911.

РАЗДЕЛ 5. Художественная литература

Примечание: Работы гуманистов, теологов, библеистов и классиков, историков, публицистов и философов рассматривались в других разделах этой библиографии. Типичными поэтами, драматургами и беллетристами столетия (вплоть до Эпохи Шекспира в Англии или Генриха IV во Франции, но не включая ее) являются следующие:

Итальянский: Ариосто, А. Ф. Граццини, М. Банделло, Т. Тассо, Берни, Гуарини.

Французский: Маргарита Наваррская, К. Маро, Рабле, Иоахим дю Белле, Ронсар, Монтень.

Английский: Линдси, Скелтон, Уайатт, Суррей, анонимные поэты в сборнике Тоттела, Сидни, Э. Спенсер, Донн, Лили, Хейвуд, Кид, Пил, Грин, Лодж, Нэш, Марлоу.

Немецкий: Ганс Сакс, Фишарт, Т. Мурнер, анонимный Тилль Уленшпигель и Фаустбух, Б. Вальдис.

Spanish: The Picaresque novel, *La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades*.

Португальский: Камозэнс.

Поскольку в мои намерения не входит давать даже краткий обзор истории литературы, а просто проиллюстрировать дух времени на примере современной художественной литературы, здесь можно упомянуть лишь несколько наводящих на размышления критических работ.

Х. Халлам: *Введение в литературу Европы 15, 16 и 17 веков*. 1838-9. (Старый, но все еще полезный).

Дж. А. Симондс: *Итальянская литература*. 1888.

G. Lanson: *Histoire de la litterature francaise*. [9] 1906.

К. Х. К. Райт: *История французской литературы*. 1912.

К. Томас: *История немецкой литературы*. 1909.

E. Wolff: *Faust und Luther*. 1912.

Кембриджская история английской литературы, том. iii, Возрождение и Реформация. 1908.

J. J. Jusserand: *Histoire Litteraire du Peuple Anglais*. Tome ii, De la Renaissance a la Guerre Civile. 1904. (Также перевод с английского: прекрасная работа).

Уинифред Смит: *Комедия дель Арте*. 1912. (Примечательно).

А. Тилли: *Литература французского Возрождения*. В 2 т. 1904.

ГЛАВА XIV

РЕФОРМАЦИЯ ИНТЕРПРЕТИРОВАЛА

Цель следующего списка - дать названия не всем общим историям Реформации, а тем книгам и статьям, в которых был внесен какой-либо заметный вклад в философскую интерпретацию событий. Многие превосходные работы чисто повествовательного характера, и многие из тех, которые касаются какой-то конкретной фазы Реформации, опущены. Все заслуживающие внимания исторические работы, опубликованные до 1600 года, перечислены в библиографии к главе XII, раздел 2, и здесь не повторяются. Здесь принят хронологический порядок, за исключением того, что все произведения каждого писателя сгруппированы вместе. В каждом случае я указываю книгу под годом, в котором она впервые появилась, добавляя в скобках издание, если оно было другим, которым я пользовался.

Фрэнсис Бэкон (1561-1626): Эссе lviii; также Эссе i, iii, xxxv; "Новый органум", Вк. i, афоризмы xv и lxxv; "Развитие образования", Вк. ix и i.

Jacques-Auguste de Thou (Thuanus): *Historiae sui temporis*. 1604-20.

Hugo Grotius: *Annales et historiae de rebus belgicis*. 1657.
(Написано в 1611 году и далее).

William Camden: *Annales Rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elizabetha*. Pars I, 1615; Pars II, 1625.

Agrippa d'Aubigne: *Histoire Universelle*. 1616-20.

Паоло Сарпи: *История Тридентского собора*. 1619. (П. Сарпи: История собора в Тренте, французский перевод Амело де ла Уссаи. 1699).

Arrigo Caterino Davila: *Storia delle guerre civili di Francia*. 1630.

Giulio Bentivoglio: *Guerra di Fiandria*. 1632-39.

Фамиано Страда: *Дуэт десятилетний белло бельгико*. 1632-47.

Francois Eudes, [called] de Mezeray: *Histoire de France*. 1643-51.

Дэвид Калдервуд (1575-1650): *История церкви Шотландии*, изд. Т. Томпсон, 1842-9.

Лорд Герберт Шерберский: *Жизнь и правление Генриха VIII*. 1649.

Томас Фуллер: *Церковная история*, 1655. (Изд. Брюер, 6 томов, 1845).

Дж. Харрингтон: *Oceana*, 1656. (Работы Харрингтона, 1700, стр. 69, 388).

Sforza Pallavicino: *Istoria del Concilio di Trento*. 1656-7.

Annales ecclesiastici . . . auctore Reynaldo, ed. J. D. Mansi. Tomi 33-35. Lucae. 1755. (Одерик Рейнальдус, умерший в 1671 году, был продолжателем Барониуса, охватывая период церковной истории 1198-1565 гг.).

Jean Claude: *Defense de la Reformation*. . . . 1673. (Английский перевод: Историческая защита Реформации. 1683).

Гилберт Бернет: *История реформации Англиканской церкви*. 3 тома. 1679, 1681, 1715. (Под ред. Покока, 6 томов, 1865 год и далее).

Louis Maimbourg: *Histoire du Lutheranisme*. 1680.

Pierre Jurieu: *Histoire du Calvinisme et celle du Papisme mises en parallele*. 1683. (Английский перевод, 2 тома, 1823).

Veit Ludwig von Seckendorf: *Commentarius historicus et apologeticus de Lutheranismo*. 1688-92.

Jacques Benigne Bossuet: *Histoire des variations des eglises protestantes*. 1688. (Я использовал издания 1812 и 1841 годов).

Pierre Bayle: *Dictionnaire historique et critique*, 1697., s.v. "Luther," "Calvin," &c.

Gabriel Daniel: *Histoire de France*. 1703.

Джереми Кольер: *Церковная история*, 2 тома. 1708-14. (изд. Латбери, 9 томов. 1852).

Rapin Thoyras: *Histoire d'Angleterre*. 1723ff.

Johann Lorenz Mosheim: *Institutiones historiae christianae recentiores*. 1741.

Montesquieu: *Esprit des Lois*, 1748, Livre xxiv, chaps. 2, 5, 25; Livre xxv, chap. 2, 6, 11.

Фридрих II (называемый Великим) Прусский: *О суевериях и религии*. 1749. (Oeuvres, 1846, i, 204 ff).

Voltaire: *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII*. 1754. (Cf. also a passage in his Dictionnaire philosophique).

Дэвид Юм: *История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 года*. Тома о тюдоровском периоде вышли в свет в 1759 году.

Уильям Робертсон: *История Шотландии*. 1759.

Уильям Робертсон: *История правления императора Карла V*. 1769.

Эдвард Гиббон: *Упадок Римской империи*. 1776-88. (О Реформации, глава. liv, конец).

Энциклопедия, 1778, с. в. "Лютеранство". (Анонимная статья).

Johann Gottfried von Herder: *Das Weimarische Gesangbuch*, 1778, Vorrede.

Herder: *Briefe das Studium der Theologie betreffend*, 1784. (Saemtliche Werke, Teil 14).

Herder: *Briefe zur Befoerderung der Humanitaet*, 1793-7. (Samtliche Werke, Teil 14).

Michael Ignaz Schmidt: *Geschichte der Deutschen*. Aeltere Geschichte (to 1544), 1778 ff. Neuere Geschichte (1544-1660), 1785 ff.

Jakob Gottlieb Planck: *Geschichte des protestantischen Lehrbegriffs*, 6 vols. 1783-1800.

[М. Дж. А. Н. де Карита, маркиз] De Condorcet: *Esquisse d'un tableau historique des Progres de l'Esprit humain*. 1794. (Я пользуюсь четвертым изданием, 1798 г., стр. 200 и далее.)

F. A. de Chateaubriand: *Essai historique sur les Revolutions*, 1797. (Oeuvres, 1870).

Chateaubriand: *Analyse raisonnee de l'histoire de France*. (Oeuvres, 1865, Tome 8).

Friedrich von Hardenberg (called Novalis): *Die Christenheit oder Europa*, 1799 (Novalis' Schriften hg. von Minor, 1907, Band ii. Также

перевод на английский).

Иоганн Вольфганг фон Гете (1749-1832): *Собрание сочинений*, Jubilaeumsausgabe, без даты, Штутгарт и Берлин, i, 242 и ii, 279, и другие некрологи, для которых см. Превосходный указатель. Смотрите также Gespraech mit Eckermann, 1832, английский перевод в библиотеке Бона, стр. 568.

Friedrich Schiller: *Geschichte des Abfalles der Vereinigten Niederlande von der spanischen Regierung*. 1788. (2-е изд., сильно изменено, 1801; перевод в библиотеке Бона). Ср. Также письмо Шиллера к Гете, 17 сентября 1800 г., в "Кратком изложении Шиллера" Г. Г. фон Ф. Йонаса, 1895, vi, 200.

Кристоф Мартин Виланд (1733-1813). Его мнение, высказанное в 1801 году, приведено в *Дневнике Генри Крэбба Робинсона*, изд. Т. Сэдлера, 3 тома., 1869, i, 109, и в "Charakteristik Lulhers", в Pantheon der Deutschen, 1794.

Charles de Villers: *Essai sur l'esprit et l'influence de la Reforme de Luther*. 1803. (Английский перевод Джеймса Милля, 1805).

Уильям Роско: *Жизнь и понтификат Льва X*. 1805.

J. G. Fichte: *Reden an die deutsche Nation*, 1808. Nr. 6.

Mme. de Stael: *De l'Allemagne*. 1813.

E. M. Arndt: *Ansichten und Aussichten der deutschen Geschichte*. 1814.

Arndt: *Vom Worte und vom Kirchenliede*. 1819.

Arndt: *Christliches und Tuerkisches*. 1828, pp. 255 ff.

Arndt: *Vergleichende Voelkergeschichte*. 1814.

Friedrich von Schlegel: *Geschichte der alten und neuen Literatur*. 1815. (Saemtliche Werke, 1822, ii, 244 ff).

Schlegel: *Philosophie der Geschichte*. 1829. (Перевод на английский в Библиотеке Бона).

Joseph de Maistre: *De l'eglise gallicane*. 1820, глава 2. (Произведения, 1884, ii, 3 и далее).

De Maistre: *Lettres sur l'Inquisition espagnole*. 1815 год и далее. (Oeuvres ii).

Джон Лингард: *История Англии*, тома 4, 5. 1820 год и далее.

G. W. F. Hegel: *Philosophie der Geschichte*. Лекции, прочитанные впервые в 1822-3 годах, опубликованы как том. ix его "Верке" Э. Ганса, 1837. (Английский перевод Дж. Сибри, 1857, в библиотеке Бона).

Leopold von Ranke: *Geschichte der romanischen und germanischen Voelker von 1491-1535*. Группа i, (бис 1514). 1824. Appendix: Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber.

Ranke: *Die roemischen Paepste, ihre Kirche und ihr Staat im XVI. und XVII. Jahrhiindert.* 1834-6. (Множество изданий и переводов этого и других произведений Ранке).

Ranke: *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation.* 1839-47.

Ranke: *Zwoelf Buecher Preussischer Geschichte.* Band i und ii, 1874.

Ranke: *Die Osmannen und die Spanische Monarchie im 16. und 17. Jahrhundert.* 1877.

C. H. de Rouvroy, Comte de Saint-Simon: *Nouveau Christianisme, Oeuvres,* 1869, vii, 100 ff. (written 1825).

Генри Халлам: *Конституционная история Англии от восшествия на престол Генриха VII до смерти Георга II.* 1827.

Халлам: *Введение в литературу Европы 15, 16 и 17 веков.* 1837-9.

А. Тьерри: *Vingt-cinq letters sur l'histoire de France.* 1827.

Francois-Pierre-Guillaume Guizot: *Histoire de la civilisation en Europe.* 1828. (Английский перевод. Хэзлитта. 1846).

Guizot: *Histoire de la civilisation en France.* 4 тома. 1830.

Philipp Marheineke: *Geschichte der deutschen Reformation.* 4 тома. 1831-4.

Heinrich Leo: *Geschichte der Niederlanden.* 2 тома. 1832-5.

Leo: *Lehrbuch der Universalgeschichte,* 6 vols. 1835-44.

Friedrich von Raumer: *Geschichte Europas seit dem Ende des 15. Jahrhundert.* 1832-50.

А. Вине: *Моралисты 16 и 17 веков.* 1859 (Лекции, прочитанные в 1832-47).

H. Martin: *Histoire de France.* 1833-6.

Heinrich Heine: *Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland.* 1834.

Jules Michelet: *Memoires de Luther ecrits par lui-meme, traduits et mis en ordre.* 1835.

Michelet et Quinet: *Les Jesuites.* 1842.

Michelet: *Histoire de France,* vols. 8-10, 1855 год и далее

J. H. Merle d'Aubigne: *Histoire de la Reformation du 16. siecle*. 5 томов. 1835-53. (Английский перевод, 1846).

Томас Бабингтон Маколи: "Об истории римских пап" Рэнке, 1840, опубликовано в его Эссе, 1842. Есть также замечания о влиянии Реформации в его *Истории Англии*, 1848 год и далее.

John Carl Ludwig Gieseler: *Lehrbuch der Kirchengeschichte*. Band iii, Abteilung 1, 1840. (Множество более поздних изданий и перевод на английский).

Jaime Balmes: *El protestantismo comparado con el catolicismo en sus relaciones con la civilizacion Europea*. 4 тома. 1842-4. (Английский перевод как "Сравнение протестантизма и католицизма", 2-е изд. 1851).

Томас Карлайл: *Герои и поклонение героям*. 1842.

Philarete Chasle: "La Renaissance sensuelle: Luther, Rabelais, Skelton, Folengo," *Revue des deux Mondes*, March, 1842.

Edgar Quinet: *Le genie des religions*. 1842.

Кине: (см. Мишле).

Quinet: *Le Christianisme et la Revolution francaise*. 1845.

Johann Joseph Ignaz von Doellinger: *Die Reformation*. 3 тома. 1846-8.

Doellinger: *Luther, eine Skizze*. 1851.

Doellinger: *Kirche und Kirchen*. 1861, p. 386.

Doellinger: *Vortraege ueber die Wiedervereinigungsversuche zwischen den christlichen Kirchen und die Aussichten einer kuenftigen Union*. 1872.

F. C. Baur: *Lehrbuch der christlichen Dogmengeschichte*. 1847.

Baur: *Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung*. 1852.

Baur: *Geschichte der christlichen Kirche*, Band iv, 1863.

E. Forcade: "La Reforme et la Revolution," *Revue des Deux Mondes*, Feb. 1849.

Уильям Корбетт: *История протестантской "Реформации" в Англии и Ирландии, показывающая, как это событие привело к обнищанию и деградации основной массы людей в этих странах*. 1852.

Napoleon Roussel: *Les nations catholiques et les nations protestantes comparees sous le triple rapport du bien-etre, des lumieres et de la moralite*. 1854.

Уильям Х. Прескотт: *История правления Филиппа II, короля Испании*. 1855-72.

Джон Лотроп Мотли: *Расцвет Голландской республики*. 1855.

Мотли: *История Соединенных Нидерландов от смерти Вильгельма Молчаливого до Дортского синода*. 1860-7.

Мотли: *Жизнь и смерть Джона Барневельдта*. 1874.

Джеймс Энтони Фрауд: *История Англии от падения Вулси до смерти Елизаветы*. (Позже: К Испанской армаде). 1856-70.

Фруд: *Краткие исследования на великие темы*. 1867-83.

Фруд: *Развод Екатерины Арагонской*. 1891.

Фруд: *Жизнь и письма Эразма*. 1894.

Фруд: *Лекции о Тридентском соборе*. 1896.

Генри Томас Бакл: *История цивилизации в Англии*. 1857-61.

Paul de Lagarde: "Ueber das Verhaeltnis des deutschen Staates zu Theologie, Kirche und Religion." *Deutsche Schriften*, 1886, pp. 48 ff. (Написано в 1859 году, впервые напечатано в 1873 году).

David Friedrich Strauss: *Ulrich von Hutten*. 1858.

Gustav Freytag: *Bilder aus der deutschen Vergangenheit*. 1859-62.

Ferdinand Gregorovius: *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*. 1859-71.

Лорд Эктон: Множество очерков и статей, начиная примерно с 1860 года, в основном собраны в его "*Истории свободы и других очерках*", 1906, и "*Исторических очерках и исследованиях*", 1907.

Эктон: *Лекции по современной истории*. 1906. (Я использую издание 1912 года; лекции были прочитаны в 1899-1901 годах).

Эктон: *Письма Мэри Гладстон*, изд. Х. Пол, 1904.

Jacob Burckhart: *Die Cultur der Renaissance in Italien*. 1860.
(Английский перевод С. Г. К. Миддлмора, 1878). Двадцатое изд.
Л. Geiger, 1919.

У. Стаббс: *Лекции по европейской истории*. 1904. (Поставлен в 1860-70-е годы).

Francois Laurent: *Etudes sur l'histoire de l'humanite*. 18 томов. Т.1. viii: La Reforme. (No date, circa 1862). Vol. xvii: La Religion de l'avenir. 1870. Vol. xviii: Philosophie de l'histoire. 1870. (стр. 340 и далее).

Джон Уильям Дрейпер: *История интеллектуального развития Европы*. 1863.

Дрейпер: *История конфликта науки и религии*. 1874.

У. Э. Х. Леки: *История возникновения и влияния Духа рационализма в Европе*. 1865.

К. Р. W Maurenbrecher: *Karl V und die deutschen Protestanten*. 1865.

Maurenbrecher: *England im Reformationszeitalter*. 1866.

Maurenbrecher: *Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit*. 1874.

Maurenbrecher: *Geschichte der katholischen Reformation*. 1880.

Генри Чарльз Ли: *Суеверия и сила*. 1866.

Lea: *Исторический очерк жреческого безбрачия*. 1867.

Lea: *Главы из религиозной истории Испании, связанные с инквизицией*. 1890.

Lea: *История ушной исповеди и индульгенций в латинской церкви*. 1896.

Lea: *История инквизиции в Испании*. 1906-7.

Lea: "Канун Реформации", *Кембриджская современная история*, ii, 1902.

Ludwig Haeusser: *Geschichte des Zeitalters der Reformation*. 1867-8.

Фредерик Сибом: *Оксфордские реформаторы*, 1867.

Сибом: *Эпоха протестантской революции*. 1874.

Х. Х. Мильман: *Савонарола, Эразм и другие Эссе*. 1870.

Eichhoff: *Dr. Martin Luther: 100 Stimmen namhafter Maenner aus 4 Jahrhunderten*. 1872.

Джордж Парк Фишер: *Реформация*. 1873. (Новое изд. 1906).

Джон Ричард Грин: *Краткая история английского народа*. 1874.

Грин: *История английского народа*, 4 тома. 1877-80.

Джон Аддингтон Саймондс: *Возрождение в Италии*, 7 томов. 1875-86.

Саймондс: "Возрождение", статья в *Британской энциклопедии*, 9-е, 10-е, 11-е изд.

Johannes Janssen: *Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters*, 1876-88. (Двадцатое изд. томов 1, 2; восемнадцатое изд. томов 3-8, Л. Пастор, 1913 год и далее).

Emile de Laveleye: *Le protestantisme et le catholicisme dans leurs rapports avec la liberte et la prosperite des peuples*, 1875.

Ричард Уотсон Диксон: *История Англиканской церкви от отмены римской юрисдикции*, 6 томов. 1878-1902.

Friedrich Nietzsche: *Menschliches, Allzumenschliches*. 1878, p. 200.

Nietzsche: *Die froehliche Wissenschaft*. 1882, Sections 35, 148, 149, 385. (И другие некрологи, ср. Werke, vii, 401).

Pasquale Villari: *Niccolo Machiavelli e i suoi tempi*. 1878. (Английский перевод, 1891).

Ludwig (von) Pastor: *Die kirchliche Unionsbestrebungen unter Karl V*, 1879.

Pastor: *Geschichte der Paepste seit dem Ausgange des Mittelalters*, 7 vols. 1886-1920. (Английский перевод немецких томов. 1-5, составляя 12 томов, под ред. Антробуса и Керра).

Х. М. Бэрд: *Восстание гугенотов во Франции*. 1879.

Бэрд: *Гугеноты и Генрих Наваррский*. 1886.

Georg Christian Bernhard Puenjer: *Geschichte der christlichen Religionsphilosophie seit der Reformation*. 2 Баэнде. 1880-3. (Английский перевод первого тома под названием "История христианской философии религии от Реформации до Канта", У. Хасты. 1887).

Дж. Э. Торольд Роджерс: *История сельского хозяйства и цен в Англии*, том. iv, 1882, стр. 72 и далее.

Роджерс: *Экономическая интерпретация истории*, 1888, стр. 83 и далее.

K. W. Nitzsch: *Geschichte des deutschen Volkes bis zum Augsburger Religionsfriede*, hg. von Matthaei, 1883-5.

Heinrich von Treitschke: "Luther und die deutsche Nation," 1883. (Английский перевод в *Германии, Франции, России и исламе*, 1915, 227 и далее. Другую критику Реформации можно найти в других его работах, например, *Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert*, 1 Teil, [5] 1895, стр. 86, 391).

Чарльз Бирд: *Реформация Шестнадцатого века в ее отношении к современной мысли и знаниям*. 1883.

A. Stern: *Die Socialisten der Reformationszeit*. 1883.

Мэтью Арнольд: *Святой Павел и протестантизм*. 1883.

Adolf (von) Harnack: *Martin Luther in seiner Bedeutung fuer die Geschichte der Wissenschaft und der Bildung*. 1883 (Fifth ed. 1910).

Harnack: *M. Luther und die Grundlegung der Reformation*. 1917.

Harnack: *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, Band iii, 1890. (Четвертое издание, 1910, и английский перевод Нила Бьюкенена, 1897).

Harnack: *Das Wesen des Christentums*. 1900. (Английский перевод, *Что такое христианство?* 1901).

Harnack: "Die Bedeutung der Reformation innerhalb der allgemeinen Religionsgeschichte," *Reden und Aufsätze*, Band ii, Teil ii, 1904.

Harnack: "Die Reformation," *Internationale Monatsschrift*, xi, 1917.

М. Моннье: *Реформа, де Лютер и Шекспир*. (*Histoire de la litterature moderne*). 1885.

Лев Толстой: *Мысли и афоризмы*. 1886-93. Сочинения Толстого, английский, 1905, XIX, 137 стр.

Филипп Шафф: *История христианской церкви*. Том. VI, Немецкая реформация. 1888. Том. VII, Швейцарская реформация. 1892.

F. von Bezold: *Die Reformation*. 1890. (In Oncken's *Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen*).

F. von Bezold, E. Gotheim und R. Koser: *Staat und Gesellschaft der neueren Zeit*. 1908. (Die Kultur der Gegenwart, Teil ii, Abteilung V).

Уильям Каннингем: *Рост английской промышленности и торговли в ранние и средние века*. 1890. (Четвертое изд. 1905).

Каннингем: *Рост английской промышленности и торговли в новое время*. 1882. (3-е изд. 1903).

Каннингем: *Западная цивилизация в ее экономических аспектах в древние времена*. 1898.

Каннингем: *Западная цивилизация в ее экономических аспектах в наше время*. 1900. (У меня также есть преимущество в том, что я записал лекции доктора Каннингема в Колумбийском университете в ноябре 1914 года).

Rudolph Cristoph Eucken: *Die Lebensanschauungen der grossen Denker*. 1890. (7-е изд. 1907: английский перевод, *Проблема человеческой жизни*, У. Хью и Бойс Гибсон, 1909).

F. Simmel: *Soziale Differenzierung*. 1890.

Роберт Флинт: *История философии истории*. 1893.

К. Боржо: *Расцвет современной демократии в Старой и Новой Англии*. Перевод миссис Б. Хилл. Предисловие К. Х. Ферта. 1894. (Впервые опубликовано во французских периодических изданиях 1890-1890).

Герберт Л. Осгуд: "Политические идеи пуритан", *Political Science Quarterly*, vi, 1 и далее, 201 и далее, 1891.

Wilhelm Dilthey: "Auffassung und Analyse des Menschen im 15. und 16. Jahrhundert." *Archiv fuer die Geschichte der Philosophie*, iv, (1891) 604 ff., v, (1892), 337 ff.

Dilthey: "Die Glaubenslehre der Reformatoren," *Preussische Jahrbuecher*, lxxv, (1894), pp. 44 ff.

Dilthey: "Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation." *Gesammelte Schriften*, ii, 1914.

Э. А. Фримен: *Исторические очерки*, 4-я серия, 1892.

Karl Lamprecht: *Zum Verstandnis der wirtschaftlichen und sozialen Wandlungen in Deutschland vom. 14. bis zum 16. Jahrhundert*. 1893.

Lamprecht: *Deutsche Geschichte*, Band 5, 1894-5.

Отто Пфлайдерер: *Философия и развитие религии*. (Гиффордские лекции в Эдинбурге), 1894, том. ii, стр. 321 и далее.

Пфлайдерер: "Лютер как основатель протестантской цивилизации". В *Эволюции и теологии*, 1900, стр. 48-79. (Адрес указан в 1883 году).

Э. Белфорт Бакс: *Немецкое общество на закате средневековья*. 1894.

Бакс: *Крестьянская война в Германии*. 1899.

Бакс: *Взлет и падение анабаптистов*. 1903. (Большая часть трех работ Бакса была перепечатана в его книге *Немецкая культура в прошлом и настоящем*. 1915).

Брукс Адамс: *Закон цивилизации и упадка*. 1895.

Брукс Адамс: *Новая империя*. 1902.

Karl Kautsky: *Vorlaeufer des neuen Sozialismus*, Band i, "Der Kommunismus in der deutschen Reformation," 1895. (Коммунизм в Центральной Европе во времена Реформации, перевод. Дж. Л. и Э. Г. Малликен. 1897).

A. Berger: *Die Kulturaufgaben der Reformation*. 1895. ([2] 1908).

Berger: *M. Luther in kulturgeschichtlicher Darstellung*, 3 parts, 1895, 1907, 1919.

Berger: *Ursachen und Ziele der deutschen Reformation*. 1899.

Berger: *Sind Humanismus und Protestantismus gegensatzig?* 1899,

H. Hauser: "De l'humanisme et de la Reforme en France," *Revue Historique*, July-Aug. 1897.

Karl Sell: "Die wissenschaftliche Aufgaben einer Geschichte der christlichen Religion," *Preussische Jahrbuecher*, xcvi. (1899), 12 ff.

Sell: *Christentum und Weltgeschichte seit der Reformation*. 1910.

Sell: *Der Zusammenhang von Reformation und politischer Freiheit*. Abhandlungen in Theologischen Arbeiten aus dem rheinischen wissenschaftlichen Predigerverein. N. F. 12. 1910.

Джон Маккиннон Робертсон: *Краткая история свободомыслия*. 1899. ([3] 1915).

Робертсон: *Краткая история христианства*. 1901. ([2] 1913).

C. H. Pattem: *Развитие английской мысли*. Исследование экономической интерпретации истории. 1899. (Причудливо).

Ferdinand Brunetiere: "L'oeuvre litteraire de Calvin." *Revue des Deux Mondes*, Oct. 15, 1900.

Brunetiere: "L'oeuvre de Calvin." (1901). *Discours de Combat*, ii, 1908, pp. 121 ff.

Уиллистон Уокер: *Реформация*. 1900.

Уокер: *История христианской церкви*. 1918.

A. Loisy: *L'Evangile et l'Eglise*. 1901. (Answer to Harnack's *Wesen des Christentums*).

A. Ланг: *История Шотландии*, i, 1901, стр. 382.

A. Ф. Поллард: *Генрих VIII*. 1902.

A. Ф. Поллард: *Томас Кранмер*. 1904.

Поллард: *Политическая история Англии 1547-1603*. 1910.

Джеймс Гэрднер: *Английская церковь в шестнадцатом веке (1509-58)*. 1902.

Дж. Гэрднер: Главы из *Кембриджской современной истории*, ii, 1902.

Гайрднер: *Лолларди и Реформация*. 4 тома. 1908 год и далее

Манделл Крейтон: *История папства*, том 5, 1902.

Э. Армстронг: *Император Карл V*. 1902.

H. Lemonnier: *Histoire de France* (ed. par E. Lavissee), v, 1903-4.

Джеймс Харви Робинсон: "Исследование лютеранского восстания", *Американское историческое обозрение*, viii, 205. 1903.

Дж. Х. Робинсон: "Реформация", *Британская энциклопедия*, 1911.

Auguste Sabatier: *Les religions d'autorite et la religion de l'esprit*. 1903. ([4] 1910. Английский перевод 1904 года).

(Н. М.) Alfred Baudrillart: *L'Eglise catholique, la Renaissance, le Protestantisme*. 1904. (Перевод с английского выполнен миссис Филип Гиббс. 1908).

У. Х. Фрер: *Английская церковь в правление Елизаветы и Якова I*, 1904.

Х. А. Л. Фишер: *Политическая история Англии 1486-1547*. 1904.

Фишер: *Республиканская традиция в Европе*, 1911, стр. 34 и далее.

J. H. Mariejol: *Histoire de France* (ed. par E. Lavissee), Tome vi, 1904.

Э. П. Чейни: *Европейский фон американской истории*, 1904, с. 168.

O. Hegemann: *Luther in katholischem Urteil*. 1904.

Friedrich Heinrich Suso Denifle: *Luther and Luthertum in der ersten Entwicklung*, i, 1904; ii, hg. von A. M. Weiss, 1909.

Max Weber: "Die protestantische Ethik und der 'Geist' des Kapitalismus," *Archiv fuer Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, xx and xxi, 1905.

Джордж Сантаяна: *Разум в религии*, 1905, стр. 114-124.

Сантаяна: *Ветры учения*, 1913, стр. 39-46.

Сантаяна: *Эгоизм в немецкой философии*, 1917, стр. 1 и далее, 23.

P. Imbart de la Tour: *Les Origines de la Reforme*, 3 vols. 1905-13.

P. Imbart de la Tour: "Luther et l'Allemagne," in *Revue de metaphysique et morale*, 1918, p. 611.

Дэвид Дж. Хилл: *История дипломатии в международном развитии Европы*, том 2, 1906, стр. 422 f, 460.

А. В. Бенн: *История английского рационализма в восемнадцатом веке*, 1906, стр. 76 и далее.

Дж. Маккиннон: *История современной свободы*, Т. iii, Эпоха Реформации, 1906 год.

Т. М. Линдси: *История Реформации*. 2 тома. 1906-7.

H. Boehmer: *Luther im Lichte der neueren Forschung*. 1906. (2-е изд. 1909, 3-е изд. 1913, 5-е изд. 1918, каждое сильно изменено).

Ernst Troeltsch: *Bedeutung des Protestantismus fuer die Entstehung der modernen Welt*. 1906. (2d ed. 1911; English translation, "Protestantism and Progress." 1912).

Troeltsch: *Protestantisches Christentum und Kirche in der Neuzeit*, 1906. (Kultur der Gegenwart, I, Teil iv, 1). 2d ed. 1909.

Troeltsch: "Protestantismus und Kultur," in *Die Religion in Geschichte und Gegenwart*, 1912.

Troeltsch: *Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen*, 1912.

Troeltsch: "Renaissance und Reformation," *Historische Zeitschrift*, cx. 519 ff., 1913.

Troeltsch: "Die Kulturbedeutung des Calvinismus," *Internationale Wochenschrift*, iv, 1910.

Troeltsch: "Luther und der Protestantismus," *Neue Rundschau*, Oct. 1917.

T. Brieger: "Die Reformation." In *Weltgeschichte 1500-1648*, ed. Pflugk-Harttung, 1907. (Опубликовано отдельно, дополнено, 1909).

F. Loofs: *Luther's Stellung zum Mittelalter und zur Neuzeit*. 1907.

Horst Stephan: *Luther in den Wandlungen seiner Kirche*. 1907.

A. Kalthoff: *Das Zeitalter der Reformation*. 1907.

Otto Pfleiderer: *Die Entwicklung des Christentums*. 1907.

Joseph Fabre: *La pensee moderne, de Luther a Leibnitz*. 1908.

F. Lepp: *Schlagwoerter des Reformationszeitalters*. 1908.

Поль Сабатье: *Модернисты*, 1908 (Переведено, *Модернизм*, 1908, стр. 75 и далее).

Paul Sabatier: *L'Orientation religieuse de la France actuelle*, 1911. (Переведено, *Франция сегодня, ее религиозная ориентация*, 1913, стр. 49-51).

Джон Морли: *Сборники*, Четвертая серия, 1908, стр. 120 и далее.

R. Eckert: *Luther im Urteil bedeutender Maenner*. 1908. (2d ed., expanded, 1917).

E. Boutroux: *Science et religion dans la philosophie contemporaine*, 1908, p. 13.

L. Zscharnack: "Reformation und Humanismus im Urteil der deutschen Aufklaerung," *Protestantische Monatshefte*, 1908, xii, 81 ff, 153 ff.

F. Rachfahl: "Kalvinismus und Kapitalismus," *Internationale Wochenschrift*, iii, 1909.

E. Fueter: "Die Weltgeschichtliche Bedeutung des Calvinismus." *Wissen und Leben*, ii, 1909, pp. 269 ff.

E. Fueter: *Geschichte der neueren Historiographie*. 1911. (Французский перевод, 1916).

E. Fueter: *Geschichte des Europaeischen Staatensystems 1492-1559*. 1919.

W. Windelband: *Allgemeine Geschichte der Philosophie*, p. 395. (*Kultur der Gegenwart*, Teil I, Abt. 5, 1909).

Solamon Reinach: *Orpheus*, 1909.

Джейкоб Салвин Шапиро: *Социальная реформа и реформация*. 1909.

F. Katzer: *Luther und Kant*. 1910.

Emil Knodt: *Die Bedeutung Calvins und des Calvinismus fuer die protestantische Welt*. 1910.

Jaeger: "Germanisierung des Christentums," *Religion in Geschichte und Gegenwart*, 1910.

A. Dide: *J. J. Rousseau, le Protestantisme et la Revolution francaise*. (1910).

J. Rivain: *Politique, Morale, Religion; Sur l'Esprit protestant; Protestantisme et progres; l'Eglise et l'Etat*. 1910.

C. Burdach: "Sinn und Ursprung der Worte Renaissance und Reformation." Koenigliche-preussische Akademie der Wissenschaften, *Sitzungsberichte*, 1910, pp. 594-646.

W. Koehler: *Idee und Persoenlichkeit in der Kirchengeschichte*. 1910.

W. Koehler: "Luther," in *Morgenrot der Reformation*, hg. von Pflugk-Harttung, 1912.

W. Koehler: *Martin Luther und die deutsche Reformation*. 1916.

W. Koehler in *Religion in Geschichte und Gegenwart*, 1909. i, 2117 ff.

Koehler: "Erasmus," 1918. (*Klassiker der Religion*).

Koehler: *Dr. M. Luther, der deutsche Reformator*. 1917.

Х. Т. Эндрюс: "Социальные принципы и последствия Реформации."
В *"Христе и цивилизации"*, под ред. Дж. Б. Паттена, сэра П. В. Бантинга и
А. Э. Гарви, 1910.

Fernand Mouret: *Histoire generale de l'Eglise*. Tome 5. La
Renaissance et la Reforme. 1910. ([2] 1914).

A. Humbert: *Les Origines de la Theologie moderne*, 1911.

Hartmann Grisar: *Luther*. 3 тома. 1911-13.

Сохранившийся Смит: *Жизнь и письма Мартина Лютера*, 1911.
(Особенно предисловие ко второму изданию 1914 года).

Сохранившийся Смит: "Оправдание верой", *Harvard Theological
Review*, 1913.

Сохранившийся Смит: "Лютер", *Международная энциклопедия*, 1915.

Сохранившийся Смит: "Реформация 1517-1917". *Священная библиотека*,
январь 1918 г.

Сохранившийся Смит: "Английское мнение о Лютере", *Harvard Theological
Review*, 1917.

Хиллер Беллок: "Результаты Реформации". *Католический мир*,
январь 1912 года.

P. Wernle: *Renaissance und Reformation*. 1912.

Альфред Пламмер: *Континентальная реформация*. 1912.

Maxime Kowalewsky: *Die oekonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen
Wirtschaftsform*. Aus dem Russischen ueberstezt von A. Stein. Том vi, 1913, стр. 51 и далее.

Дж. Б. Бери: *История свободы мысли*. 1913.

Г. Л. Берр: "В средние века", *Американское историческое обозрение*, 1913.

Берр: "Свобода истории", *Американское историческое обозрение*, январь 1917г.

У. Дж. Эшли: *Экономическая организация Англии*, 1914, стр. 64 и далее.

A. Elkan: "Entstehung und Entwicklung des Begriffs 'Gegenreformation,'" *Historische Zeitschrift*, cxii, pp. 473-93, 1914.

Э. М. Халм: *Возрождение, протестантская революция и католическая реформация*. 1914. (Второе изд. 1915).

G. Wolf: *Quellenkunde der deutschen Reformationsgeschichte*, 2 vols. 1915, 1916.

А. Э. Харви: "Экономический эгоизм в немецком антиклерикализме 15-16 веков", *Американский богословский журнал*, 1915.

Харви: "Экономические аспекты реформации", *Лютеранский обзор*, 1 августа 1917 г., стр. 459-64.

Харви: "Мартин Лютер в оценке современных историков", *Американский журнал теологии*, июль 1918г.

У. П. Патерсон: "Религия", глава I. 9 из *немецкой культуры*, под ред. В. П. Патерсона, 1915.

Джон Дьюи: *Немецкая философия и политика*. 1915.

H. Cohen: *Deutschtum und Judentum*. 1915.

G. Kawerau: *Luther's Gedanken ueber den Krieg*. 1916.

Г. Моно: "Католическая реформа", *Историческое ревю*, cxxi, 1916, особенно стр. 314 ф.

Ф. С. Марвин: *Прогресс и история*, 1916. (Эссе разных авторов).

Шейлер Мэтьюз: *Духовная интерпретация истории*, 1916, особенно стр. 57 и далее.

Frank Puaux: "La Reformation jugée par Claude et Jurieu." *Bulletin de la Société de l'histoire du Protestantisme*, Juillet-Sept. 1917.

Л. Маршо: *Реформация: причины, природа и последствия*. 1917.

N. Weiss: "Pour le Quatrième Centenaire de la Réformation," *Bulletin de la Société de l'histoire du Protestantisme*, 1917, pp. 178 ff.

К. Д. Макмиллан: *Протестантизм в Германии*. 1917.

Georg von Below: *Die Ursachen der Reformation*, 1917.

Х. М. Ваткин: "Реформация", в *Энциклопедии религии и этики*, 1917.

Альфред Фокс: "Папство", *там же*.

Max Lenz: "Luthers weltgeschichtliche Stellung," *Preussische Jahrbuecher*, clxx, 1917.

Чалфант Робинсон: "Некоторые экономические аспекты доктрин протестантской реформации" . "Принстонское богословское обозрение", октябрь 1917г.

Артур Кушман Макгифферт: "Лютер и незавершенная Реформация." Обращение, произнесенное в Юнион-семинарии 31 октября 1917 г., опубликовано в "*Юнион Вестнике семинарии*" за 1918 год.

Revue de Metaphysique et Morale, Sept.-Dec., 1918. Специальный номер о Реформации с важными статьями К. А. Бернулли, Имбарта де ла Тура, Н. Вайса, Ф. Бюиссона, Ф. Уотсона, Фредерика Палмера, Э. Думерга и других.

У. К. Бойд: "Политические и социальные аспекты послания Лютера", *South Atlantic Quarterly*, январь 1918г.

H. Scholz: "Die Reformation und der deutsche Geist." *Preussische Jahrbuecher*, clxx, 1, 1918.

F. Heiler: *Luther's Religionsgeschichtliche Bedeutung*. 1918.

Ф. Т. Теггарт: *Процессы истории*, 1918, стр. 162 и далее.

Люси Х. Хамфри: "Французские оценки Лютера", *Lutheran Quarterly*, апрель 1918 г. (Интересное исследование).

Ж. Пакье: *Лютер и Алемань*. 1918.

Уилбур Кросс Эбботт: *Расширение Европы 1415-1789*. 2 тома. 1918.

Х. Э. Барнс: "История", *Американская энциклопедия*, 1919.

Джордж Фут Мур: *История религий: иудаизм, христианство, магометанство*. 1919.

П. Хьюм Браун: *Обзоры истории Шотландии*. 1919. (Эссе, собранные посмертно).

J. Haller: *Die Ursachen der Reformation*. 1919.

F. Arnold: *Die deutsche Reformation in ihren Beziehungen zu den Kulturverhaeltnissen des Mittelalters*. 1919.

Д. Х. Бауслин: *Лютеранское движение Шестнадцатого века*. 1919.